This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

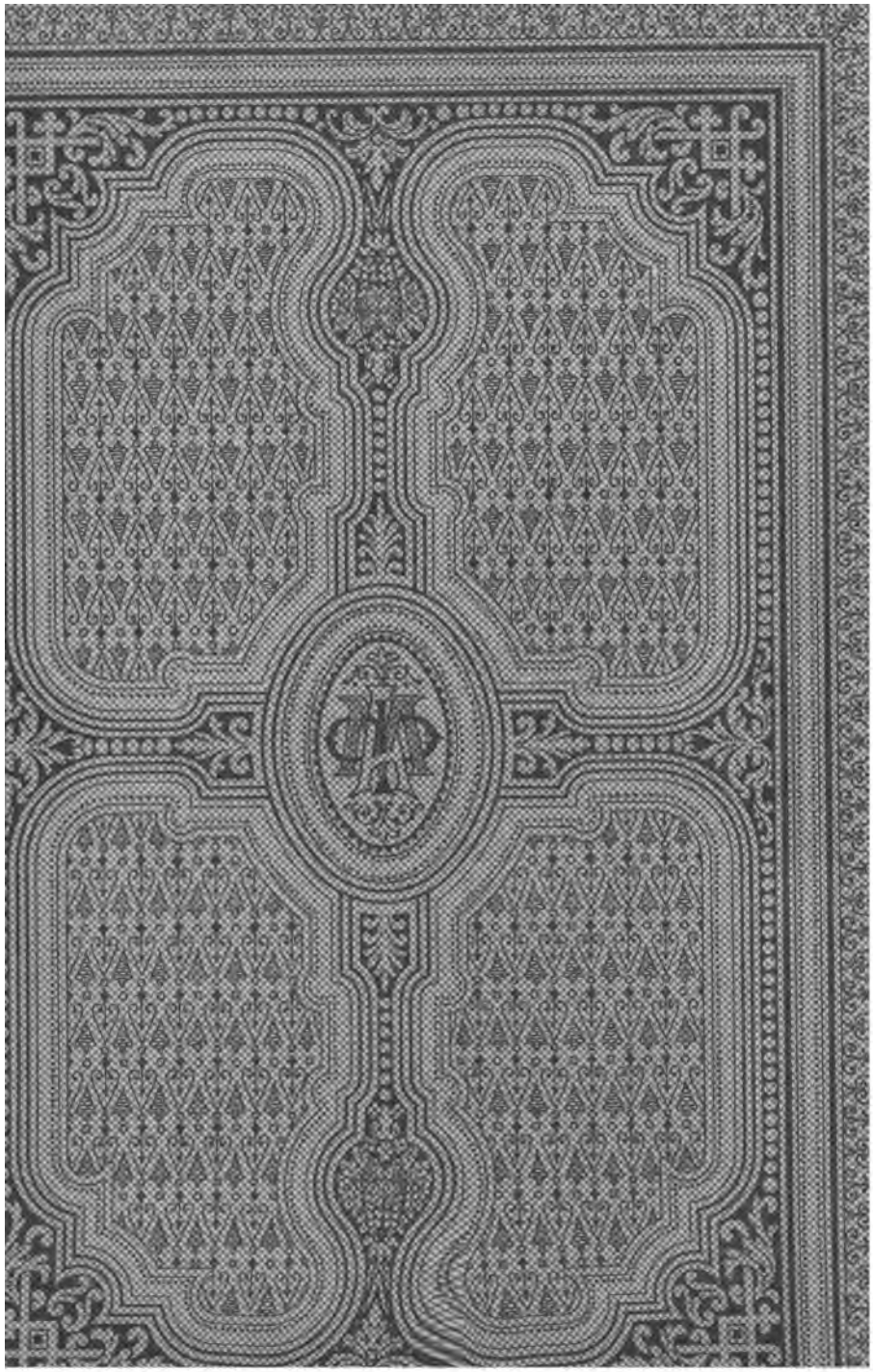
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

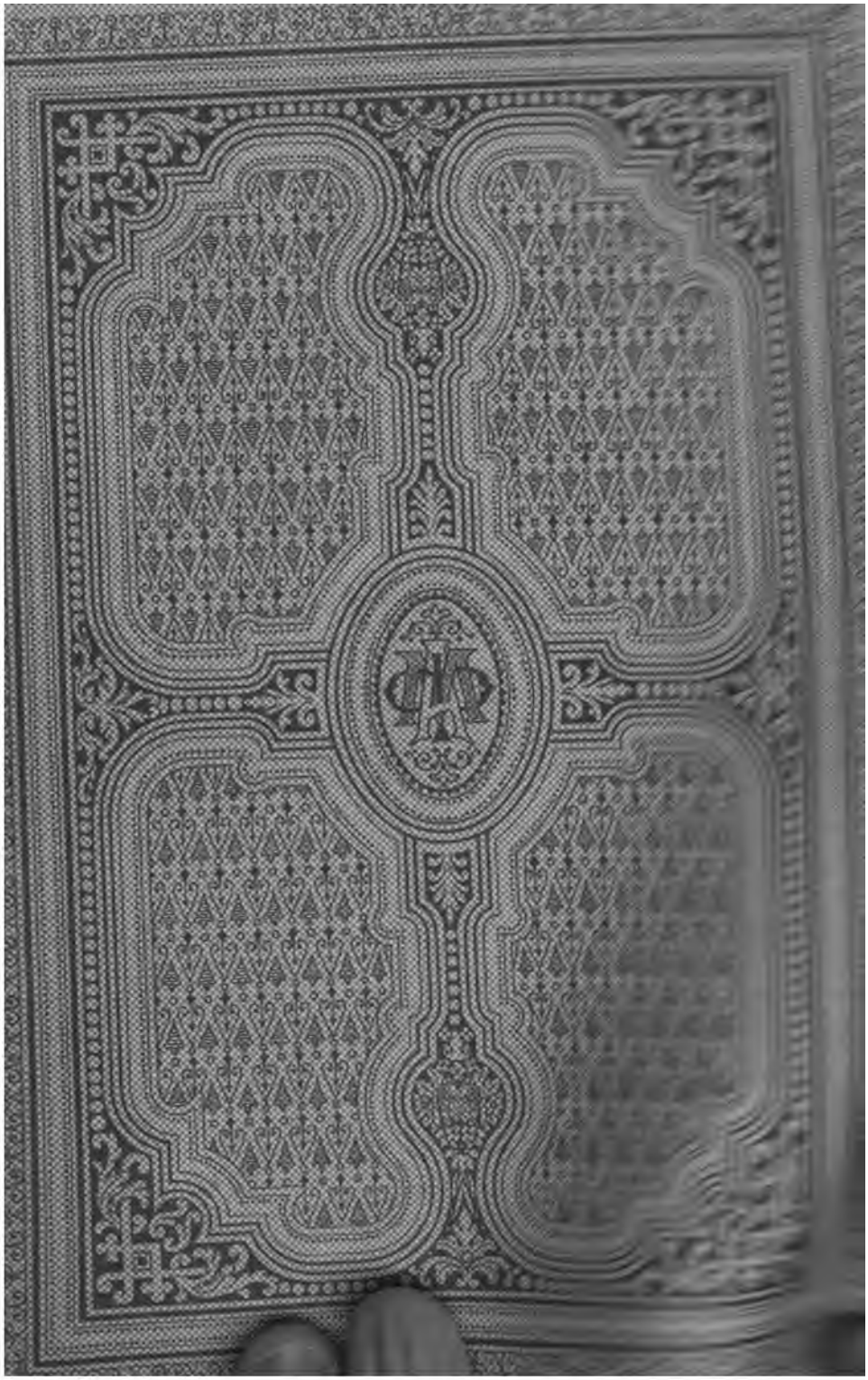
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Сочиненія
Н. Языкова





ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ. 12

Грав у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Рабочій кабинетъ Н. С. Лѣскова.

Дозволено цензурою въ СПБ.

Печ въ Артист зав А Ф Маркса въ СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго, съ приложеніемъ пяти портретовъ Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Зимній день.—Разсказы кстати: 1) Дама и Фефела. 2) Загонъ.— Продуктъ природы.— Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. — Вдохновенные бродяги.— Некрещеный попъ. — Владычный судъ. — Язвительный. — Домашняя челядь.—Сошествіе во адъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Типографія А. Ф. МАРКОА, Средняя Подъяческая, № 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЗИМНІЙ ДЕНЬ.

(ПЕЙЗАЖЪ И ЖАНРЪ).

«Днемъ они срѣтаютъ тьму и въ полдень ходятъ ощупью, какъ ночью».
Іов. V, 14.

«У Спаса бьютъ, у Николы звонятъ, у стараго Егорья часы говорятъ». *В. Даль* (присловіе).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Зимній, сѣверный день съ небольшою оттепелью. Два часа. Разсвѣтъ не успѣлъ оглядѣться и опять смеркается.

Въ гостиной второй руки сидятъ за столомъ хозяйка и гостья. Хозяйка стара, и видъ ея можно бы назвать почтеннымъ, если бы на лицѣ ея не отпечатлѣлось слишкомъ много заботливости и искательности. Она зрѣла когда-то лучшіе дни и еще не потеряла надежды ихъ возвратить, но она не знаетъ, что для этого надо сдѣлать. Чтобы ничего не упустить, она готова быть всѣмъ на свѣтѣ: это «сосудъ», сформованный «въ честь» и служащій нынѣ «сосудомъ въ поношеніе». Гостья, которую застаемъ у этой хозяйки, тоже не молода. Во всякомъ случаѣ, она уже дожила до тѣхъ лѣтъ, когда можно отказаться отъ игры и чувства, но она, кажется, отъ этого еще не отказалась. Эта женщина, безъ сомнѣнія, была замѣчательно

хороша собою, но теперь, когда она отцвѣла, отъ прежнихъ красотъ остались только «боресты»; фигура ея, однако, еще гибка и черты лица сохраняютъ правильность, а въ выраженіи преобладаетъ замѣчательная смѣшанность: то она смотритъ тихою ланью, то вдругъ эта лань взметнется брыкливою козой.

Безкорыстно увлекаться этою дамой уже нельзя, но, быть-можетъ, что-нибудь въ этомъ родѣ еще возможно, если она поставитъ вопросъ иначе. Въ своей манерѣ держаться по отношенію къ солидной хозяйкѣ гостья оттѣняетъ что-то особенно теплое и почтительное, даже какъ бы дочернее, но эти дамы вовсе не родственницы. Ихъ соединяетъ дружба, основанная не на одномъ согласіи ихъ вкусовъ, но и на единствѣ цѣлей: ихъ объединяетъ «métier».

Теперь онѣ пьютъ чай, который поданъ на гарáховскомъ сервизѣ, покрытомъ вязанымъ одѣяльцемъ, и гостья сообщаетъ хозяйкѣ о томъ, чтó случилось замѣчательнаго, и о томъ, чтò «говорятъ». Говорятъ о соперничествѣ двухъ какихъ-то чудотворцевъ, а случилось нѣчто еще болѣе интересное и достойное вниманія: вчера совершенно неожиданно пріѣхала изъ-за границы кузина Олимпія. Это извѣстная особа, она съ давнихъ поръ посвятила себя «вопросамъ» и постоянно живетъ въ чужихъ краяхъ; но когда она пріѣзжаетъ сюда, она привозитъ съ собою кучу новостей и «дѣлаетъ оживленіе». Ея жизнь есть нѣчто удивительное: она не богата. О, совсѣмъ не богата! Она даже не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ, но при всемъ томъ она ни у кого не занимаетъ и не жалуется на свое положеніе, а еще приноситъ своей странѣ очень много пользы.

Такихъ дамъ теперь, слава Богу, есть нѣсколько, но Олимпія занимаетъ между ними самое видное мѣсто. У нея большое и прекрасное родство. Она родственница и тѣмъ двумъ дамамъ, которыя здѣсь о ней разговариваютъ. Во всѣхъ глазахъ Олимпія — величина очень большая, и всѣ

ей вѣрятъ, несмотря на предостереженіе, которое Диккенсъ дѣлалъ противъ всѣхъ лицъ, живущихъ неизвѣстными средствами.

Домой, на родину, Олимпія навертывается всегда внезапно и на короткое время: пріѣдетъ, броситъ взглядъ, съ однимъ, съ другимъ повидается, «освѣжитъ рессурсы» и уѣдетъ снова. Многіе говорятъ, что она очень талантлива, но, что еще важнѣе всего, она совершенно необходима.

Хозяйка на нее немножко недовольна и обращаетъ вниманіе на то, какъ дуетъ въ окна. Кромѣ того, она сообщаетъ, что Викторъ Густавычъ сожалѣетъ еще, что Олимпія не хочетъ «ладить». Иначе она непремѣнно стала бы очень необходима.

— Впрочемъ, это нимало не мѣшаетъ Олимпіи отлично себя держать,—заключаетъ хозяйка,—такъ какъ Викторъ Густавычъ самъ ни въ чемъ не увѣренъ. Это не мало значитъ.

Гостья глядитъ глазами лани и этимъ взглядомъ отвѣчаетъ, что она согласна, при чемъ дѣлаетъ маленькое движеніе брыкливой козы и взглядываетъ на шез-лонгъ, помѣщающійся передъ каминомъ между трельяжемъ и экраномъ.

Въ сторонѣ отъ дамъ, въ очень глубокомъ креслѣ, за трельяжемъ, полулежитъ, скрестивъ на груди руки и закрывъ глаза, миловидная дѣвушка лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ. Она, повидимому, совсѣмъ не интересуется тѣмъ, о чемъ говорятъ дамы: она устала и отдыхаетъ, а можетъ-быть она даже спитъ. Эта дѣвушка — племянница хозяйки; родные называютъ ее просто Лидія, а чужіе — Лидія Павловна. Она не любима въ своей семьѣ. потому что ведетъ себя не такъ, какъ хочется матери и братьямъ. Братья ея — блестящіе офицеры, и одинъ изъ нихъ уже дрался на дуэли. Лидія не въ фаворѣ тоже и у тетки, которую она зашла теперь навѣстить въ кои-то вѣки, но и то не скрыла, что чувствуетъ себя здѣсь не на своемъ мѣстѣ.

Хозяйка посмотрѣла на Лидію и сказала:

— Она спитъ. Впрочемъ,—добавила она,—если бъ она и не спала, это ей все равно: она нимало не интересуется обществомъ. Что̀ не касается ихъ курсовъ, того ей и не надо. Но Олимпія, въ которой я не отрицаю ея ума и связей, все-таки, очень шлепнулась съ тѣхъ поръ, какъ она въ свой прошлый пріѣздъ хотѣла развести исторію съ этими высѣченными болгарами. Помните, какая тогда съ этимъ было вышла чепуха. Они тогда прознали, что она ѣдетъ, и сами наѣхали сюда въ большомъ множествѣ, и всѣ разсказывали, что у нихъ будто бы уже всѣхъ сѣкутъ, и что ихъ самихъ будто тоже всѣхъ высѣкли. Олимпія хотѣла этимъ воспользоваться, но увлеклась, и когда съ ней спорили, что они хвастаются, то она увѣряла, что ихъ будто здѣсь осматривали въ какой-то редакціи, и потомъ, чтобы поднять ихъ значеніе, она хотѣла нарочно открыть съ ними балъ; но тогда стали говорить, что иностранки, пожалуй, не пойдутъ, потому что, знаете, съ сѣчеными вѣдь нѣкоторые не танцуютъ.

— Я помню это. И, какъ хотите, танцовать съ сѣчеными... Это... это очень необыкновенно!

— Ну, да!—продолжала хозяйка,—а послѣ кто-то провѣдалъ, что это даже и затѣвать не надобно, потому что эти господа будто сами себя здѣсь сѣкутъ въ какомъ-то переулкѣ, для того, чтобы имъ удобнѣе было привлечь вниманіе... Говорили, что Олимпія будто это и знала... Это Богъ вѣсть что такое!.. А потомъ опять оказалось, будто и это неправда, потому что въ переулкѣ ихъ хоть и сѣкли, но совсѣмъ не для этого, а ихъ такъ лѣчилъ какой-то ихъ компатріотъ въ родѣ массажа... Богъ ужъ ихъ знаетъ, какъ и разобрать, что̀ правда и что̀ неправда.

— Да, это вышла какая-то путаница, въ которой нельзя было ничего разобрать, кромѣ того, что ихъ сѣкли тамъ и сѣкли здѣсь.

— Вотъ именно—разгордьяжъ! И это повело къ большой потерѣ, потому что братъ Лука разсердился и не только

пересталъ давать денегъ на славянство, а даже не захотѣлъ и слушать. Онъ, вѣдь, знаете, какъ оселъ упрямъ, и прямо сказалъ: «Все обманъ!»—и не велѣлъ пускать къ себѣ не только славянъ, а и самоё Олимпію, и послалъ ей въ насмѣшку перо.

— Какое перо?

— Не знаю какое, — говорили, будто сорочье перо, въ шапочку.

— Да развѣ?

— Конечно! Вотъ, дескать, тебѣ, сорока, летай, и теперь никого не принимаетъ.

— На какомъ это основаніи Лука Семенычъ такъ дорого цѣнитъ свои пріемы?

— Богатъ и ни у кого ничего не ищетъ, — вотъ и можетъ не принимать кого не хочетъ видѣть.

— Но вѣдь у него никакого другого вліянія и нѣтъ?

— Никакого. Но всѣ боятся, что онъ ихъ не приметъ.

Гостья понизила тонъ и спросила:

— Вы у него этой зимой были?

Хозяйка сдѣлала отрицательный знакъ и проговорила:

— Онъ слишкомъ колокъ.

— И Аркадій тоже, кажется, у него не бываетъ?

— Ни Аркадій, ни Валерій: онъ моихъ обоихъ сыновей ненавидитъ.

— Сварливый старикъ! Кого же онъ, однако, теперь принимаетъ?

— Изъ всѣхъ родныхъ къ нему теперь вхожи только двое: братъ Захаръ и вотъ она—Лида.

Гостья кивнула головой на трельяжъ и улыбнулась.

— Что онъ принимаетъ Лидію Павловну—это я понимаю. Не принимать людей съ вѣсомъ и значеніемъ и ласкать племянницу-фельдшерицу, которая идетъ наперекоръ общественнымъ традиціямъ,—это въ его вкусѣ. Такъ Лука Семенычъ манкируетъ тѣмъ, кто желалъ бы быть у него принятъ. Но почему изъ всѣхъ родныхъ второе исключеніе

предоставлено Захару Семенычу? Нашъ милый генералъ такой же, какъ и всѣ мы, бѣдный грѣшникъ.

— Старикъ Захарушку щадитъ: «онъ,—говоритъ,—нашъ братъ Захаръ, наказанъ въ сытость за якшательство съ дурными людьми. Пусть Богъ проститъ, что онъ себѣ устроилъ»

— Ахъ, вотъ что!

Дѣвушка за трельяжемъ пошевелилась. Дамы это замѣтили, и гостья, улыбнувшись, промолвила тихо:

— Неужели она опять уснетъ?

— Навѣрное, — отвѣчала хозяйка. — Она такъ повсемѣстно: придетъ, поспитъ и побѣжитъ въ свою вонючку «совершать свое дѣло—потрошить чье-то мертвое тѣло». Но, однако, надо сказать, что Бертенсонъ ихъ отлично держитъ въ рукахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онѣ его огорчили.

— Но вѣдь и онъ ихъ потомъ проучилъ...

— Это правда, но онѣ все-таки отъ него много терпятъ.

— Но отчего же Лидіи Павловнѣ дома не спать?

— Хаосъ въ семьѣ, всѣ другъ другу не нравятся; ей непріятно слышать, что̀ говорятъ ея братья о гиппическихъ конкурсахъ и дуэляхъ, а тѣмъ непріятно что она потрошить мертвое тѣло, да и матери непріятно слышать, чѣмъ она занята,—вотъ и идетъ весь домъ—кто въ лѣсъ, кто по дрова... Но зато братъ Лука ее очень ласкаетъ и даже посылаетъ ей цвѣты въ вонючку.

Гостья кивнула на спящую и тихо спросила:

— Она вѣдь скоро кончитъ и будетъ фельдшеричка?

— Да.

— Мнѣ помнится, она еще давно какъ будто бы училась перевязкамъ?

— Ахъ, ея ученьямъ нѣсть конца: и гимназіи, и педагогіи, и высшіе курсы,—все пройдено, и серги изъ ушей вынуты, и корсетъ снятъ, и ходитъ дѣвица во всей простотѣ.

— По-толстовски?

— Мм... Ну, къ Толстому, знаете... молодежь къ нему теперь уже совсѣмъ охладѣваетъ. Я говорила всегда, что

это такъ и будетъ, и нечего бояться: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

Гостья улыбнулась и замѣтила:

— Это правда: онъ надоѣлъ своею моралью; но вѣдь было время, что вы не держались этой пословицы, а раньше и сами къ нему были пристрастны.

— Я? Да, я перемѣнилась, и я этого и не скрываю. Я всегда очень любила чтеніе и тогда во всѣхъ отношеніяхъ была за Толстого. Его Наташа, напримѣръ! Да развѣ это не прелесть? Это былъ мой идолъ и мое божество! И это такъ увлекательно, что я не замѣтила, гдѣ тамъ излитъ этотъ весь его крайній реализмъ,—про эти пеленки съ дѣтскими пятнами. Что же такое? Дѣти мараются. Безъ этого имъ нельзя, и это не производило на меня ничего отвратительнаго, какъ на прочихъ. Или вспомните потомъ, какъ у него описанъ этотъ Александръ Первый.

— Какъ же! Онъ одѣвается?

— Да. Помните, какъ онъ пристегиваетъ помочи?

— Ахъ, это божественно!

— Да; но развѣ тамъ только однѣ помочи? Вѣдь онъ передъ вами тутъ же весь, какъ живой!.. Я его вижу, я его чувствую!...

— Тоже очень хорошъ и Наполеонъ съ его темными глазами.

— У Наполеона были сѣрые глаза.

— Но они давали такое впечатлѣніе...

— Объ этомъ не спорю; въ этомъ во всемъ Толстой несравненъ. Тутъ нѣтъ и спора; но когда онъ заумничался, бросилъ свое дѣло и сталъ писать глупости, въ родѣ того, чтобы запрещать людямъ ѣсть мясо и чтобы никто не женился, а дѣвушки чтобы зашивались по шею и не выходили замужъ, то я сразу же прямо сказала: «это вздоръ!» Тогда лучше всѣхъ свесть къ скопцамъ и конецъ; но я, какъ православная, я не хочу быть на его сторонѣ.

Тутъ гостья тихо замѣтила, что Толстой *собственно* ни-

когда никому не *запрещалъ* ѣсть мясо и, кажется, говорилъ, что инымъ даже надо жениться.

— Да, я знаю, что *собственно* онъ еще ничего не запрещалъ, но, *однако*, для чего онъ объ этомъ писалъ такъ сильно-державно?

— Да, онъ, конечно, писалъ очень смѣло, но собственно онъ, слава Богу, у насъ еще даже не имѣетъ и права ничего запретить.

— Конечно, слава Богу! Но для чего онъ все это одно только и твердитъ? Вотъ это зачѣмъ? Онъ убѣждаетъ, что безъ вѣры нельзя служить, и все это очень мило, но вдругъ сорвется и опять начинаетъ писать глупости: напримѣръ, зачѣмъ мыло? Ну, скажите на милость: онъ не знаетъ, зачѣмъ мыло! Позвольте, но какъ же безъ мыла: какъ мыть руки, голову и, наконецъ, бѣлье? Въ золѣ его, что ли, золить? Но, однако, я бы ему еще и это простила за его прежнее. По совѣсти говоря, всѣ мужчины глупы, когда берутся не за свое дѣло; но мало ли что̀ говорится! Не всякое же лыко въ строку: вольному воля, а спаси насъ рай. То же и о мясѣ. Кто любитъ рыбное или мучное, пусть и не ѣстъ мяса. Какая форма правленія ни будь, а къ этому нигдѣ и никто никого не принуждаетъ... Сдѣлайте милость! Еще, можетъ-быть, отъ этого для насъ филейная вырѣзка дешевле будетъ. Не правда ли?

— Конечно.

— Ну, то-то и есть! Все равно и тѣ, кто не хочетъ жениться или которыя не хотятъ замужъ выходить, — они пусть такъ и остаются, какъ имъ угодно. Вѣдь о нихъ и въ Евангеліи сказано: «суть скопцы...» Понимаете, это безумцы!

Гостья сдѣлала согласный знакъ головой.

— У моихъ сыновей, когда они были мальчики, — продолжала хозяйка, — былъ репетиторъ изъ академистовъ, очень честолюбивый, но смѣшной, и все собирался въ монахи, а когда мы ему говорили: «Вы, monsieur, лучше же-

нитесь!»—такъ онъ на это прямо отвѣчалъ: «Не вижу надобности».

Дама слегка полуоборотилась къ трельяжу и сказала:

— Лидія, ты проснулась, или спишь еще?

— Да, ma tante,—отвѣтилъ полусонный контральто.

— То-есть, что̀ же это значитъ: ты выспалась, или ты еще спишь?

— Вы, ma tante, вѣроятно, хотите говорить о чемъ-нибудь, чего я не должна понимать, и хотите, чтобъ я вышла?

— Я хотѣла бы, чтобы ты вышла, но только не изъ комнаты, а вышла бы, наконецъ, замужъ.

— А я тоже спрошу васъ, какъ вашъ семинаристъ: «для какой надобности?»

— А вотъ хотя бы для той надобности, чтобы при тебѣ можно было обо всемъ говорить, не стѣсняясь твоимъ присутствіемъ.

— Да мнѣ кажется, вы и такъ не стѣсняетесь.

— Ну, нѣтъ!

— Значитъ, я еще мало знаю; но считайте, что я замужемъ, и знаю все, что̀ вамъ извѣстно.

— Послушайте, пожалуйста, что̀ она говоритъ на себя! Но я вамъ что-то хотѣла сказать... Ахъ, да!.. Вы вѣдь, навѣрное, слышали, что всѣ разсказывали о томъ, какъ къ графу пріѣхалъ будто одинъ родной, какой-то гусаръ, въ своей формѣ, все въ обтяжку, а онъ будто взялъ и подвязалъ ему нянькинъ фартукъ, а иначе онъ не хотѣлъ его пустить въ салонъ.

— Да, объ этомъ говорили... и, говорятъ, это правда.

— Ну, да! И если хотите, по-моему, гусарская форма, въ самомъ дѣлѣ... не совсѣмъ скромно.

— Да, но очень красиво!

— Красиво—да. Но и этотъ фартукъ, вѣдь это тоже дерзость! Гусаръ—и въ фартукѣ! Но вотъ чего ему еще больше нельзя простить,—это его несносная проницательность. Отъ нея общественный вредъ.

— Вотъ, вотъ! Конечно, вредъ обществу нельзя позволить. Я слушаю, въ чемъ вы видите это дѣло?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— А дѣло въ томъ, что по какому праву господинъ графъ портитъ нашу прислугу? Если онъ себя пріучилъ, чтобы все за собою прибирать, то это для него и преудобно; но мы къ этому пока еще вѣдь не стремимся. Не такъ ли?

— Конечно.

— Такъ для чего же онъ навязываетъ намъ невозможную жизнь панибратства съ прислугою, которая и груба, и порочна?

— Это глупо.

— Конечно, глупо. Я внушила Аркадію, чтобъ онъ сдѣлалъ это въ смѣшные стихи и прочиталъ. Вы знаете, его талантъ въ свѣтѣ вѣдь очень многимъ нравится.

— Да, это всѣ говорятъ, и онъ такой искательный... О, онъ пойдетъ!

— Можетъ-быть, и даже вѣроятно; но о будущемъ нельзя такъ судить: будущее, какъ говорятъ, «въ рукахъ всемогущаго Бога». Только, конечно, ему въ его успѣхѣ очень много помогаетъ его симпатичный талантъ. Второй мой сынъ, Валерій, совсѣмъ иной: это практикъ!

— О, разумѣется!—отвѣчала, немного смутившись, гостья и торопливо повернула вопросъ въ другую сторону. — Въ чемъ же именно Толстой портитъ съ прислугою? — спросила она.

— Извольте!—отвѣчала хозяйка.—Мы будемъ говорить о прислугѣ, какъ настоящія чиновницы; но это не пустой вопросъ: о прислугѣ говоритъ Шопенгауэръ. Прислуга можетъ васъ успокоить и можетъ разстроить. Я вамъ не буду приводить всѣхъ толстовскихъ рацей о прислугѣ, а прямо дамъ вамъ готовую иллюстрацію, какъ это отражается. У меня вышло разстройство съ моею камерист-

кой... Лидія мѣшаетъ вамъ *все* разсказать, но я не могу утерпѣть и кое-что разскажу.

— Пожалуйста, ma tante, говорите все, что хотите!— отозвалась дѣвушка.—Я сейчасъ вотъ досплю послѣдній кусочекъ и уйду.

— Коротко скажу,—продолжала хозяйка,—пришлось передъ праздникомъ негодницу выгнать. Ну, а передъ праздниками, вы знаете, каковъ нашъ народъ и какъ трудно найти хорошую смѣну. Всѣ жадны, всѣ ждутъ подарковъ, а любви къ господамъ у нихъ никакой. На русскій народъ очень хорошо смотрѣть издали, особенно, когда онъ молится и вѣритъ. Вотъ, напримѣръ, у Рѣпина, въ *Крестномъ ходѣ*, гдѣ, помните, изображено, какъ собрались всѣ эти сословные старосты...

— Да, или акварель Петра Соколова...

— Да, но тутъ немножко много синей краски.

— Это правда: онъ переложилъ.

— Наши художники вообще не знаютъ мѣры.

— Да, но вѣдь все дѣло въ впечатлѣніи... А у меня,—вы знаете ее,—есть одна знакомая: мы всѣ зовемъ ее «апостолица». Навѣрное, знаете!

— Конечно, знаю: вы говорите о Marie?

— О ней. Теперь есть нѣсколько подобныхъ ей печальницъ, но эту я съ другими не сравню. Эта на другихъ не похожа, и, притомъ, она уже относится къ доисторическимъ временамъ, когда еще всѣ мы говорили по-французски и не было въ модѣ ни Засѣцкой, ни Пейкеръ, и даже еще самъ Редстокъ не пріѣзжалъ... Ухъ, какая старина! Василій Пашковъ былъ еще въ военномъ, а Модестъ Корфъ обѣими руками крестился и при всѣхъ въ соборѣ молебны служилъ въ камергерскомъ мундирѣ. А что до Алексѣя Павловича Бобринскаго, такъ онъ тогда былъ еще совсѣмъ воинъ галицкій и такъ кричалъ, что окна въ министерствѣ дрожали. Сережа Кушелевъ даже очень мило нарисовалъ все это въ каррикатурѣ и возилъ всѣмъ показывать, и всѣ очень смѣялись.

— Я все это помню.

— Да, это вѣдь несправедливость, что будто Толстой завелъ моду ходить пѣшкомъ и трудиться: Marie это раньше всѣхъ, первая стала дѣлать. Она и полы сама мыла, и выносила все за больными до гадости. Даже она нѣсколько разъ ходила съ Николаемъ Андреевичемъ въ портерныя, хотѣла спасать тамъ какихъ-то несчастныхъ дѣвчонокъ, которыя ихъ же и просмѣяли... Конечно, нельзя же ихъ всѣхъ спасать—это глупость: онѣ необходимы; но все-таки со стороны Marie было доброе желаніе... а какъ въ полиціи тогда былъ Анненковъ, то онъ все уладилъ и скандала не вышло.

— Я помню: это смѣшно разсказывали.

— О, это было преинтересно, но все равно Marie и теперь такая же осталась: «Мать Софья и о всѣхъ сохнетъ». Она ни Редстока не ревновала къ Богу, ни Пашкова, и Толстого теперь не ревнуетъ: ей какъ будто они всѣ сродни, а о самой о ней иначе нельзя сказать, какъ то, что хотя она и сектантка, и заблудшая овца, а все-таки въ ней очень много доброты и жалости къ людямъ. Это лучше всей ея вѣры.

— Ахъ, кажется, это такъ!

— Конечно, что же ихъ вѣра? Вѣдь очень многія эти дѣвочки совершенно жалки: мужчины ихъ сманятъ съ собой и бросятъ... Помните, какъ это сдѣлалъ Бертонъ? Увезъ, бросилъ и живи какъ хочешь; а Marie проводитъ всю жизнь въ заботахъ о комъ-нибудь. Если хотите найти сердечнаго человѣка, идите къ ней: у нея всегда есть запасъ людей «униженныхъ и оскорбленныхъ». Я къ ней и обратилась съ просьбой порекомендовать мнѣ скромную и правдивую дѣвушку, чтобы не было въ домѣ дурного примѣра и фальши. Главное, чтобы не было фальши, такъ какъ я фальшь ненавижу. А Marie даже обрадовалась. «Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать,—говоритъ,—ваше разсужденіе! Ложь—это порокъ, которымъ сатана началъ порчу человѣка. Онъ вѣдь *обманулъ* Еву?» Да, да, да, думаю; ты очень начи-

тана, но ты это далеко берешь о прародителяхъ и о сатанѣ, а я тебя просто прошу о горничной дѣвушкѣ.

«— Ну, да, есть и такая! — отвѣчаетъ Marie. — У меня теперь пріютилась въ ожиданіи мѣста какъ разъ такая превосходная дѣвушка.

«— Не притворщица и не побѣгушка?

«— О, какъ можно! Она христіанка!

«— Да вѣдь у насъ всѣ крещеные и даже православные, но нравы и правила у всѣхъ ужасные.

«— Нѣтъ, что вы: у христіанъ прекрасныя правила! Притомъ, это дѣвушка, которая всегда занята, работаетъ и читаетъ «посредственныя книжки».

«— Ага, значитъ, она толстовка! Ну, ничего: я всякія утопіи ненавижу, но прислугѣ вперять непротивленіе злу, по-моему, даже прекрасно. Давайте мнѣ вашу непротивленку! Я ее буду отпускать къ моленью. Гдѣ они собираются молиться? Или они совсѣмъ не молятся?

«— Не знаю,—говоритъ:—это дѣло совѣсти, объ этомъ не надо спрашивать.

«— Конечно, мнѣ Богъ съ ней, какъ она хочетъ. Но какъ ее звать?

«— Ѳедо́рушка.

«— Ай, какое неблагозвучное имя!

«— Отчего же? Очень хорошо! Вы зовите ее Ѳеодора, или даже Theodora. Чего же лучше?

«— Нѣтъ, это театрально, я буду звать ее Катя.

«— Зачѣмъ же?

«— Ну, это,—говорю,—у меня такой порядокъ».

Marie не стала возражать и прислала мнѣ свою непротивленку, и вообразите, дѣвушка мнѣ очень понравилась, и я ее наняла.

— Почемъ?—спросила гостья.

— Семь рублей въ мѣсяцъ.

— Какъ очень дешево.

— Да. Но она больше и не требовала. Она сама даже совсѣмъ ничего не просила, а сказала: «сколько буду стоить,

столько и положите». Я и назначила. Но позвольте, это вѣдь не въ томъ дѣло; а она мнѣ тогда очень понравилась, потому что, дѣйствительно, она выглядѣла этакая опрятная и скромная! А я, признаться, когда услыхала, что она непротивленка, то я опасалась за ея опрятность, такъ какъ въ ихнихъ книжкахъ вѣдь есть противъ мыла, и я помню, няня читала, какъ на одну святую бросился безстыжій муринъ, но какъ она никогда мыломъ не мылась, то этотъ фоблазъ отъ нея такъ и отскочилъ.

— Это ужасно!

— Да, всѣ другія подверглись, а она нѣтъ; но я рѣшительно не понимаю, неужели Толстой изъ-за этого противъ мыла?

— Ахъ, нѣтъ же! Вы развѣ забыли, изъ чего мыло сгущаютъ?

— Изъ мясного сока.

— Ну, вотъ и разгадка.

— Тетя! — отозвалась изъ-за трельяжа дѣвушка. — Ну, какъ вамъ не стыдно говорить такіе вздоры!

— А что такое?

— Изъ мяса мыла не варятъ и, притомъ, очень много мыла дѣлаютъ не изъ животныхъ, а изъ растительныхъ жировъ. Наконецъ, есть яичное мыло, которое вы и покупаете.

— Ахъ, правда, правда! Точно, есть яичное мыло. Это въ Казани, гдѣ былъ губернаторъ Скарятинъ; но я его теперь не покупаю. Долго покупала и очень имъ мылась, но съ тѣхъ поръ, когда былъ шахъ персидскій, и я узнала, что онъ этимъ мыломъ себѣ ноги моетъ, мнѣ стало непріятно, и я его больше не покупаю.

— Охота была вамъ объ этомъ и знать!

— Ну, отчего? Насъ въ институтахъ такой гордости не учили. И по-моему лучше интересоваться такими особами, чѣмъ неумойками. Я вѣдь помню, когда Аркадій оканчивалъ курсъ, тогда его посѣщали разные, и приходили и эти непротивленыши, и всѣ они были въ этой въ ихней формѣ, тусклые и въ нечищенныхъ сапогахъ.

— Ужасныя «малютки!»—сказала гостья.

— Да, какіе-то они... все съ курдючками. Подпояшутся и сзади непремѣнно у нихъ дѣлается курдючокъ, а лапки безъ калошъ—и натопчутъ. Это неопрятность! Но дѣвушка-непротивленка ко мнѣ пришла совсѣмъ въ опрятномъ видѣ и работала превосходно, но въ практической жизни все-таки она оказалась невозможна.

— Почему же?

— Да, да, да! Въ практической жизни много сторонъ, и она мнѣ оказалась хуже всѣхъ противленокъ!

— Появился какой-нибудь непротивленышъ?

— Куда тамъ! Нѣтъ! просто не отгадаете!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Начну хоть съ пустяковъ: пробѣгаю я ея паспортъ и наталкиваюсь опять на то, что тамъ стоитъ имя Ѳедо̀ра. Я говорю ей:

— Моя милая, мнѣ твое имя не нравится (я не люблю говорить людямъ *вы*), я буду звать тебя Катею. И она сразу же отвѣчаетъ разсужденіемъ: «Если вамъ такъ угодно, чтобы въ вашемъ домѣ служанка называлась иначе, то мнѣ это все равно: *это обычаи человѣческіе*!»

— Какъ это смѣшно!

— Ужасно смѣшно. «Обычаи человѣческіе...» А то еще у нихъ есть «непосредственныя обязанности къ Богу». Но я сама изъ деревенскихъ барышень и люблю иногда съ прислугой поразговаривать. Я и говорю: «Я буду звать тебя Катей, и ты должна откликаться». Отвѣчаетъ: «Слушаю-съ!» И еще,—говорю,—я тебѣ забыла сказать, что къ твоимъ обязанностямъ тоже должно относиться, чтобы ты помогала кухаркѣ убирать посуду и подтирала мокрою тряпкой крашеные полы въ дальныхъ комнатахъ. Но что же-съ, полы она подтирала, и мнѣ на мой зовъ «Катею» откликалась, а если кто изъ моихъ знакомыхъ ее спроситъ, какъ ея имя, она всѣмъ упорно отвѣчаетъ: «Ѳедо̀ра». Я

ей говорю: «Послушай, милая! Вѣдь тебѣ же сказано, и ты должна помнить, что ты теперь Катя! Зачѣмъ же ты противорѣчишь?» А она начинаетъ резонировать! «Я,—говоритъ,—сударыня, на ваше приказаніе откликаюсь, такъ какъ вы сказали, что это такой порядокъ въ вашемъ домѣ, и мнѣ это не вредитъ; но сама я лгать *не могу*»... Что̀ за вздоръ! «Нѣтъ,—говоритъ,—я лгать не могу, — мнѣ это вредитъ».

— Какова штучка! — воскликнула гостья. — Она себѣ вредить не желаетъ!

— О, не желаетъ!.. Да вѣдь еще и какъ!.. Это что-то пунктуальное, что-то узкое и упрямое, какъ самъ Мартынъ Иванычъ Лютеръ. Ахъ, какъ я не люблю это сухое лютеранство! И какъ хорошо что теперь за нихъ у насъ взялись. Я спрашиваю: «Какой тебѣ вредъ? Животъ, что ли, у тебя заболитъ или голова?»

«— Нѣтъ,—говоритъ,—животъ, можетъ-быть, не заболитъ, но есть вещи, которыя важнѣе живота и головы.

«— Что же это именно?

«— Душа человѣка. Я желаю имѣть мою совѣсть всегда въ порядкѣ».

— Вѣдь, это шпилька-съ!

— Это прямо дерзость!

— Да; но, какъ братъ Захаръ говоритъ, «хотя это и непріятно, но послѣ благословеннаго девятнадцатаго февраля — это неизбѣжно».

— Да, послѣ этого февраля мы у нихъ въ рукахъ.

— Особенно передъ самымъ праздникомъ. Нельзя же самимъ стать у своихъ дверей и объявлять визитёрамъ, что насъ дома нѣтъ. До этого еще вообще не дошло, но, между тѣмъ, непротивленская малютка это-то именно у меня и устроила.

— Да что вы?

— Фактъ-съ!

— Право, вся надежда на градоначальника.

— Да, онъ ихъ возьметъ — «руки назадъ». Въ празд-

никъ я ей толкомъ растолковала: «Катя, будутъ гости, ты должна всѣмъ говорить, что я дома и принимаю». И она принимала; но потомъ пріѣхалъ Викторъ Густавычъ. Вы знаете, человѣкъ съ его положеніемъ и въ его силѣ, а у меня два сына, и оба несходнаго характера: Аркадій — это совершенная рохля, а Валерій, вы его знаете, — живчикъ. Очень понятно, что я о нихъ забочусь, и я хотѣла съ нимъ немножко поговорить о Валеріи, который не попалъ за Аркадіемъ, а попалъ въ этотъ... университетъ и въ будущемъ году кончитъ безъ связей и безъ ничего...

Гостья сдѣлала едва замѣтное движеніе.

— И вотъ я посадила Виктора Густавыча, подбѣгаю къ ней и говорю: «Катя, а теперь если кто пріѣдетъ, ты должна говорить: *я уѣхала* и что *меня нѣтъ дома*». Кажется, всякая дура можетъ это понять и исполнить!

— Что же тутъ не исполнить!

— Да, самое обыкновенное. А она, вообразите, всѣмъ такъ и говорила, что «я ей *приказала говорить*, что я уѣхала и меня дома нѣтъ»!

— Ахъ, ты, Боже мой! — воскликнула гостья и расхохоталась!

— Но вы представьте себѣ, что и всѣ точно такъ же, какъ вы, на это только смѣялись, а никто не обидѣлся, потому что вѣдь всѣ же прекрасно знаютъ, что всегда въ этихъ случаяхъ лгутъ... Это такъ принято... Но молодежь стала мнѣ говорить: «Ma tante, ваша непротивленка, кажется, очень большая дура». Но я вѣрно поняла, что это дѣйствуетъ ея вѣра, и я разъяснила всѣмъ, что это изъ нея торчитъ графъ Толстой и сильно-державно показываетъ всѣмъ образованнымъ людямъ свой огромный шишъ. «Никакихъ-де визитовъ не надо! Все это глупости: лошадямъ хвосты трепать не для чего, а когда вамъ нуженъ моціонъ — мойте полы».

— Безъ мыла?

— Да, совершенно такъ просто!

— Но какъ же вы послѣ этого сдѣлали съ непротивленкой?

— Я съ ней объяснилась; я ей сказала: «Ты обдумай, тебя мнѣ рекомендовали, какъ очень хорошую дѣвушку и христіанку, а ты очень хитрая и упорная натура. Что̀ это за выходка съ твоей стороны, чтобы выдать меня за лгунью?» А она простодушно извиняется:

«— Я не могла сказать иначе.

«— Отчего-о-о? Бѣдная ты, помраченная голова! Отчего-о ты не могла сказать иначе?

«— Потому что вы были дома.

«— Ну, такъ и что за бѣда?

«— Я бы солгала.

«— Ну, что же такое, если бы ты немножко и солгала?

«— Я нисколько лгать не могу.

«— Нисколько?

«— Нисколько.

«— Но вѣдь ты *служишь!* Ты нанимаешься, ты получаешь жалованье!.. Для чего ты съ такими фантазіями нанимаешься на мѣста?

«— Я нанимаюсь дѣлать работу, а не лгать: лгать я не могу».

Съ какихъ сторонъ съ ней ни заговори, она все дойдетъ до своего «я лгать не могу» и станетъ.

— Какая узость, узость!

— Страшно! «Да вѣдь надо же,—говорю,—умѣть отличать, что есть такая ложь, какой нельзя, а есть такая, которую сказать можно. Спроси у всякаго батюшки».

«— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчаетъ, — я не хочу этого различать: Богъ съ ними, я не буду ихъ и спрашивать. Въ Евангеліи объ этомъ ничего не сказано, чтобъ отличать. Что̀ неправда, то все ложь, — христіане ничего не должны лгать».

— Вотъ я тутъ и вспомнила, что, когда я ее нанимала, я думала, что въ прислугѣ и вообще въ низшемъ классѣ «непротивленіе» годится и не мѣшаетъ, и даже, можетъ-быть, имъ оно и полезно, но и это вышло совсѣмъ не такъ!

Вышло, что и здѣсь оно не годится и что этому вездѣ надо противодѣйствовать!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяйка сдвинула серьезно брови и сказала, что она говорила о такой «заносчивости» съ батюшкой, и тотъ ей разъяснилъ, что это «плодъ свободнаго, *личнаго* пониманія».

— Да, но какая же свобода, когда это все ужасно узко? — вставила съ ученымъ видомъ гостья.

— Я съ вами и согласна, и, кромѣ того, не все для всѣхъ хорошо.

Хозяйка постучала съ угрозою по столу рукой, на пальцахъ которой запрыгали кольца съ бирюзой, и продолжала:

— Я вѣдь очень помню, когда были въ славѣ Европеусъ и Унковскій. Это было совсѣмъ не нынѣшнее время, и тогда случилось разъ, что мы вмѣстѣ въ одномъ домѣ ужинали и туда кто-то привелъ Шевченку... Помните, хохолъ... онъ что-то нашалилъ и много вытерпѣлъ; и онъ тутъ вдругъ выпилъ вина и хватилъ за ужиномъ такой экспромптъ, что никто не зналъ, куда дѣть глаза. Насилу кто-то прекрасно нашелся и сказалъ: «Повѣрьте, что̀ хорошо для немногихъ, то совсѣмъ можетъ не годиться для всѣхъ». И это всѣхъ спасло, хотя послѣ узнали, что это еще раньше сказалъ Пушкинъ, которому Шевченко совсѣмъ не чета.

— Ну, еще бы сталъ говорить этакъ Пушкинъ!..

— Конечно, онъ бы не сталъ, — перебила хозяйка, — онъ жилъ въ обществѣ, и декабристы знали, что съ нимъ нельзя затѣвать. А Шевченко со всѣми якшался, и Богъ его знаетъ, если даже и правда, что Перовскій самъ велѣлъ наказать его по-военному, то вѣдь тогда же было такое время: онъ былъ солдатъ — его и высѣкли, и это такъ слѣдовало. А Пушкинъ умѣлъ и это оттѣнить, когда

сказалъ: «что прекрасно для Лондона, то не годится въ Москвѣ». И какъ онъ сказалъ, такъ это и остается: «въ Лондонѣ хорошо, а въ Москвѣ не годится».

— Въ Москвѣ теперь уже никого и нѣтъ... Катковъ умеръ.

За трельяжемъ послышался сдержанный смѣхъ.

— Что вамъ смѣшно, Лида?

— «Катковъ умеръ». Вы это сказали такъ, какъ будто хотѣли сказать: «умеръ великій Панъ».

— А вы на это «сверкнули», какъ Діана.

— Я не помню, какъ сверкала Діана.

— А это такъ красиво!

— Не знаю ужъ, куда и дѣться отъ всякой красоты! Я впрочемъ помню, что Діана покровительствовала плебеямъ и рабамъ, и что у нея жрецомъ былъ бѣглый рабъ, убившій жреца, а сама она была дѣвушка, но помогала другимъ въ родахъ. Это прекрасно.

— Прекрасно!

А хозяйка покачала головою и замѣтила:

— Ты совершенно безъ стыда.

— Со стыдомъ, ma tante.

— Такъ что жъ ты говоришь! Чего жъ ты хочешь?

— Хочу, чтобъ дѣвушки не скучали въ своемъ дѣвичествѣ отъ бездѣлья и помогали тѣмъ, кому тяжело.

— Но для чего же въ родахъ?

— Да именно и въ родахъ, потому что это ужасно, и множество женщинъ мучатся безъ всякой помощи, а барышни играютъ глазками. Пусть онѣ помогаютъ другимъ и сами насмотрятся, что́ ихъ ожидаетъ, когда онѣ перестанутъ блюсти себя какъ Діаны.

— Позвольте,—вмѣшалась гостья:—я не о той совсѣмъ Діанѣ: я о той, которая сверкнула въ лѣсу на островѣ, у котораго слышали съ корабля, что «умеръ великій Панъ». Кажется, вѣдь это такъ у Тургенева?

— Я позабыла, какъ это у Тургенева.

Хозяйка продолжала:

— Теперь опять забываютъ хорошее, а причитаютъ то, что говорятъ «посредственныя книжки».

— А вы не обращали на эти книжки вниманія Виктора Густавыча? — спросила гостья.

— О, онъ ихъ презираетъ; но, знаете, онъ вѣдь лютеранъ, и по его мнѣнію, если гдѣ есть о добрѣ, то это все хорошо.

— Но, однако, ваша непротивленка въ самомъ-то дѣлѣ вѣдь и не была добра?

— Ну, такъ прямо я этого сказать не могу. Злою она ни съ кѣмъ не была, но когда ей долго возражаешь, то я замѣчала, что и у нея тоже что-то мелькало въ глазахъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю. Знаете, если шутя подтрунишь, такъ глазенки этакъ заискрятся... и... какое-то пламя.

— Боже мой! И для чего вы ее еще держали?

— Да, да! Я тоже разъ подумала: «эге-ге, — думаю себѣ,—да ты съ огонькомъ», и отпустила. Но, разумѣется, я прежде хотѣла знать, что̀ можно отъ такихъ людей ждать, я ее пощупала.

— Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

— Я спросила ее такъ: «Что же это, моя милая, стало-быть, если бы при тебѣ въ домѣ случилось что-нибудь такое, что должно быть тайной, что отъ всѣхъ надо скрыть, стало-быть, ты и тогда не согласилась бы покрыть чей-нибудь стыдъ или грѣхъ?» Она сконфузилась и стала лепетать: «Я объ этомъ еще не думала... Я не знаю!» Я воспользовалась этимъ и говорю: «А если бы тебя призвали и стали спрашивать о твоихъ хозяевахъ, вѣдь ты должна же... Вѣдь какіе встарину были хорошіе и вѣрные слуги, а и тѣ, когда приходило круто, говорили, что̀ отъ нихъ хотѣли». Вообразите же, что она отвѣтила:

«— Это тотъ виноватъ, кто ихъ до этого доводилъ.

«— А если это дѣлалось по приказу?

«— Это все равно».

— Какова!

— Да-съ! Я говорю: «за это можно страдать». А она отвѣчаетъ:

«— Лучше пострадать, чѣмъ испортить свой путь жизни».

— Каково непротивленіе!

— Ну, вотъ, какъ видите!

— Впрочемъ, если смотрѣть по-ихнему и держаться Евангелія, то она не совсѣмъ и не права...

— Да, она даже очень права; но вѣдь общество не такъ устроено, чтобы все по Евангелію, и нельзя отъ насъ разомъ всего этого требовать.

— Да, это очень печально; но если вы это сломаете, а потомъ исковеркаете, то что̀ же вы новое поставите на это мѣсто?

— Нигилисты говорили: *ничего*!

Хозяйка промолчала и сучила въ пальцахъ полоску бумаги, а умомъ какъ будто облетала что-то давно минувшее и потомъ молвила:

— Да, *ничего*, они только и умѣли сбивать съ толку женщинъ и обучать ихъ, не стыдясь, втроемъ чай пить.

— А какъ эта непротивленка вела себя въ этихъ отношеніяхъ?

— Вы, вѣрно, хотите спросить о тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ не говорятъ при Лидѣ...

Но отдыхавшая за трельяжемъ Лидія къ этому времени, вѣрно, совсѣмъ подкрѣпилась и сама вмѣшалась въ разговоръ уже не сонною рѣчью.

— О такой женщинѣ, какъ Ѳедо̀рушка, можно при всѣхъ и все говорить,—сказала Лида.—И, притомъ, когда же вы, ma tante, привыкнете, что я вѣдь не ребенокъ и лучше васъ знаю не только изъ чего варится мыло, но и какъ рождается ребенокъ?

— Лида! — замѣтила съ укоризной хозяйка.

— Да, конечно, ma tante, я это знаю.

— Господи!.. Какъ ты можешь это знать?

— Вотъ удивленіе! Мнѣ двадцать пятый годъ. Я живу, читаю и, наконецъ, я должна быть фельдшерицей. Что же я буду притворяться глупою дѣвчонкой, которая лжетъ, будто она вѣритъ, что дѣтей людямъ приносятъ аисты въ носу?

Хозяйка обратилась къ гостьѣ и внушительно сказала:

— Вотъ вамъ Іона-циникъ въ женской формѣ. И, притомъ, она Діана, она пуританка, квакерка, она читаетъ и уважаетъ Толстого, но она не раздѣляетъ множества и его мнѣній и ни съ кѣмъ у нея нѣтъ ладу.

— Я, кажется, не часто ссорюсь.

— Зато и тѣсно не дружишь ни съ кѣмъ.

— Вы ошибаетесь, ma tante, у меня есть друзья.

— Но ты ихъ бросила. Вѣдь тоже и непротивленыши пользовались у тебя фаворомъ, а теперь ты къ нимъ охладѣла.

— Съ ними нечего дѣлать.

— Но ты, однако, любила ихъ слушать.

— Да, я ихъ слушала.

— И наслушалась до тошноты, вѣрно?

— Нѣтъ, отчего же? Я и теперь готова послушать, что̀ у нихъ хорошо обдумано.

— Прежде ты за нихъ заступалась до слезъ.

— Заступалась, когда ваши сыновья, а мои кузены, собирали ихъ и вышучивали. Я не могу переносить, когда надъ людьми издѣваются.

Хозяйка засмѣялась и сказала:

— Смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что смѣшно.

— Нѣтъ, грѣшно, ma tante, и мнѣ ихъ было всегда ужасно жаль... Они сами добрые и хотятъ добра, и я о нихъ плакала...

— А потомъ сама на нихъ разсердилась.

— Не разсердилась, а увидала, что они все говорятъ, говорятъ и говорятъ, а дѣла съ воробьиный носъ не дѣлаютъ. Это очень скучно. Если противны дѣлались тѣ, ко-

торые все собирались «работать надъ Боклемъ», то противны и эти, когда видишь, что они умѣютъ только палочкой ручьи ковырять. Одни и другіе роняютъ то, къ чему поучаютъ относиться съ почтеніемъ.

— Нѣтъ, тебя уязвило то, что они идутъ противъ наукъ!

— Да, и это меня уязвляетъ.

— А я тутъ за нихъ! Для чего ты, въ самомъ дѣлѣ, продолжаешь столько лѣтъ все учиться и стоишь на своемъ, когда очевидно, что все твое ученье кончится тѣмъ, что ты будешь подначальной у какого-нибудь лѣкаришки, и онъ поставитъ тебя въ уголъ?

— Ma tante, вѣдь это опять вздоръ!

— Ну, онъ тебя въ передней посадитъ. Самъ пойдетъ въ комнаты пирогъ ѣсть, а тебѣ скажетъ: «Останьтесь, милая, въ передней».

— И этого не будетъ.

— А если это такъ случится, что̀ же ты сдѣлаешь?

— Я пожалѣю о человѣкѣ, который такъ грубо обойдется со мной за то. что я не имѣю лучшихъ правъ, и только потому, что мнѣ ихъ не дали.

— И тебѣ не будетъ обидно?

— За чужую глупость? Конечно, не будетъ.

— А не лучше ли выйти замужъ, какъ всѣ?

— Для меня—нѣтъ!

— А отчего?

— Мнѣ не хочется замужъ.

— Ты, однако, престранно выражаешься. Это законъ природы.

— Ну, такъ онъ, вѣрно, еще не дошелъ до меня.

— И религія того же требуетъ.

— Моя религія этого не требуетъ.

— Христосъ былъ, однако, за бракъ.

— Не читала объ этомъ.

— А для чего же Онъ благословлялъ жениха и невѣсту?

— Не знаю, когда это было.

— Читай въ Евангеліи.

— Тамъ этого нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!

— Просто нѣтъ, да и конецъ!

— Господи! да что же это... вы все, значитъ, ужъ вымарали!

Дѣвушка тихо засмѣялась.

— Нечего хихикать: я знаю, что объ этомъ было, а если не въ Евангеліи, то въ премудрости Павлочтеніи. Во всякомъ случаѣ Онъ былъ въ Канѣ Галилейской

— Ну, и что же изъ этого?

— Значитъ, Онъ одобрялъ бракъ.

— А Онъ тоже былъ и у мытаря?

— Да.

— И говорилъ съ блудницей? Неужто это значитъ, что Онъ одобрялъ и то, что̀ они дѣлали?

— Ты ужасная спорщица.

— Я только отвѣчаю вамъ.

— А теща Петрова! Вѣдь Христосъ ее, однако, вылѣчилъ!

— А вы развѣ думаете, что если бъ она не была чьею-нибудь тещей, такъ Онъ бы ее не вылѣчилъ?

— У тебя самый пренепріятный умъ.

— Да. Это многіе говорятъ, ma tante, и это всего больше убѣждаетъ меня, что мнѣ нельзя выходить замужъ.

— Вѣдь вотъ ты рѣшительно и совершенно какъ змѣя вьешься такъ, что тебя нельзя притиснуть.

— Ma tante, да зачѣмъ же непремѣнно надо меня притиснуть?

— Мнѣ очень хочется!..

— Мой другъ, да что же дѣлать? Нельзя все устроить такъ, какъ вамъ хочется.

— Нѣтъ, я вѣдь не про то: я хотѣла бы знать, какой у васъ законоучитель, и какъ онъ не видитъ, что вы всѣ безбожницы?

— Мы получаемъ у него всѣ по пяти балловъ.

— Извольте! За что же онъ вамъ ставитъ по пяти балловъ?

— Онъ не можетъ иначе: мы всѣ отлично учимся.

— Вотъ вѣдь назрѣли какіе характеры!

— Полноте, ma tante, что̀ это еще за характеры! Характеры идутъ, характеры зрѣютъ,—они впереди и мы имъ въ подметки не годимся. И они придутъ, придутъ! «Придетъ весенній шумъ, веселый шумъ!» Здоровый умъ придетъ, ma tante! Придетъ! Мы живы этою вѣрой! Живите ею и вы и... вамъ будетъ хорошо, всегда хорошо, что̀ бы съ вами ни дѣлали!

— Спасибо, милая!

— Не сердитесь, ma tante,—и Лидія Павловна вдругъ оборотилась къ теткиной гостьѣ и сказала ей:—А вы хотѣли знать, былъ ли у Ѳедо̀ры романъ? Я вамъ объ этомъ могу разсказать. У нея былъ женихъ часовщикъ; но Ѳедо̀рушка ему отказала, потому что у нея была сестра, которая «мирилась съ жизнью». У нея были «панье», брошь и серьги, и двое дѣтей. Она серьги и брошь берегла, а дѣтей хотѣла стащить въ воспитательный домъ; но Ѳедо̀ра надъ ними сжалилась и платила за нихъ почти все, что̀ получала.

— А собственнаго увлеченія у нея не было?

— Вотъ это-то и было ея собственное увлеченіе!

— Да, но ей будетъ трудно платить: съ такимъ характеромъ и такими правилами, какъ у нея, она нигдѣ себѣ мѣста не нагрѣетъ.

— Другіе помогутъ.

— Видите!.. Настоящія сектантки, у нихъ все *міромъ*,—отозвалась хозяйка.—Гоните ихъ—онѣ не боятся и даже радуются.

— Вѣдь такъ и слѣдуетъ,—поддержала дѣвушка.

— Фантазіи!

— Однако, такъ сказано: надо радоваться, когда терпимъ гоненіе за правду, и, въ самомъ дѣлѣ, это очень помогаетъ распространенію идей. Насъ гонятъ, а мы идемъ дальше и все говоримъ про хорошее все новымъ и новымъ людямъ...

— Ну, ты, послушай, однако, сама: какая же, наконецъ, у самой тебя вѣра?

— А это такой деликатный вопросъ, ma tante, котораго я никому не позволю касаться.

— Вонъ какъ ужъ у насъ стали отвѣчать о вѣрѣ! Это, кажется, совсѣмъ не по-нашенски.

— Да, это не по-вашенски, — разсмѣявшись, отвѣтила Лидія. — По-вашенски, «подобаетъ вопросити входящаго: рцы, чадо, како вѣруеши?»

Хозяйка постучала по столу вѣеромъ и погрозила племянницѣ:

— Лида! Въ этотъ разъ... что́ ты сказала здѣсь, это еще ничего, пусть это такъ и пройдетъ, но впредь помни, что у тебя есть мать и ты не должна быть помѣхой своимъ братьямъ въ карьерѣ!

— Этого, ma tante, не забудешь!

— Ну, такъ и нечего либеральничать.

— А «како вѣруеши»—это развѣ либеральность?

— Это не по сезону.

— Ну, ma tante, извините: жизнь, въ самомъ дѣлѣ, дается всего одинъ разъ, и очень неразсчетливо ее приноравливать къ какому бы то ни было сезону... Это скоро мѣняется.

Сказавъ это, дѣвушка встала изъ-за трельяжа и вышла на середину комнаты. Теперь можно было видѣть, что она очень красива. У нея стройная, удивительной силы и ловкости фигура, въ самомъ дѣлѣ напоминающая статуэтку Діаны изъ Танагры, и милое цѣломудренное выраженіе лица съ умными и смѣлыми глазами.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тетка на нее посмотрѣла и на лицѣ ея выразилось артистическое удовольствіе; она просіяла и тихо замѣтила:

— Желала бы я знать, гдѣ глаза у людей, которые смѣютъ что-нибудь говорить противъ породы? Лида, неужели ты безъ корсета?

— Я хожу такъ постоянно!

— И стройна, какъ богиня. Но Валеріанъ говорилъ мнѣ, что у васъ очень много урòдихъ, и *всѣ* теперь сняли кольца и рѣшили не носить ни серегъ и никакихъ другихъ украшеній.

— Ему какая забота?

— Отчего же, его интересуетъ все. Но развѣ это въ самомъ дѣлѣ правда?

— Правда.

— И вотъ вы увидите, что, навѣрное, многія не выдержатъ.

— Очень можетъ быть.

— Которой серьги къ лицу, та и не выдержитъ — надѣнетъ.

— Что же, если и не выдержитъ, то, по крайней мѣрѣ, поучится выдерживать, и это что-нибудь стòитъ. Прощайте, ma tante.

— И у кого пребезобразная фигура, той лучше корсетъ.

— Ma tante, ну, чтò намъ за дѣло до такихъ пустяковъ! До свиданія.

— До свиданія. Красота ты, моя красота! Я только все не могу быть покойна, что ты кончишь тѣмъ, что уйдешь жить съ какимъ-нибудь непротивленышемъ.

Лидія холодно, но ласково улыбнулась и молвила:

— Ma tante, какъ можно знать, чтò съ кѣмъ будетъ? Ну, зато я не сбѣгу съ опернымъ пѣвцомъ.

— Нѣтъ! Бога ради, нѣтъ! Лучше ктó хочешь, но только чтобъ не непротивленышъ. Эти «малютки» и ихъ курдючки... это всего противнѣе.

— Ахъ, ma tante, я ужъ и не знаю, чтó не противно!

— Ну, пусть лучше будетъ все противно, но только не такъ, какъ эти, которые учатъ, чтобъ не вѣнчаться и не крестить. Обвѣнчайся и потомъ пусть Богъ тебя хранитъ какъ Ему угодно.

И тетка встала и начала ее крестить, а потомъ проводила ее въ переднюю и тутъ ей шепнула:

— Не осуждай меня, что я была съ тобой рѣзка. Я такъ должна при этой женщинѣ, да и тебѣ впередъ совѣтую при ней быть осторожной.

— О, пустяки, ma tante! Я никого не боюсь.

— Не боишься?.. Не говори о томъ, чего не знаешь.

— Ахъ, ma tante, я не хочу и знать: мнѣ *нечего бояться.*

Сказавъ это, дѣвушка заметалась, отыскивая рукою ручку двери, и вышла на лѣстницу смущенная, съ пылающимъ лицомъ, на которомъ разомъ отражались стыдъ, гнѣвъ и сожалѣніе.

Проходя мимо швейцара, она опустила вуалетку, но зоркій, наблюдательный взоръ швейцара все-таки видѣлъ, что она плакала.

— Эту тутъ завсегда пробираютъ!—сказалъ онъ стоявшему у воротъ дворнику.

— Да, ей видать, что попало!—отвѣтилъ не менѣе наблюдательный дворникъ.

А хозяйка, между тѣмъ, возвратилась въ свой «салонъ» и спросила:

— Какъ вамъ нравится этотъ экземплярецъ?

Гостья только опустила глаза кроткой лани и отвѣтила:

— Все уловить нельзя, но вездѣ и во всемъ сквозитъ живая красная нитка.

— О, да, сегодня она еще очень тиха, а въ прошлый разъ дѣло чуть не дошло до скандала. Кто-то вспомнилъ наше доброе время и сказалъ, какіе тогда бывали сваты, которымъ никто не смѣлъ отказать. Такъ она прямо отвѣтила: «Какъ хорошо, что теперь хоть это не дѣлается!»

— Онѣ, изъ гимназій, такъ реальны, что совсѣмъ не понимаютъ институтской теплоты.

— Нисколько! Я ее тогда прямо спросила, неужто ты бы не была тронута, если бы тебѣ подвели жениха?—такъ она даже вспыхнула и оторвала: «Я не крѣпостная дѣвка!»

— Я говорю вамъ, вездѣ красная нить. И какая за-

носчивость, съ какою она самоувѣренностью говоритъ о личномъ увлеченіи несчастной сестры этой Ѳедо́ры!

— Она очень сострадательна къ дѣтямъ.

— Но что́ же дѣлать, когда дѣти не наполняютъ женщинѣ всей ея жизни?

— Ахъ, съ дѣтьми очень много хлопотъ!

— Да, и даже простые, самые грубые люди при дѣтяхъ еще ищутъ забыться въ любви. У меня въ прачкахъ семь лѣтъ живетъ прекрасная женщина и всегда съ собой борется, а въ результатѣ все-таки всякій годъ посылаетъ новаго жильца въ воспитательный домъ. А анонимный авторъ все продолжаетъ, безъ подписи, и ничего знать не хочетъ: придетъ, отколотитъ ее, и что есть, все оберетъ. И таковы они всѣ. Альфонсизмъ въ нашихъ нравахъ. А когда я ей сказала: «Брось ихъ всѣхъ вонъ или обратись къ религіи: это поможетъ»,—она меня послушала и поѣхала въ Кронштадтъ, но оттуда на обратномъ пути купила выборгскихъ кренделей и заѣхала къ мерзавцу вмѣстѣ чай пить, и теперь опять съ коробкомъ ходитъ и очень счастлива. Что́ же тутъ сдѣлать? «Не могу,—говоритъ,—бѣсъ сильнѣе». Когда женщина сознаетъ свою слабость, то съ этимъ миришься.

— Да, миришься, потому что это наше простое, родное, русское.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Это она, наша бѣдная русская бабья плоть, а не то, что эти, какія-то куклы изъ аглицкой клеенки. Чисты, но холодны.

— О, какъ холодны! Вѣдь она вотъ стоитъ за дѣтей, но она и ихъ, замѣтьте, не любитъ.

— Да что вы?

— Я васъ увѣряю, она вообще о дѣтяхъ заботится, но никогда ими не восхищается и даже ихъ не цѣлуетъ.

— Что не цѣлуетъ—это прекрасно.

— Положимъ, конечно, это, говорятъ, нездорово, но она это не любитъ!

— Неужели?.. Вѣдь это всѣмъ женщинамъ врожденно нѣжить дѣтей.

— Нѣжить, нѣтъ! Она допускаетъ только заботливость, а любить, по ея разсужденію, должно только того, кто самъ имѣетъ любовь къ людямъ. А дѣти къ тому не способны.

— Да развѣ извѣстно, что̀ изъ маленькаго выйдетъ?

— Такъ и она говоритъ: «Я не люблю *неизвѣстныхъ* величинъ, я люблю то, что̀ мнѣ извѣстно и понятно».

— Какое резонерство!

— Я и говорю: это отдаетъ не сердцемъ, а математикой. Она даже не вѣритъ, что другіе любятъ дѣтей... «Иначе,— говоритъ,—не было бы такихъ негодяевъ, черезъ которыхъ русское имя въ посмѣяньи у умныхъ людей». Нашу славу и могущество они вѣдь не высоко ставятъ. И вообразите, они утверждаютъ это на Майковѣ:

«Величіе народа въ томъ,
Что̀ носитъ въ сердцѣ онъ своемъ».

Хозяйка и гостья обѣ переглянулись и сразу же обѣ задумались, и лица ихъ приняли не-женское, офиціальное выраженіе. У гостьи и это прошло прежде, и она замѣтила:

— Въ то время, какъ мы, русскія женщины, подписываемъ адресъ madame Adan, не худо бы, чтобы мы протестовали противъ учрежденій, гдѣ не внушаютъ уваженія къ русскимъ началамъ.

Хозяйка стала нервно сучить въ рукахъ бумажку и, сдвинувъ брови, прошептала въ раздумьи:

— Кто же это, однако, начнетъ?

— Не все ли равно кто?

— Но, однако... Бывало, братъ мой Лука... Онъ независимъ, и никогда не былъ либералъ, и ему нечего за себя бояться... Онъ, бывало, заговоритъ о чемъ угодно, но теперь онъ ни за что-съ! Онъ самымъ серьезнымъ образомъ отвернулся отъ насъ и благоволитъ къ Лидіи, и это ужасно,

потому что у него все состояніе благопріобрѣтенное и онъ можетъ отдать его кому хочетъ.

— Неужто все это можетъ достаться Лидіи Павловнѣ?

— Всего легче! Братъ Лука къ моимъ сыновьямъ не благоволитъ, а брата Захарика считаетъ мотомъ и «провальною ямой». Онъ содержитъ его семейство, но ему онъ ничего не оставитъ.

Гостья встала и отошла къ открытому піанино и черезъ минуту спросила:

— А гдѣ теперь супруга и дочери Захара Семеныча?

— Его жена... не знаю въ точности... она въ Италіи или во Франціи.

— Ее держало что-то въ Вѣнѣ.

— Ахъ, это ужъ давно прошло! Такихъ державъ у нея не перечесть до вечера. Но съ ней теперь вѣдь только три дочери: вѣдь Нина, младшая, ужъ годъ, какъ вышла замужъ за графа Z. Богатъ ужасно.

— И ужасно старъ?

— Конечно, ему за семьдесятъ лѣтъ, а говорятъ, и больше, а ей лѣтъ двадцать. Много вѣдь ихъ, четыре дѣвки. А графъ, старикъ, женился на зло своимъ роднымъ. Надѣется еще имѣть дѣтей. Мы ѣздили просить ему благословеніе.

— Пусть Богъ поможетъ!

— Да. На свадьбѣ братъ Захаръ сказалъ ему: «Пью за ваше здоровье бокалъ, а когда моя дочь подаритъ вамъ рога, я тогда за ея здоровье цѣлую бутылку выпью».

Въ отвѣтъ на это гостья оборотилась отъ піанино лицомъ къ хозяйкѣ, и лицо ея уже не дышало милою кротостью лани, а имѣло выраженіе брыкливой козы, и она, повидимому, некстати, но, въ сущности, очень сообразительно сказала:

— Очевидно, что дѣло начать надо вамъ.

— Но Лидія мнѣ родная!

— Потому-то это и нужно: это покажетъ ваше безпри-

страстіе и готовность все принести въ жертву общественной пользѣ, а она будетъ устранена отъ наслѣдства.

Хозяйка смотрѣла на гостью околдованнымъ взглядомъ. Дѣло соображено было вѣрно, но въ душѣ у старухи что-то болталось туда и сюда, и она опять покрутила бумажку и шепнула:

— Не знаю... Дайте подумать. Я спрошу батюшку.

— Конечно, его и спросите.

— Хорошо, я спрошу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ это время распахнулась дверь и вошелъ сѣдой, бодрый и кругленькій генералъ съ ученымъ значкомъ и съ веселыми, сѣрыми, проницательными глазами на большомъ гладкомъ лицѣ, способномъ принимать разнообразныя выраженія.

Это и былъ братъ Захаръ.

Хозяйка протянула ему руку и сказала:

— Ты очень легокъ на поминѣ: мы сейчасъ о тебѣ говорили.

— За что же именно?—спросилъ генералъ, садясь и довольно сухо здороваясь съ гостьей.

— Какъ *за что?* Просто о тебѣ говорили.

— У насъ просто о людяхъ никогда не говорятъ, а всегда ихъ за что-нибудь ругаютъ.

— Но бываютъ и исключенія.

— Два только: это père Jean и père Onthon.

— Ты настаиваешь на томъ, что это надо произносить не Antoine, а *Onthon?*

— Такъ произносятъ тѣ, которые на этотъ счетъ больше меня знаютъ и теплѣе моего вѣруютъ. Я самъ вѣдь въ вѣрѣ слабъ.

— Это стыдно.

— Что-жъ дѣлать, когда ничего не вѣрится!

— Это огорчало нашу мать.

— Помню и повиновался, а притворяться не могъ. Она, бывало, скажетъ: «ангелъ-хранитель съ тобою»,—и я всюду ходилъ съ ангеломъ-хранителемъ, вотъ и все!

— Олимпія пріѣхала.

— Мнѣ всегда казалось, что ее зовутъ Олимпіада. Впрочемъ, я ею особенно не интересуюсь.

— У нея много новостей и нѣкоторыя касаются тебя. Твоя дочь, графиня Нина, беременна.

— Да, да! Разбойница, навѣрное, осуществляетъ «Волшебное дерево» изъ Бокаччіо. Я, однако, выпью сегодня бутылку шампанскаго и пошлю поздравительную телеграмму графу. Кстати, я встрѣтилъ на-дняхъ одного товарища своего зятя и узналъ, что онъ старше меня всего только на четырнадцать лѣтъ.

— Какія же подробности объ ихъ житьѣ?

— Я ничего не знаю.

— Ты развѣ не былъ еще у Олимпіи?

— Я? Нѣтъ, мой ангелъ-хранитель меня туда не завелъ. Я видѣлъ, что какая-то дама мчалась въ коляскѣ и передъ нею у кучера надъ турнюромъ сзади часы. Я подумалъ: что̀ это еще за пошлая баба тутъ появилась? И вдругъ догадался, что это она. А она сразу же устроила мнѣ непріятность: я хотѣлъ отъ нея спастись и прямо попалъ навстрѣчу еврею, которому долженъ чортову пропасть.

— Бѣдный Захарикъ!

— Но, слава Богу, что мой хранитель бдѣлъ надо мной и что это случилось противъ собора: я сейчасъ же бросился въ церковь и сталъ къ амвону, а жидъ оробѣлъ и не пошелъ дальше дверей. Но только какія теперь въ церквахъ удивительно неудобныя правила! Представь, они открываютъ всего только одну дверь, а другія закрыты. Для чего закрывать? Въ Парижѣ всѣ храмы весь день открыты.

— У насъ, другъ мой, часто крадутъ... Было нѣсколько кражъ.

— Какіе проказники! А я черезъ это, вообразите, нѣсколько молебновъ подъ рядъ отстоялъ, но жида, все-таки,

надулъ. Онъ ждалъ меня у общей двери, а я съ знакомымъ батюшкой утёкъ черезъ святой алтарь и, кстати, встрѣтилъ Лиду. Она была разстроена, и я, чтобъ ее развеселить, все разсказалъ ей, какъ попался Олимпіи, а потомъ жидамъ и, наконецъ, насилу спасся черезъ храмъ убѣжища. Она развеселилась и зашла со мою выпить чашку шоколаду.

— Это ты старался ее утѣшить? Что за милый дядя!

— Да, но тутъ еще и другой былъ умыселъ. Тамъ была одна... балерина, которой никогда не удается изобразить богиню... Я ей показалъ Лиду и сказалъ: «Смотри, дура, вотъ богиня!» Но кто и гдѣ обидѣлъ Лиду?

— Вотъ не берусь тебѣ отвѣтить. Вѣрно, «нашла коса на камень»; но она, впрочемъ, сама здѣсь говорила, что ее будто даже и «*нельзя* обидѣть».

— Ахъ, это ничего болѣе какъ всѣмъ противныя толстовскія бетизы! Увѣряю васъ, что всѣми этими глупостями это все ихъ Левъ Толстой путаетъ! «Da ist der Hund begraben!» Рѣшительно не понимаю, чего этотъ старикъ хочетъ? Кричатъ ему со всѣхъ концовъ свѣта, что онъ первый мудрецъ, вотъ онъ и помѣшался. А я рѣшительно не нахожу, что́ такое въ самомъ въ немъ находятъ мудрецовскаго.

— И я тоже.

— Да и никто не находитъ, а это все за границей. Мы съ нимъ когда-то разъ даже жили на одной улицѣ, и я ничего премудраго въ немъ не замѣчалъ. И помню, онъ былъ разъ и въ театрѣ, а потомъ у общихъ знакомыхъ, и когда всѣмъ подали чай, онъ сказалъ человѣку: «подай мнѣ, братецъ, рюмку водки».

— И выпилъ?

— Да, выпилъ и закусилъ, не помню, баранкой или корочкой хлѣба. И все это было самое обыкновенное, а потомъ вдругъ зачудилъ и въ мудрецы попалъ!.. Удача! Но я хотя и не раздѣляю его христіанства, которое несетъ смерть культурѣ, но самого его я уважаю.

— За что же?

— Конечно, не за его премудрости! Это пустяки! Но я этихъ его непротивленышей люблю, съ ними такъ хорошо поговорить за кофе.

— Я этого не нахожу.

— Ну, нѣтъ!.. На многое они оригинально смотрятъ. Я не признаю, чтобы это что-нибудь изъ ихъ фантазій было можно осуществить. Теперь не тотъ вѣкъ, но отчего не поболтать? Вѣдь, Бисмаркъ же любилъ поговорить съ соціалистами. «Малютки» же эти идутъ наперекоръ соціалистамъ.

— Какъ это наперекоръ?

— А такъ: непротивленыши вѣдь отказываются отъ наслѣдствъ всегда въ пользу родныхъ... Это то самое, чего Петръ Первый хотѣлъ достичь черезъ майораты... Это надо поощрять, чтобы не дробились состоянія. А самъ Толстой только чертовски самолюбивъ, но зато съ большимъ характеромъ. Это у насъ рѣдкость. Его нельзя согнуть въ бараній рогъ и заставить за какую-нибудь бляшку блеять по-бараньи: бя-я-я!

Генералъ потравилъ себя пальцами за горло и издалъ звуки, очень разсмѣшившіе хозяйку и гостью.

— Но зачѣмъ же у него эта несносная проницательность, и для чего онъ такъ толкуетъ, что будто ничего не нужно?

— А это скверность, но я успокоиваю себя твоею русскою пословицей: «не такъ страшенъ чортъ, какъ его малютки».

— И я это говорю всегда: онъ тамъ я не знаю гдѣ, а эти Figaro çi—Figaro là разбрелись, какъ цыплята.

— Вотъ именно цыплята... Отчего это у нихъ такъ топорщится, какъ будто хвосты перятся?

— А ужъ это надо ихъ осмотрѣть и удостовѣриться.

— Ну, какъ можно ихъ смущать!

— А они не церемонятся смущать вѣру.

— Мою вѣру смутить нельзя: въ разсужденіи вѣры я

байронистъ; я ѣмъ устрицъ и пью вино, а кто ихъ создалъ: Юпитеръ, Панъ или Нептунъ—это мнѣ все равно! И я объ этомъ и не богохульствую, но его несносная на нашъ счетъ проницательность — это скверно. И потомъ для чего онъ увѣряетъ, будто «не мечите бисера передъ свиньями» сказано не для того, чтобы предостеречь людей, чтобъ они не со всякою скотиной обо всемъ болтали—это глупость. Есть люди—ангелы, а есть и свиньи.

— Но только эти милыя животныя, надѣюсь, находятся въ своихъ мѣстечкахъ, гдѣ имъ надо быть.

— Да; имъ бы всѣмъ надо быть въ своихъ закутахъ, но случается и иначе: бываетъ, что свиньи садятся въ гостиныхъ.

— О, Господи! какіе ужасы!

— О, да! Есть много ужасовъ.

— Но, а есть ли зато гдѣ-нибудь ангелы?

— А есть... Вотъ, напримѣръ, хоть такіе, какъ наша Лида!

— Не нахожу: дѣвчонки, которыя не знаютъ, что̀ онѣ такое.

— Вы, господа, пребезбожно ихъ мучите и, можно сказать, истязаете!

— Какимъ это образомъ?

— Вы къ нимъ пристаете, ихъ злите, а когда бѣдныя дѣвочки въ нетерпѣніи что-нибудь вамъ брякнутъ, вы это разглашаете и имъ вредите. По правдѣ сказать, это подлость!

— Ни о чемъ такомъ не слыхала.

— А я, представь, слышалъ. Говорятъ, будто, когда Лида пришла къ тебѣ на балъ въ закрытомъ лифѣ, ты ей сдѣлала колкость.

— Нимало!

— Ты надъ ней обидно пошутила: ты сказала, что она, вѣроятно, когда будетъ дамой, то и своему будущему Адаму покажетъ себя «кармелиткой», въ двойномъ капюшонѣ, а она тебѣ будто отвѣчала, что къ *своему* Адаму она, мо-

жетъ-быть, придетъ даже «Евой», а постороннимъ на балу не хочетъ свои плечи показывать.

— И представь, это правда, она такъ и сказала!

— Сказала, потому что не надо было къ ней приставать. Байронъ прекрасно замѣтилъ, что «и кляча брыкается, если сбруя рѣжетъ ей тѣло», а вѣдь Лида не кляча, а молодая, смѣлая и прекрасная дѣвушка. Для этакой Евы, чортъ бы меня взялъ, очень стòитъ отдать всѣ свои преимущества и идти снова въ студенты.

— Ты за ней просто волочишься?

— Я не очень, а ты-бъ послушала, какого мнѣнія о ней нашъ старшій братъ Лука! Онъ говоритъ, что «провелъ съ нею самое счастливѣйшее лѣто въ своей жизни». А вѣдь ему скоро пойдетъ восьмой десятокъ. И въ самомъ дѣлѣ, какихъ она тамъ у него въ прошломъ году чудесъ надѣлала! Мужикъ у него есть Симка, медвѣдей все обходилъ. Человѣкъ сорока восьми лѣтъ и ишіасомъ заболѣлъ. Распотѣлъ и посидѣлъ на промерзломъ камнѣ, — вотъ и ишіасъ... болѣзнь сѣдалищнаго нерва... Понимаете, приходится въ какомъ мѣстѣ?

— Ты безъ подробностей.

— Такъ вотъ его три года врачи лѣчили, а братъ платилъ; и по разнымъ мѣстамъ цѣлители его исцѣляли, и тоже не исцѣлили, а только деньги на молитвы брали. И вся огромнѣйшая семья богатыря въ раззоръ пришла. А Лидія пріѣхала къ дядѣ гостить и говоритъ: «Этому можно попробовать помочь, только надо это съ терпѣніемъ».

— Ну, этого ей, дѣйствительно, не занимать стать! — замѣтила съ сдержанною ироніей хозяйка.

— Да, она и начала класть этого мужичищу мордой внизъ, да по два раза въ день его подъ поясницей разминала!.. Понимаете вы? Этакими-то ея удивительными античными руками, да по энтакому-то мужичьему мѣсту! Я посмотрѣлъ и говорю: «Какъ же теперь послѣ этого твою руку цѣловать?» Она говоритъ: «Руки даны не для того, чтобъ ихъ цѣловать, а для того, чтобъ онѣ служили лю-

дямъ на пользу». А братъ Лука... онъ вѣдь сталъ старикъ нѣжный и нервный: онъ какъ увидалъ это, такъ и зарыдалъ... Попъ приходилъ къ нему дровъ просить, такъ онъ схватилъ его и потащилъ, и показываетъ попу: «Смотри!— говоритъ, — видишь ли?» Тотъ отвѣчаетъ: «Вижу, ваше высокопревосходительство!»

«— А разумѣешь ли?

«— Разумѣю,—говоритъ,—ваше высокопревосходительство! Маловѣрны только и ко храму лѣностны, но по дѣламъ очень изрядны.

«— То-то вотъ и есть «очень изрядны»! А ты, вотъ, и молись за нихъ въ храмѣ-то. Это твое дѣло. А я тебѣ велю за это дровъ дать.

«— Слушаю, — говоритъ, — ваше высокопревосходительство! Буду стараться!»

— И ничего, небось, не старался?

— Ну, разумѣется: дуракъ онъ, что ли, что будетъ стараться, когда дрова уже выданы? А только Симка-то теперь ходитъ и опять дѣтей своихъ кормитъ, а Лиду какъ увидитъ, сейчасъ плачетъ и пищитъ: «Не помирай, барышня! Лучше пусть я за тебя поколѣю... Ты намъ матка!» Нѣтъ, что̀ вы ни говорите, эти дѣвушки прелесть!

— Только съ ними человѣческій родъ прекратится.

— Отчего это?

— Не идутъ замужъ.

— Какой вздоръ! Посватается такой, какого имъ надо, и пойдутъ. А, впрочемъ, это бы еще и лучше, потому что, по правдѣ сказать, нашъ братъ мужчинишки-то стали такая по̀гань, что и не сто́итъ за нихъ и выходить путной дѣвушкѣ.

— Пусть и сидятъ въ дѣвкахъ.

— И что за бѣда?

— Старыя дѣвки всѣ злы дѣлаются.

— Это только тѣ, которымъ очень хотѣлось замужъ и ихъ темпераментъ безпокоитъ.

— Дѣло совсѣмъ не въ темпераментѣ, а на старую дѣвушку смотрятъ, какъ на бракованную.

— Такъ смотрятъ дураки, а умные люди, наоборотъ, даже съ уваженіемъ смотрятъ на пожилую дѣвушку, которая не захотѣла замужъ. Да вѣдь дѣвство, кажется, одобряетъ и церковь. Или я ошибаюсь? Можетъ-быть, это не такъ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Хозяйка улыбнулась и отвѣчала:

— Нѣтъ, это такъ; но всего любопытнѣе, что за дѣвство вступаешься *ты*, мой грѣшный Захарикъ.

— А что, сестрица, дѣлать? Теперь и я уже не тотъ, и въ шестьдесятъ пять лѣтъ и ко мнѣ, вмѣсто жизнерадостной гризетки, порою забѣгаетъ мысль о смерти и заставляетъ задумываться. Ты не смѣйся надъ этимъ. Когда и самъ дьяволъ постарѣетъ, онъ сдѣлается пустынникомъ. Посмотри-ка на нашихъ старовѣровъ, не здѣсь, а въ захолустьяхъ! Всѣ вѣдь живутъ и согрѣшаютъ, а вонъ какая у нихъ есть отличная манера: какъ старичку стукнетъ шестьдесятъ лѣтъ, онъ отъ сожительницы изъ чулана прочь, и даже часто выселяется совсѣмъ изъ дому. Построитъ себѣ на огородѣ «хижину», подъ видомъ баньки, и поселяется тамъ съ нарочитымъ отрокомъ, своего рода «Гіезіемъ», и живетъ, читаетъ Богословца или *Ключъ разумѣнія*, а въ деньгахъ и въ дѣлахъ уже не участвуетъ, вообще не мотрошится на глазахъ у молодыхъ, которымъ надо еще въ жизни свой чередъ отвести. Я это, право, хвалю. Пускай тамъ и говорятъ, будто отшельнички-старички разъ въ недѣльку, въ субботу, по старой памяти, къ своимъ старушкамъ въ чуланъ заходятъ, но я вѣрю, что это они только приходятъ чистое бѣльецо взять... Милые старички и старушечки! Какъ имъ зато хорошо будетъ въ вѣчности!

— Бѣдный Захарикъ! Можетъ-быть, и ты такъ хотѣлъ бы?

— О, безъ сомнѣнія! Но только куда намъ, безвѣрнымъ! А кстати, что это я замѣтилъ: у твоего Аркадія, кажется, опять новый отрокъ?

Хозяйка сдвинула брови и отвѣчала:

— Не понимаю, съ какой стати это тебя занимаетъ?

— Не занимаетъ, а я спросилъ къ слову о Гіезіи, а если объ этомъ нельзя говорить, то перейдемъ къ другому: какъ Валерій, благополучно ли дошибаетъ свой университетъ?

— А почему же онъ его «дошибаетъ»?

— Ну, да, кончаетъ, что ли! Будто не все равно? Не укусила ли его какая-нибудь якобинская бацилла?

— Мой сынъ воспитанъ на здоровой пищѣ и бациллъ не боится.

— Не возлагай на это излишнихъ надеждъ: домашнее воспитаніе все равно, что домашняя температура. Чѣмъ было въ комнатѣ теплѣе, тѣмъ опаснѣе, что дѣти простудятся, когда ихъ охватитъ.

— Типунъ тебѣ на языкъ. Но я за Валерія не боюсь: его Богъ бережетъ.

— Ахъ, да, да, да, вѣдь онъ «тепло-вѣрующій»!

— Такими вещами не шутятъ. Мы, русскіе, всѣ тепло вѣримъ.

— Да, мы теплые ребята! Но постойте, господа, я видѣлъ картину Ге!

— Опять яичница?

— Нѣтъ. Это просто *бойня!* Это ужасно видѣть-съ!

— Очень рада, что его прогоняютъ съ выставокъ. Мнѣ его самого показывали... Господи! Что̀ это за панталоны и что̀ за пальто!

— Пальто поглотило много лучей солнца, но это еще не серьезно.

— А ты находишь, что его мазня—это серьезно?

— Я говорю не о мазнѣ, а о фракѣ.

— Что за вздоръ!

— Это не вздоръ. Онъ долженъ былъ представиться

и не могъ, потому что подарилъ свой фракъ знакомому лакею.

— Но почему это узнали?

— Онъ самъ такъ сказалъ.

— Какъ это глупо!

— И дерзко!—поддержала гостья.

А генералъ заключилъ:

— Это *замѣчательно*! Теперь просто говорятъ: «замѣчательно»!

— А почему замѣчательно?

— А потому замѣчательно, что эти,—какъ вы ихъ кличете,—«непротивленыши» или «малютки» все чему-то противятся, а мы, которые думаемъ, что мы *сопротивленцы* и взрослые, — мы, на самомъ дѣлѣ, ни на чорта не годны, кромѣ какъ съ тарелокъ подачки лизать.

— Ну,—пошутила хозяйка, — онъ опять договорится до того, что кого-нибудь зацѣпитъ!

И, проговоривъ это, она снисходительно вздохнула и вышла какъ бы по хозяйству.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ гостиной остались вдвоемъ генералъ и гостья, и тонъ бесѣды сразу же измѣнился.

Генералъ сдвинулъ брови и началъ отрывистую рѣчь къ гостьѣ:

— Я предпочелъ видѣться съ вами здѣсь, потому что вашъ больной мужъ вчера приходилъ ко мнѣ и былъ неотступенъ. Это съ вашей стороны, позвольте вамъ сказать, сверхъ всякой мѣры жестоко—разсылать больного старика по такимъ дѣламъ!

— По какимъ «такимъ дѣламъ»?

— Которымъ на языкѣ порядочныхъ людей нѣтъ имени.

— Я ничего не понимаю, но я писала вамъ письмо, а вы, какъ неаккуратный человѣкъ, на него не отвѣчали.

— Позвольте, но чтобы прислать вамъ удовлетворитель-

ный отвѣтъ на ваше письмо, надо было доставить вамъ тысячу рублей?

— Да.

— Вотъ то и есть! А я не шахъ персидскій, которому стòитъ зацѣпить горсть брильянтовъ и дѣло готово.

Дама позеленѣла и, сверкая злобой, спросила:

— Чтò это значитъ? Къ чему здѣсь при мнѣ второй разъ вспоминаютъ персидскаго шаха?

— А я почему могу знать, отчего его при васъ вспоминаютъ? Мнѣ только кажется, что есть люди, которымъ я уже давно сдѣлалъ все, чтò я могъ, и даже то, чего не могъ и чего ни за что не сталъ бы дѣлать, еслибъ это грозило непріятностями только одному мнѣ, а не другимъ людямъ.

Генералъ, видимо, сердился и говорилъ запальчиво.

— Минуло двадцать лѣтъ, какъ вашъ мужъ такъ удивительно узналъ, когда я былъ у васъ и... Я спасся и спасъ васъ, да не спасъ мою памятную книжку, и вотъ я берегу людей...

— О! вы все еще возитесь съ этою жалобною сказкой?

— Позвольте: я вожусь! Я не подлецъ и потому я вожусь и дѣлаю для васъ подлости, чтобы только перетерпѣть все на себѣ самомъ. Прошу за васъ особъ, съ которыми я не хотѣлъ бы знаться, но вамъ все *мало*. Скажите же, когда вамъ будетъ, наконецъ, довольно?

— Другіе получаютъ больше!

— Ахъ, вотъ зачѣмъ другіе больше? Ну, ужъ это вы меня простите! Я этихъ дѣлъ не знаю, за что кого и по скольку у васъ одѣляютъ. Можетъ-быть, другіе искуснѣе васъ... или они усерднѣе и оказываютъ больше услугъ.

— Пустое! Никто ничѣмъ не можетъ услужить! Ухỳ нельзя сварить безъ рыбы...

— Ну, я не знаю!... «Безъ рыбы»! Господи! Неужто ужъ совсѣмъ не стало рыбы?

— Вообразите, да! Безрыбье!

— Ну, я теперь не знаю, чтò заведете дѣлать!.. Я вамъ

сказалъ, что этихъ вашихъ дѣлъ рѣшительно не знаю! Всѣмъ грѣшенъ, всѣмъ, но этою мерзостью не занимался!

Генералъ высоко поднялъ руку и истово перекрестился.

— Вотъ! — сказалъ онъ, нервно доставая изъ кармана конвертъ и подавая его дамѣ. — Вотъ-съ! Возьмите, пожалуйста, скорѣй! Здѣсь ровно тысяча рублей. Я бѣдный, прогорѣлый человѣкъ, но ничего изъ чужихъ денегъ не краду. Тысяча рублей. Это для васъ пособіе, которое я выпрашиваю второй разъ въ году. Только, пожалуйста, пожалуйста, не благодарите меня! Я дѣлаю это съ величайшимъ отвращеніемъ и прошу васъ...

Дама хотѣла что-то сказать, но онъ ее перебилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Прошу васъ, не присылайте больше ко мнѣ своего несчастнаго мужа! Увѣряю васъ, что у меня есть нервы и кое-какой остатокъ совѣсти. Мы его съ вами когда-то подло обманывали, но это было давно, и тогда я это могъ, потому что тогда онъ и самъ въ свой чередъ обманывалъ другихъ. Но теперь?.. Этотъ его рамолитическій видъ, эти его трясущіяся колѣни... О, Господи, избавьте! Бога ради избавьте! Иначе я самъ когда-нибудь брошусь передъ нимъ на колѣни и во всемъ ему признаюсь.

Дама разсмѣялась и сказала:

— Я увѣрена, что вы такой глупости никогда не сдѣлаете.

— Нѣтъ, сдѣлаю!

— Ну, такъ я ея не боюсь.

По лицу генерала скользнула улыбка, которую онъ, однако, удержалъ и молвилъ:

— Ага! значитъ, это для него не было бы новостью! О, Господи! Разрази насъ, пожалуйста, чтобы былъ край нашему проклятому безпутству!

— А вы, въ самомъ дѣлѣ, болтунъ!

Улыбка опять проступила на лицѣ генерала, и онъ, вставъ, отвѣтилъ:

— Да, да, я большой болтунъ, это «замѣчательно»!

Онъ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ гостьѣ на-

дѣлъ въ комнатѣ фуражку и вышелъ, едва удостоивъ собесѣдницу чуть замѣтнаго кивка головою.

Въ передней къ его услугамъ выступила горничная съ китайскимъ разрѣзомъ глазъ и съ фигурою фарфоровой куклы; она ему тихо кивнула и подала пальто.

— Мерси, сердечный другъ! — сказалъ ей генералъ. — Доложите моей сестрѣ, что я не могъ ее ожидать, потому что... я сегодня принялъ лѣкарство. А это,—добавилъ онъ шопотомъ,—это вы возьмите себѣ на память.

И онъ опустилъ свернутый трубочкою десятирублевый билетъ дѣвушкѣ за лифъ ея платья, а когда она изогнулась, чтобы удержать бумажку, онъ поцѣловалъ ее въ шею и тихо молвилъ:

— Я старъ и не позволяю себѣ цѣловать женщинъ въ губки.

Съ этимъ онъ пожалъ ей руку, и она ему тоже.

Внизу у подъѣзда онъ надѣлъ калоши и, покопавшись въ карманѣ, досталъ оттуда два двугривенныхъ и подалъ швейцару.

— Возьми, братецъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!— благодарилъ швейцаръ, держа по-военному руку у козырька своего кокошника.

— Настоящіе, братецъ... Не на Пескахъ дѣланы... Смѣло можешь отнести ихъ въ лавочку и потребовать себѣ за нихъ фунтъ травленаго кофе. Но будь остороженъ: онъ портитъ желудочный сокъ!

— Слушаю, ваше превосходительство!—отвѣчалъ швейцаръ, застегивая генерала полостью извозчичьихъ саней. Но генералъ, пока такъ весело шутилъ, въ то же время, дѣлалъ руками вокругъ себя «повальный обыскъ» и убѣдился, что у него нигдѣ нѣтъ ни гроша. Тогда онъ быстро остановилъ извозчика, выпрыгнулъ изъ саней и пошелъ пѣшкомъ.

— Пройдусь, — сказалъ онъ швейцару, — теперь прекрасно!

— Замѣчательно, ваше превосходительство!

— Именно, братецъ, «замѣчательно»! Считай за мной рубль въ долгу за остроуміе!

Онъ закрылся подъѣденнымъ молью бобромъ и завернулъ на своихъ усталыхъ и отслужившихся ногахъ за уголъ улицы.

Когда онъ скрылся, швейцаръ махнулъ вслѣдъ ему головою и сказалъ дворнику:

— Третій мѣсяцъ занялъ два рубля на извозчика и все забываетъ.

— Прòтерть горькая! — отвѣчалъ, почесывая спину, дворникъ.

— Ничего... Когда есть, онъ во всѣ карманы разсуетъ.

— Тогда и взыщи.

— Безпримѣнно!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Гостья, какъ только осталась одна, сейчасъ же открыла свой бархатный мѣшокъ и, вытащивъ оттуда спѣшно сунутыя деньги, стала считать ихъ. Тысяча рублей была сполна. Дама сложила билеты поаккуратнѣе, и уже хотѣла снова закрыть мѣшокъ, какъ ее кто-то схватилъ за руку.

Она не замѣтила, какъ въ комнату неслышными шагами вошелъ хорошо упитанный, розовый молодой человѣкъ съ играющимъ кадыкомъ подъ шеей и съ откровенною улыбкой на устахъ. Онъ прямо ловкою хваткой положилъ руку на бронзовый замокъ бархатной сумки и сказалъ:

— Это арестовано!

Гостья сначала вздрогнула, но мгновенный испугъ сейчасъ же пропалъ и уступилъ мѣсто другому чувству. Она освѣтилась радостью и тихо произнесла:

— Valerian! Гдѣ былъ ты? Боже!

— Я? Какъ всегда: вездѣ и нигдѣ. Впрочемъ, теперь я прямо съ неба, для того, чтобы убрать къ себѣ вотъ этотъ мѣшочекъ земной грязи.

Дама хотѣла ему что-то сказать, но онъ показалъ ей пальцемъ на закрытую дверь смежной комнаты, взялъ у нея изъ рукъ мѣшокъ и, вынувъ оттуда всѣ деньги, положилъ ихъ себѣ въ карманъ.

Гостья всего этого точно не замѣчала. Глядя на нее, приходилось бы думать, что такое обхожденіе ей давно въ привычку и что это ей даже пріятно. Она не выпускала изъ своихъ рукъ свободной руки Валеріана и, глядя ему въ лицо, тихо стонала:

— О, если бы ты зналъ!.. Если бы ты зналъ, какъ я истерзалась! Я не видала тебя трое сутокъ!.. Онѣ мнѣ показались за вѣчность!

— А-а! что дѣлать? Я этихъ деньковъ тоже не скоро забуду! Куда только я ни метался, чтобы достать эту глупую тысячу рублей! Нѣтъ, теперь я убѣжденъ, что самое вѣрное средство брать со всѣхъ деньги, это посвятить себя благодѣтельствованію бѣдныхъ! Еще милость Господня, что есть на землѣ дураки въ родѣ oncle Zacharie.

— Оставь о немъ!

— Э, нѣтъ! Я благодаренъ: онъ уже во второй разъ даетъ намъ передышку.

— Но не доведи себя до этого, мой милый, въ третій.

— Если я такъ же глупо проиграюсь еще разъ, то я удавлюсь.

— Какой вздоръ ты говоришь!

— Отчего же? Это, говорятъ, очень пріятная смерть. Что-то въ родѣ чего-то... Смотрите, вотъ у меня про всякій случай при себѣ въ карманѣ и сахарная бечевка. Я пробовалъ: она выдержитъ.

— О, Боже! Что ты говоришь!—и, понизивъ голосъ, она прошептала:—Avancez une chaise!..

Молодой человѣкъ сдѣлалъ комическую гримасу и опять молча показалъ на завѣшенную дверь.

Дама сморщила брови и спросила шопотомъ:

— Что?

Молодой человѣкъ приложилъ ко рту ладони и отвѣтилъ въ трубку:

— Maman здѣсь подслушиваетъ!

— И все это неправда! Ты очень часто клевещешь на свою мать!

Валеріанъ перекрестился и тихо увѣрилъ:

— Ей-Богу, правда: она всегда подслушиваетъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!

— Нѣтъ, напротивъ, мнѣ за нее очень стыдно, но я ее и не осуждаю, а только предупреждаю другихъ. Я знаю, что она дѣлаетъ это изъ отличныхъ побужденій... Святыя чувства матери...

— Approchez vous de moi, милый!

— Значитъ, вы не вѣрите, что она слышитъ?.. Ну, я ее сейчасъ кликну...

— Пожалуйста, безъ этихъ опытовъ!

— Лучше поѣзжайте скорѣе домой и черезъ двадцать минутъ...

— Ты будешь?

Онъ согласно кивнулъ головой.

Она сжала его руку и спросила:

— Это не ложь?

— Это правда, но не надо царапать ногтями мою руку.

— Когда же я не могу!

— Пустяки!

— Поцѣлуй меня хоть одинъ разъ!

— Еще что!

— Но отчего же!

— Ну, хорошо!

Молодой человѣкъ поцѣловалъ ее и всталъ съ мѣста: онъ очень хотѣлъ бы, чтобы его дама сейчасъ же встала и ушла, но она не поднималась и еще что-то шептала. Ея дальнѣйшее присутствіе здѣсь было ему мучительно, и это выразилось на его искаженномъ злостью лицѣ. И зато онъ взялъ ея руку и, приложивъ ее къ своимъ губамъ, сказалъ:

— Lilas de perse—это мило: я люблю этотъ запахъ!

Дама вспрыгнула и, сжавъ рукой лобъ, покачнулась.

— Что съ вами?—спросилъ ее Валеріанъ.—Спѣшите на воздухъ!

Она взглянула на него исподлобья и прошипѣла:

— Это низко!.. это подло!.. это безчестно!.. Послѣ того когда я тебѣ это откровенно объяснила... ты не имѣешь права... не имѣешь пра... ва... пра... ва...

— Бога ради только безъ истерики!.. Вамъ нужно скорѣе на воздухъ!

— Воздухъ... Пустяки... Я все это должна была выполнить...

— Ну да... и выполнила... Поѣзжай скорѣй домой и все будетъ прекрасно.

При этомъ обрадованіи она опять взяла его руку и прошептала:

— Ну да... О, Боже! Но если жъ я тебѣ уже все разсказала, для чего это такъ было нужно, то для чего жъ говорить: «lilas de perse»! Вѣдь это низко!.. Я всѣмъ скажу... вотъ именно... какъ это низко... А я отсюда не уйду...

— Да, да! Пожалуйста останьтесь: maman сейчасъ придетъ.

И онъ всталъ съ мѣста, но она его удержала.

— Я вѣрно схожу съ ума! — произнесла она, приложивъ къ бьющимся вискамъ тыльную сторону своихъ стынущихъ пальцевъ, и повторила: — Помогите! Я, право, схожу съ ума!

Валеріанъ испугался страдальческаго выраженія ея лица и началъ ее крестить. Она съ негодованіемъ его оттолкнула и прошептала:

— Креститель!

— Что жъ тебѣ надо?

— Мнѣ? Униженія и новыхъ обидъ! Мнѣ нужно, чтобы ты былъ со мною!

— Но я же съ тобою!

— О-о, конечно, не здѣсь!

— Ну, и поѣзжай скорѣе домой, и я сейчасъ буду, и тамъ падай, какъ хочешь.

— Какъ я хочу... Меня стóитъ убить!..

Она хотѣла сказать что-то еще, но, вмѣсто того, поцѣловала его руку, а онъ съ своей стороны нагнулся къ ней и прикоснулся губами къ вьющейся на ея шеѣ косичкѣ

Искаженное лицо женщины озарилось румянцемъ чувственнаго экстаза, и она поспѣшно закрыла себя вуалью и вышла. По ея щекамъ текли крупныя, истерическія слезы, и ея глаза померкли, а губы и носъ покраснѣли и выпятились, и все лицо стало напоминать вытянутую морду ошалѣвшей отъ страсти собаки.

Она догадалась, что она гадка, и закрылась вуалемъ.

Когда она проходила мимо швейцара, тотъ молча подалъ ей, хранившееся у него за обшлагомъ ливреи, письмо съ адресомъ «живчика», а она бросила ему трехрублевый билетъ и сѣла въ сани, тронувъ молча кучера пальцемъ.

— Инда земли не видитъ отъ слезъ!—замѣтилъ своему собесѣднику швейцаръ.—А ему хоть бы что!

— Да, нонче себя мужской полъ не теряютъ напрасно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Молодой Валеріанъ собственноручно заперъ дверь за дамою и, возвратясь въ гостиную, вынулъ изъ кармана панталонъ скомканныя деньги и началъ ихъ считать.

Изъ-за двери, на которую Валеріанъ указалъ гостьѣ, въ самомъ дѣлѣ послышался голосъ его матери. Она спросила:

— Ты что-то дѣлаешь?

— Да я ужъ сдѣлалъ.

— Ты можешь купить «промышленные»: всѣ увѣряютъ, что они къ веснѣ сыграютъ вдвое.

— Maman, я знаю кое-что повыгоднѣе.

— А что такое, напримѣръ?

— Ну, мало ли! Теперь вѣдь посыпаютъ персидскимъ порошкомъ ростовщиковъ и даже нашъ «взаимный другъ» Michel окочурился... Въ ихъ мѣсто нужно же нѣчто новоее.

— Вотъ то и есть, но что же именно?

— Ахъ, maman! Это возможно только тому, кого, какъ меня, считаютъ беззаботнымъ мотомъ, у котораго нѣтъ ничего за душою.

За дверью что-то рѣзали и положили ножницы.

— Вы, maman, что-нибудь шьете?

— Да, мой сынъ, я зашиваю свои дыры, я чинюсь... подшиваю лохмотья, которыхъ не хочу показать моей горничной.

— Это, maman, очень благоразумно и благородно.

— Но непріятно.

Юноша хотѣлъ что-то отвѣтить, но промолчалъ, и только кадыкъ у него ходилъ клубясь яблокомъ.

За дверью опять послышалось, какъ что-то отрѣзали ножницами и снова положили ихъ на мѣсто, и, въ то же время, хозяйка сказала:

— Я думаю, что ты гораздо больше бы выигралъ, если бы помогъ дядѣ Захару поправить увлеченія его молодости. Лука это навѣрное бы оцѣнилъ и сталъ бы принимать насъ.

— Очень можетъ быть, maman, но я вѣдь не самолюбивъ и не падокъ на то, чтобы хвалиться, гдѣ меня принимаютъ.

— Но онъ бы тебѣ просто далъ много денегъ.

— Что-жъ, я очень радъ, но только какъ это сдѣлать?

— Надо взять бумагу, которой боится дядя Захаръ.

— То-есть, милая мама, ее вѣдь надо *украсть!*

— У тебя такая грубость, что съ тобой нельзя говорить.

— Maman, я ничего не грублю, а я только договариваю то, что надо сдѣлать.

— Неправда. Эта женщина сама все тебѣ сдѣлаетъ.

— Э-э! ошибаетесь! Эта женщина есть превосходный агентъ и превосходный математикъ, но ея же не оплетеши.

— Однакоже, она считаетъ тебя игрокомъ и мотомъ.

— Да, maman, но я употребляю очень большія усилія, чтобы устроить себѣ такую репутацію, только изъ-за того, что это должно сослужить мнѣ службу при новомъ курсѣ.

— Сказать по совѣсти, я ничего не понимаю, для чего это нужно.

— А кажется, что̀ проще! Всѣ уже вкусили «добляго» житія, и оно, наконецъ, надоѣло... Что дѣлать? Родъ людской неблагодаренъ и злонравенъ... Felicitas temporum откланивается... Нуженъ реваншъ... есть потребность въ реакціи...

— И что же будетъ въ реакціи?

— Это, maman, еще не ясно, но извѣстно всѣмъ, что явленія не повторяются, а послѣ дождичка бываетъ вёдро, и потому прослыть мотомъ и кутилой теперь, все-таки, выгодно—это значитъ обнаружить въ себѣ извѣстную благонадежность, которая пригодится очень скоро.

— А вы уже на все готовы!

— Какъ же вы хотите иначе? Вѣдь мы же такъ и натасканы, чтобъ быть на все готовыми.

— Скажи, однако, какъ не мудрена ваша мудрость!

— Ахъ, maman, что̀ такое намъ мудрость? Ужъ фельетонисты, и тѣ гдѣ-то вычитали и повторяютъ, что «благá мудрость съ наслѣдіемъ», а вѣдь вы съ папашею намъ наслѣдія не уготовили.

— Христіанскіе родители и не обязаны снабжать васъ наслѣдіемъ.

— Нѣтъ-съ, извините-съ, обязаны!

— Гдѣ же это сказано?

— А вотъ въ «премудрости Павла чтеніе», на которое любятъ ссылаться; тамъ это и сказано: «не дѣти *должны собирать* имѣніе для родителей, но родители для дѣтей».

— Это что-нибудь изъ толстовскаго, въ простомъ этого нѣтъ!

— Извините-съ! Не угодно ли посмотрѣть въ самомъ въ простомъ второе посланіе къ коринѳянамъ, двѣнадцатая глава?

— Откуда ты все это знаешь, гдѣ и какая глава?

— Га! Я интересуюсь-съ! Я хочу этимъ побить Толстого!

— Такъ и бей! Это прекрасно тебя выставитъ.

— Позвольте-съ,—придетъ время.

— Какого еще надо время: онъ надоѣлъ.

— Прекрасно-съ, но ничего не надо дѣлать даромъ... Изъ ихъ похвалъ не шубу шить. Съ тѣхъ поръ какъ изобрѣтены денежные знаки, за всякія услуги надо платить: я изъ руки выпускаю услугу, а ты клади объ это самое мѣсто денежный знакъ.

— Но ты бы могъ и получить наслѣдіе.

— Ахъ, вамъ все не идетъ изъ головы дядя Лука!

— Именно не идетъ.

— Ну, я васъ успокою: съ наслѣдствомъ этимъ все кончено: «оставь надежду навсегда!»

— Ты этого не можешь знать.

— Нѣтъ, знаю. Я это купилъ, родная, у нотаріальнаго писаря. Все отдано на «питательныя учрежденія» и «открытое наученіе».

— Ты шутишь!

— Нисколько-съ.

— А Лидія?

— Ей не нужно; она не хочетъ возбуждать зависти и ссоръ, и отказалась.

— Вотъ дура!

— И вредная! не отдала роднымъ!

— Но этого нельзя допустить!

— Не надо бы-съ!

— Что жъ дѣлать?

— Надобно спасаться, чѣмъ знаете, хоть даже чудомъ!

— Теперь ты вѣришь въ чудо?

— О, да, maman!.. Я вѣрю во все, во что угодно: я жить хочу.

И жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ,—о, я вѣрю чуду!

Я вамъ даже нѣчто и больше скажу, но это между нами.

— Пожалуйста.

— Надо проводить новаго чудотворца.

— Какіе пустяки!

— Нѣтъ-съ: это надо. И у меня такой есть!

— Но что же онъ можетъ дѣлать?

— Не безпокойтесь!.. маленькія вещицы онъ уже дѣлаетъ, и очень не дурно, но надо его хорошо вывесть и хорошо рекомендовать. О, я знаю что надо въ жизни!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Мать и сынъ умолкли. Казалось, они оба вдругъ устали отъ всѣхъ перебранныхъ ими впечатлѣній и тяжести такого рѣшенія, послѣ котораго каждымъ изъ нихъ ощущалась потребность въ какомъ-нибудь внѣшнемъ толчкѣ и отвлеченіи, и за этимъ дѣло не стало. Въ эти самыя минуты, когда мать и сынъ оставались въ молчаніи и ужасѣ отъ того, на что они рѣшились, съ улицы все надвигался сгущавшійся шумъ, который вдругъ перешелъ въ неистовый ревъ и отогналъ отъ нихъ муки сознанія. Валерій все еще былъ погруженъ въ соображенія, но хозяйка встревожилась и оживилась: она выбѣжала въ безпорядочномъ туалетѣ въ гостиную, бросилась къ окну и закричала:

— Смотри, какая толпа!

Валеріанъ лѣниво потянулся, какъ бы спросонья, и отвѣчалъ сквозь зубы:

— Нелѣпая толпа, maman, не стòитъ и смотрѣть!

— Да, но, однако, это трогательно!

— А я такъ думаю—нимало.

— Но да, но, все-таки, вѣдь это вѣра!

— Не знаю, право!

— А вообрази, нашъ швейцаръ: онъ, должно-быть, совершенный нигилистъ.

— Онъ, кажется, когда-то славился другимъ.

— А именно!

— Онъ помогалъ переводить нигилистовъ. О немъ знаетъ вашъ генералъ.

— Но какъ же,—я его спрашиваю,—что̀ это значитъ? А онъ отвѣчаетъ: «Необстоятельный народъ-съ мечется, а не знаетъ чего».

— Онъ, однако, умно вамъ отвѣтилъ.

— Ну, полно, пожалуйста! Но что за глупые, вправду, чего они всѣ разомъ хотятъ?

— Вѣроятно, они хотятъ, чтобъ ихъ вытолкали и побили.

— И какіе гадкіе: испитые, оборванные!

— Ну, да, труждающіеся и обремененные. Тутъ, вѣрно, гдѣ-нибудь Jean или Onthon.

— Гляди, пожалуйста: вотъ и эта бойкая женщина, на которую жалуются. Взаправду, смотри, какъ она ихъ царапаетъ!

Валеріанъ всталъ и оживился.

— А-а! — сказалъ онъ, улыбаясь, — вотъ къ этой я неравнодушенъ. Это личность съ характеромъ, ее зовутъ какъ-то въ родѣ Елизаветъ Воробей, она вывозитъ знаменитость въ свѣтъ, и бьетъ, и царапаетъ ту самую публику, которая сдѣлала имъ всю ихнюю славу. По-моему, она да Мещерскій только двое и постигли, что̀ нужно людямъ, которые не знаютъ, чего хотятъ. Пойду смотрѣть, какъ она этихъ олуховъ лущитъ!

Valerian вышелъ въ переднюю, гдѣ было темно, но у лампы возилась со спичками та самая красивая горничная съ китайскими глазками, которая нѣсколько времени назадъ ласково позволяла генералу цѣловать ее въ шейку. Увидавъ ее, Valerian поморщился и сталъ надѣвать перчатки.

Дѣвушка бросила спички и хотѣла уйти, но опять остановилась. Она была неспокойна и лицо ея разгоралось и принимало дерзкое выраженіе.

Молодой человѣкъ это замѣтилъ и, вскинувъ на голову фуражку, сталъ самъ надѣвать, безъ помощи, свое пальто.

Дѣвушка посмотрѣла на него искоса и рѣшилась ему помочь. Она взяла у него изъ рукъ пальто, но едва лишь онъ началъ вздѣвать его въ рукава, какъ она бросила

пальто на полъ и исчезла за вѣшалкой, гдѣ была маленькая дверь въ каютку, служившую ей помѣщеніемъ. Изъ этой каютки на парадную лѣстницу выходило маленькое зеркальное окошечко, затянутое голубою тафтой.

— Свинья!—прошепталъ вслѣдъ ей Валеріанъ и, поднявъ съ полу пальто, отряхнулъ и надѣлъ его безъ посторонней помощи, а потомъ, выйдя на лѣстницу, торопливо побѣжалъ внизъ по ступенямъ. Но быстрота его не спасла и вслѣдъ ему изъ окна раздалось:

— Ишь, сгорбилъ какъ виноватую спину! Думаетъ, не знаю, куда поспѣшаетъ! Драть бы васъ съ вашимъ старухамъ-то!

Но Валеріанъ убѣгалъ и старался не слушать о томъ, чего, надо думать, онъ заслужилъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Внизу лѣстницы встрѣтились два брата: Аркадій и Валерій, «рохля» и «живчикъ». Аркадій (рохля) былъ старше Валерія (живчика) лѣтъ на шесть и гораздо его солиднѣе. Онъ былъ тоже породистый «полукровокъ»: какъ Валерій, пухлый и съ кадыкомъ, но какъ будто уже присѣлъ на ноги. Съ лица онъ походилъ разомъ на одутловатое дитя и на дрессированнаго волка. Отъ него пахло необыкновенными духами, напоминавшими ароматъ яблочныхъ зеренъ.

Дверь материной квартиры рохля нашелъ не закрытою. Такъ она оставалась послѣ недавняго выхода Валеріана. Аркадій презрительнымъ тономъ обратилъ на это материно вниманіе. Та пожала плечами и сказала:

— Что-жъ дѣлать? Мы, вѣдь, даже не вольны въ нашей прислугѣ. Принять и отпустить человѣка—цѣлая процедура, и люди это знаютъ и не боятся, а позволяютъ себѣ все, что угодно.

Аркадій перебилъ:

— Надо, чтобы Валеріанъ не ставилъ себя въ такое положеніе, чтобы зависѣть отъ женщины!

Мать махнула рукой и сказала:

— Ахъ, ужъ оставь говорить противъ женщинъ!

Изъ комнатки за вѣшалкой какъ бы въ отвѣтъ на это слышалось тихое истерическое всхлипываніе.

Хозяйка встала и заперла эту дверь и снова сѣла.

— Я всегда буду говорить, что женская прислуга никуда не годится,—произнесъ тихо Аркадій.

— Она дешевѣе и полезнѣе,—отвѣчала мать.

— Зато вотъ и терпите ея выходки.

— Ахъ, я ужъ и не знаю, отъ какихъ выходокъ хуже! Мнѣ кажется, отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній можно сойти съ ума.

— Это всегдашняя ваша пѣсня, maman... Но зачѣмъ вы за мной посылали?

— У меня былъ братъ Захаръ... Когда жъ это кончится?

— Да что такое? Дядя вѣчно болтаетъ... Онъ извѣстный болтунъ!

— Пусть онъ болтунъ, но ты не порть свою карьеру. Я за тебя дрожу!

— Да нечего вамъ дрожать, maman! То время, когда шантажъ былъ развитъ, прошло. Теперь всѣ въ низшемъ классѣ знаютъ, что за шантажъ есть наказаніе, и, къ тому же, я и самъ не хочу здѣсь больше оставаться, гдѣ этотъ fabulator elegantissimus не вѣсть что обо всѣхъ сочиняетъ. Тетя Олимпія сама взялась мнѣ уладить это съ Густавычемъ. Его зятя переведутъ на Западъ, а я получу самостоятельное назначеніе на Востокѣ.

— О, пусть бы она хоть этимъ загладила свой грѣхъ передо мной!

— Какой же это грѣхъ?

— Грѣхъ? Несчастье всей моей жизни.

— Ахъ, это что-нибудь такое, чего мы, какъ дѣти, не должны знать!

— Вы не знаете ничего, кромѣ того, что̀ васъ самихъ касается. Но когда же она тебя устроитъ?

— Сегодня... можетъ-быть, сейчасъ! Если я получу на-

значеніе, то танта Олимпія сюда заѣдетъ... Да вотъ и она, — добавилъ онъ, взглянувъ въ окно на улицу: — я вижу, у подъѣзда ея коляска и кучеръ съ часами на поясницѣ.

Рохля пошелъ въ переднюю и открылъ дверь на лѣстницу, по которой поднималась пожилая, очень массивная дама въ тальмѣ дипломатическаго фасона, который, впрочемъ, очень любятъ и наши кухарки. Подъ мѣховою тальмой, представляющей какъ бы рыцарскую мантію, на могучей груди дамы сверкала бисерная кираса. Дама немножко тяжело дышала, но поднималась бодро и говорила, улыбаясь, «рохлѣ»:

— Смотри, мнѣ скоро шестьдесятъ пять лѣтъ, а мое сердце работаетъ еще какъ добрый кузнецъ.

При этомъ она взяла руку племянника и приложила ее къ своей кирасѣ, а потомъ, войдя въ переднюю, подставила хозяйкѣ свою щеку для поцѣлуя и продолжала:

— Прости, я къ вамъ на минуту: взойду, но не раздѣнусь. Я лишь затѣмъ, чтобы васъ обрадовать: Аркадій, ты назначенъ! Ступай, сейчасъ ступай благодари! Это его свяжетъ и отрѣжетъ ему путь къ отступленію.

— Сейчасъ, ma tante,—отвѣчалъ Аркадій и сталъ искать свое пальто.

Изъ-за вѣшалки показалась оправившаяся горничная, но Аркадій судорожно отъ нея уклонился и спѣшно вышелъ.

Олимпія это замѣтила и, входя въ гостиную, сказала съ улыбкой:

— Онъ все еще попрежнему... такой же шутъ... боится женщинъ!

— Ахъ!

Хозяйка махнула рукой.

— Э, милая, не стòитъ думать!.. Это теперь совсѣмъ не такъ необыкновенно! Но хорошо, однако, что il ne met plus de manchettes... Теперь онъ, все-таки, похожъ какъ всѣ люди. Но, однако, adieu! Я къ тебѣ, можетъ-быть, еще за-

верну поговорить по душѣ, а пока у меня милліонъ дѣлъ. Вы всѣ вѣдь здѣсь уснули! Такъ нельзя! Вы просто *дрыхнете*, какъ это говорятъ, и, притомъ, жуете онучъ... Васъ надо будить! Куда ни заглянешь, вездѣ всѣхъ надо будить. Вашъ сонъ ужасно затрудняетъ все славянство. Святая Русь есть сила міра, и это будетъ ея имя: *Sīlamira!* Но это еще пока спящая сила! Современемъ это будетъ не такъ! Тогда не надо будетъ приходить съ Запада и толкать васъ, какъ теперь, когда вы начинаете очень скандально сопѣть и храпѣть...

— Да, но у насъ теперь всѣ вѣруютъ!

— А по-моему, вы даже плохо и вѣруете: вы вѣруете все какъ-то сонно... точно во снѣ... точно вы насилу плывете и насилу вѣруете, и, того и гляди, сейчасъ куда-то опуститесь и все позабудете... Прощай! До свиданія!.. Ты, разумѣется, уже слышала, что́ сдѣлала Нина, Захарова дочь?

— Говорятъ, будто она... будетъ матерью.

— Чего тамъ: «говорятъ»! Это фактъ! Конечно! она будетъ матерью... Но какъ это случилось?.. Вѣдь графъ такъ старъ и такъ глупъ, что онъ женился только на зло своимъ дочерямъ Гонерильѣ и Реганѣ...

— Какая безнравственность!

— Нѣтъ, да ты, вѣроятно, еще не все знаешь? C'est un inceste!.. Ей поручили отвезти племянника, который еще до сихъ поръ кадетъ или что-то подобное...

— О Боже! Боже!

— Да, именно ужъ это настоящій creminal conversation de Byzance!

И она замотала руками и головой и пошла къ двери, но хозяйка удержала ее у порога и сказала:

— Ты много сдѣлала, что устроила опять Аркадія, но я боюсь, что̀ если онъ взаправду сумасшедшій?

— Оставь и будь спокойна,—отвѣтила Олимпія,—помни, что̀ говорилъ Оксенштіерна: «не великъ умъ надо, чтобы дѣлать политику».

Олимпія прижала ладони къ своей кирасѣ и добавила:

— Это совсѣмъ не наша обязанность, чтобы поставлять умы для всего свѣта, а наше métier совсѣмъ иное, и оно все въ томъ, чтобы насыпать соли на хвостъ всѣмъ, кто рвется впередъ.

Объяснивъ свое призваніе, дама еще разъ щелкнула себя по кирасѣ и, встряхнувъ руку хозяйки аглицкою встряской, сошла внизъ, сѣла въ коляску наискось противъ часовъ, торчавшихъ на поясницѣ кучера, и понеслась jouer un tour de son métier.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Хозяйка осталась одна и сейчасъ же спросила себѣ пальто и калоши, взяла въ карманъ флаконъ съ нюхательною солью и ушла изъ дома, сказавъ, что хочетъ сдѣлать покупки въ «бракованной лавкѣ».

Она чувствовала ту ужасную усталость, о какой можетъ имѣть понятіе только актриса, исполняющая роль, которая не спускаетъ ее цѣлый актъ со сцены.

Она была очень утомлена, почти измучена, но въ ней еще много силы для такихъ же бореній. Она скоро оправится на воздухѣ и будетъ въ состояніи дать наилучшій отчетъ на своемъ мѣстѣ.

А пока кошка въ отсутствіи, безъ нея начинаютъ шалить домашнія мыши.

По уходѣ хозяйки, горничная съ китайскими глазами и фигуркой фарфоровой куклы прошла по всѣмъ комнатамъ и вездѣ открыла форточки, а потомъ отдернула портьеру и отворила дверь изъ гостиной въ будуаръ, который служилъ тоже хозяйкѣ и ея кабинетомъ, и тайникомъ. Здѣсь дѣвушка убрала безпорядокъ, потомъ вынула изъ кармана подобранный ключикъ, открыла имъ столъ и, доставъ оттуда надушенный листокъ слоновой бумаги, зажгла свѣчи и начала выводить:

«Если предложенія ваши обстоятельны, то хотя ваши

лѣта и не сходны, но за вѣжливость вашу я согласна имѣть для васъ полныя чувства, только никакъ не въ вашемъ собственномъ домѣ и не при вашихъ людевъ».

Она перечитала написанное и внизу послѣ своей подписи еще приписала:

«Только пожалуста съ отвѣтомъ по почтѣ».

Написавъ это письмо, дѣвушка достала изъ бювара своей госпожи конвертъ и начала тщательно выводить адресъ. Въ это время портьера раскрылась съ другой стороны будуара и въ комнату, выпятивъ зобъ, какъ гусыня, вошла рослая, бѣлая женщина лѣтъ сорока пяти, съ большимъ ртомъ и двухъэтажнымъ подбородкомъ. Это была домовая кухарка.

— Достань-ка мнѣ у нея пару папиросокъ,—сказала она горничной.

— Возьми сама,—отвѣчала дѣвушка и продолжала надписывать конвертъ.

Кухарка взяла изъ сердоликовой коробочки нѣсколько папиросъ, закурила одну изъ нихъ, и сѣвши на шелковомъ пуфѣ передъ зеркаломъ, начала выдавливать ногтями прыщикъ на подбородкѣ, а потомъ она запудрила это мѣсто барыниной пуховкой и сказала:

— Мочи нѣтъ, какъ прыщи одолѣли!

— Не лакай чернаго пива.

— И то ужъ не пью.

— Ну, такъ не тискай мальчонковъ, которые приносятъ покупки.

— Ты, что ли, это видала?

— Еще бы! Зеленщикова мальчонку вчера, думала, ты, какъ русалка, совсѣмъ защекочешь.

— Онъ ребенокъ, еще совсѣмъ безъ понятьевъ.

— Такъ ты и станешь дожидаться евонныхъ понятьевъ!

— Нѣтъ, я вѣдь, ей-Богу, я только всего и люблю баловать, да помять ихъ, красивыхъ дѣтишковъ. У меня крестникъ ужъ былъ шестнадцати лѣтъ, да вотъ померъ,—

я и скучаю. А ты это на кого еще грѣхъ новый наводишь; кому это пишешь?

Дѣвушка не отвѣтила.

— Думаешь, я не знаю? А я знаю!

Китаянка опять промолчала.

— Хочешь, скажу?

— Ну, говори!

— Генерала ты путаешь, вотъ что!

— Ну, такъ и знай, что его самого!

Она стала наклеивать марку.

— Вотъ ты надо мною смѣешься, что я ласкаю дѣтишковъ, а сама хуже попалась.

— Ничего не попалась.

— А отчего жъ ты ревешь и некрасивая стала?

— Реву о томъ, что дура была,—въ вѣрности жить полагала.

— Вотъ то-то и есть; а теперь и видать—непорожня.

— И врешь, ничего еще пока не видать.

— Отчего же, когда батюшка былъ, онъ меня поблагословилъ и попить мнѣ чайку далъ съ своего блюдца, а тебѣ нѣтъ?

— У меня на лбу пѣтушки были натрёпаны: онъ не любитъ. Да и не надо: не все то и сбывается, что онъ говоритъ.

Кухарка покачала головой и, вздохнувши, сказала поучительнымъ тономъ:

— Да, ужъ это неизвѣстно, почему такъ онъ по купечеству много отмаливаетъ, а въ разныхъ званьяхъ не можетъ.

— Не потрафляетъ!

— Не надо, дружокъ, такъ говорить, потому что хотя онъ и не потрафляетъ, и не все пусть не сбывается, ну, а все мы должны вѣрить въ Божье посланье, хотя я и сама... этой драчихѣ, которая царапаетъ, такъ бы ей всѣ космы выдрала!

— И отвели бы тебя подъ судъ, — сказала дѣвушка, у

которой нравъ былъ шкодливый, но робкій. Но кухарка, женщина опытная, смѣло ей отвѣчала:

— Ничего не значитъ: «нарушеніе тишины безпорядка! Восемь дней на казачьемъ парадѣ!» Ей-Богу, вздую!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ это время внезапно раздался звонокъ. Кухарка и горничная обѣ быстро вскочили: дѣвушка проворно опустила письмо въ карманъ и побѣжала отворить парадный входъ, а кухарка прошла въ коридоръ, соединяющій переднюю съ кухней, и притаилась у двери.

Вошелъ Валеріанъ и негромко спросилъ:

— Кто у насъ?

— Никого — отвѣтила дѣвушка.

— А мама?

— Вышли.

— Не вышелъ ли, кстати, и изъ тебя твой дурацкій капризъ?

— Какъ не дурацкой! Скажите, пожалуйста... нечего мнѣ капризничать?

— Дѣвушка забирала самую бранчивую ноту.

— Возьми, пожалуйста, вотъ это себѣ и не дуйся, какъ дама женскаго пола.

— Что это такое?

— Серьги.

— Мнѣ не серьги нужны, а добудь мнѣ средство.

— Послѣ, добуду.

— Нѣтъ, вы меня обманываете! Я вамъ не дура!

— Бери пока это!

— Не надо.

— Что за глупость! Кому же я ихъ отдамъ?

— Мнѣ что за дѣло? Я не хочу! Ничего отъ васъ не хочу, потому что вы не благородный господинъ и студентъ, а самый низкій и подлый мужчина!

Валерій хотѣлъ ее остановить какою-то грубостью, но она дернулась и сказала:

— Смѣй-ка, посмѣй!—и ушла въ свою каютку.

Молодой человѣкъ юркнулъ туда же за нею и заговорилъ съ лаской:

— Послушай... Вѣдь ты же хотѣла... ты просила сережки... Бери же теперь, когда куплено!

— Куплено!.. Гдѣ?.. Въ чьемъ магазинѣ? Или, быть можетъ, сдернулъ шутя у Савки на лавкѣ?

— Зачѣмъ ты этакія пошлости говоришь?

— А какъ же не спросить? Быть-можетъ, ихъ и носить нельзя?

— Это еще что за глупость?

— А, можетъ-быть, эта жимолость увидитъ и съ ушами оторветъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Какая «жимолость»?—вскричалъ онъ.

— Да старуха-то эта... ваша Камчатка... Вѣдь она... жимолостная...

— Какая Камчатка!

— Не знаешь!

— Разумѣется не знаю!

— Полно дурака-то валять!

— Я тебѣ говорю, что не знаю: что̀ такое Камчатка и почему Камчатка!

— Такъ ты у нея спроси, что это она сама Камчатка или за нее другихъ посылаютъ въ Камчатку, а только я ея не боюсь и говорю, что она самая преподлая-подлая и ужъ давно бы ей бы пора умирать, а не ребятъ нанимать, которые хуже самой болтущей дѣвчонки.

— Однако, ты дѣйствительно невыносимо забываешься!

— Что-же? Мнѣ еще можно. Зато, когда старухой сдѣлаюсь, не позабудусь.

Валеріанъ бросилъ свой подарокъ на комодикъ дѣвицы и, сжавъ ея руку, прошепталъ:

— Я тебя ненавижу!

— Чего благороднѣе, какъ теперь ненавидѣть!

— Ты сама довела, что мнѣ стала противна.

— А противна, такъ зачѣмъ ты сюда пришелъ?

— Я только и хотѣлъ тебѣ это сказать, что ты скверна!

— Ну, да! Сдѣлайте одолженіе!.. Непремѣнно скверна!.. Для кого-нибудь не скверна, а ты сказалъ и уходи. Совсѣмъ напрасно ваши пульсы бьются...

— Ты врешь, мои пульсы не бьются?

— Ну, да!.. оно и видно!

— Ну, такъ я тебѣ это сейчасъ объясню, для чего они бьются.

— Э, нѣтъ, братъ, нѣтъ, нѣтъ! Я ужъ отъ этихъ вашихъ объясненьевъ-то вонъ какимъ уродомъ стала, что даже всѣ замѣчаютъ.

Онъ что-то сказалъ, но она отвѣчала: «нѣтъ», потомъ опять «нѣтъ» и потомъ еще:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Что-о?.. Ага!.. Нѣтъ!.. Подаренье мнѣ — это въ составъ не входитъ, а ты виноватъ и прощенья проси.

— И еще попроси!

— И еще!

— Ну, вотъ такъ! А то ступай вонъ... Вашего брата надо пробирать!

Подслушивавшая кухарка отъ этихъ послѣднихъ словъ пришла въ восторгъ и, озарившись радостной улыбкой, плюнула и прошептала:

— Ахъ, ты шельма! давно ли изъ деревни, а какъ умѣетъ! Это она опять на колѣни его поставила! Тьфу! Ей-Богу въ ее чортъ ложку меду кладетъ!

И кухарка еще сильнѣе затаила дыханіе, чтобы наблюдать, что̀ будетъ, но дальнѣйшей проборки уже не было слышно, потому что дверь маленькой каютки закрылась, а съ другого конца коридора, гдѣ своимъ чередомъ совершалась забота о пищѣ, поползъ невыносимый чадъ.

Кухарка бросилась къ своему бурливому алтарю и застала на плитѣ самый полный безпорядокъ: одно перекипѣло и било черезъ край, другое перегорѣло, пережари-

лось и все наполняло смрадомъ помѣщеніе, съ потолка и до пола.

Кухарка разсердилась и закричала:

— О, чортъ бы васъ взялъ, съ вашими пульсами и съ вашею проборкой! Всѣ, дьяволы, будете нынче безъ жратвы!

Съ этимъ, полная гнѣва, она вскочила на столъ, открыла форточку и размахнула настежь дверь съ чернаго хода; но едва она это сдѣлала, какъ вся просіяла; на ея концѣ улицы тоже заходилъ праздникъ: у самаго порога стоялъ румяный лавочный мальчикъ съ корзиною на головѣ и не рѣшался перешагнуть.

— А-а! — привѣтствовала его весело бѣлая баба: — то-то я, братцы, слышу: кто это съ такою великолѣпною гордостью ползетъ и катится, а это ты шишь-пыжь — лавочная мышь? Здорово, Петрунька!

Мальчикъ дулся и молчалъ, а кучерявая бабелина разсмѣялась и, потянувъ его за фартукъ въ кухню, бойко продолжала:

— Полно дуть губу!.. Дуракъ! Вѣдь живъ, чай, остался!

— Только и есть, что живъ вамъ достался! — отвѣтилъ плаксиво розовый мальчикъ и вразъ измѣнилъ голосъ, крикнувъ: — Принимай, что ли, скорѣе корзинку! Мнѣ не время!

— А мнѣ что за дѣло? Тутъ не снимай!.. Видишь, здѣсь чадно! Неси вонъ туда, въ мою комнату.

Мальчикъ съ корзинкою тронулся и опять въ нерѣшительности остановился; но кухарка втолкнула его въ комнату, и оттуда сейчасъ же послышался жалостный пискъ.

Вечеръ густѣетъ. Все тихо.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ кухнѣ прочистилось; чадъ унесло; изъ кухаркиной комнаты, озираясь, вышелъ робко лавочный мальчикъ; у него на головѣ опрокинута опорожненная корзина. Она за-

крываетъ ему все лицо, и въ этомъ для него, повидимому, есть удобство. Кухарка его провожаетъ и удерживаетъ еще на минуту у порога; она молча грозитъ ему пальцемъ, потомъ сыплетъ ему горсть сухого господскаго компота, и, наконецъ, приподнимаетъ у него надъ головою корзинку, беретъ руками за алыя щеки и цѣлуетъ въ губы. При этомъ оба цѣлующіеся смѣются.

Мальчикъ уже сбросилъ съ себя свою дѣтскую робость, а она ему шепчетъ:

— На гулянье пойдемъ вмѣстѣ. Гляди тамъ какое веселье!.. Я тебѣ къ празднику голубую рубашку сошью. Прибѣги только завтра примѣрить.

— Прибѣгу,—отвѣчаетъ мальчишка.

Она его еще обняла и, прижавъ къ груди его головенку, сказала ему съ материнскою нѣжностью:

— А когда тебя пошлютъ къ прачкѣ въ заведеніе, ты съ ея гладильщицами не разговаривай... Слышишь?.. Онѣ дѣвчонки вѣтреныя. Можешь пропасть...

— Нѣ-ѣтъ! — отвѣчалъ мальчикъ. — Мнѣ и такъ всѣхъ стыдно!

— Вотъ то-то и есть! Да всѣ, милка, ничего и не значитъ... А я всѣхъ дворниковъ подкуплю и мнѣ сейчасъ все и донесутъ.

Онъ посвистываетъ и спускается съ лѣстницы, обнаруживая въ самомъ дѣлѣ «великолѣпную гордость».

Дворницкій работникъ встрѣчаетъ его съ вязанкою дровъ и говоритъ:

— Пётра, сколько ты прожилъ лѣтъ?

— Тринадцать.

— Ишь, старикъ! А жить хорошо?

— Ничего.

— Ожидай, значитъ, лучшаго!

Пётра благодаритъ и уходитъ въ ожиданіи лучшаго.

Онъ будетъ на гуляньѣ, она ему подаритъ рубашку. Современемъ онъ попроситъ ее купить ему часы. А то ну ее къ чорту!

Въ передней и въ кухнѣ засвѣтились хорошо протертыя лампы. На плитѣ въ кастрюляхъ все подлито и подправлено, буря прошумѣла и отхлынула, наступаетъ снова чистота и порядокъ, какъ требуется. Надо и себя примундирить.

Кухарка повернула кранъ и спустила надъ раковиной воду до холодной струи. Этой воды она налила полный жестяной уполовникъ и всю ее выпила. Она пьетъ съ жадностью, какъ горячая лошадь, у которой за всякимъ глоткомъ даже уши прыгаютъ. Прежде чѣмъ она кончила свое умыванье, въ кухню входитъ тоже и горничная, и эта точно такъ же молча взяла уполовникъ, и такъ же налила его холодной водой, и такъ же пьетъ съ жадностью, и красныя уши ея вздрагиваютъ за каждымъ глоткомъ.

Затѣмъ и эта умылась холодною водой надъ тою же самою раковиной и замахала надъ головой мокрыми руками, потому что забыла взять съ собой утиральникъ.

Говорить ей не хочется.

Кухарка ее поняла, кинула ей чистый конецъ своего полотенца и, поклонившись ей наподобіе реверанса, сказала:

— Поздравляю съ пріятнымъ бонжуромъ!

Горничная сдѣлала шутливую гримасу и отвѣтила:

— И васъ съ тѣми же дѣлами!

Онѣ, кажется, признавали за настоящія «дѣла»—только одни дѣла природы, которая множитъ жизнь, не заботясь о томъ, въ чемъ ея смыслъ и значеніе.

РАЗСКАЗЫ КСТАТИ.

(ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

ДАМА и ФЕФЁЛА.

«Ученикъ вопросилъ мудраго: не знаю, жениться мнѣ или нѣтъ?

«Мудрецъ ему отвѣтствовалъ: поступай какъ знаешь,—все равно будешь раскаиваться».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Весною 1894 г. одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ писателей высказалъ нѣсколько смѣлыхъ мыслей о томъ, какія «подруги жизни» лучше для литератора,—образованныя или необразованныя. Разбиралось и то, какія удобства и неудобства представляются литератору въ сожительствѣ съ женщиною образованною, и что̀ онъ можетъ встрѣтить съ простою женщиной малаго развитія. Предложенные вопросы, можетъ-быть, и не серьезны, но они не лишены своего интереса. Къ сожалѣнію, возбудившій ихъ авторъ почему-то, однако, не развилъ своихъ положеній и не доказалъ ихъ основательности. Въ другомъ бойкомъ органѣ ему возражали и смѣшно, и ехидно, но тоже не сказали ничего выясняющаго дѣло. Вѣрно это такъ и должно быть, «чтобы всегда оставалось сказать о женщинахъ нѣчто новое» (Boufflers). Я тоже не имѣю ни малѣйшей претензіи свести любопыт-

ный споръ къ какому-нибудь рѣшительному заключенію, но я хочу дать кстати подходящія иллюстраціи, которыя беру изъ моихъ воспоминаній о литераторской жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Незадолго передъ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* изъ рукъ Дудышкина и Краевскаго подъ редакцію Некрасова и Салтыкова, въ этомъ журналѣ работалъ одинъ писатель, котораго въ нынѣшнемъ случаѣ неудобно было бы называть по имени. Въ данномъ случаѣ его имя и не важно, такъ какъ интересъ представляетъ само положеніе лица и характеръ двухъ его подругъ, изъ которыхъ одна была «дама», а другая «фефёла». Дама была его «законная половина», а фефёла — его «беззаконница». Обѣ онѣ имѣли для упоминаемаго писателя очень серьезное значеніе во время его жизни и различно исполнили свое призваніе къ его потомству.

Я зналъ этого человѣка въ 1865 году, когда Дудышкинъ напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* одну его статью, которая въ публикѣ многимъ понравилась и привлекла автору благорасположеніе обоихъ редакторовъ, т.-е. Ст. Сем. Дудышкина и А. А. Краевскаго. Писателю назначили плату по 80 рублей «за статью», и это его повело къ худу: онъ былъ совершенно счастливъ и до того увлекся литературнымъ успѣхомъ, что сталъ пренебрегать своими служебными обязанностями. Служба у него по его спеціальности была довольно сносная, и хотя она оплачивалась не щедро, а все-таки она обезпечивала его вѣрнѣе, чѣмъ литература. Но съ этихъ поръ онъ службою не дорожилъ, а занятіямъ литературою предавался съ неудержимою страстью. Къ деньгамъ вообще онъ былъ не только не жаденъ, но даже почти равнодушенъ, и въ употребленіи ихъ безразсчетливъ. Къ тому же, онъ былъ очень нетребователенъ и спартански простъ въ своихъ привычкахъ. Какъ ни ѣсть и гдѣ ни жить — это для него было все равно, лишь бы только у него не была отнята возможность

высказывать тò, о чемъ онъ думалъ и чтò признавалъ за нужное и полезное для общества. Каковъ бы онъ ни былъ по его значенію въ литературѣ, но по *характеру* это былъ настоящій литераторъ, которому, кромѣ того, чтò дѣлается въ литературѣ, все трынъ-трава. И его нельзя было ни отманить, ни отбить отъ литературы, хотя бы ему при ней пришлось умереть съ голода. Такіе люди тогда между писателями встрѣчались не въ рѣдкость: нѣкоторые изъ нихъ такъ вѣрили въ высокое значеніе своего литературнаго призванія, что не считали за важное потерпѣть ради идеи не только лишенія, но даже и муки... Вдобавокъ къ этому настроенію писателя, его осѣтило еще другое искушеніе: къ нему начали писать сочувственныя письма разныя незнакомки, и женскія письма расшевелили въ немъ влюбчивость и фантазіи. Словомъ, успѣхъ совсѣмъ вскружилъ ему голову, а дамскія письма даже начали портить его характеръ и мѣшали ему исполнять всѣ его обязанности, — служебныя, литературныя и супружескія, такъ какъ писатель, на его несчастіе, тогда уже былъ женатъ, и супруга у него была съ характеромъ. Женился онъ, кажется, еще студентомъ и, во всякомъ случаѣ, гораздо ранѣе, чѣмъ прославился въ писательствѣ, а поставилъ онъ себя дома такъ неудачно, что жена считала себя очень умною, а его называла «глупымъ» и никакъ не хотѣла вѣрить тому, что онъ можетъ «сочинить» что-нибудь стòящее вниманія. Это его сердило и оскорбляло, и онъ старался измѣнить въ женѣ такой неблагопріятный для него взглядъ, но достичь этого не могъ. Болѣе всего женѣ писателя казалось невѣроятнымъ, что онъ можетъ что-нибудь понимать о супружескихъ обязанностяхъ, а вниманіе постороннихъ дамъ къ ея мужу ее раздражало и довело ее до такой ярости, что она отъ оскорбленій на словахъ перешла къ обиднымъ дѣйствіямъ и явилась къ А. А. Краевскому возвѣстить ему свою побѣду и выразить журналу порицаніе за то, что черезъ его посредство у ея мужа «начались шашни съ дамами».

А. А. Краевскій выслушалъ ее, помычалъ и направилъ ее къ Дудышкину, но самъ встревожился, пробурчалъ нѣсколько разъ «Богъ съ ней» и распорядился, чтобъ ее къ нему впередъ не пускали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Писатель былъ человѣкъ лѣтъ тридцати или тридцати двухъ, бѣлокурый, маленькаго роста, очень слабый и нервный, съ небольшими голубыми глазками и вихрястою шевелюрой. Нравъ онъ имѣлъ добрый, но мелочный, раздражительный и, что называется, «пѣтушливый». Бракосочетался онъ «по состраданію». Тогда такія благородныя вещи тоже были въ модѣ и на нихъ очень многіе попались. Пріятель мой былъ изъ числа этихъ счастливцевъ и очень горько расплачивался за свое великодушіе. Супруга его имѣла надъ нимъ самыя разностороннія преимущества: по ея словамъ, она была старше его только на пять лѣтъ, но по виду надо было думать, что разница была гораздо серьезнѣе, а притомъ она была крѣпкая, сильная, очень предпріимчивая и обладала счастливѣйшимъ женскимъ талантомъ—не бояться никакихъ скандаловъ. Обладая такими боевыми свойствами, дама, притомъ, была также чрезвычайно неутомима какъ въ натискѣ, такъ и въ преслѣдованіи. Мужъ съ женою едва ли не съ первыхъ же дней брака не поладили, и съ тѣхъ поръ они постоянно жили очень дурно, а по переѣздѣ ихъ въ Петербургъ жена постаралась устроить такъ, что это скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ въ редакціи. Пріемъ, для этого употреблявшійся, былъ простой: дама, съ виду очень образованная, сама приходила въ редакцію или въ контору и жаловалась на мужа всѣмъ: Дудышкину, Краевскому и т. д. до конторщика Боголюбова, который выдавалъ деньги. Дама дѣлала это не только безъ малѣйшей застѣнчивости, но и безъ всякой нужды, просто какъ бы по влеченію души. Впрочемъ, можетъ-быть, она имѣла какую-нибудь цѣль понизить акціи

своего мужа, представляя его смѣшнымъ и пошлымъ. Скромность она не уважала и безъ всякаго стыда разсказывала самыя ужасныя вещи о томъ, какъ грубо и безцеремонно она обращается съ мужемъ.

— Онъ хочетъ меня остановить жалкими словами,—говорила она.—Mais c'est drôle! Какъ же онъ можетъ на это надѣяться, когда я ему уже давно сказала, что я никакого скандала не боюсь? Je sais ce que j'ai faire!

Она, однакоже, скоро всѣмъ надоѣла, и Дудышкинъ пересталъ ее принимать, такъ же какъ и Краевскій; но въ контору она еще являлась и срамила мужа какъ только находила возможнымъ. Ей, конечно, не вѣрили, но, однако, все-таки она повредила мужу ужъ однимъ тѣмъ, что сдѣлала его смѣшнымъ. Вдобавокъ, она вооружила противъ него Краевскаго, котораго она подстерегла разъ на его пути отъ дома къ Гимнастическому павильону и засыпала его претензіями, а когда онъ сталъ отъ нея убѣгать, повторяя: «Ей-Богу, ей-Богу, я боленъ и ничего не могу!»—она, не получивъ отъ него желаемаго сочувствія, сказала ему вслухъ: «Quel vieux idiot!»—и бросилась въ открытыя двери Симеоновской церкви, закричавъ съ крыльца, что «проклянетъ его передъ образомъ». Краевскій, впрочемъ, на нее не сердился и не обробѣлъ отъ проклятія, а говорилъ вечеромъ: «Бабы! я ихъ знаю!» И онъ, кажется, дѣйствительно «зналъ бабъ», и потому въ редакціи дѣло писателя облаживалось хорошо, но не такъ это выходило въ очахъ служебнаго начальства, къ которому предпріимчивая супруга тоже являлась и говорила тамъ, что ея «pique-assietes» не вѣритъ въ Бога и непочтительно говоритъ о такихъ и такихъ особахъ, чего-де она, какъ институтка, не можетъ сносить, и «доведетъ до свѣдѣнія», потому что у нея есть дитя, которое надо воспитывать въ добрыхъ правилахъ.

— Да! Je ne suis pas seul!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Чего хотѣла достичь эта супруга, того она, кажется, и сама не знала. Опредѣленно, она стремилась только «получать его жалованье». Это она заимствовала гдѣ-то у женъ фабричныхъ рабочихъ, у которыхъ мужья пропиваютъ заработки. Хорошій примѣръ понравился ей: тогда любили «народное». Правда, ея мужъ не пропивалъ заработка, ну, а все-таки...

— Je ne suis pas seul! Сдѣлайте милость!

Краевскій приказалъ:

— Отдайте, отдайте!

Онъ зналъ женщинъ.

Мужъ какъ услыхалъ объ этихъ извѣтахъ, такъ и заболѣлъ; больной онъ остался совершенно безпомощенъ при своей безпощадной тиранкѣ. Мы жили тогда неподалеку другъ отъ друга у Таврическаго сада, гдѣ я живу тридцать лѣтъ, и я два раза навѣстилъ больного и видѣлъ его въ ужасной обстановкѣ: разъ я засталъ его въ комнатѣ, напитанной самымъ невыносимымъ зловоніемъ, а въ другой разъ въ комнатѣ было открыто окно и на больного страшно дуло.

Я спросилъ его, для чего открыто окно въ этотъ холодный день?

А онъ покачалъ головою и отвѣчалъ мнѣ:

— Ахъ, знаете, я боюсь отгадать, что для того, чтобъ я скорѣе умеръ!

Я всталъ и закрылъ окно, а какъ это произвело соотвѣтственный звукъ, который былъ слышенъ за стѣною, то оттуда изъ другой комнаты послышался гадкій сдержанный смѣхъ. Затѣмъ я ушелъ, а больной вскорѣ поправился и, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ на редакціонный вечеръ, который мнѣ остался памятнымъ, по дебатированнымъ тогда роковымъ вопросамъ о русскомъ искусствѣ. Это было вскорѣ послѣ достопамятной лекціи, прочитанной въ быв-

шемъ художественномъ клубѣ г-жею Якоби, которая тогда только что возвратилась въ отечество и много сообщала о гарибалдійскомъ движеніи, въ которомъ она принимала живое участіе и пользовалась пріязнью итальянскаго героя. Теперь, когда послѣ этого прошло около тридцати пяти лѣтъ, очень трудно передать то оживленіе и симпатіи, которыя вызвала эта лекція, произнесенная женщиной, о которой тогда говорили очень много интереснаго. Художники не только аплодировали г-жѣ Якоби, какъ дамѣ, но и выражали настоящее удовольствіе по поводу ея сужденій о художественныхъ вопросахъ. Тогда помощи для русскаго искусства искали повсюду и говорили то о профессорѣ Якоби, то о Микѣшинѣ, которые тогда были въ модѣ и навѣрняка могли «спасти русское искусство», а заурядъ вспоминали и Петра Соколова, и Зичи, и Сверчкова, и Клевера. И, несмотря на то, что всѣ эти уважаемыя лица были напоены однимъ духомъ художниковъ Александра и Дмитрія, о которыхъ упоминается въ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ», тогда, однако, находились удивительные люди, которые умѣли что-то различать въ нихъ. Но нашлись, впрочемъ, и такіе, которымъ лекція г-жи Якоби не понравилась, — не нравилась она и нашему писателю, которому было противно видѣть вызванное ею возбужденіе, и онъ захотѣлъ подвергнуть и лекцію и восторгъ слушателей критикѣ. Статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ должна была явиться въ той книжкѣ, которая уже набиралась, но она не явилась вовсе, и авторъ ея едва уцѣлѣлъ.

Въ семействѣ критика произошли ужасныя событія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Черезъ два или три дня послѣ лекціи, поздно вечеромъ, когда въ Таврическомъ саду свистали соловьи и у частокола, ограждавшаго садъ, стояли въ молчаніи и слушали пѣвцовъ нѣсколько любителей соловьинаго пѣнія, я увидалъ здѣсь воспоминаемаго литератора. Онъ былъ чрезвычайно унылъ

и, вдобавокъ, все его изнеможенное болѣзнью лицо было исцарапано и испачкано, а платье его было въ сору и въ пуху: очевидно, онъ былъ въ большой передѣлкѣ.

Я его тогда все-таки еще мало зналъ и заподозрилъ, не выпивши ли онъ, но это было напрасно. Жалостливый видъ, въ которомъ онъ слушалъ соловьевъ у частокола, былъ результатомъ того, что онъ въ это время особенно сильно пострадалъ за свое пристрастіе къ литературнымъ занятіямъ, и, притомъ, все въ этотъ разъ имъ написанное *было уничтожено,* а именно, статья о лекціи въ Троицкомъ переулкѣ была изорвана супругою писателя въ клочки, а самъ онъ оцарапанъ, облитъ чернилами, отлученъ отъ домашняго очага и изгнанъ изъ дома съ отобраніемъ отъ него часовъ и денегъ. Затѣмъ жена пригрозила ему, что она поѣдетъ къ институтскому начальству и разскажетъ, какія у ея мужа дурныя понятія о самыхъ священныхъ предметахъ... А ужъ затѣмъ, разумѣется, «ему покажутъ!»

Я пригласилъ его къ себѣ переночевать, и онъ это принялъ, такъ какъ ему рѣшительно нельзя было иначе устроиться. Онъ прозябъ и былъ голоденъ, и потому съ аппетитомъ кушалъ мой чай съ булками и при этомъ разсказалъ мнѣ длинную исторію своихъ многостороннихъ страданій отъ жены, и въ этотъ разъ онъ сообщилъ мнѣ и нѣкоторыя подробности о ея происхожденіи: она была дворянка изъ южнаго края и окончила курсъ въ одномъ изъ институтовъ, потомъ поссорилась съ матерью и жила въ Швейцаріи и чему-то училась; послѣ была гувернанткою, потомъ переводчицею и актрисою, — нигдѣ не прижилась. На несчастіе моего товарища, она показалась ему очень несчастною и онъ на ней женился, а она потомъ въ минуту нѣжности призналась ему, что «хотѣла въ его лицѣ отмстить всѣмъ мужчинамъ за угнетеніе женщинъ». А въ доказательство того, что это было серьезно, она немедленно же начала исполнять свою программу съ такою послѣдовательностью, что у бѣдняка отшибло память на очень важные случаи ихъ семейной жизни. Она его такъ огорошила,

что онъ все позабылъ и пренаивно говорилъ о своемъ ребенкѣ:

— Знаете, откуда онъ у насъ взялся, — я этого, право, даже не могу себѣ представить.

Но возвратимся къ порядку событій.

Пострадавшій въ эту пору былъ очень разстроенъ и не хотѣлъ возвращаться къ своей мучительницѣ, а собирался жить отъ нея особо. Я по его просьбѣ ходилъ на слѣдующій день къ его женѣ для переговоровъ, не согласится ли она облегчить ему его домашнее положеніе, или не признаетъ ли за лучшее отпустить его на свободу за посильное вознагражденіе? Въ особѣ этой я увидѣлъ женщину очень некрасивую и пожилую, но смѣлую и бойкую и, безъ сомнѣнія, способную на большія нахальства. Въ пріемахъ у нея оставался какой-то слѣдъ «гостинности», но перемѣшанный съ самою рѣзкою вульгарностью или, лучше сказать, хамствомъ. Художникъ могъ бы взять ее за модель для изображенія русской ассамблейной боярыни, которую культивируетъ императоръ Петръ Первый и съ образовательною цѣлью напоилъ вполпьяна и пустилъ срамословить. Кое-какъ, хоть клочками, я припоминаю нашу бесѣду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Дама встрѣтила меня очень веселая, безъ малѣйшей застѣнчивости, и сама заговорила со мной, пересыпая русскія слова французскими:

— Пожалуйста, пожалуйста! Dieu vous bénisse: я очень рада примирителю. Вы вѣдь пришли насъ мирить? Садитесь, но помирить со мною кого бы то ни было очень трудно: я не изъ добрыхъ и особенно — извините! — я не люблю мужчинъ.

И, заявивъ о своей ненависти къ мужчинамъ, она сейчасъ же упомянула и о томъ, что «передъ нею за всѣхъ за нихъ отвѣчаетъ ея мужъ». Она весело расхохоталась и затѣмъ все время потѣшалась надъ своимъ му-

жемъ, разсказывая о немъ дрянной и неприличный вздоръ, послѣ чего тотчасъ же начинала злословить дамъ, писавшихъ ему литературныя письма, и называла ихъ именами своего изобрѣтенія, какъ-то: «маркиза Дешкурансъ», «баронесса Шлюхманъ» и леди «Кис-ме-квикъ», да двѣ русскія помѣщицы «Обнимайкина» и «Цѣловалкина», которыхъ она «всѣхъ презирала», а сводила она все это къ тому, что «всѣ онѣ дуры, и мужъ ея смѣшонъ и рѣшительно ни на что не годенъ, особливо «vis-à-vis d'une femme». Для нея это, впрочемъ, tant mieux, потому что у нея другая натура и она находитъ, что женщина должна быть выше природы, потому что «природа — свинья».

— Кто любитъ свинство, тотъ и можетъ признавать надъ собою власть природы, но для меня все это противно. Вы понимаете?

Я не понималъ и она поясняла:

— Всѣ эти взгляды, и мины, и вздохи, и положенія... словомъ, все это, и прочее, что воспѣваютъ поэты, — это отвратъ, все это c'est archibête!

Поэтому я надѣялся, что она довольно легко согласится разъѣхаться со своимъ супругомъ; но она, однако, требовала, чтобъ ей за это дать какъ можно больше денегъ.

— Потому что у меня есть дитя. Вы понимаете? Je ne suis pas seul!

Мы поторговались, и она согласилась «получить» и *послѣ того*, не иначе, она поѣдетъ на югъ,— на милый, теплый югъ съ этого противнаго, холоднаго сѣвера.

— Le diable! я даже давно этого хотѣла и теперь очень этому рада.

— Казалось, все было улажено, и дама даже сказала мнѣ: «le bon Dieu vous bénisse», и сейчасъ же перемѣнилась: окончивъ дѣловой разговоръ, она призвала своего двухлѣтняго сына, много разъ его повернула передо мною и начала его снаряжать на прогулку.

Тутъ я могъ его разглядѣть: это былъ болѣзненный, ра-

хитическій мальчикъ, съ большими, почти безцвѣтными глазами, въ которыхъ выражался постоянный испугъ, возбуждавшій къ нему сожалѣніе. Его держала на рукахъ свѣжая, бѣлолиценькая и румяная дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, съ очень большими, какъ-будто даже непропорціонально большими сѣрыми глазами и пристальнымъ и добрымъ, но очень твердымъ взглядомъ (я описываю эту молодую «фефёлу» потому, что она не пройдетъ предъ нами мелькомъ, а у нея есть роль въ моемъ воспоминаніи). Дѣвушка, вѣроятно, недавно пришла изъ села и была очень застѣнчива, а дама находила удовольствіе смущать ея стыдливость. Она подсмѣивалась надъ ея свѣжестью и при мнѣ нашла случай назвать ее нѣсколько разъ то «орлеанскою дѣвственницей», то деревенскою «фефёлой», при чемъ дама такъ разрѣзвилась, что повернула дѣвушку передъ собою и стала ее рекомендовать тономъ французскаго панорамщика:

— Voilà Jeanne Darc, surnomée la Pucelle d'Orleans, héroïne. Extrêmement pieuse, il lui semblait entendre des voix, qui lui ordonnaient d'aller sauver.,. son maître.—Дама разсмѣялась и продолжала: — Безъ шутокъ, безъ шутокъ, эта дѣвица очень одухотворена и она видитъ вѣщіе сны... да, да, да! И она часто плачетъ и даже иногда рыдаетъ во снѣ... о моемъ супругѣ, а я ее бужу и посылаю на вѣтеръ... C'est bien comique! Потомъ я высылаю туда же этого дурака, которому данъ дивный даръ трогать и располагать къ себѣ сердца дуръ, изъ коихъ вотъ первая... La voilà, фефёла и Pucelle!

Названіе, выраженное по-французски, очевидно, очень обижало дѣвушку, и она, зардѣвшись, какъ вишня на солнцѣ, сказала:

— Фефёла я — это точно, я простая дѣвушка и никакихъ примѣровъ не получила, а что другое вы меня называете, то это я совсѣмъ не понимаю.

Дама расхохоталась и передразнила:

— «Примѣровъ не получи-ла», такъ иди съ Богомъ.

И, перекрестивъ нѣсколько разъ своего ребенка, сидѣвшаго на лѣвой рукѣ дѣвушки, дама подала ей въ правую руку дождевой зонтикъ и пропѣла:

«Voici qu'à bien tourne la guerre
Quand Pucelle porte bannière!»

Затѣмъ она взяла дѣвушку за плечи, повернула и, воскликнувъ: «Peste!»—выставила ее за дверь.

Дѣвушка эта на видъ была ни хороша, ни дурна и не казалась ни умною, ни глупою, и какова она была на самомъ дѣлѣ, это увидимъ ниже.

Звали ее Прашею.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Супруги «разъѣхались». Совершилось это почти такъ, какъ часто дѣлается, т.-е. «не безъ непріятностевъ», — ни смиренство мужа, ни французскіе ритурнели жены не устранили ссоры, и при самомъ послѣднемъ «adieux» дѣло не обошлось безъ участія «народныхъ представителей» въ лицѣ двухъ дворниковъ, которые при этомъ обнаружили непосредственное народное міросозерцаніе. «Непріятность» поднялась-было изъ-за маленькой книжной этажерки, которую тянули въ двѣ противуположныя стороны до тѣхъ поръ, пока она съ трескомъ распалась на свои составныя части, и тогда тѣ части, которыя остались въ рукахъ дамы, полетѣли въ лицо мужу.

Одинъ изъ народныхъ представителей былъ противъ этого и говорилъ, что «не надо шкандалить, а надо разойтись чинно и благородно»; но другой, напротивъ, находилъ, что это такъ и слѣдуетъ, и сказалъ: «Если не ссориться, такъ тогда зачѣмъ и расходиться?» Мнѣ это показалось оригинально, и я послѣ побесѣдовалъ съ этимъ мыслителемъ, по выводамъ котораго «въ развратъ идти» (т. е. разлучаться) можно только «до того поругамшись, когда уже терпѣть нельзя. Тогда и разводись. И тогда — поскандалить очень пріятно, потому что впередъ лучше и знаться не захочешь».

Это разсужденіе осталось у меня въ памяти, и я не разъ въ жизни видѣлъ, что въ немъ есть основательность.

Но, какъ бы то ни было, супруги разлучились такимъ образомъ, что взволнованный и огорченный мужъ прошипѣлъ на порогѣ:

— Желаю вамъ всего лучшаго!

А жена ему отвѣтила:

— Diable t'emporte—и заперла за нимъ дверь.

Ребенокъ остался при матери и съ ними же осталась и Праша. Съ недѣлю ее всякій день можно было встрѣчать въ Таврическомъ саду, гдѣ она возила въ колясочкѣ писательское дитя. Она хорошо берегла ребенка и очень сожалительно говорила объ изгнанномъ хозяинѣ.

— Очень простой и смирнòй, добрый баринъ!—говорила она и сама краснѣла, задумывалась и однажды даже заплакала.

— Вотъ это хорошо, что вы такая добрая дѣвушка, сказалъ я.—Хорошо, что вы жалѣете человѣка. Но, впрочемъ, надо жалѣть и барыню. У нея какой-то несчастный характеръ.

— Ахъ, это точно, что жалѣть надо всякаго, но она смѣлищая, а онъ ужасно какой смирнóй. Ему и на волѣ тоже мало будетъ хорошаго.

И вскорѣ послѣ этого такой пассажъ, что съ дѣтскою колясочкой въ Таврическомъ саду появилась сама мать, съ зонтикомъ и съ книгой въ рукахъ, а Праши уже не было.

Чтó у нихъ случилось?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Помню сѣрый, холодноватый день. Мать сидитъ и держитъ въ рукѣ волюмчикъ Таухницскаго изданія. Но чтеніе, повидимому, плохо ее занимаетъ: она роняетъ книгу и опять ее поднимаетъ, кладетъ ее на колѣни и хочетъ рѣзать листы головною шпилькой, но листы рвутся, и книга па-

даетъ. Она хочетъ ее поймать и попадаетъ себѣ въ лицо зонтикомъ, который держитъ въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы положить его возлѣ себя и сдѣлать что нужно обѣими руками. Ребенку наскучило смотрѣть на это неуклюжество, и онъ сталъ плакать. Тогда дама бросила книгу и стала поправлять дитя, но у нея ничего не выходило. Она нагнулась пребезобразно надъ коляской ребенка и оцарапала ему булавкой лицо; онъ заревѣлъ. Она ему погрозила, потомъ выхватила его и перевернула, опустивъ его внизъ головою, и, разсердясь на себя, прибила его рукой справа и слѣва. Ребенокъ вытянулся и зашелся въ рыданіяхъ. Двѣ близко сидѣвшія дамы, въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, замѣтили матери, что ребенокъ испугался и что отъ этого можетъ случиться припадокъ. Она отвѣчала имъ, что это «не ихъ дѣло», что она «сама мать», и, быстро вставъ съ мѣста, она повезла колясочку къ выходу изъ сада, но на виду у всѣхъ попала въ колесо зонтикомъ и за одинъ пріемъ переломила въ зонтикѣ ручку и опрокинула коляску. Это ее такъ взбѣсило, что она бросила и коляску, и ребенка, и со всѣхъ ногъ упала ницъ въ траву куртины и истерически зарыдала.

Дитя, видя безуміе матери, стихло.

Нѣсколько дамъ кинулись къ ней, чтобъ ей помогать, но она на нихъ навела ужасъ своими судорогами, и дамы отступились.

Пришли садовый сторожъ и солдатъ и стали ее поднимать; но она вскрикнула: «Peste!»—и ударила ихъ обоихъ по рукамъ обломкомъ зонтика, а потомъ встала сама, посадила дитя и повезла сбоченившуюся коляску, не обращая ни малѣйшаго вниманія на ребенка, который теперь, однако, молчалъ, какъ-будто онъ понялъ, что его дѣло не шутка.

Произошло вотъ что́: Праша узнала, что ея «смирный» и «простой» баринъ заболѣлъ и валяется безъ присмотра и безъ помощи, такъ что и «воды подать некому». Внутренній жаръ и истома недуга ей были знакомы, и она знала, что тутъ нужна помощь. Больше ей соображать было

нечего, и она сейчасъ же бросила ребенка матери на руки и ушла служить больному. Какъ простолюдинка, она начала съ того, что она его «убрала», т.-е. освѣжила его постель, вытерла самого его водой съ уксусомъ, обласкала утѣшительными словами и сварила ему бульонъ, а потомъ, когда онъ «пошелъ на поправку», онъ ощутилъ близость ея женственнаго присутствія и отблагодарилъ ее своимъ мужскимъ вниманіемъ. Это вѣдь такъ обыкновенно... Но, можетъ быть, это ему надо поставить въ вину, особенно если онъ не придавалъ этому серьезнаго значенія; но *она*... она «вся ему предалась» и ни о чемъ болѣе вовсе и не разсуждала.

— Я,—разсказывала она:—только и хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что онъ теперь не одинъ, а у него есть *раба*.

Такое сердце и такія понятія!

Но не пренебрегите пока этимъ рабскимъ сердцемъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изъ своихъ новыхъ отношеній къ «господину» Праша не дѣлала никакого секрета, но и не бравировала ими, что́ со стороны «фефёлы»—рѣдкость. Все въ домѣ у нихъ шло такъ тихо и благопристойно, какъ будто связи и не существуетъ. Пріятельскому кружку, однако, скоро стало извѣстно, что между ними установилась любовь. Узнала это и его жена, и оттого-то она и каталась по травѣ, оттого у нея все падало изъ рукъ и ломалось. И какъ она его ни порицала, «особенно vis-à-vis d'une femme», но измѣны она ни мужу, ни Прашѣ не подарила и вызывала ихъ обоихъ къ мировому, гдѣ былъ какой-то инцидентъ съ истерикой, и потомъ все успокоилось. Супруга взяла еще, что̀ могла, съ оброчнаго мужа и сникла съ нашихъ глазъ, а у Праши къ году родился ребенокъ, котораго она сама кормила, а при этомъ, конечно, все мыла, шила и варила. Жили они на очень маленькія средства, и Праша тряслась за всякій грошъ, чтобы было изъ чего жить и «*посылать барынѣ*». Скучать ей было некогда, а если ей случалось оставаться

одной и поджидать поздно ночью своего господина, то она чувствовала «жуть» и тоже нашла чѣмъ помочь въ этомъ горѣ: она брала изъ пачки писательскихъ фотографій карточку Александра Дюма съ его страшно кучерявою шевелюрой и начинала ее разсматривать: «тогда ей тотчасъ же становилось смѣшно» и жуткость проходила.

Съ переходомъ *Отечественныхъ Записокъ* къ Некрасову писатель остался безъ работы, и у нихъ было худо; но потомъ онъ скоро былъ приглашенъ во *Всемірный Трудъ* къ доктору Хану, гдѣ работы было много, и дѣла поправились. Праша близко въ это вникала и отлично поняла, что̀ нужно человѣку при «спѣшкѣ». Она ему все приспособила для занятій въ ихъ маленькой квартиркѣ, состоявшей всего изъ двухъ крошечныхъ комнатокъ въ надворномъ деревянномъ флигелѣ.

Она сдѣлала все, что̀ позволяла ей возможность, а онъ былъ такъ не избалованъ и такъ не требователенъ, что не желалъ бо̀льшаго.

— Чего же-съ мнѣ еще надобно?—говорилъ онъ, чрезвычайно довольный своимъ положеніемъ. — Я теперь могу работать спокойно и дни, и ночи: мнѣ никто не мѣшаетъ, и я докажу, что̀ значитъ эстетика!

У него «былъ задуманъ рядъ статей», но онѣ написаны не были. Не прошло полугода послѣ этого, какъ Гр. П. Данилевскій навѣстилъ его и нашелъ «заработавшимся до безчувствія». Данилевскій уговорилъ его немножко прогуляться, — провезъ его въ коляскѣ по островамъ, угостилъ на воздухѣ ужиномъ и отвезъ домой, сдавъ на руки ожидавшей его Прашѣ. Данилевскій былъ пораженъ худобою и усталымъ видомъ писателя и тѣмъ, что онъ какъ будто не замѣчалъ ничего окружающаго и могъ говорить только о рядѣ задуманныхъ имъ статей. Прашѣ сказали, чтобы она его непремѣнно выпроваживала гулять, и она объ этомъ очень заботилась: звала его «въ садъ, смотрѣть звѣрушекъ», которыхъ ей будто очень хочется видѣть, но онъ не слушался и даже сердился. Зимой, продолжая такой-же «без-

отходительный» образъ жизни, онъ ослабѣлъ, закашлялъ и расхворался, а великимъ постомъ умеръ. Праша испытала неожиданный ужасъ: она оставалась одна, съ ребенкомъ и безъ всякихъ средствъ. «Законная вдова» усопшаго сближала случай смерти мужа съ тѣмъ, что Данилевскій передъ этимъ угостилъ его ужиномъ, и добивалась узнать, какъ онъ возвратился домой: «sur les deux pattes ou sur toutes les quatre?—и въ то же время она вступила во всѣ свои законныя права и получила все, что́ могло быть усвоено ей и ея законному ребенку. А «беззаконницѣ» Прашѣ и ея ребенку не досталось *ничего*. Власть, обезпечивавшая имущество покойнаго, т.-е. его дрянную мебелишку и черняки недописанныхъ статей, опечатала помѣщеніе, гдѣ жилъ литераторъ, а Прашу, какъ прислугу, «вывели» и никому до нея не было никакого дѣла. О бѣдной Прашѣ рѣшительно никто не подумалъ; но она и въ изгнаніи не оробѣла, а провожала гробъ и показалась у могилы съ твердымъ видомъ.

Такъ, пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ: мать, имѣющая дитя, *должна жить...* и она должна хорошо жить, *честно!*

Посмотримъ, какъ она это выполнитъ?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой же день послѣ похоронъ литератора Праша пришла ко мнѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, и сказала:

— Не обижайтесь на меня, что я съ ребенкомъ пришла. Не на кого его оставить. Посовѣтуйте: какъ мнѣ быть?

Она меня сконфузила: я видѣлъ, что мы не сдѣлали послѣ смерти товарища самаго важнаго дѣла: мы не подумали объ этой женщинѣ и объ ея ребенкѣ, и къ этой оплошности я прибавилъ другую, еще худшую и даже достойную строгаго осужденія: я заговорилъ о томъ, чтобъ отдать ребенка, а Праша, которая стояла передо мною, отъ этого такъ страшно поблѣднѣла, что я упросилъ ее сѣсть, и тогда она сейчасъ же заговорила:

— Отдать дитя навсегда... ни за что!.. Словъ нѣтъ, я сама виновата, — ну, все же я могу о немъ и обдумать. Въ этомъ домѣ, гдѣ я вчера уголъ взяла, и мы тамъ ночевали, тамъ бабы живутъ и ходятъ шить мѣшки. И я могу шить мѣшки, но его туда съ собой нельзя брать.

Она прижала къ себѣ ребенка и залилась слезами.

У меня въ тогдашнее время не было никакихъ запасовъ, которыми я могъ бы подѣлиться, и все, что̀ я могъ дать бѣдной Прашѣ, это было пять рублей. Я просилъ ее взять это пособіе и идти пожить на квартирѣ два-три дня, пока я испробую, нѣтъ ли возможности устроить для нея съ ребенкомъ какую-нибудь новую складчину. Она, не ломаясь, взяла деньги, шопотомъ сказала:

— Благодарю васъ, постарайтесь! — и ушла.

Но стараться тогда было мудрено, и многаго въ нашемъ положеніи сдѣлать было невозможно. Тогда еще не было такихъ хорошихъ литературныхъ заработковъ, какими нынче похваляются нынѣшніе молодые писатели, между которыми есть уже и капиталисты, и даже сибариты. Мы тогда работали очень много и очень старательно, но получали мы мало, а часто и вовсе ничего не получали. Сами бѣдняки, мы нерѣдко сотрудничали «изъ чести» у очень необезпеченныхъ издателей, которымъ, однако, мы считали за обязанность помогать «по сочувствію къ хорошему направленію». Нѣкоторые изъ этихъ благородныхъ предпринимателей скоро сообразили, что изъ наивнаго настроенія искреннихъ писателей можно извлечь выгоды, и они этимъ воспользовались (кто хочетъ лучше съ этимъ познакомиться, пусть прочтетъ переписку Д. И. Писарева съ Г. Е. Благосвѣтловымъ).

Гончаровъ называлъ это время «грубымъ періодомъ въ литературѣ». Оно и дѣйствительно было грубовато и очень несправедливо; но тогда въ литературной средѣ встрѣчались характеры до такой степени цѣльные и строго относившіеся къ призванію писателя, что теперь даже не вѣрится, вправду ли это было, а если было, то отчего же это

такъ скоро прошло? А это было! Люди бѣдствовали при своихъ ничтожнѣйшихъ заработкахъ, которыхъ, притомъ, еще часто нельзя было получить изъ тощихъ кассъ редакцій, и частенько эти люди другъ съ другомъ ссорились, но выгодъ отъ перехода къ «чужому направленію» они не искали. Измѣнить своему знамени и перейти подъ чужое тогда почиталось за дѣло вполнѣ безчестное, и то, что теперь въ этомъ родѣ дѣлается безпрестанно, тогда происходило чрезвычайно рѣдко.

Благородная строгость стала ослабѣвать послѣ того, какъ «софисты XIX вѣка» замололи о томъ, что все на свѣтѣ можно защищать безъ стѣсненія, и сами стали показывать примѣръ слишкомъ «широкой жизни». Литераторы не захотѣли отстать и стали манкировать литературною независимостью.

(Тогда же начали пренебрегать и внѣшнимъ времяпровожденіемъ, и въ литературныхъ домахъ стали раскрывать ломберные столы и начали играть въ карты, чего ранѣе почти всѣ стыдились).

Но возвратимся къ осиротѣлой Прашѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ огромнымъ усиліемъ собралъ я для этихъ сиротъ двѣсти рублей. Послѣ смерти А. И. Пальма я собралъ и передалъ въ литературный фондъ слишкомъ двѣ тысячи рублей, но это было легче сдѣлать, чѣмъ въ прежнее время собрать двѣ сотни. Зато дамы даромъ дали совѣтъ помѣстить ребенка «на молоко» къ почтамтскимъ сторожамъ, а матери идти служить въ прачки или въ горничныя.

Дамы обѣщали также похлопотать о ней, и такъ какъ имъ хотѣлось видѣть Прашу, то онѣ просили прислать ее на смотръ къ нимъ.

Я позвалъ Прашу и сказалъ ей, что въ моихъ рукахъ есть для ея ребенка двѣсти рублей и что ей остается те-

перь помѣстить дитя въ почтамтъ, а самой идти на мѣсто, о которомъ для нея постараются дамы. Я это объявилъ ей съ апломбомъ, потому что мнѣ представлялось, будто мы съ дамами превосходно обдумали ея положеніе. Праша выслушала меня со вниманіемъ и не противорѣчила, а немедленно же пошла въ почтамтъ. Но только мнѣ показалось, что она «собирала лобъ» и какъ-будто была чѣмъ-то недовольна, когда я ей изъяснялъ свои соображенія.

Вечеромъ въ этотъ же день она возвратилась и спокойно объявила, что въ почтамтѣ дѣйствительно дѣтей берутъ по пяти рублей въ мѣсяцъ и что, можетъ быть, между тѣми, которые берутъ, есть люди и очень добрые.

— Кого же вы выбрали?

— Пока никого... Есть тамъ двое, — отвѣчала она, глядя внизъ и покапывая по полу кончикомъ зонтика, и вдругъ заплакала.

Я ее укорилъ за то, что она отнимаетъ у себя бодрость.

— Именно, — сказала она: — но только какъ я этихъ примѣровъ еще не видала, то... я дура, фефёла... — и она хотѣла улыбнуться, но вмѣсто того еще горче заплакала.

— Ну, и довольно!.. Больше не буду!

— И прекрасно!

— Да, не буду!

— Вотъ же вамъ десять рублей за первые два мѣсяца, а остальныя ваши деньги я положу въ сохранную казну и вы будете ихъ брать и платить за ребенка.

Тогда она взяла десять рублей и завязала ихъ въ уголокъ платка, а мнѣ отвѣтила:

— Очень вамъ благодарна и словъ нѣтъ, что такъ насъ устроили, но позвольте, притомъ, вамъ сказать, что изъ этого очень хорошаго ничего быть не можетъ.

Мнѣ показалось, что у нея перемѣнился тонъ и голосъ, и даже самая манера говорить стала иная: дѣвочки Праши уже не было, а была молодая мать, которая увидала себя

въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и вся насторожилась, чтобы найти выходъ.

— Не обижайтесь, что я скажу, — продолжала она: — я вѣдь никакихъ примѣровъ воспитанія не получила, но я не безъ понятіевъ. Позвольте сказать вамъ: два дня назадъ я думала, что я съ дитемъ совсѣмъ пропала и очень хотѣла кинуться съ нимъ за одинъ разъ въ рѣку, а теперь, когда добрые люди намъ помогли, я уже какъ оса ожила и начинаю думать, какъ неблагодарная.. Дамы, конечно, очень добры, но онѣ тоже всѣ примѣры не постигаютъ.

— Пожалуйста, объясните, Праша, что̀ вы хотите?

— Вотъ, я за ребенка буду платить пять рублей въ мѣсяцъ. Это, скажемъ, шестьдесятъ рублей въ годъ?

— Да, шестьдесятъ въ годъ.

— Въ два года сто двадцать рублей, въ четыре—двѣсти сорокъ, ну, вотъ и всѣ... А ему будетъ всего еще пятый годъ...

— Да, вашъ разсчетъ вѣренъ.

— И тогда я могу его взять къ себѣ?

— Да, можете взять.

— А кто же тогда меня съ нимъ вмѣстѣ возьметъ?

Вопросъ этотъ мнѣ показался несерьезнымъ, и я далъ ей почувствовать, что я понимаю дѣло: я сказалъ, что съ груднымъ ребенкомъ ей трудно было бы устроиться, а когда онъ будетъ по пятому году, тогда это не трудно: съ такими дѣтьми берутъ.

— Да, берутъ,—отвѣчала Праша:—словъ нѣтъ, берутъ, только за самую дешевую цѣну. Вотъ и выйдетъ такой примѣръ, что черезъ пять лѣтъ у меня не будетъ ни копѣйки денегъ и будетъ ребенокъ на рукахъ, съ которымъ мнѣ нельзя будетъ найти мѣсто съ цѣною. И я его ни во что настоящее не произведу.

— Такъ что же, какой примѣръ надо сдѣлать, по-вашему?

— Это примѣръ вовсе не глупый. Конечно, я еще мо-

лода и уже такой вредный поступокъ сдѣлала... Но я еще раньше, чѣмъ сюда въ городъ пріѣхала, я съ дяденькой на пароходѣ по Волгѣ плавала... Дяденька содержали буфетъ, а я у нихъ салфетки стирала... И я это очень хорошо умѣю и вамъ вѣрно говорю, что я отличная прачка. Противъ меня даже не всякая потрафитъ отмыть красное вино или вредный соусъ, а я умѣю, и если бы деньги, которыя вы собирали, вы бы мнѣ бы довѣрили,—вотъ вы бы тогда увидали, что́ я сдѣлаю!

— А что́ бы вы сдѣлали?

— А вотъ у меня здѣсь другой мой дяденька въ трактирѣ вторымъ поваромъ служитъ и у нихъ салфеточная часть огромная. И я у него уже была и поговорила, и онъ съ буфетчикомъ поговорилъ и говоритъ: «Старайся, отдадимъ тебѣ».

— Что же надо постараться?

— Квартиренку надо изъ мусорныхъ и посуду... Я зашла уже и посмотрѣла: квартира есть въ подвальномъ этажѣ и съ большою комнатой. Самое чудесное для прачечной, а въ другой, маленькой, можно жить съ дѣвушкой и съ ребенкомъ. Я бы взяла двухъ дѣвчонокъ, да сама третья стала, и всѣ бы мы пропитались, и ребенку путь показала бы.

— Не ошибитесь-ка вы, Праша!

— Нѣтъ-съ. Я вѣдь какихъ примѣровъ не знаю, о тѣхъ не говорю, а это я вѣрно знаю, да еще я, вѣдь, секретъ умѣю, какъ красное вино можно отмыть безъ фиміи... И я свое дитя тогда никому бы за глаза не отдала, а сама бы его возрастила и произвела къ дѣлу. Отчего же не такъ?.. Но, впрочемъ, я это такъ говорю, а вамъ какъ угодно.

И она показалась мнѣ такою искреннею и честною, такою толковою, серьезною и надежною, что я сдѣлалъ такъ, какъ она хотѣла, то-есть я отдалъ ей всѣ деньги и сказалъ ей съ шуткою:

— Нате, Праша, и дѣлайте свои хорошіе примѣры!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Черезъ мѣсяцъ Праша пришла звать меня къ себѣ на новоселье. Я пошелъ съ другимъ моимъ, литературнымъ товарищемъ, теперь уже умершимъ (изъ всей нашей тогдашней компаніи теперь въ живыхъ остаются только трое: Тимирязевъ, Всев. Крестовскій и я). Праша устроилась хорошо: у нея была одна дѣйствительно очень большая комната, въ которой у нея стояла ея кровать и деревянная колыбелька писательскаго сына.

Въ большой комнатѣ была прачечная съ новымъ инвентаремъ, пріобрѣтеннымъ и разставленнымъ съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла.

Тутъ, какъ слѣдуетъ, было сыро и пахло мокрою еловою клепкой и мыломъ. Въ прачечной ужъ, разумѣется, какъ въ прачечной, но въ жилой комнаткѣ было и сухо, и пріютно. Мы пили чай съ тремя мастерицами и Прашинымъ дяденькой, вторымъ палкинскимъ поваромъ, который привелъ съ собою еще другого второго повара изъ Балабинскаго трактира, памятнаго тѣмъ, что тамъ въ воспоминаемое время былъ особенный «литературный столикъ», за которымъ ежедневно садились пить чай Н. И. Костомаровъ, книгопродавецъ Кожанчиковъ и другіе солидные и дѣловитые литературные люди, при которыхъ мы, тогдашняя молодежь, держали себя почтительно и скромно.

Повара пришли къ Прашѣ раньше насъ и выпили все имъ предложенное разсчетливою хозяйкой, надымили скверными папиросками и ушли. Праша была ими очень недовольна, потому что балабинскій поваръ, узнавъ, что Праша завела свое хозяйство, нашелъ это достойнымъ своего вниманія и пришелъ съ дяденькою не просто, а съ тѣмъ, чтобы Прашу смотрѣть и потомъ ее посватать и на ней жениться. Это Прашу обидѣло, и она сразу отказалась отъ жениха и очень обрадовалась, когда повара ушли, оставивъ насъ съ однѣми фефёлами. А изъ этихъ фефёлъ одна

была, въ своемъ родѣ, прелюбопытная. Это была женщина лѣтъ тридцати двухъ, которая, что называется, *всѣмъ взяла*: ростомъ, дородствомъ и красотою, а также и простотою, которою одною только и можно было объяснить полунищенское положеніе этой женщины, обладавшей большою и яркою красотой. Сообразно великолѣпной наружности, у нея было и великолѣпное имя: звали ее Зинаида Павловна, а по фамиліи она была Потемкина. Знатностью породы она, впрочемъ, не отличалась: Зинаида Павловна была мѣщанка изъ подгородней слободы того самаго города, откуда была родомъ и Праша, которой Зинаида Павловна приходилась теткой и была старше ея лѣтъ на двѣнадцать, такъ что въ это время, когда Прашѣ было лѣтъ двадцать, Зинаидѣ Павловнѣ уже перевалило за тридцать. «Природы» онѣ были различной: Праша была кругленькая, боченочкомъ и поспѣшливая, а Зинаида Павловна— медлительная, величественная и авантажная; фигура у нея была чрезвычайно стройная и мощная, а лицо тонкой и яркой, но замѣчательно скромной красоты, напоминающей нѣсколько обликъ Поппеи-Сабины. По уму и душевнымъ своимъ свойствамъ обѣ женщины тоже совсѣмъ были не похожи одна на другую: Праша еще не созрѣла умомъ, но все замѣчала и во все вдумывалась, тогда какъ Зинаида Павловна ни о чемъ не думала. На красивомъ лицѣ всегда отражалось самое полное и самое невинное дѣтское простодушіе, граничащее даже съ умственною бѣдностью. При этомъ Праша была скромница, а Зинаида Павловна—болтушка, которая всегда неудержимо стремилась говорить какъ можно болѣе и въ молчаньи скучала. Словоохотливость ея была такъ велика, что она не ограничивалась произнесеніемъ одного только настоящаго имени даннаго лица, а еще сама присочиняла всякому еще нѣсколько именъ. Такъ, напримѣръ, она звала: «Праша — Пахита-Пашенція! Пашокъ—мой дружокъ!» Въ другой разъ она еще варьировала и говорила: «Прасковья Пахитосовна! Прашенька! Заинька бѣленькій, хвостикъ горѣлень-

кій! Сядь, обопрись на меня лапочкой, закроемся тряпочкой, да пошепчемся!» И во всѣхъ ея словахъ, во всей манерѣ и во всей окружающей ее атмосферѣ вѣялось что-то ласковое и несчастное, доброе и безпутное.

Въ этой исторіи Зинаида Павловна должна имѣть свое мѣсто съ своею вводною исторіей, которая интересна и сама по себѣ, и потому вліянію, какое она могла имѣть на Прашу.

Введемъ къ одной фефёлѣ еще другую, иного склада и иного лада: ея краткая исторія представляетъ въ своемъ родѣ бытовую картинку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Я выше сказалъ, что Зинаида Павловна была уроженка подгородной слободы. Мать ея была солдатка и занималась плетеніемъ кружевъ на клюшкахъ, а отцомъ случилось быть усатому поляку, офицеру гусарскаго полка, стоявшаго въ городѣ постоемъ. Отъ этого случайнаго союза родилась писаная и несчастная красавица Зинка, которую пятнадцати лѣтъ, въ ужасный голодный годъ, тяжкая домашняя нужда, а, можетъ-быть, и материнская подлость, продали купцу-мукомолу. Купецъ, заплативъ за дѣвчонку деньги, взялъ съ нея, что хотѣлъ, а «остальную часть» бросилъ. Остальное это было вся ея душа и все тѣло, доставшіяся теперь на посмѣяніе людямъ.

Такъ Зинка начала страдать и пряталась отъ всѣхъ и покрывала платкомъ косу, боясь, чтобы нравственные сосѣди не вымазали ночью дегтемъ воротъ у ея матери. Ея почти никто не видалъ; но если кто видѣлъ, тотъ замѣчалъ, что она «ужасно красива», и почиталъ себя въ правѣ мануть ее на грѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни глодало ее горе, она все хорошѣла и, наконецъ, попала на глаза пожилому сапожнику, который такъ ею плѣнился, что прямо спросилъ ее:

— Пойдешь или нѣтъ за меня, если посватаю?

Дѣвушка отвѣчала:

— На мнѣ былъ грѣхъ.

— Знаю, да ничего не сдѣлать: надо помиловать. Если ты согласна, я посватою.

Она отвѣчала:

— Я пойду.

Ей было все равно, лишь бы перестать косой трепать; но сапожникъ былъ парень смѣтливый, онъ любилъ женскую красоту, да умѣлъ и дѣла дѣлать; онъ явился къ купцу и сказалъ:

— Ваше степенство! Такъ и такъ, былъ такой грѣхъ, разумѣется, не въ укоръ вашей чести, потому она дѣвушка бѣднаго званія, но я теперь хочу ее за себя взять, съ жалости, чтобы покрыть ея грѣхъ, такъ какъ ей отъ людей проходу нѣтъ, то вотъ она меня послала къ вамъ— благословить ее проситъ. Не обезсудьте, ваше степенство!

Купецъ былъ въ хорошемъ расположеніи и отвѣчалъ, что «ликъ Божій» ему надо Зинаидой «держать зазорно», а онъ такъ просто даетъ ей сто рублей на приданое.

Сапожникъ поклонился въ ноги и, получая деньги, поцѣловалъ руку, а затѣмъ женился на Зинаидѣ, разумѣется, ни слова не сказавъ ей о подаренномъ ей отъ купца приданомъ. Въ бракѣ съ сапожникомъ Зинаида пробыла три года. Родила трехъ дѣтей, сначала дочь, а потомъ двухъ мальчиковъ. Мужъ ея былъ человѣкъ аккуратный и чудесный мастеръ, и прошлымъ ее не урекалъ, но до того былъ ревнивъ, что даже не позволялъ ей разговаривать ни съ однимъ мужчиной. По словамъ Зинаиды Павловны, онъ ее ревновалъ даже «къ деревянной ногѣ» и много разъ этою же самою ногой ее билъ. Разъ она претерпѣла отъ него такое наставленіе, что ее даже сочли мертвою, и это ей досталось за то, что она похристосовалась съ своимъ роднымъ дядей.

— Но, однако, — говорила Зинаида Павловна, — билъ онъ меня не даромъ, потому что я ужасно его ненавидѣла.

Когда же этотъ самый драчунъ-мужъ заболѣлъ и приступилъ умирать, то онъ сталъ такъ ужасно тосковать, что Зинаида Павловна надъ нимъ разжалобилась, и когда онъ сталъ ее просить, чтобъ она «сняла образъ Курской Заступницы и поклялась, что послѣ него не пойдетъ ни за кого замужъ, то она сняла Заступницу и заклялась».

Сапожникъ умеръ, а оставшаяся подъ клятвою бѣдная красавица его вдова начала оберегать свои обѣты, и хотя ее сватали нѣсколько человѣкъ, но она ни за кого замужъ не пошла, а какъ покойникъ ей ничего на дѣтей своихъ не оставилъ, то она для ихъ воспитанія *«три раза въ мамкахъ служила»*.

Каждый изъ этихъ трехъ эпизодовъ былъ неотвратимъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Начались эти приключенія у самой могилы сапожника. Прежде чѣмъ гробъ успѣли засыпать, тутъ случился французъ-живописецъ, который видѣлъ, какъ молодая вдова стояла и плакала, держа въ растерянности одного ребенка у груди, а двухъ прижимала къ себѣ другой рукой. Французъ имѣлъ живое воображеніе и доброе сердце: онъ подалъ женщинѣ десять рублей и велѣлъ ей придти къ себѣ вмѣстѣ съ дѣтьми, и чтобы всѣ они были въ этомъ же самомъ платьѣ. Они такъ и пошли, да у нихъ и не было ничего другого, чтобы надѣть на себя. Такъ французъ ихъ и «отрисовалъ» на картинѣ, совсѣмъ какъ живыхъ, и велѣлъ еще и еще приходить, и всякій разъ давалъ за это по три рубля. Зинаида Павловна этимъ очень поправилась, и боялась только, что доходъ ея прекратится, какъ только кончится «рисовка». Однако, опасеніе ея было напрасно,— «рисовка» кончилась, а благополучное соотношеніе не прекратилось, но только лишь перемѣнилось. Какъ скоро французъ кончилъ одну картину, онъ «дѣтей отставилъ», а матери сказалъ: «Теперь chère ami, мы будемъ дѣлать другую фигуру». И онъ велѣлъ ей приходить одной и пере-

одѣваться у него въ очень нарядный крестьянскій уборъ, послѣ чего она должна была брать въ руки снопъ соломы, путаные васильки и серпъ, и такъ она стояла, пока онъ произвелъ еще одну картину, которая стояла на одной изъ парижскихъ художественныхъ выставокъ съ надписью: «Devouschka krapivouscou jala». Но и послѣ этого французъ продолжалъ ее поддерживать и доставлялъ ей съ дѣтьми, что̀ имъ было нужно, но зато она была беременна... и Богъ вѣсть для какой надобности. Къ счастію, однако, Богъ далъ, что это вышло прекрасно: у живописца ее часто видѣлъ одинъ генералъ, большой любитель всего хорошаго, и онъ уже давно сталъ ей подмигивать глазки, но тогда французъ его остановилъ и сказалъ:

— Chacun à son tour, mon général! Chacum à son tour!

И когда пришелъ его «tour», генералъ сказалъ Зинаидѣ Павловнѣ, чтобы она не робѣла, что его жена тоже въ такомъ же положеніи, и если Зинаида пожелаетъ, ее охотно могутъ взять въ мамки, при чемъ генералъ обѣщалъ тоже размѣстить въ пріюты ея дѣтей, которыхъ теперь было уже четверо.

Зинаида Павловна пошла въ генеральскій домъ мамкою, а французъ пошелъ съ свободными руками.

— En attendant vive l'amour et vive la bagatelle!

Генералъ по добротѣ и простотѣ тоже былъ не хуже француза, но, кромѣ того, онъ былъ и человѣкъ могущественный и устроилъ всѣхъ четырехъ ребятишекъ Зинаиды Павловны, а зато и его дитя было прекрасно выкормлено, но незадолго передъ тѣмъ временемъ, когда ребенка надо было отнимать отъ груди, генеральша уѣхала въ Ниццу къ больному отцу, а генералъ самъ наблюдалъ за порядкомъ въ дѣтской, и результатомъ этого вышло, что бѣдная Зинаида Павловна опять пострадала, подпавъ своей ужасной судьбѣ, которая не хотѣла дозволить, чтобы ей хоть что-нибудь сошло безъ послѣдствій. Генералъ, впрочемъ, тоже ее «не оставлялъ», а она, дождавшись своего времени, поступила въ мамки на третье мѣсто, гдѣ опять, на ея несчастіе, по

субботамъ брали въ отпускъ кадетика. И тогда Зинаида Павловна на себя разсердилась и въ четвертый разъ въ мамки уже не пошла, потому что, по ея соображеніямъ, «въ семейныхъ домахъ жить невозможно». А въ это самое время осиротѣла ея племянница Праша и стала заводить себѣ прачечную. Зинаида Павловна пришла къ ней и предложила жить вмѣстѣ.

— А то со мною просто ужасти что случается!

Праша ей отвѣтила:

— И лучше!

И вотъ мы увидали ихъ вмѣстѣ, бокастинькую, дѣловитую Прашу хозяйкою, а вальяжную и величественную Зинаиду Павловну ея правою рукой.

Что эти женщины могутъ управить «прачечное заведеніе», въ этомъ можно было не сомнѣваться, но какъ онѣ станутъ управлять сами собой—объ этомъ можно было гадать надвое. Но, однако, прошелъ годъ и онѣ обѣ держали себя въ порядкѣ. Изрѣдка я встрѣчалъ Прашу на улицѣ, но чаще видѣлъ ее въ окно, какъ она гладила съ мокрымъ отъ пота лбомъ и простиралась по гладильной доскѣ не только обѣими руками, но даже взбиралась на нее и колѣномъ. Видъ она всегда имѣла дѣловой, бодрый и озабоченный.

Зинаида Павловна работала спрохвала: она не любила каленаго утюга, а больше «прыскала да складывала».

Одинъ разъ въ теченіе перваго года ихъ хозяйства я заходилъ посмотрѣть на литераторскаго наслѣдника и засталъ его въ отличномъ положеніи: онъ ползалъ по полу настоящимъ санкюлотомъ, съ заткнутымъ за поясъ подоломъ, и махалъ деревянною ложкой, а неподалеку отъ него катался горшокъ съ пшенною кашей. Всякъ ли еще имѣлъ въ дѣтствѣ такое благополучіе!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Прошло два и три года. Дѣло у Праши приняло значительные размѣры и жилось имъ всѣмъ хорошо: стирали и «салфеточное», и всякое другое бѣлье уже на нѣсколько гости-

ницъ, и всѣ ими были довольны. Особенно славилась ихъ блестящая выводка пятенъ «безъ фиміи». Секрета своего противъ пятенъ краснаго вина Праша никому не открывала. Онъ, очевидно, былъ очень важенъ, хотя, по ея словамъ, онъ состоялъ «изъ самыхъ послѣднихъ пустяковъ».

Хорошо или дурно быть такою секретницей, объ этомъ она не думала, да ей это «съ тѣмъ было и открыто, чтобы другимъ не говорить». Это надо соблюсти, иначе никому не будетъ дѣйствовать.

Упомянутое достопримѣчательное средство «показала» ей одна бѣдная барынька на пароходѣ: она была изъ бѣдныхъ полячекъ и ѣхала къ мужу въ Сибирь, а мужъ у нея, до ссылки его, содержалъ трактиръ, и удивительно въ чемъ провинился: къ нему пришли бунтари и говорятъ:

— Мы, братъ, голодны, давай ѣсть, а то повѣсимъ.

Онъ имъ не сталъ подавать, а они сами взяли, поѣли и ушли. Тогда пришли наши и спрашиваютъ:

— У тебя ѣли?

Онъ говоритъ:

— Да,—все взяли и съѣли!

Наши его побили и посудили, и въ Сибирь сослали. Ему и тамъ хорошо.

Полячка на пароходной палубѣ стыла съ своими ребятами.

Праша надъ нею сжалилась и услужила ей кипяткомъ, просушила ихъ обувь и платьишко и «простирнула» дѣтское бѣльишко, а полячка ей за это и сказала секретъ. Вотъ онъ ей теперь и пригодился.

Одно одолѣвало Прашу, что она безграмотна; за это она укоряла своихъ родителей:

— Зародятъ насъ, да такъ безграмотными фефёлами и пустятъ: вотъ мнѣ теперь надо много счетовъ, а писать не кому.

Появился какой-то писарь, человѣкъ среднихъ лѣтъ, по имени Апрѣль Иванычъ. Онъ былъ полякъ, но состоялъ счетчикомъ въ русской артели, гдѣ его имя «Аврелій» передѣлали по-русски въ «Апрѣль». Онъ былъ человѣкъ трез-

вый, разсудительный и чрезвычайно учтивый. Держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ: не унижался и не лѣзъ на фамильярность. Праша его приговорила приходить къ ней и писать ей «счета́», а онъ былъ тронутъ ея скромностью и не хотѣлъ съ нея ничего брать за эти занятія, но Праша этого не приняла. Она знала, что женщинамъ даромъ ничего не дѣлаютъ, и примѣръ въ этомъ была у нея Зинаида Павловна, которую теперь безпокоили дѣти, начавшія выходить изъ пріютовъ. Француза и генерала уже и слѣдъ простылъ.

Черезъ годъ ея старшую дѣвочку шестнадцати лѣтъ уже выдали замужъ за молодого артельщика, съ которымъ ихъ сосваталъ Апрѣль Иванычъ. Что за милый человѣкъ! Зинаида Павловна была очень ему благодарна и называла его Апрѣль Мартычемъ, а дочери своей дала въ благословеніе всѣ образа, какіе у нея были, оставивъ себѣ всего только одну Курскую Заступницу. Кромѣ того, она сдѣлала ей нѣсколько соотвѣтствующихъ случаю совѣтовъ и особенно велѣла ей первой ступить на подножье и топнуть ногой, когда будетъ идти «Павла чтеніе». Собирала невѣсту и выдавала ее Праша, которая тоже хвалила Апрѣля Иваныча за его «учливость» и особенно за то, что онъ «о сиротѣ позаботился». Такъ нравился онъ и другимъ женщинамъ, съ которыми ласково говорилъ и въ свободное время читалъ всѣмъ *Телемака*.

Праша думала, что онъ «къ нимъ привьется», и именно насчетъ Зинаиды Павловны, которая всѣмъ нравилась. Правда, что она не работница, но, вѣдь, зато какъ хороша! Пусть женится: она имъ поможетъ, вмѣстѣ жить будутъ. Но вдругъ все это повернулось иначе, и Праша пришла ко мнѣ въ неодолимомъ смущеніи и истерическимъ тономъ заговорила:

— Я, право, не знаю... такое обрѣтеніе... Апрѣль Иванычъ меня замужъ проситъ.

И какъ это сказала, такъ сѣла и заплакала.

— Что же вы, идете или нѣтъ?

— Да я и не знаю.

— Стало-быть, идете.

— Нѣтъ, не знаю, а, во-первыхъ, онъ такой учливый, и сироту-дѣвушку устроилъ, а, во-вторыхъ, моего мальчика любитъ и имъ *Пеленака* читаетъ, да, подите-ка, еще сколько у него и другихъ книжекъ, и самъ онъ безсчастный, потому что, вѣдь, никакой у него близкой души нѣтъ. Это же правда истинная! Я долго не вѣрила и другія мнѣ тоже говорили: «Повѣрь, это онъ къ тебѣ подлещается, потому что у тебя свое хозяйство, а всѣ поляки льстивые»; но это же, вѣдь, глупость, и я этому никогда ни за что не повѣрю, потому что есть всякіе люди въ каждомъ народѣ; но когда по веснѣ мой мальчикъ заболѣлъ при смерти, такъ Апрѣль Иванычъ надъ нимъ ночей не спалъ, и теперь дитя его, можно сказать, больше меня любитъ.

— Это васъ къ нему и расположило?

Праша хотѣла сказать что-то коротко и откровенно, но вмѣсто того опять заморгала со слезами и истерично отвѣчала:

— Я этого не понимаю... не знаю, что̀ именно! А только онъ же одинъ понялъ, что дитя такого отца, что надо ему открыть всѣ понятія. Вотъ я его за это... не знаю, какъ уважаю!

И она хотѣла еще что-то изъяснить, но опять заплакала.

— Такъ и прекрасно,—говорю,—вы, Прашенька, и выходите.

— Вы совѣтуете?

— Да что же! Отчего нѣтъ?

Она помолчала, потупивъ глаза внизъ, и, покраснѣвши, прошептала:

— Отчего же мнѣ это... какъ будто стыдно?

— Вы развѣ обѣщали не выходить?

Она покачала головою и отвѣчала:

— Покойникъ объ этомъ никогда не говорилъ.

Она остановилась, вздохнула и добавила:

— Вѣдь это тогда... все только я его обожала и себя не помнила за это счастіе, а онъ только такъ...

— И Курской Заступницѣ вы не клялись?

— Нѣтъ,—отвѣчала она съ тихою улыбкой и сейчасъ же опять вздохнула и еще сквозь слезы добавила: — Я вѣдь ничего не утаила, я сказала: «Апрѣль Иванычъ! словъ нѣтъ, что я очень вами за все благодарна и могу слѣдовать; но только съ кѣмъ я это дитя получила, то у меня тотъ человѣкъ посейчасъ въ сердцѣ, и я послѣ него ни для кого уже особенныхъ чувствъ не нахожу». А онъ мнѣ отвѣтилъ: «Значитъ, если и я помру, хорошо дѣлавши, то вы и обо мнѣ хорошо вспомните». Тутъ ужъ я взволновалась и говорю: «Что же вы это такъ себя сокрушаете: сами сватаетесь и сами себя хороните?» А онъ говоритъ: «Смерти никогда забывать не слѣдуетъ». А я говорю: «Ну, ужъ это нѣтъ... Послушайте, это такъ вовсе не надо... Станьте рядомъ, да давайте скорѣе лучше помолимся, вы по своей вѣрѣ, а я по своей: пусть что̀ намъ Богъ дастъ, то и будетъ».

И когда они помолились, то Богъ имъ далъ то, что они сдѣлались мужемъ и женою.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Апрѣль Иванычъ оказался прекраснымъ человѣкомъ: онъ нѣжно любилъ скромненькую Прашу и удивительно заботился о «писательскомъ сынѣ». Онъ завелъ въ домѣ вечерній кружокъ у чайнаго стола и всѣмъ здѣсь читалъ *Телемака*, поясняя изъ него, что люди живутъ вовсе не такъ, какъ бы надобно жить. Къ этому же у него служили *Павелъ и Виргинія*, а самъ для себя онъ читалъ еще болѣе забористыя вещи, какъ-то: *Оправданіе Сократово* и *Слово похвальное Марку Аврелію*. А затѣмъ въ жизни со всѣми былъ ласковъ, и простъ, и любезенъ.

У Праши съ Апрѣлемъ родилось еще двое дѣтей: мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагеичка. Зато изъ домаш-

няго штата Праши стала выбиваться Зинаида Павловна, съ которою опять начались «туры», и причиною ихъ были дѣти и жасмины. Выше было сказано, что дѣти удивили Зинаиду Павловну тѣмъ, что они начали подрастать одно вслѣдъ за другимъ, чего мать ихъ совсѣмъ не ожидала и совершенно растерялась отъ этой неожиданности. Она дѣлала все, что могла: плакала и молилась на колѣняхъ, но дѣти все-таки оставались «безъ предѣла», а у самой Зинаиды на заплаканныхъ глазахъ, которымъ, кажется, надо бы померкнуть и ввалиться, вмѣсто того выскакивали ужасные ячмени или, какъ она ихъ называла, «жасмины». Чтобъ избавиться разомъ отъ жасминовъ и отъ дѣтей, Зинаида Павловна готова была выпить самую злую отраву и даже разъ выпила пузырекъ нашатырнаго спирта и произвела въ домѣ дворовый скандалъ: въ прачечную набѣжали жильцы, въ числѣ которыхъ былъ длинный нѣмецъ «аплетонъ», занимавшійся починкою плетеной мебели, и гимназистъ, который занимался передъ окномъ выпиловкою и потому назывался «пропилей». Они оба приняли участіе и бѣгали въ аптеку, а потомъ все стали попадаться Прашѣ на глаза и, наконецъ, подрались на лѣстницѣ. На другой день сухая и жилистая жена «аплетона» нагло заглянула въ окна прачечной и сказала: «шлюхи». А бабушка «пропилея», встрѣтивъ Прашу, сообщила ей, что она «своего» будетъ запирать, а вы-де «свою» обуздайте.

Апрѣль Иванычъ не вмѣшивался, но его стали тревожить ночами движенія у двери, и разъ онъ тамъ нашелъ Зинаиду Павловну, которая ему прямо, но странно сказала:

— Что, Апрѣль Мартычъ? Очень мнѣ, другъ милый, чего-то скучно!

И она такъ сжала ему руку, что точно хотѣла его куда-то увлечь за собою.

Отъ Праши это осталось скрытымъ, и Зинаида Павловна изрѣдка только посматривала за двери и говорила, что ей какъ-то все «кошкой пахнетъ».

Праша смотрѣла на нее и отвѣчала:
— Смотри, у тебя это болѣзнь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Задавались чрезвычайно безпокойныя ночи, когда коты совсѣмъ не знали покоя сами и не хотѣли позволять спать людямъ: они мяукали, скреблись, прыгали, падали съ высотъ внизъ и опять царапались вверхъ и, настигая другъ друга, дрались такъ, что сыпалась шерсть, и затѣмъ вновь паденіе и вновь бѣготня. Эта возня такъ безпокоила жильцовъ, обитавшихъ въ квартирахъ, имѣвшихъ одинъ выходъ, что то изъ одного, то изъ другого жилья среди ночи отворялись двери и оттуда или кто-нибудь манулъ домой своего кота, или же чья-нибудь негодующая рука швыряла что попало, чтобы испугать и разогнать полунощниковъ. Такъ было и въ тотъ разъ, когда Апрѣль Иванычъ, придя изъ бани, легъ поранѣе и хотѣлъ уснуть покрѣпче, а вмѣсто того онъ и совсѣмъ не могъ заснуть отъ повторявшагося за дверями шума. Онъ всталъ и при свѣтѣ лампадки увидѣлъ, что былъ второй часъ ночи, но на лѣстницѣ за дверью нѣтъ-нѣтъ и опять раздавалось движеніе.

«Что̀ за наглые негодяи!»—подумалъ Апрѣль и, сунувъ ноги въ туфли, схватилъ лучинную корзинку съ остатками мелкихъ углей и подкрался къ двери съ тѣмъ, чтобы быстро ее растворить и швырнуть корзинкой въ котовъ, какъ только они зашевелятся ближе.

Ему и не пришлось долго ждать, потому что немедленно же учинился шумъ и съ лѣстницы внизъ что-то слетѣло и замѣшалось у двери. Апрѣль Иванычъ сію же секунду быстро толкнулъ дверь, но какъ она оказалась едва притворенною, то онъ не соразмѣрилъ силы съ сопротивленіемъ, самъ выпалъ наружу и очутился съ своею корзинкой на грязномъ полу въ кучѣ съ «Пропилеемъ» и «Аплетономъ», которые извивались, тормоша одинъ другого за кудри, между тѣмъ какъ чья-то свободная нога наступила на са-

мого Апрѣля и въ открытую дверь его квартиры скользнула женская фигура.

Апрѣль Иванычъ догадался, что это была Зинаида, и возвратился домой очень сконфуженный, испачканный углемъ и съ порядочнымъ ушибомъ въ колѣнѣ.

Онъ покачалъ головою, вздохнулъ, обтерся и легъ, не сказавъ ни слова женѣ ни въ первую минуту, ни тогда, когда Праша черезъ полчаса встала съ кровати, надѣла юбку и кофту и прилегла на коротенькомъ диванчикѣ. Еще черезъ нѣкоторое время она тихонько встала и неслышными шагами пошла къ той же двери, отъ которой отошелъ ея мужъ. Но Праша была осторожнѣе Апрѣля Иваныча: она ощупала крючокъ двери и нашла, что онъ откинутъ, тогда она тихо отодвинула дверь и сейчасъ же ухватила своею рукою руку Зинаиды Павловны и потащила ее къ себѣ, но та сдѣлала движеніе, чтобъ освободиться, и на этотъ шумъ съ верхней площадки сразу слетѣли двѣ фигуры и сразу схватились другъ съ другомъ. Это опять были они: Аплетонъ и Пропилей.

Праша отлично ихъ узнала и еще рѣшительнѣе вцѣпилась въ Зинаиду и втащила ее назадъ, а на дверь наложила крючокъ.

Теперь Зинаида шла безъ сопротивленія и, придя въ свою комнатку, тихо сѣла на кровать и закрыла лицо руками.

Праша хотѣла тотчасъ же выйти, но Зинаида Павловна сама ее удержала.

— Что же ты уходишь?—спросила она.—Лучше теперь и ругай, ужъ кстати!

— Да какъ ты это выходишь, что тебя даже вовсе не слышно?.. Этакъ насъ обокрадутъ.

— Ну, и что-жъ дѣлать?

Зинаида ткнулась лицомъ въ подушку и заплакала.

— О чемъ же ты плачешь?

— О томъ, что мнѣ тебя стыдно.

— Что жъ, я тебѣ не мать и не сестра, а племянница...

— Это все равно... Зачѣмъ ты замужъ пошла? Пока ты не выходила, и я жила прелестно, а теперь вотъ... поползло и поѣхало.

— Что же, я тебѣ помѣшала жить?

— Скучно стало.

— Отчего?

— Сама не знаю: погляжу на васъ — и скучно, а лягу—спать не могу.

— Отчего же это?

— Не знаю. Сначала дремота, и спать хочу, а потомъ вдругъ какъ котъ... и отъ кота буркòта...

— Молилась бы на ночь.

— Извольте!.. Еще какъ и молюсь! И батюшкѣ все говорила, и онъ все, все, все мнѣ разъяснилъ, какъ это и называется, что блюдъ и что преблюдѣяніе, но все это ничего не значитъ! Встань, пожалуйста, на стулъ—задерни занавѣской Заступницу.

— Не хочу.

— Нѣтъ, сдѣлай милость, закрой Ее!

Праша встала и задернула образъ ситцевой занавѣской.

Тогда Зинаида Павловна ее попросила:

— Возьми, пожалуйста, достань тамъ стклянoчку...

— Неужели еще пить станешь?

— Да нѣтъ, чтò за глупости!.. Тамъ богоявленская вода... Сбрызни меня скорѣе, сбрызни!

— Не хочу! — отвѣчала Праша и, махнувъ рукой, спрыгнула со стула, чтобы уйти, но Зинаида Павловна схватила своею рукой ея руку и удержала.

— Что это съ тобой?—спросила сконфуженно Праша

— Вотъ сдѣлала такъ и ничего болѣе... Не пущу!

— А я съ тобой говорить не хочу.

— Отчего? Послушай!.. Отчего?

— Для чего ты двухъ держишь!

— Кто ихъ держитъ! Проклятые!.. одинъ другому шагу ступить не даютъ.

— Да ужъ остановись на чемъ-нибудь!

— Да какъ же я могу на одномъ остановиться, когда я ихъ только и вижу, какъ они вдвоемъ другъ съ дружкой сражаются!

— За что сражаются?

— Ну, что разспрашивать!

— Нѣтъ, окромя всякихъ шутковъ?

Но Зинаида плакала, и вмѣсто разъясняющаго отвѣта, поцѣловала племянницыну руку и опять проговорила:

— Вотъ и ничего болѣе!

— Ну, и прощай!

— Да, и прощай, Пахита, прощай!

А когда Праша подошла къ двери, она ее окликнула и еще разъ сказала:

— Прощай же, Пахита, прощай!

Праша не придала этому прощанію никакого особеннаго значенія, а такое значеніе здѣсь было, потому что на другой день Зинаида Павловна, никѣмъ не замѣченная, исчезла изъ дома племянницы и уже никогда болѣе къ ней не возвратилась.

Дѣтей своихъ она поручала Апрѣлю Иванычу, который и въ самомъ дѣлѣ устроилъ, что требовалось. Зинаида Павловна отозвалась Прашѣ изъ Кіева: «Не думай, будто я отъ своихъ дѣтей убѣжала, — писала она, — это несправедливо; но меня обидѣлъ фершелъ, который давалъ не того лѣкарства отъ жасминовъ, и я не захотѣла оказать себя при замужней дочери, чтобъ ей не было стыдно».

Прашу и замужнюю дочь Зинаиды Павловны это извѣстіе очень разсердило. Дочь говорила: «пусть къ намъ и не возвращается»; но Апрѣль Иванычъ заступался за «слабую женщину», и это познакомило Прашу съ подозрительностью и ревностью, подъ вліяніемъ которыхъ она находила большое утѣшеніе въ томъ, что такая «слабая женщина» отъ нихъ отъѣхала.

Съ этихъ поръ прошло пять лѣтъ жизни тихой и совершенно счастливой, и когда писательскій сынъ былъ уже въ третьемъ классѣ гимназіи, Апрѣль Иванычъ вдругъ

сталъ сбираться къ роднымъ въ свою «поляцкую сторону» и, несмотря на многія неудобства, уѣхалъ туда грустный, а возвратился еще грустнѣе, и какъ разъ въ это самое время пришло ужасное письмо отъ Зинаиды Павловны, возвѣщавшей Прашѣ, что она живетъ тѣмъ, что чиститъ ягоды для варенья, и что Богъ тогда же давно далъ ей «двойку заразъ, мальчика и дѣвочку».

Прашѣ показалось, что это что-то сверхъестественное и не къ добру.

— Какъ это... женщина уже за сорокъ лѣтъ, и столько уже было дѣтей, и потомъ еще вдругъ сразу рождается пара! Это къ несчастью!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Праша поскорѣе послала въ Кіевъ «на зубокъ» десять рублей, но не написала родственницѣ никакого письма. Ей было не до того: Апрѣль Иванычъ возвратился въ Петербургъ изъ своей стороны какой-то разстроенный и съ такою скрытною скорбью, что Праша въ этомъ не могла разобраться и понять: въ чемъ дѣло зависитъ. Одно время она подумала, не получилъ ли онъ какихъ-нибудь невыгодныхъ для нея сравненій, и сейчасъ же подумала, чего ей можетъ въ его глазахъ недоставать, и нашла это. Разъ, утромъ, когда Апрѣль Иванычъ, по своему обычаю, внимательно осмотрѣлъ и пристегнулъ ранецъ къ плечамъ уходившаго въ гимназію писательскаго сына, Праша походила за мужемъ съ мѣста на мѣсто и наконецъ сказала:

— Апрѣль Иванычъ! вы не думайте, что я другой вѣры... я за вами послѣдую.

Онъ растрогался и поцѣловалъ у нея руку, и сказалъ, что ничто такое не нужно, и ничего безпокойнаго нѣтъ.

— Ну, а на всякій случай,—продолжала Праша,—вы это знайте... Мы нигдѣ не пропадемъ.

Но Апрѣль Иванычъ опять увѣрилъ ее, что ничего нѣтъ. Праша успокоилась и отвѣчала:

— Значитъ и слава Богу. Только руки моей, пожалуйста, никогда не цѣлуйте.

— Отчего?

— Я этого не стòю.

— Не стòите!.. Вы сами не знаете, чего вы стòите!

— Ну, оставимъ это!.. Я не привыкла... Право, голубчикъ, не надобно... Я устыждаюсь... Я лучше васъ просто такъ поцѣлую... потому что я васъ теперь вѣдь люблю... Что вы съ недовѣріемъ смотрите?! Нѣтъ, это вѣрно, вѣрно! Я не солгу, ни за что не солгу... Вотъ когда вы со мною женились, я васъ тогда еще не любила, я вамъ такъ и сказала, что «уважать васъ я уважаю, но особенно не люблю», потому что тогда еще другой человѣкъ у меня всѣмъ моимъ сердцемъ командовалъ, а теперь...

— Неужли вы его позабыли?

— Нѣтъ!.. Ахъ, нѣтъ, другъ мой! Нѣтъ! А только, извините жъ меня, вѣдь если мы объ этомъ заговорили, то я должна правду сказать: теперь я ни о немъ, ни о васъ порознь не думаю, а оба вы вмѣстѣ для меня какъ будто въ одно слились... Право это правда, правда, истинная правда! Онъ, вы, я — это будто совсѣмъ все одно, и это чтò было тогда, и чтò сейчасъ есть, и что дѣти рождаются—это какъ-то какъ будто мимо уплываетъ.

Апрѣль все ее благодарилъ и успокоивалъ, но она видѣла, что онъ самъ не спокоенъ, и она спрашивала его про родину: гдѣ живетъ его сестра? Нельзя ли послать ей пять фунтовъ кофею? Правда ли это была, будто у нихъ наши взыскивали съ тѣхъ, кто своихъ покормитъ?

Апрѣль Иванычъ отвѣчалъ женѣ «будто какъ изъ-подъ неволи», и вдругъ забредилъ о какой-то огромной артельной растратѣ, которую будто онъ сдѣлалъ не по своей волѣ. Но никакой артельной растраты не было, а Апрѣля Иваныча пришлось отвезти въ сумасшедшій домъ. Пасынокъ о немъ страшно скорбѣлъ, и скорбь его перешла въ страданіе, когда его превосходный вотчимъ вскорѣ же умеръ, истерзанный мучительною тревогой.

Вотъ вамъ и Зинаида Павловна и ея «двоешка»!

И съ какой стати, и для чего ей было нужно писать о всѣхъ такихъ происшествіяхъ въ Петербургъ? Чистила бы себѣ въ Кіевѣ ягоды—и кончено! Да и Прашѣ некогда и нѣтъ никакой надобности разсуждать о пустякахъ. У нея теперь уже не одинъ сынъ, а *трое дѣтей*, а кормилица у нихъ опять одна она, безграмотная фефёла, и начальство ей не поможетъ.

Въ тотъ же день, какъ схоронили Апрѣля Иваныча, литераторскій сынъ сталъ писать для матери ея прачечные счета́ и наблюдалъ, ка́къ читаютъ мальчикъ Абрамчикъ и дѣвочка Пелагеичка.

Дѣла у Праши были опять по-старому: черезъ годъ еще пошли въ школу и Абрамчикъ съ Пелагеичкой, а когда они тамъ подучились, ихъ отвели: Абрамчика къ дядѣ повару, а дѣвочку Пелагеичку поставили крахмалить и гладить. Другой карьеры имъ не намѣчалось, но старшій ихъ братъ, «литераторскій сынъ», все еще учился и достигъ того, что «вышелъ на лѣкаря». Мать преисполнилась восторгомъ, что это *она вывела*, и не знала, что̀ бы такое сдѣлать, чтобы дать ходъ своему сердцу. Она вспомнила о Зинаидѣ и рѣшила съѣздить въ Кіевъ «отблагодарить Бога» и посмотрѣть, что́ тамъ дѣлаетъ Зинаида. Можетъ-быть, ей худо и она стыдится придти назадъ. Надо ее обласкать и увезти къ себѣ и жить съ нею вмѣстѣ... И надо это поскорѣе: нельзя откладывать примиренія, — смерть такъ и ходитъ.

Праша отправилась въ Кіевъ, ощущая въ себѣ приливъ теплаго и нѣжнаго чувства; переѣзжая Днѣпръ, она любовалась видомъ и плакала, а на другой день пошла въ пещеры и, какъ прачка, замѣтила, что вездѣ бы все надо помыть. Въ тотъ же день она пошла искать по Кіеву Зинаиду Павловну, но не могла ее найти: ни въ одномъ конфектномъ заведеніи ее не знали. Прашѣ только случайно удалось напасть на слѣдъ Зинаиды Павловны черезъ посредство послушниковъ монастырской гостиницы, которые

всѣ ее знали; но путь къ ней былъ не простъ. Послушники указали Прашѣ на двухъ лицъ, имѣвшихъ въ томъ мѣстѣ значительное положеніе. Это были два такъ-называемые старца, которые сидѣли на сходахъ лѣстницы съ чашками, прося подаянія. Одинъ изъ нихъ былъ слѣпецъ Ереней, а другой кривоустый Игнаша. Они просили милостыню, но были люди очень достаточные и даже имѣли въ городѣ домъ. Зинаида была у нихъ «за хозяйку».

Праша своимъ ушамъ не вѣрила, но это была правда: она пошла разыскивать Зинаиду и нашла ее, ибо она дѣйствительно находилась въ хозяйкахъ у двухъ старцевъ, изъ которыхъ только одинъ могъ видѣть благообразіе ея лица, именно Игнатъ «кривоустый», а «слѣпецъ» Ереней могъ цѣнить лишь другія ея достоинства.

На хлѣбахъ у старцевъ Зинаида Павловна еще раздобрѣла и потерпѣла отъ лѣтъ только въ томъ отношеніи, что у нея выпало много волосъ и она облысѣла; но зато она теперь обвязала себѣ голову яркимъ, полосатымъ платкомъ и ходила, какъ святочная туркиня, что́ опять ей было очень къ лицу и дѣлало ее интересною.

Если бъ ее увидалъ въ этомъ уборѣ давній ея обожатель, французъ, то въ немъ, навѣрное, опять могла бы заиграть его художественная фантазія, и онъ могъ бы выпустить новое произведеніе, достойное и его, и Зинаиды Павловны.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Обѣ фефёлы встрѣтились на порогѣ и были такъ изумлены, что обѣ сначала молчали дольше, чѣмъ было пристойно друзьямъ, а потомъ хотя и заговорили, но ихъ разговоръ оказался безъ толка.

Хозяйка спросила гостью:

— Ахъ, это ты?.. Ну, скажите, пожалуйста! Праша, Прашенція!.. Всходи же скорѣе!

Праша вошла и тотчасъ же сѣла. «Туркиня», повя-

занная фуляромъ, ей не нравилась. А та продолжала спрашивать:

— Какъ же ты поживаешь? Апрѣль Иванычъ померъ?.. Что, братъ, подѣлаешь! Я за него подавала на часточку. Хотя онъ и не нашей вѣры, но это можно. Раздѣвайся, Прашенція!

А Праша слушала Зинаиду Павловну и смотрѣла на нее, а сама удивлялась, отчего у нея до сихъ поръ все такая же пышная и бѣлая шея, и Праша сказала:

— А что у тебя теперь твои ячмени уже не бываютъ?

— Бываютъ!—отвѣчала Зинаида Павловна.—А ты стала совсѣмъ пожилая!

— Еще бы! Сынъ уже на лѣкаря вышелъ. Твои дѣти тебѣ кланяются.

— Охъ, не говори мнѣ про дѣтей!

— Отчего?.. Все хорошо.

— Все равно... Какая я мать!

— Ничего. Богъ дастъ, будетъ инàче.

— Нѣтъ, ужъ поздно!

Праша очень хотѣла продолжать разговоръ, но имъ не о чемъ было болѣе говорить и никакого примѣненія для тѣхъ нѣжныхъ чувствъ, съ которыми ѣхала Праша, не оказывалось. Зинаида Павловна потчивала Прашу тѣмъ и другимъ и водила ее по дому, показывала, гдѣ спитъ слѣпой и гдѣ кривоустый. Домъ былъ не маленькій, и у всѣхъ свои помѣщенія. У слѣпого было немножко грязновато, но онъ вѣдь ничего не видитъ, а у кривоустаго все было совсѣмъ какъ у хорошаго купца: и образникъ, и конторка. Спальня Зинаиды Павловны была вся застлана тюменьскимъ ковромъ и въ ней стоялъ пребольшой образникъ, въ которомъ серединное мѣсто занимала ея Курская Заступница. Передъ этою образницей горѣли три лампады, а напротивъ въ углу за пологомъ взбита большущая перина, уложенная на такой высокой двуспальной кровати, что для входа на нее приставлена была у ногъ скамейка. Кровать

была крѣпкая, но оляповато выкрашенная темно-зеленою масляною краской съ розами на столбикахъ.

Зинаида Павловна стала показывать гостьѣ свое мастерство, котораго она прежде не знала.

Праша увидала глубокія тростниковыя корзины, полныя разноцвѣтныхъ лоскутьевъ плису, манчестеру и иныхъ матерій. Изъ всего этого Зинаида Павловна съ дѣвочкой шили шапочки, которыя старцы продавали. Зинаида Павловна стала перечислять, какъ это выгодно. «Мнѣ, — говорила она, — лоскутки носятъ жидовки, а онѣ берутъ отъ шитвицъ, а гдѣ тѣ достаютъ, я ужъ того дѣла не знаю».

— Крадутъ,—сказала Праша.

— Не знаю; но только я у нихъ на полтину куплю, а нашью шапочекъ на пятьдесятъ рублей...

Разговаривая такимъ образомъ, Зинаида Павловна водила Прашу по дому, показывая ей то за одною, то за другою дверью боковуши, чуланцы и кладовушечки, а сама участливо ее разспрашивала:

— Ну, а какъ же ты сама, моя милая Пашенція, въ разсужденіи того прочаго?.. Или еще въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ все вдовѣешь по-настоящему?

— Ну, а то какъ же еще!.. Разумѣется, вдовѣю.

— Ахъ, мой другъ, въ «разумѣется» еще иногда что-нибудь «под»—разумѣвается.

Праша услыхала въ этихъ словахъ что-то «несвойственное» и застѣнчиво сказала: «Еще что выдумай побезстыжѣе!»

А какъ Зинаида Павловна въ отвѣтъ на это захохотала, то Праша метнулась отъ нея въ сторону и налегла рукою на какую-то дверь, которая легко растворилась и открыла небольшую свѣтлую комнату съ широкимъ мягкимъ диваномъ, на которомъ сидѣлъ по-турецки, заложивъ нога на ногу, здоровеннѣйшій мужчина съ косматою головою, въ длинномъ, черномъ одѣяніи, перетянутомъ широкимъ ремнемъ по здоровому чреву.

Передъ нимъ на столѣ стояли графины, бутылки, тарелки, табакъ и папиросныя гильзы, а въ рукѣ у него была гитара, и когда Праша его увидала, ей показалось, что онъ одновременно, заразъ пользовался всѣми своими способностями, т.-е. пилъ, жевалъ, курилъ и игралъ на гитарѣ, а вдобавокъ, увидавъ обѣихъ женщинъ, простеръ къ нимъ свои радушныя объятія и весело крикнулъ:

— Ходите обѣ до купы!

Праша метнулась назадъ и съ гнѣвомъ отшвырнула Зинаиду Павловну, которая какъ будто хотѣла отрѣзать ей отступленіе, — и она задрожала и спутала у себя въ головѣ всѣ соображенія, кромѣ того, что тутъ ужасно и опасно. А Зинаида Павловна, какъ всегда равнодушная къ тому, что къ массѣ ея грѣховъ обнаружился еще одинъ грѣхъ, доброжелательно убѣждала свою вдовствующую племянницу:

— Брось-ка ты свои лоханки, Прашенція, и оставайся здѣсь, я тебя съ душеполезнымъ монахомъ познакомлю. Но этого Праша такъ испугалась, что сейчасъ же начала прощаться, а когда Зинаида еще хотѣла ей что-то показывать, она отвѣтила:

— Нѣтъ, пусти скорѣй, мнѣ у тебя страшно.

— Да чего-о?

— Не знаю... я испугалась,—и она ушла, такъ нелѣпо простившись, что ничего не сказала о дѣтяхъ и не жалѣла, что не говорила ни о чемъ дѣльномъ.

— Я почему-то вдругъ поняла, — говорила она, — что чѣмъ говорить о томъ, о чемъ нельзя говорить, лучше молчать.

Она осталась только еще на одинъ день, чтобы посмотрѣть, «какъ Владиміра памятнику церемонію дѣлаютъ», и, увидавъ, какъ въ престрашный жаръ нѣсколько солдатъ въ мундирахъ упали замертво на мостовую, совсѣмъ разстроилась и уѣхала на сѣверъ. По дорогѣ въ вагонахъ успокоилась и стала размышлять, что ей еще нельзя быть въ толпѣ, что она человѣкъ тихій и ей нужна

тишина. Дѣти ея на ногахъ и у всѣхъ у нихъ есть свой умъ и рукомесло; ей уже можно теперь пожить для себя.

— А какъ для себя хорошо пожить! Я этого, вообразите, во всю жизнь никогда не думала, а тутъ вдругъ какъ будто кто-то точно стоитъ въ потемочкахъ въ уголкѣ вагона и мнѣ напоминаетъ, что хотя я прожила въ большомъ счастьи, но я вѣдь мужа съ женой разлучила, что объ этомъ забывать худо, а лучше думать объ этомъ!

И это ей сдѣлало пользу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Одинъ великій человѣкъ сравниваетъ нашу жизнь на землѣ съ положеніемъ пассажировъ, ѣдущихъ на кораблѣ, который совершаетъ далекое плаваніе. Кормчій пускаетъ ихъ погулять по острову, къ которому пристало судно, но даетъ всѣмъ наставленіе не отходить далеко и спѣшить назадъ на корабль по первому звуку призывной трубы. Кто ходитъ недалеко и помнитъ о своемъ кормчемъ, тотъ не прозѣваетъ его сигнала и поспѣетъ въ свое время, и поплыветъ далѣе, а кто заберется далеко и тамъ расположится, какъ дома, тотъ или совсѣмъ сигнала не услышитъ, или если и услышитъ, то не успѣетъ прибѣжать на корабль, а останется на этапномъ островѣ, гдѣ ему казалось, что тутъ его настоящее жительство, и тогда такъ и придется ему оставаться на островѣ съ дикарями, которые готовы поѣсть другъ друга.

Праша, очевидно, ходила не дальше того, откуда она могла услыхать то, что̀ ей надо было услышать, чтобы не жить съ дикарями.

Первою примѣтой, что до слуха Праши долетѣлъ отзывающій звукъ, было то, что она стала равнодушна къ такимъ вещамъ, на которыя ранѣе всегда обращала вниманіе. Она всегда любила быть въ аккуратѣ, и вдругъ начала выходить на улицу въ пальто, надѣтомъ въ одинъ рукавъ, или вовсе въ накидку, «по-генеральски».

Это замѣтили лавочники и дворники и говорили:

— Преудивительно, никогда такъ не ходила; всегда, бывало, идетъ въ аккуратѣ, а теперь одну руку въ одинъ рукавъ всунетъ, а другую забудетъ и еще локоть подопретъ,—совершенно старый генералъ ползетъ.

Ей объ этомъ шутя говорили, но она какъ будто не понимала даже, о чемъ рѣчь, и продолжала «ходить по-генеральски», а потомъ стали замѣчать, что она перестала возражать и спорить, й на многое старалась «смотрѣть мимо», и потомъ вдругъ перестала бояться крысъ, мертвыхъ и грозы и ничего рѣшительно не желала, кромѣ тихаго уединенія, котораго ищутъ околѣвающія животныя.

Она сдала свое заведеніе и на вырученныя маленькія деньги купила себѣ маленькое хозяйство въ Финляндіи, гдѣ обмывала и обшивала выкармливаемыхъ крестьянами подкидышей воспитательнаго дома.

Отъ здѣшней ли тишины, или отъ чего другого, въ умѣ Праши стали проявляться понятія, какихъ прежде не было: сообразно перемѣнѣ понятій, она измѣняла и свои отношенія къ тому, до чего это касалось. Такъ, напримѣръ, она не только не хотѣла говорить что-либо во вредъ людей того края, гдѣ стала жить, — это дѣлаютъ и другіе, кому законность и порядокъ пріятнѣе произвола и безпорядка,— но она утратила всякій вкусъ къ похвальбѣ и неохотно пріѣзжала изъ своей избы въ Петербургъ. Зато она имѣла то, чего разумно искала: покой.

Одной неугомонной Зинаидѣ Павловнѣ суждено было дѣлать послѣднія испытанія духовнаго и умственнаго роста Праши. Престарѣлая красавица была угнетаема потребностью дѣлиться своими успѣхами въ свѣтѣ и неожиданно прислала неграмотной Прашѣ письмо, въ которомъ извѣщала ее, что изъ двухъ кіевскихъ старцевъ Зинаиды Павловны одинъ, слѣпой, вышелъ изъ ихъ компаніи и, найдя себѣ въ Кіевѣ племянницу, уѣхалъ съ нею жить въ Воронежъ, а зато другой старецъ, «кривоустый», такъ Зинаидѣ

покорился, что «поженился на ней законнымъ бракомъ». Зинаида Павловна, съ одной стороны, была очень рада, что теперь она опять замужняя, а съ другой—она боится, какъ бы ей не было наказанія отъ Бога за то, что она поклялась не выходить замужъ послѣ своего перваго мужа.

Праша не хотѣла ей отвѣчать на это.

— Если бъ я сама умѣла писать, я бы ей написала, что уже какъ мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, то мнѣ въ это время всѣ источники жизни должны затвориться.

Сосѣднія сироты-дѣти и чухны Прашу скоро узнали и полюбили, и она ихъ тоже.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Изъ чухонъ у Праши даже завелся одинъ пріятель: это былъ бѣднѣйшій старикъ Авель. Онъ жилъ, какъ гномъ, въ какой-то земляной норѣ, и Праша его сперваначалу даже немножко пугалась. Низенькій, кривоногій и косматый и, притомъ, очень старый, но черноволосый, безъ сѣдины; одѣтъ всегда въ овечьей курткѣ черной шерстью вверхъ, а штаны изъ кожи. Днемъ онъ сидѣлъ надъ своею ямкой и плелъ кошели, а самъ пѣлъ, все что-то пѣлъ, а ночью опять выползалъ и долго-долго бродилъ между большими каменьями, а потомъ взлѣзалъ на камень и дремалъ. Праша скоро узнала, что старый Авель человѣкъ не страшный, и перестала его бояться. А потомъ спросила его: что онъ поетъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Сальми.

— А зачѣмъ сидишь наружѣ ночью?

— Лушаю.

— Что же ты слушаешь?

— Чехо усами услыхать нельзя.

«Должно-быть, онъ помѣшанный»,—подумала Праша, а выходить изъ избушки и сидѣть наружѣ и ей понравилось.—«Сидишь въ тишинѣ и до того утихнешь, что вдругъ

что-то слышишь: точно какъ будто Апрѣль Ивановичъ *Пеленака* читаетъ».

— Авель! — говоритъ Праша: — я у васъ научилась сидѣть на дворѣ ночью.

— Хоросо... сити!

— А для чего вы, Авель, вокругъ камня ходите?

Авель не понялъ и замоталъ головою.

— Для чего вы на другую сторону все смотрите?

Авель понялъ, какъ хотѣлъ, и отвѣчалъ:

— И ты смотри на другую сторону!

И Прашѣ понравилось, что Авель говоритъ о небесномъ: какъ смотрѣть «на другую сторону жизни».

Ей стало пріятно смотрѣть, какъ чухонскій лохматый Авель старается услыхать слухомъ неслышное и заглянуть на сторону невидимую, и она стала выходить ночью и подолгу сидѣть съ Авелемъ здѣсь между камнями. Сурово, строго и свѣжо какъ въ воздухѣ, такъ и на душѣ. И капитанская труба съ судна нѣтъ-нѣтъ да и раздастся разъ отъ разу зычнѣе.

Наконецъ, была даже Прашѣ наивысшая радость: отъ нея совсѣмъ отступилъ блѣднолицый страхъ смерти. Но жизнь иногда еще трогала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Разъ Праша получила письмо; она отгадала, что это отъ Зинаиды Павловны, и спрятала его до свиданія со мною. Письма Зинаиды Павловны Праша понимала за небезопасное по своему содержанію, соблазнительное чтеніе, которое могло смущать неопытныя души. И то, которое находилось теперь въ ея рукахъ, было такое же: отцвѣтшая красавица начала его привѣтомъ «Пашѣ-Прашѣ-Пашенціи», а потомъ извѣщала, что, Богъ далъ, она овдовѣла, и теперь уже «по батюшкиному благословенію опредѣлилась въ монастырь», гдѣ начальницею та самая дама, у которой Праша «мужа отбила».

Праша поблѣднѣла и вздрогнула. Я хотѣлъ прочесть далѣе про себя, но она оправилась и просила читать вслухъ.

Зинаида описывала, какъ эта дама стала теперь «жизни высокой» и можетъ обо всемъ говорить по-христіански, и сынъ у нея грубіянъ, живетъ съ актерами, но она его простила и Прашу простила. Но тутъ Праша перебила и сказала:

— Ну, вотъ, и я ее простила.

— Это хорошо.

— Я ее давно простила. Она тогда мнѣ за три мѣсяца жалованья не отдала. Это бы намъ на хлѣбъ годилось, но я это-то ей и простила, но только не стоило бы намъ съ нею объ этомъ вспоминать нынче.

Кромѣ начальницы, Зинаида писала, что «есть у нихъ въ обители много разныхъ святынь, но много и искушеній», такъ что Зинаида Павловна «днемъ молится, а ночью иногда котомку шьетъ и бѣжать хочетъ; но какъ только ударяютъ къ заутренѣ, дьяволъ отъ нея отлетаетъ», а «скоро она уже приметъ ангельскій чинъ, и тогда ей уже нѣтъ и не будетъ возврата въ міръ земной, гдѣ все искушеніе». Но хотя сама Зинаида и спаслась, но она еще не спокойна за нее, Прашу, и по любви своей къ ней увѣщаетъ ее, чтобы она скорѣе одумалась и, отложивъ всѣ заботы, укрылась въ обитель. «Здѣсь станемъ жить съ тобою въ одной кельѣ и вмѣстѣ умолять Всевышняго за весь грѣшный родъ человѣческій».

— Ня! — воскликнула Праша и еще сильнѣе поблѣднѣла.

— Что вы хотите сказать?

— Не читайте больше.

Но тутъ старушка Праша живо взяла изъ моей руки письмо красавицы, разорвала его на мельчайшія части и бросила ихъ въ топившуюся печку. Потомъ мы просидѣли нѣсколько минутъ тихо, и послѣ я ей сказалъ:

— Не надо сердиться.

— Я и не сержусь, — отвѣчала Праша: — а то она мнѣ

совѣтуетъ замужъ, то къ монаху, то самой въ монахини. Какой безпокой! А мнѣ хорошо.

И она сама разсказала мнѣ, какъ она ходитъ въ темнотѣ между камнями и говоритъ съ Авелемъ или читаетъ одна «Отче нашъ». Теперь уже она вовсе не боится смерти и всегда чувствуетъ одну радость.

Авель ей натолковалъ:

— Ты нецего-та не пойса-та!.. Онъ-то тебя посоветъ-та!... Дѣ тэбѣ нато-то, ты тамъ-то и будесъ!

— И знаете,—закончила Праша, — я такъ и чувствую, что я тамъ, гдѣ мнѣ надо.

Она ласково улыбалась и какъ бы ждала, чтобы я ей что-нибудь возразилъ, но я молчалъ.

Вскорѣ послѣ этого Праша и совсѣмъ «ушла въ другое мѣсто». Разъ утромъ нашли дверь ея избушки широко открытою, а тѣло хозяйки лежало на камнѣ, и на устахъ у нея было нѣсколько капель крови, съ которою жизнь улетала изъ ея разорвавшагося сердца.

Такъ кончила свой воспитательный курсъ на землѣ эта фефёла, которая мнѣ кажется довольно обыкновенною русскою женщиной, которая никого не погубила и себя усовершила въ земной жизни, но въ этомъ ей ничего не помогъ ни литераторъ, котораго *она любила*, ни простой человѣкъ, который *ее любилъ*. Но она была хороша для всѣхъ, ибо каждому могла подать сокровища своего благого сердца. Если бы писатель жилъ долго, я думаю, что онъ бы ею наскучилъ, и она окончила бы свою жизнь гораздо хуже.

ЗАГОНЪ.

«Disciplina arcani существуетъ въ полной силѣ: цѣль ея — предоставить ближнимъ удобство мирно копаться въ свиныхъ корытахъ суевѣрій, предразсудковъ и низменныхъ идеаловъ». Дж. Морлей («О компромиссѣ»).

«За ослушаніе истинѣ — вѣрятъ лжи и заблужденіямъ» (2 Ѳес. II. 10—11).

Въ одномъ произведеніи Достоевскаго выведенъ офицерскій денщикъ, который раздѣлялъ свѣтъ на двѣ неравныя половины: къ одной онъ причислялъ «себя и своего барина, а къ другой всю остальную сволочь». Несмотря на то, что такое раздѣленіе смѣшно и глупо, въ нашемъ обществѣ никогда не переводились охотники подражать офицерскому денщику и притомъ въ гораздо болѣе широкой сферѣ. Въ послѣднее время выходки въ этомъ родѣ стали какъ будто маніею. Въ концѣ сентября 1893 года, въ засѣданіи Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, одинъ ораторъ прямо заговорилъ, что «Россія должна обособиться, забыть существованіе другихъ западноевропейскихъ государствъ, *отдѣлиться отъ нихъ китайскою стѣною*».

Такое стремленіе отгораживаться отъ свѣта стѣною намъ не ново, но послѣдствія этого всегда были для насъ невыгодны, какъ это доказано еще въ «твореніи» Тюнена

«Der isolirte Staat» (1826 г.), которое въ 1857 году у насъ считали нужнымъ «приспособить для русскихъ читателей», для чего это твореніе и было переведено и напечатано въ томъ же 1857 году въ Карлсруэ, въ придворной типографіи, а въ Россіи оно распространялось съ разрѣшенія петербургскаго цензурнаго комитета *).

Одновременно съ тѣмъ, какъ у насъ читали приспособленную для насъ часть «творенія» Тюнена, въ качествѣ художественной иллюстраціи къ этой книгѣ обращалась печатная картинка, на которой былъ изображенъ темный загонъ, окруженный стѣною, въ которой кое-гдѣ пробивались трещинки, и черезъ нихъ въ сплошную тьму сквозили къ намъ слабые лучи свѣта.

Такимъ «загономъ» представлялось «уединенное государство», въ которомъ всѣ хотѣли узнавать Россію, и для тѣхъ, кто такъ думалъ, казалось, что намъ нельзя оставаться при нашей замкнутости, а надо вступать въ широкое международное общеніе съ міромъ. Отсталость русскихъ тогда безбоязненно сознавали во всемъ; но всего болѣе были удивлены тѣмъ, что мы отстали отъ западныхъ людей даже въ искусствѣ обработывать землю. Мы имѣли твердую увѣренность, что у насъ «житница Европы», и вдругъ въ этомъ пришлось усомниться. Люди яснаго ума указывали намъ, что русское полеводство изъ рукъ вонъ плохо и что если оно не будетъ улучшено, то это скоро можетъ угрожать Россіи бѣдствіемъ. Причину этого видѣли въ томъ, что наши крестьяне обработываютъ землю очень старыми и дурными орудіями и ни съ чѣмъ лучшимъ по дикости своей и необразованности обращаться не умѣютъ, а если дать имъ хорошія вещи, то они сдѣлаютъ съ ними то,

---

*) «Уединенное государство въ отношеніи къ общественной экономіи, изъ творенія З. Г. фонъ-Тюнена, мекленбургскаго эконома, извлечено и приспособлено для русскихъ читателей Матвѣемъ Волковымъ. Карлсруэ, въ придворной типографіи Б. Госнера. Печ. позв. 7 февр. 1857 г. Цензоръ Б. Бекетовъ».

что̀ дѣлали съ бисеромъ упомянутыя въ Евангеліи свиньи (Мѳ. VII, 3).

Я позволю себѣ предложить здѣсь кое-что изъ того, что̀ мнѣ привелось видѣть въ этомъ родѣ.

Это касается крестьянъ и некрестьянъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тяготѣніе къ жолудю и къ корыту.

Въ моихъ отрывочныхъ воспоминаніяхъ я не разъ говорилъ о нѣкоторыхъ лицахъ англійской семьи Шкотъ. Ихъ отецъ и три сына управляли огромными имѣніями Нарышкиныхъ и Перовскихъ и слыли въ свое время за честныхъ людей и за хорошихъ хозяевъ. Теперь здѣсь опять нужно упомянуть о двухъ изъ этихъ Шкотовъ.

Александръ Яковлевичъ Шкотъ,—сынъ «стараго Шкота» (Джемса), послѣ котораго у Перовскаго служили Веригинъ и извѣстный «аболяціонистъ» Журавскій,—многократно разсказывалъ, какія хлопоты перенесъ его отецъ, желая научить русскихъ мужиковъ пахать землю какъ слѣдуетъ, и отъ какихъ, повидимому, неважныхъ и пустыхъ причинъ всѣ эти хлопоты не только пропали безъ всякой пользы, но еще едва не сдѣлали его виноватымъ въ преступленіи, о которомъ онъ никогда не думалъ.

Старый Шкотъ какъ пріѣхалъ въ Россію, такъ увидѣлъ, что русскіе мужики пашутъ скверно, и что если они не станутъ пахать лучше, то земля скоро выпашется и обезсилѣетъ. Это предсказаніе было сдѣлано не только для орловскаго неглубокаго чернозема, но и для дѣвственной почвы степей, которыя теперь заноситъ песками *). Предвидя это огромное и неминуемое бѣдствіе, Шкотъ захотѣлъ вывести изъ употребленія дрянныя русскія сохи и бороны и замѣнить ихъ лучшими орудіями. Онъ надѣялся, что когда это удастся ему въ имѣніяхъ Перовскаго, тогда Пе-

*) См. статью Вл. Соловьева «Бѣда съ востока».

ровскій не откажется ввести улучшеніе во всѣхъ подвѣдомыхъ ему удѣльныхъ имѣніяхъ, и дѣло получитъ всеобщее примѣненіе.

Перовскій, кажется, говорилъ объ этомъ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и въ очень хорошемъ расположеніи духа, прощаясь въ Москвѣ со Шкотомъ, сказалъ:

— Поѣзжайте съ Богомъ и начинайте!

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

По переселеніи орловскихъ крестьянъ съ выпаханныхъ ими земель на дѣвственный черноземъ въ нижнемъ Поволжьѣ, Шкотъ рѣшился здѣсь отнять у нихъ ихъ «Гостомысловы ковырялки» или сохи и пріучить пахать легкими пароконными плужками Смайля; но крестьяне такой перемѣны ни за что не захотѣли и крѣпко стояли за свою «ковырялку» и за бороны съ деревянными клещами. Крестьяне, выведенные сюда же изъ малороссійской Украйны, умѣли пахать лучше орловцевъ; но тяжелые малороссійскіе плуги требовали много упряжныхъ воловъ, которыхъ налицо не было, потому что ихъ истребилъ падежъ.

Тогда Шкотъ выписалъ три пароконные плужка Смайля, и чтобы ознакомить съ ними пахарей, взялся за одинъ изъ нихъ самъ, къ другому поставилъ сына своего Александра, а къ третьему—ловкаго и смышленаго крестьянскаго парня. Всѣ они стали разомъ на равныхъ постатяхъ, и дѣло пошло прекрасно. Крестьянскій парень, пахавшій третьимъ плугомъ, какъ человѣкъ молодой и сильный, сразу же опахалъ обоихъ англичанъ—отца и сына, и получилъ награжденіе и *снасть одобрилъ*. Затѣмъ къ плужкамъ попеременно допускались разные люди, и всѣ находили, что «снасть способна». Къ году на этомъ участкѣ пришелъ хорошій урожай, и случилось такъ, что въ этомъ же году представилась возможность показать все дѣло Перовскому, который «слѣдовалъ» куда-то въ сопровожденіи какихъ-то особъ.

Извѣстно, что графъ былъ человѣкъ просвѣщенный и

имѣлъ характеръ благородный. За это за нимъ было усвоено прозваніе «рыцарь».

Шкотъ, встрѣтивъ владѣльца, вывелъ предъ лицо его пахарей и поставилъ рядомъ русскую соху-«ковырялку», тяжелый малороссійскій плугъ, запряженный въ «пять супруговъ воловъ», и легкій «способный» смайлевскій плугъ на парѣ обыкновенныхъ крестьянскихъ лошадокъ. Стали немедленно дѣлать пробу пашни.

Пробныя борозды самымъ нагляднымъ образомъ показали многостороннія преимущества смайлевскаго плужка не только передъ великорусскою «ковырялкою», но и передъ тяжелымъ малороссійскимъ плугомъ. Перовскій былъ очень доволенъ, пожалъ не одинъ разъ руку Шкоту и сказалъ ему:

— Сохѣ сегодня конецъ: я употреблю всѣ усилія, чтобы немедленно же замѣнить ее плужками во всѣхъ удѣльныхъ имѣніяхъ.

А чтобы еще болѣе поддержать авторитетъ своего англичанина, онъ, развеселясь, обратился къ «хозяевамъ» и спросилъ, хорошо ли плужокъ пашетъ.

Крестьяне отвѣтили:

— Это какъ твоей милости угодно.

— Знаю я это; но я хочу знать *ваше мнѣніе:* хорошо или нѣтъ такимъ плужкомъ пахать?

Тогда изъ середины толпы вылѣзъ какой-то плѣшивый старикъ малороссійской породы и спросилъ:

— Гдѣ сими плужками пашутъ (или ѐрутъ)?

Графъ ему разсказалъ, что пашутъ «сими плужками» въ чужихъ краяхъ, въ Англіи, за границею.

— То значится въ німцахъ?

— Ну, въ нѣмцахъ!

Старикъ продолжалъ:

— Это вотъ значится у тѣхъ, що у насъ хлѣбъ купуютъ?

— Ну да,—пожалуй, у тѣхъ.

— То добре!.. А тильки якъ мы станемъ сими плужками пахать, то гдѣ тогда мы будемъ себѣ хлѣбъ покупать?

Вышло «табло», и просвѣщенный умъ Перовскаго не зналъ, какъ отшутить мужику его шутку. И всѣ бывшія при этомъ случайныя особы схватили этотъ «замысловатый отвѣтъ крестьянина» и, къ несчастью, не забыли его до Петербурга; а въ Петербургѣ онъ получилъ огласку и надоѣлъ Перовскому до того, что когда императоръ по какому-то случаю спросилъ:—«А у тебя все еще англичанинъ управляетъ?» то Перовскій подумалъ, что дѣло опять дойдетъ до «остроумнаго отвѣта», и на всякій случай предпочелъ сказать, что англичанинъ у него болѣе уже не управляетъ.

Государь на это замѣтилъ: «то-то!» и болѣе объ этомъ не говорилъ; а Перовскій, возвратясь домой, написалъ Шкоту, что онъ долженъ оставить степи, и предложилъ устроить его иначе.

Честный англичанинъ обидѣлся; забралъ съ собой плужки, чтобы они не стояли на счету экономіи, и уѣхалъ.

Дѣло «ковырялки» было выиграно и въ такомъ положеніи остается до сего дня.

Смайлевскіе плужки, которыми старый Шкотъ хотѣлъ научить пришедшихъ съ выпаханныхъ полей переселенцевъ «воздымать» тучныя земли ихъ новаго поселенія на заволжскомъ просторѣ, я видѣлъ въ пятидесятыхъ годахъ въ пустомъ каменномъ сараѣ села Райскаго, перешедшаго къ Александру Шкоту отъ Ник. Ал. Всеволожскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Шутъ Севацкой.

Всеволожскій тоже интересный человѣкъ своего времени. Для большинства его современниковъ онъ былъ знаменитъ только какъ безумный мотъ, который прожилъ въ короткое время огромное состояніе; но въ немъ было и другое, за что его можно помянуть добромъ.

Онъ жилъ какъ будто въ какомъ-то изступленіи или въ чаду, который у него не проходилъ до тѣхъ поръ, пока

онъ не преобразился изъ милліонера въ нищаго. Личная роскошь Всеволожскаго была чрезвычайна. Онъ не только выписывалъ себѣ и своей супругѣ (урожденной Клушиной) всѣ туалетныя вещи и платья «прямо изъ Парижа», но къ нему оттуда же должны были спѣшно являться въ Пензу французскіе рыбы и деликатесы, которыми онъ угощалъ кого попало. Онъ одинаково кормилъ деликатесами и тогдашняго пензенскаго губернатора Панчулидзева («меломана и звѣря»), и приказныхъ его канцеляріи, и дворянскихъ сошекъ, изъ которыхъ многіе не умѣли положить себѣ на тарелки то, что имъ подносили. Пожилой буфетчикъ Всеволожскаго, служившій послѣ его разоренія у другихъ такихъ же, какъ Всеволожскій, обстоятельныхъ людей (Данилевскаго и Савинскаго) говорилъ:

— Бывало, подаешь засѣдателю Б. французскій паштетъ, а у самого слезы на рукавъ фрака падаютъ. Видѣть стыдно, какъ онъ все расковыряетъ, а взять не умѣетъ. И шепнешь ему, бывало:—«Ваше высокородіе! Не угодно ли я вамъ лучше икорки подамъ? А онъ и самъ радъ: «Сдѣлай милость,—говоритъ,—я икру обожаю!»

Гостей этого рода часто нарочно спаивали, связывали, раздѣвали, живыхъ въ гробы укладывали и нагихъ бабъ надъ ними стоять ставили, а потомъ кидали имъ что-нибудь въ награду и изгоняли. Это дѣлали всѣ или почти всѣ, и Всеволожскій грѣшенъ такими забавами, можетъ-быть, даже меньше, чѣмъ другіе. Но Всеволожскій ввелъ ересь: онъ сталъ заботиться, чтобы его крестьянамъ въ селѣ Райскомъ было лучше жить, чѣмъ они жили въ Орловской губерніи, откуда ихъ вывели. Всеволожскій приготовилъ къ ихъ приходу на новое мѣсто цѣлую «каменную деревню».

О такихъ чистыхъ и удобныхъ помѣщеніяхъ и помышлять не могли орловскіе крестьяне, всегда живущіе въ безтрубныхъ избахъ. Всѣ дома, приготовленные для крестьянъ въ новой деревнѣ, были одинаковой величины и сложены изъ хорошаго прожженаго кирпича, съ печами,

трубами и полами, подъ высокими черепичными крышами. Выведенъ былъ этотъ «порядокъ» въ линію на горномъ берегу быстраго ручья, за которымъ шелъ дремучій боръ съ заповѣдными и «клеймеными» въ петровское время «мачтовыми» деревьями изумительной чистоты, прямизны и роста. Въ этомъ бору было такое множество дичи и звѣрья и такое изобиліе всякой ягоды и бѣлыхъ грибовъ, что казалось, будто всего этого вѣкъ ѣсть и не переѣсть. Но орловскіе крестьяне, пришедшіе въ это раздолье изъ своей тѣсноты, гдѣ «курицу и тае выпустить некуда», какъ увидали «каменную деревню», такъ и уперлись, чтобы не жить въ ней.

— Это, молъ, что за выдумка! И дѣды наши не жили въ камени, и мы не станемъ

Забраковали новые дома и тотчасъ же придумали, какъ имъ устроиться въ своемъ вкусѣ.

Благодаря чрезвычайной дешевизнѣ строевого лѣса, здѣсь платили тогда за избяной срубъ отъ 5 до 11 рублей. «Переведенцы» сейчасъ же «изъ послѣднихъ силъ» купили себѣ самые дешевенькіе срубцы, приткнули ихъ гдѣ попало, «на задахъ», за каменными жильями, и стали въ нихъ жить безъ трубъ, въ тѣснотѣ и копоти, а свои просторные каменные дома опредѣлили «ходить до вѣтру», что̀ и исполняли.

Не прошло одного мѣсяца, какъ всѣ домики прекрасной постройки были загажены, и новая деревня воняла такъ, что по ней нельзя было проѣхать безъ крайняго отвращенія. Во всѣхъ окнахъ стекла были повыбиты, и оттуда валилъ смрадъ.

По учрежденіи такого порядка, на всѣхъ подторжьяхъ и ярмаркахъ люди сообщали другъ другу съ радостью, что «райскіе мужики своему барину каменную деревню всю запакостили».

Всѣ отвѣчали:—Такъ ему и надо!

— Шутъ этакой: что выдумалъ!

— Вали, вали ему на голову; вали!

За что они на него злобствовали,—этого, я думаю, они и сами себѣ объяснить не могли; но только они какъ ощетинились, такъ и не приняли себѣ ни одного его благодѣянія. Онъ, напримѣръ, построилъ имъ въ селѣ общую баню, въ которую всѣмъ можно было ходить мыться, и завелъ школу, въ которой хотѣлъ обучать грамотѣ мальчиковъ и дѣвочекъ; но крестьяне въ баню не стали ходить, находя, что въ ней будто «ноги стынутъ», а о школѣ шумѣли: зачѣмъ нашимъ дѣтямъ умнѣе отцовъ быть?

— Мы-ли-де своимъ дѣтямъ не родители: наши ли сыновья не пьяницы!

Дворяне этому радовались, потому что если бы райскіе крестьяне приняли благодѣянія своего помѣщика иначе, то это могло послужить вреднымъ примѣромъ для другихъ, которые продолжали жить какъ обры и дулѣбы, «образомъ звѣринымъ».

Такого соблазнительнаго примѣра, разумѣется, надо было остерегаться.

Когда «райскій баринъ» промотался и сбѣжалъ, его каменное село перешло съ аукціоннаго торга къ двумъ владѣльцамъ, изъ которыхъ, по волѣ судьбы, одинъ былъ Александръ Шкотъ—сынъ того самаго Джемса Шкота, который хотѣлъ научить пахать землю хорошими орудіями *). Переходъ этотъ состоялся въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Тогда мужики въ Райскомъ все «севацкое» уже «обгадили на отдѣлку», а сами задыхались и слѣпли въ «куренкахъ». Ѳ. Селивановъ въ своей части села Райскаго оставилъ мужиковъ въ куренкахъ, но Шкотъ не могъ этого переносить. Онъ не былъ филантропъ и смотрѣлъ на крестьянъ прямо какъ на «рабочую силу»; но онъ берегъ эту силу и сразу же учелъ, что потворствовать мужичьей прихоти нельзя, что множество слѣпыхъ и удушныхъ приносятъ ему большой экономическій ущербъ. Шкотъ сталъ уго-

*) Другая половина Райскаго была пріобрѣтена Ѳед. Ив. Селивановымъ.

варивать мужиковъ, чтобы они обчистили каменные дома и перешли въ нихъ жить; но мужики взъерошились и объявили, что въ тѣхъ домахъ жить нельзя. Имъ указали на дворовыхъ, которые жили въ каменныхъ домахъ.

— Мало ли что подневольно дѣлается,— отвѣчали крестьяне,— а мы не хотимъ. Въ каменномъ жить, это все равно что острогъ. Захотѣлъ перегонять, такъ ужъ лучше пусть прямо въ острогъ и сгонитъ: мы всѣ и пойдемъ въ острогъ...

Отъ убѣжденій перешли къ наказаніямъ и кого-то высѣкли, но и это не помогло; а Шкоту черезъ исправника Мура (тоже изъ англичанъ) было сдѣлано отъ Панчулидзева предупрежденіе, чтобы онъ не раздражалъ крестьянъ.

Шкотъ осердился и поѣхалъ къ губернатору объясняться, съ желаніемъ доказать, что онъ старался сдѣлать людямъ не злое, а доброе, и если наказалъ одного или двухъ человѣкъ, то «безъ жестокости», тогда какъ всѣ безъ исключенія наказываютъ безъ милосердія; но Панчулидзевъ держалъ голову высоко и не дозволялъ себѣ ничего объяснять. Съ Шкотомъ онъ былъ «знакомъ по музыкѣ», такъ какъ Шкотъ хорошо игралъ на віолончели и участвовалъ въ губернаторскихъ симфоническихъ концертахъ; но тутъ онъ его даже не принялъ.

Шкотъ написалъ Панчулидзеву дерзкое письмо, котораго тотъ не могъ никому показать, такъ какъ въ немъ упоминалось о прежнихъ сношеніяхъ автора по должности главноуправляющаго имѣніями министра, перечислялись «дары» и указывались такія дѣла, «за которыя человѣку надо бы не губерніей править, а сидѣть въ острогѣ». И Панчулидзевъ снесъ это письмо и ничего на него не отвѣтилъ. Письмо содержало въ себѣ много правды и послужило матеріаломъ для борьбы Зарина, окончившейся смѣщеніемъ Панчулидзева съ губернаторства. Но тогда еще въ Загонѣ не вѣрили, что что-нибудь подобное можетъ случиться и расшевелитъ застоявшееся болото.

Смѣлѣе прочихъ сторону губернатора поддерживалъ дво-

рянскій предводитель, генералъ Араповъ, о которомъ тоже упоминалось въ письмѣ, какъ о нестерпимомъ самочинцѣ. А генералъ Араповъ, въ свою очередь, былъ славенъ и жилъ широко; въ его домѣ на Лѣкарской улицѣ былъ «открытый столъ» и самыя злыя собаки, а при столѣ были свои писатели и поэты. Отсюда на Шкота пошли пасквили, а вслѣдъ затѣмъ въ Пензѣ была получена брошюра о томъ, какъ у насъ въ Россіи все хорошо и просто и все сообразно нашему климату и вкусамъ и привычкамъ нашего добраго народа. И народъ это понимаетъ и цѣнитъ и ничего лучшаго себѣ не желаетъ; но есть пустые люди, которые этого не видятъ и не понимаютъ и выдумываютъ не-знать для чего самыя глупыя и смѣшныя выдумки. Въ примѣръ была взята курная изба и показаны ея разнообразныя удобства: кажется, какъ будто она и не очень хороша, а на самомъ дѣлѣ, если вникнуть, то она и прекрасна, и жить въ ней гораздо лучше, чѣмъ въ бѣлой, а особенно ее совсѣмъ нельзя сравнить съ избой каменной. Это вотъ гадость ужъ во всѣхъ отношеніяхъ! Въ куренкѣ топлива идетъ мало, а тепло какъ у Христа за пазухой. А въ воздухѣ чувствуется легкость; на широкой печи въ ней способно и спать, и отогрѣться, и онучи и лапти высушить, и веретье оттаять, и нечисть изъ курной избы бѣжитъ, да и что̀ теленокъ съ овцой насмердятъ,—во время топки все опять дверью вонъ вытянетъ. Гдѣ же и какъ можно все это сдѣлать въ чистой горницѣ? А главное, что̀ въ курной избѣ хорошо — это *сажа!* Ни въ какомъ другомъ краю теперь уже нѣтъ «черной, лоснящейся сажи» на стѣнахъ крестьянскаго жилища,— вездѣ «это потеряно», а у насъ еще есть! А отъ сажи не только никакая мелкая гадь въ стѣнѣ не водится, но эта сажа имѣетъ очень важныя врачебныя свойства, и «наши добрые мужички съ великою пользою могутъ пить ее, смѣшивая съ нашимъ простымъ, добрымъ русскимъ виномъ».

Словомъ—въ курной избѣ, по словамъ брошюры, было цѣлое угодье.

«Русская партія» торжествовала побѣду; ничего новаго

не надо: надо жить по-старинѣ,—въ куренкѣ и лѣчиться сажею.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пѣченье сажей.

Англичанинъ смѣялся.

— Мало имъ, что люди въ этой сажѣ живутъ и слѣпнутъ,—они еще хотятъ обучить ихъ пить ее съ водкою! Это преступленіе!

Шкотъ самъ умѣлъ стряпать брошюры,—это ихъ англичанская страсть,—и онъ поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы напечатать, что крестьяне слѣпнутъ и наживаютъ удушье отъ курныхъ избъ; но напечатать свою брошюру о томъ, что крестьяне слѣпнутъ, ему не удалось, а противная партія, случайно или нѣтъ, была поддержана въ листкѣ, который выходилъ въ Петербургѣ «подъ гербомъ» и за подписью редактора Бурнашова *).

Раченіемъ Бурнашова почти одновременно вышли двѣ хозяйственныя брошюры: одна «О благотворномъ врачебномъ дѣйствіи коры и молодыхъ побѣговъ ясенева дерева», а другая «О цѣлебныхъ свойствахъ лоснящейся сажи». Исправники и благочинные должны были содѣйствовать распространенію этихъ полезныхъ брошюръ.

Въ брошюрѣ о ясени сообщалось, что этимъ деревомъ можно обезопасить себя отъ ядовитыхъ отравъ и укушеній гадами. Стоило только имѣть при себѣ ясеневую палочку—и можно легко узнавать, гдѣ есть въ землѣ хорошая вода; щелокомъ изъ ясеневой коры стоитъ вымыть ошелудивѣвшихъ дѣтей, и они очистятся; золою хорошо парить за-

*) Владиміръ Петр. Бурнашовъ скончался недавно въ Маріинской больницѣ, въ Петербургѣ, въ возрастѣ очень преклонномъ. Въ послѣдніе годы жизни сотрудничалъ въ изданіяхъ гг. Каткова и Комарова. Оставилъ много автобіографическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ было напечатано извлеченіе въ «Историческомъ Вѣстникѣ». По словамъ его, вращаясь въ литературныхъ кружкахъ, онъ иногда служилъ и не однѣмъ литературнымъ потребностямъ.

чесы въ хвостахъ у лошадей. Овцамъ въ овчарню надо было только ставить вѣтку ясеня, и овцы ягнились гораздо плодущѣе, чѣмъ безъ ясеня. Бабамъ ясень унималъ кровотокъ и еще дѣлалъ много другихъ вещей, про которыя черезъ столько лѣтъ трудно вспомнить. Но избяная «лоснящаяся сажа» превозносилась еще выше.

Въ брошюрѣ о сажѣ, которая была гораздо объемистѣе брошюры о ясени, утвердительно говорилось, что ею, при благословеніи Божіемъ, можно излѣчивать почти всѣ человѣческія болѣзни, а особенно «болѣзни женскаго пола». Нужна была только при этомъ сноровка, какъ согребать сажу, т.-е. скрести ее сверху внизъ или снизу вверхъ. Отъ этого измѣнялись ея медицинскія свойства: собранная въ одномъ направленіи, она поднимала опавшее, а взятая иначе, она опускала то, что надо понизить. А получать ее можно было только въ русскихъ курныхъ избахъ и нигдѣ иначе, такъ какъ нужна была сажа *лоснящаяся*, которая есть только въ русскихъ избахъ, на стѣнахъ, натертыхъ мужичьими потными загорбками. Пушистая же или лохматая сажа цѣлебныхъ свойствъ не имѣла. На Западѣ такого добра уже нѣтъ, и Западъ придетъ къ намъ въ Загонъ за нашею сажею, и отъ насъ будетъ зависѣть дать имъ нашей копоти или не давать; а цѣну, понятно, можемъ спросить какую захотимъ. Конкурентовъ намъ не будетъ.

Это говорилось въ серьезъ, и сажа наша прямо приравнивалась къ ревеню и калганному корню, съ которыми она станетъ соперничать, а потомъ убьетъ ихъ и сдѣлается славой Россіи во всемъ мірѣ.

Загонъ былъ доволенъ: осатанѣлые и утратившіе стыдъ и смыслъ люди стали расписывать, какъ лѣчиться сажею. «Лоснящуюся сажу» рекомендовалось разводить въ винѣ и въ водѣ и принимать ее внутрь людямъ всѣхъ возрастовъ, а особенно дѣтямъ и женщинамъ. И кто можетъ отважиться сказать: сколькимъ людямъ это стоило жизни? Но тѣмъ не менѣе брошюра о сажѣ имѣла распространеніе.

Радовались, что не послушались затѣйниковъ и уберегли

свои избы; а затѣйниковъ бранили и порочили и припоминали ихъ въ большомъ числѣ, перемѣшивая умныхъ съ безумными: Сперанскаго съ Всеволожскимъ.

— Помилуй Богъ, если бы имъ тогда волю дали! Что̀ бы они надѣлали!

На губернскихъ балахъ той самой баснословной пензенской знати, которая столь обмелѣла, что кичилась своею «араповщиной», — между безстыжими выходками всякой пошлости прославляли «умъ и чуткость русскаго земледѣльца», который не захотѣлъ жить въ *чистомъ домѣ*. При этомъ разоренный и отсутствующій Всеволожскій всякій разъ былъ осмѣиваемъ, и ни одному изъ благородныхъ людей, ѣвшихъ его деликатесы, не пришло въ голову отыскать его на мостовой, для которой онъ билъ камни, и отдать ему хоть частицу тѣхъ денегъ, которыя у него были заняты.

Но его еще хотѣли сдѣлать посмѣшищемъ на вѣчныя времена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всевозможные бетизы.

Нѣкто С., ничтожный «человѣкъ высокаго происхожденія по боковой линіи», замѣчательный удивительнымъ сходствомъ съ Ноздревымъ и также членъ и душа общества, напившись предводительскаго вина, подалъ мысль собрать «музей бетизовъ» Всеволожскаго, чтобы всѣ видѣли, «*чего въ Россіи не нужно*».

Бетрищеву это понравилось, и онъ хохоталъ и обѣщалъ не пожалѣть тысячи рублей, чтобы такой «музей бетизовъ» былъ устроенъ.

Тысячъ у него было много!

Вспомнили все, что надо почитать за «бетизы». Набиралось много: Всеволожскій не только построилъ каменныя жилыя помѣщенія для крестьянъ, но онъ выписалъ для нихъ плуги, жнеи, вѣялки и молотилки отъ Бутенопа; онъ завелъ школу и больницу, кирпичедѣлательную машину и

первый мѣдный ректификаторъ Шварца на винномъ заводѣ. Съ ректификаторомъ еще пошли осложненія: крестьяне въ этомъ ректификаторѣ забили трубки, и въ пріемникъ полилась вонючая и теплая муть вмѣсто спирта, а на кордѣ рабочіе быки, пригнанные хохлами для выкормки ихъ бардою, пришли въ бѣшенство, оттого что они напились пьяны, задрали хвосты, бодались и перекалѣчили другъ друга почти наполовину.

Всеволожскій заплатилъ хохламъ за погибшихъ отъ опойства и драки быковъ, и еще приплатилъ, чтобы не говорили о происшедшемъ у него на заводѣ скандалѣ.

Этого нельзя было «скупить» и выставить, но это положили заказать написать на картинѣ живописцу Петру Соколову: «онъ, правда, беретъ дорого, но онъ свой братъ дворянинъ и съ нимъ можно поторговаться»

«Бетизы» Ноздревъ обѣщалъ свезти въ Пензу; но, выѣхавъ съ генеральскими деньгами въ Райское, Ноздревъ остановился перемѣнить лошадей у мордвина въ с. Чемодановкѣ, которая тогда принадлежала сыну знаменитаго военнаго историка Михайловскаго-Данилевскаго, Леониду, а этотъ дворянинъ имѣлъ обыкновеніе приглашать къ себѣ проѣзжающихъ, угощалъ ихъ и игралъ съ ними въ карты. И Ноздревъ въ силу этого обычая тоже былъ приглашенъ черезъ верхового посланца къ чемодановскому барину и тамъ «потерялъ деньги» и уже ни въ Райское не поѣхалъ, ни въ Пензу не возвратился, а отбылъ домой, пока дѣло о бетизахъ придетъ въ забвеніе.

«Бетизы» долежались въ Райскомъ до Шкота. Онъ мнѣ ихъ показывалъ, и я ихъ видѣлъ, и это было грустное и глубоко терзающее позорище!.. Все это были хорошія, полезныя и крайне нужныя вещи, и онѣ не принесли никакой пользы, а только сокрушили тѣхъ, кто ихъ припасъ здѣсь. И къ нимъ, къ «севацкимъ бетизамъ», Шкотъ придвинулъ свои и отцовскія—«улучшенныя орудія» и, трясясь отъ старости, тихо шамкалъ:

— Все это не годится въ Россіи.

— Вы шутите, дядя!

— Нѣтъ, не шучу. Здѣсь ничто хорошее не годится, потому что здѣсь живетъ народъ, который дикъ и золъ.

— Не золъ, дядя!

— Нѣтъ, золъ. Ты русскій, и тебѣ это, можетъ-быть, непріятно; но я сторонній человѣкъ и я могу судить свободно: этотъ народъ *золъ*; но и это еще ничего, а всего-то хуже то, что ему говорятъ ложь и внушаютъ ему, что дурное хорошо, а хорошее дурно. Вспомни мои слова: за это придетъ наказаніе, когда его не будете ждать!

Въ этой Пензѣ, представлявшей одно изъ самыхъ темныхъ отдѣленій Загона, люди дошли до того, что хотѣли учредить у себя все навыворотъ: улицы содержали въ состояніи болотъ, а тротуары для пѣшеходовъ устроили такъ, что по нимъ *никто* не отваживался ходить. Тротуары эти были дощатые, а подъ досками были рвы съ водою. Гвозди, которыми приколачивали доски, выскакивали, и доски спускали прохожаго въ клоаку, гдѣ онъ и находилъ смерть. Полицейскіе чины грабили людей на площади; предводительскія собаки терзали людей на Лѣкарской улицѣ въ виду самого генерала съ одной стороны и исправника Фролова— съ другой; а губернаторъ собственноручно билъ людей на улицѣ нагайкою; ходили ужасныя и достовѣрныя сказанія о насиліи надъ женщинами, которыхъ приглашали обманомъ на вечера въ дома лицъ благороднѣйшаго сословія... Словомъ, это былъ уже не городъ, а какое-то разбойное становище. И увидѣлъ Богъ, что злы здѣсь дѣла всѣхъ, и, не обрѣтя ни одного праведнаго, наслалъ на нихъ Ефима Ѳедоровича Зарина, вызвавшаго сенаторскую ревизію.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Интервалъ.

Сдѣлаемъ шагъ въ сторону, гдѣ больше свѣта.

Въ Европѣ намъ оказали непочтительность; мы увидѣли

надобность взять въ руки оружіе. Сценой дѣйствія сдѣлался нашъ Крымъ. Регулярные полки и ратники ополченія тащились на ногахъ черезъ Кіевъ, гдѣ ихъ встрѣчалъ поэтъ изъ птенцовъ кіевской духовной академіи Аскоченскій и командовалъ: «На молитву здѣсь, друзья! Кіевъ передъ вами!» А къ другимъ онъ оборачивался и грозилъ: «Не хвались, идя на рать, а идучи съ...» *).

Скоро оказалось, что тѣ, которыхъ мы уговариваемъ «не хвалиться», на самомъ дѣлѣ гораздо меньше насъ хвалятся, но, къ совершенной неожиданности, оказываются во всемъ насъ успѣшнѣе. Къ тому же вкралось много воровства, и дѣла у насъ пошли худо. Все это извѣстно и переизвѣстно, но, къ несчастію, кажется, уже позабыто. Но много любопытнаго осталось въ неизвѣстности до сихъ поръ. Въ числѣ анекдотовъ и казусовъ этого времени припоминаю, какъ въ Пензу были присланы два взятые въ плѣнъ англійскіе военные инженера, изъ которыхъ одинъ назывался Миллеръ. Говорили, будто онъ отличался знаніемъ строительнаго искусства и большимъ безстрашіемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ на лучшемъ счету у Непира. А у насъ онъ осрамилъ себя сразу и окончательно! Какъ только этого Миллера привезли—Шкотъ пошелъ навѣстить его. Сдѣлалъ онъ это, какъ землякъ, и ему это въ вину не поставилось. Онъ просидѣлъ у плѣннаго вечеръ, а на другой день англійскій инженеръ пошелъ отдать ему визитъ, но былъ такъ глупъ, что думалъ, будто надо идти по тротуару, а не посреди улицы, которая, впрочемъ, была покрыта жидкою грязью по колѣно.

Миллеръ пошелъ по пензенскимъ тротуарамъ, по которымъ въ Пензѣ *не ходили*.

И Шкотъ не сказалъ ему этого.

За это тротуарная доска спустила англійскаго инженера однимъ концомъ въ клоаку, а другимъ прихлопнула его по темени, и дѣло съ нимъ было кончено.

*) 15-го сентября 1893 г. этотъ стихъ полностію воспроизведенъ въ весьма извѣстной русской газетѣ.

Это было смѣшно! Не знали только, какъ съ этимъ поступить: стыдиться или хвалиться? Въ Крыму уцѣлѣлъ отъ всѣхъ пушекъ, а въ Пензѣ доской прихлопнуло. Забавно!

А виноватъ былъ Шкотъ: онъ долженъ былъ его сразу же предупредить, что по тротуарамъ не ходятъ. Но онъ англичанинъ... онъ хитрый человѣкъ, онъ нарочно хотѣлъ создать исторію...

Старикъ Шкотъ вышелъ изъ себя и послалъ вызовъ на дуэль генералу Арапову, въ домѣ котораго это говорили.

Генералъ не отвѣчалъ, но сталъ ѣздить въ закрытой каретѣ.

Шло что-то новое: бахвальства смѣнились картинами «Изнанки крымской войны» и «Параллелями» Палимпсестова. «Параллели» особенно смутили Загонъ, такъ какъ тамъ просто, но обстоятельно было собрано на видъ, что̀ есть у насъ и что̀ въ соотвѣтствіе нашему убожеству представляетъ жизнь за окружающею нашъ Загонъ стѣною. По рукамъ у насъ пошла печатная картина, гдѣ нашъ «Загонъ» изображенъ былъ темнымъ и безотраднымъ, но крѣпко огражденнымъ китайскою стѣною. Со внѣшней стороны разные безпокойные люди старались проломать къ намъ ходы и щелочки и образовали трещины, въ которыя скользили лучи свѣта. Лучи эти кое-что освѣщали, и то, что можно было разсмотрѣть—было ужасно. Но всѣ понимали, что это далеко не все, что̀ надо было освѣтить, и сразу же пошла борьба: свѣтить больше или совсѣмъ задуть свѣточъ? Являлись заботы о томъ, чтобы забить трещины, черезъ которыя къ намъ пробивался свѣтъ. Оттуда пробивали, а отсюда затыкали хламомъ, и среди затыкавшихъ выдѣлялась одна голова съ чертами знаменитаго тогдашняго современника. На картинкѣ онъ говорилъ: «Оставьте: если это отъ людей, то это исчезнетъ, а если отъ Бога, то вы свѣта остановить не можете». Почти тѣ же самыя, или по крайней мѣрѣ въ этомъ духѣ и родѣ, велъ онъ бесѣды и на самомъ дѣлѣ. Это былъ любимецъ и настоящій герой самыхъ прекрас-

ныхъ дней въ Россіи: это былъ Пироговъ. О немъ говорили, что «онъ во время войны рѣзалъ руки и ноги, а послѣ войны приставляетъ головы». Всѣ понимали одно, что Пироговъ хотѣлъ «воспитать человѣка» и что намъ это всего нужнѣе, такъ какъ мы очень невоспитанны.

Такое чистосердечное сознаніе въ своемъ грѣхѣ свидѣтельствовало, разумѣется, о счастливой способности націи къ быстрому улучшенію. Пироговскіе «Вопросы жизни» были напечатаны въ «Морскомъ Сборникѣ» по приказанію великаго князя Константина Николаевича. Пирогову довѣрялись и его хвалили не только взрослые и умные люди, но даже «дѣти» и, кажется, «камни». Въ февралѣ 1859 года въ Одессѣ былъ выпущенъ «Новороссійскій литературный сборникъ», издателемъ котораго былъ очень мало значащій въ литературѣ человѣкъ, А. Георгіевскій, но и онъ посвятилъ свой сборникъ «имени Н. И. Пирогова». По словамъ этого г. А. Георгіевскаго, на Пирогова «Россія должна смотрѣть съ гордостью, ибо его дѣятельность обѣщала много добра впереди». А. Георгіевскій особенно указывалъ на старанія Пирогова «вызвать въ краѣ умственную дѣятельность, главнымъ поприщемъ для которой служитъ литература» (Предисл. II). По разъясненію г. А. Георгіевскаго, это должно было идти такъ, что «дѣло самосознанія каждая мѣстность должна совершить собственными средствами, чрезъ посредство своей мѣстной литературы: ибо централизація умственной дѣятельности есть явленіе ненормальное и вредное, которое парализуетъ жизнь остальныхъ частей, стягивая всѣ силы къ одному пункту» (ibid. III). Въ сборникѣ главною статьею былъ отрывокъ Пирогова, подъ заглавіемъ «Чего мы желаемъ?» Здѣсь разсматривался вопросъ о высшемъ образованіи въ независимости отъ «одной только ближайшей цѣли» (185). Пироговъ выяснялъ, что, «преслѣдуя одно ближайшее, мы незамѣтно попадемъ въ лабиринтъ, изъ котораго трудно будетъ выбраться» (186). А «по закону противодѣйствія можетъ начаться на другой улицѣ праздникъ». Но мы такъ полны

были радостей, что ничего не опасались, и, ходя по тропинкѣ бѣдствій, не ожидали послѣдствій. Удаль и бахвальство шибали въ другую сторону: на проводы Пирогова собрались «тьмы». Это дѣйствительно былъ «излюбленный человѣкъ», съ которымъ людямъ было больно и тяжело разстаться. Прощаясь съ нимъ, плакали, и одна молоденькая институтка, вскочивъ на столъ съ поломанной ножкой, громко вскрикнула: «Будьте нашимъ президентомъ!» — и сама упала вмѣстѣ со столомъ... Нѣсколько человѣкъ ее подхватили. Она была внѣ себя и все кричала «президентъ!» и жаловалась на боль въ колѣнкѣ.

Въ числѣ лицъ, суетившихся вокругъ этой юной особы, были флотскій докторъ, мичманъ и штабъ-офицеръ въ голубой формѣ. Послѣдній желалъ у нея о чемъ-то освѣдомиться, но флотскій докторъ сурово отстранилъ его и сказалъ:

— Развѣ вы не видите, что дѣвушка въ истерикѣ!

А другіе ему закричали:

— Стыдно, полковникъ, стыдно!

И полковникъ уступилъ и только спросилъ у какого-то простолюдина:

— Что такое она тутъ чекотала?

А тотъ ему «неглежа» отвѣтилъ:

— Чекотала чечотка, видно чечета звала.

— Ага!—сказалъ, не обижаясь, полковникъ,—пѣтушка кличетъ!

— Разумѣется.

И въ самомъ дѣлѣ, явился пѣтушокъ, съ которымъ чечотку обвѣнчали съ удивительною поспѣшностью.

А важное дѣло образованія, которое такъ широко понималъ Пироговъ, было рѣшено «въ тонѣ полумѣръ», которыхъ всего болѣе Пироговъ опасался... Потомъ и самъ Пироговъ подпалъ осмѣянію въ передовомъ изъ тогдашнихъ журналовъ и былъ не только удаленъ отъ воспитательнаго дѣла, но, по словамъ, сказаннымъ имъ на его юбилеѣ, онъ еще «былъ оклеветанъ», и даже г. А. Георгіевскій уже не защищалъ его...

Затѣмъ Катковъ открылъ въ правительствѣ безсиліе и слабость, и сталъ пугать, что насъ «скоро отмежуютъ отъ Европы на Нарву», и что наши петербургскія генеральши будутъ этому очень рады, «потому что имъ станетъ близко ѣздить за границу». Отъ дамъ чего не станется! Опять бы имъ надвинуть на уши повойники да и разсадить ихъ по теремамъ.

Появилась и книжка съ такимъ направленіемъ, напечатанная въ Петербургѣ, а изъ Москвы и на всѣхъ вообще раздался окрикъ: «Назадъ! Домой!»

И это уже не казалось дико, а стало моднымъ словомъ.

Интервалъ проходилъ.

Появились знаменитости, какихъ нѣтъ на Западѣ и которымъ Западъ долженъ былъ позавидовать. Прослылъ въ *ученыхъ* Маклай, сочиненій котораго въ Россіи до сихъ поръ не читали; а потомъ г. Катковъ отыскалъ и проявилъ въ свѣтъ *воителя* Ашинова, «вольнаго казака», который, по мнѣнію г. Каткова, внушалъ полное довѣріе. Его поддерживали другіе знаменитые люди: Вис. Комаровъ, Вас. Аристовъ, свящ. Наумовичъ и другіе, имена которыхъ останутся навсегда связанными съ этимъ «историческимъ явленіемъ». Я его помню въ одной торжественной обстановкѣ, среди именитыхъ лицъ: рыжій, коренастый, съ круглыми, бѣгающими глазами и куцыми руками, покрытыми веснушками... Онъ былъ превосходенъ въ своемъ родѣ. Его ассистировали Комаровъ, Аристовъ и Наумовичъ, и еще одинъ русскій поэтъ изъ чиновниковъ, и три «только что высѣченные дома болгарина...» Его надо было оберегать, потому что ему угрожала Англія. Для этого онъ не пилъ ничего изъ бокаловъ, которые ему подавали, а хлебалъ «изъ сусѣдскаго»... Все это казалось «просто и мило». И затѣмъ уже пошла такая знаменитость, которой уже никто и не угрожалъ: выѣхалъ верхомъ казакъ и поѣхалъ, и (по отчету одного дѣтскаго журнала) только разъ одинъ ему «пришлось купить вазелину», а между тѣмъ не только ему, но и его «сивому мерину» были оказаны всѣ знаки почтенія. Если редакторъ «Petersburger Zeitung»

удивилъ нѣкогда людей, съѣздивъ въ Берлинъ для того, чтобы видѣть Бисмарка и «поцѣловать рыжую кобылу», на которой тотъ былъ въ битвѣ, то наши дамы не уступали этому редактору въ чувствѣ достоинства, и... сивый меринъ тоже дождался такой же ласки, и притомъ не отъ мужчины... Вредныхъ тяготѣній къ чужеземщинѣ, которыхъ ожидалъ Катковъ, со стороны дамъ не встрѣчалось, а наоборотъ, имъ стало нравиться все простое, не попорченное цивилизаціей, даже прямо *дикое*.

Огромное множество людей вдругъ почувствовали, что они были неосторожны и напрасно позволили духу времени увлечь себя слишкомъ далеко: имъ было неловко, что они какъ будто выпятились впередъ за черту, указанную благоразуміемъ... Имъ стало стыдно и дико: что они, взаправду, за европейцы!

Кто-то припомнилъ, что и Катковъ нѣкогда говорилъ, что «нельзя насыпать на хвостъ соли Европѣ», но теперь уже ничто подобное не казалось убѣдительно. Нельзя насыпать соли—и не нужно; и пошли повороты на попятный дворъ по всѣмъ линіямъ.

И тутъ случилось въ спѣшкѣ и суматохѣ, что кое-кого напрасно сбили съ ногъ и позабыли то, чего не надо бы забывать. Забыли, какими мы явились въ Крыму неготовыми во всѣхъ отношеніяхъ и какимъ очистительнымъ огнемъ прошла вся слѣдовавшая затѣмъ «полоса покаянія»; забыли, въ виду какихъ соображеній императоръ Александръ II торопилъ и побуждалъ дворянъ дѣлать «освобожденіе рабовъ *сверху*»; забыли даже кривосудъ старыхъ, закрытыхъ судовъ, отъ котораго страдали и стенали всѣ. Забыли все такъ скоро и основательно, какъ никакой другой народъ на свѣтѣ не забывалъ своего горя, и еще насмѣялись надъ всѣми лучшими порядками, назвавъ ихъ «припадкомъ сумасшествія».

Настало здравомысліе, въ которомъ мы ощутили, что намъ нужна опять «стѣна» и внутри ея—загонъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ произошелъ этотъ кратко мною очерченный послѣдній оборотъ, я уже не бывалъ ни въ орловскихъ, ни въ пензенскихъ, ни въ украинскихъ деревняхъ, а вертѣлся по балтійскому побережью. Пожилъ я здѣсь въ разныхъ мѣстахъ, начиная отъ Нарвы до Полангена, и не нашелъ ничего лучше, какъ Меррекюль, выдерживающій свою старинную и почетную репутацію. Это именно тотъ первый пунктъ за Нарвою, гдѣ, по расчету Каткова, русскія генеральши захотятъ сдѣлать для себя «заграничное мѣсто». Здѣсь хорошо жить, потому что въ Меррекюлѣ очень красивое приморское положеніе, есть порядокъ, чистота, тихій образъ жизни, множество разнообразныхъ прогулокъ и изобиліе русскихъ генеральшъ. Очень любопытно видѣть, что такое учреждаютъ здѣсь теперь эти почтенныя дамы, тяготѣвшія къ чужимъ краямъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Возвышенные порывы.

О Меррекюлѣ говорятъ, будто тутъ «чопорно»; но это, можетъ-быть, такъ было прежде, когда въ русскомъ обществѣ преобладала какая ни есть родовая знать. Тогда тутъ живали лѣтомъ богатые люди изъ «знати», и они «тонировали». А теперь тутъ живутъ генералы и «крупные приказные», да немножко нѣмцевъ и англичанъ, и тонъ Меррекюля сталъ мѣшанный и мутный.

Меррекюльскіе генералы, которые еще не вышли въ тиражъ, находятся бо̀льшею частью въ составѣ какихъ-нибудь сильно дѣйствующихъ центральныхъ учрежденій, и потому они обыкновенно присутствуютъ шесть дней въ столицѣ, а въ Меррекюль пріѣзжаютъ только по субботамъ. Въ теченіе шести буднихъ дней въ Меррекюлѣ можно видѣть только самыхъ старыхъ генераловъ, въ которыхъ столица уже не ощущаетъ лѣтомъ надобности, но они не дѣлаютъ лѣта и въ Меррекюлѣ. Украшаютъ и оживляютъ мѣсто однѣ генеральши и ихъ потомство,—дѣти и

внуки, которыхъ онѣ учатъ утирать носы, дѣлать реверансы и молиться рукою. Между генеральшами одна напоминаетъ мнѣ преблагословенное время юности, когда у нея не было еще ни дѣтей, ни внучатъ, и сама она была легкомысленная чечотка. Да! Здѣсь она, которая когда-то крикнула «президента» и упала подъ столъ.

Ея давній «пѣтушокъ» теперь достигъ уже всего, чего онъ могъ достичь, и въ нынѣшнемъ году выходитъ въ тиражъ. Будущимъ лѣтомъ они уже не будутъ жить въ Меррекюлѣ.

Мы едва узнали другъ друга и, конечно, не много говорили о прошломъ. Мы чувствуемъ, что мы стары и намъ некстати вспоминать, какіе мы были въ то время, когда она упала подъ столъ. Генеральша, повидимому, желаетъ поддерживать со мною знакомство, но такъ вѣжлива, что старается говорить всегда о такихъ вещахъ, которыя мнѣ не интересны. Впрочемъ, иногда она говоритъ со мною о Толстомъ, котораго она «похоронила для себя послѣ Анны Карениной». Какъ онъ «пошелъ косить»—она ему сказала: «прощай, батюшка!» Она на него, однако, «не нападаетъ, какъ другіе».—«Зачѣмъ, нѣтъ! Пускай онъ себѣ думаетъ что̀ хочетъ, но зачѣмъ, онъ хочетъ это распространять. Это не его дѣло. Суворинъ его отлично... Онъ его почитаетъ и обожаетъ, а на предисловіе къ сонатѣ отлично... Не за свое дѣло и не берись. Родъ человѣческій кончаться не можетъ... Суворинъ отлично!..» На эту тему генеральша неистощима и всегда сама себѣ равна: Суворина она ставитъ высоко: «il a une bonne tête», а Толстой «геніальный умъ, но ce n'est pas sérieux, vous savez. Толстому, по-моему, одного нельзя простить, что онъ прислугу и мужчинъ портитъ. Это разстраиваетъ жизнь. У меня была честная, вѣрная служанка — и вдругъ проситъ: «пожалуйста, не приказывайте мнѣ никому говорить, что васъ дома нѣтъ, когда вы дома: я этого не могу». — Что за вздоръ такой!—«Нѣтъ-съ, говоритъ, это ложь — я лгать не хочу». И такъ и уперлась. Чтобы не давать дурного примѣра

другимъ, я должна была ее отпустить, и только тогда узнала, что эта дурочка все «посредственныя книжки» читала. Но зато теперь у меня служанка охъ какая лгунья! Каждое слово лжетъ и кофе крадетъ; но надо ихъ почаще мѣнять и тогда онѣ лучше. Другое дѣло мужчины: это самый безпутный и глупый народъ на свѣтѣ, и главное, что съ ними нельзя такъ часто мѣнять, какъ съ прислугой. У нихъ на умѣ то же самое, что было у нигилистовъ,—чтобы не давать содержанія семейству; но это въ такомъ родѣ не будетъ: все останется какъ мы хотимъ».

Не знаетъ она основательно ничего или, точнѣе сказать, знаетъ только однѣ родословныя и мастерски слѣдитъ за тѣмъ, кто изъ извѣстныхъ лицъ гдѣ живетъ и въ какихъ съ кѣмъ находится короткостяхъ. Она считаетъ себя благочестивой, и ее занимаетъ распространеніе православія среди инородцевъ. Меррекюль чрезвычайно удобенъ для этого рода занятій: здѣсь есть православный храмъ, «маленькій, какъ игрушечка», много чухонъ или эстовъ, которые совсѣмъ не имѣютъ настоящихъ понятій о вѣрѣ. Среди нихъ возможны большіе успѣхи.

Прежде тутъ была только лютеранская каплица, построенная въ лѣсу. Она и теперь на своемъ мѣстѣ. Ее называютъ Waldkapelle. Она вся изъ бревенъ и крыта лучиною; въ ней есть органъ и распятіе, да на вышкѣ небольшой колоколъ. Ни внутри, ни снаружи нѣтъ никакихъ портативныхъ драгоцѣнностей. Передъ капеллою расчищена полянка, посрединѣ которой пріютилась маленькая колонка. Это памятникъ Гепту; а вокругъ, подъ большими великолѣпными соснами, стоятъ скамейки, на которыхъ любятъ сидѣть охотники до поэтической тишины. Здѣсь прелестно читать, и этимъ пользуются немногіе любители чтенія, какіе кое-гдѣ еще остаются. Хорошо здѣсь играть и въ крокетъ, но это не позволяется. На дорожкахъ, ведущихъ къ капеллѣ, есть столбы съ надписями: «просятъ не играть въ крокетъ у капеллы». По мнѣнію нѣмцевъ, домъ молитвы надо удалить отъ шума: ему пристойна тишина.

Няньки этимъ недовольны и приводятъ сюда генеральскихъ дѣтей, которыя тщательно брыкаютъ ногами въ памятникъ покойнаго владѣльца Меррекюля и стараются оборвать окружающія цоколь цѣпи. Люди бурныхъ инстинктовъ не найдутъ это мѣсто веселымъ; но многіе говорятъ, что здѣсь имъ «хотѣлось молиться».

Лѣтъ двадцать или больше назадъ сюда по нѣкоторымъ особаго рода обстоятельствамъ прибылъ изъ Петербурга православный священникъ Александръ Гумилевскій. Онъ былъ человѣкъ молодой, горячій и мягкосердечный, съ любовью къ добру, но безъ большой выдержанности и послѣдовательности. Онъ началъ проповѣдывать и такъ увлекся своимъ маленькимъ успѣхомъ, что счелъ себя за Боссюэта и позабылъ объ Аскоченскомъ, который тогда дѣйствовалъ въ духѣ и силѣ нынѣшняго Мещерскаго. За это неосторожный бѣднякъ былъ смѣщенъ изъ Петербурга въ Нарву, гдѣ все чрезвычайно не нравилось и ему, и его домашнимъ.

Думали, однако, что онъ еще дешево отдѣлался и что ему могло бы достаться гораздо хуже; но митрополитъ Исидоръ не любилъ портить жизнь людямъ.

Вина же Гумилевскаго состояла въ томъ, что онъ «увлекся духомъ христіанина» и вообще былъ родственъ по мыслямъ архимандриту Ѳедору Бухареву, который все хотѣлъ примирить «православіе съ современностью» и достигъ только того, что его стали называть «enfant terrible православія». Аскоченскій, какъ жрецъ, «заклалъ» его и «обонялъ воню его крови». Но архимандритъ Бухаревъ былъ умнѣе и характернѣе Гумилевскаго, и притомъ онъ былъ одинокъ въ то время, когда Аскоченскій вонзилъ ему въ грудь свой жертвенный ножъ и «бѣгалъ по стогнамъ съ окровавленной мордой». Одиночество для борца—большое удобство!

Въ Нарвѣ Гумилевскому приходилось терпѣть и отъ своихъ, и отъ чужихъ; а главное, здѣсь ему не передъ кѣмъ было говорить свои экспромпты. Русская публика въ Нарвѣ

къ этому не пріучена, и жаждавшій дѣятельности молодой и дѣйствительно добрый человѣкъ почувствовалъ себя лишеннымъ самаго дорогого и пріятнаго занятія и началъ было заниматься инымъ дѣломъ, но остановился. Въ Меррекюлѣ онъ встрѣтилъ знакомыхъ петербургскихъ генеральшъ и задумалъ съ ними построить здѣсь «маленькую, но хорошенькую православную церковь». Въ ней добрый священникъ надѣялся опять «расширить уста своя», такъ какъ онъ могъ надѣяться, что идоложертвенный Аскоченскій имѣетъ на кого метаться въ Петербургѣ, и, что̀ будетъ сказано за Нарвою — онъ того не услышитъ. Можно будетъ говорить самыя смѣлыя вещи, въ родѣ того, что всѣ люди на свѣтѣ имѣютъ одного общаго Отца; что ни одна національность не имѣетъ основанія и права унижать и обижать людей другой національности; что нельзя молиться о мирѣ, не почитая жизни въ мирѣ со всѣми народами за долгъ и обязанность передъ Богомъ и т. д., и т. д. Все это Гумилевскій любилъ развивать въ петербургскомъ рождественскомъ приходѣ и хотѣлъ пустить генеральшамъ въ Меррекюлѣ, что̀ и было бы кстати.

Выборъ мѣста для русской церкви въ Меррекюлѣ былъ обдуманъ «съ русской точки зрѣнія». Церковь не хотѣли прятать, какъ вальдъ-капеллу, а напротивъ — находили, что нужно «*выдвинуть̀* ее на видъ». И потому ее построили при большой дорогѣ, по которой ѣздятъ въ Нарву на базаръ и къ бойнямъ, гдѣ рѣжутъ животныхъ на мясо. Церковь должна всѣмъ бросаться въ глаза: черезъ это кое-что можетъ перепадать въ кружку отъ прохожихъ и проѣзжихъ (послѣднее, однако, не оправдалось, но, можетъ-быть, только потому, что чухны очень расчетливы и скупы). Во внѣшней отдѣлкѣ русская церковь тоже превзошла Waldkapelle. Та хотя и привлекаетъ своимъ Gemüthlichkeit'омъ, но лишена всякаго блеска и въ ней даже украсть нечего. Нашу церковь покрыли бѣлою жестью и раззолотили по кантамъ. «Золото заиграло на солнцѣ», а ночью къ алтарю храма протянулъ свою дерзкую руку воръ и унесъ кое-

какія цѣнности, которыя ему попались подъ руку. Потомъ это повторилось и еще разъ, а проповѣди, въ томъ духѣ, какъ предполагалъ Гумилевскій, въ этой «маленькой, но хорошенькой» церкви не послѣдовало. Гумилевскому, который надѣялся направлять курсъ новаго корабля по-своему, не пришлось этого выполнить. Его пожалѣли и возвратили въ Петербургъ въ больничную церковь «напутствовать умирающихъ», которымъ онъ могъ говорить что угодно, а они могли узнавать о пользѣ его внушеній только въ новомъ существованіи. О проповѣди въ Меррекюлѣ болѣе не заботились. Меррекюльскую церковь приписали къ собору въ Нарвѣ, откуда и до сихъ поръ пріѣзжаютъ сюда священникъ и дьяконъ, служатъ вечерню и всенощную въ субботу, а на другой день обѣдню, и опять уѣзжаютъ въ Нарву.

Проповѣди не бываетъ, но хлопотъ все-таки много, и все это стоитъ порядочныхъ денегъ для ктиторской кассы крошечной церкви. Казалось, что доходъ малъ оттого, что ко всенощнымъ мало ходятъ, потому что въ это время ходятъ гулять и слушать музыку. Позаботились, чтобы подъ праздникъ на Визѣ не играла музыка; но однако это нѣмцамъ помѣшало, а церкви не помогло: гуляютъ и безъ музыки. Попробовали показать великолѣпіе и учредили крестные ходы изъ храма на Казанскую и на Спаса. Это произвело впечатлѣніе, такъ какъ такихъ религіозныхъ церемоній здѣсь еще не видали; но эстамъ не разъяснили значенія этихъ процессій, и они до сихъ поръ называютъ это тоже «гуляньемъ». Ношеніе блестящихъ на солнцѣ вещей изъ русскаго храма сдѣлало только церковь предметомъ вниманія воровъ, которые все думаютъ, что тамъ «гибель денегъ».

Явилась необходимость нанимать постояннаго сторожа на цѣлый годъ; но и при сторожѣ воры опять приходили. Чтобы спасать соблазняющее ихъ богатство, драгоцѣнности стали увозить на зиму частью въ Нарву въ соборъ, частью къ старостѣ, что тоже рискованно и не совсѣмъ законно.

Но всего болѣе изнуряетъ «доставка духовенства» къ каждой службѣ, и чтобы избѣжать этого, нашли нужнымъ построить въ Меррекюлѣ *лѣтнюю поповку*.

Предпріятіе въ этомъ родѣ показываетъ, что дѣла за Нарвой шли совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое предсказывалъ Катковъ, и впереди это будетъ доказано еще ярче.

Постройка лѣтней поповки въ Меррекюлѣ представляла затрудненія: опасались, что свои собственныя власти найдутъ это, пожалуй, излишнимъ и не велятъ строить; но можно построить домъ для *школы*, такъ, чтобы она была меньше школою, чѣмъ поповкою и сторожкою. Это сдѣлали. Построили домъ, вмѣстимостью не меньше храма, покрыли его желѣзомъ; даже загородили проходившую тутъ проѣзжую дорожку, чтобы ни конный, ни пѣшій не мѣшали дѣлать что нужно, и вотъ что придумали: завести въ этой русской школѣ такого учителя, чтобы онъ за одну учительскую плату былъ тоже церковнымъ сторожемъ, а кстати также былъ бы лѣтомъ звонаремъ, подметалъ бы церковь и ходилъ у дьякона, у батюшекъ и у старосты на посылкахъ...

Такого учителя выражали желаніе достать для русской школы въ Меррекюлѣ, чѣмъ надѣялись и достичь большой экономіи, и пристыдить чухонъ; но прежде чѣмъ успѣли въ этомъ, пришелъ въ «собраніе прихожанъ» мясникъ Волковъ и заговорилъ для всѣхъ неучтиво и неласково, будто при постройкѣ дома для меррекюльской поповки исконный врагъ нашъ дьяволъ смутилъ строителя такъ, что онъ не могъ хорошо различать своего отъ церковнаго; словомъ, возглашено знакомое слово «воръ», и... пошло дѣло объ обидѣ...

Сказались мы и здѣсь опять въ своемъ видѣ и въ своихъ правилахъ.

Но это еще дѣло провинціальныхъ аборигеновъ: пріѣзжія генеральши сдѣлали для пропаганды гораздо больше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Апоѳеозъ.

Побережный житель Финскаго залива хотя и суевѣренъ, но у него не тотъ жанръ въ суевѣріи, какъ у настоящаго «твердо-земного» русскаго человѣка. Здѣшнимъ много чего не дохватываетъ. У насъ, напримѣръ, есть блаженные и юродивые, а у здѣшнихъ этого нѣтъ, и они даже считаютъ людей подходящаго къ этому сорта за плутовъ или дураковъ. Отсюда совсѣмъ разныя отношенія къ людямъ, и что у насъ готовы признать за святость, — за то здѣсь гонятъ со двора. Въ Меррекюлѣ, какъ онъ просіялъ на свѣтѣ, никогда святыхъ не было; однако дамы наши нашли здѣсь очень замѣчательнаго человѣка и дали ему славу.

Человѣка, о которомъ наступаетъ рѣчь, знали здѣсь съ самаго дня его рожденія. Теперь ему было около 66-ти или 67-ми лѣтъ. Имя его Ефимъ Дмитріевичъ, а фамилія Волковъ. Онъ тутъ родился и здѣсь же въ Меррекюлѣ умеръ по окончаніи лѣтняго сезона 1893 года. Всю свою жизнь онъ пьянствовалъ и разсказывалъ о себѣ и о другихъ разные вздоры. За это онъ пользовался репутаціею человѣка «пустого». Мѣстные жители не ставили его ни въ грошъ и называли самыми дрянными именами.

О прошломъ его приходилось слышать слѣдующее. Лѣтъ до двадцати онъ висѣлъ на шеѣ у родныхъ и ничего не хотѣлъ работать; его сдали въ пастухи, — онъ растерялъ или пропилъ овецъ; его представили барону, тотъ его наказалъ по праву вотчинника и оставилъ при дворѣ. Ефимъ снискалъ себѣ расположеніе домоправителя, которому сумѣлъ подслужиться, и быстро овладѣлъ секретомъ незамѣтно уносить и обратно вѣшать ключи отъ баронскаго погреба. Тутъ Ефимъ или, какъ его эсты называли, «Мифимъ», перепробовалъ много дорогихъ винъ. Занимался онъ этимъ комфортабельно: проводилъ цѣлыя ночи въ погребахъ, а утромъ выходилъ, дополнивъ отпитыя бутылки чѣмъ могъ.

На этомъ дѣлѣ онъ и былъ взятъ на мѣстѣ преступленія и отданъ въ солдаты; но здѣсь «притворился безумнымъ», отлично «выдержалъ испытаніе на сумасшедшаго» и явился въ Нарву. Сдѣлавшись свободнымъ человѣкомъ, Мифимъ сначала является въ одномъ мѣстномъ учрежденіи въ должности «вышибайлы», но повелъ себя двусмысленно, и какой-то австралійскій «кептенъ» сокрушилъ его такъ, что онъ сталъ хворать и не могъ больше служить вышибайломъ. Тогда онъ началъ ходить по городу и питался Христовымъ именемъ.

Съ устройствомъ православной церкви въ Меррекюлѣ Мифимъ усмотрѣлъ въ этомъ поводъ занять здѣсь «привилегію нищенства» и «переѣхалъ на дачу». Сначала онъ обтекалъ всю линію: посѣщалъ дачниковъ Гунгербурга, Шмецка и Меррекюля; знакомился, располагалъ къ себѣ сердца состраданіемъ, какъ къ герою изъ-подъ Плевны. Онъ приставалъ къ кому попало, и тѣ, кто нравомъ помягче, давали ему двугривенные и гривенники, которые онъ тотчасъ же неукоснительно пропивалъ. Гардеробъ его всегда былъ самый нищенскій: онъ всегда былъ полу-босъ, безъ бѣлья и одѣтъ въ лохмотья. Репутаціей скромнаго нищаго онъ не дорожилъ, а предоставлялъ это другому русскому спеціалисту, Серегѣ. Мифимъ, напротивъ, бравировалъ своимъ дерзновеніемъ и любилъ держать себя «примѣнительно къ человѣку». Молодымъ людямъ онъ предлагалъ услуги, пригодныя для образованія мимолетныхъ знакомствъ; другимъ переносилъ вѣсти, а третьимъ ворожилъ и «предсказывалъ будущность». Кромѣ того, Мифимъ лѣчилъ отъ порчи скотъ; но скоро прошелъ слухъ, что, прежде чѣмъ вылѣчить животное, онъ самъ будто его портитъ. По этому поводу съ Мифимомъ въ лѣсу случилась непріятность, отъ которой онъ хромалъ и переселился въ Шмецкъ. Здѣсь онъ нанялъ за шесть рублей въ лѣто развалившуюся баню у кузнеца Карла Шмецкэ и жилъ тамъ тихо и «на спокоѣ кашлялъ»... Но едва Богъ помогъ ему поправиться, онъ сейчасъ же опять дѣлается полезнымъ человѣкомъ и начи-

наетъ указывать крестьянамъ, гдѣ они должны отыскивать уходящихъ съ пастбища коней. Лошадь уйдетъ и ее не могутъ найти, а Мифимъ погадаетъ и говоритъ:

— Я ее вижу: она вотъ гдѣ!

Поведетъ хозяевъ черезъ лѣсъ въ болото и покажетъ, что ихъ пропащая животина въ самомъ дѣлѣ «сидитъ» въ топи и дожидается, чтобы ее вытащили.

Скотину вытащатъ, а Мифимкѣ дадутъ за колдовство. Заработка отъ этихъ статей было бы достаточно; но крестьяне стали подозрѣвать, что Мифимъ не честно живетъ,—что онъ сначала самъ загоняетъ скотину въ болото, а потомъ приходитъ и отгадываетъ. И вотъ ему не только не стали давать обѣщанныхъ за розыскъ денегъ, а погрозили его прибить. Четыре года тому назадъ, когда Мифимъ жилъ въ Шмецкѣ у кузнеца Карла Ивановича, подозрѣнія противъ него ожесточились. У кузнеца была вувермановская (бѣлая) лошадь съ удивительно густымъ, пушистымъ хвостомъ. Звали ее «Талька». Лошадка была сытая, статная и удалой ухватки. Она ходила утромъ, по росѣ, въ кустахъ близъ дома, вмѣстѣ съ другою лошадкою, съ которою была очень дружна, и вдругъ, когда ободняло и люди встали, — рыжая лошадка ходила въ кустахъ, а вувермановской «Тальки» не было.

Увести ее не могли, — это было бы слишкомъ дерзко; убѣжать она *одна* не могла, такъ какъ обѣ лошади были дружны... Всего вѣроятнѣе казалось, что «Тальку» кто-нибудь *угналъ*.

Но куда? И гдѣ ее теперь держатъ?

Мифимъ взялся угадать, гдѣ лошадь, и потребовалъ за это три рубля; но ему денегъ не дали, а отправились въ лѣсную глушь, въ которой на-дняхъ кто-то встрѣчалъ Мифима,—и «Талька» была здѣсь отыскана, затопленная въ болото по самую шею... Животное совсѣмъ уже выбилось изъ силъ: голова лошади вся была облѣплена комарами и глаза заплыли отъ укусовъ; однако бѣдная «Талька» еще дышала и, услыхавъ знакомые голоса людей, отвѣчала ржа-

Но вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ благословенія въ лѣсу изъ-за стоговъ подглядѣли чухны и не поняли, что это такое дамы дѣлаютъ съ Мифимкой, и начали разсказывать:

— Тамы-то на него рестятся и ку ему риклятаются, а онъ таитъ та на ныхъ міется *).

Поблагословивъ дамъ прошлаго сезона, Мифимъ въ послѣднихъ числахъ августа 1893 года пошелъ въ винный погребъ негоціанта Звонкова и испивъ, «до воли», закряхтѣлъ и переселился въ вѣчность...

Одному лицу, которое съ любопытствомъ наблюдало духовную практику Мифимки, казалось, будто онъ не только благословляетъ дамъ и ихъ дочерей, которымъ «Богъ долго судьбы не даетъ», но что онъ будто бы тоже исповѣдывалъ ихъ у стоговъ и въ бортищахъ; но самъ Мифимъ энергически опровергалъ это, и я вѣрю его отрицательству. Онъ былъ человѣкъ смѣлый и даже дерзкій, но осторожный и расчетливый: называться таинственнымъ священникомъ «временъ Лориса» и благословлять—это онъ могъ, и я утвердительно могу говорить, что это онъ дѣлалъ и считалъ это за неважное, потому что «не заѣдалъ чужого хлѣба»; но исповѣдь совсѣмъ иная статья: это могло повредить Мифиму. Словомъ, хотя объ этомъ говорили, но я увѣренъ, что это неправда. Но, кажется, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Мифимъ оказывалъ дамамъ другія услуги, благопріятныя для ихъ видовъ.

Мнѣ припоминается еще одна генеральша, большая, дебелая, тоже южной породы, съ безгранично-любящимъ материнскимъ сердцемъ и съ неукротимымъ воображеніемъ. У нея «блекла дочь», и мать виноватила въ этомъ ея мужа, еще довольно молодого и, кажется, очень порядочнаго человѣка.

— Вообразите,—говорила она,—всего четыре года какъ онъ женатъ на моей дочери, а уже манкируетъ женѣ.

*) «Дамы на него крестятся и къ нему прикладываются, а онъ этоитъ да на нихъ смѣется».

Я ей отвѣтилъ, что это, кажется, иногда и лучше.

Генеральша отвергла.

— Ну, нѣтъ, извините! — воскликнула она. — Если вы это, можетъ-быть, по Толстому, то это такъ; но онъ напрасно расписывается за всѣхъ женщинъ. Можетъ-быть, такія и есть, какъ онъ высказываетъ, но для этого ихъ надо было особеннымъ образомъ изуродовать съ дѣтства. А моя дочь, какъ вы видите, это живая и полная жизни женщина, а не толстовка. О, она не толстовка! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—не толстовка! Ею манкировать нельзя, потому что она блекнетъ. Вы видите какая она!.. Она и сама не понимаетъ, что̀ съ нею дѣлается, но она была цвѣтокъ!.. Я это и понимаю, но что же я могу сдѣлать? Ничего! Мужъ къ ней невнимателенъ и баста! И цѣлая вещь! Такихъ негодяевъ теперь довольно много. Теперь, говорятъ, даже въ природѣ что-то такое распространяется къ тому, чтобы ничего не надо, и явилась такая порода мужчинъ, въ блузочкахъ, и ножками стучатъ и сопятъ... Тогда и видно; но вѣдь человѣка, который одѣтъ какъ всѣ, нельзя раньше знать! Неправда ли?

— Да.

— А какіе-то ученые утверждаютъ, что еще хуже будетъ. У образованныхъ мужчинъ скоро совсѣмъ ужъ не будетъ дѣтей. Переутомленіе. Вотъ ужасъ! Понимаете? Цѣлую недѣлю онъ остается въ Петербургѣ, а мы здѣсь, и онъ ничего не испытываетъ, а въ субботу ѣдетъ сюда и везетъ, болванъ, съ собою въ карманѣ новую книжку... Какое остолопство! Такіе не должны жениться. Одна моя знакомая, которая была за учеными мужьями, и всѣ они были дрянь, а теперь она вышла за казака, и говоритъ: «Повѣрьте, что настоящіе мужья—это только казаки! Пусть всѣ это знаютъ!» Я и вѣрю, потому что казакъ — это дичокъ, онъ еще не подвергался въ школѣ переутомленію и онъ всегда просто ѣстъ; у него желудокъ все варитъ, даже, прости Господи, хоть сальную свѣчку, и онъ верхомъ, въ движеньи,—и ему хочется жить, и вотъ онъ цѣнитъ при-

сутствіе женщины... А эти еще по своей развращенности отъ служебныхъ дѣлъ ѣдутъ въ шато-кабаки и пялятъ глаза на испанокъ и цыганокъ... Но тогда зачѣмъ жена?

Генеральша ударила себя обѣими ладонями по выступамъ своего корсета и повторила:

— Забываютъ-съ, что молодая жена *хочетъ жить!* Понимаете: она *имѣетъ* право! Да; что вашъ Толстой ни говори, а она имѣетъ это право. И потому, когда мой зять вынимаетъ изъ своего кармана волюмъ Sola или Bourget, я дѣлаю надъ собою огромное усиліе, чтобы не закатить ему плюху. Дуракъ и подлецъ! При цыганкахъ, небось, не читаетъ, а при женѣ читать!.. Свинья! Это только для того, чтобы не оставаться съ глазу-на-глазъ съ совѣстью. А отъ этого блѣдность, отъ этого вялость и малокровіе, и суженъ, совсѣмъ уничтоженъ весь интересъ къ жизни... Это надо кончить! Зачѣмъ на бѣдныхъ женщинъ кричать adultère? Этого слова до Толстого не произносили! Если нельзя развода, то нуженъ revanche.

— Берегитесь, это можетъ услышать ваша дочь.

— И я желаю... Я ей это и говорю... Но она глупа... Или она, можетъ-быть, меня стѣсняется... Или она не понимаетъ... не говоритъ!.. О, если бы эту мысль ей вложилъ человѣкъ... который могъ бы ее успокоить, что это неважно... неважно... Потому что это неважно!..

И вотъ тутъ, можетъ-быть, Мифимъ кому-нибудь и помогъ... Онъ былъ не строгъ и могъ все *разрѣшить.*

По крайней мѣрѣ, одной дамѣ, которая имѣла къ нему вѣру и «блекла отъ невниманія», Мифимъ сообщилъ рѣшимость, воспоминаніе о которой вызывало розы на ея ланиты; а ея maman любовалась ею и шептала ей Деруледово слово:

— «Nitchevo!»

Генеральши про Мифима, вѣроятно, скоро забудутъ и найдутъ себѣ иного тавматурга; но чухны, которые хорошо знали, что за человѣкъ былъ ихъ меррекюльскій Мифимъ, «міются».

ПРОДУКТЪ ПРИРОДЫ.

«Сравнительно съ народною толпою мало явленій заслуживаетъ бо́льшаго изученія. Она настоящій продуктъ природы: все прочее только гримасы, а здѣсь искренность и дѣйствительность. Смотри на народную толпу, если хочешь, съ трепетомъ, но смотри внимательно: то, что она сдѣлаетъ, никому неизвѣстно и еще менѣе ей самой».

Карлейль.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ теченіе моей жизни мнѣ привелось видѣть, какъ двигаются съ мѣста на мѣсто переселенцы, и что̀ съ ними при этомъ иногда происходитъ. Разскажу здѣсь одинъ маленькій случай, который остался у меня на всю жизнь въ памяти. Дѣло было не задолго до уничтоженія крѣпостного права. Ходили уже надежные слухи объ «освобожденіи», но тѣмъ не менѣе купля и продажа людей еще производилась свободно. Пользуясь этимъ, нѣкоторыя именитыя лица совершали тогда большія заселенія принадлежавшихъ имъ степныхъ мѣстъ крестьянами, купленными на выводъ изъ серединныхъ губерній.

У меня былъ родственникъ, мужъ моей тетки, обрусѣлый англичанинъ. Онъ былъ человѣкъ недюжинный и въ одномъ отношеніи предупредилъ даже на сорокъ лѣтъ этику «Крейце-

ровой Сонаты». Опасаясь, чтобы на него при выборѣ жены не подѣйствовали подкупающимъ образомъ «луна, джерси и нашлёпка», онъ отважился выбирать себѣ невѣсту въ будничной простотѣ, и для того объѣхалъ сосѣдніе дворянскіе дома, нарядившись «молодцомъ» при разносчикѣ. Такимъ образомъ онъ увидалъ всѣхъ барышень въ ихъ будничномъ уборѣ и, собравъ о нихъ свѣдѣнія отъ прислуги, сдѣлалъ брачное предложеніе моей тетушкѣ, которая имѣла прелестный характеръ. Вообще о немъ говорили, что онъ—*практикъ*. Онъ управлялъ огромными имѣніями очень важнаго лица и, между прочимъ, имѣлъ своею обязанностью заселять степи: образовывать на нихъ новыя деревни и заводить тамъ правильное полевое хозяйство. Людей, которыхъ вели сюда, скупали на выводъ у разныхъ помѣщиковъ въ губерніяхъ Орловской и Курской, отчего «сводные люди» дѣлились на два народа: «народъ орловскій» и «народъ курскій». «Орловскій народъ» считался «пошельмоватѣе», а куряне—«вѣдомые кметы» подразумѣвались яко бы «по-дурасливѣе».

Переселяли людей въ степи тогда большими партіями. Сколько я помню въ мои дѣтскіе годы, въ нашихъ мѣстахъ «сбивали народъ», то-есть совокупляли партіи людей на выводъ два раза и въ оба эти раза по деревнямъ стоялъ стонъ, а на выводныхъ людей жалко было смотрѣть, хотя между ними не мало было и такихъ, которые не унывали, а говорили будто имъ «все равно—хуже не будетъ». Въ сводныхъ дворахъ шла распродажа овецъ, тёлокъ, сохъ, боронъ и саней,—при чемъ между бабами сцены «навѣчной разлуки» были раздирающія.

Одинъ разъ изъ нашего городишка было отправлено на подводахъ, кажется, около двухсотъ душъ, и многіе изъ выведенныхъ мужиковъ вскорѣ же прибѣжали назадъ и стали прятаться въ пустыхъ овинахъ и въ коноплянникахъ. Когда ихъ ловили—они разсказывали, что «ушли отъ вши и отъ вредныхъ водъ». Ихъ отсылали въ станъ и сѣкли. Кромѣ отбѣгателей многіе въ дорогѣ заболѣвали: ихъ нѣко-

торое время тащили на подводахъ, а потомъ «отставляли», гдѣ попало; худыя заморенныя клячи въ обозахъ падали, сбруя рвалась, колеса ломались и вообще было много несчастья. Второй разъ выводъ людей изъ нашихъ мѣстъ былъ еще неудачнѣе: между ними начался страшный «гнетучій поносъ» или «жиленье животами»,—заболѣвшихъ пришлось держать по дорогѣ на квартирахъ и въ землянкахъ цѣлую зиму. Половина людей перемерла и убытки были большіе, а потому въ третій разъ, о которомъ я буду разсказывать, придумали отправить партію на судахъ или, какъ тогда говорили, на «стругахъ» по Окѣ и Волгѣ.

Партія была сборная съ разныхъ мѣстъ Орловской и Курской губерній, все отъ дворянъ мелкопомѣстныхъ. Въ числѣ переселяемыхъ крестьянъ были и дворовые, и деревенскіе мужики. У дворовыхъ не было ни скота, ни собственныхъ телѣгъ. Они были довезены до пристани какимъ-то мнѣ неизвѣстнымъ способомъ и тамъ посажены на барки. Съ нѣкоторыми крестьянами были телѣги и сохи: все это было погружено или, лучше сказать, нагромождено на барки, и семьи помѣщались и на телѣгахъ, и подъ телѣгами. Съ нѣкоторыми, мнѣ помнится, были куры и на одной баркѣ двѣ или три овцы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я тогда былъ еще очень молодой мальчикъ и не зналъ, къ чему себя опредѣлить. То мнѣ хотѣлось учиться наукамъ, то живописи, а родные желали, чтобы я шелъ служить. По ихъ мнѣнію, это выходило «всего надежнѣе». Мнѣ и хотѣлось, и не хотѣлось служить: я зналъ, что на службѣ хорошо, но былъ уже немножко подпорченъ фантазіями; я читалъ «Горе отъ ума», и всѣ военные мнѣ представлялись Скалозубами, а штатскіе—Молчалиными, и ни тѣ, ни другіе мнѣ не нравились. По характеру моему мнѣ нравилось какое-нибудь живое дѣло, и я разсказалъ это моей теткѣ, а та передала своему мужу. Англичанинъ сталъ мнѣ со-

вѣтовать, чтобы я не начиналъ никакой казенной службы, а лучше приспособилъ бы себя къ хозяйственнымъ дѣламъ. Для того же, чтобы заохотить меня къ этому, онъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ мы теперь переселяемъ партію крестьянъ, а графъ недоволенъ тѣмъ, какъ ихъ водятъ. Люди, которые водятъ нашихъ переселенцевъ, по мнѣнію графа (его принципала), всѣ очень грубы, и я съ нимъ отчасти согласенъ. Это непрактично. Пускай—это *продуктъ природы*, но вѣдь и природа можетъ мстить за себя: ожесточать народъ и доводить его до ужаса и унынія никогда не надо, хотя однако совсѣмъ добрые и мягкосердые вожди тоже не годятся. Это уже доказано опытомъ: мягкосердому мужикъ сейчасъ на шею сядетъ и лаптемъ его толкать начнетъ. Нужны Пизарро, и у меня есть такой Пизарро, какого *мнѣ* надобно. При нихъ командиромъ идетъ очень надежный человѣкъ, изъ здѣшнихъ орловскихъ, называется Петръ Семеновъ: умный мужикъ, но тиранъ. Съ нимъ сынъ его, тоже преспособный, и тоже аспидъ: мужичонки у нихъ пищатъ. Безъ такихъ, какъ Петръ Семеновъ, однако нельзя: вѣдь идетъ цѣлая орда, а съ ордою и надо мѣры ордынскія; но вѣкъ такой, что надо немножко и цивилизаціи подпустить, — надо одною рукою карать, а другою — миловать. Вотъ я и хотѣлъ бы испробовать этакую маленькую конституціонную затѣю, чтобы одинъ казнилъ, а другой миловалъ. Отправляйся-ка ты съ ними и вникай, и Петру распоряжаться не мѣшай, но облегчай, что̀ возможно. Я тебѣ дамъ главную довѣренность съ правомъ дѣлать всякія амнистіи.

Я согласился.

— Вотъ и прекрасно! Офиціальное значеніе твое будетъ высоко надъ Петромъ, но ты, однако, смотри—не испортъ дѣло: царствуй, но не управляй. Пусть на Петра жалуются, а ты *только милуй*.

Въ Орлѣ я познакомился съ нашимъ Пизарро. Это былъ черный кудрявый мужикъ, лѣтъ сорока восьми или

пятидесяти, мускулистый, сильный, живой, съ черными огненными глазами, черными сросшимися надъ носомъ бровями, курносымъ носомъ и маленькой черной окладистой бородой. Выраженіе лица у него было сильное, смѣлое, рѣшительное и довольно жестокое. При немъ находился въ помощникахъ сынъ его Дороша — молодецъ лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, чрезвычайно похожій на своего отца.

Дядя мой отрекомендовалъ меня Петру Семенову и просилъ его учить меня, а мнѣ сказалъ, чтобы я жилъ съ нимъ въ ладахъ и чтобы мы довели благополучно порученный намъ «продуктъ природы».

Дядя былъ въ прекрасномъ настроеніи и говорилъ пріятныя слова, на которыя Пизарро отвѣчалъ въ ласковомъ тонѣ, но съ неуловимымъ букетомъ ироніи и вѣроломства. Дядя разсуждалъ, что русскій мужикъ—самый выносливый продуктъ природы, что онъ не избалованъ и путина его не можетъ замучить.

— Пусть только было бы чѣмъ ему напихать брюхо, чтобы въ пустомъ брюхѣ не щелкало, а то онъ тысячи верстъ отмахаетъ, какъ котильонъ протанцуетъ.

И Петру Семенову это слово понравилось: онъ улыбнулся одними углами рта и подтвердилъ:

— Такъ-съ точно: котыльономъ и докатимся.

— Катитесь,—отвѣчалъ дядя,—катитесь!

И въ излишнемъ, можетъ-быть, умиленіи онъ не замѣтилъ злобы Пизарро и, внѣ своего обычая, поблагословилъ насъ рукою.

— Оберегайте продуктъ, и катитесь котильономъ!

Перевозимые крестьяне въ это время уже были «посажены на струга» и самой тяжелой процессіи,— посадки, я не видѣлъ. Разсказывали мнѣ, будто происходили раздирающія сцены,—особенно когда выведенные крестьяне прощались со сватами и сосѣдями: многіе будто бы «хотѣли бунтовать», но Петръ Семеновъ предупредилъ бунтъ: онъ послалъ Дорошу въ полицію и оттуда подоспѣли «три по-

лицейскіе казака съ пикою» и все кончилось: «продуктъ природы» былъ погруженъ и барку тотчасъ же отчалили отъ берега и остановили посрединѣ рѣки.

Тѣмъ прощанье «продукта» и кончилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Петръ Семеновъ возилъ меня показывать, какъ «народы помѣщались» на баркахъ. На двухъ были «шельмоватые» народы орловскіе, а на третьей «дурасливые» куряне. Надъ каждымъ изъ этихъ народовъ были приставленные изъ своего народа «старосты». Надъ орловскими старостою былъ телѣжникъ Ѳефёлъ, о которомъ Петръ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ человѣкъ дорогой, но не задолго передъ этимъ убилъ оглоблей человѣка, который пришелъ звать его ужинать. Это скрыли, а про всякій случай Ѳефёла поскорѣе дешево продали.

— Надъ орловскими шельмецами такой именно и нуженъ,—говорилъ Пизарро.

Курскими людьми завѣдывалъ орловскій мужикъ Михайло, человѣкъ добрый и степенный.

— Курскій народъ—что̀ цыплята!

Помню, какъ я первый разъ увидалъ эти «народы» и ихъ вождей.

Изъ дома мы отправились къ Окѣ въ телѣжкѣ, которою правилъ Дороша. Мы съ Петромъ Семеновымъ сидѣли на лавочкѣ. Барки стояли за пять верстъ за городомъ. Когда мы пріѣхали, Петръ Семеновъ сталъ свистѣть и отъ берега отвалила лодочка, въ которой помѣщался Михайло, начальникъ курскихъ народовъ; онъ насъ привезъ на барки, и мы прошли между народомъ, причемъ я не замѣтилъ ничего особенно горькаго или угнетающаго. Сидѣли люди босые, полураздѣтые,—словомъ, такіе жалкіе и обездоленные, какъ ихъ обыкновенно видишь въ русской деревнѣ. Я тогда думалъ еще, что крестьяне и вездѣ должны быть только къ такомъ видѣ, какъ мы ихъ привыкли ви-

дѣть въ Россіи. Смиреніе ихъ тоже было обычное въ ихъ положеніи. Петръ Семеновъ обращался съ ними грубо, какъ съ «продуктомъ», не стоящимъ хорошаго обхожденія, а они относились къ нему съ подобострастіемъ: величали его батюшкой Петромъ Семеновичемъ и излагали ему разныя просьбы, на которыя онъ отвѣчалъ рѣзко, скоро, но, по правдѣ сказать, всегда очень дѣловито. Воспользоваться моимъ высокимъ правомъ помилованія я не имѣлъ никакого повода и не торопился съ этимъ; я былъ увѣренъ, что такой случай еще придетъ во время путины,—и вотъ тогда я пущу въ ходъ мои милостивыя полномочія, и народы благословятъ мое милосердіе!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда мы перешли съ одной барки на другую, то Петръ Семеновъ показалъ мнѣ въ кормѣ свою каютку. Это была тесовая каморка, въ которой помѣщались двѣ кроватки: его и Дорошина, маленькій шкапикъ съ чайнымъ приборомъ, желтый сундучокъ, деревянные счеты, расходная книга и въ углу образокъ съ лампадой. Комната эта запиралась на замокъ, ключъ отъ котораго держалъ у себя староста Ѳефёлъ. Такую же точно комнату Петръ Семеновичъ предполагалъ сдѣлать и мнѣ на одной изъ барокъ.

О томъ, какъ мы выплыли и какъ шли, я разсказывать не буду, потому что это потребовало бы много времени, да и не все теперь вспомнишь. Вообще же говоря, дни тянулись одинъ за другимъ одинаково скучно, сѣро, безъ всякой дѣятельности. Самымъ любимымъ занятіемъ у всѣхъ было *«искаться»* *). Это было что-то въ родѣ спорта. Мужики, бабы, дѣти — всѣ постоянно искались, и

*) Пишутъ, что это же самое составляло главное занятіе русскихъ поселенцевъ, которыхъ перевезли въ 1892 году на океанскомъ пароходѣ изъ Одессы во Владивостокъ. Впрочемъ, этихъ, кромѣ «вшей», занимали еще *карты*, которыхъ у насъ не было.

занятіе это было не только препровожденіемъ времени, но оно было вызвано и настоятельною необходимостью, потому что вошь ѣла «народы» безпощадно.

Я не знаю, что̀ такое называютъ вшивой болѣзнью, но думаю, что она не должна быть страшнѣе того, что̀ я видѣлъ на переселенческихъ баркахъ. Никакія усилія очиститься отъ насѣкомыхъ не помогали. Несмотря на то, что крестьяне очень не взыскательны насчетъ опрятности, тутъ они взвыли:

— Съѣла вошь!.. Жалуйте—милуйте!.. въ глаза лѣзетъ: зракъ хочетъ выпить!

По баркамъ было непріятно и страшно ходить. Особенно ночью или въ жаркую пору дня, когда истома размаривала людей и они хотѣли спать, но не могли крѣпко заснуть отъ зуда, который производили насѣкомыя. Въ нѣмомъ изступленіи всѣ скреблись ногтями и ерзали на одномъ мѣстѣ, или катались на пядь въ одну сторону и на пядь въ другую, и потомъ вдругъ вскакивали, сидѣли, поводя вокругъ осовѣвшими глазами, — иногда плакали и всегда непремѣнно всѣ «чухались». И это какъ только начнется въ одномъ мѣстѣ, такъ и «пойдетъ котильономъ» повсемѣстно.

Своей скверной и ужасающей нечистоты люди не стыдились нимало, да и до того ли имъ было, чтобы стыдиться, когда они отъ этого такъ ужасно страдали! Петра Семенова они боялись, но мнѣ прямо совали покрытыхъ вшами дѣтей съ отвратительными расчесами и кричали:

— Смотри-ка крестьянъ-то грапскихъ, смотри! Отпиши ему: вотъ, молъ, воши-то младенца-то божьяго совсѣмъ источили.

Средствъ отъ этого не было никакихъ, и ни Петръ, ни его сынъ, ни колесникъ съ Михайлой ничего для облегченія людей не дѣлали.

Бани нѣтъ, прудить (т. е. калить бѣлье) передъ костромъ—нельзя, потому что на баркахъ невозможно развести такое обширное пламя, передъ которымъ всѣ народы

обнаготились бы, и остается терпѣть. Но этого изо дня въ день *нельзя терпѣть*!

Орловскіе и курскіе мужики моются рѣдко и плохо, потому что бань для этого они и дома не имѣютъ, но дома они хоть парились изрѣдка въ тѣхъ самыхъ печахъ, гдѣ пекли свой хлѣбъ, а на баркахъ и этого сдѣлать невозможно.

— Пропадаемъ! — кричали они съ отчаянными рыданіями:—вошь заточила до смерти!

А мы все-таки ничего не могли для нихъ сдѣлать.

Правда, имъ было дозволено съ барокъ купаться, но «народы» этого не хотѣли.

Крестьяне смотрятъ на купанье такъ, что это хорошо только для «прохлаженья», но мыться въ негрѣтой водѣ нельзя, и это мытье, хотя бы и съ мыломъ, ни къ чему, будто бы, не ведетъ.

— Да и мыться при баркахъ негдѣ: мужики будутъ глядѣть на бабъ... Только стыдъ одинъ; а кромѣ того вошь отъ холодной воды еще пуще множится.

Словомъ, они купаться въ рѣкѣ не хотѣли. Тогда Петръ съ сыномъ рѣшили ихъ «поневолить», но они не захотѣли раздѣваться, и мужики говорили, что ихъ, будто, «лихоманка бьетъ», а бабы сказывали, что онѣ «на себѣ имѣютъ», и тому подобное.

Петръ Семеновъ тотчасъ же обратилъ на это мое вниманіе и сказалъ:

— Вы должны это остановить: развѣ не слышите, что они всѣ въ одно слово кричатъ?.. Въ одно слово кричать нельзя!

Послѣ этого Петръ Семеновъ сталъ употреблять мѣры понужденія въ видѣ толчковъ и затрещинъ, а я положилъ пустить свое заступничество и сдѣлалъ это, всячески охраняя самолюбивый престижъ распорядителя.

Онъ выслушалъ и, поблѣднѣвъ, отвѣтилъ спокойно:

— Ахъ, значитъ, вы желаете, чтобы этотъ «продуктъ» не побуждать больше!

— Не такъ побуждать?

— А какъ же?

А я не зналъ какъ...

Но людей я, однако, защитилъ, и они это поняли и оцѣнили.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Такъ мы вышли изъ Оки въ Волгу и въ Нижнемъ у насъ впивые народы опять заволновались: они вдругъ приступили къ Петру Семенову съ «неслыханной» просьбой, чтобы онъ сводилъ ихъ въ баню! Онъ, разумѣется, ихъ не повелъ, а тогда оба народа, курскіе и орловскіе, стали кричать, шумѣть, и я опятъ былъ призванъ для ихъ устрашенія и опять не умѣлъ исполнить этого какъ должно. А когда я сказалъ, что мнѣ людей жалко, то Петръ Семеновъ отвѣтилъ:

— Кому, сударь, людей жалко, тому не нужно браться народъ на сводъ водить.

И онъ отъ меня отвернулся.

Я чувствовалъ, что онъ сказалъ мнѣ правду, и мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало совѣстно.

Чтобы облегчить нѣсколько свою душу. я купилъ пудъ мыла, разрѣзалъ его съ Михайлою на кусочки и роздалъ бабамъ-ребятницамъ. Бабы за это мнѣ были очень благодарны и вскорѣ объявили, что «вошь все одно», потому что «надо щелоку», а печей нѣтъ и щелоку нѣтъ!

Въ слѣдующемъ городѣ я купилъ уже два пуда мыла и опять роздалъ его бабамъ съ дѣтьми, но Петръ Семеновъ и за это на меня злился: онъ находилъ, что ежели мыло давать, то надо давать и другое многое, безъ чего обходиться нельзя, а тогда нельзя и конецъ положить надобностямъ.

Я начиналъ чувствовать, что я какъ будто порчу дѣло, и что Петръ Семеновъ, того и гляди, какимъ-то извѣстнымъ ему образомъ, отъ меня освободится и уйдетъ одинъ вождемъ всего «котильона».

Предчувствія эти и оправдались.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Черезъ два или три дня послѣ того, какъ Пизарро сказалъ мнѣ свои дерзости, у насъ на орловской баркѣ обнаружилось оригинальное и дерзкое покушеніе противъ власти: въ стѣнкѣ каюты Петра Семенова была просверлена дырочка и въ нее «вправлена соломинка». Приспособленіе это сдѣлалъ какой-то «орловскій шельма» для того, чтобы перепускать черезъ соломинку вшей.

Петръ и Дороѳей этимъ страшно оскорбились и захотѣли во что бы то ни стало «отыскать виновныхъ», а какъ никто въ этой винѣ не признавался, то стали грозить «перестегать съ пятаго на десятаго», но я этому воспротивился, и тогда къ слѣдующему же утру въ стѣнахъ горенки было открыто уже три пропускныхъ дырки.

Петръ еще сильнѣе требовалъ «перелупцовать» всѣхъ, а я не давалъ, и при такихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ мы спустились къ посаду, гдѣ стали на якорь и гдѣ произошло съ нами невѣроятное и удивительное событіе.

Это было вечеромъ подъ какой-то праздникъ, но подъ какой именно, я теперь не припомню. Былъ это праздникъ большой, и Петръ Семеновъ, которому надо было сдѣлать продовольственные запасы, боялся, что завтра онъ ихъ не найдетъ на базарѣ, а потому онъ сейчасъ же отправился на берегъ вмѣстѣ съ сыномъ и съ тремя мужиками, я остался на баркахъ и тутъ-то «народы», не видя между мною и собою никакого средостѣнія, окружили меня и начали мнѣ открывать свои обиды на Петра, который не додавалъ будто имъ и хлѣба и соли, напрасно стѣснялъ ихъ свободу и напрасно же обвинялъ ихъ въ томъ, что они будто просверлили дырки и пускали нечисть.

— Все, молъ, это напраслины, а дырки просверлилъ не кто иной, какъ Петровъ сынъ, Дорошка, по злобѣ на мужика, къ женѣ котораго Дорошка «ластился».

И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ я услыхалъ изъ среды

«народовъ» вопль единодушный и ужасный: эти люди, братья мои, рыдая, вопили, чтобы я сжалился надъ ихъ страданіемъ и пустилъ ихъ на берегъ въ баню, смыть изъязвляющую ихъ нечисть... Они томились, рвались и галлюцинировали «банькой».

Долженъ или не долженъ былъ я внять этой истомѣ и этому моленію моихъ обовшивѣвшихъ братьевъ?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не могу сказать, дѣйствительно ли на берегу топились бани или народамъ такъ хотѣлось мыться, что они галлюцинировали, но они увѣряли меня, что тамъ топятся бани на берегу и что въ бани пускаютъ нынче по грошу и что если ихъ пустятъ, они всѣ вымоются и черезъ часъ назадъ будутъ. Тогда пустить другихъ. Я смотрѣлъ на телѣжника и на Михайлу. Телѣжникъ по своему обыкновенію только улыбался, а Михайло молчалъ, а вопль былъ несносенъ и, въ самомъ дѣлѣ, могъ достигать до Господа. Въ довершеніе картины и для бо̀льшаго мученія моихъ чувствъ выскочилъ какой-то мужичонко и началъ тыкать мнѣ въ глаза маленькаго умирающаго мальчика, у котораго во всѣхъ складкахъ тѣла, какъ живой бисеръ, переливали насѣкомыя.

— Вотъ! — кричалъ мужикъ, — вотъ, смотри это! — а потомъ онъ швырнулъ ребенка на полъ, какъ полѣно, и обнажилъ свои покрытыя лохмотьями ребра, и тутъ я увидалъ, что у него подъ мышками и между его запавшими ребрами нѣчто такое, чего не могу изобразить и чего тогда я не могъ стерпѣть, и сказалъ:

— Хорошо!.. На мнѣ будетъ отвѣтъ за васъ, но я вамъ дамъ денегъ на баню: устройтесь какъ надо и ступайте на берегъ, вымойтесь.

Посадили мы сорокъ человѣкъ на лодки и пустили ихъ на берегъ въ бани подъ надежной командой добраго Михайлы, который долженъ былъ этихъ людей высадить и прислать намъ лодки обратно съ гребцами.

На берегу все еще звонили къ вечернѣ или ко всенощной, и какъ всѣмъ намъ казалось—оттуда вѣтеркомъ доносило запахъ пара и баннаго вѣника.

Я стоялъ на баркѣ и смотрѣлъ, какъ наши лодки доплыли до берега и видѣлъ, какъ люди стали изъ нихъ выходить, — шибко-шибко, одинъ за другимъ, какъ воробьи, выпрыгнули съ живостью, которой трудно было ожидать отъ ихъ неуклюжества, и затѣмъ... лодки стоятъ у берега и назадъ не возвращаются... И намъ туда послать не на чемъ и нѣтъ намъ оттуда ни гласа, ни послушанія...

Это стало удивительно!

Ждемъ полчаса, часъ, наконецъ, становится темно, — никого нѣтъ, а вдругъ въ темнотѣ плескъ веселъ и... является какъ сатана злой и надменный Петръ Семеновъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я чувствовалъ, что случилось что-то дурное, и не ошибся случилось вотъ что̀: отпущенные мною въ баню многострадальные люди, завѣривъ меня, что я за нихъ «не отвѣчу», совсѣмъ не пошли въ баню, а какъ выпрыгнули на берегъ, такъ и *пошли въ Орловскую губернію.*

— Они намъ—вшивая братія—хорошо поусердствовали, и вы ихъ хорошо пожалѣли! — заключилъ Петръ Семенычъ, и сейчасъ же, перейдя съ шутливаго тона въ самый серьезный, добавилъ:—Ну-съ, ждать нельзя! извольте брать съ собою довѣренность и поѣдемте на берегъ: я уже упредилъ начальника и онъ готовъ: сейчасъ надо ихъ догнать! Эта баня экономіи дорого обойдется!

Дѣло приняло такой оборотъ, что всѣ были виноваты, а правъ одинъ Петръ Семеновъ, и потому весь преферансъ былъ на его сторонѣ и надо было ему повиноваться, и повиноваться скоро и безъ разсужденій. Пизарро меня побѣдилъ и уже начиналъ торжествовать свою побѣду. Когда мы проходили къ лодкѣ, онъ шелъ впереди меня съ

фонаремъ и, остановясь возлѣ одной молодой женщины, кормившей грудью ребенка, съ безстыжею наглостью освѣтилъ ея раскрытую грудь своимъ фонаремъ. По груди что-то сѣрѣло, точно тюль, и эта тюль двигалась, смѣшиваясь у соска съ каплями синяго молока, отъ котораго отпалъ ребенокъ.

Уста Пизарро искривила презрительная улыбка и онъ отхватилъ фонарь и проговорилъ:

— Какъ не повѣрить, что мой сынъ на этакую прелесть польстится!

Мы плыли въ гордомъ молчаніи, но какъ только вышли на берегъ, Петръ сейчасъ же настойчиво спросилъ у меня мою довѣренность и требовалъ, чтобы я самъ въ дѣло не мѣшался, а подождалъ его въ трактирѣ. Теперь онъ прямо говорилъ мнѣ, что я могу испортить все дѣло.

Я ему повѣрилъ, и онъ поѣхалъ къ чиновнику, урядъ котораго былъ мнѣ не ясенъ: Петръ называлъ его то исправникомъ, то просто начальникомъ, и вскорѣ же съ нимъ и съ его тремя казаками они погнались за бѣглецами, которыхъ безъ труда догнали на пятой верстѣ, оборотили ихъ и погнали назадъ подъ прикрытіемъ тѣхъ же трехъ полицейскихъ казаковъ, изъ которыхъ опять, какъ и въ Орлѣ, только у одного была пика.

Несмотря на ночной сумракъ, я видѣлъ какъ ихъ «гнали». Передъ этимъ шелъ дождь, а почва была глинистая, и было смѣшно и жалко смотрѣть, какъ они шлепали и какъ ноги ихъ волоклись и расползались по мокрой глинѣ, при чемъ гдѣ скользила и падала одна передняя пара — то же самое продѣлывали и всѣ другіе, точно въ самомъ дѣлѣ вели котильонъ съ повтореніемъ фигуръ.

Петръ Семеновъ возвращался съ исправникомъ на дрожкахъ и держалъ себя съ нимъ съ большимъ достоинствомъ. Меня онъ ему отрекомендовалъ короткой фразой:

— Вотъ это на ихъ имя довѣренность — и больше не сказалъ ни слова.

А завернутый въ шинель исправникъ послѣ этого нагнулся и прошепталъ мнѣ на ухо:

— Прошу васъ поспѣшить ко мнѣ въ домъ... мы должны съ вами говорить. Пожалуйста, сію минуту!

Онъ опять запахнулся, и я замѣтилъ, что у него была какая-то звѣзда подъ капюшономъ шинели. Онъ поѣхалъ, и я прошелъ къ нему и ждалъ его довольно долго и въ самомъ противномъ душевномъ настроеніи.

«Господи!—думалъ я,—какъ я дурно сдѣлалъ! но могъ ли я ожидать, что эти взрослые люди будутъ такъ безразсудны, что они покинутъ женъ и дѣтей и станутъ убѣгать куда-то, при ясной очевидности, что имъ убѣжать невозможно! Ручного барсука смѣло пускаютъ въ лѣсъ на охоту, оставляя взаперти его самку съ дѣтьми, и барсукъ не убѣгаетъ, а возвращается въ неволю къ своей самкѣ!.. А это вѣдь все-таки люди!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

У меня было время подумать и о томъ, какъ имъ будетъ стыдно, когда ихъ опять посадятъ на барки... Да, и мнѣ завтра будетъ стыдно на нихъ глядѣть... А исправника все еще нѣтъ, какъ нѣтъ... и мнѣ очень скучно въ его кабинетѣ, а уйти неловко, да притомъ оказалось, что мнѣ и нельзя уйти, потому что солдатъ, проводившій меня сюда, ушелъ и дверь за собою заперъ, такъ что я остался подъ арестомъ.

Въ такомъ непріятномъ положеніи я старался развлечь себя чѣмъ могъ. Къ моему счастію, здѣсь были книги и притомъ такія, которыми въ тогдашнее время интересовались,—напримѣръ, лекціи московскихъ профессоровъ: Кудрявцева, Грановскаго, Геймана и Рулье «О городской ласточкѣ», «Письма» Герцена, «Объ изученіи природы» съ достопамятнымъ вступленіемъ, «Во славу Цереры, Помоны и ихъ сродниковъ» и русская Библія съ казенною сургучною печатью на переплетѣ.

Эта, очевидно, попала сюда по какому-нибудь особому случаю и жила въ исправницкой библіотекѣ не «въ родѣ арестанта».

Такъ какъ эта книга была тогда большою рѣдкостью, то я началъ ее просматривать и не замѣтилъ, какъ явился домой хозяинъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Исправникъ или, какъ оказалось, *неисправникъ* этотъ былъ молодой человѣкъ и, повидимому, принадлежалъ къ числу «образованныхъ дворянъ».

Когда я его видѣлъ на дрожкахъ, завернутымъ въ шинель съ страннымъ орденомъ, сверкавшимъ изъ-подъ капюшона, онъ мнѣ казался человѣкомъ солиднымъ, какъ и надлежитъ быть исправнику, а теперь, когда онъ снялъ шинель, передо мною явилась просто «фитюлька», и вдобавокъ фитюлька эта вела себя чрезвычайно неосновательно. Во-первыхъ, этотъ молодецъ вбѣжалъ къ себѣ запыхавшись и напѣвая: «Услышь меня — полюби меня!»; а во-вторыхъ, онъ удивился моему здѣсь присутствію, а потомъ началъ извиняться и хохотать.

— Что прикажете дѣлать? — заговорилъ онъ, — дѣлаешь то, что можешь, и позабудешься, но за то, слава Богу, все кончено: я всѣхъ выпоролъ!

— Кого выпороли?

— Этихъ вашихъ сорокъ бунтарей... Надо бы, конечно, отобрать зачинщиковъ, да вашъ старикъ такъ просилъ, чтобы не отбирать, а лучше «всѣхъ», да и что въ самомъ дѣлѣ ихъ разбирать!

— Но позвольте... вѣдь это какое-то недоразумѣніе!.. всѣ сорокъ человѣкъ... Куда они побѣжали и такъ безропотно опять вернулись сюда...

Молодой человѣкъ расхохотался.

— О, да! и не говорите! Болваны! Я вамъ откровенно скажу, наши люди—это болваны!.. Представьте вы въ моемъ положеніи англичанина! — вѣдь онъ бы, я увѣренъ, расте-

рялся, но мнѣ настоящее знаніе этого народа даетъ на него настоящія средства. И это почему-съ? потому что я здѣсь родился и выросъ! Когда вашъ мужикъ пришелъ и говоритъ: «помогите — сорокъ человѣкъ убѣжало», я подумалъ: что дѣлать? Мой начальникъ въ отъѣздѣ, а я самъ вѣдь ничего не значу и не имѣю никакихъ правъ: вѣдь я простой приказный, я секретарь, не болѣе того, но я знаю этотъ народъ; и потому я взялъ трехъ калѣкъ, надѣлъ шинель съ пристегнутой къ ней большой пряжкой, догналъ бѣглецовъ, скомандовалъ имъ: «сволочь, назадъ!» и всѣхъ ихъ привелъ назадъ и перепоролъ. Моя пряжка дѣйствуетъ удивительно: я гоню ихъ назадъ, какъ Фараонъ, привожу и всѣхъ ихъ сѣку; и не забудьте: сѣку ихъ при ихъ же собственномъ великодушномъ и благосклонномъ содѣйствіи: они другъ друга держатъ за ноги и за руки, и сидятъ другъ у друга на головахъ, и потомъ я ихъ отправлю на барку, и все кончено. Они отплываютъ, а я стою на берегу и думаю: «Ахъ, вы, соръ славянскій! Ахъ, вы, дрянь родная!» Пусть бы кто-нибудь самъ-третей продѣлалъ этакую штуку надъ сорока французами!.. Чорта-съ два! А тутъ все прекрасно... И это еще, не забудьте, съ моей простой пряжкой; но если бы у меня былъ настоящій орденъ!.. О, если бы у меня былъ орденъ! Съ настоящимъ орденомъ я бы одинъ цѣлую Россію выпоролъ! А ваши вещи всѣ на пристани... Тамъ ваше все... Васъ нельзя было оставить съ переселенцами... Вашъ Петръ говоритъ, что онъ иначе не отвѣчаетъ за спокойствіе, и я это понимаю: это справедливо; онъ и довѣренность вашу увезъ съ собой, и прекрасно сдѣлалъ, а то надо было бы о васъ доносить.

— Что же такое надо бы обо мнѣ доносить?

— Да вотъ, что вы дѣлали всеобщее возмущеніе.

И тутъ онъ объяснилъ мнѣ, что спущенная мною на сушу группа взбунтовавшихся крестьянъ могла вызвать движеніе, за которое, можетъ-быть, пришлось бы множество людей сослать, а теперь, благодаря его находчивости, все

окончилось только тѣмъ, что онъ сорокъ человѣкъ перепоролъ и меня оставилъ...

Мнѣ оставалось его поблагодарить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ тѣхъ поръ, какъ происходило описанное приключеніе, уплыло много лѣтъ и многое измѣнилось. Кое-что даже и серьезно улучшилось, но слухи, доходящіе до столицъ о движеніи переселенцевъ, приносятъ однако все старыя, давно знакомыя вѣсти, изъ которыхъ приходится заключать, что тутъ два стимула остаются неизмѣнными: 1) «народы» поднимаются, не зная куда, и возвращаются, не зная зачѣмъ, и 2) «народы», во все время своего слѣдованія, все еще «чухаются» и «ищутся», потому что ихъ «пожираетъ вошь». Послѣднее отвратительно до такой степени, что объ этомъ никто не рѣшается серьезно говорить, а только упоминаютъ вскользь. И вотъ именно поэтому-то, можетъ-быть, дѣло съ «исканіемъ» все и остается въ своемъ прежнемъ, ужасномъ положеніи; а это есть большое народное бѣдствіе, которое промалчивать въ печати стыдно и жестоко. Нечистота противна, пѣсни объ этомъ, за фортепіаномъ сидя, не споешь и баллады на эту тему не напишешь, но надо отложить брезгливость въ сторону и настойчиво говорить о нечисти, чтобы ее уничтожить. Это настоящая *египетская казнь!* Партія переселенцевъ, плывшая въ 1892 г. во Владивостокъ, «обчесалась» въ виду Коломбо, но ей въ этомъ ничѣмъ не помогли и люди такъ поплыли чесаться далѣе!.. Пусть знаютъ нашихъ, каковы мы въ гости ѣдемъ! А въ собраніи Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ въ Петербургѣ, 14-го марта 1893 года, читали и говорили, что средствъ для помощи переселенцамъ мало, что ихъ недостаетъ «на самыя вопіющія нужды», и что «крайнее скопленіе переселенцевъ развиваетъ болѣзни», а вслѣдствіе того «они заражаютъ бараки, въ которыхъ ихъ помѣщаютъ». По этому поводу общество взы-

ваетъ къ «участію земствъ». А я считаю умѣстнымъ разсказать здѣсь въ «Переселенческомъ сборникѣ» то, что я видѣлъ на переселенческой баркѣ, чтобы напомнить покровителямъ странныхъ, что *самое большее бѣдствіе для переселенцевъ это есть поѣдающая ихъ нечисть.* Отчего ничье милосердіе не встрѣчаетъ ихъ по дорогѣ и не моетъ ихъ въ баняхъ! Вѣдь они все заразятъ, гдѣ ни приткнутся! Гейне былъ правъ, говоря, что «кто любитъ народъ, тотъ долженъ сводить его въ баню». И это первое, за что надо взяться повсемѣстно, какъ только «продуктъ природы» надвигается.

СИБИРСКІЯ КАРТИНКИ

XVIII-го ВѢКА.

Изъ дѣлъ сибирской старины.

РАЗСКАЗЪ.

«Наше историческое развитіе
шло по своему».
Н. Данилевскій.

Отъ автора.

Настоящему разсказу о дѣлахъ, происходившихъ въ Сибири въ XVIII вѣкѣ, необходимо предпослать нѣсколько строкъ вмѣсто предисловія.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1882 годъ на первомъ мѣстѣ было начато печатаніемъ изслѣдованіе Вакха Гурьева, подъ заглавіемъ: «Исповѣдный штрафъ въ Сибири въ теченіе прошлаго XVIII-го вѣка». Авторъ этого изслѣдованія, Вакхъ Гурьевъ, былъ православный священникъ и происходилъ изъ сибирскихъ уроженцевъ; близко знавъ дѣла этого обширнаго азіатскаго края, онъ сдѣлалъ себѣ въ литературѣ извѣстность нѣсколькими достойными вниманія изслѣдованіями о сибирской старинѣ. Изслѣдованіе Гурьева объ «исповѣдномъ штрафѣ» тоже обѣщало представить очень живой историческій и этнографическій интересъ; лю-

бопытство, возбужденное появленіемъ статьи въ московскомъ журналѣ, не было однако вполнѣ удовлетворено, потому что изъ всего изслѣдованія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напечатано только три главы, а остальное обѣщано впредь, но продолженія не было. Не было продолженія этой статьи и ни въ какомъ другомъ изданіи, а въ законченномъ въ 1892 году трудѣ В. И. Межова: «Сибирская библіографія» (№ 6972), «Исповѣдный штрафъ» Вакха Гурьева прямо показанъ неоконченнымъ *).

Свѣдѣніе это надо считать наиобстоятельнѣйшимъ, для котораго излишни были бы повѣрки, но и онѣ были сдѣланы и принесли тѣ же самые результаты: большая исторія, описаніе коей было начато по документамъ и живымъ, устнымъ разсказамъ и повѣстямъ, остается въ зачаточномъ положеніи, безъ развитія и безъ конца, а потому и не приводитъ читателя ни къ какому опредѣлительному выводу и заключенію.

Была ли рукопись этого изслѣдованія доведена Вакхомъ Гурьевымъ до конца—неизвѣстно, равно какъ неизвѣстна и причина, по которой печатаніе «Исповѣднаго штрафа» было въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прервано и неокончено. Можетъ быть, это зависѣло отъ неблагопріятныхъ для литературной работы условій въ положеніи самого автора, который въ это время перемѣнилъ мѣсто и, перейдя на службу въ Царство Польское, умеръ въ Калишѣ 24 іюля 1890 г.

Случай даетъ теперь возможность изложить это дѣло во всей его полнотѣ и законченности, хотя и безъ тѣхъ частностей, которыми располагалъ Вакхъ Гурьевъ, знавшій Сибирь по личнымъ наблюденіямъ и пользовавшійся разсказами другихъ старожиловъ.

Случай же этотъ заключается въ слѣдующемъ. Въ С.-Петербургѣ жилъ и здѣсь же не такъ давно скончался извѣстный сибирскій золотопромышленникъ, генералъ-маіоръ

*) «Сибирская Библіографія», Вл. Изм. Межова (Изданіе И. М. Сибирякова, Спб. 1892 г.), содержащая въ себѣ «Указатель книгъ и статей о Сибири».

Веніам. Ив. Асташевъ, съ которымъ я былъ знакомъ, и отъ котораго подарены мнѣ нѣсколько копій съ дѣловыхъ бумагъ, касающихся сибирской жизни. Довольно долгое время бумаги эти лежали у меня неразобранными, а когда я сталъ ихъ просматривать лѣтомъ прошедшаго года, то увидалъ, что въ нихъ есть очень значительная доля того матеріала, который встрѣчается въ обработанномъ видѣ въ изслѣдованіи Вакха Гурьева объ «исповѣдномъ штрафѣ XVIII-го вѣка», и что матеріалъ этотъ не ограничивается тѣмъ, что̀ попало уже въ начало изслѣдованія Гурьева, а идетъ дальше сплошною и неразрывною цѣпью событій до тѣхъ поръ, пока дѣло кончается въ тридцатыхъ годахъ истекающаго нынѣшняго столѣтія. Матеріалъ даетъ возможность закончить недоконченное изслѣдованіе объ «исповѣдномъ штрафѣ», который находчивостью сибирскихъ дѣятелей переходитъ въ другое дѣло — «о небытіи», потомъ въ дѣло «о скверноядствѣ», и наконецъ—«о простотѣ», въ которой все и «тонетъ въ тундрахъ Сибири».

Крайне заинтересованный этимъ оригинальнымъ дѣломъ, я рѣшился изложить его въ нижеслѣдующемъ разсказѣ, причемъ—дабы сохранить изложенію цѣльность — долженъ былъ вкратцѣ сказать опять и о томъ, что̀ уже разсказано въ трехъ главахъ повѣствованія В. Гурьева въ «Русскомъ Вѣстникѣ», съ тою, однако, разницею, что какъ я не знаю мѣстныхъ преданій о всей этой исторіи, то я ихъ и не касаюсь, а веду весь разсказъ гораздо кратче и уже, чѣмъ разсказъ Гурьева, пущенный въ первыхъ трехъ главахъ широко—до чрезвычайности.

Я держусь въ моемъ изложеніи дѣла однѣхъ бумагъ, и притомъ, — какъ я имѣю основаніе думать, — именно тѣхъ самыхъ бумагъ, которыми пользовался для своего начатаго и недоконченнаго труда Вакхъ Гурьевъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Среди явленій русской жизни въ Сибири чрезвычайно характернымъ и любопытнымъ представляется борьба свѣт-

скихъ и духовныхъ властей съ крещеными сибирскими инородцами и другими людьми, которые не понимали важности принятыхъ ими на себя обязанностей. Особенно много заботъ было о томъ, чтобы они не уклонялись отъ исповѣди.

Архивы сибирскихъ консисторій, духовныхъ правленій и губернскихъ и воеводскихъ канцелярій хранятъ до сихъ поръ множество дѣлъ «о небытіи», «о скверноядствѣ» и «о злоупотребленіи простотою», изъ которыхъ рачителемъ сибирской старины сдѣланы были нѣкоторыя выписки, приведенныя здѣсь нами въ порядокъ.

Дѣло, о которомъ будетъ рѣчь, сначала получило названіе «о небытіи», подъ которымъ и упоминалось въ бумагахъ. Началось оно при Петрѣ Великомъ и, какъ думаютъ нѣкоторые, — по его мысли, а во всякомъ случаѣ по его указу 14-го февраля 1716 года (т.-е. за девять лѣтъ до его кончины). Въ указѣ томъ «великій государь велѣлъ всякаго чина людямъ у отцовъ духовныхъ повсегодно исповѣдываться, а ежели кто не исповѣдуется, на таковыхъ попамъ подавать росписи архіереямъ, а имъ тѣ росписи отсылать губернаторамъ, а губернаторамъ и лантратамъ класть на тѣхъ людей штрафъ, противъ дохода съ него втрое, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять. А которые прежде податей не платили и явятся виновными, тѣхъ обложить, примѣняясь къ тому же, а съ дѣвокъ и вдовъ противъ онаго вполы. Раскольниковъ же положить противъ настоящаго платежа».

Такимъ образомъ, денежный штрафъ за «небытіе» (т.-е. у исповѣди) былъ наложенъ этимъ указомъ одновременно какъ на раскольниковъ, такъ и на церковныхъ людей, которые въ очень большомъ количествѣ не являлись для исповѣди къ своимъ духовнымъ отцамъ.

Отсюда началось это дѣло; а далѣе сейчасъ мы будемъ видѣть, какъ этотъ источникъ потёкъ по азіатской окраинѣ, гдѣ рѣдкое и бѣдное кочевое населеніе живетъ въ обширномъ разсѣяніи и притомъ «пребываетъ въ состояніи природной простоты и совершенной дикости».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наложеніе штрафа за неявку къ исповѣди сначала поручалось *свѣтскимъ властямъ*, «губернаторамъ и лантратамъ», а по скольку налагать на каждаго человѣка, неявившагося къ исповѣди — на это искали опредѣленія въ указѣ, гдѣ сказано, что надо «класть штрафъ противъ доходовъ съ него (отбѣгальщика) *втрое*». Лантраты поняли такъ, что раскольниковъ нужно «записать въ *двойной* окладъ (платимыхъ ими податей)», а церковныхъ, не явившихся къ исповѣди, слѣдуетъ оштрафовать *втрое*. И многіе такъ и сдѣлали, а чрезъ это вышло, что раскольники, заплатившіе двойной окладъ, «отводили исповѣдную повинность» дешевле, чѣмъ православные, которыхъ лантраты обложили штрафомъ «втрое противъ доходовъ съ нихъ». Православные, увидавъ изъ этого, что имъ гораздо выгоднѣе совсѣмъ «записаться по двойному окладу», объявили себя раскольниками. Они стали являться къ свѣтскимъ властямъ и просили «записать ихъ въ двойной окладъ», а тѣ это исполняли, и расколъ возрасталъ въ своей численности.

Другіе же люди, которые не хотѣли зачислять себя въ раскольники, «по двойному окладу», стали обращаться къ «приходскимъ попамъ» съ подкупами, чтобы «попы показывали ихъ *бывшими*». Попы брали за это «посулы» и показывали небытейщиковъ «бывшими», и такимъ образомъ реестрація вмѣсто того, чтобы выяснить дѣло, повела къ усиленной лжи. А какъ «посулы» за фальшивыя отмѣтки небытейщиковъ «бывшими» брали одни попы и не дѣлились этими доходами съ причетниками, то среди сихъ послѣднихъ запылала всеобщая зависть противъ настоятелей и пошли на нихъ доносы.

Доносовъ было множество, и представители духовной власти ихъ не скрывали, а напротивъ, охотно направляли ихъ на видъ высшаго начальства, чтобы показать, что свѣтскіе чины не могутъ хорошо вести это дѣло и только

портятъ духовенство, предоставляя ему возможность покрывать виновныхъ въ уклоненіи отъ исповѣди.

Изъ-за этого между свѣтскими чиновниками и приходскимъ духовенствомъ начались споры и «подвохи». Духовное вѣдомство, по убѣжденію, что свѣтскіе неподлежаще записали въ раскольничій окладъ не-раскольниковъ, «посылало *своихъ фискаловъ* для розыска, а свѣтскія власти, потакавшія раскольщикамъ, схватывали посланцевъ духовнаго вѣдомства и сажали ихъ скованныхъ въ тюрьмы и держали подъ крѣпкимъ карауломъ и оному изслѣдованію о раскольникахъ и духовныхъ дѣлахъ чинили тѣмъ сущую остановку» *). Свѣтскія же власти въ отпоръ этимъ укоризнамъ со стороны лицъ духовныхъ вывели на видъ, что «многіе священники въ поданныхъ ими духовныхъ росписяхъ за 1716 и 1717 годы (самые первые послѣ указа) многихъ дѣтей своихъ духовныхъ неисповѣдавшихся написали исповѣдавшимися, *а дѣйствительно бывшихъ у исповѣди* по злобѣ своей на нихъ *записали небывшими*».

О злоупотребленіяхъ въ подобномъ родѣ завелось множество дѣлъ, шли безконечные допросы, сыски и очныя ставки, а между духовными и свѣтскими чиновниками поднялась такая ожесточенная распря, что высшее правительство увидало необходимость быстро и энергично вмѣшаться въ это дѣло и дать ему другое направленіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Десятаго и семнадцатаго марта 1718 года послѣдовали высочайшіе указы, которыми (10 марта 1718) категорически опредѣлялось: «по сколько именно надлежитъ брать штрафа съ разнаго званія людей, отбѣгающихъ исповѣди».

Назначено брать «съ разночинцевъ и посадскихъ въ первый годъ по одному рублю, во второй — по два, а въ третій—по три, а съ поселянъ въ первый разъ по десяти

*) Указъ св. синода 29-го марта 1721 г.

денегъ, во второй — по гривнѣ, а въ третій — по пяти алтынъ». А чтобы штрафъ за небытіе взыскивался безъ попустительства и безъ пререканій между особами свѣтскаго и духовнаго чина,—все это дѣло передавалось въ завѣдываніе лицъ одного духовнаго вѣдомства,—а прежнимъ взимателямъ штрафа изъ особъ свѣтскаго званія настоящими указами предоставлялось только наказаніе виновныхъ. Заниматься взысканіемъ было, разумѣется, гораздо прибыльнѣе, чѣмъ наказывать несостоятельныхъ плательщиковъ, и потому свѣтскія власти описанною перемѣною были недовольны и стали дѣлать духовенству помѣхи.

Духовенству же съ «набытіемъ правъ» по сбору штрафовъ за небытіе прибыло и «страхованія», и «страхованія» эти были не шуточныя. Въ указѣ читаемъ: «А буде о тѣхъ, кто у исповѣди не будетъ, а священникъ о томъ не донесетъ и за такую его манў (sic) взять на немъ штрафъ первое пять рублевъ, второй—десять, а третій—пятнадцать рублевъ. А ежели по тѣмъ (т.-е. и послѣ третьяго штрафа) явится въ такой же манѣ и зато изверженъ будетъ священства».

И еще это «страхованіе» было усилено тѣмъ, что повелѣно было «по изверженіи» священниковъ «взять ихъ имѣніе», а самихъ ихъ «отсылать для наказанія къ гражданскому суду и въ каторжную работу».

Извѣстясь о такихъ указахъ, особы духовнаго чина не сразу разобрали: «пришло ли къ нимъ торжество или горечь». Дѣло оштрафованія «небытейщиковъ» обѣщало, конечно, хорошія выгоды, но и «страхованія» съ изверженіемъ и отъятіемъ, а наипаче съ преданіемъ въ руки свѣтскихъ приказныхъ наводило на духовныхъ ужасъ, который тѣмъ легче понять, что «свѣтскіе» питали зло на духовенство за передачу въ ихъ руки самой выгодной части дѣла, и теперь приказные, по всѣмъ вѣроятіямъ, не дадутъ спуску тѣмъ изъ духовныхъ, которые попадутся въ ихъ руки.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Особы свѣтскаго чина и дѣйствительно начали держать себя гордо и не уступали духовенству ни одного шага безъ непріятностей. Даже въ самомъ началѣ приказные манкировали требованіемъ духовенства. Съ 1718 по 1721 годъ духовное вѣдомство даже не добилось еще, чтобы свѣтскіе сообщили ему списки небытейцевъ. Губернаторы, камериры и лантраты относились столь небрежно къ требованіямъ представителей церковной власти, что часто вовсе не отвѣчали на бумаги архіереевъ и тѣ только «съ безнадежностью» доносили объ этомъ московскому приказу церковныхъ дѣлъ. Однообразія въ дѣйствіяхъ не было, а повсемѣстно дѣло шло гдѣ какъ попало: въ одномъ мѣстѣ «небытейщиковъ» штрафовали священники, въ другомъ—приказные, и тѣ и другіе по своему безсудили однихъ и мирволили другимъ, а взысканныя деньги «представляли по своей командѣ», или даже вовсе не представляли. Шла вообще полная безурядица, съ которою московскій церковный приказъ уже не могъ найти накакого толку, и тогда за дѣло это взялось новое высшее церковное учрежденіе—св. правительствующій синодъ.

Только-что учрежденный тогда синодъ тотчасъ же оцѣнилъ значеніе дѣла о «небытейщикахъ» и указами отъ 20-го и 21-го чиселъ марта 1721 года сообщилъ въ сенатъ «вѣденіе», а епархіальнымъ архіереямъ послалъ указы, «чтобы впредь собираемые съ раскольниковъ и съ небывшихъ у исповѣди штрафы, опричь онаго святѣйшаго правительств. синода, въ другія мѣста не отсылать и опредѣленному въ Москвѣ камериру тѣхъ штрафныхъ денегъ и объ нихъ вѣдомостей не отдавать *)».

Такимъ энергическимъ и твердымъ мѣропріятіемъ св. синода былъ положенъ конецъ нахальному непослушанію

*) Указы св. синода 20-го и 29-го марта 1721 года.

приказныхъ свѣтскаго званія, но за то возникли теперь недоразумѣнія въ самомъ московскомъ приказѣ церковныхъ дѣлъ, которыми въ это время управлялъ архимандритъ Златоустовскаго монастыря Антоній.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Подъ пригрозою св. синода свѣтскіе приказные сдали въ духовныя правленія «свѣденія и отписки» о небытейцахъ, но дѣла эти были въ такомъ видѣ, что въ нихъ нельзя было доискаться толку.

Златоустовскому архимадриту Антонію поручено было разобрать и привести въ ясность всѣ безпорядочно сунутыя съ рукъ приказными бумаги, а когда онъ разобрался, то увидалъ, что сами правительственныя указанія о тѣхъ, кого надо штрафовать, до сихъ поръ еще не ясны. Такъ наприм., архимадритъ недоумѣвалъ: «какой штрафъ наложить и требовать съ людей, которые не подходили ни къ купеческому, ни къ крестьянскому сословію, и изъ числа коихъ являлись *многіе сирые и убогіе*, именно: солдаты, драгуны, ямщики и жены ихъ, зеленщики, каменьщики, ученики латинской и математической школы, оружейники, столяры, *сторожа церковные*, *звонари соборные*, приказные сторожа и *приставы*, люди боярскіе, сокольники и ихъ работники и работницы, шляпнаго и суконнаго дворовъ ученики и работники, *дому государева нижніе чины и дворовые люди*, хлѣбники, калашники, блинники, харчевники, масленники, печатнаго двора батыйщики и тередорщики и работные люди, кожевенники, портные мастеры, сапожники, канатчики, свѣчники, плотники, швальчики, пивовары и богадѣленные нищіе мужеска и женска полу».

Внимательный златоустовскій архимандритъ основательнымъ изученіемъ дѣла обнаружилъ такое положеніе, которое еще не было въ виду правительства, но которое, однако, вполнѣ соотвѣтствовало живописанію Посошкова, въ его «изъявленіи очевидности лицемудрія», гдѣ онъ писалъ, что

у насъ «аще подкрѣпленія (указами) не будетъ, то и впредь вси по прежнему въ церковь ходить не будутъ» *). Небытейщиковъ приходилось забирать и штрафовать не въ отдаленныхъ дебряхъ и пустыняхъ, а въ покровительствуемыхъ императоромъ новоучрежденныхъ школахъ, при собственномъ государевомъ дворѣ и, наконецъ, даже при самыхъ приходскихъ церквахъ и соборахъ, гдѣ сторожа и звонари упрямо не хотѣли «отбывать исповѣдь», а въ то же время эти упрямцы были такъ «сиры и бѣдны», что въ штрафъ съ нихъ нечего было взять ни въ первый разъ, ни во второй, ни въ третій.

Архимандритъ, обнаруживъ такое удивительное состояніе въ церковномъ благоустройствѣ, не испрашивалъ въ виду этого новыхъ попечительныхъ мѣропріятій, которыя, можетъ быть, теперь были бы умѣстны, а только представилъ вопросъ: «съ вышеозначенныхъ разночинцовъ скудныхъ и бѣдныхъ рублевый ли штрафъ или за скудость *по усмотрѣнію и обыску* умалять — поселенскій ли или противо купечества штрафъ имать?» Далѣе онъ спрашивалъ: «какъ поступать съ тѣми, которые въ податныхъ книгахъ написаны неисповѣдавшимися, а послѣ той переписи и поданія книгъ померли?» Или—«съ тѣми, кои временно проживали въ домахъ на квартирѣ или въ работникахъ и при перепискѣ записаны въ этихъ домахъ, а когда наступило время взысканія съ нихъ штрафа, они въ тѣхъ домахъ уже не оказались». Архимандритъ Антоній спрашивалъ у св. синода разрѣшенія, съ кого въ таковыхъ случаяхъ взыскивать штрафъ: «съ хозяевъ ли тѣхъ домовъ, или велѣть имъ тѣхъ людей отыскивать».

Такихъ осмотрительныхъ и осторожныхъ людей, какъ глава московскаго приказа церковныхъ дѣлъ, архимандритъ Антоній, оказалось довольно много. Въ виду «страхованія» и «пригрозъ», послѣдовавшихъ изъ синода, исполнительныя лица духовнаго вѣдомства старались дѣйствовать какъ

*) См. Сочиненія Посошкова, стр. 10.

можно осмотрительнѣе и, не принимая на себя ничего, что имъ могло казаться хотя маломальски сомнительнымъ, съ разныхъ сторонъ слали въ синодъ свои многочисленные вопросы и «ожидали на нихъ въ разъсненіе указовъ».

Въ синодѣ скоро образовалось огромное скопленіе бумагъ этого рода, изъ которыхъ каждая требовала «наставленій, указаній и точныхъ и явныхъ опредѣленій». Синодъ былъ обремененъ этими бумагами и по многимъ изъ нихъ сносился съ сенатомъ, а сенатъ требовалъ свѣдѣній отъ губернаторовъ,—синодъ дѣлалъ замѣчанія архіереямъ, а архіереи своимъ подначальнымъ администраторамъ, и все это при медлительности тогдашнихъ сношеній и при умышленномъ «препирательствѣ» и «отпискахъ» со стороны представителей разныхъ вѣдомствъ страшно увеличивало громадность дѣлъ, заведенныхъ о «небытіи», изъ котораго въ результатѣ не выходило *ничего!*

Но здѣсь, въ Европейской Россіи, съ розысками «небытейщиковъ» все-таки не встрѣчалось такихъ достойныхъ памяти затрудненій, какія обнаружились въ Сибири, гдѣ разстоянія огромны, полу-кочевое народонаселеніе рѣдко и дико, а духовенство было въ тогдашнее время совершенно необразованно и имѣло за себя такихъ «крѣпкихъ» представителей, какъ Арсеній Мацѣевичъ, Павелъ Конюшкевичъ и другіе, любившіе постоять за свою власть. Тутъ нашлись настоящіе борцы для борьбы съ «свѣтскими властителями», и раченія ихъ достойны долгой памяти въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ Сибирь вопросъ о сыскѣ людей, не бывающихъ у исповѣди, пришелъ не сразу, но зато здѣсь онъ получилъ серьезную постановку. Первые «строжайшіе указы» о сыскѣ виновныхъ въ небытіи и о взысканіи съ нихъ штрафа пришли при митрополитѣ сибирскомъ Филоѳеѣ Лещинскомъ, который былъ настроенія аскетическаго и шум-

ныхъ дѣлъ мірского характера не любилъ *), и потому, несмотря на всю строгость указовъ, повелѣвавшихъ немедленно начать безконечное дѣло «о небытіи», онъ не обратилъ на эти указы никакого вниманія. Или онъ былъ добръ и не хотѣлъ тѣснить людей, или, хорошо зная условія жизни сибирскихъ дикарей и полудикарей, онъ понималъ, что тамъ требуемое дѣло сдѣлать нельзя, а что отъ возни съ нимъ придетъ только порча на тѣхъ, кто начнетъ съ нимъ справляться. Дѣло тронулось только послѣ того, какъ Филоѳей отошелъ, въ 1721 году, на покой и на мѣсто его былъ сдѣланъ сибирскимъ митрополитомъ черниговскій архіерей Антоній Стаховскій. Съ этихъ поръ дѣло «о небытейцахъ» получаетъ движеніе и все возвышается строгая о немъ требовательность, а съ тѣмъ вмѣстѣ разыгрывается и полнѣйшая невозможность выполнить надъ небытейщиками все то, что требовалось. Новый сибирскій іерархъ**) распорядился, чтобы сибирскіе священники въ концѣ церковныхъ богослуженій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ «читали бы *всѣ преждесостоявшіеся* высочайшіе указы о хожденіи къ церквамъ и *о бытіи наипаче* (курсивъ подлин.) у исповѣди», но на этой почвѣ дѣло не шло, и новый іерархъ (третій послѣ полученія указовъ «о небытіи») ***) Варлаамъ Петровъ (другъ губернатора), черезъ пятнадцать лѣтъ повелѣлъ сибирскому духовенству смотрѣть на «взысканіе штрафа за небытіе» какъ на «само-

---

*) Сибирскій митрополитъ Филоѳей Лещинскій правилъ митрополіею *будучи въ схимѣ*. Онъ былъ на митрополіи съ 1702 года, и въ 1711 году принялъ въ тюменьскомъ монастырѣ схиму съ именемъ Ѳеодора; но «по указу» въ 1715 году опять былъ назначенъ къ управленію каѳедрою, и какъ разъ попалъ подъ нетерпѣливыя настоянія о взысканіяхъ за «небытіе». Отошелъ на покой въ 1721 г. и почилъ 1727 г.

**) Митрополитъ сибирскій Антоній Стаховскій съ 1721 года. — † 7-го марта 1740 г. (изъ малороссіянъ). См. указъ его отъ 29-го апрѣля 1737 года.

***) Варлаамъ Петровъ (хирот. 1768 † 1802), архіепископъ тобольскій.

нужнѣйшее *государственное дѣло»* *). И съ этихъ поръ въ нисходящихъ и восходящихъ бумагахъ по духовному вѣдомству въ Сибири начинаютъ писать объ «исповѣдной повинности» и объ «исповѣдныхъ недоимкахъ».

Дѣло стало трактоваться не какъ религіозное, а какъ *государственная повинность*, которую духовенство должно собирать и доставлять казнѣ. «А наипаче не запускать недоимокъ».

Интересы высшаго и правящаго духовенства въ дѣлѣ этомъ расходились съ интересомъ приходскаго духовенства, которое представляло тутъ изъ себя инстанцію исполнительную, функціи которой на мѣстахъ «скитанія небытейщиковъ» были, однако, очень затруднительны. Для архіереевъ и ихъ консисторій было интересно, чтобы «оклады» за «небытіе» достигали цифръ какъ можно болѣе значительныхъ, а приходскіе іереи, которымъ надо было ѣздить да «сыскивать», встрѣчались съ такими практическими трудностями, которыя преодолѣвать было очень трудно, и поэтому священникамъ хотѣлось, чтобы «сыску» было какъ можно менѣе. Поэтому священники находили для себя удобнѣе и выгоднѣе не умножать числа «небытейцевъ», но чтобы это не сходило «небытейцамъ» съ рукъ даромъ,—съ нихъ брали «поминки», которыми и откупались отъ требовальности консисторскихъ приказныхъ, и такимъ образомъ завели по Сибири въ огромныхъ размѣрахъ правильно организованное «попустительство».

Объ этомъ узнали архіереи, и противъ поповъ призваны были дѣйствовать мѣстные агенты духовной администраціи и такъ-называемые «закащики» **), «десятильники» и «члены духовныхъ правленій», которые всѣ должны были наблюдать, чтобы «сыскъ виновныхъ въ небытіи производился неослабно, какъ самонужнѣйшее государственное дѣло», и чтобы приходское духовенство не мирволило небытейцамъ.

Но когда епископы пригрозили «закащикамъ»—эти по-

*) 10-го іюля 1786 г. (Дѣл. арх. томск. дух. консист.).

**) «Закащиками» въ Сибири называли «благочинныхъ».

слѣдніе напугались и въ огражденіе себя отъ отвѣтственности стали увѣрять, что «самонужнѣйшаго дѣла» въ Сибири совсѣмъ невозможно исполнить, и на этотъ счетъ были представлены объясненія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Закащики объясняли, что многимъ крещенымъ людямъ въ Сибири «невозможно отбыть исповѣдную повинность, потому что вблизи ихъ жительства на весьма далекое разстояніе нѣтъ вовсе церквей, а нѣкоторыя церкви хотя постройками и окончены, но еще не освящены и не снабжены утварью, а при другихъ, находящихся въ зѣло бѣдственномъ состояніи, издавна нѣтъ священниковъ, а гдѣ есть и священники, то у тѣхъ въ говѣйной порѣ не бываетъ ладану и вина, и совершать евхаристію не на чемъ и невозможно». «А люди хотя и окрещены, но остались въ первобытной дикости, и кочуютъ и скитаются въ мѣстахъ недоступныхъ» *).

Донесенія «закащиковъ» были, конечно, не голословныя, а подкрѣплялись точными указаніями, которыхъ невозможно да и нѣтъ никакой нужды воспроизводить здѣсь во всей подробности, но для образца можно отмѣтить, что въ самой тобольской епархіи, которою управлялъ еп. Варлаамъ (Петровъ), сдѣлавшій штрафъ за небытіе «государственнымъ дѣломъ», прихожане «цѣлыхъ многолюдныхъ селеній и деревень оставались безъ исповѣди въ теченіе 1758, 1759, 1760 и другихъ годовъ *единственно за неосвященіемъ церквей*». А сколь эти села и деревни были многолюдны — открывается изъ подробныхъ росписей **), изъ коихъ видно, напримѣръ, что въ слободѣ Бѣлоярской, въ томскомъ и барнаульскомъ заказахъ не исповѣдывались

*) См. дѣла и духовныя росписи за обозначенные годы, хранимыя въ архивѣ, помѣщающемся въ колокольнѣ томскаго Алексѣевскаго монастыря.

**) При тѣхъ же дѣлахъ подъ колокольнею.

2 тыс. человѣкъ, въ берскомъ острогѣ — 3.155 человѣкъ, въ селѣ Тальменскомъ — 1.645 чел., въ селѣ Легостаевскомъ—1.306 чел., въ селѣ Чингисскомъ—1.300, въ селѣ Кособоковскомъ — 1.805, въ с. Космалинскомъ — 1.874, а всего въ этой одной мѣстности тобольской епархіи 13.170 человѣкъ, и хотя всѣ они «не отбыли исповѣдной повинности *единственно* за неосвященіемъ церквей», и стало-быть отнюдь не по уклончивости, а безъ всякой съ ихъ стороны вины, но тѣмъ не менѣе «всѣ эти 13.170 человѣкъ *подверглись штрафу за небытіе*» *). И въ такомъ положеніи были застигнуты жители многихъ мѣстностей сибирскаго края, и вездѣ съ нихъ точно такъ же взыскивали штрафы и *повторяли* эти взысканія во второй разъ и въ третій, и напрасно штрафуемые хотя «не видали своей вины», но «свыклись и обошлись съ положеніемъ, пріемля оное какъ бы за переводъ натуральной повинности въ денежную».

Если бы кому-нибудь похотѣлось избавить себя отъ платежа денегъ и отбыть исповѣдную повинность натурою, то ему для этого оставалось одно средство: ѣхать въ городъ или въ такое село чужого прихода, гдѣ все церковное благочиніе было въ порядкѣ, т.-е. гдѣ былъ освященный храмъ, и при немъ священникъ и причтъ, церковная утварь, ладанъ и вино, и тутъ надо было стать постоемъ на постояломъ дворѣ и ходить къ службамъ церковнымъ, а потомъ отъисповѣдываться и взять въ томъ отписку для предъявленія своему закащику; но это было сопряжено съ такими большими хлопотами и съ такою затратою времени и денегъ, что не представляло крестьянину никакихъ выгодъ, а, напротивъ, большіе убытки въ сравненіи съ уплатою штрафа.

Притомъ же еще и нельзя было разсчитывать, что если поѣдешь исповѣдаться въ отдаленный чужой приходъ, то все это тамъ и отбудешь. Это не всегда удавалось. Изъ дѣлъ видно, что люди, пытавшіеся запастись исповѣдными

*) Дѣло въ архивѣ колокольни томскаго монастыря.

отписками отъ священниковъ чужихъ селъ, «ѣздили въ эти отдаленные приходы напрасно, ибо когда они пріѣзжали туда во время великаго поста, то не заставали тамъ поповъ при своей должности, поелику они были въ то время вытребованы въ заказы и содержались тамъ для объясненій въ теченіе нѣсколькихъ недѣль».

Вызовы же священниковъ въ заказы, какъ видно изъ тѣхъ же дѣлъ, даже «нарочито совпадали со днями постовъ» и были обыкновенно «послѣдствіемъ доносовъ, посылаемыхъ въ заказы отъ дьяконовъ и причетниковъ, съ очевиднымъ разсчетомъ сдѣлать зло священнику, оторвавъ его отъ прихода въ говѣйные дни, когда люди отбываютъ исповѣдную повинность».

Слѣдовательно, сибирякамъ платить штрафъ за небытіе было удобнѣе и выгоднѣе, чѣмъ исполнять требу, и это получило развитіе, а начальство начало смотрѣть на это не только снисходительно, но даже и благосклонно, какъ на оборотъ весьма небезвыгодный для государства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

При такомъ взглядѣ народились и умерли три поколѣнія, и приростъ небытейщиковъ былъ, конечно, огромнымъ. Такъ напримѣръ, по духовнымъ росписямъ барнаульскаго заказа за 1758 годъ, въ слободѣ Малышевской всѣхъ жителей считалось 3.191, а когда стали вмѣсто исповѣди брать деньги, то вдругъ, черезъ четыре только года, тамъ объявилось уже 6.949 душъ (увеличилось на 3.758), въ с. Чингисскомъ было 1.307, а въ 1762 г. стало уже 3.901 (болѣе на 2.594). Въ Змѣиногорскомъ рудникѣ въ 1758 г. было всего 715 чел., а въ 1762 показано уже 2.294 (болѣе на 1.579) и т. д.

Естественнымъ образомъ такой приростъ населенія въ четыре года, конечно, былъ невозможенъ; но такъ какъ онъ фактически былъ налицо, то его остается объяснить тѣмъ, что при денежной повинности явились тѣ люди, которые

ранѣе, при требованіи отъ нихъ натуральной исповѣди, укрывались.

Такимъ образомъ, какъ финансовое мѣропріятіе, обложеніе «небытія» денежнымъ штрафомъ въ самомъ дѣлѣ принесло пользу. Надо только было умѣть собирать съ этихъ людей доходы, отъ платежа которыхъ они не отбѣгали, но сборы, однако, производились неаккуратно и правительство стало обезпокоиваться огромною недоимкою. Въ дѣлахъ есть указъ тобольской духовной консисторіи, отъ 10-го іюля 1786 года, изъ котораго видно, что «въ одномъ заказѣ черезъ пять лѣтъ небывшихъ накоплено 75.102 души, съ коихъ и запущено сбору 100.000 рублей. А какъ священники и закащики не имѣли средствъ какъ «донять» небытейцевъ, то дѣло опять стало клониться къ тому, чтобы раздѣлить операцію между агентами свѣтскаго и духовнаго чина, такъ что духовное вѣдомство должно было «доставлять своевременно самыя вѣрныя свѣденія о числѣ небывшихъ у исповѣди, а свѣтскія власти—распоряжаться наложеніемъ и взысканіемъ штрафа».

Съ этимъ распоряженіемъ ни одинъ энергическій дѣятель въ духовной средѣ сначала не хотѣлъ помириться: духовнымъ вовсе не интересно было исполнять подготовительныя работы для «приказныхъ» и предавать имъ живыхъ людей, которые умѣли цѣнить оказываемыя имъ благодѣянія и выгоды, но практика показала, что духовенство не теряло своего значенія для мірянъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣло: выдать небытейца или покрыть его небытіе.

Услѣдить за тѣмъ, что станутъ дѣлать теперь въ Сибири съ небытейцами, было невозможно; а чтобы понять эту невозможность, припомнимъ себѣ на́-скоро и вкратцѣ: что̀ такое представляло въ тѣ годы церковное благоустройство въ Сибири и какого духа она имѣла тогда іерарховъ и свѣтскихъ сановниковъ, бывшихъ съ тѣми іерархами въ ладахъ или въ контрахъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ началѣ XVIII вѣка, когда начался сыскъ небывающихъ у исповѣди людей, въ Сибири была одна епархія, которая именовалась (до 1768 года) «Сибирскою и Тобольскою». Пространство, занимаемое этою епархіею, было такъ велико, что одному архіерею, какъ бы онъ ни былъ энергиченъ, хорошо править ею, было невозможно. Область этой эпархіи обнимала собою все пространство отъ Уральскаго хребта до Берингова пролива и отъ Ледовитаго океана до сѣверной границы Китая и степей, гдѣ кочуютъ киргизы. Вдоль епархія простиралась на десять тысячъ верстъ, а поперекъ—болѣе чѣмъ на три съ половиною тысячи. И на всемъ этомъ страшномъ пространствѣ архіерей долженъ былъ все окинуть своимъ административнымъ взглядомъ и все въ церковномъ управленіи упорядочить, и «небытейщиковъ сыскать», и обложить ихъ «за небытіе» штрафомъ, и даже произвести самое взысканіе.

Трудность этого управленія увеличивалась еще тѣмъ, что число крещеныхъ людей, подлежащихъ архіерейскому попеченію на всемъ огромномъ пространствѣ Сибири, было невелико, и они не сидѣли на землѣ всплошь къ одному мѣсту, а разметались по обширной странѣ враздробь, гдѣ кому казалось сподручнѣе и выгоднѣе. По ревизіи 1709 года въ Сибири насчитано, кромѣ инородцевъ, немного болѣе 230.000 душъ *), и эти христіане жили по городамъ и селеніямъ, а въ Сибири и города, и селенія разметаны другъ отъ друга на большія разстоянія, начиная отъ 200 и доходя до 500 верстъ и даже болѣе. Пути сообщенія, соединявшіе эти удаленные одинъ отъ другого пункты заселенія, ужасны и понынѣ **). Тогда они были «непроѣздными дорогами» въ настоящемъ, а не фигуральномъ смыслѣ этого слова; а притомъ и эти отчаянныя дороги про-

*) См. «Историческое обозрѣніе Сибири», Словцова, стр. 323.

**) См. письма Антона Чехова.

легали главнымъ образомъ по теченію огромныхъ сибирскихъ рѣкъ: Оби, Иртыша, Енисея и Лены; а вдаль отъ береговъ этихъ рѣкъ и такихъ дорогъ не было.

Церквей на всю Сибирь было тогда числомъ 160, и изъ нихъ *половина* приходилась на городъ Тобольскъ и на селенія, ближайшія къ этому городу, въ которомъ жилъ іерархъ Сибири. Здѣсь онъ и могъ видѣть на извѣстное разстояніе вокругъ своего каѳедральнаго города нѣкоторое церковное благоустройство. Другая же половина всего числа сибирскихъ церквей (составлявшая число около 80-ти) приходилась на всю остальную Сибирь, съ ея разстояніемъ около 10 т. верстъ въ длину и болѣе 3 т. в. въ ширину,— т.-е. онѣ были разбросаны отъ Оби до Амура, и значительнѣйшее число ихъ опять и здѣсь приходилось на города, а въ селеніяхъ церкви были такъ рѣдки, что приходы, къ нимъ приписанные, тянулись отъ 200 до 500 верстъ *). Отсюда ясно, что церковному причту «сыскать» всѣхъ своихъ прихожанъ и объѣхать ихъ во благовременіи съ требами было *невозможно*! Церкви же въ сибирскихъ селеніяхъ того времени всѣ были деревянныя, холодныя и бѣдныя, нерѣдко безъ утвари, а иногда и безъ богослужебныхъ книгъ, а также въ нихъ не было ни ладану, ни краснаго вина, ни муки для просфоръ. А безъ этихъ вещей православной обѣдни служить нельзя и причащать людей нечѣмъ. Запасы всего нужнаго для служенія литургіи приходили сначала «въ каѳедру», т.-е. въ Тобольскъ, а отсюда уже неспѣшно развозились по непроѣзднымъ путямъ отдаленныхъ пунктовъ, достигая къ мѣстамъ назначенія очень нескоро. А потому нерѣдко бывало, что во многихъ церквахъ не служили по полугоду и болѣе, а иныя и вовсе стояли безъ служителей. Такъ напр., томскаго округа въ селѣ Тутольскомъ храмъ оставался безъ священника съ 1779 года по 1801, т.-е. слишкомъ въ теченіе двадцати

*) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1854 г., м. мартъ, отдѣлъ V, стр. 40.

лѣтъ *), а въ чардатской волости того же округа священника не было съ 1725 г. по 1784, т.-е. въ продолженіе шестидесяти лѣтъ!!.. Здѣсь даже причетники перевелись, такъ что между здѣшними обывателями успѣли народиться и свѣковать люди, совсѣмъ не видавшіе лицъ духовнаго сана... **).

И это не было явленіемъ исключительнымъ: «закащики» и изъ другихъ мѣстъ доносили о такихъ же положеніяхъ, а въ 1801 году одинъ «закащикъ» рапортовалъ архіерею Варлааму, что «уѣздныя церкви почти всѣ находятся въ самомъ бѣдственномъ состояніи, а индѣ и во вовсе службу божію оставляютъ».

Духовныя правленія представляли, что въ такомъ положеніи «дѣло о небытіи» нельзя справить такъ, какъ хочетъ начальство; но духовенству поблажки не дано: приходы, въ которыхъ не было священниковъ, приписали на бумагѣ къ сосѣднимъ храмамъ, имѣвшимъ священниковъ, и велѣли продолжать исправлять «небытейцевъ»

А приходы, «соединенные» такимъ образомъ на бумагѣ, въ натурѣ представляли цѣлыя области, «раскидывавшіяся на *нѣсколько сотъ верстъ*». Для образца можно указать, что, напримѣръ, въ приходѣ Ирменской церкви томскаго округа деревня Крутихина остояла отъ церкви на 105 верстъ въ одну сторону, а деревня Панкрушихина — 157 верстъ въ другую ***).

О книжномъ наученіи или о духовномъ назиданіи прихожанъ, конечно, нечего было и думать. «Люди оставались въ первобытной дикости».

Священникъ села Зыряновскаго *въ теченіе 20 лѣтъ* завѣдывалъ приходомъ села Тутомскаго, до котораго отъ его храма было 180 верстъ, а до самой отдаленной деревни этого «соединеннаго прихода» было 300 верстъ.

---

*) Указъ тобольск. д. консист. 9-го ноября 1779 г. и журн. томск. дух. правл. на 12 генв. 1801 г.

**) Указъ тоб. д. консисторіи 11-го мая 1784 года.

***) Ук. тоб. консист., 1766 г.

Понятно, что жители селеній, находившихся въ такихъ отношеніяхъ къ своему приходу, были очень затруднены «исполненіемъ исповѣдной повинности» натурою и имъ было гораздо удобнѣе платить штрафъ за свое «небытіе», къ чему они и стремились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Но и въ тѣхъ сибирскихъ селеніяхъ, въ приходѣ у которыхъ были налицо священники и облаченія, и богослужебныя книги съ ладаномъ, виномъ и мукой для просфоръ и воскомъ, положеніе поселянъ въ отношеніи къ «отбыванію требъ» было не лучше, чѣмъ то, какое выше описано. Такъ, напримѣръ, въ самомъ концѣ XVIII в. жители Мелецкаго острога жаловались архіерею, что «хотя они усердіе ко святой церкви имѣютъ и святыхъ таинъ причащаться желаютъ, но священникъ ихъ, Василій Хавовъ, мертвыхъ не погребаетъ, младенцевъ не креститъ, родильницамъ молитвъ не читаетъ и св. таинъ не пріобщаетъ, а когда жъ прибудетъ въ годъ однажды черезъ почты съ колокольцемъ, съ мертвыхъ тѣлъ за погребеніе беретъ *сполна деньгами* и случится *коньми*, а погребенія нѣтъ *)».

Изъ жалобы этой трудно понять: какъ при такомъ священникѣ жители обходились съ мертвыми, т.-е. сберегали ли они трупы до пріѣзда священника, или хоронили безъ него, а онъ по прибытіи своемъ только «бралъ за погребеніе сполна деньги», или «коньми», а самаго погребенія не пѣлъ и опять отъѣзжалъ съ почтою?

Исканіе лучшихъ людей, болѣе соотвѣтствующихъ исполненію священническихъ должностей, не представляло никакого успѣха. Священники въ Сибири были столь необразованны, что «отъ простого мужика-поселянина отличались только одною букварною грамотою». Большею частію они «только умѣли *читать* церковно-славянскую грамоту, и *умѣнье писать признавалось высшею степенью образованія.*

*) Указъ тобольск. д. консист., 5-го мая 1785 г.

(Обстоятельство это надлежитъ особенно замѣтить, такъ какъ «умѣнье священника писать» имѣетъ большое значеніе въ достовѣрности отмѣтокъ о «небытіи», до которыхъ сейчасъ дойдетъ дѣло). Когда въ концѣ XVIII в. въ г. Красноярскѣ основывалась школа, для которой потребовался законоучитель, то во всемъ составѣ духовенства этого города не оказалось ни одного священника, который могъ бы учить дѣтей священной исторіи и начаткамъ православнаго ученія вѣры. Тогда стали искать такого способнаго человѣка въ духовенствѣ «енисейскаго и другихъ округовъ», но результатъ былъ тотъ же. Тогда, нужды ради, «съ разрѣшенія духовнаго и свѣтскаго начальства учителемъ былъ опредѣленъ сосланный на заводы поселенецъ изъ россійскихъ діаконовъ, нѣкто Полянскій»... Это былъ какой-то отчаянный гуляка, которому «нужды ради» выпала доля положить начало русской школѣ въ краѣ, но порочныя привычки ссыльнаго дьякона были причиною, что «черезъ годъ онъ оказался совершенно неспособнымъ по неумѣренному винопитію», и тогда онъ отъ учительства былъ устраненъ, а на его мѣсто опредѣленъ способный человѣкъ, разысканный въ томскомъ заказѣ. Это былъ понамарь Сусловъ, котораго красноярское духовное правленіе аттестовало такъ: «онъ, Сусловъ, въ чтеніи исправенъ, и письмоумѣющъ, и ариѳметики первую часть нынѣ доучиваетъ въ твердости, — чему и священно-церковно-служительскихъ дѣтей обучать со временемъ можетъ» *). Изъ всѣхъ учителей того времени въ Сибири никакой другой не былъ такъ хорошо аттестованъ, какъ этотъ Сусловъ, а объ остальныхъ учителяхъ духовныхъ школъ тобольская духовная консисторія сдѣлала общій отзывъ, что «изъ нихъ не всѣ и писать умѣютъ, или умножать по ариѳметикѣ» **).

Такія трудности приходилось преодолѣвать сибирскимъ архіереямъ съ обученіемъ нарождавшагося въ XVIII вѣкѣ

*) Ук. тобольск. консист. 15-го іюля 1790 г., № 118, и донесеніе красноярск. дух. правленія 14-го іюня 1791 г.

**) Ук. тобольск. консист. 5-го апр. 1791 г.

поколѣнія молодыхъ духовныхъ, но еще труднѣе было сладить съ замѣчательною безнравственностью взрослыхъ, при содѣйствіи которыхъ надлежало немедленно привлечь къ церкви упорныхъ въ своихъ заблужденіяхъ раскольниковъ и содѣйствовать «самонужнѣйшему государственному дѣлу».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Митрополитъ сибирскій Павелъ Конюскевичъ *) прибылъ на каѳедру съ обязательствомъ энергически вести дѣло «о небытіи», и онъ имѣлъ уже передъ собою всю описанную нами старую практику этого дѣла, и могъ видѣть, что исполнить все то, что̀ отъ него требовалось, здѣсь не съ кѣмъ. И вмѣсто того, чтобы скрывать настоящее положеніе и проводить время въ «страхованіяхъ» да въ отпискахъ, онъ далъ дѣлу *новое*, довольно смѣлое направленіе: послѣ многихъ безплодныхъ усилій (съ 1758 года по 1764 г.) онъ разослалъ по Сибири слѣдующій любопытный «циркуляръ», который современники почитали за «наилучшее изображеніе состоянія сибирскаго духовенства». Въ этомъ митрополичьемъ циркулярѣ изображено слѣдующее:

«Понеже по производимымъ въ канцеляріи тобольской духовной консисторіи дѣламъ оказуется, что здѣшней тобольской епархіи разныхъ мѣстъ священно-церковно-служители *безмѣрно въ пьянственныхъ случаяхъ* и въ *противонеблагобразныхъ* и не приличныхъ званію своему поступкахъ, въ противность св. отецъ правилъ и духовнаго регламента житіе свое препровождаютъ, и въ *ярыжствахъ* обращаются, и *валяются* и *спятъ по улицамъ пьяны*, и въ *воровствахъ*, и въ *ложныхъ* подзаводскими крестьянами, яко бы объ отказѣ ихъ отъ заводовъ, *указовъ объявленіяхъ* обличаются,—отчего *въ народѣ чинятъ не малое смущеніе и соблазнъ раскольни-*

*) Павелъ Конюскевичъ, изъ малороссіянъ, хиротонисанъ 23-го мая 1758 г. изъ архимандритовъ Юрьева монастыря. Уволенъ въ 1768 г. изъ Сибири «по обѣщанію» въ Кіево-Печ. лавру, гдѣ и теперь тѣло его находится подъ правымъ придѣломъ «Великой церкви».

камъ, изъ коихъ,—какъ по дѣламъ значитъ, хотя бы нѣкоторые отъ раскольническаго своего злопагубнаго заблужденія и обратиться желали, но что означенные священники *безмѣрно упиваются* и въ пьянствѣ своемъ многія чинятъ—между людьми и *въ церквахъ сквернословныя ругательства и драки*, и потому подобныя безчинія, тѣмъ претыкаясь отъ того своего проклятаго раскола не отстаютъ, и въ томъ они, священники, отъ нихъ, раскольниковъ, не малое поврежденіе и укоризненное посмѣяніе на себя и *всему духовному сану поношеніе наводятъ*»...

Выводъ получался такой, что люди, которые должны были исправить мірянъ, сами «наводятъ всему духовному сану поношеніе»...

Митрополитъ Павелъ это сказалъ, и, по замѣчанію одного изъ нашихъ церковныхъ историковъ, «убоялся вести свой корабль съ *пьяными матросами*». Онъ сталъ просить синодъ отпустить его для поклоненія святынямъ Кіева, и отправился туда на богомолье въ 1764 году и тамъ и умеръ *).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Понять «обѣщаніе» митроп. Павла весьма легко, такъ какъ переносить жизнь среди такихъ людей, какіе описаны въ приведенномъ циркулярѣ, было ужасно. А если такова была «соль», которою должна была земля осоляться, то что же представляла собою вся страна? Нравственное состояніе Сибири въ XVIII в. дѣйствительно представляетъ какой-то адъ! Всѣ ученые и путешественники, побывавшіе въ XVIII вѣкѣ въ Сибири (Мюллеръ, Фишеръ, Гмелинъ и др.), въ одномъ духѣ описывали въ сибирскихъ жителяхъ страшную и отвратительную безнравственность. Духовные іерархи должны были объ этомъ знать, да и не могли не знать, потому что свѣтскія власти имъ на это указывали. Генералъ губернаторъ Кашкинъ «неоднократно вынужденъ былъ обра-

*) Тѣло Павла тобольскаго, лежащее во гробѣ подъ церковью Кіево-Печерской лавры, до недавняго времени можно было видѣть.

щаться къ еп. Варлааму (Петрову), *) прося побудить сибирское духовенство къ принятію надлежащихъ духовныхъ мѣръ къ истребленію въ народѣ *жестокости* и дерзновенія ко вчиненію *звѣроподобнаго свирѣпства и скотоподражательнаго разврата*».

Но сибирскіе іерархи не имѣли средствъ подѣйствовать такъ, какъ просилъ ихъ генералъ-губернаторъ. Лучшимъ средствомъ въ тогдашнее время считалось «личное воздѣйствіе на пасомыхъ». Тогда думали, будто «велелѣпіе архіерейскаго сана» производило на народъ благотворнѣйшее вліяніе; но паства сибирскихъ архіереевъ жила въ такомъ разсѣяніи, что іерархамъ очень трудно было навѣстить всѣхъ своихъ «пасомыхъ» и почти совсѣмъ невозможно показать большинству изъ нихъ велелѣпіе архіерейскаго служенія. Притомъ же обстоятельства показали, что даже и результатъ полезности архіерейскихъ объѣздовъ сомнителенъ, ибо пока архіерей кочевалъ для нравственнаго оздоровленія своихъ пасомыхъ, которые отличались «жестокостью и звѣроподобнымъ свирѣпствомъ и скотоподобнымъ развратомъ», безъ него въ его каѳедральномъ управленіи начинались ужасающіе безпорядки. Онъ не помогалъ одному и губилъ другое. Такъ, напримѣръ, когда упоминаемый въ началѣ этого разсказа сибирскій митрополитъ Филоѳей (Лещинскій) *первый* изъ всѣхъ сибирскихъ іерарховъ тронулся изъ своего каѳедральнаго города въ объѣздъ своей епархіи, то онъ провелъ въ этомъ путешествіи кряду *два года* (1718 и 1719), и хотя онъ окрестилъ въ это время 40.000 инородцевъ, но зато, лично посмотрѣвъ на своихъ подчиненныхъ, пришелъ къ такимъ взглядамъ, что по возвращеніи въ Тобольскъ не сталъ исполнять указовъ о штрафованіи за «небытіе», а «отошелъ на покой» и вскорѣ умеръ (1727 г., мая 31-го). А въ то время, пока онъ былъ въ отлучкѣ и крестилъ 40.000 инородцевъ, у него въ управленіи старокрещенными

---

*) Ук. тоб. д. конс. 26-го іюля 1782 г. Варлаамъ Петровъ тогда былъ еще епископомъ. Въ архіеп. произвед. въ 1792 г.

людьми завелись такіе непорядки, что это пошло въ примѣръ и пословицу. «Духовенство укрѣпилось въ мысляхъ, что надъ нимъ нѣтъ начальства, а надъ его дѣйствіями нѣтъ контроля, и при невѣжествѣ своемъ развило въ себѣ духъ своеволія, непокорства, самаго грубаго и безчестнаго произвола; даже тѣ, кому была поручена часть архіерейской власти и попеченіе и надзоръ за другими—игумены, закащики, десятинники — явились по своему безстрашію архіерейскія воли ослушниками, огурниками (sic) и продерзателями». А главное — за это время накопилось огромное количество нерѣшенныхъ дѣлъ и очень большое число «ставленниковъ» и «просителей», которые два года ожидали возвращенія архіерея. А епархіальный судъ въ это время совершилъ рядъ такихъ чудесъ, что схимнику Филоѳею показалось «нелѣть и слышать».

Таковы были результаты долговременной отлучки архіерея «въ объѣздѣ», а скоро совершить «объѣздъ» было невозможно, и вотъ то, что съ одной стороны представлялось желательнымъ и «благополезнымъ», то съ другихъ сторонъ оказывалось неудобнымъ и даже совершенно вреднымъ. Сорокъ тысячъ дикарей, не разумѣвшихъ языка крестителя, были окрещены, но зато среди паствы, составлявшей коренную основу епархіи, все само себя позабыло...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

«Свѣтскія власти» видѣли, какъ многостороннее дѣло проповѣди, назиданій и взысканій за небытіе и особенно судъ у «духовныхъ властей», что называется, «ни въ коробъ не лѣзетъ, ни изъ короба не идетъ». и иронически относились къ умѣнью духовныхъ дѣятелей вести эти дѣла.

Особенно сильный поводъ къ критикѣ подавали судебные приговоры духовныхъ властей, на которые свѣтскіе должностные люди указывали какъ на очевидные образчики неспособности судей.

Духовный судъ въ самомъ дѣлѣ постановлялъ приговоры

невѣроятные. Былъ, напримѣръ, въ Сибири нѣкто мичманъ Хмѣлевскій и онъ жилъ въ связи съ «крестьянскою женкою Екатериною». По какому-то случаю это открылось и дошло до митрополита Сильвестра *), и тотъ опредѣлилъ мичману такую эпитимію: «въ праздничный день стоять ему среди церкви во время литургіи на колѣняхъ съ возженною свѣчею, а когда время выходу изъ церкви народу приспѣетъ, тогда положить его (мичмана) на прагъ въ трапезѣ ницъ и лежать (ему) потолѣ, пока черезъ его весь народъ изъ церкви пройдетъ, въ которое время просить ему проходящихъ черезъ него, да помолятся Господу Богу о отпущеніи грѣховъ его; а по исполненіи сего отослать въ воинскую команду для наказанія, чему достоинъ по воинскимъ артикуламъ. А женку *Екатерину, кромѣ такой же епитиміи, на страхъ другимъ, наказать кошками*» **).

Другой случай: въ Сибирь слѣдовала изъ Россіи по этапу женщина Ефросинья Михайлова, которая до высылки ея была уже замужемъ за тремя мужьями. По дорогѣ она имѣла несчастіе понравиться отбывавшему вмѣстѣ съ нею путину ссыльному Захару Ѳедорову, но Захаръ Ѳедоровъ Ефросиньѣ не понравился и она не хотѣла отвѣчать его любовнымъ искательствамъ. Да притомъ же Ефросинья была богобоязлива и уважала церковный бракъ, а «прелюбодѣянія не хотѣла». Тогда ссыльный Захаръ обратился съ своею незадачею къ партіонному сержанту Логгинову, и тотъ за небольшую мзду уладилъ дѣло. Онъ, во-первыхъ, нѣсколько разъ «нещадно» билъ Ефросинью Михайлову «батожьемъ», чтобы она была сговорчивѣе, и когда та, изнурясь отъ жестокаго боя, стала подаваться и отпиралась уже только тѣмъ, что «боится блуднаго грѣха», то сержантъ сказалъ, что «за этимъ дѣло не станетъ», и, приведя партію въ село

*) Сильвестръ Гловатскій, митрополитъ сибирскій, изъ архимандритовъ свіяжскаго монастыря, 1749, іюля 6-го. Перевед. въ Суздаль 9-го окт. 1755 г.

**) Указъ тоб. д. консист. 3-го сент. 1752 г.

Абалоцкое, близъ Тобольска, обвѣнчалъ ее «по принужденію *четвертымъ* бракомъ».

Нещадно избитая батожьемъ, Ефросинья покорилась «принужденію» и сдѣлалась женою ненавистнаго ей поселенца Ѳедорова, и пока шла въ партіи, она, подъ страхомъ батожья, исполняла для его желанія супружескія обязанности; но, придя на мѣсто поселенія — въ Колыонскую волость Томскаго округа, подала жалобу въ томское духовное правленіе, и въ той жалобѣ разъясняла всю свою нестерпимую обиду и доводила, что «какъ бракъ ея съ поселенцемъ Ѳедоровымъ есть *насильственный* и *четвертый* (для нея), а потому, стало быть, очевидно незаконный, то онъ по существу своему совсѣмъ не есть бракъ, а прелюбодѣйная связь, и она этого прелюбодѣянія продолжать не допуститъ».

Духовное правленіе разлучило временно этихъ супруговъ и донесло о событіи тобольской духовной консисторіи, которая «съ докладу его преосвященству*) опредѣлила: женку Ефросинью Михайлову *оставить въ замужествѣ* при поселенцѣ Захарѣ Ѳедоровѣ, *впредь до разсмотрѣнія*, а о состояніи ея *взять отъ онаго мужа ея извѣстіе*» **)... Какъ должна была чувствовать себя эта несчастная женщина, опять насильно отданная консисторіею поселенцу на подержаніе, да еще «съ докладу его преосвященству»!... И въ чемъ отъ этого поселенца «о состояніи ея» требовалось «извѣстіе» — изъ дѣла этого не видно; но что Ефросинья была призвана исполнять супружескія обязанности и въ четвертомъ бракѣ, обвѣнчанномъ подъ батогами, это закрѣплено самымъ документальнымъ образомъ.

И эта женщина жила и терпѣла!

Въ самомъ распорядкѣ съ духовенствомъ одна крайность

---

*) По книгѣ Юрія Толстого въ сибирской епархіи съ 1768 значится Варлаамъ Петровъ, а съ 1803 — Антоній Знаменскій. Варлаамъ — это тотъ, который постановилъ дѣло о «небытіи» на степень «самонужнѣйшаго и государственнаго».

**) Ук. тоб. дух. к. 3-го сент. 1752 г.

переходила въ другую чрезвычайность: при митрополитѣ Варлаамѣ въ Амышевской крѣпости священникъ Сѣдачевъ былъ изобличенъ «въ пьянствѣ и шумствѣ, и въ дракахъ, и въ прочихъ чинимыхъ мірскими людями соблазнахъ». Митрополитъ Варлаамъ опредѣлилъ за все это «перевесть Сѣдачева въ Уртамскій острогъ, съ подпискою объ исправленіи (себя)» *). А митрополитъ Павелъ такимъ «исправленіямъ себя» не вѣрилъ, и когда при немъ былъ «обличенъ многажды въ пьянствѣ и дракахъ священникъ градотобольской Срѣтенской церкви Топорковъ», то навели о немъ справку, и оказалось, что онъ уже имѣлъ время и случай для «исправленія», ибо «не единожды битіемъ плетьми былъ наказанъ и для памяти въ работахъ содержанъ, но по ожесточенію своему во исправленіе не пришелъ, а еще въ горшая падалъ», и потому митроп. Павелъ (указъ 27-го апр. 1764 г.) опредѣлилъ: «дабы священникъ Топорковъ впредь никакихъ продерзостей чинить не могъ, отъ священнослуженія его удержать, а для лучшей ему памяти и страха Божія при собраніи всѣхъ священнослужителей градо-тобольскихъ *каждый изъ нихъ* по десяти ударовъ шелепомъ ему, Топоркову, *и себѣ въ наставленіе* отправилъ».

И священнослужители привлекались къ тому, чтобы бить собственноручно своихъ товарищей не въ этомъ только единственно случаѣ, а и въ другихъ таковыхъ же. Указомъ отъ 27-го апр. митрополитъ Павелъ разрѣшалъ и всѣмъ закащикамъ (т.-е. благочиннымъ) поступать съ провинившимися точно такъ же, но только съ такимъ «разсмотрѣніемъ», что «гдѣ число священнослужителей», участвующихъ въ наказаніи собрата своего шелепами — «не велико, то тамъ (число ударовъ отъ каждаго) и пріумножить можно» **).

Дѣло же о «небытіи» во все это время «волоклось» и

---

*) Ук. тоб. дух. к. 18-го ноября 1777 г., № 1044.

**) Ук. тоб. дух. к. 27-го апр. 1764 г.

взысканіе денежныхъ штрафовъ съ небытейщиковъ производилось съ такою неаккуратностью и медленностью, которыя, наконецъ, возбудили въ Петербургѣ негодованіе какъ разъ послѣ того, какъ 14-го апрѣля 1763 года былъ лишенъ сана и сосланъ въ Ревель митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Извѣстный своею добротою и религіозностью московскій сенаторъ И. В. Лопухинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ интересныхъ записокъ говоритъ: «Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ», но ежели осмѣлиться сказать, то Онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ *). Это замѣчаніе получитъ себѣ не одно подтвержденіе въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ дальнѣйшее теченіе дѣла «о небытіи», которое развилось давно и закончилось еще давнѣе.

«Фаворъ», которымъ духовенство пользовалось при Елизаветѣ Петровнѣ, прекратился съ воцареніемъ Екатерины II, и тогда же рѣзко перемѣнилась «долго сдерживаемая политика свѣтскихъ правителей».

Бывшій въ то время въ Сибири губернаторомъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, «пылкій грѣшникъ, пользовавшійся неограниченною властью», рѣзче всѣхъ обнаружилъ «нетерпѣливое самовластіе» и началъ усмирять распущенное сибирское духовенство. Для того, чтобы взяться за это, Денисъ Ивановичъ имѣлъ поводъ, поданный дѣломъ «о небытіи».

По веснѣ 1767 года онъ получилъ изъ Петербурга «выговоръ» за то, что штрафныя деньги «за небытіе» у исповѣди собираются неуспѣшно. Чичеринъ вникъ въ дѣло и пришелъ въ негодованіе на то, какъ безуспѣшно вело это дѣло духовенство, и сразу же «вынужденнымъ нашелся

*) См. *Русскій Архивъ,* 1884 № 1, стр. 32. «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайн. совѣтн. сенатора И. В. Лопухина, сочин. имъ самимъ».

сдѣлать распоряженіе *), чтобы сельскіе *старосты* и *сотскіе* во время постовъ *сами вели подробные и обстоятельные списки о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и доносили бы въ канцелярію* **) для того, чтобы по полученіи росписей духовныхъ можно было ихъ повѣрить».

Такое распоряженіе Чичерина было не только въ высшей степени безцеремонно и грубо, но оно даже и не основывалось ни на какомъ правѣ, такъ какъ дѣло о штрафованіи за «небытіе» лежало на отвѣтственности духовнаго вѣдомства. Арсеній Мацѣевичъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы на эту дерзость еще большею дерзостью, но архіерей Варлаамъ (Петровъ) снесъ это.

Сельскіе старосты и сотскіе исполнили порученное имъ губернаторомъ церковное дѣло и представили составленные ими списки Чичерину; но тогда приходскіе священники, увидѣвши, что справа о небытіи ускользаетъ изъ ихъ рукъ, обнаружили свою дѣеспособность и сами тоже составили списки и прислали ихъ въ консисторію. Отъ этого избытка, однако, добра не вышло, а произошла только большая путаница, которую сначала приняли за случайность, а потомъ стали приписывать хитрому и дальнозоркому разсчету духовныхъ, доставившихъ отъ себя списки небытейцамъ, кромѣ тѣхъ, которые составили старосты. Когда дошло до наложенія штрафовъ и привелось свѣрять списки, присланные сотскими къ губернатору, со списками, полученными въ консисторіяхъ отъ священниковъ, то оказалось, что между одними и другими огромная разница, которой согласить невозможно. Кто записанъ въ «небытіи» у сотскихъ и старостъ, тотъ отмѣченъ «бывшимъ» у священниковъ — и наоборотъ. Поднялась страшная кутерьма: Чичеринъ принималъ сторону своихъ подчиненныхъ, а архіерей отстаивалъ своихъ, и пока успѣли что-нибудь выяснить, Чиче-

---

*) Указъ 11-го мая 1767 года.

**) Очевидно, «въ канцелярію губернатора».

ринъ въ 1771 году получилъ уже «высочайшій выговоръ и страшно ожесточился» *).

Должностныя лица въ Сибири были этимъ очень удивлены, такъ какъ губернаторы до сихъ поръ никогда еще не подвергались отвѣтственности за дѣла церковнаго управленія, а Чичеринъ, «пользовавшійся неограниченною властію», былъ такъ сконфуженъ!.. Всѣ знали, что онъ самолюбивъ безмѣрно, и всѣ сразу сказали, что «Чичеринъ этого не стерпитъ».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Чичеринъ и дѣйствительно не стерпѣлъ, и началъ ожесточенную «войну съ попами»: онъ тотчасъ же самъ «выѣхалъ въ губернію на ревизію» и самъ ревизовалъ «*почти въ каждомъ селѣ* церковные документы и *неисправныхъ священниковъ бралъ подъ стражу, сажалъ въ холодную*, а нѣкоторыхъ подъ карауломъ отсылалъ въ Тобольскъ, въ свою канцелярію, гдѣ ихъ заставлялъ составлять или исправлять невѣрно ими составленные документы». Но какъ ни энергиченъ былъ Чичеринъ, онъ однако немного успѣлъ въ своей «войнѣ съ попами», потому что обревизовать Сибирь такимъ образомъ, какъ онъ началъ, ему не удалось бы даже въ теченіе многихъ лѣтъ, а къ тому же и представители сибирскаго приходскаго духовенства сдѣлали для него успѣхъ ревизіи совсѣмъ невозможнымъ. Священники, слѣдя за маршрутомъ губернатора, устраивали Чичерину такую подготовку, что какъ только онъ наѣзжалъ на одно храмовое селеніе и начиналъ тамъ смотрѣть церковные документы, такъ объ этомъ быстро узнавали духовные сосѣднихъ приходовъ, и сейчасъ же всѣ батюшки «уѣзжали къ боли». Въ домахъ же поповскихъ оставались однѣ попадьи да дѣти, и можетъ-быть еще какой-нибудь безотвѣтный дьячокъ, который ничего не зналъ въ «небытейскихъ

*) Въ указѣ отъ 15-го сент. 1771 г. сказано, что высочайшій выговоръ послѣдовалъ въ тому году, 24-го августа.

книгахъ». На разспросы же губернатора о попѣ — «отвѣчали, что попъ отъѣхалъ въ приходъ, а когда назадъ будетъ—невѣдомо. А послать за нимъ для сыску нельзя, потому что поѣхалъ онъ не въ одно мѣсто, а приходы пространствомъ безмѣрные, во всѣ стороны».

Губернатору оставалось развѣ самому садиться у попа и ждать его возвращенія.

Нетерпѣливый и гнѣвный Чичеринъ увидалъ себя одураченнымъ и возвратился въ Тобольскъ, «скрежеща зубами и искій кого поглотити».

Тѣ попы, которые не успѣли бѣжать «къ боли» и были забраны къ Чичерину въ канцелярію, за всѣхъ пострадали и отвѣтили. Чичеринъ съ ними не поцеремонился и сорвалъ на нихъ свой пылкій гнѣвъ; но какъ онъ былъ вспыльчивъ и непостояненъ, то ему надоѣло съ ними возиться и лучше показалось свалить опять все на руки епархіальнаго вѣдомства, которое тоже поступилось и не хотѣло болѣе контрировать съ губернаторомъ: теперь архіерей самъ просилъ Чичерина, чтобы полицейскіе агенты помогали духовнымъ.

Такомъ образомъ, архіерей и губернаторъ заключили унію и взялись вести «государственное дѣло» строго: духовный ли, свѣтскій ли «агентъ» попадется въ винѣ — ни одному не давать поблажки.

Первый попался «нижне-тунгузскій попъ съ причтомъ» *).

Тобольская консисторія предписала туруханскому закащику (благочинному), «истребуя отъ тамошняго городничаго, или земскаго суда, двухъ нарочныхъ сыскать нижнетунгузскаго погоста попа съ причтомъ въ духовное правленіе и тутъ ихъ, доколѣ они за 1789 годъ росписей не исправятъ, *держать безъ выпуску въ цѣпяхъ подъ карауломъ и денно-нощно ихъ къ тому принуждать*».

Однако и это ни къ чему не повело: и тунгузскій попъ убѣжалъ, да и вообще попы «разбѣгались», а тѣ, которыхъ

*) Указъ консисторіи 20 августа 1790 г.

ловили и сажали на цѣпь, «сидѣли безъ выпуску», но проку отъ этого не выходило, потому что списковъ они составить не могли, ибо неисправность была уже слишкомъ долго запущена.

А какъ «сѵнодъ требовалъ списка *неотступно*», то несчастная консисторія вынуждена была сознаться, что она «ничего не можетъ сдѣлать, понеже духовныя правленія и священноцерковнослужители *по безстрашію ихъ* о государственномъ дѣлѣ не брегутъ».

Дойдя до откровеній о своей несостоятельности, консисторія уже не стѣснялась и выкладывала всю правду: въ іюлѣ 1786 года она доносила, что у нея совсѣмъ не на кого положиться, потому что и закащики, и члены духовныхъ правленій—всѣ «ослушники, огурники, супротивники и коварники». Вся соль осолилась! Утрата дисциплины и повиновенія была полная, но однако во многихъ случаяхъ трудно было и ждать исполнительности и повиновенія. Закащики вытребовали «поповъ» изъ-за сотенъ и даже изъ-за тысячъ верстъ, «для вчиненія рукоприкладствъ» и другихъ неважныхъ дѣлъ, безъ чего было можно обойтись, и «держали ихъ въ заказахъ долго, по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ, а отъ такихъ сыскиваній происходили для сельскихъ причтовъ великіе убытки въ переѣздахъ, поминкахъ и подаркахъ, а въ приходахъ остановка въ исполненіи духовныхъ требъ».

Тобольская консисторія поповъ не жалѣла и стала «просить губернаторовъ, чтобы они приказали городничимъ и исправникамъ давать сыщиковъ», которые должны «приводить неисправныхъ священниковъ въ духовныя правленія и держать тамъ подъ карауломъ до окончанія росписей»; но черезъ мѣсяцъ консисторія сдѣлала еще болѣе: она совсѣмъ уже передала «свою команду» мірскимъ командирамъ и «*съ дозволенія губернаторовъ*» прямо сама отъ себя предписала всѣмъ исправникамъ и городничимъ «держать подъ стражею безвыпускно и самихъ закащиковъ (благочинныхъ) и всѣхъ членовъ духовныхъ правленій, поколѣ

они всѣхъ росписей не исправятъ и не отошлютъ къ его преосвященству» *).

Такимъ образомъ, все тогдашнее непослушное «безстрашное» и «огурное» духовенство Сибири, выведя изъ терпѣнія свое начальство, было имъ «предано во власть мірскихъ человѣковъ», т.-е. губернаторскихъ чиновниковъ, которые «со дней митрополита Арсенія точили на нихъ зубы, но только не смѣли на оныхъ въ дѣйствіяхъ покуситься», а теперь эти приказные получили право всѣхъ мало-мальски неаккуратныхъ священноцерковнослужителей «хватать яко неблагопокорныхъ», и лишить ихъ свободы, и держать безвыпускно... Чиновники постарались показать свое усердіе и такъ «хватали», что Сибирь во многихъ мѣстахъ осталась безъ требоисправителей, но «батюшка Денисъ Ивановичъ» объ этомъ не безпокоился и «истязалъ поповъ такъ, что даже кожа на нихъ трещала. А объ отвѣтѣ не унывалъ, мня яко въ потребный часъ вся покрыетъ своею орденскою мантіею».

Тутъ сибирскіе требоисправители, лишенные свободы и доходовъ, потеряли свое «огурство» и, «впавъ въ руцѣ Чичерина, явились благопослушны»: они написали списки.

Чичеринъ хвалился: «Я сказалъ, что я свое возьму, и вотъ я взялъ!» А вышколенные имъ попы, отъѣзжая изъ его канцеляріи, говорили себѣ: «Похвальбишка! Ну, взялъ— такъ и взялъ, а подожди хвалиться-то!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Въ 1794 году росписи пришли и изъ всѣхъ сибирскихъ заказовъ, ибо «до всѣхъ дошло вѣдѣніе яко вси преданы Чичерину», и въ Тобольскѣ консисторскіе подьячіе сдѣлали изъ тѣхъ росписей «экстрактъ», который и былъ представленъ въ сѵнодъ **). Требованіе начальства этимъ было

*) Ук. 17-го апр. № 1414.

**) Ук. 24-го февр. 1794, № 234.

выполнено: вся «скала небытія» обозначилась на виду, и все оформлено и приведено въ надлежащій порядокъ, такъ что можно было составить смѣту: сколько придетъ дохода отъ небытія; но на мѣстахъ, при самомъ обложеніи денежною платою за «небытіе», начали вновь обнаруживаться невѣроятныя вещи, черезъ которыя опять должна была происходить несусвѣтимая путаница. При повѣркѣ на мѣстахъ оказалось, что «въ числѣ показанныхъ (по спискамъ) небывшими нерѣдко попадали *давно умершіе* или (находившіеся) по нѣскольку лѣтъ въ бѣгахъ, въ ссылкѣ или переселенные куда-нибудь въ Иркутскую или въ Якутскую области. Напротивъ, истые раскольники, записанные свѣтскими властями въ двойной окладъ, оказывались отмѣченными въ числѣ *бывшихъ* у исповѣди и притомъ за нѣсколько лѣтъ кряду»...

Отчего же и какъ могла произойти такая неисправность при всей наличности внѣшняго рачительства и порядка со стороны «тѣсно ущемленнаго Чичеринымъ духовенства», и что̀ еще можно было теперь измыслить: кому еще во второй разъ «предать» духовенство и какъ его «защемить», чтобы добиться отъ него точно обозначенной «скалы небытія»? И вотъ тутъ, въ эту-то пору, въ самой канцеляріи у Чичерина явилось убѣжденіе, что въ такомъ огромномъ и дикомъ краѣ, какъ Сибирь, рѣшительно нельзя услѣдить за всѣми, кто исповѣдуется, а кто не исповѣдуется, и что потому правильное обложеніе налогомъ за «небытіе» есть вещь невозможная. А то, чего сѵнодъ достигъ послѣ множества усиленныхъ и неотступныхъ требованій, была просто фикція, которую продѣлали надъ Чичеринымъ «преданные ему и имъ тѣсно ущемленные попы», и надъ другимъ начальствомъ «подьячіе духовныхъ правленій и консисторій», которые, будучи «нуждою и страхомъ гонимы и побуждаемы», всѣ писали въ спискахъ «что̀ попало».

Казалось бы, что такой велемощный сановникъ, какъ Денисъ Ив. Чичеринъ, увидавъ дѣло какъ есть такъ и долженъ былъ донести о немъ въ Петербургъ, чтобы тамъ

знали настоящее положеніе и не требовали того, что̀ невозможно исполнить,—но Чичеринъ этого не сдѣлалъ. Можетъ-быть, онъ не хотѣлъ понизить статью въ смѣтѣ ожидаемыхъ доходовъ, которую все-таки желали собрать, а можетъ-быть весь его большой будто бы характеръ выходилъ на кипяченіе и озорство, съ кѣмъ это было удобно, а для правдиваго представленія о дѣлахъ ввѣреннаго ему края духа у него недоставало...

Приходскіе же священники кромѣ того, что они не могли, но они и не умѣли составить вѣрныхъ отмѣтокъ «о небытіи» *). И они это поняли и увидали, что̀ имъ надо дѣлать. Такъ какъ не доставлять списковъ стало нельзя,— потому что за это «можно впасть въ руцѣ Чичерина», а если составить «списки сочиненные», то можно попасть въ руки подьячихъ, — то малописьменные попы исхитрились такъ, что стали поручать составленіе отмѣтокъ «о небытіи» самимъ же подьячимъ, служившимъ въ тѣхъ самыхъ духовныхъ правленіяхъ, куда надо было представлять списки, а на то, чтобы вознаградить этихъ подьячихъ за трудъ ихъ, завели со всѣхъ своихъ прихожанъ обоего пола новый «безобидный *сборъ за уволоку* отъ исповѣди по 5 копѣекъ съ души» **).

Устроивши такимъ манеромъ экономическую сторону дѣла, сибирскіе священники еще лучше устроили техническую сторону операціи: они захотѣли сдѣлать такъ, чтобы требовательное начальство получало для своего удовольствія списки о небытейцахъ, но чтобы списковъ этихъ въ при-

*) Въ числѣ сибирскихъ священниковъ того времени было много малограмотныхъ, «едва умѣвшихъ только читать церковное». Религіозная образованность ихъ была такая, что даже одинъ «градскій священникъ» г. Кузнецка, по фамиліи Ломшаковъ, на вопросъ протоіерея Комарова: «какъ читается седьмая заповѣдь?» — отвѣчалъ: «Помилуй мя, Боже», а на вопросъ: «сколько таинствъ и какая ихъ сущность?» далъ отвѣтъ: «таинствъ есть *десять*, а сущность ихъ непостижима» (Указ. тоб. дух. консист. 27-го апр. 1770 г.).

**) Дѣло томск. дух. консистор. въ «Колокольномъ Архивѣ» Алексѣевскаго монастыря.

ходахъ не писать, такъ какъ отъ этого только двойная работа: пусть кто эти списки ревизуетъ—тотъ самъ же ихъ и *сочиняетъ*. На этомъ священники уговорились съ консисторскими приказными и стали присылать этимъ подьячимъ «бѣлые листы съ своею подписью да хлопотныя деньги по количеству», и подьячіе брали деньги, а на бѣлыхъ листахъ писали въ списки что̀ знали, «по примѣру прошлыхъ лѣтъ», и пригоняли текстъ списковъ «какъ прилично къ сдѣланнымъ заранѣе подписямъ», и, разумѣется, списки, составленные такимъ образомъ, подьячіе уже не браковали и не возвращали, а направляли дѣло выше, гдѣ оно веселило ожидавшихъ результатовъ, которые должны были «оправдать предначертанія». И пошло бы это, вѣроятно, на многія лѣта; но вмѣшался врагъ и все дѣло испортилъ: священники, собирая по пятаку за уволоку, не все отдавали подьячимъ и не хотѣли ничего удѣлять своимъ причетникамъ, которые разсердились и о всемъ донесли и на поповъ, и на приказныхъ. Неумѣренная жадность поповъ разрушила такую удобную организацію, и оба начальства—свѣтское и духовное — явились другъ передъ другомъ въ недостойномъ ихъ, смѣшномъ видѣ.

Но надо было, разумѣется, доказать, что списки небытейщикамъ сочиняютъ приказные, и за этимъ дѣло не стало: не только между причетниками, но даже и между приказными нашелся предатель: одинъ приказный обидѣлся, что попъ, съ которымъ они состояли въ компаніи, прислалъ ему мало денегъ. Подьячій навелъ справку: сколько попъ собралъ, и сравнивъ съ тѣмъ, сколько онъ ему доставилъ, увидалъ, что онъ удержалъ у себя львиную долю; и это приказному не понравилось и показалось обидно. А какъ и другіе подьячіе имѣли подозрѣніе на другихъ поповъ, что они передаютъ не все, что̀ собираютъ «за уволоку», то мстивый подьячій рѣшился наказать всѣхъ поповъ за ихъ жадность и отправилъ въ консисторію, какъ будто бы по ошибкѣ... вмѣсто списковъ—одни пустые листы бумаги, съ поповскими подписями!..

Неопровержимая улика была налицо, и отъ этого людямъ стало не лучше, а еще хуже: теперь, когда консисторскіе подьячіе знали плутню правленскихъ и, посмотрѣвъ многія сохраняемыя росписи, увидали, что всѣ онѣ писаны одною рукою подьячаго,—консисторскіе потребовали себѣ части отъ правленскихъ, а тѣ отъ поповъ, а попы должны были увеличить сборъ съ мірянъ. И такъ дѣло опять уладилось.

Вмѣсто прежняго «повальнаго положенія», при которомъ «попъ собиралъ за уволоку по 5 к. съ души», теперь плата повысилась.

Все это теперь происходило явно, и священникъ непремѣнно долженъ былъ дѣлать эти поборы, потому что иначе онъ своими списками никогда бы подьячимъ не угодилъ и его замучили бы «истязаніями».

Но и въ этомъ усовершенномъ порядкѣ опять обнаружились свои недостатки, которымъ начальство не нашлось какъ помочь, а оборотистое сибирское духовенство опять само изъ нихъ выбилось.

Когда старыми сборами «за уволоку» пришлось дѣлиться съ бо̀льшимъ числомъ участниковъ, тогда приходскіе священники ввели еще одинъ поборъ «за скверноядство».

Это статья очень любопытная, но она требуетъ отступленія и объясненій.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Еще въ началѣ XVII столѣтія казаки, «простираясь къ сѣвернымъ предѣламъ Сибири, подбивали подъ власть свою вогуловъ, остяковъ, тунгусовъ, юроковъ, якутовъ и другихъ народцевъ, кочевавшихъ въ своихъ сѣверныхъ предѣлахъ Сибири». Когда оканчивалось покореніе или «подбитіе», тотчасъ же начинались заботы о введеніи новыхъ порядковъ: «о сборѣ ясака и о просвѣщеніи свѣтомъ истинной вѣры».

Для этого казаки узнавали пункты, гдѣ «народцы» въ извѣстные сроки сходятся другъ съ дружкою, чтобы обмѣняться добычею своихъ лововъ и иныхъ промысловъ. Тутъ казаки сейчасъ же и завели «постройки», которыя назвались «острожками», или «острогами», или «крѣпостями», а впослѣдствіи «городами».

Такимъ образомъ возникъ Березовъ, Обдорскъ, Сургутъ, Нарымъ, Туруханскъ, Якутскъ и другіе нынѣшніе города. Первоначальное заведеніе здѣшнихъ городовъ обыкновенно шло такъ: сначала строили первую избу для воеводы, вторую для попа и третью, общую, для «служилыхъ людей», а насупротивъ ихъ — ссыпной амбаръ для хлѣба, погребъ для пороху и церковь. Церковь была «та же изба, только съ крестомъ на крышѣ».

Заводили осѣдлости на такихъ мѣстахъ, гдѣ кочевники имѣли обычай сходится для мѣны; тутъ ихъ разсчитывали «осѣтить и обрать съ нихъ ясакъ». Придумано было хорошо, и казаки, указавъ заводчикамъ, какъ собирать ясакъ, указали и слѣдовавшимъ за ними священно-церковнослужителямъ средства, какъ «просвѣщать язычниковъ святою вѣрою и чѣмъ отъ нихъ кормиться». «Просвѣщать же язычниковъ» — это было цѣлью прибытія духовныхъ въ сибирскую глушь, а «кормиться» отъ своей паствы имъ было необходимо, такъ какъ отъ казны имъ на все прожитье было «пожаловано въ годъ на попа по 28 руб., а на причетника по 18 рублей на ассигнацію» (=8 р. и 5 р. 30 к.). «Паства», которую только-что накрестили, вся состояла изъ кочевниковъ, которыхъ цѣлый годъ не увидишь—только разъ въ годъ, въ обычное время они сближаются къ извѣстнымъ мѣстностямъ для взаимнаго торговаго размѣна, и тутъ-то надо около нихъ сдѣлать все, что нужно, т.-е. и «осѣтить, обрать ясакъ и научить святой вѣрѣ». Когда воеводы со своими служилыми людьми хлопочутъ собирать съ народовъ ясакъ въ казну, тутъ же и священнику одно только время научить язычниковъ христіанству и исполнить для нихъ заднимъ числомъ всѣ

церковныя требы для живыхъ и мертвыхъ, и получить съ нихъ за это требоисправленіе побольше шкуръ въ свою пользу.

Въ церкви, или какъ сами казаки называли ихъ — «въ церквицѣ»—въ теченіе года бывали только воевода да его служилые люди, а «ясашныхъ» прихожанъ никогда не бывало. Молились ли они, и какъ и кому молились въ теченіе всего года — объ этомъ священникъ не могъ знать, и церкви, и попа они боялись; но зато, когда они сходились, чтобы отдать ясакъ воеводѣ, казаки «имали ихъ и загоняли на требы къ попу», и «народцы» одинаково считали «ясакомъ» какъ то, что̀ они платили воеводскимъ служилымъ людямъ, такъ и то, что̀ платили попу. Такъ они и говорили, что должны платить «два ясака: одинъ воеводѣ, а другой попу» *). Оба ясака взимались съ большимъ произволомъ: служилые люди «донимали» съ дикарей вдвое и болѣе противъ положеннаго, угрожая за недодачу лишеніемъ драгоцѣнной всякому свободы, а духовенство «правило свой ясакъ по количеству», т.-е. по числу душъ, которое дикари сами показывали въ своихъ семействахъ «съ удивительною простотою». Попъ спрашивалъ дикаря. «кто въ семьѣ народился, и кои померли, и кои жить поимались на̀-ново какъ мужъ съ женою», а дикарь, достаточно уже умудренный опытомъ, что ему отъ этихъ разспросовъ выйдетъ вредъ, все-таки всегда давалъ откровенный и справедливый отвѣтъ «съ врожденною простотою». По его же показаніямъ попъ его и «облагалъ, *какъ повелось* по правиламъ: за крещеніе новорожденнаго дитя 10 либо 15 бѣлокъ, за «очищеніе» (?) 5 бѣлокъ, за женитву— 2 соболя или 5 песцовъ». Иногда надъ дикарями заднимъ числомъ исполняли какіе-нибудь обряды, но бо̀льшею частію дѣло ограничивалось только сборомъ ясака, а наличностью производилась только одна исповѣдь,—при чемъ за разрѣшеніе грѣховъ всей семьи расплачивался съ попомъ

*) См. «Сибирскій лѣтописецъ» о ясакѣ.

старшій въ родѣ, и тутъ приходилось торговаться. Съ обыкновеннаго грѣшника брали отъ пяти до десяти бѣлокъ, но съ такого, у котораго было больше, священникъ требовалъ и ясакъ побольше, а въ общей сложности для отца семейства или главы рода это составляло расчетъ, противъ котораго онъ спорилъ. Исповѣдный ясакъ иногда доходилъ до двухсотъ бѣлокъ на семейство, и дикари этимъ очень тяготились, но «по простотѣ своей» своихъ грѣховъ всетаки не скрывали, а только спѣшили скорѣе «очиститься и бѣжать». Обыкновенно они «убѣгали» тотчасъ же послѣ исповѣди и не дожидались причастія, о важности котораго не имѣли понятія.

Сибирскіе священники распоряжались наложеніемъ ясака по всей своей волѣ. Свѣтскія власти въ это не вмѣшивались, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ «бироновщины», когда «духовнаго чина людямъ началось отъ свѣтскихъ командировъ и еретиковъ притѣсненіе и туга», но они «черезъ это время отстоялись и скоро достигли лучшаго вѣка Елизаветы». Однакоже какъ и въ Елизаветино время духовнымъ большого жалованья не дали, то духовные прибавили къ ясаку «*подать за скверноядство*».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Что̀ значитъ «скверноядство»? Это то, если человѣкъ ѣстъ что-нибудь «скверное», т.-е. «непоказанное ему для употребленія въ пищу». Скверное это не у всѣхъ одно и то же: въ старой Руси скверным почиталась телятина и теперь многими почитается за «скверно»—угорь, налимъ, минога, раки и устрицы, мясо козы, зайца, голубя и черепахи и т. д. Въ Сибири на огромныхъ пространствахъ, гдѣ кочуютъ «народцы», нѣтъ ни посѣвовъ, ни убойнаго скота, имѣющаго раздвоенныя копыта и отрыгающаго жвачку, а потому кочевники употребляютъ въ пищу все, что̀ можно съѣсть, и между прочимъ мяса «животныхъ, не показанныхъ» по требнику, а именно: «медвѣжью говядину, соболей и бѣлокъ».

Дикари ѣли эту пищу всегда, съ тѣхъ поръ какъ живутъ, и пока они не были окрещены Иннокентіемъ Кульчицкимъ, имъ и не представлялось, что это «скверно». Впрочемъ, и св. Иннокентій, зная мѣстныя условія жизни, взысканій за эту «скверность» не налагалъ. Но теперь настала пора извлечь изъ этого выгоду.

Сибирскіе духовные положили очищать «скверноядущихъ» дикарей особою молитвою, а за прочтеніе ея наложили «новый ясакъ» съ таксаціею: 1) за яденіе медвѣжьей говядины—одна цѣна, 2) за яденіе лисьяго и собольяго мяса—другая, и 3) за бѣлокъ и иныхъ меньшихъ звѣрковъ—третья.

За все это пошли сборы очень прибыльные, но и хлопотливые, такъ какъ надо было «слѣдить за скверноядцами и настигать ихъ», и тутъ ихъ «обкладывать и очищать молитвою», чтобы они потомъ вновь начинали «скверно ѣсть» на̀-ново *).

Духовные отъѣзжали въ поля для «настиганія и сбора», при чемъ полевали не всегда тихо, и случалось, что народцы на нихъ плакались, и свѣтскія власти пробовали защищать «народцы»; но тутъ въ сибирскомъ краѣ получилъ могучее значеніе Арсеній Мацѣевичъ, который имѣлъ «не-

---

*) По требнику, какой нынѣ находится въ употребленіи, нѣтъ раздѣленія разныхъ видовъ «скверноядства». «Молитва о скверноядныхъ» читается такъ: «Владыка Господи Боже нашъ, иже съ вышнихъ живый и на смиренныя призираяй: приклони ухо Твое и услыши насъ молящихся Тебѣ, и подаждь прощеніе Твоему рабу, имя рекъ, скверно-ядшему, и вкусшему мясъ или каковыхъ любо (sic) брашенъ нечистыхъ, ихъ же снѣди отреклъ еси въ законѣ святѣмъ Твоемъ,—сихъ же неволю причастившагося прости и сподоби его неосужденно причаститься страшныхъ таинствъ честнаго тѣла же и крове Христа Твоего, яко да избавится прочее всякаго нечистаго воспріятія и дѣянія, яко напитаваяся божественными Твоими таинствы и наслаждаяся святыя Твоя и тайныя трапезы и безсмертныхъ таинствъ и сохраняемый съ нами во св. Твоей церкви восхвалитъ и прославитъ имя Твое вышнее во вся дни живота своего» (Требникъ, гл. 52).

побѣдимую дерзость» и стоялъ горой за духовныхъ *). Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Сибирь, когда Биронъ и «еретики» были уже «свержены», и могъ знать Сибирь превосходно, такъ какъ въ 1734 году онъ находился въ экспедиціи, посланной для открытія морского пути въ Камчатку, и пробылъ въ Сибири до 1736 года, когда «по секретному дѣлу» былъ привезенъ изъ Пустозерска въ Адмиралтействъ-Коллегію, «но признанъ невиннымъ». Онъ былъ угрюмъ и дерзокъ отъ природы; питалъ нерасположеніе къ «свѣтскимъ властямъ» и всегда готовъ былъ дать имъ себя почувствовать. А потому, когда онъ достигъ, въ 1741 г., сана сибирскаго митрополита, онъ тотчасъ же издалъ «циркуляръ» **), «чтобы священно-церковнослужители отнюдь не смѣли обращаться въ свѣтскіе суды помимо своего епископа, подъ опасеніемъ низверженія по 11 правилу Антіохійскаго собора», а черезъ четыре мѣсяца совсѣмъ освободилъ духовенство отъ подчиненія свѣтскимъ властямъ и «узаконилъ непослушаніе онымъ». Въ іюлѣ 1742 года митрополитъ Арсеній «повелѣлъ, чтобы никто изъ духовныхъ лицъ безъ позволенія своей духовной команды никакихъ отъ свѣтской команды присылаемыхъ указовъ *не слушали*, и ежели кто отъ свѣтскихъ командировъ безъ сношенія съ духовною командою *дерзнетъ* кого изъ духовныхъ лицъ насильно къ суду своему привлекать, или *въ свидѣтельствѣ какомъ спрашивать*, или указы какіе безъ сношенія съ духовною командою духовнымъ лицамъ отъ себя посылать, то таковымъ присылать обстоятельные письменные протесты въ скорости».

Сибирское духовенство тогдашняго времени, и безъ того дерзкое и непокорное, увидало въ этомъ циркулярѣ Арсенія «законъ непокорности свѣтскимъ властямъ» и, «опираясь на него, упорно отказывалось отъ всякихъ сношеній

---

*) Изъ «синодальныхъ іеромонаховъ», хирот. 26-го марта 1741 г. во еписк. сибирскаго и тобольскаго; 1742, мая 13, митроп. ростовскій.

**) 28-го февр. 1742 г.

съ свѣтскими судами и администраторами». Духъ же, возобладавшій тогда въ правительствѣ, заставлялъ администратора «признать мнимую законодательную силу указа митрополита Арсенія».

При такихъ обстоятельствахъ, какія бы жалобы ни доходили отъ обывателей до «свѣтскихъ командировъ» на «нестерпимые поборы» со стороны духовенства,—командиры эти никакой защиты «претерпѣвающимъ» оказать не могли.

Арсеній однако здѣсь пробылъ не долго: заведя порядки въ Сибири, онъ былъ отозванъ на ростовскую каѳедру, а на мѣсто его стали другіе: Антоній Нарожницкій (1742—1748), а потомъ Селиверстъ Гловатскій (1749—1755). Это были люди не такіе крутые, какъ Мацѣевичъ, но «законъ Арсенія стоялъ въ своей силѣ» и духовенство постоянно оказывало «непокорность» свѣтскимъ правителямъ. Бывали въ этомъ родѣ случаи, которымъ даже трудно вѣрить.

Въ 1751 году (при Селиверстѣ Гловатскомъ) проживавшій въ г. Томскѣ коллежскій ассесоръ Костюринъ убилъ принадлежавшую ему крѣпостную дѣвку, а потомъ велѣлъ ее одѣть и «положить подъ святые» и позвать священника, чтобы отправить по ней панихиду. Пришелъ священникъ «градо-богоявленской церкви съ причетомъ», и когда стали пѣть панихиду, то «*причетъ* усмотрѣлъ на покойницѣ боевые знаки и тотчасъ же, по выходѣ изъ дома Костюрина, подалъ о томъ вѣдѣніе въ воеводскую канцелярію». Воеводская канцелярія сразу же, «немедленно» послала своихъ полицейскихъ или, по-тогдашнему, «дѣтей боярскихъ», чтобы тѣ освидѣтельствовали тѣло усопшей, и по этому осмотру оказалось, что «причетъ» не ошибся: «на тѣлѣ умершей были найдены боевые знаки, которые и были признаны *смертельными*».

Воеводская канцелярія тотчасъ же начала слѣдствіе, но «по силѣ указа митрополита Арсенія, отъ 22 іюля 1742 года», не сочла себя въ правѣ отобрать формальное показаніе отъ «причета». Надо было испросить на это разрѣшеніе

у «закащика» (благочиннаго), а «закащикъ былъ въ отлучкѣ по своему заказу и скораго возвращенія онаго нечаятельно». Томская воеводская канцелярія, 28 ноября 1751 года, донесла о своемъ затрудненіи въ губернскую канцелярію, а та, 8 апрѣля 1752 г. (черезъ пять мѣсяцевъ послѣ убійства), «заглушала» это донесеніе, а 19 августа (черезъ девять мѣсяцевъ) сообщила тобольской духовной консисторіи, которая «свѣтскимъ командирамъ» людей своей команды спрашивать не дала, а ровно черезъ годъ послѣ убійства, въ ноябрѣ 1752 года, послала въ Томскъ указъ своему «закащику», и этимъ указомъ *) «съ резолюціи митрополита Селиверста» предписано заказчику «самому отобрать нужныя по этому дѣлу показанія отъ причта градобогоявленской церкви и доставить оныя не въ томскую воеводскую канцелярію», которая ожидала этихъ свѣдѣній, а «на архипастырское благоусмотрѣніе его преосвященства».

При такихъ проволочкахъ всѣ слѣды совершеннаго убійства, разумѣется, исчезли, и дѣло «предано волѣ Божіей», а въ новомъ указѣ м. Селиверста (отъ 22 ноября 1752 г.) сибирское духовенство получило еще «наикрѣпчайшее подкрѣпленіе неподчиненности своей, узаконенное м. Арсеніемъ въ указѣ 22 іюля 1742 года». Сибирское духовенство «подкрѣплялось» и заняло такую позицію, что общее правосудіе для него ничего не значило.

Такъ и продолжалось до 1762 года, когда Екатерина II назначила въ Сибирь губернаторомъ бригадира Чичерина, котораго одни съ любовью величали «батюшкой», а другіе съ ужасомъ называли «бѣшенымъ конемъ».

Тутъ пошло другое.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Денисъ Ивановичъ Чичеринъ былъ человѣкъ не злой и даже, можетъ-быть, добрый, но гордый, заносчивый и

*) Указъ тоб. д. консист. 22-го ноября 1752 г.

пылкій: спорить съ нимъ было не легко, да и духъ правительства въ это время перемѣнился и не давалъ болѣе преферанса «духовнымъ командирамъ надъ свѣтскими» *). Чичеринъ могъ остановить дерзость и находилъ въ этомъ свое удовольствіе: онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ «съ превеликою пышностію», и засталъ здѣсь на митрополичьей каѳедрѣ Павла Конюскевича **).

О Чичеринѣ въ Сибири, разумѣется, знали, и чиновные люди ожидали его «съ притрепетомъ» и говорили, что онъ «ужасно себя покажетъ»; но духовные «не брегли, уповая на законы Арсеніевы». Знатоки жизни обращали вниманіе на то, что Чичеринъ передъ этимъ былъ въ немилости и «долго находился въ бездѣйствіи», а между тѣмъ очень любилъ властвовать, и потому, какъ бы взалкавъ, теперь «скоро себя вознаградитъ за все терпѣніе». При этомъ увѣряли, будто онъ получилъ отъ монархини безмѣрныя полномочія и «воленъ на всѣхъ въ жизни и смерти». Разсказывали также чудеса о его великомъ богатствѣ и царственной щедрости: «кто ему угодитъ, онъ того въ дворяне произведетъ и золотомъ засыплетъ». А Денисъ Ивановичъ зналъ, что ему предшествуетъ такая выгодная молва, и сдѣлалъ такъ, что превзошелъ всѣ слухи, предшествовавшіе его прибытію въ Тобольскъ. Онъ поразилъ Сибирь своимъ вступленіемъ въ ея предѣлы. Одной прислуги съ нимъ пріѣхало полтораста человѣкъ, въ числѣ которыхъ были гайдуки, скороходы, конюхи и повара. Самъ онъ въѣхалъ въ богатѣйшей каретѣ, за которою слѣдовалъ «штатъ», состоявшій изъ лицъ военныхъ и гражданскихъ,

---

*) Денисъ Ив. Чичеринъ, капитанъ сем. полка; при восшествіи имп. Петра III «отставленъ премьеръ-майоромъ, но недолго находился въ бездѣйствіи: имп. Екатерина II, переименовавъ его въ бригадиры, опредѣлила губернаторомъ въ Сибирь. Пользовался особеннымъ довѣріемъ монархини» (Слов. достоп. люд. р. з., т. V).

**) Павелъ Конюскевичъ былъ митрополитомъ въ Тобольскѣ съ 1758 по 1768 г. Вмѣстѣ съ Чичеринымъ служилъ въ Тобольскѣ шесть лѣтъ (съ 1762 по 1768).

и, вступивъ въ домъ, никого изъ духовныхъ особъ къ себѣ не позвалъ и самъ *къ митрополиту не поѣхалъ* и даже объявилъ, что «не желаетъ имѣть съ нимъ знакомства». Съ перваго же дня своего пріѣзда Чичеринъ сталъ приглашать къ своему столу «ежедневно не менѣе какъ по тридцати стороннихъ особъ изъ разныхъ сословій, а въ нарочитые дни и болѣе», но ни разу не позвалъ митрополита или кого-нибудь изъ духовенства. Въ обхожденіи со всѣми онъ тоже былъ простъ и обо всѣхъ участливо узнавалъ, кому какъ живется, но объ одномъ митрополитѣ ничего не хотѣлъ знать. Митрополитъ Павелъ почувствовалъ обиду отъ этого пренебреженія, но еще не сробѣлъ и надѣялся дать Чичерину урокъ и заставить его понять, что духовное величіе выше плотского: митрополитъ скрылъ обиду на сердцѣ своемъ, терпѣлъ до «торжественнаго именитаго дня Александра Невскаго» и въ тотъ день собрался служить съ великою пышностью, чтобы напомянуть людямъ и о своемъ величіи. Говорили, будто бы онъ намѣревался даже чѣмъ-то «уловить Чичерина въ несоблюденіи» и хотѣлъ произнесть ему обличеніе; но всѣ эти намѣренія митрополита остались невыполненными, а Чичеринъ страшно восторжествовалъ. Дѣло было въ томъ, что это разсчитанное столкновеніе произошло въ *орденскій день* того самаго ордена, котораго Чичеринъ былъ кавалеромъ и «имѣлъ его одѣяніе». А потому едва митрополитъ началъ свое торжественное служеніе, незамѣтно чѣмъ превосходящее обыкновенное архіерейское служеніе, какъ на площади Тобольска открылось никогда еще здѣсь невиданное и поразительное зрѣлище: это было шествіе, которое совершалъ самъ Денисъ Ивановичъ Чичеринъ, «облеченный въ орденскую *мантію*» (которую простой народъ называлъ «мантиліей»). Онъ шествовалъ въ соборъ въ семъ величественномъ и никѣмъ до сей поры невиданномъ одѣяніи, сопутствуемый военными и гражданскими чиновниками въ расшитыхъ мундирахъ, а за ними все множество людей, которые успѣли собраться и слѣдовали за великолѣпнымъ выходомъ Чи-

черина. Въ городѣ всѣ побѣжали смотрѣть на губернатора, и смятеніе, сдѣлавшееся по этому случаю, проникло даже въ храмъ, гдѣ служилъ архіерей, и здѣсь, какъ заслышали, что по улицѣ идетъ губернаторъ «въ мантильѣ», всѣ выскочили изъ церкви и гурьбою повалили встрѣчать и сопровождать Чичерина въ мантіи... Митрополитъ остался въ храмѣ съ одними своими сослужащими, да и изъ тѣхъ нашлись легкомысленники, которые бросились къ окнамъ и все позабыли, смотря на Чичерина, который казался имъ «совсѣмъ какъ карточный король». Зрѣлище это имѣло какое-то ошеломляющее вліяніе на тобольцевъ. Говорятъ, что когда «Чичеринъ въ мантиліи» и со свитою изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ прошелъ уже весь путь отъ своего дома до собора и поднимался на всходы храма, то растерявшіеся звонари, не зная, какъ имъ поступать, подняли трезвонъ, а народъ вопрошалъ: «неужели еще Соломонъ болѣе сего былъ въ славѣ своей?» И въ храмѣ люди будто уже «ни пѣнія, ни молитвъ не слыхали, а единственно только великолѣпію вельможи дивились». По окончаніи же службы, когда Чичеринъ обратился къ выходу, «не удостоивъ говорить со владыкою», то всѣ люди опять и устремились за своимъ пестрымъ «карточнымъ королемъ» и не ожидали владыческаго благословенія. Такъ всѣхъ плѣнило и увлекало показанное Чичеринымъ великолѣпіе, передъ которымъ благочестіе города Тобольска не устояло, и люди обнаружили всю свою суетность!

«Народъ рукоплеща» проводилъ батюшку Діонисія Ивановича до его губернаторскаго дома или «дворца», и по пути многіе, «ловя, лобызали его руки, кои онъ простиралъ имъ изъ мантіи» *). Потомъ же Чичеринъ «давалъ обѣдъ

*) Объ этой «мантіи» или «мантиліи», въ которой Чичеринъ сдѣлалъ «орденское шествіе», разсчитанное на то, чтобы импонировать тобольскому митрополиту Павлу Конюскевичу, упомянуто у Бантыша-Каменскаго; но указаніе, кажется, не обстоятельно и сбивчиво. Чичеринъ пріѣхалъ въ Сибирь въ 1762 г., а въ 1765 г. получилъ орденъ св. Анны, тогда еще голштинскій; орденъ же Александра Нев-

при громѣ музыки, орудій и неумолкаемой ружейной стрѣльбѣ».

Митрополитъ Павелъ увидалъ, что ему съ такимъ противникомъ не справиться: онъ болѣе на Чичерина и не пошелъ, а сталъ говорить о своемъ желаніи ѣхать въ Кіевъ на богомолье. Губернаторъ же забиралъ ретиво, и управленіе его многимъ нравилось; это было управленіе во вкусѣ Гарунъ-аль-Рашида: Чичеринъ вставалъ съ постели въ четыре часа утра и допускалъ къ себѣ всѣхъ просителей безъ доклада, и рѣшалъ самъ дѣла всякаго рода безъ исключенія. Такое судбище у насъ до сихъ поръ имѣетъ своихъ приверженцевъ. Чичеринъ выслушивалъ жалобщика и сейчасъ же посылалъ за отвѣтчикомъ, а иногда и прямо сразу опредѣлялъ кто правъ, а кто виноватъ, и «правымъ оказывалъ скорѣе удовлетвореніе, а ябедниковъ наказывалъ въ то же время». Наказанія онъ часто производилъ «отечески», т. е. собственноручно или черезъ «ближайшую особу». Это тоже нравилось; говорили: «отца родного не надо какъ Діонисъ Иванычъ: поучитъ, а несчастнымъ не сдѣлаетъ». «Такъ поступалъ онъ и съ подчиненными своими, впадавшими въ проступки; но за гнѣвомъ немедленно слѣдовали милости, а если то было напрасно, то и извиненія». «Вспыльчивость и горячность его не долго продолжались», и когда гнѣвъ съ него сходилъ, онъ «старался оказывать каждому услуги» и слылъ за человѣка «добраго сердца». «Въ занятіяхъ былъ *неутомимъ*» и легко переходилъ отъ одного дѣла къ другому. Онъ не

скаго данъ ему въ 1785 г. Митрополитъ же Павелъ «спассовалъ» передъ Чичеринымъ и «уволился въ Кіевъ по обѣщанію въ 1768 году». Слѣдовательно, демонстративное «шествіе», въ видѣ короля, Чичеринъ могъ произвесть не ранѣе 1765 года и, вѣроятно, былъ при томъ въ «орденскомъ одѣяніи» или въ мантіи св. Анны, а не Александра Невскаго, красная бархатная мантія котораго на бѣломъ подбоѣ установлена только въ 1797 году императоромъ Павломъ, при «улучшеніи одѣянія» этого ордена. Чичеринъ тогда уже не жилъ († 1785 г.).

только былъ высшій правитель «обширнѣйшаго края», но не пренебрегалъ и низшими обязанностями полицеймейстера: вставалъ ночами, бралъ съ собою гусаровъ и вдругъ наѣзжалъ въ такія мѣста, гдѣ могли быть темныя сборища и безпорядки, и сейчасъ же самъ возстановлялъ здѣсь порядки... Даже самое увеселеніе собранныхъ имъ къ себѣ гостей не удаляло Чичерина отъ страсти къ быстрой расправѣ. «Если до него доходили какія-либо происшествія во время съѣздовъ (т. е. при гостяхъ), то онъ безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ переходилъ изъ гостиныхъ покоевъ въ канцелярію, допрашивалъ здѣсь прикосновенныхъ и виновныхъ наказывалъ, а потомъ возвращался къ дамамъ съ пріятностью, не объявляя никому о томъ, что̀ дѣлалъ». Только особенно близкія персоны знали, что̀ значитъ такое удаленіе. Получивъ во время бала извѣстіе о томъ, что у него показались пугачовскія шайки, Чичеринъ вышелъ изъ залы, оставивъ гостей веселиться, а «когда надлежало гостямъ разъѣзжаться, онъ роздалъ повеселѣвшимъ чиновникамъ запечатанные конверты и отдалъ приказъ выступить двумъ ротамъ, съ тѣмъ, чтобы врученныя бумаги были вскрыты не позже, какъ по прибытіи ихъ въ назначенныя мѣста». Отъ этого въ Тобольскѣ получился большой эффектъ; но тамъ, куда выступившіе пришли, ихъ встрѣтили неудачи, зависѣвшія отъ того, что скорое распоряженіе, послѣдовавшее подъ звуки бальной музыки, оказалось очень неудобнымъ при встрѣчахъ съ разбойниками. Впрочемъ, къ удовольствію Чичерина, посланные имъ «экспромту» войска хотя и пострадали и самыхъ важныхъ людей упустили, но все-таки изловили нѣсколько «бунтовщиковъ, вспомоществовавшихъ Пугачеву», и Чичеринъ сейчасъ же четверыхъ изъ нихъ повѣсилъ въ Тобольскѣ. Это почиталось достаточнымъ, въ смыслѣ благопріятнаго впечатлѣнія...

Чичеринъ видѣлъ, конечно, и всѣ дурныя стороны мѣстнаго церковнаго управленія и не прочь былъ сдѣлать что-нибудь лучшее; но, по его мнѣнію, ему «не съ кѣмъ было

объ этомъ говорить»; митрополитъ Павелъ, котораго онъ засталъ въ Тобольскѣ, былъ ему неугоденъ, а митрополитъ тоже говорилъ, что «не желаетъ имати въ немъ тивуна или судью духовныхъ дѣлъ, по примѣру тивуна Маноплова, исправлявшаго чинъ церковной оправы» *). На этихъ ихъ «контрахъ» застряли и сборы за «небытіе», и безпрепятственно совершалось «доняманіе за скверноядство». Чтобы улучшить что-нибудь въ церковномъ управленіи, Чичерину казалось необходимымъ сбыть съ рукъ Павла и посадить на его мѣсто другого человѣка, болѣе съ нимъ согласнаго. Но Павелъ просился на богомолье, а пока все-таки не уступалъ и старался платить Чичерину око за око и зубъ за зубъ. Наконецъ, онъ до того разсердилъ Чичерина, что тотъ (какъ повѣствуетъ «Тобольскій Лѣтописецъ») «во время гулянья на масляницѣ приказалъ своимъ прислужникамъ нарядиться въ монашеское платье и въ такомъ видѣ заѣзжать въ городскіе кабаки и развратные дома; а митрополитъ въ свою очередь, въ отплату Чичерину, приказалъ (sic) въ одной градской церкви на картинѣ страшнаго суда изобразить на первомъ планѣ Чичерина, котораго тянутъ крюкомъ за животъ въ пекло рогатые бѣсы» **).

Чичеринъ этого будто не устыдился, а только смѣялся надъ этимъ. Онъ ужъ такъ «усилился», что сталъ «давать около Тобольска чиновникамъ заимки и производить ихъ въ сибирскіе дворяне», и митрополитъ, видя его усиліе, опять началъ проситься у Сѵнода въ Кіевъ на богомолье, гдѣ и умеръ, а на его мѣсто въ Сибирь былъ назначенъ Варлаамъ (Петровъ), «братъ славнаго новгородскаго митрополита, съ которымъ Чичеринъ находился въ дружескихъ связяхъ» ***).

Варлаамъ дѣлалъ все угодное губернатору: онъ назвалъ «сборъ за небытіе» «самонужнѣйшимъ государственнымъ

*) Упоминается въ Стоглавѣ, № 525.

**) Выписано изъ «Тобольск. Лѣтописца».

***) Слов. дост. люд., т. V, стр. 279.

дѣломъ» и не мѣшалъ Чичерину «быть тивуномъ» на самомъ дѣлѣ: при немъ Денисъ Ивановичъ ѣздилъ ревизовать духовенство и забралъ къ себѣ нѣсколько поповъ въ канцелярію, куда имѣлъ обычай заходить иногда по-домашнему — въ бешметѣ и съ арапникомъ въ рукѣ.

Однако, все это сокрушило только тѣхъ, которые попались «тивуну», а остальные продолжали всѣ свои безчинства и «гонялись за очищеніемъ скверноядства». Съ этой послѣдней заботой здѣсь дошли до такого изступленія, что въ постоянныхъ охотахъ «попы даже дни позабыли», что̀ и послужило этому дѣлу *какъ бы* къ закончанію.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ 1780 году Чичеринъ, произведенный въ чинъ генералъ-поручика, оставилъ Сибирь. Духовенство пріободрилось и повело дѣло по-старинѣ, въ духѣ «Арсеніевой независимости». «Народцы» терпѣли въ молчаніи. Надъ Европой пронеслись величайшія событія, именуемыя французскою революціею; въ Москвѣ побывали дванадесять языкъ; облеченные довѣріемъ государя, сенаторы Лопухинъ и Нелединскій, увидавъ расправу съ молоканами въ Харьковѣ, дѣлали представленія въ духѣ терпимости, и всѣмъ было извѣстно желаніе императора «воздержать начальниковъ въ предѣлахъ ихъ власти» («Р. Арх.», стр. 104), а въ сибирскихъ тундрахъ съ крещеными «народцами» дѣлали все, что̀ хотѣли, и это необузданное безчинство дошло до того, что наконецъ сами просвѣтители потеряли память и разучились различать дни въ недѣлѣ.

Въ 1819 году поѣхалъ по Сибири какой-то «именитый путешественникъ». Прибывъ на рѣку Тазъ, онъ пожелалъ присутствовать при богослуженіи въ тамошней церкви, «въ чемъ, однако, не могъ получить себѣ удовлетворенія» *). Почему именно богомольный путешественникъ «не полу-

*) Предложеніе министра духовн. дѣлъ, получ. архіеп. тобольскимъ Амвросіемъ Келембетомъ 16-го апрѣля 1820 г.

чилъ удовлетворенія»—изъ матеріаловъ, дошедшихъ ко мнѣ отъ генерала Асташева, не видно; видно одно, что «сіе было въ *четвертокъ*, но мѣстный священникъ доказывалъ путешественнику, что *день тотъ былъ пятокъ*, и такимъ образомъ (выходитъ, что) *вмѣсто воскреснаго дня священникъ отправлялъ службу въ субботу*, а воскресный день оставлялъ безъ литургій».

Путешественникъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ князю Николаю Александровичу Голицыну. Князь Голицынъ тогда имѣлъ обширную власть: онъ былъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія *), а сверхъ того **) управлялъ еще министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и именовался главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ могъ сдѣлать очень много и вообще «эту эпоху дѣятельной жизни своей ознаменовалъ подвигами, достойными перейти въ потомство» ***). Его уже называли: «другъ царя и человѣчества» ****), и онъ дѣйствительно нерѣдко успѣвалъ быть «доступенъ голосу обидимыхъ несправедливостью» и «не любилъ нетерпимость, а уважалъ чистое христіанское благочестіе».

Письмо, написанное путешественникомъ съ Таза, пришло къ князю Голицыну одновременно съ «извѣстіемъ изъ Туруханска, что священники тамошняго края заражены корыстолюбіемъ и сильно притѣсняютъ ясашныхъ инородцевъ».

Оба извѣстія, кажется, послѣдовали изъ одного и того же источника, т. е. отъ путешественника, который увидалъ безпорядки и злоупотребленія сибирскаго духовенства и находилъ себя въ благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы обратить на это непосредственное вниманіе «высокомощнаго друга человѣчества» *****).

---

*) Съ 16-го ноября 1817 г.

**) Въ 1819 г.

***) Слов. достопамятн. людей. Т. I, стр. 418

****) Ibidem.

*****) Такой образъ дѣйствій тогда не считался за дерзкое вмѣша-

Голицынъ немедленно же далъ ходъ этому дѣлу, направя его «по вѣдомству духовныхъ дѣлъ». Архіепископъ тобольскій Амвросій (1-й) Келембетъ *), 16-го апрѣля 1820 г., получилъ отъ князя Голицына «строжайшее предписаніе произвесть немедленное и самострожайшее слѣдствіе», какъ о священникахъ, «сильно притѣсняющихъ ясашныхъ инородцевъ», такъ и о тазовскомъ священникѣ, который помѣшалъ дни.

Дѣла эти, показавшіяся Голицыну за что-то необычайное, въ Тобольскѣ никого не удивили: здѣсь всѣ знали, что ясакъ собирается съ дикарей духовными искони и постоянно и всегда въ произвольномъ размѣрѣ; священники же, странствуя въ отдаленныхъ мѣстахъ, «путаютъ дни», а потому за это даже нельзя было строго и взыскивать, такъ какъ у священниковъ «часовъ численныхъ не было и въ разъѣздахъ ихъ дни у нихъ нерѣдко приходили въ забвеніе».

Архіепископъ Амвросій доставилъ объясненіе, что «на притѣсненія ясашныхъ священниками» жалобы дѣйствительно иногда бывали, но что дѣла эти были несерьезны и «или прекращались сами собою, за давностію времени, или оканчивались взаимнымъ примиреніемъ; а если дикари могли представить несомнѣнныя доказательства, что ихъ «обираютъ», тогда причту «былъ выговоръ».

Князю Голицыну, однако, разсказали, что въ Сибири всѣ изслѣдованія о разорительныхъ поборахъ духовенства производитъ обыкновенно «одинъ сосѣдній священникъ

тельство «непризваннаго самозванства«, и всѣ знали, что откровенныя мнѣнія сенатора Лопухина о русской набожности были приняты государемъ какъ умное и правдивое слово, а Лопухинъ смотрѣлъ такъ, что «хотя у насъ въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: «люби Бога, люби ближняго», но не воспитываютъ той натуры, коей любовь свойственна; а это все равно какъ бы разслабленнаго больного, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставить ходить» («Р. Арх.» 84 г., стр. 17).

*) Еп. тоб. съ 1806 по 1822 г. (уволенъ 22-го дек. 1822 г.). См. Юр. Толстой.

надъ другимъ таковымъ же», и потому они другъ друга покрываютъ и лгутъ, и на ихъ изслѣдованія полагаться нельзя. Голицынъ поблагодарилъ за указаніе и принялъ противъ сибирской поповской взаимщины такія мѣры, которыя, по мнѣнію этого высокопоставленнаго вельможи, должны были положить конецъ злоупотребленію слѣдователей, а вмѣсто того сдѣлали невозможнымъ даже самое начало слѣдствія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія назначилъ слѣдствіе надъ «тазовскимъ забвенникомъ» и надъ притѣснителями дикихъ скверноядцевъ, предписавъ, чтобы слѣдствіе это производилось «съ прикомандированіемъ депутата со свѣтской стороны». Депутатъ съ свѣтской стороны еще могъ быть допущенъ по уголовному дѣлу, въ которомъ вмѣшаны міряне и клирики, но по дѣлу чисто церковному, каково есть по своему существу недоразумѣніе между прихожанами и духовникомъ, — депутатъ съ свѣтской стороны представлялся лицомъ неумѣстнымъ, излишнимъ и крайне нежелательнымъ. А потому въ Тобольскѣ думали, что архіерей Амвросій Келембетъ «не подчинится» и не допуститъ свѣтскаго депутата къ слѣдствію между прихожанами и ихъ духовникомъ, но Амвросій не только подчинился, а даже засуетился и заспѣшилъ. Онъ призвалъ къ себѣ секретаря консисторіи и «повелѣлъ ему въ два дня сдѣлать все, какъ указано». Тобольская консисторія разсудила, что ужъ если спѣшить, такъ спѣшить, и дѣйствительно въ два дня провела все: докладъ, журналъ, особый протоколъ и исполненіе,—и все въ томъ духѣ, какъ угодно было «другу людей». По предложенію или предписанію, полученному тобольскимъ архіереемъ только 16-го апрѣля, 19-го апрѣля уже былъ посланъ «самонужнѣйшій указъ» консисторіи въ туруханское духовное управленіе «о самонаистрожайшемъ производствѣ слѣдствія, по пунктамъ, указаннымъ въ *предписаніи* министра».

Указъ этотъ скакалъ до Туруханска два мѣсяца, — и зато, какъ только духовное правленіе его распечатало, такъ сейчасъ же отнеслось въ тамошній земскій судъ о «самонемедленнѣйшемъ командированіи депутата».

Тутъ Голицынское строгое предписаніе и стерли въ порошокъ.

Весь личный составъ туруханскаго земскаго суда состоялъ въ эту пору *изъ одного секретаря*, который самъ себя командировать не могъ. Исправникъ же и дворянскій засѣдатель (въ Туруханскѣ!!) были «въ отлучкахъ по обширному краю, и судъ не могъ дать свѣденій: гдѣ они въ данное время находятся».

Ихъ ждали до октября мѣсяца, а въ это время духовное правленіе, чтобы показать свою дѣятельность, «еженедѣльно писало въ земскій судъ повторенія о командированіи депутата, а секретарь земскаго суда тоже еженедѣльно отвѣчалъ, что командировать некого, ибо всѣ члены въ расходѣ».

Наконецъ, секретарю земскаго суда надоѣло, что духовное правленіе такъ щеголяетъ своею исполнительностью и настояніями, и онъ, перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, самъ «запросилъ правленіе: на какія средства долженъ отправиться депутатъ по обширному краю», такъ какъ Сперанскій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы и «чиновники даромъ не ѣздили, а тоже платили бы прогоны».

Правленіе не нашлось, что́ отвѣчать, и сдѣлало представленіе въ консисторію, а консисторія отнеслась въ губернское правленіе, а губернское правленіе потребовало справокъ отъ туруханскаго земскаго суда (вѣроятно, о разстояніяхъ), и *прошелъ годъ*, а слѣдователи изъ Туруханска еще не выѣхали и справы о «небытіи» и о «скверноядствѣ» все шли по-старому, своимъ удивительнымъ порядкомъ.

Но вотъ въ декабрѣ 1820 года въ Туруханскъ возвратился изъ долгаго объѣзда исправникъ Воскобойниковъ, и ему сейчасъ же объяснили, что онъ опять долженъ немедленно ѣхать по важному дѣлу, указанному министромъ.

Воскобойниковъ не сталъ ждать разрѣшенія вопроса о прогонахъ и готовъ былъ сейчасъ выѣхать, но въ это самое время пріѣхалъ засѣдатель Монголевъ и сообщилъ, что «ясачные по рѣкамъ Тазу и Турухану всѣ разъѣхались по своимъ промысламъ и собрать ихъ для слѣдствія теперь нельзя».

Надо было ждать весны 1821 года. Дождались. Депутатъ былъ готовъ и долженъ былъ выѣхать вмѣстѣ съ слѣдователемъ, а слѣдователемъ былъ назначенъ второй членъ туруханскаго духовнаго правленія священникъ Александръ Верещагинъ,—родной братъ того «тазовскаго забвенника», который «перебилъ дни» и надъ которымъ надо было производить строжайшее слѣдствіе. Каково бы ни вышло это слѣдствіе, производимое братомъ надъ братомъ, но и оно, однако, не состоялось, потому что священникъ Александръ Верещагинъ передъ выѣздомъ изъ Туруханска умеръ. Во всемъ городѣ теперь оставался только одинъ священникъ, протоіерей Куртуковъ, но онъ не могъ командировать самого себя, да и не могъ оставить городъ безъ требоисправителя.

Все какъ будто издѣвалось надъ «другомъ людей».

Когда донесли объ этомъ, весною 1820 года, консисторіи, она уже не приняла дѣла съ прежнею горячностью и сама протянула съ отвѣтомъ до осени, а осенью послала въ Туруханскъ такое предписаніе, которое «удивило всѣхъ, какъ духовныхъ, такъ же и свѣтскихъ». А именно: тобольская духовная консисторія, какъ будто на смѣхъ надъ предписаніемъ министра, назначила слѣдователемъ «содержавшагося въ туруханскомъ монастырѣ штрафного попа Чемесова», который былъ присланъ въ туруханскій монастырь изъ Томска «за безмѣрное пьянство и буйство и за неудобь-описуемые поступки».

Назначеніе это такъ смутило туруханскаго исправника Воскобойникова, что онъ отмѣнилъ свое намѣреніе — самому ѣхать депутатомъ съ свѣтской стороны, и послалъ къ Чемесову вмѣсто себя смотрителя поселенцевъ Данилова.

Но пока и эти неавантажные слѣдователи собрались вы-

ѣзжать, кочевники ихъ не стали дожидаться и разсѣялись по своимъ промысламъ.

Опять начинаются ожиданія до весны 1822 года, и на этотъ разъ «штрафной попъ» Чемесовъ выѣхалъ «для всчатія дѣла» и, выѣхавши, сдѣлалъ для начала кое-что такъ хорошо, какъ нельзя отъ него было и надѣяться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Прежде всего Чемесовъ принялся за «тазовскаго забвенника», какъ за лицо, допустившее «анекдотъ», оскорбившій особу именитаго путешественника.

Забвенникъ повинился, что онъ дѣйствительно «помѣшался въ счетѣ дней», и что случилось это, вѣроятно, въ ноябрѣ или въ декабрѣ, когда въ ихъ мѣстахъ солнце почти не показывается и весь край освѣщается одними сѣверными сіяніями, а потому не разберешь иногда: когда надо ложиться и когда вставать, и въ это темное время не съ нимъ однимъ бываетъ, что днями ошибаются и путаются.

— «Въ этомъ каюсь».

Слѣдователь донесъ какъ дѣло было, а самъ отправился «сыскивать», какъ обижаютъ «небытейщиковъ и скверноядцевъ», и опять, кажется, имѣлъ намѣреніе показать правду, — по крайней мѣрѣ то, о чемъ донесъ Чемесовъ, было не противъ обидимыхъ, а *за нихъ*, и противъ обидчиковъ; но тутъ бѣдный Чемесовъ спутался и встрѣтилъ множество препятствій для окончанія слѣдствія.

Между тѣмъ открытія Чемесова все-таки драгоцѣнны: онъ отыскалъ такихъ небытейцевъ, которымъ нельзя было и явиться «бытейцами», такъ какъ это были люди, которые совсѣмъ не считали себя христіанами. Они откровенно и прямо говорили, что не знаютъ, отчего ихъ называютъ крещеными, и что они никогда не бывали у исповѣди, да и родители ихъ и дѣды тоже никогда не бывали, а платить штрафъ за небытіе они согласны, потому что пусть это такъ идетъ, какъ издавна повелось, лишь бы ихъ «не гоняли», но отчего такъ повелось—они тоже не знаютъ. Объ

обидахъ, какія потерпѣли «скверноядцы», дознавать было очень трудно, такъ какъ со времени заявленія объ этомъ путешественникомъ уже прошло два года, въ теченіе которыхъ кочевники не разъ перемѣнились мѣстами, а тѣ, которые не измѣнили мѣстъ, все-таки не искали случая свидѣться съ слѣдователемъ, а напротивъ, «удалялись за рѣки». Чемесовъ, однако, все-таки кое-кого изъ этихъ людишекъ настигъ и дозналъ отъ нихъ, что поборы за скверноядство были большіе и никогда не кончались. Приходы ясашные были велики,—верстъ на тысячу и даже на полторы *), и прихожане тутъ осѣдло не живутъ, но Чемесовъ кое-кого достигалъ, и въ Имбацкомъ приходѣ узналъ, что дѣйствительно ихній священникъ, по фамиліи Кайдаловъ, «наложилъ на нихъ ясакъ *за скверноядство*» и бралъ за прочтеніе разрѣшительной молитвы отъ скверноядения за каждаго человѣка въ большой семьѣ по 20 бѣлокъ, а въ маломъ семействѣ по 30 бѣлокъ съ души, и что платежъ этотъ очень тягостенъ, такъ какъ «скверно ѣсть» дикарямъ приходится постоянно и постоянно же надо за это платить духовенству, а «хорошей ѣды» достать негдѣ. Кромѣ того, Чемесовъ разслѣдовалъ, что ясашные Имбацкаго прихода платили священнику Кайдалову по 20 бѣлокъ въ годъ за скверноядство, да по 30 бѣлокъ за житье съ невѣнчанною женою, и по 20 бѣлокъ «за дѣтеныша», а кто «отбѣгалъ» отъ этого ясака, съ тѣхъ Кайдаловъ «донималъ еще дороже: такъ, напримѣръ, остяки Сѣрковъ и Тайковъ не являлись два года очищаться отъ скверноядения», и Кайдаловъ, прослѣдивъ это, требовалъ съ нихъ по два соболя, а когда они не признавались на исповѣди, то онъ тутъ же въ церкви таскалъ ихъ за волосы и ругалъ всячески, а какъ Сѣрковъ еще не зналъ наизусть молитвъ, то Кайдаловъ, заперъ его въ холодной церкви и морилъ тамъ въ холодѣ двое сутокъ голодомъ, но тотъ все-таки молитвы не выучилъ, а «подалъ ему двухъ соболей». Съ остяка Ивана Ортюгина, который

*) Напримѣръ, тазовскій приходъ—900 верстъ, хантайскій—1.200, и хатаганскій—1.350 верстъ.

питался одною медвѣжьей говядиной, священникъ «взялъ ясака за молитву два соболя да тридцать бѣлокъ». И такихъ случаевъ, гдѣ священникъ Кайдаловъ ясно уличался въ злоупотребленіяхъ указаннаго рода, Чемесовъ ввелъ въ дѣло «больше сотни».

Тогда увидали, что на смѣхъ назначенный въ слѣдователи «штрафной попъ» и пропойца Чемесовъ ведетъ дѣло какъ энергическій и справедливый человѣкъ, и попъ Чемесовъ исчезаетъ и о немъ больше не упоминается, а небезуспѣшно начатое имъ дѣло тянулось многіе годы и, дошедши опять до тобольской консисторіи, получило себѣ тамъ очень умиротворяющее заглавіе, а именно, его наименовали здѣсь: «Туруханское дѣло *о злоупотребленіи природною простотою жителей*».

Болѣе удачнаго тона для смягченія некрасивой сущности этого дѣла, кажется, трудно было придумать; но однако священникъ Кайдаловъ и этимъ еще остался недоволенъ и когда ему дали «вопросные пункты», — между прочимъ, не употреблялъ ли онъ во зло простоту мѣстныхъ природныхъ жителей? — то онъ обидѣлся и отвѣчалъ: «я никакой простоты въ ясашныхъ не знаю, и даже никогда не подозрѣвалъ, что они просты».

Такіе наглые отвѣты Кайдаловъ давалъ въ 1824 году, зная, что князь А. Н. Голицынъ уже охладѣлъ къ письму именитаго путешественника и не слѣдилъ за этимъ грубымъ дѣломъ, такъ какъ вниманіемъ его послѣ пользовались иныя дѣла, на которыя «смотрѣла Европа»: въ 1820 г. «въ Одессѣ и Кишиневѣ появилось до десяти тысячъ греческихъ выходцевъ, удалившихся изъ Константинополя, и многіе изъ сихъ несчастныхъ единовѣрцевъ нашихъ были ввержены въ нищету». Голицынъ старался «на нихъ обратить вниманіе императора Александра I-го и исходатайствовалъ позволеніе открыть въ ихъ пользу подписку, которою и собралъ 900.000 рублей», а потомъ сейчасъ же «приступилъ къ сбору для хіосцевъ и критянъ, и умѣлъ и на этотъ предметъ собрать до 750.000», а въ 1824 г.,

когда Кайдаловъ нахальничалъ, давая отвѣты, Голицынъ былъ уже уволенъ отъ званія министра духовныхъ дѣлъ, и опасаться его было нечего. Такъ это дѣло и протянули; а затѣмъ наступилъ 1825 годъ, — годъ кончины императора Александра I-го и другихъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ, событій, измѣнившихъ духъ и направленіе въ управленіи всѣми дѣлами.

Это же повліяло и на судьбу всѣхъ дѣлъ о «небытіи» и о «скверноядствѣ», соединенныхъ въ одно дѣло, получившее общее заглавіе: «о туруханской простотѣ».

Но и теперь это дѣло еще не сразу забросили (что̀ было бы лучше), а пошли «смѣшить имъ людей», и стали «разыскивать и вызывать въ туруханское духовное правленіе къ слѣдствію тунгусовъ и остяковъ, кочевавшихъ въ Сургутскомъ и Обдорскомъ краѣ, около Обской губы, т.-е. слишкомъ за двѣ тысячи верстъ». А тѣ «кочевали въ мѣстахъ недоступныхъ за тундрами, зимой уже отходили промышлять звѣря, такъ что и найти ихъ было невозможно». *Нѣсколько лѣтъ* еще ѣздили за ними отъ Оби до Лены, чтобы собрать этихъ прихожанъ, и убѣдились, что «невозможно не только собрать ихъ, но нельзя получить свѣдѣній: гдѣ ихъ искать». Тогда ужъ не было ни побужденій, ни выгодъ — что-нибудь придумывать еще, а настало время бросить дѣло, которое лучше было бы и не начинать.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Послѣдній актъ величайшій подьяческой продерзости и смѣлости заключался въ томъ, что когда «бумажное дѣлопроизводство» «о злоупотребленіи простотою» сдѣлалось «чрезмѣрно велико» и его неудобно стало ни возить съ собою, ни пересылать по почтѣ, тогда нашли нужнымъ посадить за это дѣло подьячихъ, чтобы они составили изъ него «экстрактъ».

Подьячіе въ туруханскомъ духовномъ правленіи были «лядащіе», малотолковитые, и «въ сочиненіи не искусные», а при томъ «были подавлены тяжкими обстоятельствами

при самоничтожнѣйшемъ жалованіи». Они жили «даяніями» и «вымоганіями», которыя могли собирать съ дѣлъ, по которымъ былъ налицо живой проситель, а по необъятному дѣлу «о злоупотребленіи простотою» некому было ни ходить, ни приносить поминки, и потому оно подьячихъ не интересовало. Но и кромѣ того они не могли бы разобраться въ этомъ дѣлѣ при его страшномъ объемѣ и при той путаницѣ, которой оно было преисполнено; однако они все-таки «экстрактъ» сдѣлали, и притомъ очень замѣчательный; а когда туруханское духовное правленіе захотѣло проредактировать это произведеніе, то оказалось, что въ немъ нельзя ничего понять!.. Довольно бы, кажется, но нѣтъ! — духовное правленіе послало отношеніе въ туруханскій земскій судъ, прося его: «*выслать* въ оное правленіе *всѣхъ* прикосновенныхъ къ дѣлу, для подтвержденія ихъ первоначальныхъ показаній и для *рукоприкладства подъ экстрактомъ*».

Такъ какъ это происходило уже въ тридцатыхъ годахъ нынѣ уже истекающаго XIX-го столѣтія, то тутъ только этому дѣлу «о злоупотребленіи простотою» наступилъ конецъ; туруханскій земскій судъ, увидавъ, что отъ него требуютъ нѣчто чудовищное, — чтобы онъ собралъ и «выслалъ въ Туруханскъ всѣхъ дикарей, кочующихъ по сѣверной Сибири отъ Чукотскаго носа до Урала», то онъ и призналъ за самое лучшее — ничего не дѣлать.

Такимъ образомъ, только черезъ такое благоразумное отношеніе къ этому дѣлу оно и получило конецъ — слишкомъ послѣ столѣтняго производства. Можетъ-быть, что акта о зачисленіи его конченнымъ и о сдачѣ въ архивъ и до сихъ поръ нѣтъ, но тѣмъ не менѣе съ тридцатыхъ годовъ истекающаго столѣтія о дѣлѣ этомъ больше нигдѣ не упоминается, и оно теперь не имѣетъ уже никакого значенія для канцелярій, а представляетъ собою только цѣнный матеріалъ лишь для бытовой исторіи Сибири прошедшаго вѣка.

ВДОХНОВЕННЫЕ БРОДЯГИ.

(Удалецкія «скаски»).

Величіе народа въ томъ.
Что носитъ въ сердце онъ своемъ.
А. Майковъ.

«И ложные слухи въ народѣ показываютъ стремленіе этого народа къ извѣстной цѣли».

Еписк. *Порфирій Успенскій.* (См. «Книга бытія моего», т. I, стр. 357).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Скасками» назывались въ Россіи сообщенія, которыя «бывалые» люди, по возвращеніи изъ своихъ удалыхъ прогулокъ, подавали своимъ милостивцамъ или правителямъ, а иногда и самимъ государямъ. Въ «скаскахъ» удальцы обыкновенно повѣствовали о своихъ странствіяхъ и приключеніяхъ, объ удали въ бояхъ и о страданіяхъ въ плѣну у чужеземцевъ, которые всегда старались нашихъ удальцовъ отклонить отъ любви къ родинѣ и привлечь богатыми дарами въ свое подданство; но только наши люди обыкновенно оставались непоколебимо вѣрны своему царю и отечеству и всѣ соблазны чужихъ людей отвергали и постыждали, а потомъ этимъ вдохновенно хвастались. Болѣе или менѣе интересное сочетаніе былей съ небылицами въ этомъ родѣ составляетъ главное содержаніе всѣхъ «скасокъ», а

характерныя черты ихъ бродяжныхъ героевъ—это отвага, терпѣнье и вѣрность. За эти добродѣтели скасочники просили себѣ награды, и «скаска» затѣмъ и подавалась. «Скаскамъ», которыя сочиняли о себѣ вдохновенные бродяги, у насъ легко вѣрили, ихъ читали замѣсто путешествій, и онѣ доставляли удовольствіе высокимъ лицамъ, которыя не читали ничего лучшаго, а составители «скасокъ» получали черезъ это славу отъ соотчичей и награды за удальство отъ правителей и государей.

Разумѣется, до полныхъ результатовъ въ этомъ родѣ достигали не всѣ «скаски», а только такія, которыя были сложены особенно хорошо, то-есть любопытно и «лестно» въ патріотическомъ смыслѣ. Такимъ милостивцы давали «высшій ходъ» и сочиненія эти доходили до царскихъ палатъ и теремовъ, откуда вдохновеннымъ сочинителямъ исходило «царское жалованье». И кромѣ того, послѣ къ нимъ уже никто не смѣлъ вязаться съ требованіемъ отвѣта, за «шатательство» и за какія бы то ни было старыя неисправности, такъ-какъ «кого царь пожаловалъ, того и Богъ простилъ».

При императорѣ Петрѣ I, съ измѣненіемъ, происшедшимъ въ пониманіи русскихъ людей, «скаски» вдохновенныхъ бродягъ потеряли свое значеніе въ обществѣ: невѣжественные люди ими еще интересовались, но петровскіе грамотеи, ознакомившіеся съ лучшими произведеніями, перестали интересоваться «бродяжными баснями». А главное, дѣловитый царь не любилъ потворствовать глупостямъ, и «скасочниковъ» прямо стали называть неучтиво «бродягами» и бить батогами.

Такая суровость не давала вдохновенію бродягъ простора, и «скаски» ихъ было перевелись или оставались только въ сферѣ преданій, жившихъ въ «мѣстахъ заключенія». Это была устная, «острожная словесность», но нынче вспомнили и о «скаскахъ» и дали недавно русскому обществу любопытный и будто бы послѣдній образчикъ такого произведенія, которое очень понравилось самой сильной

современной русской газетѣ, которая указала на это, какъ на прекрасную и достойную вниманія вещь. Но на самомъ дѣлѣ «скаски» въ добросовѣстной литературѣ не могутъ получить похвалы, а должны получить прежде всего *разъясненіе* ихъ достоинствъ.

Настоящій очеркъ долженъ быть опытомъ въ этомъ родѣ

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ истекающемъ 1894 году, въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Россіи» напечатаны двѣ челобитныя со «скасками», поданныя въ 1643 г. царю Михаилу Ѳеодоровичу «турскими полонениками», калужскимъ стрѣльцомъ Иваномъ Семеновымъ Мошкинымъ и московскимъ посадскимъ человѣкомъ Якимомъ Васильевичемъ Быковымъ.

Редакція большой и самой вліятельной теперь петербургской газеты заинтересовалась этимъ документомъ и воспроизвела «скаску» съ полнымъ довѣріемъ ко всему, что̀ тамъ сказано. Она прямо назвала «скаску» Мошкина и Быкова «достовѣрнымъ источникомъ, который обстоятельно рисуетъ бытъ чужихъ странъ и предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей».

Думается, что если бы газета знала, какими людьми и съ какими цѣлями составлялись такія «челобитныя со скасками», то она навѣрно предпочла бы просто перепечатать «скаску», какъ любопытный образчикъ этого рода письменности, и не стала бы завѣрять «достовѣрность этого источника», явная лживость котораго до того очевидна, что, несмотря на давность событій и отдаленность мѣста описанныхъ происшествій, а также на полное отсутствіе провѣрочныхъ свѣдѣній—лживость «скаски» все-таки легко доказать изъ нея же самой, что мы сейчасъ же и попробуемъ сдѣлать.

Главнымъ сюжетомъ «скаски», приведенной въ «Чтеніи Общества Исторіи и Древностей», служитъ отважный побѣгъ нѣкоего Мошкина, вмѣстѣ съ 280 русскихъ «поло-

нениковъ», томившихся болѣе семи лѣтъ на турецкой каторгѣ. Побѣгъ былъ устроенъ изъ Царьграда по заранѣе обдуманному плану съ судна «каторги», которое принадлежало Апты-пашѣ Марьеву.

На суднѣ, по словамъ Мошкина, было «250» турокъ и «280» русскихъ невольниковъ,—значитъ, почти на каждаго русскаго невольника приходилось по одному турку. Пропорція ужасная для устройства побѣга, но тѣмъ занимательнѣе: какъ это сдѣлается.

Мошкинъ подъ Азовомъ укралъ у турокъ сорокъ фунтовъ пороху и спряталъ ихъ у себя на «каторгѣ», гдѣ ихъ содержали такъ слабо и довѣрчиво, что они никому не попались съ своей кражей. Мошкинъ рѣшился взорвать «каторгу» въ морѣ и, когда произойдетъ взрывъ, уйти съ судна со всѣми своими товарищами, 280 русскими полонениками. Съ этою цѣлью одинъ разъ ночью Мошкинъ пробрался въ капитанскую каюту, захвативъ съ собою весь украденный пудъ пороха, и заложилъ весь этотъ зарядъ цѣликомъ около того мѣста, гдѣ спалъ Апты-паша, и подстроилъ подъ порохъ горящую головню; порохъ вспыхнулъ и произошелъ взрывъ, и «двадцать турокъ побросало въ море»; но и самъ Мошкинъ «обгорѣлъ по поясъ». Паша, однако, остался невредимъ, такъ какъ онъ спалъ на «упокойномъ мѣстѣ», и, проснувшись, поднялъ тревогу. Мошкинъ «учалъ ему говорить спорно», а потомъ бросился на пашу и прокололъ ему «брюхо». Началась схватка, послѣ которой 210 турокъ были побиты, а 40 живыхъ закованы въ желѣзо, а изъ русскихъ 20 ранены и 1 убитъ *). Самъ Мошкинъ былъ раненъ стрѣлой въ голову, правую руку и саблею—въ голову и брюхо. Послѣ побѣды русскіе подъ предводительствомъ Мошкина «пошли на суднѣ». Идучи Средиземнымъ моремъ, они побывали въ «7 земляхъ» и въ Россію вер-

*) Турокъ было всего 250 человѣкъ. Изъ нихъ сброшено въ море 20, побито 210 и осталось 40 человѣкъ, что составляетъ всего 270 человѣкъ. Значитъ, послѣ катастрофы на двадцать человѣкъ стало больше. Газета даже и этого не замѣтила.

нулись черезъ Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву. Они приставали и высаживались во многихъ городахъ и вездѣ обращали на себя вниманіе и зависть иностранцевъ: вездѣ «королевскіе ближніе люди перезывали ихъ въ свои земли на службу и многіе гроши давали». Такія богатыя дѣлали имъ предложенія, какихъ, они знали, что въ родной землѣ имъ ожидать себѣ невозможно, но они все не соблазнялись и плыли, и, заболтавшись по морю, попали въ испанскій городъ Мессину, гдѣ испанскій генералъ увидалъ Мошкина и сталъ предлагать ему «по 20 р. въ мѣсяцъ», а всѣмъ прочимъ «давалъ гроши и платья и жалованья». Но Мошкинъ и всѣ другіе русскіе люди не польстились на выгодныя предложенія чужихъ правительствъ и «не подумали остаться въ Европѣ».

Воздержались они отъ этого соблазна, «помня Бога, православную вѣру, свою русскую природу и государеву милость».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Испанскій генералъ и прочіе вельможи, увидавъ, что русскіе люди такъ вѣрны, что не приняли сдѣланныхъ имъ выгодныхъ предложеній, разсердились на нихъ и перемѣнили съ ними обхожденіе, и вмѣсто прежнихъ ласкъ и соблазновъ начали ихъ донимать утѣсненіемъ и скорбями. Начали они это съ того, что, по приказанію своего воеводы, «отняли каторгу (судно), со всѣми животы» (т. е. имуществомъ), а также отняли у нихъ и сорокъ человѣкъ турокъ, которыхъ освободившіеся русскіе сами содержали теперь у себя въ плѣну и надѣялись притащить ихъ взаперти къ себѣ «ко дворамъ» или продать гдѣ-нибудь въ неволю, а при опасности, конечно, не затруднились бы сбросить и за бортъ. Но испанцы досмотрѣли, что̀ везли на суднѣ, и все это дѣло разстроили: они не только отобрали турокъ и выпустили ихъ на свободу, но еще изъ самихъ русскихъ взяли семь человѣкъ подъ арестъ, вѣроятно для того, чтобы узнать, что̀ они за люди и по ка-

кому праву держали у себя запертыми на «каторгѣ» турецкихъ людей. Въ «скаскѣ» ничего не говорится о причинѣ, для чего ихъ придержали, но видно, что произошло что-то серьезное, послѣ чего русскіе пошли отъ испанцевъ «наги, босы и голодны». И такое бѣдствіе они терпѣли до самаго Рима. Въ Римѣ одинъ изъ товарищей Мошкина, воронежскій крестьянинъ Григорій Карѣевъ, заболѣлъ и лежалъ при смерти 2 мѣсяца. А болѣзнь ему приключилась отъ ранъ, полученныхъ на «каторгѣ» (т. е. при стычкѣ съ турками); въ Римѣ и «копье (т. е. наконечникъ стрѣлы) вынули у него изъ раны у папы римскаго». «У папы они пріимали сакраментъ» (противъ этого мѣста въ скаскѣ думный дьякъ Иванъ Гавреневъ сдѣлалъ помѣту: «отослать ихъ подначало къ патріарху для исправленія»). Изъ Рима удальцы пошли на Венецію, Вѣну и Варшаву (sic) и вездѣ «разговаривали съ цезарями» и «всѣ имъ были рады» и всѣ ихъ звали къ себѣ на службу, но Мошкинъ и его товарищи чужимъ цезарямъ служить не захотѣли.

И такъ, во всѣхъ тяжелыхъ и соблазнительныхъ положеніяхъ своего плѣна, Мошкинъ показалъ себя человѣкомъ мужественнымъ, неподкупнымъ и беззавѣтно преданнымъ православной вѣрѣ и русскому царю. Такимъ онъ, нимало не обинуясь, выставляетъ себя самъ въ челобитной со скаскою, и такъ же представляютъ его личность современные комментаторы челобитной; но я опять говорю, что человѣкъ, сохраняющій въ себѣ здравый смыслъ, не можетъ принять все разсказанное въ этой «скаскѣ».

Обратимъ вниманіе на явныя очевидности, которыя кидаются въ глаза и говорятъ, что въ «скаскѣ» Мошкина есть много неправды, послѣ чего трудно вѣрить и остальному.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1) Возможно ли, чтобы судно, при взрывѣ на немъ цѣлаго пуда пороха, встряхнулось такъ, что нѣкоторыхъ не-

подходящихъ людей скинуло въ воду, а затѣмъ всѣ свои люди уцѣлѣли и самое судно сейчасъ же было годно для дальнѣйшаго плаванія?

Намъ думается, что это невозможно и что невозможность эта очевидна.

2) Вѣроятно ли, что Мошкинъ, опаленный огнемъ до пояса, сейчасъ же могъ еще «спорно» разговаривать и, вставши, биться на саблях и проколоть брюхо совершенно здоровому пашѣ?

По-нашему это невѣроятно.

3) Отчего изъ 250 человѣкъ турокъ, которые плыли на суднѣ, послѣ взрыва насчитывается 270 турокъ? (20 сброшено въ море, 210 убито русскими и 40 осталось у нихъ, итого 270)?

Если это ошибка, то не странно ли, что она не замѣчена ни дьякомъ Гавреневымъ, ни Московскимъ Обществомъ Истор. и Древн., ни редакціею газеты, которая нашла весь этотъ разсказъ «достовѣрнымъ и обстоятельнымъ»?

4) Какъ могло быть, что Мошкинъ, раненый въ голову и въ животъ, сейчасъ же могъ принять команду судномъ и повелъ его далѣе?

5) Какъ могло случиться, что крестьянинъ Григорій Карѣевъ, получившій тяжелыя раны при взрывѣ судна, продолжалъ длинное путешествіе морями и сушей и удальцы изъ-за него нигдѣ не останавливались, а когда они уже много спустя плыли изъ Испаніи, послѣ того, какъ у нихъ тамъ отобрали полоненныхъ турокъ, то этотъ Григорій Карѣевъ сталъ болѣть отъ ранъ, полученныхъ въ началѣ ихъ одиссеи; а когда они пришли въ Римъ, то Карѣевъ у нихъ такъ разболѣлся, что они дальше не могли плыть и простояли тутъ ради Карѣева цѣлые два мѣсяца, и тогда только «вынули изъ него копье»? Неужто имъ не проще было помѣстить больного въ госпиталь, а самимъ идти далѣе, а не харчиться въ чужомъ мѣстѣ, да еще вдобавокъ въ католической столицѣ, гдѣ ихъ могла настичь и

дѣйствительно настигла напасть духовная. Пока одинъ больной исцѣлялся тѣломъ, всѣ ожидавшіе его выздоровленія захирѣли духомъ и «приняли католицкій сакраментъ»?

Что̀ довело этихъ православныхъ людей до такого поступка? Или они не знали постановленія, что лучше умереть безъ всякаго «сакрамента», чѣмъ принять его изъ руки инославной, или не влекла ли ихъ къ этому надежда на папу, что онъ заступится за нихъ, если они будутъ католики, и повелитъ испанцамъ возвратить имъ отобранныхъ у нихъ мусульманскихъ невольниковъ?

Вообще, какой интересъ могли имѣть иностранцы въ томъ, чтобы имъ заманивать къ себѣ: простыхъ, ничему не наученныхъ и ни въ чемъ не искусныхъ русскихъ людей, когда по свѣдѣніямъ, бывшимъ уже тогда въ Россіи, «въ чужихъ земляхъ было весьма многолюдно, а хлѣба не обильно». Что̀ могли отнимать у невольниковъ испанцы? Неужто кому-нибудь нужны были ихъ невольничьи лохмотья?

Нѣтъ! Все это не могло быть такъ, какъ писано въ скаскѣ, а не проще ли думать, что сами русскіе пришли въ Римъ о чемъ-то стараться, и, усердно стараючись, «приняли и римскій сакраментъ», но ошиблись въ соображеніяхъ и это имъ не помогло въ томъ, чего они добивались. Тогда они увидали свою ошибку и разореніе, и поняли, что они въ чужихъ краяхъ никому не надобны. Это сознаніе безъ сомнѣнія и привело ихъ на родину, гдѣ Мошкинъ вдохновился и, приложивъ къ былямъ безъ счета небылицъ, сочинилъ свою «скаску» и подалъ ее царю съ просьбою: «пожалуй меня, холопа своего, съ моими товарищи, за наши службишки и за полонское нужное терпѣніе своимъ жалованьемъ, чѣмъ тебѣ объ насъ Богъ извѣститъ...»

Такъ это дѣлалось въ 1643 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и тогда, судя по помѣтѣ дьяка Гавренева, вся эта несуразная «скаска» была принята за серьезное

дѣло. По крайней мѣрѣ ей повѣрили въ томъ, что Мошкинъ говорилъ о сакраментѣ, и за это его наказали. Затѣмъ, черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, редакція современной русской газеты любуется этимъ документомъ и, нимало не стѣсняясь помѣщенными въ ней нелѣпостями, называетъ всю эту чепуху «достовѣрнымъ источникомъ, обстоятельно рисующимъ бытъ чужихъ странъ и предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей». Тысячи читателей газеты не замѣчаютъ, какую имъ предлагаютъ глупость, и многіе изъ нихъ вѣрятъ, что «скаски» составляли справедливые и отважные патріоты, которымъ надо вѣрить и имъ подражать.

Но, можетъ-быть, указанное стремленіе газеты внушить обществу невѣрное понятіе объ одномъ изъ видовъ нашей «письменности» происходитъ отъ того, что редакція, воспроизведшая «скаску» Мошкина, не знаетъ, что есть «скаска», точно такого же «сложенія», сочиненная сто лѣтъ позже, именно въ 1794 году, и достопримѣчательная тѣмъ, что она получила *народную* оцѣнку, а сочинитель ея признанъ *бродягою*.

Пусть посмотрятъ, какъ это разбираетъ *народъ*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ послѣдней четверти восемнадцатаго столѣтія проживалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ мѣщанинъ Василій Баранщиковъ. Онъ былъ человѣкъ маленькій, но предпріимчивый, и трудиться не любилъ, а желалъ разбогатѣть какъ-нибудь сразу. На несчастье это Баранщикову не удавалось: онъ запутался въ долги разнымъ частнымъ людямъ и накопилъ на себѣ недоимку въ общественныхъ платежахъ. Дѣло было худо, но Баранщиковъ не сробѣлъ и съ веселымъ духомъ переписался изъ мѣщанъ въ купцы, чтобы ему болѣе вѣрили; набралъ у людей въ долгъ кожевеннаго товара, выправилъ въ январѣ 1780 года изъ нижегородскаго городового магистрата паспортъ и уѣхалъ на ярмарку, которая

собирается на второй недѣлѣ великаго поста въ Ростовѣ. Съ этой ярмарки почтенный Баранщиковъ домой уже не вернулся и оставилъ тамъ на власть Божію и на людское попеченіе свою купеческую жену и дѣтей безъ всякаго пропитанія. И купецъ, и товаръ—все пропало безслѣдно и въ теченіе цѣлыхъ семи лѣтъ не было объ этомъ удальцѣ никакихъ слуховъ, какъ вдругъ на восьмой годъ «нужа пригнала его къ лужѣ» и онъ появился въ Россіи, представляясь различнымъ вельможамъ и всѣхъ ихъ прекрасно обманывалъ, пока попался своимъ общественнымъ людямъ, которые сейчасъ же разобрали дѣла Баранщикова въ тонкость и «Лазарю», котораго онъ распѣвалъ, не повѣрили, а потянули его къ расправѣ. Тогда Баранщиковъ обратился къ старинному средству «снискать себѣ счастье въ особину» и составилъ о своемъ бродяжествѣ скаску съ тѣмъ, чтобы поднесли ее особамъ и царицѣ въ видѣ печатанной книжки подъ заглавіемъ: «Несчастныя приключенія Василія Баранщикова, мѣщанина Нижняго-Новгорода, въ трехъ частяхъ свѣта: въ Америкѣ, Азіи и Европѣ съ 1780 по 1787 годъ». (С.-Петербургъ, 1787 г.).

Изъ этой рѣдкой нынче книжки, представляющей экземпляръ «скаски» екатерининскаго вѣка, мы возьмемъ только самое существенное, что повѣствовалъ о себѣ Баранщиковъ. Онъ продалъ будто весь «свой товаръ» въ Ростовѣ и выручилъ за него денегъ 175 рублей. Изъ этихъ денегъ онъ хотѣлъ заплатить что слѣдовало за товаръ тѣмъ, кто оказалъ ему довѣріе, но деньги у него сейчасъ же украли ростовскіе мошенники. Баранщиковъ остался безъ всякихъ средствъ, такъ что ему не на что было и лошадей покормить. Тогда онъ, «не желая сидѣть безъ дѣла, продалъ въ Ростовѣ за 40 рублей двухъ своихъ лошадей и отправился попытать счастья въ Петербургъ».

По прибытіи въ Петербургъ, онъ нанялся матросомъ на корабль генерала Михаила Савича Бороздина и коллежскаго совѣтника Василія Петровича Головцына съ платою по 10 рублей въ мѣсяцъ и въ половинѣ сентября

вышелъ въ море. Корабль былъ нагруженъ мачтовымъ лѣсомъ, а курсъ они держали «изъ Кронштадта въ Бордо и Гавръ-де-Грасъ». Однако, на этомъ кораблѣ Баранщиковъ дошелъ только до Копенгагена, гдѣ онъ опять сдѣлался жертвою злоумышленниковъ. И отсюда справки о немъ уже стали невозможными, а приходилось вѣрить ему во всемъ на слово. «Скаска» же Баранщикова становится съ этого шага все болѣе интересною и менѣе вѣроятною.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Случилось такъ, что когда корабль Бороздина и Головцына пришелъ въ Копенгагенъ, то Баранщиковъ «былъ спущенъ на берегъ, для покупки нужныхъ припасовъ, и зашелъ въ питейный домъ, *какъ свойственно русскому человѣку, выпить пива*». Тутъ онъ встрѣтилъ датчанъ, которые показались ему очень привѣтливыми и чрезвычайно ему понравились. «Не понимая ихъ языка, но видя ихъ благорасположеніе, онъ знаками показалъ имъ, что ему надо спѣшить на корабль». А датчане тогда «сейчасъ же догадались, что онъ русскій, и указали ему на водку и пиво».

Баранщиковъ, «какъ свойственно русскому человѣку», не устоялъ противъ водки и пива, и обязанности свои отложилъ, воспользовался приглашеніемъ и началъ съ датчанами пить. «Черезъ полчаса ихъ пріятная компанія увеличилась и къ нимъ присоединился какой-то «нарядный плутъ». Этотъ внесъ оживленіе въ бесѣду тѣмъ, что сталъ объясняться по-русски въ такомъ родѣ: «здравствуй, братъ! здорово ли ты живешь? откуда и куда плывете?» Себя же этотъ «нарядный плутъ» назвалъ русскимъ изъ Риги, пріѣхавшимъ на галіотѣ рижскаго купца Венедикта Ивановича Хватова, и плутъ угощалъ компанію водкою и пивомъ. Пили усердно всѣ четверо, а «нарядный плутъ» во все время выхвалялъ датчанъ, какіе они хорошіе люди, и какое у нихъ славное житье, а потомъ сталъ склонять Ба-

ранщикова, чтобы онъ пошелъ на датскій корабль ночевать. Баранщиковъ никакъ не могъ придумать: для чего это датчанамъ хочется, и онъ сначала ни за что на это не соглашался, но потомъ, «совершенно обласканный внимательными чужестранцами и особенно полагаясь на слова своего земляка, согласился».

И вотъ Баранщиковъ не сопротивляется соблазну и прямо изъ питейнаго дома идетъ съ датчанами на пристань, а здѣсь садятся на лодку и переправляются на датскій корабль. Такъ онъ избѣжалъ объясненій съ лицомъ, которое послало его за покупками, но зато сразу же былъ удивленъ очень непріятною перемѣною въ обращеніи своихъ датскихъ друзей: они «тотчасъ свели гостя въ интрюмъ и приковали за ногу къ стѣнѣ корабля». Тутъ Баранщиковъ смекнулъ, что онъ обманутъ, и сталъ просить датчанъ «угрозами и ласкою» отпустить его на русскій корабль. Но датчане уже не обращали никакого вниманія на его просьбы, а только прислали къ нему того «наряднаго плута», который въ кабачкѣ выдавалъ себя за русскаго, а теперь успокоивалъ и «улещалъ» Баранщикова обѣщаніемъ, что его скоро раскуютъ и свезутъ въ Америку, гдѣ «житье доброе и много алмазовъ и яхонтовъ». Онъ, «какъ свойственно русскому человѣку», глупости повѣрилъ и пересталъ хныкать, а датчане, за то, что онъ утихъ, принесли французской водки и пуншу, накормили Баранщикова кашею и напоили водкой и пуншемъ, и онъ пришелъ въ такое расположеніе, что опять «добровольно захотѣлъ остаться на кораблѣ». Кромѣ Баранщикова, тутъ точно въ такомъ же положеніи оказались еще и другія лица не русской національности, а именно, одинъ шведъ и пятеро нѣмцевъ, и всѣ они были заманены на судно и здѣсь удержаны и закованы.

Утѣшительное обѣщаніе «наряднаго плута Матіаса», что ихъ раскуютъ, исполнилось вѣрно. Какъ только датскій корабль миновалъ брантъ-вахты Гелсинъ-Нордъ и Гелсинъ-Броъ, Баранщикова и съ нимъ одного шведа и пятерыхъ

нѣмцевъ датчане сейчасъ же расковали и велѣли всѣмъ имъ «одѣть матросское платье», и «приставили ихъ къ матросскому дѣлу», которое они и исполняли въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, до прибытія въ іюнѣ 1781 г. въ Америку, на богатый остронъ св. Ѳомы. На островѣ же св. Ѳомы началось другое: Баранщикова здѣсь высадили, но сейчасъ же «поверстали въ солдаты» и привели къ присягѣ. Такъ какъ онъ былъ вѣренъ православію и чухонскаго Евангелія поцѣловать не могъ, то вмѣсто евангелія онъ цѣловалъ корабельный флагъ Христіана VII съ изображеніемъ Креста Господня. Потомъ ему положили солдатское жалованье, «по 12 штиверовъ въ сутки, т. е. 24 коп., да по фунту печенаго хлѣба изъ банана» и дали ему тутъ новое имя «Мишель Николаевъ»,—такъ какъ «слово *Василій* начальники не могли понять».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Солдатъ изъ Баранщикова вышелъ никуда не годный, и штиверы и бананный хлѣбъ отслуживалъ онъ плохо. Онъ «былъ непонятенъ въ ученіи ружьемъ и не могъ пріобыкнуть къ нѣмецкому языку». Датчане, много съ нимъ побившись, нашли болѣе выгоднымъ исключить его изъ строя и промѣнять на двухъ негровъ. Такъ и сдѣлали. По промѣну, Баранщиковъ достался испанскому генералу съ острова Порторико, куда его и отправили. Въ Порторико Баранщикова привели въ присутственное мѣсто и «заклеймили на лѣвой рукѣ». Клеймъ на немъ выставили нѣсколько и всѣ очень характерныя. На лѣвой рукѣ Баранщикова были воспроизведены нижеслѣдующія изображенія: «1) Святая Дѣва Марія, держащая въ правой рукѣ розу, а въ лѣвой тюльпанъ; 2) корабль съ опущеннымъ якоремъ на канатѣ въ воду; 3) сіяющее солнце; 4) сѣверная звѣзда; 5) полумѣсяцъ; 6) четыре маленькія сѣверныя звѣзды; 7) на кисти той же лѣвой руки былъ изображенъ осьмиугольникъ, а еще ниже 8) «1783 годъ», и еще ниже 9) буквы «М. Н.», т.-е. Мишель Николаевъ (стр. 16 и 17).

Испанскій генералъ, вымѣнившій себѣ Баранщикова за двухъ негровъ, опредѣлилъ его къ себѣ на кухню и поручилъ ему: рубить дрова, чистить кастрюли и котлы, носить воду и исправлять всякія другія кухонныя работы.

Обязанности кухоннаго мужика показались Баранщикову гораздо больше по душѣ, чѣмъ безпокойная солдатская служба, и притомъ Баранщиковъ былъ у генерала «доволенъ пищею» и обхожденіемъ, и онъ началъ стараться, чтобы не попасть куда-нибудь хуже, и скоро выучился «понимать по-испански», и могъ уже говорить съ генеральшею, которая была очень добра и жалостлива, и вотъ ей стало жалко Баранщикова, что онъ оторванъ отъ семейства и живетъ въ неволѣ, и она черезъ полтора года упросила мужа отпустить Баранщикова на свободу.

Испанскій генералъ выдалъ ему печатный испанскій паспортъ съ наименованіемъ его: «Московитянинъ Мишель Николаевъ», наградилъ его десятью песодорами (около 13 рублей) и отпустилъ на волю.

Баранщиковъ сейчасъ же сталъ заботиться, какъ ему возвратиться на родину, и для этого нанялся матросомъ на итальянскій корабль, который долженъ былъ вскорѣ отойти въ Генуа; но въ морѣ судно подверглось роковой случайности, которая еще болѣе отягчила участь Баранщикова.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Итальянскій корабль, шедшій въ Генуа, въ январѣ 1784 года былъ захваченъ въ плѣнъ «тунизскими разбойниками или мисирскими турками, живущими въ Африкѣ». Баранщиковъ сдѣлался рабомъ разбойниковъ, которые безъ всякихъ разговоровъ «обрѣзали его въ магометанскую вѣру». Было или нѣтъ на это собственное согласіе Баранщикова, онъ умалчиваетъ, но извѣстно, что магометане никакого человѣка безъ согласія его не обрѣзываютъ. Омусульманивъ Баранщикова, дали ему имя Ислямъ, а потомъ стали его клеймить наново, и клеймили его «солнцемъ» на правой рукѣ и отдали корабельному капитану Магомету. Магометъ

его полюбилъ и отвезъ его въ Виѳлеемъ и тамъ «сдѣлалъ своимъ *кафишенкомъ*», т.-е. заставилъ его варить кофе. Баранщиковъ жилъ у Магомета годъ и восемь мѣсяцевъ, и житье ему было не худое, но онъ очень наскучилъ своею должностью кофешенка, потому что ему каждый день приходилось варить кофе разъ до пятнадцати. Это ему очень надоѣло. Кромѣ приготовленія кофе, Баранщиковъ имѣлъ только одно развлеченіе: онъ развеселялъ и смѣшилъ четырехъ магометановыхъ женъ, которымъ тоже было довольно скучно. Баранщиковъ развлекалъ ихъ «скасками» о перенесенныхъ имъ несчастіяхъ и о своей русской женѣ и о дѣтяхъ, оставленныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Турецкія дамы очень всѣмъ интересовались и стали съ Барабанщиковымъ «откровенны и жалостливы», а онъ, «примѣтя ихъ слабость», придумывалъ какъ бы еще усерднѣе ихъ утѣшать, и затѣялъ показывать имъ смѣшное и по ихъ пониманію «чудное», т.-е. сверхъестественное дѣло, котораго никто, кромѣ русскаго человѣка, сдѣлать не могъ бы.

Это касалось невѣроятности аппетита и еще болѣе невѣроятной силы и крѣпости желудка.

Однажды, «во небытность Магомета» дома, Баранщиковъ, оставшійся одинъ при четырехъ турецкихъ дамахъ, «насыпалъ цѣлый глиняный» горшокъ сарацинскимъ пшеномъ и, сваривъ изъ этого кашу, положилъ въ нее тюленьяго жиру, отчего «каша разопрѣла и горшокъ треснулъ». Смотрѣвшія на все это турецкія дамы ужаснулись, что̀ это такое состряпано и куда оно годно теперь, послѣ порчи каши отвратительнымъ тюленьимъ жиромъ. Тогда Баранщиковъ, видя ихъ смѣшной ужасъ и непонятливость, сказалъ имъ: «вотъ посмотрите, сударыни, какъ я по россійски стану кушать кашу! И онъ преблагополучно съѣлъ весь горшокъ и всталъ будто голоденъ».

Турецкія дамы глазамъ своимъ не хотѣли вѣрить, что «Московъ все это съѣлъ, и какъ только мужъ ихъ возвратился, онѣ всѣ къ нему подлетѣли и наперерывъ другъ передъ дружкою спѣшили разсказать о кашѣ съ тюленьимъ

жиромъ, отъ которой горшокъ лопнулъ, а брюхо Баранщикова осталось въ цѣлости.

Магометъ не повѣрилъ женамъ, будто человѣкъ можетъ съѣсть такое количество каши съ тюленьимъ жиромъ и, призвавъ Баранщикова, сталъ его допрашивать по-турецки: «Ислямъ Баша! нероды чокъ Екмель?» то-есть: «какъ ты кашу ѣлъ? Если горшокъ треснулъ—отчего твое брюхо не треснуло?» А Баранщиковъ весело отвѣчалъ пашѣ: «что это не важно, а что онъ еще два горшка съѣстъ». Магометъ совсѣмъ изумился и сказалъ: «Ну, россіяне! Вотъ такъ народъ! Не даромъ они сожгли въ Чесмѣ турецкій флотъ, разбили корабли и умертвили храбрыхъ турецкихъ витязей! Но скажи пожалуйста—отчего вы такіе сильные?» На такое любопытство Магомета, Баранщиковъ отвѣчалъ «хорошую ложь» (sic). Онъ сказалъ такъ:

«— Наши солдаты презираютъ смерть: у насъ есть трава, растущая въ болотахъ, и когда нашъ янычаръ (т.-е. солдатъ) идетъ на войну, лишь бы только ее укусилъ, то не подумайте, чтобы одинъ человѣкъ не напустилъ на двѣсти вашихъ турокъ, т.-е. ики Юсъ Адамъ (sic). Такъ и я такой же, меня не подумай удержать; я тебѣ служу годъ и два мѣсяца, а ты, Магометъ, долженъ, по повелѣнію великаго нашего пророка Магомета, черезъ семь лѣтъ отпустить меня на свободу и дать мнѣ награжденіе и тогда я куда хочу туда и пойду» (стр. 21—23).

«Совѣсть Магомета изобличила» и онъ сдѣлалъ Баранщикова «на нѣкоторое время счастливымъ». Содержалъ его въ родѣ домашняго артиста и началъ часто приглашать къ себѣ гостей, заставляя Баранщикова приготовлять и ѣсть при нихъ разопрѣлую кашу съ тюленьимъ жиромъ, а потомъ разсказывать при всѣхъ «хорошую ложь», т.-е. хвастать про ту траву, растущую въ болотахъ, вкусивши которой, русскіе становятся неодолимо мощны. Гости съ постояннымъ удивленіемъ смотрѣли на обжорство Баранщикова, а потомъ, когда слушали его хвастовство, то качали головами и давали ему «понемножечку денегъ». Баранщи-

ковъ же думалъ, что теперь онъ ужъ сталъ настоящая «душа общества» и не ждалъ конца этому пріятному положенію.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Дурацкія представленія, которыя давалъ Баранщиковъ, разумѣется, скоро наскучили, и публика не съѣзжалась больше смотрѣть на его обжорство. Баранщиковъ лишился артистическаго фавора и опять «почувствовалъ печаль о своемъ отечествѣ и о христіанской вѣрѣ, о женѣ и о троихъ дѣтяхъ». Тогда онъ рѣшился воспользоваться тѣмъ, что его никто не стерегъ, и онъ убѣжалъ отъ своего господина, но какъ онъ ранѣе не разузналъ дорогу въ Россію, то не зналъ куда идти, и его опять поймали и привели къ Магомету, а Магометъ велѣлъ «бить его по пятамъ палками шамшитоваго дерева до болѣзни».

Послѣ такого наказанія Баранщиковъ долго провалялся, а когда поправился, то сейчасъ же принялся искать средствъ такъ убѣжать, чтобы его уже не поймали и не били. Баранщиковъ пошелъ на корабельную пристань и сталъ тамъ толкаться между корабельщиками, отыскивая «добродѣтельнаго» человѣка христіанской вѣры, который бы его выручилъ изъ плѣна. Судьба ему поблагопріятствовала и онъ нашелъ грека Христофора и попросился на его корабль. Христофоръ согласился его взять, но предварительно «учинилъ ему увѣщаніе». Онъ сказалъ: «какъ ты живешь у богатаго господина, то смотри, ты ничего изъ его дому не украдь» (стр. 25).

Баранщиковъ далъ слово, что красть не будетъ.

Въ условленный день Баранщиковъ явился на корабль Христофора, и они отправились въ Константинополь. По пути они заходили въ Яффу, Венецію, Микулу и Смирну.

Изъ Яффы Баранщиковъ съ Христофоромъ и двадцатью христіанами ходили въ Іерусалимъ на поклоненіе святынямъ.

Грекъ Христофоръ, придя въ Іерусалимъ, свелъ Баран-

щикова съ греческимъ священникамъ и разсказалъ имъ о его злополучной участи и о невольномъ (будто бы) магометанствѣ. Іерусалимскіе, греческіе священники отнеслись къ магометанству Баранщикова очень снисходительно, такъ какъ въ ихъ народѣ, при совмѣстномъ житьѣ съ турками, переходы въ магометанство и назадъ бываютъ не рѣдко. Греческіе духовные сейчасъ же разрѣшили Баранщикова и, въ знакъ освобожденія его отъ магометанской вѣры, «приказали сторожу заклеймить его на правой рукѣ образомъ распятія Господня. Клеймо это большое, устроено все изъ иголъ, усаженныхъ въ крѣпкой доскѣ желѣзной, натертой порохомъ» (sic). Баранщикову было очень больно, когда его этимъ заштемпелевали, но зато теперь онъ сталъ опять православный христіанинъ, каковъ былъ ранѣе до плѣненія его разбойниками.

Въ Венеціи Баранщиковъ предъявлялъ свой старый испанскій паспортъ и получилъ отъ мѣстнаго управленія другой печатный паспортъ съ изображеніомъ на ономъ почивающаго въ Венеціи святого апостола и евангелиста Марка.

Въ Микулѣ Баранщиковъ ходилъ къ россійскому консулу изъ славанцевъ Кантжуану, который отнесся къ нему очень участливо и велѣлъ ему явиться въ Царьградѣ къ русскому министру Якову Ивановичу Булгакову *).

Когда корабль пришелъ въ *Константинополь*, Христофоръ поблагодарилъ Баранщикова за службу и, снабдивъ его греческой одеждой, разстался съ нимъ, но денегъ ему не далъ ни копейки, и Баранщиковъ всю свою надежду теперь возложилъ на русскаго министра Булгакова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

На другой же день Баранщиковъ пошелъ въ Перу, гдѣ жилъ россійскій министръ. Самого Булгакова Баранщиковъ

*) Як. Ив. Булгаковъ былъ назначенъ русскимъ министромъ въ Константинополь въ 1781 г., и занималъ эту должность семь лѣтъ.

не видалъ, потому что, по случаю моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Царьградѣ, Булгаковъ выѣхалъ изъ города на мызу. Тогда Баранщиковъ обратился къ домоправителю Булгакова и «изъяснилъ ему всѣ свои обстоятельства«. Но «г. домоправитель не подвигнулся примѣромъ добродушнаго грека Христофора» — и мало далъ вѣры разсказамъ Баранщикова и на паспорты его не обратилъ вниманія, а «приказалъ, чтобы онъ никогда въ домъ императорскаго министра не ходилъ, претя отдачею, буди пріидетъ, подъ турецкую стражу, сказавъ при томъ съ негодованіемъ: какъ бы то ни было, что ты магометанскій законъ самовольно или принужденно принялъ, нужды нѣтъ вступаться его превосходительству, *много васъ такихъ бродягъ*, вы всѣ сказываете, что нуждою огорчали» (стр. 36 и 37).

И вотъ Баранщикову при русскихъ стало хуже, чѣмъ у чужаковъ, и пришлось ему добывать себѣ пропитаніе поденной работой на корабельной пристани. Плата была изрядная: по два левка въ день, т.-е. по 1 р. 20 к., но жить было дорого, и денегъ едва хватало. Въ свободное отъ работы время Баранщиковъ не разъ ходилъ въ бѣдномъ греческомъ платьѣ въ россійскій гостиный дворъ и искалъ покровительства у пріѣзжавшихъ туда русскихъ купцовъ. Но всѣ русскіе купцы были тоже народъ тертый и, какъ Булгаковскій домоправитель, совсѣмъ не вѣрили «скаскамъ» Баранщикова и помощи ему не оказали. Въ этомъ горестномъ положеніи, оставленный неимовѣрными русскими, Баранщиковъ обратился опять къ легковѣрнымъ туркамъ и среди ихъ случайно встрѣтилъ близъ гостинаго россійскаго двора двухъ, съ которыми сошелся и опять надолго отвлекся отъ осуществленія своего страстнаго стремленія возвратиться на родину и соединиться съ любимою семьею и съ истинною святою, православною вѣрою.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Новые знакомые, которыхъ Баранщиковъ встрѣтилъ у гостинаго двора, «весьма изрядно» говорили по-русски и

называли себя сапожниками изъ Арзамаса. Одинъ изъ нихъ, по имени Гусманъ, пригласилъ Баранщикова къ себѣ на домъ, «обѣщая счастіе». Баранщиковъ пошелъ и сразу же убѣдился, что опять попалъ къ магометанину. Гусманъ имѣлъ трехъ женъ и увѣщевалъ Баранщикова позабыть про свое отечество и принять магометанство. А когда Баранщиковъ «изъ простодушія» и въ предотвращеніе какой-либо бѣды, открылся, что онъ давно уже магометанинъ и хорошо знаетъ весь законъ Магомета, то Гусманъ пригрозилъ ему и сказалъ: «для чего же ты, будучи въ магометовомъ законѣ, носишь одежду греческую? Ты знаешь ли, что за сіе смерть опредѣлена?» Баранщиковъ испугался, «палъ ему въ ноги и просилъ пощады». Гусманъ оказался человѣкъ не злой, вмѣсто того, чтобы вызвать противъ Баранщикова свирѣпое турецкое звѣрство за то, что онъ перекидывается то въ христіанскую вѣру, то въ магометанскую, выдумалъ очень благочестивую штуку. Гусманъ наказалъ Баранщикову скрыть, что онъ уже потурченъ, съ тѣмъ, чтобы еще одинъ разъ произвести надъ нимъ возсоединеніе къ магометанству,—за что тамъ набожные магометане подавали новосоединеннымъ пособія и награды. Баранщиковъ видѣлъ, что Гусманъ хочетъ сдѣлать изъ него прибыльную статью, и ему не сопротивлялся. А Гусманъ тотчасъ же побѣжалъ къ имаму, «т.-е. попу» и купилъ у него за 20 левковъ такую записку: «Россіянинъ Василій пришедъ въ Стамбулъ, т.-е. Царьградъ, добровольно принялъ магометовъ законъ, наученъ молитвамъ и нареченъ именемъ Исляма». При этомъ имамъ Ибрагимъ выучилъ Баранщикова одной магометовой молитвѣ (42 и 43 ст.).

Гусманъ же строго наказалъ Баранщикову, чтобы онъ дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ по турецки, кромѣ одной той молитвы, которой его научилъ имамъ. Такъ Баранщиковъ и началъ выдавать себя за новопріявшаго магометанскій законъ, а Гусманъ началъ этимъ аферировать.

Этотъ магометанскій пройдоха прежде всего повелъ Баранщикова къ великому визирю, который за принятіе ма-

гометовой вѣры повелѣлъ выдать Баранщикову сто левковъ и опредѣлилъ его въ янычары съ жалованіемъ по 15 паръ (22½ коп.) въ сутки. Отъ визиря оба плута пошли по другимъ турецкимъ господамъ и богатымъ купцамъ, которыхъ Гусманъ зналъ, какъ людей благочестивыхъ и неравнодушныхъ къ вѣрѣ. Всѣхъ ихъ они надули. Гусманъ имъ разсказывалъ, какъ Баранщиковъ проклялъ свою прежнюю вѣру и посвятился магометанству, и теперь его надо поддержать, чтобы онъ могъ жить не боясь своихъ прежнихъ христіанскихъ единовѣрцевъ, а турки-купцы и знатныя особы всѣ повѣрили этимъ разсказамъ и давали имъ деньги. «Такимъ притворствомъ святости и посредствомъ хожденія въ мечети насбирали они черезъ одну недѣлю 400 левковъ (240 руб.)». Сумма для двухъ негодяевъ очень хорошая, но съ раздѣломъ ея вышла непріятность. Баранщиковъ разсчитывалъ всѣ эти деньги взять на молитвы себѣ, такъ какъ онѣ были подарены мусульманами для поддержанія его благочестія, но Гусманъ захотѣлъ получить себѣ долю изъ сбора за то, что водилъ Баранщикова къ благодѣтелямъ, а какъ Баранщиковъ не видѣлъ надобности съ нимъ дѣлиться, то у нихъ изъ-за этого произошла непріятность, и Гусманъ прибѣгъ къ угрозѣ, что онъ разскажетъ о притворствѣ Баранщикова и «добьется для него смертной казни». Тутъ Баранщиковъ увидалъ, что дѣло опасно, и, чтобы развязаться съ дурнымъ товарищемъ, далъ Гусману половину (200 левковъ) изъ того, что они собрали, и Гусманъ этимъ удовольствовался.

Поправивъ свои денежныя обстоятельства, Баранщиковъ опять надолго успокоился насчетъ православія и своего семейства и не спѣшилъ возвращеніемъ на родину, а служилъ янычаромъ и жилъ въ казармахъ «подъ командой чиновника, по ихъ названію югъ-баши». Ему опять было очень не худо: онъ получалъ полное содержаніе, жалованье и табакъ и, прижившись, задумалъ жениться по-турецки, потому-что «не обшить, не обмыть его было некому». И вотъ, чтобы получить себѣ швачку и прачку, Баранщиковъ

обратился за помощью опять къ тому же Гусману, съ которымъ они было поссорились за деньги, собранныя ихъ совмѣстнымъ плутовствомъ. И они сейчасъ же опять сошлись на новое хорошее дѣло.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Гусманъ не только укрѣпилъ Баранщикова въ намѣреніи жениться, но сейчасъ же нашелъ ему и невѣсту: онъ посовѣтовалъ ему взять себѣ въ жены восемнадцатилѣтнюю Ахмедуду, сестру одной изъ трехъ женъ самого Гусмана. Баранщикову было все равно: «кто бы ни была, лишь бы баба», и онъ сразу же согласился жениться на молоденькой Ахмедудѣ—и переселился изъ казармъ въ домъ Гусманова и своего тестя, по имени Магомета. Свадьба его съ Ахмедудою была совершена «по ихъ обрядамъ въ мечети» и положено условіе: въ случаѣ жена будетъ не люба, «заплатить 50 левковъ (30 р.) пени и отпустить ее». Съ полученною такимъ образомъ молодою женою Баранщиковъ жилъ болѣе восьми мѣсяцевъ и жить ему было хорошо. Турки очень довѣрчивы и тесть Баранщикова, Магометъ, такъ его поставилъ, что Баранщиковъ былъ въ его домѣ полнымъ господиномъ и распоряжался всѣмъ хозяйствомъ. Тесть былъ имъ доволенъ и «хвалилъ всѣмъ почтеніе, отдаваемое всякій день зятемъ Ислямомъ».

Но Ахмедудѣ онъ сталъ непріятенъ, и она начала сомнѣваться въ томъ, что онъ истинно держится мусульманской вѣры, «замѣчая въ немъ *неумовеніе*» (48 и 49 стр.), что для нея, какъ для мусульманки, было невыносимо. Черезъ это Ахмедуда стала къ нему не только неласкова, а потомъ даже сдѣлалась «свирѣпая».

Но если Баранщиковъ утратилъ расположеніе у молодой Ахмедуды, то «Имамъ (попъ)» сталъ его убѣждать, чтобы онъ взялъ себѣ еще одну жену, кромѣ чистюли Ахмедуды. Однако «всемогущій Богъ устроилъ жизнь его инако».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Однажды, стоя на часахъ, Баранщиковъ увидалъ голову преступника, выставленную напоказъ и въ поученіе всему народу. Это Баранщикова возмутило. Въ другой разъ онъ встрѣтилъ на улицѣ одного хлѣбника, у котораго недоставало на рукѣ трехъ пальцевъ; Баранщиковъ спросилъ: отчего это у него недостаетъ пальцевъ, а тотъ отвѣчаетъ, что пальцы у него отрѣзаны за обмѣриваніе и обвѣшиваніе покупателей. Баранщиковъ опять ужаснулся, какъ турецкія власти строго за всѣмъ смотрятъ, и узналъ, что полиція даже нерѣдко подсылаетъ такихъ разузнавщиковъ, которые все подсматриваютъ и подслушиваютъ: какъ мусульманинъ ведетъ себя въ людяхъ и дома, и нѣтъ ли въ комъ чего беззаконнаго и утаеннаго, и если что-либо таковое окажется, то тогда тому нѣтъ пощады. И за несоблюденіе себя съ женщиной тоже могутъ наказать очень строго. Баранщикову это показалось ужасно недостойно и придирчиво, и онъ вспомнилъ, какое отвращеніе внушилъ къ себѣ молодой женѣ своей Ахмедудѣ, и опять затосковалъ о родинѣ и сейчасъ же ощутилъ непреодолимое желаніе вернуться въ Россію (53—54).

Баранщиковъ такъ струсилъ, что не сталъ отлагать своего намѣренія нисколько, а немедленно пошелъ въ Галату и разыскалъ тамъ русскаго казеннаго курьера, пріѣхавшаго изъ Петербурга съ бумагами къ послу. Баранщиковъ разспросилъ у курьера, какъ и черезъ какіе города надо ѣхать до россійской границы. Другого источника онъ для этой справки не придумалъ. Время же тогда приближалось къ магометанскому Рамазану, и Баранщиковъ, какъ турецкій солдатъ, долженъ былъ идти на смотръ къ великому визарю и получить жалованье.

Тесть его, довѣрчивый и добрый старикъ Магометъ, заботясь о немъ, какъ о родномъ сынѣ, принялся его наряжать, и прибралъ зятя очень щеголевато: онъ далъ

ему богатый шелковый кушакъ, перетканный золотомъ, кинжалъ, оправленный жемчугомъ, красными и зелеными яхонтами, и два пистолета съ золотою насѣчкою (58 стр.).

Баранщиковъ позволилъ, чтобы добрый старикъ все это на него надѣлъ, а самъ захватилъ съ собою два паспорта и запряталъ ихъ подъ платье. Тесть и жена замѣтили это и полюбопытствовали, что это за листы, а Баранщиковъ солгалъ имъ, что «это русскія деньги, которыя онъ хочетъ размѣнять». Потомъ онъ явился къ визирю и получилъ отъ него похвалу и 60 левковъ (36 р.) жалованья; а къ тестю и къ женѣ назадъ уже не вернулся.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Вмѣсто того, чтобы возвратиться домой, Баранщиковъ пошелъ со смотра въ Галату къ знакомому греку Спиридону, у котораго переодѣлся въ бѣдный греческій костюмъ, и оставилъ Спиридону турецкую чалму, красные сапоги, кушакъ, кинжалъ и два пистолета. Очевидно, что этому греку онъ всѣ тестевы вещи продалъ, а деньгамъ нашелъ употребленіе, «какъ свойственно русскому человѣку», и затѣмъ, 29 іюня 1785 года, онъ отправился въ свое отечество, «презирая всѣ мученія, даже и самую смерть, если случится, что пойманъ будетъ».

Черезъ пять недѣль, а именно четвертаго августа, Баранщиковъ былъ уже на Дунаѣ и встрѣтилъ тутъ запорожскихъ казаковъ. Они его привѣтили, и онъ проживалъ у нихъ нѣкоторое время, въ разныхъ домахъ, «у кого дня два, три и четыре».

Запорожцы оставляли его у себя совсѣмъ, но Баранщиковъ не захотѣлъ якшаться съ такими буйными и непокорными передъ властью людьми, а наоборотъ, онъ еще имъ внушалъ, чтобы они покорились и вернулись въ Россію. Но огрубѣвшіе казаки его не послушались и отвѣчали: «что мы тамъ (въ Россіи) позабыли? Поди туда ты, если хочешь, а мы не хотимъ, да и ты пойдешь, добра не найдешь» (62 стр.).

Разумѣется, запорожцы не сбили Баранщикова и не уклонили его отъ предначертаннаго имъ себѣ пути: онъ ушелъ отъ нихъ и, питаясь подаяніемъ, прошелъ черезъ Молдавію и черезъ Польшу и пришелъ наконецъ въ Васильковскій форпостъ. Здѣсь съ него русскіе сейчасъ же сняли допросъ, а паспорты отобрали и отослали его въ кіевское намѣстническое правленіе.

Изъ кіевскаго намѣстничества Баранщиковъ получилъ указъ, чтобы явиться въ Нижнемъ-Новгородѣ властямъ, при чемъ правитель кіевскаго намѣстничества генералъ-поручикъ и кавалеръ Ширковъ отнесся къ Баранщикову очень милостиво, пожаловалъ ему пять рублей на дорогу, а два паспорта отправилъ по почтѣ въ нижегородское намѣстническое правленіе. Баранщиковъ же пошелъ черезъ города Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орелъ, Бѣлевъ, Калугу, Москву, Владиміръ и Муромъ и вездѣ разсказывалъ свою «скаску» и находилъ охотниковъ ее слушать, послѣ чего его кое-какъ вознаграждали за его злостраданія.

Наконецъ, 23 февраля 1786 г. Баранщиковъ, послѣ семи лѣтъ отсутствія, вступилъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ положеніе его представляло большія осложненія, такъ какъ Баранщикову дѣло шло не только о томъ, чтобы здѣсь водвориться, но чтобы ему сбросили съ костей всѣ его долги... Да, онъ хотѣлъ, чтобы съ него не взыскивали ни старыхъ долговъ, ни податныхъ недоимокъ, ни денегъ за кожевенный товаръ, который онъ взялъ въ долгъ и не привезъ за него изъ Ростова никакой выручки.

Надо было сдѣлать такъ, чтобы все это ему было «прощено», и онъ на это надѣялся, и въ этомъ-то случаѣ ему и должна была сослужить службу та «скаска», которую онъ о себѣ разскажетъ. Но мы увидимъ, какъ это различно дѣйствовало на тѣхъ, кто можетъ прощать, и на тѣхъ, которымъ надо платить за прощенника.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Нищенствовавшая семь лѣтъ въ Нижнемъ жена Баранщикова не узнала своего мужа, такъ какъ онъ былъ «бритый и въ странномъ платьѣ». Онъ долженъ былъ разсказать своей Пенелопѣ бывшія съ нимъ приключенія, на первый случай, можетъ-быть, умолчавъ только объ Ахмедудѣ. Тогда жена повѣрила, что это ея пропадавшій мужъ и «обрадовалась». Домъ и все хозяйство Баранщиковъ нашелъ въ полномъ разореніи и узналъ, что семья его уже давно нищенствуетъ, чего какъ будто онъ не ожидалъ, покинувъ ихъ безъ всего и на произволъ судьбы. Но всего хуже было то, что Баранщиковъ многимъ здѣсь долженъ, и что нижегородцамъ не заговоришь зубы, какъ онъ заговаривалъ ихъ довѣрчивымъ туркамъ, а иногда и грекамъ. Баранщиковъ сообразилъ, что самое надежное, на что онъ теперь можетъ разсчитывать — это найти благоволеніе у начальства и самое лучшее имѣть на своей сторонѣ высшаго администратора въ краѣ.

Генералъ-губернаторомъ въ Нижнемъ о ту пору былъ генералъ-поручикъ Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, который слылъ за человѣка очень добраго, но очень недалекаго. Баранщиковъ сейчасъ же ему явился и обошелъ его не хуже, чѣмъ турецкаго пашу.

Ребиндеръ, выслушавъ скаску Баранщикова о его странствованіяхъ и несчастныхъ приключеніяхъ, не разобралъ, сколько тутъ лжи и сколько непохвальныхъ поступковъ есть въ правдѣ, и пожаловалъ проходимцу 15 рублей да сказалъ ему: «я тебѣ во всемъ помощникомъ буду, но не знаю, какъ гражданское общество въ разсужденіи за шесть лѣтъ податей службы и тягости съ тобой поступитъ; ты прочитай новаго городового положенія статью 7, я городовому магистрату приказать платить за тебя не могу» (66 и 67 стр.).

Это Баранщикову не понравилось: онъ былъ того мнѣнія, что генералъ-губернаторъ можетъ всѣмъ и все прика-

зать и именно того только и хотѣлъ, чтобы подати за него заплатили міромъ, а частные долги простили ему. Съ «закономъ же положеній гражданскаго общества» онъ не хотѣлъ и справляться. Разъ, что генералъ-губернаторъ толкуетъ свои права такъ ограниченно, Баранщикову нечего копаться въ законахъ, а лучше прямо искать сочувствія и снисхожденія у гражданъ Нижняго-Новгорода, которые его знали и помнили, и платили за него его недоимки.

Но граждане совсѣмъ «не вняли голосу человѣколюбія» и, несмотря на то, что Баранщиковъ показалъ имъ себя всего испещреннаго разными штемпелями и клеймами, а потомъ, стоя передъ членами магистрата, вдругъ залопоталъ на какомъ-то никому непонятномъ языкѣ, они объявили его *бродягою* и предъявили къ нему отъ общества платежныя требованія. Нижегородцы насчитали на него за шесть лѣтъ бродяжества 120 рублей гильдейныхъ, а какъ Баранщиковъ денегъ этихъ заплатить не хотѣлъ, то они его посадили въ тюрьму.

Добродушный Ребиндеръ оказалъ-было въ защиту Баранщикова какое-то давленіе и бродягу за общественную недоимку изъ-подъ ареста выпустили, но сейчасъ же на него были предъявлены отъ частныхъ лицъ счеты и векселя болѣе чѣмъ на 230 рублей, и Баранщикова, по требованію этихъ кредиторовъ, опять посадили подъ стражу.

Тутъ онъ увидалъ разницу между невѣрными турками и своими единовѣрными нижегородцами и сразу понялъ, что ему отъ этихъ не отвертѣться; сразу же, въ удовлетвореніе его долговъ кредиторамъ, былъ проданъ съ торговъ его домъ, который былъ такъ ничтоженъ, что пошелъ всего за 45 рублей. Послѣ этого Баранщиковъ былъ на время выпущенъ изъ тюрьмы, но теперь семья его лишилась даже пріюта, котораго у нея не отнимали, пока отецъ странствовалъ, ѣлъ кашу, служилъ въ янычарахъ и, опротивѣвъ одной женѣ, подумывалъ взять себѣ еще одну, новую.

Но и этого мало: Баранщиковъ надѣялся, что теперь, когда домъ его уже продали, самъ онъ, какъ ничего болѣе не имѣющій и вполнѣ несостоятельный должникъ, останется на свободѣ. Тогда онъ опять куда-нибудь сойдетъ и что-нибудь для себя промыслитъ; но и это вышло не такъ: къ ужасу Баранщикова, нижегородцы измыслили для него страшное дѣло. Такъ какъ Баранщиковъ былъ еще не старъ и притомъ здоровъ, то магистратъ разсудилъ, что ему не для чего болтаться безъ дѣла, и постановилъ — «взять Баранщикова и за неуплату остальныхъ 305 рублей (185 долговыхъ и 120 гильдейныхъ) отослать его въ казенную работу на соляныя варницы въ г. Балахну по 24 рубля на годъ» (68 стр.).

Вотъ когда Баранщиковъ вспомянулъ предсказаніе, которое ему дѣлали зарубежные запорожцы, которыхъ онъ хотѣлъ исправить, звалъ возвратиться въ Россію, а они ему отвѣчали: «иди ты самъ, а когда и пойдешь, то добра не найдешь...» Вотъ оно все это теперь и сбывалося!.. Что еще могло быть хуже, какъ попасть изъ кофишенковъ да въ соляныя варницы съ отработкою по двадцать четыре рубля въ годъ! За триста пять рублей ему тамъ пришлось бы провести лѣтъ семь...

Отъ этого онъ непремѣнно хотѣлъ увернуться, а какъ генералъ-губернаторъ наблюдаетъ законы и не требуетъ своею властью ихъ нарушенія, то Баранщиковъ въ крайнемъ отчаяніи обратился къ вѣрѣ и къ ея представителямъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Баранщиковъ бросился искать помощи у нижегородскаго духовенства, которое, по его мнѣнію, могло его защитить и даже обязано было задержать его высылку въ Балахну, потому что его слѣдовало еще исправить, какъ потурченнаго. Онъ хотѣлъ говѣть и исповѣдаться во всемъ на духу и получить прощеніе въ своихъ грѣхахъ; но русское духовенство совсѣмъ не было такъ великодушно, какъ грече-

ское, которое вразъ исправило его въ Іерусалимѣ и приштемпелевало. Нижегородскіе священники или были неопытны въ этой практикѣ, или же держали сторону общества, и совсѣмъ не захотѣли принимать Баранщикова на исповѣдь, потому что онъ былъ обрѣзанъ и жилъ съ женою въ магометанскомъ законѣ. Но все-таки по этому поводу возникъ вопросъ, а пока объ этомъ разсуждали, отправка Баранщикова въ Балахну, на соляныя варницы, замедлилась, а ему это и было нужно.

Священники отослали его къ нижегородскому архіерею, который выслушалъ его милостиво, но вопроса о причащеніи его не рѣшилъ и, въ свою очередь, препроводилъ Баранщикова къ митрополиту новгородскому и с.-петербургскому Гавріилу.

Вотъ это Баранщикову и было нужно: онъ того и хотѣлъ, чтобы попасть въ столицу, гдѣ онъ надѣялся найти жалостливыхъ покровителей, черезъ которыхъ можетъ довести свое дѣло до самой Екатерины. Повели нашего странника въ Петербургъ и представили его тамъ Гавріилу.

Митрополитъ Гавріилъ (Петровъ) былъ мужъ «острый и резонабельный». Такъ по крайней мѣрѣ аттестовала его Екатерина II, посвятившая ему книжку о Велизаріи съ такими словами, что онъ «добродѣтелью съ Велизаріемъ сходенъ». Митрополитъ, сходный съ Велизаріемъ, дѣйствовалъ въ духѣ времени, и безъ затрудненія разрѣшилъ сомнѣніе нижегородскаго духовенства: онъ велѣлъ Баранщикова въ Петербургѣ отъисповѣдывать и причастить. Такимъ образомъ Баранщиковъ, возсоединенный уже съ православіемъ благодатію священниковъ греческихъ, теперь былъ закрѣпленъ въ этомъ русскою благодатію и получилъ въ этомъ доказательство, удостовѣрявшее, что въ столицѣ самыя высшія особы свѣтскаго и духовнаго чина приняли его сторону и отнеслись къ нему совсѣмъ не такъ, какъ нижегородская сѣрость.

Въ удостовѣреніе означенныхъ счастливыхъ событій, Ба-

ранщиковъ выправилъ себѣ изъ с.-петербургской духовной консисторіи «билетъ» и, подъ защитою этого документа, вернулся обратно въ Нижній. Теперь онъ былъ уже не «отурченокъ», а чистый православный христіанинъ и притомъ человѣкъ извѣстный многимъ вельможамъ Екатерины. Послѣ этого можно было надѣяться, что нижегородцы уже не посмѣютъ теперь выбирать съ него свои долги и не погонятъ его въ Балахну на варницы, но нижегородцы ничѣмъ этимъ не прельстились: они продолжали видѣть въ Баранщиковѣ «бродягу», за котораго другіе рабочіе люди должны платить подати, да еще терпѣть его мошенническіе обманы, и потому они остались непреклонными и опять приступили съ своими требованіями, чтобы послать его въ Балахну на варницы. Баранщиковъ этого никакъ не ожидалъ и очень удивился, какъ простые купцы и мѣщане смѣютъ умышлять надъ нимъ этакую грубость! Теперь онъ уже не робѣлъ, какъ было до представленія его митрополиту, а писалъ въ негодующемъ тонѣ: «Какъ! Это то самое общество, которое, по призыву Минина-Сухорукова, готово было заложить женъ и дѣтей и охотно ввѣрило Минину свои имѣнія, чтобы онъ съ Пожарскимъ «очистилъ Москву отъ поляковъ»? (72 стр.). И вотъ это оно-то самое общество, «не слѣдуя ни примѣру благотворительнаго купца Кузьмы Сухорукова, ни указу Ея Императорскаго Величества о банкрутахъ и проторговавшихся купцахъ», безпокоитъ его, Баранщикова, который «остается по претерпѣніи злоключеній и несчастій въ Америкѣ, Азіи и Европѣ, и въ своемъ отечествѣ» (72 стр.).

Ну, такъ онъ имъ себя покажетъ!

Баранщиковъ составилъ о себѣ «скаску» и отпечаталъ ее въ Петербургѣ книжкою, изъ которой мы и взяли большинство поданныхъ имъ о себѣ свѣдѣній. Книжка вышла въ 1787 году, и изданіе ея сдѣлано для тогдашняго времени очень опрятное и должно было стоить значительныхъ денегъ. Слѣдовательно, у Баранщикова были какіе-то состоятельные друзья, которые помогали ему издать его глу-

пую и лживую «скаску», вмѣсто того, чтобы заплатить его долги тѣмъ людямъ, которыхъ онъ разорилъ своимъ безпутствомъ.

Знатныя лица и самый пошлый проныра и плутъ, проштемпелеванный всякими знаками во свидѣтельство его измѣнъ вѣрѣ, объединяются въ одномъ дѣйствѣ, лишь бы создать положеніе «наперекоръ положенію закона гражданскаго»...

Это говоритъ много.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Литературная выходка Баранщикова до сей поры не обратила на себя вниманія историческихъ обозрѣвателей нашей письменности, а она этого стòитъ, ибо это едва ли не первый опытъ «импонировать» обществу посредствомъ печати. Въ то же время это есть и первый опытъ шантажа книгою. Во всякомъ случаѣ, скаска Баранщикова представляетъ собою очень характерное явленіе, которое показываетъ, какъ русское общество выросло за сто лѣтъ со времени скаски, поданной Мошкинымъ царю Михаилу, а въ симпатіяхъ къ бродягамъ и въ недружелюбіи къ «положеніямъ закона гражданскаго» не измѣнилось. По существу и по цѣлямъ составленія, обѣ показанныя скаски совершенно одинаковы: та же манера бѣдниться, канючить и выставлять на видъ свою удаль, хвалить вѣрность, благочестіе и свои страданія. Даже необдуманность и неискусство въ сочиненіи, и согласованіе очевидной лжи съ такою дѣйствительностью, которой бы надо стыдиться и промолчать о ней хоть изъ скромности, — все одно и то же, какъ въ «скаскѣ», поданной Мошкинымъ въ 1643 году, такъ и въ «скаскѣ» Баранщикова, *напечатанной* въ 1787 году. Баранщиковъ точно такъ же лжетъ о томъ, какъ онъ неумышленно съѣхалъ въ Ростовъ съ чужимъ товаромъ и попалъ ненарокомъ на датскій корабль въ Кронштадтѣ, а потомъ не знаетъ для чего самъ себя клеймилъ то хри-

стіанскими символами, то мусульманскими, и наконецъ сдѣлался кофишенкомъ у турка и занималъ общество своимъ обжорствомъ, а потомъ плутовалъ, обиралъ турокъ и обокралъ тестя и ушелъ, и паки воспріялъ свою вѣру, и тѣмъ спасся, и долговъ не заплатилъ, и не попалъ на варницы...

Нравственное достоинство обоихъ этихъ памятниковъ бродяжной письменности одинаково, но изученія «быта чужихъ странъ» у Баранщикова уже больше, чѣмъ у Мошкина, и манера описаній у Баранщикова художественнѣе и вѣроподобнѣе. У Мошкина нѣтъ ни одной такой безстыжей, но яркой подробности, какъ поѣданіе каши съ тюленьимъ жиромъ или негодованіе молодой Ахмедуды на мужнино неряшество. Тутъ свои и чужіе люди являются въ положеніяхъ очень живыхъ и удобныхъ для сравненія, чего нѣтъ въ скаскѣ Мошкина, но кромѣ того скаска Баранщикова гораздо опредѣлительнѣе скаски Мошкина показываетъ, къ какимъ занятіямъ иностранцы употребляли у себя тѣхъ русскихъ людей, которые къ нимъ приставали. Мошкинъ только хвалился, что его манили, но онъ еще не зналъ, къ чему бы его съ товарищами приставили, а Баранщиковъ уже испыталъ все это на дѣлѣ и убѣдился, что русскими помыкали, и они даже у турокъ употреблялись только на самыя простыя услуги. Даже и въ азіатскомъ Виѳлеемѣ Баранщиковъ не могъ показать ничего умнѣе, какъ только ѣлъ страшное количество каши съ ворванью... Очевидно, что и Мошкину съ товарищами выпало бы что-нибудь не лучше этого, но онъ, какъ человѣкъ необразованный, почиталъ себя за что-то очень рѣдкостное и драгоцѣнное, или же онъ прямо хвасталъ въ надеждѣ, что слушатели его скаски еще невѣжественнѣе, чѣмъ онъ самъ, и не сумѣютъ его хвастни отличить отъ истины. На этомъ его холопью душу можно понять и простить, но какъ быть съ газетою, которая распространяла и нахваливала эту надутую и вредную ложь въ концѣ XIX вѣка?.. Газета не могла же не знать, что люди, писавшіе скаски, всегда хвастали, и что трудолюбивые люди въ народѣ обыкно-

венно понимали ихъ, *какъ бродягъ*, и ихъ *бродяжнымъ скаскамъ* не вѣрили, чему и служитъ живымъ доказательствомъ отношеніе нижегородскихъ гражданъ къ «скаскѣ», поданной въ 1793 году мѣщаниномъ Баранщиковымъ. Газета, безъ сомнѣнія, могла найти надобность въ воспроизведеніи «скаски» Мошкина, какъ *любопытнаго* документа, но для чего же она стала увѣрять читателей въ томъ, что эта скаска представляетъ «достовѣрный источникъ» и что такіе неосновательные лгуны и хвастуны должны, будто бы, представлять собою «предпріимчивость, безкорыстіе и патріотизмъ русскихъ людей?..»

Пусть сохранитъ Господь всякую страну отъ такихъ патріотовъ и... отъ такой печати, которая ихъ хвалитъ!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Вмѣсто того, чтобы увѣрять общество въ столь явномъ и очевидномъ вздорѣ и такими увѣреніями портить понятіе людей о безкорыстіи и патріотизмѣ, вліятельная газета поступила бы гораздо лучше, если бы, при большомъ изобиліи ея средствъ, она произвела сравненія «скаски» 1643 года съ «скаскою» 1793 года, которая сдѣлалась извѣстною раньше мошкинской скаски. Въ этомъ сравненіи газета, безъ сомнѣнія, могла бы указать своимъ многочисленнымъ читателямъ интересное сходство, и еще болѣе интересную разницу въ подходахъ къ тому, какъ получить «жалованье чѣмъ Господь извѣститъ». И всѣ бы видѣли, какъ наивенъ былъ Мошкинъ, который составлялъ свою «скаску» въ 1643 году только съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать непосредственно на жалобливость царя Михаила, и какъ дальше мѣтилъ и шире захватывалъ уже Баранщиковъ, жившій столѣтіемъ позже; дрянной человѣкъ задумалъ взять себѣ въ помогу печать и, издавъ книгу, обмануть ею все русское общество и особенно властныхъ людей, которые находили удовольствіе помочь ему идти *«наперекоръ положенія закона гражданскаго»*.

Такимъ раскрытіемъ правды понятія читателей были бы направлены къ тому, чтобы уважать лучшее, а не худшее,— именно трудолюбіе земледѣльцевъ, а не попрошайничество бродягъ, которые указывали примѣръ другимъ, какъ уклоняться отъ исполненія общественныхъ обязанностей, взваливая ихъ на скромныхъ и трудолюбивыхъ людей, не освобождаемыхъ отъ исполненія всѣхъ «положеній закона гражданскаго». А такіе люди стоятъ самаго теплаго участія, которое просвѣщенная и честная печать должна и привлекать къ нимъ.

А что потворства проискамъ проходимцевъ со стороны печати не только увеличиваютъ наглость и дерзость людей этого сорта, но даже прямо накликаютъ ихъ въ страну на ея стыдъ и несчастіе—мы это покажемъ изъ наступающаго третьяго очерка, герой котораго протрубилъ о себѣ скаску черезъ лейбъ-газету, и тѣмъ пріуготовилъ себѣ успѣхъ, какого не могъ бы ожидать никакой иной штукарь, не заручившійся союзничествомъ съ газетчикомъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Появленіе Ашинова и вся его блестящая и быстрая карьера въ Россіи съ трескучимъ финаломъ въ Обокѣ есть дѣло вчерашняго дня, но тѣмъ не менѣе все это однако настоящая «скаска».

Несмотря на то, что Баранщиковъ появился сто лѣтъ послѣ Мошкина, а Ашиновъ сто лѣтъ послѣ Баранщикова, они всѣ трое, по духу и доблестямъ, люди одного и того же сорта, но въ похожденіяхъ каждаго изъ нихъ духъ времени отражается по-своему и заставляетъ ихъ избирать иные пріемы къ тому, какъ добывать «пессадоры» и «штиверы» въ чужихъ краяхъ, а потомъ у себя дома просить «милостивое жалованье за службишку». Мошкинъ, Баранщиковъ и Ашиновъ всѣ не любятъ «положеній закона гражданскаго» и идутъ къ своимъ цѣлямъ обходами, при чемъ однако слѣдятъ за практикуемыми

въ данное время пріемами, и сами способны выбирать, что̀ подходитъ по времени. Мошкинъ въ 1643 году едва голосъ поднималъ и канючилъ: «пожалуй меня холопа съ товарищи» и дьякъ Гавреневъ распоряжался надъ нимъ «рукою властною». Пока дѣло дошло до того, чѣмъ этого «холопа помилуютъ», Гавреневъ уже «помѣтилъ» наказать его за то, что принялъ отъ папы сакраментъ. Баранщиковъ, появившійся въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ литературный вѣкъ Екатерины II, уже начинаетъ прямо съ генералъ-губернаторовъ и доходитъ до митрополита, а свое «гражданское общество» и мѣстное приходское духовенство онъ отстраняетъ и постыждаетъ, и обо всемъ этомъ подаетъ уже не писаную «скаску», которой «вся дорога отъ печи и до порога», а онъ *выпускаетъ печатную книгу* и въ ней шантажируетъ своихъ общественныхъ нижегородскихъ людей, которые, надокучивъ за него платить, сказали ему: «много васъ такихъ бродягъ!» Этотъ уже не боится, что его дьякъ «помѣтитъ» къ отвѣту за «сакраментъ». Несмотря на то, что Баранщиковъ сдѣлалъ гораздо бо̀льшую вину, чѣмъ принятіе католическаго сакрамента, ибо онъ не только разъ, но нѣсколько разъ принималъ изъ-за выгодъ магометанскую вѣру, собиралъ себѣ за это по дворамъ «ризки» и потомъ женился на турчанкѣ Ахмедудѣ и хотѣлъ взять еще другую жену, но все это не помѣшало Баранщикову поставить себя во мнѣніи властныхъ особъ въ Петербургѣ такъ, что «нижегородскіе попы и граждане ничего ему не смѣли сдѣлать». Но этого еще мало: Баранщиковъ не только отвергъ обязанность платить свои долги и подати, онъ направилъ въ укоръ нижегородцевъ такой шантажный рожонъ: «Какъ!.. Это то самое общество, которое, по призыву Минина-Сухорукова, готово было заложить женъ и дѣтей и охотно ввѣрило Минину всѣ имѣнія, чтобы онъ очистилъ съ Пожарскимъ Москву отъ поляковъ» (стр. 72). Издавъ съ чьей-то помощью дрянную книжонку въ Петербургѣ, бродяга Баранщиковъ уже издѣвается надъ обществомъ, озабочен-

нымъ «исполненіемъ положеній закона гражданскаго», и выводя себя на одну линію съ Мининымъ, набрасываетъ на общественныхъ людей обвиненіе въ патріотической измѣнѣ...

Попы и мѣщане должны были смириться и стерпѣть наглости этого выжиги.

Просіявшій же въ концѣ XIX вѣка Ашиновъ уже и знать не хотѣлъ о такой средѣ, какъ попы или мѣщане, а онъ прямо протянулъ откуда-то свою куцапую, бородавчатую руку Каткову и пошелъ фертомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ одинъ достопамятный день редакторъ Катковъ, находившійся въ оппозиціи ко всѣмъ «положеніямъ закона гражданскаго», за которыя стоялъ ранѣе, возвѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что въ какомъ-то царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, совокупилась рать, состоящая изъ «вольныхъ казаковъ», и разные державцы, а особенно Англія, манятъ ихъ къ себѣ на службу, но атаманъ новообрѣтенныхъ вольныхъ казаковъ, тоже «вольный казакъ Николай Ивановичъ Ашиновъ», къ счастью для насъ, очень любитъ Россію, и онъ удерживаетъ своихъ товарищей, чтобы они не шли служить никому, кромѣ насъ, за что, конечно, имъ нужно дать жалованье. Катковъ сразу же почувствовалъ къ этому атаману симпатію и довѣріе, рекомендовалъ Россіи этимъ не манкировать, а воспользоваться названнымъ кавалеромъ, такъ какъ онъ можетъ оказать службу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскимъ самимъ появляться неудобно.

Первое катковское заявленіе объ этомъ было встрѣчено съ удивленіемъ и недовѣріемъ: въ Петербургѣ думали, что «злой московскій старикъ» что-то юродствуетъ. Люди говорили: «На кой намъ прахъ еще нужна какая-то шайка бродячей сволочи!» Но Катковъ продолжалъ свою «лейбъ-агитацію» и печаталъ въ своей «лейбъ-газетѣ» то подлин-

ныя письма сносившагося съ нимъ Ашинова, то сообщенія о томъ, что могутъ сдѣлать въ пользу Россіи вооруженные товарищи этого атамана, укрывавшіеся въ это время гдѣ-то не въ нашемъ государствѣ въ камышахъ и заводяхъ. «Вольные казаки» не знали: идти-ли имъ за насъ, или «за англичанку», которая будто бы уже дала имъ заказъ, что̀ имъ надо для нея сдѣлать, и прислала человѣка заплатить имъ деньги за ихъ службишку. Тогда самые простые люди, имѣющіе понятіе объ устройствѣ европейскихъ государствъ и о бытѣ народа, сочли все это за совершенно пустую и глупую выдумку и знали, что ничего такого быть не можетъ, но Катковъ все свое твердилъ, что вольные казаки могутъ уйти у насъ изъ рукъ; что они уже и деньги отъ англичанкинаго посла взяли, но что все-таки ихъ еще можно остановить и направить къ тому, чтобы они пошли и подбили кого-то не подъ англичанку, а подъ насъ.

Это становилось смѣшно и никто не могъ понять: какую надобность можетъ имѣть «англичанка» въ томъ, чтобы разыскивать и нанимать къ себѣ на службу подобную шушеру,—не понимали и кого еще намъ надо подъ себя подбить? Но тогда Катковъ разсерчалъ и объявилъ, что относиться къ Ашинову съ недостаткомъ довѣрія есть измѣна!

Стало даже неудобно и разузнавать: кто онъ такой въ самомъ дѣлѣ и откуда взялся?

Но вдругъ тамъ же, въ Москвѣ, нашелся безстрашный человѣкъ и сталъ спорить съ Катковымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Отважный московскій гражданинъ былъ другой газетный редакторъ, Алексѣй Алексѣевичъ Гатцукъ, издававшій «Крестный календарь» и отъ своего имени иллюстрированную газету. У Гатцука были въ разныхъ городахъ корреспонденты, и одинъ изъ нихъ зналъ объ Ашиновѣ и сообщилъ въ «Газету Гатцука», что Николай Ивановичъ Ашиновъ вовсе не «вольный казакъ», каковаго нѣтъ и на-

званія, а что онъ пензенскій мѣщанинъ, учился въ тамошней гимназіи и исключенъ оттуда изъ младшихъ классовъ за нехорошіе поступки. Потомъ онъ бродилъ и съякшался съ какими-то темными побродягами и скитался съ ними гдѣ попало, находясь всегда въ сторонѣ отъ спокойныхъ людей, исполняющихъ положенія гражданскаго закона. Гатцукъ съ радостью напечаталъ это извѣстіе, чтобы «открыть обществу глаза» и не допустить его до глупости носиться съ человѣкомъ, который вовсе не то, за кого онъ себя выдаетъ и кѣмъ онъ *быть не можетъ*, такъ какъ никакихъ «вольныхъ казаковъ» въ Россіи нѣтъ. Но несмотря на точность свѣдѣній Гатцука, которыя ничего не стоило провѣрить въ каждую минуту, и не стѣсняясь тѣмъ, что «вольныхъ казаковъ» въ самомъ дѣлѣ нигдѣ нѣтъ, очевидная ложь, выдуманная какимъ-то выжигою, при поддержкѣ Каткова, стала за истину и заставила людей довольно почтенныхъ играть передъ цѣлымъ свѣтомъ унизительныя и жалкія роли.

Говорили: «—Да!.. чортъ возьми!.. Оно кажется... что-то того... Что-то не чисто пахнетъ, но вѣдь если подумать... Если вспомнить, кто былъ Ермакъ... такъ и надо потерпѣть...

«—Ну да,—возражали имъ,—но вѣдь Ермакъ «поклонился Сибирью», а этотъ чѣмъ же будетъ кланяться?»

«— А вотъ у него ужъ что-то есть!..»

И вдругъ называли Египетъ и Индію.

И что же! «Все повинулось суетѣ», «мудрые объюродѣша» и «за ослушаніе истины вѣрили лжи» (2 Ѳс. II, 11—12).

И не прошла еще вся эта болтовня, какъ явился персонально самъ Ашиновъ и сразу пошелъ изъ двора во дворъ, съ рукъ на руки, находя вездѣ «преданность и уваженіе и уваженіе и преданность». А про Гатцука Катковъ напечаталъ, что «въ Москвѣ были большіе жары, и съ Ал. Ал. Гатцукомъ что-то сдѣлалось». Этого было довольно, да, пожалуй, можно было обойтись и безъ этого... А Ашиновъ въ это время уже ходилъ по Петербургу и «разбирался» тутъ съ привезенными имъ заморскими птицами, чернома-

зымъ мальчикомъ и неизвѣстною дѣвицею, въ званіи «принцессы» и дочери дружественнаго царя Менелика, которая по пути уже изрядно подучилась по-русски... Ее привѣчали дамы, а Ашиновъ самъ былъ вездѣ нарасхватъ: его всѣ желали видѣть и нѣкоторые редакторы сами за нимъ слѣдовали, а ихъ газеты провозвѣщали о вечерахъ и собраніяхъ, которые Ашиновъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ. Коренастый, вихрястый, рыжій, съ бѣгающими глазами, онъ ходилъ въ казачьемъ уборѣ и появлялся въ собраніяхъ въ сопровожденіи такихъ извѣстныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, Аристовъ, редакторъ Комаровъ, священникъ Наумовичъ, г. Редедя и одинъ, а иногда даже два поэта, изъ которыхъ одинъ, старикъ Розенгеймъ, обкуривалъ его мариландскою папироской, а другой нарочито искательный мелодикъ втягивалъ въ себя даже собственныя черевы *). Гдѣ сопровождаемый свитою, гдѣ одинъ, Ашиновъ показывался у людей съ большимъ вѣсомъ, и день-ото-дня все смѣлѣе претендовалъ на предоставленіе ему еще большей представительности. И какъ это ему нужно было очень скоро, то онъ торопилъ своихъ покровителей, попугивая ихъ, что промедленіе опасно, такъ какъ оно можетъ вывесть изъ терпѣнія его товарищей, которымъ уже принадоѣло сидѣть въ камышахъ и они могутъ кликнуть «айда», и тогда всѣ наши выгоды предоставятъ «англичанкѣ». Такой несчастный оборотъ могъ случиться ежеминутно (и зачѣмъ онъ не случился!), а Ашиновъ становился нетерпѣливъ и очень дерзокъ. Какъ человѣкъ совсѣмъ невоспитанный и наглый, онъ не стѣснялся бранить кого попало, а иногда смѣло врывался въ дома нѣкоторыхъ сановниковъ, хваталъ ихъ за руки и

*) Въ разсказахъ Ашинова было не мало темъ для поэзіи въ оссіановскомъ родѣ: такъ, я помню, какъ онъ однажды разсказывалъ объ англичанинѣ, который имъ будто привезъ «деньги отъ англичанки» и требовалъ, чтобы они ѣхали *съ нимъ*, а они «деньги приняли», а поѣхали *въ свою сторону*, а англичанина певезли *за собою* и на остановкахъ его «драли», пока онъ «не стерпѣлъ болѣе» и они его «тамъ и закопали».

даже кричалъ угрозы. Генералъ Грессеръ не могъ слышать имени этого претендента, но терпѣлъ его, считая его за своего рода «табу», котораго нельзя призвать къ порядку. А тотъ пользовался этимъ съ безуміемъ настоящаго дикаря и довелъ свою азартность до того, что началъ метаться на своихъ, какъ на чужихъ, и даже на мертвыхъ. Въ семъ послѣднемъ родѣ, напримѣръ, извѣстенъ былъ такой случай, что когда въ одномъ домѣ были вмѣстѣ Ашиновъ и Розенгеймъ, и судьбѣ было угодно, чтобы генералъ Розенгеймъ тутъ же внезапно умеръ, то онъ упалъ со стула прямо къ ногамъ Ашинова, а этотъ вспрыгнулъ съ своего мѣста и, щелкнувъ покойнаго рукой, вскричалъ:

— «Эхъ, ты! Нашелъ гдѣ умирать, дурашка!..»

И Петербургъ все это слушалъ и смотрѣлъ и... даже ужъ не удивлялся...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

То, что здѣсь изложено,—это не только «фактъ», какъ любятъ заключать свои сообщенія газетные репортеры, но это «даже настоящее событіе», какъ говоритъ одинъ изъ значительныхъ петербургскихъ ораторовъ. Ашиновъ достигъ самаго полнаго преобладанія надъ всѣми «исполнителями положеній закона гражданскаго» потому, что его вывелъ въ свѣтъ редакторъ, не уважавшій «гражданскихъ постановленій». Такой соучастникъ такъ важенъ, что Ашиновъ началъ свою карьеру съ того, о чемъ Мошкинъ (XVII в.) не смѣлъ бы и думать, а Баранщиковъ (въ XVIII в.) дошелъ только въ концѣ своихъ подвиговъ, и то въ слабой степени. Ашиновъ прямо сразу пошелъ на разореніе «положеній закона гражданскаго», потому что онъ былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, кто въ періодической печати столь ненавидитъ законность, что не погнушается идти противъ нея заодно съ кѣмъ попало... И когда эти два дѣятеля соединили свои имена и свою ярость—вышло то, что унизительный инцидентъ Ашинова никакими клещами не можетъ быть отодранъ отъ исторической фигуры Каткова...

Если соотвѣтственные элементы будутъ въ наличности и въ XX вѣкѣ, то возможно, что явленіе повторится, и тотъ вѣкъ тоже выставитъ своего продолжателя Мошкину, Баранщикову и Ашинову, но вдохновенный таковскимъ духомъ молодецъ въ двадцатомъ вѣкѣ долженъ имѣть бо̀льшій успѣхъ, а именно—онъ долженъ начать съ того, чѣмъ кончилъ Ашиновъ, когда сталъ въ гордой позѣ надъ тѣломъ послѣдняго славянофильскаго поэта, лежавшаго у его ногъ въ генеральской униформѣ.

Печать же должна показать, насколько «скасочники» стоятъ ниже людей, «исполняющихъ положенія гражданскаго порядка», такъ какъ только святой трудъ этихъ людей даетъ средства на всѣ дѣйствительныя нужды страны, а также и на удовлетвореніе многихъ ненужностей.

НЕКРЕЩЕНЫЙ ПОПЪ.

НЕВѢРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ.

(Легендарный случай).

Разсказъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ своемъ пріятельскомъ кружкѣ мы остановились надъ слѣдующимъ газетнымъ извѣстіемъ:

«Въ одномъ селѣ священникъ выдавалъ замужъ дочь. Разумѣется, пиръ былъ на славу, всѣ подпили порядкомъ и веселились по-сельскому, по-домашнему. Между прочимъ, мѣстный діаконъ оказался любителемъ хореграфическаго искусства и, празднуя веселье, «веселыми ногами», въ одушевленіи, отхваталъ передъ гостями *трепака*, чѣмъ всѣхъ привелъ въ немалый восторгъ. На бѣду на томъ же пиру былъ благочинный, которому такое дѣяніе діакона показалось весьма оскорбительнымъ, заслуживающимъ высшей мѣры взысканія, и въ ревности своей благочинный настрочилъ доносъ архіерею о томъ, какъ діаконъ на свадьбѣ у священника «ударилъ трепака». Архіепископъ Игнатій, получивъ доносъ, написалъ такую резолюцію:

«Діаконъ N *„ударилъ трепака“*...
Но *трепакъ* не проситъ;
Зачѣмъ же благочинный доноситъ?
Вызвать благочиннаго въ консисторію и допросить».

«Дѣло окончилось тѣмъ, что доноситель, проѣхавъ полтораста верстъ и немало израсходовавъ денегъ на поѣздку, возвратился домой съ внушеніемъ, что благочинному слѣдовало бы на мѣстѣ, словесно, сдѣлать внушеніе діакону, а не заводить кляузъ изъ-за *одного* — и притомъ исключительнаго случая».

Когда это было прочитано, всѣ единогласно поспѣшили выразить полное сочувствіе оригинальной резолюціи пр. Игнатія, но одинъ изъ насъ, большой знатокъ клироваго быта, имѣющій всегда въ своей памяти богатый запасъ анекдотовъ изъ этой своеобычной среды, вставилъ:

— Хорошо-то это, господа, пускай и хорошо: благочинному дѣйствительно не слѣдовало «заводить кляузъ изъ-за *одного*, и притомъ исключительнаго случая»; но случай случаю рознь, и то, что мы сейчасъ прочитали, приводитъ мнѣ на память другой случай, донося о которомъ благочинный поставилъ своего архіерея въ гораздо бо̀льшее затрудненіе, но однако и тамъ дѣло сошло съ рукъ.

Мы, разумѣется, попросили своего собесѣдника разсказать намъ его затруднительный случай, и услыхали отъ него слѣдующее.

Дѣло, о которомъ по вашей просьбѣ надо вамъ разсказывать, началось въ первые годы царствованія императора Николая Павловича, а разыгралось уже при концѣ его царствованія, въ самые суматошные дни нашихъ крымскихъ неудачъ. За тогдашними, большой важности событіями, которыя такъ естественно овладѣли всеобщимъ вниманіемъ въ Россіи, казусное дѣло о «некрещеномъ попѣ» свертѣлось подъ шумокъ и хранится теперь только въ памяти остающихся до сихъ поръ въ живыхъ лицъ этой замысловатой исторіи, получившей уже характеръ занимательной легенды новѣйшаго происхожденія.

Такъ какъ дѣло это въ своемъ мѣстѣ весьма многимъ извѣстно, и главное лицо, въ немъ участвующее, до сихъ поръ благополучно здравствуетъ, то вы должны меня извинить, что я не буду указывать мѣсто дѣйствія съ большою

точностію и стану избѣгать называть лица ихъ настоящими именами. Скажу вамъ только, что это было на югѣ Россіи, среди малороссійскаго населенія, и касается некрещенаго попа, отца Саввы, весьма хорошаго, благочестиваго человѣка, который и до сихъ поръ благополучно здравствуетъ и священствуетъ и весьма любимъ и начальствомъ, и своимъ мирнымъ сельскимъ приходомъ.

Кромѣ собственнаго имени отца Саввы, которому я не вижу нужды давать псевдонимъ, всѣ другія имена лицъ и мѣстъ я буду ставить иныя, а не дѣйствительныя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

И такъ, въ одномъ малороссійскомъ казачьемъ селѣ, которое мы, пожалуй, назовемъ хоть Парипсами, жилъ богатый казакъ Петро Захаровичъ, по прозвищу Дукачъ. Человѣкъ онъ былъ уже въ лѣтахъ, очень богатый, бездѣтный и грозный-прегрозный. Не былъ онъ *міроѣдомъ,* въ великорусскомъ смыслѣ этого слова, потому что въ малороссійскихъ селахъ міроѣдство на великорусскій ладъ неизвѣстно, а былъ, что называется, *дукачъ* — человѣкъ тяжелый, сварливый и дерзкій. Всѣ его боялись и при встрѣчѣ съ нимъ открещивались, поспѣшно переходили на другую сторону, чтобы Дукачъ не обругалъ, а при случаѣ, если его сила возьметъ, даже и не побилъ. Родовое его имя, какъ это нерѣдко въ селахъ бываетъ, всѣми, самымъ капитальнымъ образомъ, было позабыто и замѣнено уличною кличкою или прозвищемъ — «Дукачъ», что выражало его непріятныя житейскія свойства. Эта обидная кличка, конечно, не содѣйствовала смягченію нрава Петра Захарыча, а напротивъ, еще болѣе его раздражала и доводила до такого состоянія, въ которомъ онъ, будучи отъ природы весьма умнымъ человѣкомъ, терялъ самообладаніе и весь разсудокъ и метался на людей какъ бѣсноватый.

Стоило завидѣвшимъ его гдѣ-нибудь играющимъ дѣтямъ въ перепугѣ броситься врозсыпь, съ крикомъ: «ой, лы-

шенько, старый Дукачъ иде», какъ уже этотъ перепугъ оказывался не напраснымъ: старый Дукачъ бросался въ погоню за разбѣгающимися ребятишками со своею длинною палкою, какую приличествуетъ имѣть въ рукахъ настоящему степенному малороссійскому казаку, или съ случайно сорваною съ дерева хворостиною. Дукача, впрочемъ, боялись и не одни дѣти: его, какъ я сказалъ, старались подальше обходить и взрослые, — «абы до чего не прычепывся». Такой это былъ человѣкъ. Дукача никто не любилъ и никто ему не сулилъ ни въ глаза, ни за глаза никакихъ благожеланій, напротивъ, всѣ думали, что Небо только по непонятному упущенію коснитъ давно разразить сварливаго казака вдребезги такъ, чтобы и потроха его не осталось, и всякій, кто какъ могъ, охотно бы постарался поправить это упущеніе Промысла, если бы Дукачу, какъ на зло, отвсюду незримо «не перло счастье». Во всемъ ему была удача, — все точно само шло въ его желѣзныя руки: огромныя стада его овецъ плодились какъ стада Лавановы при досмотрѣ Іакова. Для нихъ уже вблизи и степей не доставало; полòвые, круторогіе волы Дукача сильны, рослы и тоже чуть не сотнями паръ ходили въ новыхъ возахъ то въ Москву, то въ Крымъ, то въ Нѣжинъ; а пчелиная пасѣка въ своемъ липнякѣ, въ теплой запуши была такая, что колодки надо было считать сотнями. Словомъ, богатство по казачьему званію—несмѣтное. И за что все это Богъ далъ Дукачу? Люди только удивлялись и успокоивали себя тѣмъ, что все это не къ добру, что Богъ, навѣрное, этакъ «манитъ» Дукача, чтобы онъ больше возвеличался, а потомъ его и «стукнетъ», да ужъ такъ стукнетъ, что на всю околицу слышно будетъ.

Ждали добрые люди этой расправы надъ лихимъ казакомъ съ нетерпѣніемъ, но годы шли за годами, а Богъ Дукача не стукалъ. Казакъ все богатѣлъ и кичился, и ни откуда ничто ему достойное его лютовства не угрожало. Общественная совѣсть была сильно смущена этимъ. Тѣмъ болѣе, что о Дукачѣ нельзя было сказать, что ему отпла-

тится на дѣтяхъ: дѣтей у него не было. Но вотъ вдругъ старая Дукачиха стала чего-то избѣгать людей, — она конфузилась или, по-мѣстному, «соромылась»,—не выходила на улицу, и вслѣдъ затѣмъ по околицѣ разнеслась новость, что Дукачиха «непорожня».

Умы встрепенулись и языки заговорили: давно утомленная ожиданіемъ общественная совѣсть ждала себѣ близкаго удовлетворенія.

— Що-то буде за дитына! що-то буде за дитына антихристова? И чи воно родыться, чи такъ и пропаде въ жывоти, щобъ ему не бачыть билаго свиту!

Ждали этого всѣ съ нетерпѣніемъ и, наконецъ, дождались: въ одну морозную декабрьскую ночь, въ просторной хатѣ Дукача, въ священныхъ мукахъ родового страданія, явился ребенокъ.

Новый жилецъ этого міра былъ мальчикъ и, притомъ, безъ всякаго звѣровиднаго уродства, какъ хотѣлось всѣмъ добрымъ людямъ; а напротивъ, необыкновенно чистенькій и красивый, съ черною головкою и большими голубыми глазками.

Бабку Керасиху, которая первая вынесла эту новость на улицу и клялась, что у ребенка нѣтъ ни рожковъ, ни хвостика, оплевали и хотѣли побить, а дитя все-таки осталось хорошенькое-прехорошенькое и къ тому же еще удивительно смирное: дышало себѣ потихонечку, а кричать точно стыдилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Когда Богъ даровалъ этого мальчика, Дукачъ, какъ выше сказано, былъ уже близокъ къ своему закату. Лѣтъ ему въ ту пору было, можетъ-быть, болѣе пятидесяти. Извѣстно, что пожилые отцы горячо принимаютъ такую новость, какъ рожденіе перваго ребенка, да еще сына, наслѣдника имени и богатства. И Дукачъ былъ этимъ событіемъ очень обрадованъ,—но выражалъ это, какъ позволяла ему его суровая натура. Прежде всего, онъ призвалъ къ себѣ жившаго

у него бездомнаго племянника, по имени Агапа, и объявилъ ему, чтобы онъ теперь уже не дулъ губу на дядино наслѣдство, потому что теперь уже Богъ послалъ къ его «худоби» настоящаго наслѣдника, а потомъ приказалъ этому Агапу, чтобы онъ сейчасъ же снарядился въ новый чепанъ и шапку и готовился, чуть забрезжитъ заря, идти съ посыломъ до заѣзжаго судейскаго паныча и до молодой поповны,—звать ихъ въ кумовья.

Агапу тоже уже было лѣтъ подъ сорокъ, но онъ былъ человѣкъ загнанный и смотрѣлъ съ виду цыпленкомъ съ зачичкавшеюся головенкою, на которой у него сбоку была пресмѣшная лысина, тоже дѣло руки Дукача.

Когда Агапъ въ отрочествѣ осиротѣлъ и былъ взятъ въ Дукачевъ домъ, онъ былъ живой и даже шустрый ребенокъ, и представлялъ для дяди ту выгоду, что зналъ грамотѣ. Чтобы не кормить даромъ племянника, Дукачъ съ перваго же года сталъ посылать его со своими чумаками въ Одессу. И когда Агапъ, одинъ разъ возвратясь домой, сдалъ дядѣ отчетъ и показалъ расходъ на новую шапку, Дукачъ осердился, что тотъ смѣлъ самовольно сдѣлать такую покупку, и такъ жестоко побилъ парня по шеѣ, что она у него очень долго болѣла и потомъ навсегда немножко скособочилась; а шапку Дукачъ отобралъ и повѣсилъ на гвоздь, пока ее моль съѣстъ. Кривошей-Агапъ ходилъ годъ безъ шапки и былъ у всѣхъ добрыхъ людей «посміхачемъ». Въ это время онъ много и горько плакалъ, и имѣлъ досугъ надуматься, какъ помочь своей нуждѣ. Самъ онъ уже давно отупѣлъ отъ гоненій, но люди наговорили ему, что онъ могъ бы съ своимъ дядькомъ справиться, только не такъ просто, черезъ прямоту, а черезъ «полытыку». И именно черезъ такую политику, тонкую, чтобы шапку купить, а расходъ на нее не показывать, а такъ «расписать» тѣ деньги гдѣ-нибудь понемножечку, по другимъ статьямъ. А ко всему этому, на всякій случай, идучи къ дядѣ, взять самое длинное полотенце, да въ нѣсколько разъ обмотать имъ себѣ шею, чтобы, если Дукачъ станетъ драться, то не

было бы очень больно. Агапъ взялъ себѣ на умъ эту науку, и вотъ черезъ годъ, когда дядя погналъ его опять въ Нѣжинъ, онъ ушелъ безъ шапки, а вернулся и съ отчётомъ, и съ шапкою, которой ни въ какихъ расходахъ не значилось. Дукачъ спервоначала этого и не замѣтилъ, и даже было похвалилъ племянника, сказавъ ему: «Треба-бъ тебе побиты, да ни за що» Но тутъ бѣсъ и дернулъ Агапа показать дядьку, какъ несправедлива на свѣтѣ человѣческая правда! Онъ попробовалъ, хорошо ли у него намотано на шеѣ длинное полотенце, которое должно было служить для его политическихъ соображеній, и, найдя его въ добромъ порядкѣ, молвилъ дядѣ:

— Эге, дядьку, добре! ни за що биты! Ось така-то правда на свити!

— А яка-жъ правда?

— А ось яка правда: выбачайте дядьку. — И Агапъ, щелкнувъ по бумажкѣ, сказалъ:—нема тутъ шапки?

— Ну, нема,— отвѣчалъ Дукачъ.

— А отъ же и есть шапка, — похвалился Агапъ и насадилъ набекрень свою новую франтовскую шапку изъ рѣшетиловскихъ смушекъ.

Дукачъ посмотрѣлъ и говоритъ:

— Добра шапка. А ну дай и мени помирять.

Надѣлъ на себя шапку, подошелъ къ осколку зеркальца, вправленному въ досточку, оклеенную яркою пестрою бумажкою, тряхнулъ сѣдою головою и опять говоритъ:

— А до лиха, бачь и справди така добрая шапка, що хочь бы и мени, то було бъ добре въ иі ходыти.

— А ничего соби, добре бъ було.

— И де ты иі, вражій сынъ, укравъ?

— Що вы, дядьку, на що я буду красты! — отвѣчалъ Агапъ:—нехай отъ сего Богъ боронить, я зроду не кравъ.

— А де жъ ты иі ухопывъ?

Но Агапъ отвѣтилъ, что онъ совсѣмъ шапки не хапалъ, а такъ себѣ, просто ее досталъ черезъ полытыку.

Дукачу это показалось такъ смѣшно и невѣроятно, что онъ разсмѣялся и сказалъ:

— Да ну годи вже тебѣ дурню: де таки тоби робыть полытыку?

— А отъ же и сробывъ.

— Ну мовчи.

— Ей-Богу удѣлалъ.

Дукачъ только молча погрозилъ ему пальцемъ; но тотъ стоитъ на своемъ, что онъ «полытыку удѣлалъ».

— И де въ чорта, та пыха у тебя взялась въ голови,—заговорилъ Дукачъ:—де же сему дилу буть, щобы ты, такій сельскій квакъ, да въ Нѣжинѣ могъ полытыку дѣлать?

Но Агапъ стоялъ на своемъ, что онъ дѣйствительно удѣлалъ полытыку.

Дукачъ велѣлъ Агапу сѣсть и все какъ есть про сдѣланную имъ политику разсказывать, а самъ налилъ себѣ въ плошку сливяной наливки, запалилъ люльку и приготовился долго слушать. Но долго слушать было нечего. Агапъ повторилъ дядѣ весь свой отчетъ и говоритъ:

— Нэма тутъ шапки?

— Ну, нэма, — отвѣчалъ Дукачъ.

— А вотъ же тутъ и есть шапка!

И онъ открылъ, что̀ именно, сколько копѣекъ и къ какой расходной статьѣ имъ присчитано, и говорилъ онъ все это весело, съ открытою душою и съ полною надеждою на туго намотанное на шеѣ полотенце; но тутъ-то и случилась самая непредвидѣнная неожиданность: Дукачъ, вмѣсто того, чтобы побить племянника по шеѣ, сказалъ:

— Ишь ты и справди якый полытыкъ: укравъ, да и шию закрутывъ, щобъ не больно було. Ну, такъ я же тоби дамъ другую полытыку, — и съ этимъ онъ дернулъ клокъ волосъ, замершій у него въ рукѣ.

Такъ кончилась эта политическая игра дяди съ племянникомъ и, сдѣлавшись извѣстной на селѣ, укрѣпила за Дукачемъ еще болѣе твердую репутацію, что этотъ чело-

вѣкъ «якъ каминь» — ничѣмъ его не возьмешь: ни прямотою, ни политикою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дукачъ всегда жилъ одиноко: онъ ни къ кому не ходилъ, да и съ нимъ никто не хотѣлъ близко знаться. Но Дукачъ объ этомъ, повидимому, нимало и не скорбѣлъ. Можетъ-быть, ему это даже нравилось. По крайней мѣрѣ, онъ не безъ удовольствія говаривалъ, что въ жизнь свою никому не кланялся и не поклонится, — и случая такого не чаялъ, который могъ бы заставить его поклониться. Да и въ самомъ дѣлѣ и изъ-за чего онъ сталъ бы кого-нибудь заискивать? Воловъ и всякой худобы много; а если этимъ Богъ накажетъ, — волы попадаютъ или что пожаромъ сгоритъ, такъ у него вволю и земли, и луговъ, — все въ порядкѣ, все опять снова уродится, и онъ снова разбогатѣетъ. А хоть бы и не такъ, то онъ хорошо зналъ въ дальнемъ лѣсу одинъ примѣтный дубъ, подъ которымъ закопанъ добрый казанокъ съ старыми рублевиками. Стòитъ его достать оттуда, такъ и безъ всякихъ хлопотъ можно цѣлый вѣкъ жить, и то не прожить. Что же значили ему люди? Дѣтей что ли ему съ ними крестить, — но у него дѣтей не было. Или для того, чтобы утѣшить свою Дукачиху, которая по бабьей прихоти приставала:

— Что, молъ, насъ всѣ боятся, да намъ завидуютъ, — лучше бы сдѣлать, чтобы насъ кто-нибудь любить сталъ.

Но стоило ли это бабье нытье казачьяго вниманія.

И вотъ шли года за годами, пронося надъ головою Дукача безвредно всякія житейскія случайности и невзгоды, а случай, который могъ заставить его поклониться людямъ, все-таки его не облетѣлъ мимо: теперь люди ему понадобились, чтобы дитя крестить.

Всякому иному, не такому гордому человѣку какъ Дукачъ, это разумѣется ничего бы не составляло, но Дукачу ходить, звать, да еще упрашивать было не подъ стать.

Да еще кого звать и кого «упрашивать»? — Ужъ разумѣется не кого-нибудь, а самыхъ первыхъ людей: молодую поповну-щеголиху, которая ходила въ деревнѣ въ полтавскихъ шляпкахъ, да судового паныча, что гостилъ объ эту пору у отца дьякона. Положимъ, это компанія хорошая, но что-то страшно: ну какъ они откажутъ? Дукачъ помнилъ, что вѣдь не обращалъ вниманія онъ не только на простыхъ людей, но не уважалъ и отцу Якову, а съ дьякономъ прямо одинъ разъ на греблѣ «бился» за то, что тотъ, ѣдучи ему навстрѣчу, не хотѣлъ съ дороги въ грязь своротить. Чего добраго, и они этого не позабыли и теперь, — когда гордому казаку пришла въ нихъ нужда, — они ему это, пожалуй, и вспомнятъ. Дѣлать однако было нечего. Дукачъ поднялся на хитрость: избѣгая самолично встрѣтить отказъ, онъ послалъ звать кумовьевъ Агапа. А чтобы и тому было поваднѣе, снабдилъ его зваными дарами деревенскаго припасенія, которые вынулъ изъ завѣтной скрыни: панночкѣ высокій черепаховый гребень «съ огородомъ», а панычу золоченую склянку пѣтухомъ съ нѣмецкою подписью. Но все это вышло напрасно: кумовья отказались и даровъ не приняли; да еще, по словамъ Агапа, и въ глаза ему насмѣялись: что, дескать, чего Дукачъ и заботится: развѣ дѣтей такихъ злодѣевъ, какъ онъ, можно крестить? А когда Агапъ замѣтилъ, что неужто дитя цѣлую недѣлю останется не крещено, то будто самъ попъ— отецъ Яковъ—прямо пророковалъ: что не недѣлю, а цѣлый вѣкъ ему оставаться некрещенымъ.

Услыхавъ это, Дукачъ сложилъ правою рукою дулю, сунулъ ее племяннику въ носъ и велѣлъ поднести это за пророчество отцу Якову. А чтобы Агапу веселѣе было идти, — повернулъ его другою рукою и выпроводилъ по потылицѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Агапъ, разумѣется, не считалъ этого за самый худшій исходъ, какого онъ могъ ожидать за свое неудачное посоль-

ство, и, закатясь съ дядиныхъ глазъ въ корчму, успѣлъ разсказать бывшее такъ хорошо, что черезъ полчаса объ этомъ знало все селеніе, и всѣ, отъ мала до велика, радовались тому, что отецъ Яковъ «въ книгахъ вычиталъ, якъ Дукаченку на роду писано остаться некрещенымъ». И если бы теперь старый Дукачъ забылъ всю свою важность и сталъ звать послѣдняго изъ послѣднихъ на селѣ, то онъ навѣрно бы никого не дозвался, но Дукачъ это зналъ; — онъ зналъ, что находился въ положеніи того волка, который всѣмъ чѣмъ-нибудь нагадилъ, и что ему потому некуда дѣться и не отъ кого искать защиты. Онъ пошелъ напроломъ: сунувъ къ носу Агапа дулю, адресованную отцу Якову, онъ рѣшилъ обойтись не только безъ содѣйствія всѣхъ своихъ односельчанъ, но и безъ услугъ самого отца Якова.

На зло всѣмъ, но, можетъ-быть, особенно отцу Якову, Дукачъ рѣшилъ окрестить сына въ чужомъ приходѣ, въ селѣ Перегудахъ, которое отстояло отъ Парипсъ не болѣе какъ на семь или на восемь верстъ. А чтобы не откладывать спѣшнаго дѣла въ долгій ящикъ, — окрестить сына немедленно, а именно нынче же,—чтобы завтра объ этомъ и разговоровъ не было; а напротивъ, чтобы завтра же всѣ знали, что Дукачъ настоящій казакъ, который никому въ насмѣшку не дается и можетъ безъ всѣхъ обойтись. Кумъ у него уже былъ избранъ, — самый неожиданный, — это Агапъ. Правда, что такой выборъ многихъ могъ удивить, но на то у Дукача былъ отводъ: онъ бралъ простыхъ кумовьевъ, — «встрѣчныхъ», какъ на то есть повѣрье, что такихъ Богъ посылаетъ. Агапъ и взаправду былъ первый «встрѣчникъ», на котораго богатый казакъ на перваго взглянулъ при извѣстіи о новорожденномъ; а первая «встрѣчница» была бабка Керасивна. Ее взять въ кумы было немножко неловко, потому что Керасивна имѣла несовсѣмъ стройную репутацію: она была самая несомнѣнная вѣдьма, — столь несомнѣнная, что этого не отрицалъ даже самъ ея мужъ, очень ревнивый казакъ Керасенко, изъ ко-

тораго эта хитрая жинка весь духъ и всю его нестерпимую ревность выбила. Обратя его въ самаго битаго дурня, жила она на всей своей вольной волѣ,—немножко шинкуя, немножко промышляя то повитушествомъ, то продажею паляницъ, то, наконецъ, просто «срывая цвѣты удовольствій».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вѣдьмовство ея знали и старъ и малъ, — потому что случай, обнаружившій это, былъ самый гласный и скандальный. Керасивна еще въ дивчинахъ была безстрашная самовольница, — жила въ городахъ и имѣла какую-то мудренаго вида скляницу съ рогатымъ чортомъ, которую ей подарилъ рогачевскій дворянинъ съ Покоти, отливавшій такія чертовщины въ сосѣдней гутѣ. И Керасивна пила себѣ на здоровье изъ этой скляницы и была здорова. И, наконецъ, мало всего этого, — она показала самую невозможную отвагу, добровольно согласясь выйти замужъ за Керасенка. Этого никто не могъ сдѣлать кромѣ женщины, которая ничего не боится, потому что Керасенко, завѣдомо, уже уморилъ своею ревностью двухъ женъ, и когда нигдѣ въ окрестности не могъ найти себѣ третьей, то тогда эта окаянная Христя сама ему набилась и вышла за него, только такое условіе сдѣлала, что онъ ей всегда будетъ вѣрить. Керасенко на это согласился, а самъ думалъ:

«Дура баба: такъ я тебѣ и стану вѣрить!—дай женюсь,— я тебя и на шагъ отъ себя не отпущу».

Всякая бы на мѣстѣ Христи это предвидѣла, но эта шустрая дивчина словно оглупѣла: и не только ничего не побоялась и вышла за ревниваго вдовца, да еще взяла и совсѣмъ его передѣлала, такъ что онъ вовсе пересталъ ее ревновать и далъ ей жить на всей ея вольной волѣ. Вотъ это-то и было устроено самымъ коварнымъ вѣдьмовствомъ и при несомнѣнномъ участіи чорта, котораго сосѣдка Керасивны, Пиднебесная, сама видѣла въ образѣ человѣческомъ.

Это было вскорѣ же послѣ того, какъ Керасенко женился на бойкой Христѣ, и хоть тому теперь прошелъ уже добрый десятокъ лѣтъ, однако бѣдный казакъ, конечно, и ò сю пору хорошо помнилъ этотъ чертовскій случай. Было это зимою, подъ вечеръ на праздникахъ, когда никакому казаку, хоть бы и самому ревнивому, не вмочь усидѣть дома. А Керасенко и самъ «нудилъ свитомъ» и жену никуда не пускалъ, и произошла у нихъ изъ-за этого баталія, при которой Керасивна сказала мужу:

— Ну, якъ ты выйшовъ на своемъ словѣ невірный, то я же тебѣ зроблю лихо.

— Якъ лихо! якъ ты мени лихо зробишь?—заговорилъ Керасенко.

— А зроблю да и усе тутъ буде.

— А якъ я тебе зъ очей не выпущу?

— А я на тебе мару напущу.

— Якъ мару?—хиба ты видьма?

— А отъ побачишь чи я видьма, чи я ни видьма.

— Добре.

— Отъ побачишь, дивись на мене, держись за мене, а я свое зроблю.

И еще срокъ назначила:

— Три дня,—говоритъ, не пройдетъ,—какъ сдѣлаю.

Казакъ сидитъ день, сидитъ два, просидѣлъ и третій до самаго до вечера и думаетъ: «срокъ кончился, а щобъ мене сто чортіевъ сразу взяли, якъ дома скучно... а Пиднебеснихинъ шинокъ якъ разъ противъ моей хаты, изъ оконъ въ окна:—мині звідтиль все видно будетъ, якъ кто-нибудь пойдетъ ко мнѣ въ хату. А я тѣмъ часомъ тамъ выпью двѣ-три або четыре чвертки... послухаю, що люди гомонятъ, що въ городу чуть... и потанцюю,—позабавлюся».

И онъ пошелъ,—пошелъ и сѣлъ, какъ думалъ, у окна, такъ что ему видно всю свою хату, видно, какъ огонь горитъ; видно, какъ жинка тамъ и сямъ мотается. Чудесно! И Керасенко сѣлъ себѣ, да попиваетъ, а самъ все на свою хату посматриваетъ; но откуда ни возьмись сама вдова

Пиднебесная замѣтила эту его продѣлку, да и ну надъ нимъ подтрунивать: эхъ, молъ, такой-сякой, ты глупый казакъ,—чего ты смотришь,—въ жизнь того не усмотришь.

— Ну добре,—ще побачимъ!

— Нічого и бачить,—де за нами жинками больше смотрять, тамъ намъ жинкамъ самъ бисъ помогае.

— Говори-ка, говори себѣ,—отвѣчалъ казакъ,—а якъ я самъ на жинку дивитимусь, то коло иі и чортъ ничего не зробыть.

Тутъ всѣ и закивали головами.

— Ахъ, нехорошо такъ, Керасенко, ахъ нехорошо!—или ты некрещеный человѣкъ, или ты до того осатанѣлъ, что и въ самого бѣса не вѣруешь.

И всѣ этимъ такъ возмутились, что даже кто-то изъ толпы крикнулъ:

— Да що еще на него смотрѣть: дать ему такого прочухана, щобъ вінъ тричі перевернувся и на добру виру ставъ.

И его дѣйствительно чуть не побили, къ чему, какъ онъ замѣтилъ, особенное стремленіе имѣлъ какой-то чужой человѣкъ, о которомъ Керасенку вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумалось, что это не кто иной, какъ тотъ самый рогачевскій дворянинъ, который подарилъ его женѣ склянку съ чортомъ и изъ-за котораго у нихъ съ женою передъ самою свадьбою было объясненіе, окончившееся условіемъ, чтобы объ этомъ человѣкѣ больше уже не разговаривать.

Условіе было заключено страшной клятвой, что если Керасенко хоть разъ вспомнитъ про дворянина, то будетъ онъ тогда за это у чорта въ зубахъ. И Керасенко это условіе помнилъ. Но только теперь онъ былъ пьянъ и не могъ снесть своего замѣшательства: зачѣмъ тутъ явился рогачевскій дворянинъ? И онъ поспѣшилъ домой, но дома не засталъ жены, и это ему показалось еще несообразнѣе.

«Не вспоминать-то,—думалъ онъ,—это точно мы условились о немъ не вспоминать, а на что же онъ тутъ вертится,—и зачѣмъ моей жены дома нѣтъ»?

И когда Керасенко находился въ такихъ размышленіяхъ, ему вдругъ показалось, что у него въ сѣняхъ за дверью кто-то поцѣловался. Онъ встрепенулся и сталъ прислушиваться... слышитъ, еще поцѣлуй и еще, и шопоть, и опять поцѣлуй. И все какъ разъ у самой двери...

— Э, до ста чертей,—сказалъ себѣ Керасенко,—или это я съ отвычки горилки такъ славно наугощался у Пиднебеснихи, что мнѣ чортъ знаетъ что показывается;—или это моя жинка пронюхала, что я про рогачевскаго шляхтича съ нею хочу спорить и вже успѣла на меня мару напустить? Люди мнѣ уже не разъ прежде говорили, что она у меня вѣдьма, да только я этого доглядѣться не успѣлъ, а теперь... ишь опять цѣлуются, о... о... о... вотъ опять и опять... А, стой же я тебя подкараулю!

Казакъ спустился съ лавки, подползъ тихо къ двери и, припавъ ухомъ къ пазу, сталъ слушать: цѣлуются, несомнѣнно, цѣлуются,—такъ губами и чмокаютъ... А вотъ и разговоръ, и это живой голосъ его жены; онъ слышитъ, какъ она говоритъ:

— Що тоби мой мужъ, такій-сякій поганецъ: я его прожену, а тобе въ хату пущу.

«Ого!—подумалъ Керасенко,—это она еще меня хвалится выгнать, а въ мою хату кого-то впустить хочетъ... Ну ужъ этого не будетъ».

И онъ поднялся, чтобы сильнымъ толчкомъ распахнуть дверь, но дверь сама растворилась и на порогѣ предстала Керасивна,—такая хорошая, спокойная, только немножко будто красная, и сразу же принялась ссориться, какъ пристойно настоящей малороссійской жинкѣ. Назвала она его чортовымъ сыномъ, и пьяницей, и собакой, и многими другими именами, а въ заключеніе напомнила ему объ ихъ условіи, чтобы Керасенко и думать не смѣлъ ее ревновать. А въ доказательство своего къ ней довѣрія сейчасъ же пустилъ бы ее на вечерницы. Иначе она ему такую штуку устроитъ, что онъ будетъ вѣкъ помнить. Но Керасенко былъ малый не промахъ, пустить на вечерницы сейчасъ

послѣ того, какъ онъ своими глазами видѣлъ у Пиднебеснихи рогачевскаго дворянина и сейчасъ слышалъ, какъ его жена съ кѣмъ-то цѣловалась и сговаривалась кого-то пустить въ хату... Это ему, разумѣется, представилось уже слишкомъ очевидною глупостью.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—ты поищи такого дурня въ другомъ мѣстѣ, а я хочу лучше тебя дома припереть да спать лечь. Такъ оно надежнѣе будетъ: тогда я и твоей мары не испугаюсь.

Керасивна, услыхавъ эти слова, даже поблѣднѣла; мужъ съ нею первый разъ заговорилъ въ такомъ тонѣ и она понимала, что это насталъ въ ея супружеской политикѣ самый рѣшительный моментъ, который, во что бы то ни стало, надо выиграть: или все, что она вела до сихъ поръ съ такою ловкостью и настойчивостью,—пропало безслѣдно и, пожалуй, еще обратится на ея же голову.

И она вспрянула,—вспрянула во весь свой ростъ, ткнула казаку въ носъ самую оскорбительную дулю и хотѣла, не долго думая, махнуть за дверь, но тотъ отгадалъ ея намѣреніе и предупредилъ его, замкнувъ дверь на цѣпочку, и, опустивъ ключъ въ безконечный карманъ своихъ широчайшихъ шароваръ, съ возмутительнымъ спокойствіемъ сказалъ:

— Вотъ тебѣ и вся твоя дорога, отъ печи да до порога.

Положеніе Керасивны обозначилось еще рѣшительнѣе: она приняла вызовъ мужа и впала въ такое неописанное и страшное экстатическое состояніе, что Керасенко даже испугался. Христя долго стояла на одномъ мѣстѣ, вся вздрагивая и вытягиваясь какъ змѣя, при чемъ руки ея корчились, кулаки были крѣпко сжаты, а въ горлѣ что-то щелкало и по лицу ходили то бѣлыя, то багровыя пятна. межъ тѣмъ какъ устремленные въ упоръ на мужа глаза становились острѣе ножей и вдругъ заиграли совсѣмъ краснымъ пламенемъ.

Это показалось казаку такъ страшно, что онъ, не желая видѣть жены въ этомъ бѣшенствѣ, крикнулъ:

— Цуръ тоби, проклятая видьма!—и, дунувъ на огонь, сразу погасилъ свѣтло.

Керасивна только топнула впотьмахъ и прошипѣла:

— Такъ будешь же ты знать мене видьму!—И потомъ вдругъ какъ кошка прыгнула къ печкѣ и звонко-презвонко крикнула въ трубу:

— У-г-у-у! души его свинью!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Казакъ, правда, еще больше струсилъ отъ этого новаго неистовства, но чтобы не упустить жену, которая очевидно была вѣдьма и имѣла прямое намѣреніе летѣть въ трубу, онъ изловилъ ее и, сильно обхвативъ ее руками, бросилъ на кровать къ стѣнкѣ и тотчасъ же самъ прилегъ съ краю.

Керасивна, къ удивленію мужа, нимало не сопротивлялась,—напротивъ, она была тиха какъ смирный ребенокъ и даже не бранилась. Керасенко былъ этому очень радъ и, зажавъ одною рукою спрятанный въ карманъ ключъ, а другою взявъ жену за рукавъ рубахи, заснулъ глубокимъ сномъ.

Но недолго длилось это его блаженное состояніе: только что онъ отхваталъ половину перваго сна, въ которомъ переполненный винныхъ паровъ мозгъ его размякъ и утратилъ ясность представленій, какъ вдругъ онъ получилъ толчокъ въ ребра.

«Что такое?» подумалъ казакъ, и, почувствовавъ еще новые толчки, пробормоталъ:—Чего ты жинка толкаешься?

— А то якъ же не толкаться: слухай-ко, что на дворѣ робиться?

— Что тамъ робиться?

— А вотъ ты слухай!

Керасенко поднялъ голову и слышитъ, что у него на дворѣ что-то страшно визгнуло.

— Эге,—сказалъ онъ,—а вѣдь это пожалуй кто-то нашу свинью волокетъ.

— А разумѣется, такъ. Пусти меня скорѣе, я пойду посмотрю: хорошо ли она заперта?

— Тебя пустить?.. Гм... гм...

— Ну дай же ключъ, а то украдутъ свинью и будемъ мы сидѣть всѣ святки и безъ ковбасъ, и безъ сала. Всѣ добрые люди будутъ ковбасы ѣсть, а мы будемъ только посматривать... Ого-го-го... слушай, слушай: чуешь, якъ ее волокутъ... Ажъ мнѣ его жаль, какъ оно бѣдное порося завизжало!.. Ну пусти меня скорѣе: я пойду ее отниму.

— Ну да, такъ я тебя и пущу! Гдѣ это видано, чтобы баба на такое дѣло ходила—свинью отнимать?—отвѣчалъ козакъ,—лучше я встану и самъ пойду отниму.

А на самомъ дѣлѣ ему лѣнь было вставать и страхъ не хотѣлось идти на морозъ изъ теплой хаты; но только и свинью ему было жалко, и вотъ онъ всталъ, накинулъ свиту и вышелъ за двери. Но тутъ и произошло то неразгаданное событіе, которое несомнѣннѣйшими доказательствами укрѣпило за Керасивною такую вѣдьмовскую славу, что съ сей поры всякъ боялся Керасивну у себя въ домѣ видѣть, а не только въ кумы ее звать, какъ это сдѣлалъ надменный Дукачъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не успѣлъ осторожно шагавшій казакъ Керасенко отворить хлѣвъ, гдѣ горестно завывала недовольная причиняемымъ ей безпокойствомъ свинья, какъ на него изъ непроглядной темноты упало что-то широкое да мягкое, точно возовая дерюга, и въ ту же минуту казака что-то стукнуло въ загорбокъ, такъ что онъ упалъ на землю и насилу выпростался. Удостовѣрившись, что свинья цѣла и лежитъ на своемъ мѣстѣ, Керасенко приперъ ее покрѣпче и пошелъ къ хатѣ досыпать ночь.

Но не тутъ-то было: не только самая хата, но и сѣни его оказались заперты. Онъ туда, онъ сюда,—все заперто. Что за лихо? Стучалъ онъ, стучалъ-звалъ, звалъ жинку:

— Жинка! Христя!—отопри скорѣе.

Керасивна не откликалась.

— Тпфу ты, лихая баба: чего это она вздумала запереться и такъ скоро заснула! Христя! ей! жинка! Отчини!

Ничего не было: словно все замерло; даже и свинья спитъ, и та не хрюкаетъ.

«Вотъ такъ штука! — подумалъ Керасенко, — ишь какъ заснула! Ну да я вылѣзу черезъ тынъ на улицу, да подойду къ окну: она близко у окна спитъ и сейчасъ меня услышитъ».

Онъ такъ и сдѣлалъ: подошелъ къ окну, и ну стучать, но только что же онъ слышитъ?—жена его говоритъ:

— Спи, человиче, спи: не зважай на то, що стучитъ:— се чертяка у насъ ходытъ!

Казакъ сталъ сильнѣе стучать и покрикивать:

— Сейчасъ отчини, или я окно разобью.

Но тутъ Христя разсердилась и отозвалась:

— Кто это смѣетъ въ такую пору къ честнымъ людямъ стучаться?

— Да это я, твой мужъ.

— Какой мой мужъ?

— Извѣстно какой твой мужъ,—Керасенко.

— Мой мужъ дома,—иди себѣ, иди, кто ты тамъ есть, не буди насъ: мы съ мужемъ вмѣстѣ обнявшись спимъ.

«Что это такое?—подумалъ Керасенко:—неужели я все сплю и во снѣ вижу, или это взаправду дѣется?»

И онъ опять застучалъ и началъ звать:

— Христя, а Христя!—да отопри на Божію милость.

И все пристаетъ, все пристаетъ съ этимъ; а та долго молчитъ,—ничего не отвѣчаетъ, и потомъ опять отзовется:

— Да провались ты совсѣмъ,—кто такой привязался;— говорю тебѣ, мой мужъ дома, со мною рядомъ обнявшись лежитъ,—вотъ онъ.

— Это тебѣ, Христя, може показывается?

— Эге! — спасиби тебѣ на томъ! Що же, хиба я така дурна, чи совсѣмъ нечувствительна, що ни въ чемъ толку не знаю? Нѣтъ мнѣ это лучше знать що показывается, а

що не показывается. Вотъ онъ, вотъ, мой чоловикъ у меня совсѣмъ близенько... вотъ я его и перекрещу: Господи Іисусе, а вотъ и поцѣлую: и обниму и опять поцѣлую... Такъ добре намъ вмѣстѣ, а ты, недобрый потаскунъ, иди себѣ самъ до своей жинки,—не мѣшай намъ спать и цѣловаться. Добра-ничь,—иди съ Богомъ.

— Фу ты, сто чортовъ твоему батькови: что это за притча!—пожимая плечами, разсуждалъ Керасенко. — Чего добраго, я, перелѣзши черезъ тынъ, не обознался ли хатою.—Только нѣтъ: это моя хата.

Онъ отошелъ на другую сторону широкой деревенской улицы и сталъ считать отъ колодца съ высокимъ журавлемъ.

— Первая, вторая, третья, пятая, седьмая, девятая... Вотъ это и есть моя девятая.

Пришелъ: опять стучитъ, опять зоветъ, и опять та же исторія: нѣтъ-нѣтъ, отзовется женскій голосъ и все разъ отъ раза съ большимъ неудовольствіемъ, и все въ одномъ и томъ же смыслѣ.

— Иди прочь: мой мужъ со мною.

А голосъ Христи,—несомнѣнно ея голосъ.

— А ну, если твой чоловикъ съ тобою,—пусть онъ заговоритъ.

— Чего ему со мною говорить, якъ мы уже все обговорили.

— Да я хочу послушать: есть ли тамъ у тебя чоловикъ?

— А вже же есть: вотъ ты слухай, якъ мы станемъ цѣловаться.

— Тпфу, пропасти на нихъ нѣтъ: въ самомъ дѣлѣ цѣлуются, а меня увѣряютъ, что я—не я и куда-то совсѣмъ прочь домой посылаютъ. Но погоди же: я не совсѣмъ глупый — я пойду соберу людей и пусть люди скажутъ: мой это домъ или нѣтъ, и я или кто другой мужъ моей жинки.— Слушай, Христя: я пойду людей будить.

— Да иди, иди, — отвѣчаетъ голосъ, — только отъ насъ отчѣпысь: мы вотъ двоечко нацѣловались и смирненько об-

нявшись лежимъ и хорошо намъ. А до другихъ ни до кого и дѣла нѣтъ.

Вдругъ и другой, несомнѣнно мужской, голосъ то же самое утверждаетъ:

— Мы двоечко нацѣловались и теперь смирненько обнявшись лежимъ, а ты ступай къ чорту!

Ничего больше не оставалось дѣлать: Керасенко убѣдился, что въ его званіи подъ бокъ къ Христѣ подкатился кто-то другой, и онъ пошелъ будить сосѣдей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Долго или коротко это шло, пока очумѣвшій Керасенко успѣлъ добудиться и собрать къ своему дому десятка два казаковъ и добровольно послѣдовавшихъ за мужьями любопытныхъ казачекъ, — а Керасивна оставалась въ своемъ положеніи и все увѣряла всѣхъ, что со всѣми съ ними мара, а что ея мужъ съ нею дома, лежитъ у нея на рукѣ, и въ доказательство не разъ заставляла всѣхъ слушать, какъ она его цѣлуетъ. И всѣ казаки и казачки это внимали и находили, что это никакъ не можетъ быть фальшь, потому что поцѣлуи были настоящіе и притомъ изъ-за окна, хотя не особенно внятно, а все-таки хорошо слышался мужской голосъ, который, по увѣренію Керасивны, принадлежалъ ея мужу. И всѣ слышали, какъ этотъ голосъ одинъ разъ приблизился къ самому окну и оттуда, всѣхъ ужасая, сказалъ:

— Що вы, дурни, за марою ходите? — я дома лежу со своею жинкою; а это васъ мара водитъ. Дайте ей всякій по одному доброму прочухану наотмашь,—она вразъ и разсыпится.

Казаки перекрестились, и кто изъ нихъ ближе стоялъ къ Керасенку, тотъ первый и съѣздилъ его изо всей силы по потылицѣ,—но самъ тотчасъ же далъ тягу; а его примѣру послѣдовали другіе. И Керасенко, получивъ отъ каждаго по тумаку наотмашь, въ одну минуту былъ жестоко иско-

лоченъ и безжалостно брошенъ у порога своей заколдованной хаты, гдѣ какой-то коварный демонъ такъ усердно замѣщалъ его на супружескомъ ложѣ. Онъ болѣе уже не пытался облегчить своего горя, а только, сидя на снѣжку, горько плакалъ, какъ совсѣмъ бы казаку и не пристало, и все какъ будто слышалъ, что его Керасивна цѣлуется. Но, къ счастью, всѣ мученія человѣческія имѣютъ конецъ,—и это терзаніе Керасенка кончилось, — онъ заснулъ и ему снилось, будто его жена взяла его за шиворотъ и перенесла на хорошо ему знакомую теплую постель, а когда онъ проснулся, въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ себя на своей постели, въ своей хатѣ, а передъ нимъ у припечки хлопотала, стряпая клецки съ сыромъ, его молодцоватая Керасивна. Словомъ, все какъ слѣдуетъ, — точно ничего необыкновеннаго и не случилось: ни про поросенка, ни про мару и помина не было. Керасенко же, хотя и очень желалъ объ этомъ заговорить, но не зналъ, какъ за это взяться?

Казакъ на все только рукою махнулъ и съ тѣхъ поръ жилъ съ своею Керасивною въ мирѣ и согласіи, оставляя ее на всей ея волѣ и просторѣ, которыми она и пользовалась какъ знала. Она и торговала, и ѣздила, куда хотѣла, и домашнее счастье ея отъ этого не страдало, а благосостояніе и опытность увеличивались. Но зато въ общественномъ мнѣніи Керасивна была потеряна: всѣ знали, что она вѣдьма. Хитрая казачка противъ этого никогда не спорила, такъ какъ это давало ей своего рода апломбъ: ея боялись, чествовали и, приходя къ ней за совѣтами, приносили ей либо копу яицъ, либо какой другой пригодный въ хозяйствѣ подарокъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Зналъ Керасивну и Дукачъ, и зналъ ее, разумѣется, за женщину умную, съ которою, окромя ея вѣдовства, во всякомъ причинномъ случаѣ посовѣтоваться нелишнее. И какъ

Дукачъ самъ былъ человѣкъ нелюбимый, то онъ Керасивною не очень-то и брезговалъ. Люди говорили, будто не разъ видали ихъ стоявшими вдвоемъ подъ густою вербою, которая росла заплетенная въ плетень, раздѣлявшій ихъ огороды. Иные даже думали, что тутъ было немножко и какого-то грѣха, но это, разумѣется, были сплетни. Просто Дукачъ и Керасивна, имѣвшіе въ своей репутаціи нѣчто общее, были знакомы и находили о чемъ поговорить другъ съ другомъ.

Такъ и теперь, въ томъ досадительномъ случаѣ, который послѣдовалъ по поводу неудачнаго позыва кумовьевъ, Дукачъ вспомнилъ о Керасивнѣ и, призвавъ ее на совѣтъ, разсказалъ ей причиненную ему всѣми людьми досаду.

Выслушавъ это, Керасивна мало подумала и, тряхнувъ головою, прямо отрѣзала:

— А що же, пане Дукачъ, зовить меня кумою!

— Тебя кумою звать?—повторилъ въ раздумьѣ Дукачъ.

— Да, или вы вѣрите, що я видьма?

— Гм!.. говорятъ, будто ты видьма, а я у тебя хвоста не бачивъ.

— Да и не побачите.

— Гм! тебя кумою... а що на то всѣ люди скажутъ?

— Се якіе люди?.. тѣ, що вамъ въ хату и плюнуть не хотятъ идти?

— Правда, а що моя Дукачиха заговоритъ? Вѣдь она вѣритъ, що ты видьма.

— А вы ее боитесь?

— Боюсь!.. Я не такой дурень, якъ твой мужъ: я бабъ не боюсь, и никого не боюсь: а тилько... ты вправду не видьма?

— Э, да я бачу вы, пане Дукачъ, такій же дурень! Ну такъ зовите же кого хотите.

— Гм! ну стой, стой, не сердись: будь ты взаправду кумою. Только смотри, станетъ ли съ тобою перегудинскій попъ крестить?

— А отчего не станетъ?

— Да Богъ его знаетъ: онъ якій-сь такій ученый, — все отъ писанія начинаетъ, — скажетъ: не моего прихода.

— Не бойтесь, — не скажетъ: онъ хоть ученый, а жинокъ добре слухае... Начнетъ отъ писанія, а кончитъ, якъ всѣ люди, — на томъ, що жинка укажетъ. Добре его знаю и была съ нимъ въ компаніи, гдѣ онъ ничего пить не хотѣлъ. Говоритъ: «въ писаніи сказано: «не упивайтеся виномъ, — въ немъ бо есть блудъ». А я говорю: «блудъ таки блудомъ, а вы чарочку выпейте», — онъ и выпилъ.

— Выпилъ?

— Выпилъ.

— Ну такъ се добре: только смотри, щобы винъ намъ, выпивши, не испортилъ хлопца, — не назвалъ бы его Иваномъ, або Николою.

— Ну вотъ! такъ я ему и дамъ, щобъ христіанское дитя да Николай назвать! Хиба я не знаю, что это московськое имя.

— То-то и есть: Никола самый москаль.

Дѣло стояло еще за тѣмъ, что у Керасивны не было такой теплой и просторной шубы, чтобы везти дитя до Перегудъ, а день былъ очень студеный, — настоящее «варварское время», но зато у Дукачихи была чудная шуба, крытая синею нанкою. Дукачъ ее досталъ и отдалъ безъ спроса жены Керасивнѣ.

— На,—говоритъ,—одѣнь и совсѣмъ ее себѣ возьми, только долго не копайся, щобы люди не говорили, що у Дукача три дня было дитя не хрещено.

Керасивна насчетъ шубы немножко поломалась, но, однако, взяла ее. Она завернула далеко вверхъ подбитые заячьимъ мѣхомъ рукава, и всѣ въ хуторѣ видѣли, какъ вѣдьма, задорно заломивъ на затылокъ пестрый очипокъ, усѣлась рядомъ съ Агапомъ въ сани, запряженныя парою крѣпкихъ Дукачевыхъ коней, и отправилась до попа Еремы въ село Перегуды, до котораго было съ небольшимъ восемь верстъ. Когда Керасивна съ Агапомъ отъѣзжали, любопыт-

ные люди видѣли, что и кумъ, и кума были достаточно трезвы. Что хотя у Агапа, который правилъ лошадьми, была видна въ колѣняхъ круглая барилочка съ наливкою, но это, очевидно, назначалось для угощенія причта. У Керасивны же за пазухою просторной синей заячьей шубы лежало дитя, съ крещеніемъ котораго долженъ былъ произойти самый странный случай, — что̀, впрочемъ, многіе опытные люди живо предчувствовали. Они знали, что Богъ не допуститъ, чтобы сынъ такого недобраго человѣка, какъ Дукачъ, былъ крещенъ, да еще черезъ извѣстную всѣмъ вѣдьму. Хороша бы послѣ этого вышла и вся крещеная вѣра!

Нѣтъ, Богъ справедливъ: Онъ этого не можетъ допустить и не допуститъ.

Того же самаго мнѣнія была и Дукачиха. Она горько оплакивала ужасное самочинство своего мужа, избравшаго единственному, долгожданному дитяти воспріемницею завѣдомую вѣдьму.

При такихъ обстоятельствахъ и предсказаніяхъ произошелъ отъѣздъ Агапа и Керасивны съ Дукачевымъ ребенкомъ изъ села Парипсъ въ Перегуды, къ попу Еремѣ.

Это происходило въ декабрѣ, за два дня до Николы, часа за два до обѣда, при довольно свѣжей погодѣ съ забористымъ «московьскимъ» вѣтромъ, который тотчасъ же послѣ выѣзда Агапа съ Керасивною изъ хутора началъ разыгрываться и превратился въ жестокую бурю. Небо сверху заволокло свинцомъ; по-низу завѣялась снѣжистая пыль и пошла лютая метель.

Всѣ люди, желавшіе зла Дукачеву ребенку, видя это, набожно перекрестились и чувствовали себя удовлетворенными: теперь уже не было никакого сомнѣнія, что Богъ на ихъ сторонѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Предчувствія говорили недоброе и самому Дукачу; какъ онъ ни былъ крѣпокъ, а все-таки былъ доступенъ суевѣр-

ному страху и — трусилъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ того ли или не съ того сталося, а буря, угрожавшая теперь кумовьямъ и ребенку, точно съ цѣпи сорвалась, какъ разъ въ то время, когда они выѣзжали за околицу. Но еще досаднѣе было, что Дукачиха, которая весь свой вѣкъ провела въ раболѣпномъ безмолвіи передъ мужемъ, вдругъ разомкнула свои молчаливыя уста и заговорила:

— На старость намъ, въ мое утѣшенье, Богъ намъ дытину далъ, а ты его съѣлъ.

— Это еще що? — остановилъ Дукачъ. — Какъ я съѣлъ дитя?

— А такъ, що отдалъ его видьмѣ. Гдѣ это по всему христіанскому казачеству слыхано, чтобы видьми давали дитя крестить?

— А вотъ же она его и перекреститъ.

— Никогда того не было, да и не будетъ, чтобы Господь припустилъ до своей христіанской купели лиходѣйскую видьму.

— Да кто тебѣ сказалъ, що Керасивна видьма?

— Всѣ это знаютъ.

— Мало чего всѣ говорятъ, да никто у нея хвоста не видѣлъ.

— Хвоста не видѣли, а видѣли, какъ она мужа оборачивала.

— Отчего же такого дурня и не оборачивать?

— И отъ Пиднебеснихи всѣхъ отворотила, чтобы у нея паляницъ не покупали.

— Оттого, что Пиднебесная спитъ мягко и ночью тѣсто не бьетъ, у нея паляницы хуже.

— Да вѣдь съ вами не сговроишь, а вы кого хотите, всѣхъ добрыхъ людей спросите—и всѣ добрые люди вамъ одно скажутъ, что Керасиха видьма.

— На что намъ другихъ добрыхъ людей пытать, когда я самъ добрый человѣкъ.

Дукачиха вскинула на мужа глаза и говоритъ:

— Какъ это... Это вы-то добрый человѣкъ?

— Да; а что же по-твоему, я развѣ не добрый человѣкъ?

— Разумѣется, не добрый.

— Да кто тебѣ это сказалъ?

— А вамъ кто сказалъ, что вы добрый?

— А кто сказалъ, что я не добрый?

— А кому же вы какое-нибудь добро сдѣлали?

— Какое я кому добро сдѣлалъ?

— Да.

«А сто чертей... и правда, что же это я никакъ не могу припомнить: кому я сдѣлалъ какое-нибудь добро?»— подумалъ непривычный къ возраженіямъ Дукачъ, и чтобы не слышать продолженія этого непріятнаго для него разговора, сказалъ:

— Вотъ того только и недоставало, чтобы я съ тобою, съ бабою, сталъ разговаривать.

И съ этимъ, чтобы не быть болѣе съ женою съ-глаза-на-глазъ въ одной хатѣ, онъ снялъ съ полка отнятую нѣкогда у Агапа смушковую шапку и пошелъ гулять по свѣту.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вѣроятно на душѣ у Дукача было уже очень тяжело. когда онъ могъ пробыть подъ открытымъ небомъ болѣе двухъ часовъ, потому что на дворѣ стоялъ настоящій адъ: буря сильно бушевала, и въ сплошной снѣжной массѣ, которая тряслась и вѣялась, невозможно было перевести дыханіе.

Если таково было близъ жилья, въ затишьѣ, то что̀ должно было происходить въ открытой степи, въ которой весь этотъ ужасъ долженъ былъ застать кумовьевъ и ребенка? Если это такъ невыносимо взрослому человѣку, то много ли надо было, чтобы задушить этимъ дитя?

Дукачъ все это понималъ и, вѣроятно, не мало объ этомъ думалъ, потому что онъ не для удовольствія же пролѣзъ черезъ страшные сугробы къ тянувшейся за селомъ греблѣ

и сидѣлъ тамъ въ сумракѣ метели долго-долго, — очевидно, съ большимъ нетерпѣніемъ поджидая чего-то тамъ, гдѣ ничего нельзя было разсмотрѣть. Сколько Дукачъ ни стоялъ до самой темноты посрединѣ гребли,—его никто не толкнулъ ни спереди, ни сбоку, и онъ никого не видалъ, кромѣ какихъ-то длинныхъ-предлинныхъ привидѣній, которыя точно хороводъ водили вверху надъ его головою и сыпали на него снѣгомъ. Наконецъ, это ему надоѣло, и когда быстро наступившія сумерки увеличили темноту, онъ крякнулъ, выпуталъ ноги изъ засыпавшаго ихъ сугроба и побрелъ домой.

Тяжело и долго путаясь по снѣгу, онъ не разъ останавливался, терялъ дорогу и снова ее находилъ. Опять шелъ-шелъ и на что-то наткнулся, ощупалъ руками и убѣдился, что то былъ деревянный крестъ,—высокій-высокій деревянный крестъ, какіе въ Малороссіи ставятъ при дорогахъ.

«Эге, — это я, значитъ, вышелъ изъ села! Надо же мнѣ взять назадъ»,—подумалъ Дукачъ, и повернулъ въ другую сторону, но не сдѣлалъ онъ и трехъ шаговъ, какъ крестъ былъ опять передъ нимъ.

Казакъ постоялъ, перевелъ духъ и, оправясь, пошелъ на другую руку, но и здѣсь крестъ опять загородилъ ему дорогу.

— Что онъ движется, что ли, передо мною, или еще что творится?—и онъ началъ разводить руками и опять нащупалъ крестъ, и еще одинъ и другой возлѣ.

— Ага! вотъ теперь понимаю гдѣ я: это я попалъ на кладбище. Вотъ и огонекъ у нашего попа. Не хотѣлъ ледачій пустить ко мнѣ свою поповну окрестить дѣтину. Да и не надо; только гдѣ же тутъ, у чорта, долженъ быть сторожъ Матвѣйко?

И Дукачъ было-пошелъ отыскивать сторожку, но вдругъ скатился въ какую-то яму и такъ треснулся обо что-то твердое, что долго оставался безъ чувствъ. Когда же онъ пришелъ въ себя, то увидалъ, что вокругъ него совершенно тихо, а надъ нимъ синѣетъ небо и стоитъ звѣзда

Дукачъ понялъ, что онъ въ могилѣ, и заработалъ руками и ногами; но выбраться было трудно, и онъ добрый часъ провозился прежде, чѣмъ выкарабкался наружу, и съ ожесточеніемъ плюнулъ.

Времени должно быть прошло добрая часина,—буря замѣтно утихла и на небѣ вызвѣздило.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Дукачъ пошелъ домой, и очень удивился, что ни у него, ни у кого изъ сосѣдей, ни въ одной хатѣ уже не было огня. Очевидно, что ночи уже ушло много. Неужели же и о сю пору Агапъ и Керасивна съ ребенкомъ еще не вернулись?

Дукачъ почувствовалъ въ сердцѣ давно ему незнакомое сжатіе и отворилъ дверь нетвердою рукою.

Въ избѣ было темно, но въ глухомъ углу за печкою слышалось жалобное всхлипываніе.

Это плакала Дукачиха. Казакъ понялъ въ чемъ дѣло, но не выдержалъ и таки спросилъ:

— А неужели же до сихъ поръ...

— Да, до сихъ поръ видьма еще ѣстъ мою дытину, перебила Дукачиха.

— Ты глупая баба,—отрѣзалъ Дукачъ.

— Да, это вы меня такою глупою сдѣлали; а я хоть и глупая, а все-таки не отдавала видьми свою дытину.

— Да провались ты со своею вѣдьмою: я чуть шею не сломалъ, попалъ въ могилу.

— Ага, въ могилу... ну то она же и васъ навела въ могилу. Идите лучше теперь кого-нибудь убейте.

— Кого убить? Что ты мелешь?

— Подите, хоть овцу убейте,—а то не даромъ на васъ могила зинула, — умрете скоро. Да и дай Богъ: что уже намъ такимъ, про которыхъ всѣ люди будутъ говорить, что мы свое дитя видьми отдали.

И она пошла опять вслухъ мечтать на эту тему, межъ

тѣмъ какъ Дукачъ все думалъ: гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, Агапъ? Куда онъ дѣлся? Если они успѣли доѣхать до Перегудъ прежде, чѣмъ разыгралась метель, то, конечно, они тамъ переждали, пока метель улеглась; но, въ такомъ случаѣ, они должны были выѣхать, какъ только разъяснило и до сихъ поръ могли быть дома.

Развѣ не хлебнулъ ли Агапъ лишняго изъ барилочки?

Эта мысль показалась Дукачу статочною, и онъ поспѣшилъ сообщить ее Дукачихѣ, но та еще лише застонала:

— Что тутъ угадывать: не видать намъ свое дитя: заѣла его видьма Керасивна, и она напустила на свѣтъ эту погоду, а сама теперь летаетъ съ нимъ по горамъ и пьетъ его алую кровку.

И досадила этимъ Дукачиха мужу до того, что онъ, обругавъ ее, взялъ опять съ одного полка свою шапку, а съ другого ружье и вышелъ, чтобы убить зайца и бросить его въ ту могилу, въ которую незадолго передъ этимъ свалился, а жена его осталась выплакивать свое горе за припечкомъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Огорченный и, непривычнымъ образомъ, взволнованный казакъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, куда ему дѣться, но какъ у него уже сорвалось съ языка про зайца, то онъ болѣе машинально, чѣмъ сознательно, очутился на гумнѣ, куда бѣгали шкодливые зайцы; сѣлъ подъ овсянымъ скирдомъ и задумался.

Предчувствія томили его и горе кралось въ его душу, и шевелили въ ней терзающія воспоминанія. Какъ ни непріятны были ему женины слова, но онъ сознавалъ, что она права. Дѣйствительно, онъ во всю свою жизнь не сдѣлалъ никому никакого добра, а между тѣмъ многимъ причинилъ много горя. И вотъ у него, изъ-за его же упрямства, гибнетъ единственное, долго жданное дитя, и самъ онъ падаетъ въ могилу, что̀, по общему повѣрью, неминучій злой знакъ. Завтра будутъ обо всемъ этомъ знать всѣ

люди, а всѣ люди—это его враги... Но... можетъ быть, дитя еще найдется, а онъ, чтобы не скучать ночью, подсидитъ и убьетъ зайца, и тѣмъ отведетъ отъ своей головы угрожающую ему могилу.

И Дукачъ вздохнулъ и сталъ всматриваться, не прыгаетъ ли гдѣ-нибудь по полю или не теребитъ ли подъ скирдами заяцъ.

Оно такъ и было: заяцъ ждалъ его, какъ баранъ ждалъ Авраама: у крайняго скирда, на занесенномъ снѣгомъ вровень съ вершиною плетнѣ сидѣлъ матерый русакъ. Онъ, очевидно, высматривалъ мѣстность и занималъ самую безподобную позицію для прицѣла.

Дукачъ былъ старый и опытный охотникъ, онъ видалъ много всякихъ охотничьихъ видовъ, но такой ловкой подставки подъ выстрѣлъ не видывалъ и, чтобы не упустить ея, онъ, не долго же думая, приложился и выпалилъ.

Выстрѣлъ покатился и одновременно съ нимъ въ воздухѣ пронесся какой-то слабый стонъ; но Дукачу некогда было раздумывать,—онъ побѣжалъ, чтобы поскорѣй затоптать дымящійся пыжъ, и, наступивъ на него, остановился въ самомъ безпокойномъ изумленіи: заяцъ, до котораго Дукачъ не добѣжалъ нѣсколько шаговъ, продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и не трогался.

Дукачъ опять струхнулъ: вправду не шутитъ ли надъ нимъ дьяволъ: не оборотень ли это предъ нимъ? И Дукачъ свалялъ комъ снѣга и бросилъ имъ въ зайца. Комъ попалъ по назначенію и разсыпался, но заяцъ не трогался,—только въ воздухѣ опять что-то простонало. Что за лихо такое? подумалъ Дукачъ, и, перекрестясь, осторожно подошелъ къ тому, что онъ принималъ за зайца, но что никогда зайцемъ не было, а была просто-на-просто смушковая шапка, которая торчала изъ снѣга. Дукачъ схватилъ эту шапку и при свѣтѣ звѣздъ увидалъ мертвенное лицо племянника, облитое чѣмъ-то темнымъ, липкимъ, съ сырымъ запахомъ. Это была кровь.

Дукачъ задрожалъ, бросилъ свою рушницу и пошелъ на

село, гдѣ разбудилъ всѣхъ,—всѣмъ разсказалъ свое злочинство; передъ всѣми каялся, говоря, правъ Господь, меня наказуя,—идите, откопайте ихъ всѣхъ изъ-подъ снѣгу, а меня свяжите и везите на судъ.

Просьбу Дукача удовлетворили; его связали и посадили въ чужой хатѣ, а на гуменникъ пошли всѣ міромъ откапывать Агапа.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Подъ бѣлымъ ворохомъ снѣга, покрывавшаго сани, были найдены окровавленный Агапъ и невредимая, хотя застывшая Керасивна, а на груди у нея совершенно благополучно спавшій ребенокъ. Лошади стояли тутъ же, по брюхо въ снѣгу, опустивъ понурыя головы за плетень.

Едва ихъ немножечко поосвободили отъ замета, какъ онѣ тронулись и повезли застывшихъ кумовьевъ и ребенка на хуторъ. Дукачиха не знала, что̀ ей дѣлать: грустить ли о несчастіи мужа или болѣе радоваться о спасеніи ребенка? Взявъ мальчика на руки и поднеся его къ огню, она увидала на немъ крестъ и тотчасъ радостно заплакала, а потомъ подняла его къ иконѣ и съ горячимъ восторгомъ, глубоко растроганнымъ голосомъ, сказала:

— Господи! за то, что Ты его спасъ и взялъ подъ Свой крестъ, и я не забуду Твоей ласки, я воскормлю дитя, и отдамъ его Тебѣ: пусть будетъ Твоимъ слугою.

Такъ данъ былъ обѣтъ, который имѣетъ большое значеніе въ нашей исторіи, гдѣ до сихъ поръ еще не видать ничего касающагося «некрещенаго попа», межъ тѣмъ какъ онъ уже есть тутъ точно «шапка», которая была у Агапа, когда казалось, что ея будто и нѣтъ.

Но продолжаю исторію: дитя было здорово; нехитрыми крестьянскими средствами скоро привели въ себя и Керасивну, которая однако изъ всего вокругъ нея происходившаго ничего не понимала и твердила только одно:

— Дытина крещена,—и зовите его Савкою.

Этого было довольно для такого суматошнаго случая, да

и имя къ тому же было всѣмъ по вкусу. Даже разстроенный Дукачъ и тотъ его одобрилъ и сказалъ:

— Спасибо Перегудинскому попу, що винъ не испортилъ хлопца и не назвалъ его Николою.

Тутъ Керасивна уже совсѣмъ оправилась и заговорила, что попъ было хотѣлъ назвать дитя Николою;—такъ, говоритъ, по церковной книгѣ идетъ, только она его переспорила: я сказала, да Богъ съ ними, сіи церковныя книги: на що воны намъ сдалися; а это не можно, чтобы казачье дитя по московьски Николою звалось.

— Ты умная казачка, — похвалилъ ее Дукачъ, и наказалъ женѣ подарить ей корову, а самъ обѣщалъ, если уцѣлѣетъ, и еще чѣмъ-нибудь не забыть ея услуги.

На этомъ пока и покончилось крестное дѣло, и наступила долгая и мрачная пора похоронная. Агапъ такъ и не пришелъ въ себя: его густымъ столбомъ дроби разстрѣленная голова почернѣла, прежде чѣмъ ее успѣли обмыть, и къ вечеру наступившаго дня онъ отдалъ Богу свою многострадавшую душу. Этимъ же вечеромъ три казака, вооруженные длинными палками, отвели стараго Дукача въ городъ и сдали его тамъ начальству, которое помѣстило его, какъ убійцу, въ острогъ.

Агапа схоронили, Дукачъ судился, дитя росло, а Керасивна, хотя и поправилась, но все не «сдужала» и сильно измѣнилась,—все она ходила какъ не своя.—Она стала тиха, грустна и часто задумывалась, и совсѣмъ не ссорилась со своимъ Керасенко, который понять не могъ: что такое подѣялось съ его жинкою? Жизнь его, до сихъ поръ столь зависимая отъ ея настойчивости и своенравія, стала самою безмятежною: онъ не слыхалъ отъ жены ни въ чемъ ни возраженія, ни попрека и, не видя болѣе ни во снѣ, ни на яву Рогачевскаго дворянина, не зналъ какъ своимъ счастьемъ нахвастаться. Эту удивительную перемѣну въ характерѣ Керасивны долго и тщетно обсуждали и на торгу въ мѣстечкѣ: сами подруги ея, горластыя перекупки, говорили, что она «вся здобрилась». И впрямь, теперь не только

одного, а даже хоть двухъ покупщиковъ отъ ея лотка съ паляницами отбей, она бывало даже ни одного чорта не посулитъ ни отцу, ни матери, ни другимъ сродникамъ. Про Рогачевскаго же дворянина былъ даже такой слухъ, что онъ будто два раза показывался въ Парипсахъ; но Керасивна на него и смотрѣть не хотѣла. Сама соперница ея, пекарша Пиднебесная, и та, не хотя губить своей души, говорила, что слышала, будто одинъ разъ этотъ панычъ, подойдя къ Керасивнѣ купить паляницу, получилъ отъ нея такой отвѣтъ:

— Иди отъ меня, щобы мои очи тебя никогда не бачили. Нѣтъ у меня для тебя больше ничего, ни дарового, ни продажнаго.

А когда панычъ ее спросилъ: что такое ей приключилось? то она отвѣчала:

— Такъ,—тяжко: бо маю тайну велыкую.

Перевернуло это дѣло и стараго Дукача, котораго, при добрыхъ старыхъ порядкахъ, цѣлые три года судили и томили въ тюрьмѣ по подозрѣнію, что онъ умышленно убилъ племянника, а потомъ, какъ неодобреннаго въ поведеніи односельцами, чуть не сослали на поселеніе. Но дѣло кончилось тѣмъ, что односельцы смиловались и согласились его принять, какъ только онъ отбудетъ въ монастырѣ назначенное ему церковное покаяніе.

Дукачъ оставался на родинѣ только по снисхожденію тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ презиралъ и ненавидѣлъ всю жизнь... Это былъ ему ужасный урокъ, и Дукачъ его отлично принялъ. Отбывъ свое формальное покаяніе, онъ, послѣ пяти лѣтъ отсутствія изъ дому, пришелъ въ Парипсы, очень добрымъ старикомъ, всѣмъ повинился въ своей гордости, у всѣхъ испросилъ себѣ прощеніе и опять ушелъ въ тотъ монастырь, гдѣ каялся по судебному рѣшенію, и туда же снесъ свой казанокъ съ рублевиками на молитвы «за три души». Какія это были три души—того Дукачъ и самъ не зналъ; но такъ говорила ему Керасивна, что чрезъ его ужасный характеръ пропалъ не одинъ Агапъ, а еще двѣ

души, про которыя знаетъ Богъ, да она—Керасивна, но только сказать этого никому не можетъ.

Такъ это и осталось загадкою, за которую въ монастырѣ отвѣчалъ казанокъ, полный толстыхъ старинныхъ рублевиковъ.

Межъ тѣмъ, дитя, котораго появленіе на свѣтъ и крещеніе сопровождалось описанными событіями, подросло. Воспитанное матерью, простою, но очень доброю и нѣжною женщиною, оно и само радовало ее нѣжностью и добротою. Напоминаю вамъ, что когда это дитя было подано матерью съ груди Керасивны, то Дукачиха «обрекла его Богу». Такіе «оброки» водились въ Малороссіи относительно еще въ весьма недавнюю пору и исполнялись точно, особенно, если сами «оброчныя дѣти» тому не противились. Впрочемъ, случаи противленія если и бывали, то не часто, вѣроятно, потому, что «оброчныя дѣти» съ самаго измальства уже такъ и воспитывались, чтобы ихъ духъ и характеръ раскрывались въ приспособительномъ настроеніи. Достигая въ такомъ направленіи извѣстнаго возраста, дитя не только не противорѣчило родительскому «оброку», но даже само стремилось къ выполненію оброка съ тѣмъ благоговѣйнымъ чувствомъ покорности, которое доступно только живой вѣрѣ и любви. Савва Дукачевъ былъ воспитанъ именно по такому рецепту, и рано обнаружилъ склонность къ исполненію данныхъ матерью за него обѣтовъ. Еще въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ, при нѣсколько нѣжномъ и слабомъ сложеніи, онъ отличался богобоязненностью. Онъ не только никогда не разорялъ гнѣздъ, не душилъ котятъ, не сѣкъ хворостиной лягушекъ, но всѣ слабыя существа имѣли въ немъ своего защитника. Слово нѣжной матери было для него законъ, — сколько священный, столь же и пріятный,—потому что онъ во всемъ согласовался съ потребностями собственнаго нѣжнаго сердца ребенка. Любить Бога было для него потребностью и высшимъ удовольствіемъ, и онъ любилъ Его во всемъ, что отражаетъ въ себѣ Бога и дѣлаетъ Его и понятнымъ, и

неоцѣненнымъ для того, къ кому Онъ пришелъ и у кого сотворилъ Себѣ обитель. Вся обстановка у ребенка была религіозная: мать его была благочестива и богомольна; отецъ его даже жилъ въ монастырѣ и въ чемъ-то каялся. Ребенокъ изъ немногихъ полунамековъ зналъ, что съ его рожденіемъ связано что-то такое, что измѣнило весь ихъ домашній бытъ, — и все это получало въ его глазахъ мистическій характеръ. Онъ росъ подъ кровомъ Бога, и зналъ, что изъ рукъ Его его никто не возьметъ. Въ восемь лѣтъ его отдали учить къ брату Пиднебеснихи, Охриму Пиднебесному, который жилъ въ Парипсахъ, въ закоулочкѣ за сестринымъ шинкомъ, но не имѣлъ къ этому заведенію никакого касательства, а велъ жизнь необыкновенную.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Охримъ Пиднебесный принадлежалъ къ новому, очень интересному малороссійскому типу, который началъ обозначаться и формироваться въ заднѣпровскихъ селеніяхъ едва ли не съ первой четверти текущаго столѣтія. Типъ этотъ къ настоящему времени уже совсѣмъ опредѣлился и отчетливо выразился своимъ сильнымъ вліяніемъ на религіозное настроеніе мѣстнаго населенія. Поистинѣ удивительно, что наши народовѣды и народолюбцы, копавшіеся во всѣхъ мелочахъ народной жизни, просмотрѣли или не сочли достойными своего вниманія малороссійскихъ простолюдиновъ, которые пустили совершенно новую струю въ религіозный обиходъ южно-русскаго народа. Здѣсь это сдѣлать некогда, да и мнѣ не по силамъ; я вамъ только коротко скажу, что это были какіе-то *отшельники въ міру*: они строили себѣ маленькія хаточки при своихъ родныхъ домахъ, гдѣ-нибудь въ закоулочкѣ, жили чисто и опрятно, какъ душевно, такъ и во внѣшности. Они никого не избѣгали и не чуждались, — трудились и работали вмѣстѣ съ семейными и даже были образцами трудолюбія и домовитости, не уклонялись и отъ бесѣды, но во все вносили свой.

немножко пуританскій характеръ. Они очень уважали «наученность и каждый изъ нихъ непремѣнно былъ грамотенъ; а грамотность эта, самымъ главнымъ образомъ, употреблялась для изученія слова Божія, за которое они принимались съ пламенною ревностью и благоговѣніемъ, а также съ предубѣжденіемъ, что оно сохранилось въ чистотѣ только въ одной книгѣ новаго завѣта, а въ «преданіяхъ человѣческихъ», которымъ слѣдуетъ духовенство,—все извращено и перепорчено. Говорятъ, будто такія мысли внушены имъ нѣмецкими колонистами; но, по-моему, все равно, кѣмъ это внушено, я знаю только одно, что изъ этого потомъ вышла такъ называемая «*штунда*».

Холостой братъ Пиднебеснихи, казакъ Охримъ, былъ изъ людей этого сорта: онъ самъ научился грамотѣ и писанію и считалъ своею обязанностью научить всему этому и другихъ. Училъ онъ кого только могъ, и всегда задаромъ, ожидая за свой трудъ той платы, которая обѣщана каждому, «кто научитъ и наставитъ». Учительство это обыкновенно ослабѣвало лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, но зато усиливалось съ осени и шло неослабно во всю зиму, до весенней пашни. Дѣти учились днемъ, а по вечерамъ у Пиднебеснаго собирались «вечерницы», — рабочія посидѣлки,—такъ, какъ и у прочихъ людей. Только у Охрима не пѣли пустыхъ пѣсенъ и не вели празднословія, а дивчата пряли ленъ и волну, а самъ Охримъ, выставивъ на столъ тарелку меду и тарелку орѣховъ для угощенія «во имя Христово», просилъ за это потчиваніе позволить ему «поговорить о Христѣ». Молодой народъ это ему дозволялъ, и Охримъ услаждалъ добрыя души медомъ, орѣхами и евангельскою бесѣдою и скоро такъ ихъ къ этому пріохотилъ, что ни одна дѣвица и ни одинъ парень не хотѣли и идти на вечерницы въ другое мѣсто: Бесѣды пошли даже и безъ меду и безъ орѣховъ.

На Охримовыхъ вечерницахъ также происходили и сближенія, послѣдствіемъ которыхъ являлись браки; но тутъ тоже была замѣчена очень странная особенность, необык-

новенно послужившая въ пользу Охримовой репутаціи: всѣ молодые люди, полюбившіеся между собою на вечерницахъ Охрима и потомъ сдѣлавшіеся супругами, были, какъ на подборъ, счастливы другъ съ другомъ. Конечно, это всего вѣроятнѣе происходило оттого, что ихъ сближеніе происходило въ мирной атмосферѣ духовности, а не въ мятежѣ разгульной страстности, когда выборомъ руководитъ желанье крови, а не чуткое влеченіе сердца. Словомъ, велось по писанію: «Господь вселялъ въ домъ единомысленныя, а не преогорчевающія». Такъ все шло въ пользу репутаціи Пиднебеснаго, который, несмотря на всю простоту и непритязательность, сталъ въ Парипсахъ въ самое почетное положеніе — человѣка богоугоднаго. Къ нему не ходили на судъ только потому, что онъ никого не судилъ, а научиться у него желали всѣ, «ожидавшіе воскресенія».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Такихъ людей, какъ Охримъ Пиднебесный, въ Малороссіи въ то время обозначилось нѣсколько, но всѣ они крылись безъ шуму и долго оставались незамѣченными для всѣхъ, кромѣ крестьянскаго міра.

Спустя цѣлую четверть столѣтія эти люди сами сказались, явясь въ обширномъ и тѣсно сплоченномъ религіозномъ союзѣ, который называется «штундою». Я очень хорошо зналъ одного изъ такихъ вожаковъ: это былъ привѣтливый, добрый, холостой казакъ-дѣвственникъ. Какъ большинство его товарищей, онъ научился грамотѣ самоучкою и обучилъ одинъ всѣхъ окрестныхъ ребятъ и дѣвушекъ. Послѣднихъ онъ училъ на вечерницахъ, или по великорусскому на «посидѣлкахъ», на которыя онѣ собирались къ нему съ работою. Дѣвушки пряли и шили, а онъ разсказывалъ о Христѣ.

Толкованія его были самыя простыя, совсѣмъ чуждыя всякой догматики и богослужебныхъ установленій, а имѣющія почти исключительно цѣли нравственнаго воспитанія

человѣка по идеямъ Іисуса. Мой знакомый казакъ-проповѣдникъ жилъ однако *на лѣвой* сторонѣ Днѣпра, въ мѣстности, гдѣ еще нѣтъ штунды.

Впрочемъ, въ то время, къ которому относится разсказъ, ученіе это еще не имѣло ничего сформированнаго и по правому днѣпровскому берегу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Хлопца Дукачева Савку отдали учить грамотѣ къ Пиднебесному, а тотъ, замѣтивъ съ одной стороны быстрыя способности ребенка, а съ другой его горячую религіозность, очень его полюбилъ. Савва платилъ своему чистосердечному учителю тѣмъ же. Такъ между ними образовалась связь, которая оказалась до такой степени крѣпкою и нѣжною, что когда старый Дукачъ взялъ сына въ монастырь, чтобы тамъ посвятить его по материнскому обѣту на служеніе Богу, то мальчикъ затосковалъ невыносимо, не столько по матери, сколько о своемъ простодушномъ учителѣ. И эта тоска такъ повліяла на слабую организацію нѣжнаго ребенка, что онъ скоро заболѣлъ, слегъ и навѣрно бы умеръ, если бы его неожиданно не навѣстилъ Пиднебесный.

Онъ понялъ причину недуга своего маленькаго друга и, вернувшись въ Парипсы, сумѣлъ внушить Дукачихѣ, что жертва Богу не должна быть дѣтоубійствомъ. А потому совѣтовалъ не томить болѣе дитя въ монастырѣ, а устроить его въ «*живую жертву*». Пиднебесный указывалъ путь не совсѣмъ чуждый и незнакомый малороссійскому казачеству: онъ совѣтовалъ отдать Савву въ духовное училище, откуда онъ потомъ можетъ перейти въ семинарію, и можетъ сдѣлаться сельскимъ священникомъ, а всякій сельскій священникъ можетъ сдѣлать много добра бѣднымъ и темнымъ людямъ и стать черезъ это другомъ Христовымъ и другомъ Божіимъ.

Дукачиха убѣдилась доводами Охрима, и отрокъ Савка

былъ взятъ изъ монастыря и отвезенъ въ духовное училище. Это всѣ одобряли, кромѣ одной Керасивны, въ которую, вѣроятно за ея старые грѣхи, вселился какой-то сумрачный духъ противорѣчія, сказывавшійся весьма неистовыми выходками, когда дѣло касалось ея крестника. Она его какъ будто и любила, и жалѣла, а между тѣмъ, Богъ знаетъ, какъ на его счетъ смущала.

Это началось еще съ самаго младенчества: понесутъ, бывало, Савку причащать, — Керасивна кричитъ:

— Що вы робите! не надо; — не носить его... се така дытына... неможна его причащать.

Не послушаютъ ея,—она вся позеленѣетъ и либо смѣется, либо проситъ народъ въ церкви:

— Пустите меня скорѣе вонъ, щобъ мои очи не бачили, якъ ему будутъ Христовой крови давать.

На вопросы: что это ее такъ смущаетъ? — она отвѣчала:

— Такъ, мени тяжко! — изъ чего всѣ и заключили, что съ тѣхъ поръ, какъ она поисправилась въ своей жизни и больше не колдуетъ, чортъ нашелъ въ ея душѣ убранную хороминку и вернулся туда, приведя съ собою еще нѣсколько другихъ «*бисовъ*», которые не любятъ ребенка Савку.

И впрямь, «*бисы*» жестоко расхлопотались, когда Савку повезли въ монастырь: они такъ поджигали Керасивну, что та больше трехъ верстъ гналась за санями, крича:

— Не губите свою душу, не везите его въ монастырь, бо оно къ сему не сдатное.

Но ея, разумѣется, не послушали; теперь же, когда пошла рѣчь объ опредѣленіи мальчика въ училище, «откуда въ попы выходятъ», съ Керасивною сдѣлалась бѣда: ее ударилъ параличъ и она надолго потеряла даръ слова, который возвратился къ ней, когда дитя уже было опредѣлено.

Правда, что при опредѣленіи Савки явилось-было и еще одно маленькое препятствіе, которое состояло въ томъ, что никакъ не могли найти его записаннымъ въ метрическія

книги Перегудинской церкви; но это ужасное обстоятельство для школъ гражданскихъ, въ духовныхъ училищахъ принимается нѣсколько мягче. Въ духовныхъ училищахъ знаютъ, что духовенство часто позабываетъ вписывать *своихъ* дѣтей въ метрики. Окрестивши, хорошенько подвыпьютъ, — боятся писать, что руки трясутся; назавтра похмеляются; на третій день ходятъ безъ памяти, а потомъ такъ и забудутъ вписать. Случаи такіе извѣстны, и, конечно, такъ это было и здѣсь, и потому хотя смотритель ругнулъ причетъ пьяницами, но мальчика принялъ, какъ онъ записанъ по исповѣднымъ росписямъ. А въ исповѣдныхъ росписяхъ Савва былъ записанъ прекрасно: точно и даже не по одному разу въ годъ.

Этимъ все дѣло и исправили,—и пошелъ хорошій мальчикъ Савва отлично учиться, окончилъ училище, окончилъ семинарію и былъ назначенъ въ академію, но неожиданно для всѣхъ отказался и объявилъ желаніе быть простымъ священникомъ и то непремѣнно въ сельскомъ приходѣ. Отецъ молодого богослова, старый Дукачъ, къ этому времени уже умеръ; но мать его старушка еще жила въ тѣхъ же Парипсахъ, гдѣ какъ разъ объ эту пору скончался священникъ и открылась ваканція. Молодой человѣкъ и попалъ на это мѣсто. Неожиданная вѣсть о такомъ назначеніи очень обрадовала парипсянскихъ казаковъ, но зато совершенно лишила смысла остарѣвшую Красивну.

Услышавъ, что ея крестникъ Савва становится въ попы, она безъ стыда разорвала на себѣ плахту и намисто, пала на кучу перегноя и выла:

— Ой, земля, земля! возьми насъ обоихъ! Но потомъ, когда этотъ духъ ее немножко поосвободилъ, она встала, начала креститься и ушла къ себѣ въ хату. А черезъ часъ ее видѣли, какъ она вся въ темномъ уборчикѣ и съ палочкой въ рукахъ шла большимъ шляхомъ въ губернскій городъ, гдѣ должно было происходить поставленіе Саввы Дукачева въ священники.

Нѣсколько человѣкъ встрѣтили на этомъ шляхѣ Керасивну и видѣли, что она шла очень поспѣшаючи, — ни отдыхать не садилась и ни о чемъ не разговаривала, а имѣла такой видъ, какъ бы на смерть шла: все вверхъ глядѣла и шопотомъ что-то шептала, вѣрно Богу молилась. Но Богъ и тутъ не внялъ ея молитвѣ. Хотя она и попала въ соборъ въ ту самую минуту, когда дьяконы, наяривая ставленника въ шею, крикнули «повелите», но никто не внялъ тому, что изъ толпы одна сельская баба крикнула: «Ой, не велю жъ, не велю!» Ставленника постригли, а бабу выпхали и отпустили, продержавъ дней десять въ полиціи, пока она перестирала при ставу все бѣлье и нарубила двѣ кади капусты. Керасивна объ одномъ только интересовалась: «чи вже Савка пипъ?» И узнавъ, что онъ попъ, она пала на колѣни, и такъ *на колѣняхъ* и проползла восемьдесятъ верстъ до своихъ Парипсъ, куда этими днями уже прибылъ и новый «пипъ Савка».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Парипсянскіе казаки, какъ сказано, были очень рады, что имъ назначили пана-отца изъ ихъ же казачьяго рода, и встрѣтили попа Савву съ большимъ радушіемъ. Особенно ихъ расположило къ нему еще то, что онъ былъ очень почтителенъ съ старой матерью, и сейчасъ же, какъ пріѣхалъ, спросилъ про свою «крестную», хотя навѣрно слыхалъ, что она была и такая, и сякая, и вѣдьма. Онъ ничѣмъ этимъ не погнушался. Вообще, всѣмъ показалось, что человѣкъ этотъ обѣщалъ быть очень добрымъ священникомъ, и онъ такимъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Всѣ его полюбили, и даже Керасивна ничего противъ него не говорила, а только порою супила брови да вздыхала шепча:

— Усе бы добре, да якъ бы въ сей юшкѣ рыбка была.

Но рыбки въ ухѣ, по ея мнѣнію, не было, а безъ рыбы нѣтъ и ухи. Стало-быть, какъ ни хорошъ попъ Савва, а

онъ ничего не стоитъ, и это непремѣнно должно обнаружиться.

И впрямь, въ немъ начали замѣчаться странности: во-первыхъ, онъ былъ бѣденъ, но совершенно равнодушенъ къ деньгамъ. Во-вторыхъ, вскорѣ овдовѣвъ, онъ не вылъ и не бралъ себѣ молодой наймычки; въ-третьихъ, когда нѣсколько женщинъ пришли ему сказать, что идутъ по обѣту въ Кіевъ, то онъ совѣтовалъ замѣнить ихъ походъ обѣтомъ послужить больнымъ и бѣднымъ, а прежде всего успокоить семью заботами о доброй жизни; а что касается даннаго обѣта,—онъ оказалъ неслыханную дерзость,—вызвался разрѣшить его и взять отвѣтъ на себя. «Разрѣшить обѣтъ, данный угодникамъ...» Это многимъ показалось такимъ богохульствомъ, которое едва ли возможно для человѣка крещенаго. Но и на этомъ дѣло не остановилось, — попъ Савва вскорѣ же далъ противу себя еще бо́льшія сомнѣнія: въ первый же великій постъ, когда всѣ прихожане перебывали у него на духу, оказалось, что онъ ни одному человѣку не запретилъ ѣсть, что ему Богъ послалъ, и никому не назначилъ эпитимныхъ поклоновъ, а если и были отъ него кому-нибудь эпитимныя назначенія, то они показывали новыя странности. Такъ, напримѣръ, мельнику Гаврилкѣ, который завѣдомо бралъ за помолъ очень глубокимъ ковшомъ, отецъ Савва настоятельно наказалъ сейчасъ же послѣ исповѣди сострогнуть въ этомъ ковшѣ края, чтобы не брать лишняго зерна. Иначе не хотѣлъ дать ему причастія—и привелъ ему на то доводы отъ писанія, что неправая мѣра Бога гнѣваетъ и можетъ навлечь наказаніе. Мельникъ послушался, и всѣ перестали имъ обижаться, и повалилъ на его мельницу помолъ безъ перерыва. Онъ всенародно признался, что такъ съ нимъ Саввина эпитимія сдѣлала. Молодая, очень горячая бабенка, бывшая за вторымъ мужемъ, лютовала надъ первобрачными дѣтьми. Отецъ Савва и въ это дѣло вмѣшался, и послѣ перваго же своего говѣнья у него молодая мачиха какъ переродилась и стала добра къ падчерицамъ и къ пасынкамъ. Жертвы за грѣхи онъ хотя

и принималъ, — но не на ладанъ и не на свѣчи, а для двухъ бездомныхъ и безпріютныхъ сиротокъ Михалки и Потапки, которые жили у попа Саввы въ землянкѣ подъ колокольней.

— Да,—скажетъ бывало попъ Савва бабѣ или дѣвушкѣ:— дай Богъ, чтобы тебѣ это было прощено и чтобы ты впередъ не согрѣшала, а ты для того поусердствуй: послужи Господу.

— Радымъ-рада, батечку, тильки не знаю: чимъ Ему услуговать... хиба сходить у Кыевъ.

— Нѣтъ, никуда далеко ходить не надо,—дома трудись и не дѣлай того, что дѣлала, а теперь сейчасъ пойди смѣряй Божіихъ дѣтокъ Михалку да Потапку и сшей имъ по порточкамъ, хоть по коротенькимъ, да по сорочкѣ. А то велики стали,—стыдятся голые пузеня людямъ казать.

Грѣшницы охотно несли и эту эпитимію, и Михалко съ Потапкой жили подъ опекою отца Саввы, какъ у самого Христа за пазушкой, — и не только *«голыхъ пузеней»* не показывали, но и всего своего сиротства почти не замѣчали.

И подобныя эпитиміи о. Саввы были не только всѣмъ подъ силу, но и многимъ очень по сердцу, — даже утѣшительны. Только, наконецъ, о. Савва выкинулъ такую штуку, которая ему обошлась дорого. Стали къ нему, въ его маленькую церковку, ходить окольные люди изъ Перегудинскаго прихода, гдѣ онъ былъ крещенъ, и гдѣ теперь былъ уже другой попъ,—не тотъ, съ которымъ выпивала въ своей молодости Керасивна и къ которому она возила по знакомству крестить Дукачева Савку. Это положило начало недружеству со стороны перегудинскаго попа къ о. Саввѣ, а тутъ произошелъ другой вредный случай: умеръ перегудинскій прихожанинъ, богатый казакъ Оселедецъ, и, умирая, хотѣлъ завѣщать «копу рублей на велыкій дзвинъ», т.-е. на покупку большого колокола; но вдругъ, поговоривъ передъ самою смертью съ отцомъ Саввою, круто отмѣнилъ свое намѣреніе и ничего не назначилъ на велыкій дзвинъ, а призвалъ трехъ хорошихъ хозяевъ и объявилъ, что отдаетъ

имъ эту копу грошей съ завѣщаніемъ употребить ихъ на ту «Божу потребу, яку скаже панъ-отецъ Савва».—Казакъ Оселедецъ умеръ, а панъ-отецъ Савва указалъ построить за его копу грошей свѣтлую хату съ растворчатыми окнами, и сталъ собирать въ нее ребятъ, да учить ихъ грамотѣ и слову Божію.

Казаки думали, что это, пожалуй, дѣло хорошее, но не знали: богоугодное ли оно дѣло; а Перегудинскій попъ это имъ вытолковалъ такъ, что дѣло выходитъ не богоугодно. Про то онъ обѣщалъ и доносъ писать, и написалъ. Отца Савву звали къ архіерею, но отпустили съ миромъ, и онъ продолжалъ свое дѣло: служилъ и училъ, и въ школѣ, и дома, и на полѣ, и въ своей малой деревянной церковкѣ. Времени прошло нѣсколько лѣтъ. Перегудинскій попъ, соревнуя отцу Саввѣ, этою порою отстроилъ каменную церковь, не въ примѣръ лучше Парипсянской, и богатый образъ досталъ, отъ котораго людямъ разныя чудеса сказывалъ; но попъ Савва и его чудесамъ не завидовалъ, а все велъ свое тихое дѣло по-своему. Онъ въ той же деревянной, маленькой церкви молился и Божіе слово читалъ, и его маленькая церковка ему съ людьми хоть порою тѣсна была, да зато перегудинскому попу въ его каменномъ храмѣ такъ было просторно, что онъ чуть ли не самъ-другъ съ пономаремъ по всей церкви расхаживалъ и смотрѣлъ, какъ смѣло на амвонъ церковная мышь выбѣгала и опять подъ амвонъ пряталась. И стало это перегудинскому попу, наконецъ, очень досадно; но онъ могъ лютовать на своего парипсянскаго сосѣда, отца Савву, сколько хотѣлъ, а вреда ему никакого сдѣлать не могъ, потому что нечѣмъ ему было подъ отца Савву подкопаться, да и архіерей стоялъ за Савву до того, что оправдалъ его даже въ той великой винѣ, что онъ перемѣнилъ настроеніе казака Оселедца, копа грошей котораго пошла не на дзвинъ, а на школу. Долго перегудинскій попъ это терпѣлъ, довольствуясь только тѣмъ, что сочинялъ на Савву какія-нибудь нескладицы, въ родѣ того, что онъ чародѣй и его крестная матка была всѣмъ извѣст-

ная въ молодости гулячка, и до сихъ поръ остается вѣдьмой, потому что никому на духу не кается, и не можетъ умереть, ибо въ писаніи сказано: «не хощетъ Богъ смерти грѣшника», но хочетъ, чтобъ онъ обратился. А она не обращается,—говѣетъ, а на духъ не ходитъ.

Это таки и было правда: старая Керасивна, давно оставившая всѣ свои слабости, хоть и жила честно и богобоязненно, но къ исповѣди не ходила. Ну и возродились опять толки, что она вѣдьма и что, можетъ-быть, и вправду панъ-отецъ Савва хорошъ «за ея помогой».

Сталъ такой говоръ, а тутъ къ дѣлу подоспѣлъ другой пустой случай: стало у коровъ молоко пропадать... Кто этому могъ быть виноватъ, какъ не вѣдьма? а кто еще бо̀льшая вѣдьма, какъ не старая Керасивна, которая, всѣмъ извѣстно, на цѣлое село мару напускала, мужа чортомъ оборачивала, и теперь пережила на селѣ всѣхъ своихъ сверстниковъ и ровесниковъ и все живетъ и ни исповѣдываться, ни умирать не хочетъ?

Надо было довести ее до того и до другого, и за это взялись нѣсколько добрыхъ людей, давшихъ себѣ слово: кто первый встрѣтитъ старую Керасивну въ темномъ мѣстѣ,—ударить ее,—какъ надлежитъ настоящему православному христіанину бить вѣдьму,—одинъ разъ чѣмъ попало *наотмашь* и сказать ей:

— Издыхай, а то еще бить буду.

И одному изъ тѣхъ богочтителей, которые взялись за такой подвигъ, посчастливилось: повстрѣчалъ онъ старую Керасивну въ безлюдномъ закоулкѣ и сподобился такъ угостить ее съ одного пріема, что она тутъ же кувыркнулась ничкомъ и простонала:

— Ой, умираю: зовите попа, исповѣдаться хочу.

Сразу вѣдьма узнала, за что ее ударили!

Но чуть перетащили ее домой и прибѣжалъ къ ней въ перепугѣ отецъ Савва, она опять передумала и начала оттягивать:

— Мнѣ у тебя,—говоритъ,—нельзя исповѣдываться,— твоя исповѣдь не пользуетъ, хочу другого попа!

Добрый отецъ Савва сейчасъ же на своей лошадкѣ послалъ въ Перегуды за своимъ порицателемъ — тамошнимъ священникомъ, и одного опасался, что тотъ закобенится и не пріѣдетъ; но опасеніе это было напрасно: перегудинскій попъ пріѣхалъ, вошелъ къ умирающей и оставался съ нею долго-долго; а потомъ вышелъ изъ хаты на крылечко, заложилъ дароносицу за пазуху и ну заливаться самымъ непристойнымъ смѣхомъ. Такъ смѣется, такъ смѣется, что и унять его нельзя, и люди смотрятъ на него и понять не могутъ: къ чему это статочно.

— Да ну бо, — годи вамъ, панъ-отче: что-то вы такъ сміетесь, що намъ ажъ страшно,—говорятъ ему люди.

А онъ отвѣчаетъ:

— О то же оно такъ и надлежитъ, щобы вамъ було страшно; да щобы всимъ страшно було,—на весь крещеный міръ, бо у васъ тутъ такое поганство завелось, якого отъ самаго перваго дня, отъ святаго князя Владиміра не було.

— О, да Богъ зъ вами, — не пужайте такъ страшно: идить, будьте ласковы швидче до отца Саввы, — съ нимъ поговорить: нехай винъ що добре вздумае, — якъ помогты хрыстіяньскимъ душамъ.

А перегудинскій попъ еще больше расхохотался, и вдругъ весь позеленѣлъ, глаза выпучилъ и отвѣчаетъ:

— Дурни вы вси, — темны и непросвѣщенные люди: школу себѣ вывели, а ничего не бачите.

— До того же мы васъ и просимъ: идите до нашего отца Саввы, винъ васъ у себя въ хатѣ дожида: сядьте съ нимъ поговорить: винъ все бачить.

— Бачить!—закричалъ перегудинскій попъ. — Ни; ничего винъ не бачить: винъ и того не зна, кто винъ самъ такій есть на свити!

— Се мы вси знаемо, що винъ нашъ панъ-отецъ, пипъ.

— Пипъ!

— А вже жъ пипъ.

— А я вамъ кажу, що винъ совсимъ и не пипъ!

— Якъ не пипъ?

— А такъ, не пипъ, да и не христіанинъ.

— Якъ не христіанинъ! годи бо вамъ: що се вы брешете?

— А ни: не брешу,—онъ не христіанинъ.

— А що жъ винъ таке?

— Що винъ таке?

— Да!

— А бисяка его знае що винъ таке!

Люди даже отшатнулись и перекрестились, а перегудинскій попъ сѣлъ въ сани и говоритъ:

— Вотъ я прямо отъ васъ ѣду къ благочинному и везу ему такую вѣсть, що на весь міръ христіанскій будетъ срамъ велыкій, и тогда вы побачите, що и пипъ вашъ — не пипъ и не христіанинъ, и дитки ваши не христіане, и кого онъ изъ васъ вѣнчаетъ,—тѣ все равно, что не вѣнчаны, и тѣ, которыхъ схоронилъ, умерли яко псы, безъ отпущенія и мучатся тамъ въ пеклѣ, и будутъ викъ мучиться, и ни хто ихъ оттуда выратувать не можетъ. Да; и все это, что я говорю, есть великая правда, и съ тѣмъ я до благочиннаго ѣду, а вы, если мнѣ не вѣрите, идите всѣ за-разъ до Керасихи, и пока она еще дышитъ,—я приказалъ ей подъ страшнымъ заклятіемъ, чтобы она вамъ все разсказала: кто есть таковъ сей человикъ, що вы зовете своимъ попомъ Саввою. Да, годи уже ему людей портить: вонъ и сорока сѣла у него на крышѣ и кричитъ: «Савка, скинь кафтанъ!»—Ничего; скоро увидимся. Хлопче! погоняй до благочиннаго, а ты, сорочка, чекочи громче: «Савка, скинь кафтанъ!» А мы съ благочиннымъ сейчасъ назадъ будемъ.

Съ этимъ перегудинскій попъ ускакалъ, а люди, сколько ихъ тутъ было, хотѣли всѣ кучей валить въ хатку Керасивны, чтобы допытать ее: что такое она наговорила про

своего крестника, отца Савву; но, мало подумавши, рѣшили сдѣлать еще иначе, послать къ ней двухъ казаковъ, да чтобы съ ними третій былъ самъ попъ Савва.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Пришли казаки и отецъ Савва, и застали Керасивну, что она лежитъ подъ образами и сама горько-прегорько плачетъ.

— Прости меня, говоритъ, мое серденько, мое милое да несчастливое,—заговорила она до Саввы, — носила я въ своемъ сердцѣ твою тайную причину, а свою вину больше якъ тридцать лѣтъ и боялась не только на яву ее никому не сказать, но шчобъ и во снѣ не сбредила, и оттого столько лѣтъ и на духъ не шла, ну а теперь, когда Всевышнему предстать нужно—все открыла.

Отецъ Савва можетъ-быть и струсилъ немножко чего-нибудь, потому что вся эта тайна его слишкомъ сурово дотрогивалась, но виду не показалъ, а спокойно говоритъ:

— Да що таке за дило велыке?

— Грѣхъ велыкій я содѣяла, и именно надъ тобою.

— Надо мною?—переспросилъ отецъ Савва.

— Да, надъ тобою: я тебѣ все въ жизни испортила, потому что хотя ты и писанію наученъ и въ попы поставленъ, а ни къ чему ты къ этому не годишься, потому что ты самъ до сихъ поръ нехрещеный человикъ.

Не мудрено себѣ представить, что долженъ былъ почувствовать при такомъ открытіи кроткій отецъ Савва. Онъ сначала было-принялъ это за болѣзненный бредъ умирающей, даже улыбнулся на ея слова, и сказалъ:

— Полно, полно, крестнинькая: какъ же я некрещеный, когда ты моя крестная?

Но Керасивна обнаруживала полную ясность ума и послѣдовательность въ своемъ разсказѣ.

— Оставь про это,—сказала она.—Якая я тебѣ крестная? Никто тебя не крестилъ. И кто во всемъ этомъ ви-

новать,—я не знаю,—я не знаю и во всю жизнь не могла узнать: зробилось ли это отъ нашихъ грѣховъ или можетъ быть больше отъ Николиной, велыкой московьской хитрости. Но вотъ идетъ перегудинскій панъ-отецъ съ благочиннымъ—сиди и ты здѣсь, я всѣмъ все разскажу.

Благочинный было не хотѣлъ, чтобы отецъ Савва и казаки слушали признанія Керасивны, но она настояла на своемъ, подъ угрозою, что иначе не будетъ разсказывать.

Вотъ ея исповѣдь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

«Попъ Савва, говоритъ, совсѣмъ и не попъ, и не Савва, а человѣкъ не хрещеный, и это дѣло я одна знаю на свѣтѣ. Пошло это все съ того, что его покойный отецъ, старый Дукачъ, былъ очень лютъ: всѣ его не любили и всѣ боялись, и когда у него родился сынъ, никто не хотѣлъ идти въ кумовья, чтобы хрестить это дытя. Звалъ старый Дукачъ и судейскаго паныча и дочку нашего покойнаго пана-отца, да никто не пошелъ. Тогда старый Дукачъ еще больше разлютовался на весь народъ и на самого пана-отца—и его самого не захотѣлъ крестить просить: «Обойдусь, говорить, безъ всего, безъ ихъ званія». Кликнулъ племянника Агапку, что у него по сиротству въ дурняхъ жилъ, да и велѣлъ пару коней запречь и меня кумою позвалъ: поѣзжай, говоритъ, Керасивна съ Агапомъ въ чужое село и нынче же окрестите мою дытину. И онъ мнѣ шубу подарилъ, только Богъ съ нею, я ее послѣ того случая и не надѣвала: вонъ она какъ и теперь черезъ всѣ тридцать лѣтъ цѣла виситъ. И наказалъ мнѣ Дукачъ одно, что смотри, говоритъ, якъ Агапъ человѣкъ глупый, онъ ничего сдѣлать не сумѣетъ, то ты гляди, добре съ попомъ уладьтесь, щобы онъ, чего Боже борони, по якой ни есть злобѣ не далъ хлопцу якого имени не христіанскаго, труднаго, або московьскаго. На дворп у насъ Варваринъ день, а то очень опасно, бо тутъ коло Варвары сряду близко Никола

живетъ, а Никола и есть самый первый москаль и онъ намъ, казакамъ, ни въ чемъ не помогаетъ, а все на московьскую руку тянетъ. Що тамъ гдѣ ни случись, хоть и наша правда, — а онъ пойдетъ такъ-сякъ передъ Богомъ наговоритъ и все на московьскую руку сдѣлаетъ, и своихъ москалей выкрутитъ и оправитъ, а казачество обидитъ. Борони Богъ намъ и дѣтей въ его имя называть. А вотъ тутъ же рядомъ съ нимъ живетъ святый Савка. Этотъ изъ казаковъ и до насъ дуже добрый. Якый онъ тамъ ни есть, хоть и не важный, а своего казака не выдастъ.

Я говорю:

— Се такъ: да маломоченъ винъ, святый Савка!

А Дукачъ говоритъ:

— Ничего, что маломоченъ, зато винъ дуже штуковатый: гдѣ его сила не возьметъ, такъ на хитрость подымется и какъ-нибудь да отстоитъ казака. А мы ему въ силѣ сами помочь дадимъ: станемъ свѣчи ставить и молебенъ споемъ: Богъ побачитъ що и святого Савку люди добре почитаютъ и Самъ на его увагу поверне, а винъ тогда и подсилится.

Я все, что Дукачъ просилъ, ему обѣщала. И завернула малого въ шубу, крестъ его себѣ на шею надѣла, а въ ноги барилочку съ сливянкой поставили, и поѣхали. Но только мы съ версту отъѣхали, какъ поднялась метель, просто ѣхать нельзя: зги никакой не видно.

Я говорю Агапу:

— Нельзя намъ ѣхать, воротимся!

А онъ дяди боялся и ни за что не хотѣлъ воротиться.

— Богъ дастъ, говоритъ, доѣдемъ. А мнѣ чи замерзнуть, чи меня дядько убъѐ, то все едыно.

И все коней погоняетъ, и какъ уперся, такъ на своемъ и стоитъ.

А тѣмъ временемъ стало темнѣть и сдѣлалось не видно и слѣда. Ѣдемъ мы ѣдемъ, и не знаемъ, куда ѣдемъ. Кони туда-сюда вертятъ, крутятся,—и никуда не пріѣдемъ. Перезябли мы страшно и чтобы не застыть, взяли и сами по-

тянули изъ той барилочки, что перегудинскому попу везли. А я на дитя посмотрѣла: думала — борони Богъ, не задохло бы. Нѣтъ, тепленькое лежитъ и дышетъ такъ, что даже парокъ отъ него валитъ. Я ему дырочку надъ личикомъ прокопала,—пусть дышетъ, и опять поѣхали, и опять поѣхали и опять ѣздили-ѣздили, видимъ, что мы опять все крутимся, и нѣтъ намъ во тьмѣ никакого просвѣта, а кони куда знаютъ, туда и воротятъ. Теперь уже и домой вернуться, какъ раньше думали, чтобы переждать метель, и того нельзя, — нельзя уже стало и знать, куда ворочаться: гдѣ Парипсы, а гдѣ Перегуды. Я послала Агапа, чтобы всталъ, да коней въ поводу велъ, а онъ говоритъ: якая ты умная! мнѣ холодно. Обѣщаю ему, какъ домой вернемся, злотъ ему дать, а онъ говоритъ:

— На що мени вашъ и злотъ, якъ мы оба тутъ издохнемъ. А если хотите мнѣ что сдѣлать отъ доброй души, дайте мнѣ еще хорошенько потянуть изъ барила. Я говорю: пей, сколько хочешь,—онъ и попилъ. Попилъ и пошелъ впередъ, чтобы брать коней за узду, да замѣсто того сейчасъ же сразу назадъ: вернулся, и весь трясется.

— Что ты, говорю, что съ тобою такое?

А онъ отвѣчаетъ:

— Да ишь вы, говоритъ, якая умная: развѣ я могу противъ Николы перти?

— Что ты глупый человѣкъ говоришь: чего тебѣ противъ Николы перти?

— А кто его знаетъ, говоритъ: чего онъ тамъ стоитъ?

— Гдѣ, кто стоитъ?

— А вотъ тамъ, говоритъ, у самаго запряга, впереди коней.

— Да цуръ тобѣ, дурню, говорю: ты пьянъ!

— Эге, хорошо, отвѣчаетъ, что пьянъ, а вотъ же твой мужъ былъ не пьянъ, да мару видѣлъ, и я вижу.

— Ну вотъ, говорю, ты еще моего мужа вспомнилъ: что̀ онъ видѣлъ — это я лучше тебя знаю, что онъ видѣлъ, а ты говори: что тебѣ показывается!

— А стоитъ що-сь таке совсѣмъ дуже велике въ московьской золотой шапци, ажь съ нее искры сыплятся.

— Это, говорю, у тебя у самаго изъ пьяныхъ глазъ сыпется.

— Нѣтъ, споритъ, это Никола въ московьской шапци. Онъ насъ и не пуска.

Я и вздумала, что это можетъ-быть неправда, а можетъ и вправду за то, что мы не хотѣли хлопца Николою писать, а Савкою, и говорю:

— Не хай же по его буде: не пуска и не надо, — мы ему теперь уступимъ, а завтра по-своему сдѣлаемъ. Пусти коней идти, куда хотятъ,—они насъ домой привезутъ; а ты теперь за то хоть всю барилочку выпей.

Смутила я Агапа.

— Ты, говорю, выпей побольше, и только знай помалчивай; а я такое брехать стану, что никому въ умъ не вступитъ, что мы брешемъ. Скажемъ, что дѣтину охрестили и назвали его, какъ Дукачъ хотѣлъ, добрымъ казачьимъ именемъ, — Савкою, — вотъ и крестикъ пока ему на шейку надѣнемъ; а въ недилю (воскресенье) скажемъ: панъ-отецъ велѣлъ дытину привезти, чтобы его причастить, и какъ повеземъ, тогда за разъ и окрестимъ, и причастимъ,— и все будетъ тогда, какъ слѣдуетъ по христіанскому.

И открыла опять дытиноча,—оно такое живеньке, спитъ, а само тепленьке, даже снѣжокъ у него на лобикѣ таетъ; я ему этой талой водицей на личикѣ крестъ обвела и проговорила: во имя Отца, Сына, и крестикъ надѣла, и пустились на Божію волю, куда кони вывезутъ.

Кони все шли да шли, — то идутъ, то остановятся, то опять пойдутъ, а погода все хуже да хуже, стыдь все лютѣе. Агапъ совсѣмъ опьянѣлъ, сначала бормоталъ что-то, а послѣ и голоса не сталъ подавать,—свалился въ сани и захрапѣлъ. А я все стыла, да стыла, и такъ и не пришла въ себя, пока меня у Дукача въ домѣ снѣгомъ стали оттирать. Тутъ я очнулась и вспоминала, что хотѣла сказать, и то самое и сказала, что дитя будто охрещено и что

будто дано ему имя Савва. Мнѣ и повѣрили, и я покойна была, потому что думала все это поправить, какъ сказано, въ первое же воскресенье. А того и не знала, что Агапъ былъ застрѣленный и скоро умеръ, а стараго Дукача въ острогъ берутъ; а когда узнала, я хотѣла во всемъ повиниться хоть старой Дукачихѣ, да никакъ не рѣшалася, потому что въ семьѣ тогда большое горе было. Думала, разскажу все это послѣ, да и послѣ тяжело было это открывать, и такъ все это день ото дня откладывалось. А время шло да шло, а хлопецъ все росъ; и все его Савкой звали, и въ науку его отдали, — я все не собралась открыть, тайну и все мучилась и все собиралась открыть, что онъ не крещеный, а тутъ, когда вдругъ услыхала, что его даже и въ попы ставятъ, побѣжала-было въ городъ, сказать, да меня не допустили и его поставили, и говорить стало не къ чему. Зато съ тѣхъ поръ я уже и минуты покоя не знаю,—мучусь, что черезъ меня все христіанство на моемъ родномъ мѣстѣ съ некрещенымъ попомъ въ посмѣхъ отдается. Потомъ, чѣмъ старѣе становилась и видѣла, что люди его все больше любятъ, тѣмъ хуже мучилась и боялась, что меня земля не приметъ. И вотъ только теперь, въ мой смертный случай насилу сказала. Пусть проститъ мнѣ все христіанство, чьи души я некрещенымъ попомъ сгубила, а меня хоть живую въ землю зарройте, и я ту казнь приму съ радостью».

Благочинный и перегудинскій попъ все это выслушали, все записали и оба къ той записи подписались, прочитали отцу Саввѣ, а потомъ пошли въ церковь, положили вездѣ печати и уѣхали въ губернскій городъ къ архіерею и самого отца Савву съ собой увезли.

А народъ тутъ и зашумѣлъ, пошли переговоры: что это такое, надъ нашимъ паномъ-отцомъ, да откудова и съ какой стати? И можно ли тому быть, какъ говоритъ Керасиха? Статочное ли дѣло вѣдьмѣ вѣрить?

И сгромоздили такую комбинацію, что все это отъ Николы и что теперь надо какъ можно лучше «подсилить»

передъ Богомъ святого Савку и идти самимъ до архіерея. Отбили церковь, зажгли передъ святцами всѣ свѣчи, сколько было въ ящикѣ, и послали вслѣдъ за благочиннымъ шесть добрыхъ казаковъ къ архіерею просить, чтобы онъ отца Савву и думать не смѣлъ отъ нихъ трогать, «а то-де мы безъ сего пана-отца никого слухать не хочемъ и пойдемъ до иной вѣры, хоть если не до катылицкой, то до турецькой, а только безъ Саввы не останемся».

Вотъ тутъ-то архіерею и была загвоздка, почище того, что «дьяконъ ударилъ трепака, а трепакъ не проситъ: зачѣмъ же благочинный доноситъ?»

Керасивна умерла, подтвердивъ въ своемъ порывѣ покаянія всѣмъ то, что мы знаемъ, и выборные казаки пошли къ архіерею и всю ночь все думали о томъ, что̀ они сдѣлаютъ, если архіерей ихъ не послушаетъ и возьметъ у нитъ попа Савву?

И еще тверже рѣшили, что вернутся они тогда на село, — сразу выпьютъ во всѣхъ шинкахъ всю горѣлку, чтобы она никому не досталась, а потомъ возьметъ изъ нихъ каждый по три бабы, а кто богаче, тотъ четыре, и будутъ настоящими турками, но только другого попа не хотятъ, пока живъ ихъ добрый Савва. И какъ это можно допустить, что онъ не крещенъ, когда имъ крещено, исповѣдано, вѣнчано и схоронено такъ много людей по всему христіанству? Неужели теперь должны всѣ эти люди быть въ «поганьскомъ положеніи»? Одно, что казаки соглашались еще уступить архіерею,—это то, что если нельзя отцу Саввѣ попомъ оставаться, то пусть архіерей его у собя, гдѣ знаетъ, тихонько окреститъ, а только чтобы все-таки онъ его оставилъ... или иначе они... «удадутся до турецькой вѣры».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Это опять было зимою, и опять было подъ вечеръ, и какъ разъ около того же Николина или Саввина дня,

когда Керасивна, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, ѣздила изъ Парипсовъ въ Перегуды крестить маленькаго Дукачева сына.

Отъ Парипсъ до губернскаго города, гдѣ жилъ архіерей, было верстъ сорокъ. Отправившаяся на выручку отца Саввы громада считала, что она пройдетъ верстъ пятнадцать до большой корчмы жида Іоселя,—тамъ подкрѣпится, погрѣется и къ утру, какъ разъ, явится къ архіерею.

Вышло немножко не такъ. Обстоятельства, имѣющія прихоть повторяться, сыграли съ казаками ту самую исторію, какая тридцать пять лѣтъ тому назадъ была разыграна съ Агапомъ и Керасивной: поднялась страшная метель, и казаки всею громадою начали плутать по степи, потеряли слѣдъ и, сбившись съ дороги, не знали, гдѣ они находятся, какъ вдругъ, можетъ-быть всего за часъ передъ разсвѣтомъ, видятъ стоитъ человѣкъ, и не на простомъ мѣстѣ, а на льду, надъ прорубью и говоритъ весело:

— Здорово, хлопцы!

Тѣ поздоровались.

— Чего, — говоритъ, — это васъ въ такую пору носитъ: видите, вы мало въ воду не попали.

— Такъ, — говорятъ, — горе у насъ большое, мы до архіерея спѣшимъ: хотимъ прежде своихъ враговъ его видѣть, щобы онъ на нашу руку сдѣлалъ.

— А что вамъ надо сдѣлать?

— А щобы онъ намъ нехрещенаго попа оставилъ, а то мы такіе несчастливые, що въ турки пидемо.

— Какъ въ турки пидете! Туркамъ нельзя горѣлки пить.

— А мы ее всю впередъ сразу выпьемъ.

— Ишь вы какіе лукавые.

— Да що же маемъ робить, при такой обидѣ — якъ добраго попа берутъ.

Незнакомый говоритъ:

— Ну, такъ разскажите-ка мнѣ все толкомъ.

Тѣ и разсказали. И такъ ни съ того, ни съ сего, стоя

у проруби, умно все по порядку сказали и опять дополнили: что если архіерей имъ не оставитъ того Савву, то они «всей вѣры рѣшатся».

Тутъ имъ этотъ незнакомый и говоритъ:

— Ну, не бойтесь, хлопцы, я надѣюсь, что архіерей хорошо разсудитъ.

— Да воно бъ такъ и намъ, — говорятъ, — сдается, що такій великій чинъ маючи надо добре разсудить, а Богъ его церьковный знае...

— Разсудитъ, разсудитъ, а не разсудитъ, такъ я помогу.

— Ты?.. а ты кто такой?

— Скажи: якъ тебя звать?

— Меня, говоритъ, звать Саввою.

Казаки другъ друга и толкнули въ бокъ.

— Чуете, се самъ Савва.

А тотъ Савва имъ потомъ: вотъ, говоритъ, вы пришли куда вамъ слѣдуетъ, — вонъ на горкѣ монастырь, тамъ и архіерей живетъ.

Смотрятъ и точно: виднѣть стало и передъ ними за рѣкою на горкѣ монастырь.

Очень казаки удивились, что подъ такою суровою непогодою, безъ отдыха, прошли сорокъ верстъ, и, взобравшись на горку, сѣли у монастыря, достали изъ сумочекъ у кого что было съѣдобнаго и стали подкрѣпляться, а сами ждутъ, когда къ утренѣ ударятъ и отопрутъ ворота.

Дождались, вошли, утреню отстояли, и потомъ явились на архіерейское крыльцо просить аудіенціи.

Хотя наши архипастыри и не очень охочи до бесѣдъ съ простецами, но этихъ казаковъ сразу пустили въ покои и поставили въ пріемную, гдѣ они долго-долго ждали, пока явились сюда и перегудинскій попъ, и благочинный, и попъ Савва, и много другихъ людей.

Вышелъ архіерей и со всѣми людьми переговорилъ, а съ благочиннымъ и съ казаками ни слова, пока всѣхъ другихъ изъ залы выпустилъ, а потомъ прямо говоритъ казакамъ:

— Ну, что, хлопцы, обидно вамъ? Некрещенаго попа себѣ очень желаете?

А тѣ отвѣчаютъ:

— Милуйте—жалуйте, ваше высокопреосвященство: якъ же не обида... такій бувъ попъ, такій попъ, що другого такого во всѣмъ хрыстіанствѣ нема...

Архіерей улыбнулся.

— Именно, говоритъ, такого другого нема, да съ этимъ оборачивается до благочиннаго и говоритъ:

— Поди-ка въ ризницу: возьми, тамъ тебѣ Савва книгу приготовилъ, принеси и читай, гдѣ раскрыта.

А самъ сѣлъ.

Благочинный принесъ книгу и началъ читать: «Не хощу же васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши *вси подъ облакомъ быша* и вси сквозь море пройдоша и вси въ Моисея *крестишася во облацѣ и въ мори*. И вси тожде брашно духовное ядоша и вси тожде пиво духовное піяху, бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ».

На этомъ мѣстѣ архіерей и перебилъ, говоритъ:

— Разумѣеши ли, яже чтеши?

Благочинный отвѣчаетъ:

— Разумѣю.

— И сейчасъ ли только ты это уразумѣлъ?

А благочинный и не знаетъ, что отвѣчать, и такъ наоболмашъ сказалъ:

— Слова сіи я и прежде челъ.

— А если челъ, такъ зачѣмъ же ты такую тревогу допустилъ и этихъ добрыхъ людей смутилъ, которымъ онъ добрымъ пастыремъ былъ?

Благочинный отвѣчалъ:

— По правиламъ святыхъ отецъ...

А архіерей перебилъ:

— Стой, говоритъ, стой: иди опять къ Саввѣ: онъ тебѣ дастъ правило.

Тотъ пошелъ и пришелъ съ новою книгою.

— Читай,—говоритъ архіерей.

— Читаемъ,—началъ благочинный,—у святаго Григорія Богослова писано про Василія Великаго, что онъ «былъ для христіанъ іереемъ до священства».

— Сіе къ чему?—говоритъ архіерей.

А благочинный отвѣчаетъ:

— Я только по долгу службы моей, какъ оказался онъ не крещеный въ такомъ санѣ...

Но тутъ архіерей какъ топнетъ:

— Еще, говоритъ, и теперь все свое повторяешь! Стало быть, по-твоему сквозь облако пройдя въ Моисея можно окреститься, а во Христа нельзя? Вѣдь тебѣ же сказано, что они, добиваясь крещенія и влажное облако со страхомъ смертнымъ проникали, и на челѣ расталою водою того облака крестъ младенцу на лицѣ написали во имя святой Троицы. Чего же тебѣ еще надо? Вздорный ты человѣкъ и не годишься къ дѣлу: я ставлю на твое мѣсто попа Савву; а вы, хлопцы, будьте безъ сомнѣнія: попъ вашъ Савва, который вамъ хорошъ, и мнѣ хорошъ, и Богу пріятенъ, и идите домой безъ сомнѣнія.

Тѣ ему въ ноги.

— Довольны вы?

— Дуже довольны,— отвѣчаютъ хлопцы.

— Не пойдете теперь въ турки?

— Тпфу! не пидемо, батьку, не пидемо.

— И всю горѣлку сразу не выпьете?

— Не выпьемо отъ разу, не выпьемо, цуръ ій, пекъ!

— Идите же съ Богомъ и живите по-христіански.

И тѣ уже готовы были уходить, но одинъ изъ нихъ для бо́льшаго успокоенія кивнулъ архіерею пальцемъ и говоритъ:

— А будьте, ваша милость, ласковы, отойти со мною до куточка.

Архіерей улыбнулся и говоритъ:

— Ну хорошо, пойдемъ до куточка.

Тутъ казакъ его и спрашиваетъ:

— А звольте ваша милость: звиткиля вы все се узнали, допреже якъ мы вамъ сказали?

— А тебѣ, говоритъ, что за дѣло?

— Да намъ таке дило, чи се не Савва ли васъ всимъ надоумивъ?

Архіерей, которому все разсказалъ его келейникъ Савва, посмотрѣлъ на хохла и говоритъ:

— Ты отгадалъ,—мнѣ Савва все сказалъ.

А самъ съ этимъ и ушелъ изъ залы.

Ну, тутъ хлопцы и поняли все, какъ хотѣли. И съ той поры живетъ разсказъ, какъ маломочный Савва тихенько да гарненько оборудовалъ дѣло такъ, что московьскій Никола со всей своей силою ни при чемъ остался.

— Такій-то, говорятъ, нашъ Савкò штуковатый, якъ подсилился, то таке повыдумывалъ, что всѣхъ съ толку сбилъ: то отъ писанія покажетъ, то отъ святыхъ отецъ въ носъ сунетъ, такъ что ажь ничого понять не можно. Богъ его святый знае: чи онъ взаправду попа Савву у Красивны за пазухою перекрестилъ, чи только такъ ловко все закароголывъ, що и архіерею не разкрутить. А вышло все на добре. На томъ ему и спасыби.

О. Савва, говорятъ, и нынче живъ и вокругъ его села кругомъ штунда, а въ его малой церковкѣ все еще полно народу... И хоть неизвѣстно: «подсиливаютъ» ли тамъ нынче св. Савкà попрежнему, но утверждаютъ, что тамъ, попрежнему, во всемъ приходѣ никакіе Михалки и Потапки «*голые пузеня*» не показываютъ.

ВЛАДЫЧНЫЙ СУДЪ.

(БЫЛЬ).

(ИЗЪ НЕДАВНИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

Pendant къ разсказу „На краю свѣта".

«Не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ». (*Іоан. 7, 24*).

«Судъ безъ милости — не оказавшему милости». (*Іак. 11, 13*).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ 1876 году я написалъ маленькій разсказъ, который называется «*На краю свѣта*» (изъ воспоминаній архіерея). Онъ имѣлъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый успѣхъ. По крайней мѣрѣ я обязанъ такъ думать, судя и по довольно быстрой продажѣ книжечки, и по разнообразію вызванныхъ ею толковъ. Литературные органы, удостоившіе ее вниманія (не исключая и одного духовнаго изданія), отозвались о ней чрезвычайно сочувственно и милостиво, но зато частнымъ, негласнымъ путемъ мнѣ довелось слышать иное. Нѣкоторыя весьма почтенныя и довольно извѣстныя въ духовенствѣ лица отнеслись къ этому разсказу неодобрительно. То же самое высказано мнѣ и многими редстокистами. И тѣ, и другіе увидали въ поведеніи описаннаго мною архіерея и миссіонеровъ «*мирволенье невѣрію и даже нерадѣніе о спасеніи душъ святымъ крещеніемъ*».

И экзальтированнымъ мечтателямъ, и положительнымъ ортодоксаламъ одинаково не нравится, что описанный мною архіерей и миссіонеры не спѣшили крестить бродячихъ дикарей, которые нимало не усвоили истинъ христіанской вѣры и принимали крещеніе или страха ради, или изъ матеріальныхъ разсчетовъ.

Я не вижу никакой необходимости оправдываться въ томъ, что я написалъ, хотя и для оправданія моего, мнѣ, можетъ быть, стоило бы только отослать этихъ критиковъ къ двумъ небольшимъ сочиненіямъ блаженнаго Августина: «De fide et operibus» и «De catechisandis rudibus». Тамъ они могутъ найти у этого великаго христіанскаго философа готовые отвѣты на укоризны, дѣлаемыя ими мнѣ за моихъ «тенденціозно-вымышленныхъ героевъ». Но дѣло-то въ томъ, что въ упомянутомъ небольшомъ моемъ сочиненьицѣ совсѣмъ и нѣтъ никакой тенденціи и даже очень мало вымысла, а почти все—настоящее происшествіе, весьма немного развитое только въ нѣкоторыхъ деталяхъ, и то по готовой канвѣ.

Я не вижу болѣе надобности скрывать, что архіерей, изъ воспоминаній котораго составленъ этотъ разсказъ, есть не кто иной, какъ недавно скончавшійся архіепископъ ярославскій, высокопреосвященный Нилъ, который *самъ* разсказывалъ это *бывшее съ нимъ* происшествіе понынѣ здравствующему и живущему здѣсь въ Петербургѣ почтенному и всякаго довѣрія достойному лицу В. А. К—ву. В. А. К—въ сообщилъ этотъ случай мнѣ, какъ прекрасный матеріалъ для характеристики свѣтлаго и яснаго взгляда усопшаго автора «Буддизма», а я только воспользовался этимъ матеріаломъ. Но, можетъ быть, не безынтересно будетъ знать, что этотъ, разсказанный мною случай, въ которомъ всего замѣчательнѣе, конечно, взглядъ архіерея, далеко не единиченъ въ своемъ родѣ, и чтобы доказать это, я хочу теперь разсказать другое, близко мнѣ извѣстное происшествіе, всѣхъ участниковъ котораго я уже буду называть ихъ настоящими именами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Очень молодымъ человѣкомъ, почти мальчикомъ, я началъ мою службу въ Кіевѣ, подъ начальствомъ Алексѣя Кирилловича Ключарева, который впослѣдствіи служилъ директоромъ департамента государственнаго казначейства и былъ извѣстенъ какъ «службистъ» и «чиновникъ съ головы до пятокъ». Его боялись въ Житомірѣ, боялись въ Кіевѣ и только перестали бояться въ Петербургѣ, гдѣ этотъ суровый и сухой формалистъ почувствовалъ, что онъ тутъ не къ масти козырь, и вскорѣ по удаленіи отъ дѣлъ скончался. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, воспитывался въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и былъ въ натурѣ бурсакъ самаго крѣпкаго закала. Онъ былъ неутомимъ, дѣловитъ, логиченъ, сухъ, любилъ во всемъ точность и не обличалъ слабостей сострадательнаго сердца. Правда, онъ очень любилъ свою комнатную собачонку съ коричневыми ушами; цѣловалъ ее взасосъ въ самую морду; бывалъ въ тревогѣ, когда она казалась ему грустною, и даже собственноручно ставилъ ей промывательное; но я никогда не видалъ, чтобы въ его сухомъ, почти жестокомъ лицѣ дрогнулъ хотя одинъ мускулъ, когда онъ выгонялъ со службы многосемейнаго чиновника или стригъ въ рекруты малолѣтнихъ еврейчиковъ, которыхъ тогда брали на службу въ дѣтскомъ возрастѣ.

Эта пріемка жидовскихъ ребятишекъ, поистинѣ, была ужасная операція. Законъ дозволялъ приводить въ рекруты дѣтей не моложе двѣнадцатилѣтняго возраста, но «по наружному виду» и «на основаніи присяжныхъ розысканій» принимали дѣтей и гораздо моложе, такъ какъ въ этомъ для службы вреда не предвидѣлось, а оказывались даже кое-какія выгоды, — напримѣръ, существовало убѣжденіе, что маленькія дѣти скорѣе обвыкались и легче крестились.

Пользуясь такимъ взглядомъ, евреи-сдатчики вырывали маленькихъ жидочковъ изъ материнскихъ объятій почти

безъ разбора, и прямо съ теплыхъ постелей сажали ихъ въ холодные краковскіе брики и тащили къ сдачѣ.

Какими душу разрывающими ужасами все это сопровождалось, объ этомъ не дай Богъ и вспомнить. По всѣмъ еврейскимъ городамъ и мѣстечкамъ буквально возобновлялся «плачъ въ Рамѣ»: Рахиль громко рыдала о дѣтяхъ своихъ и не хотѣла утѣшиться.

Къ самой суровости требованій закона, нынѣ — слава Богу и Государю—уже отмѣненнаго, присоединилась еще къ угнетенію бѣдныхъ вся безпредѣльная жестокость жидовской неправды и плутовства, практиковавшихся на всѣ лады. Очередныхъ рекрутъ почти никогда нельзя было получить, а приводились подочередные, запасные и вовсе неочередные; а такъ какъ наборы были часты и производились съ замѣчательною строгостью, то разбирать было некогда, и неочередные принимались «во избѣжаніе недоимки», съ условіемъ перемѣны впослѣдствіи очередными; но условіе это, разумѣется, никогда почти не исполнялось. «Записано и съ рукъ долой». Принятое дитя засылали въ далекіе кантонистскіе батальоны, и бѣдные родители не знали, гдѣ его отыскивать, а къ тому же у рачительныхъ партіонныхъ командировъ, *по-своему* радѣвшихъ о христіанствѣ, и вѣроятно тоже *по-своему* его и понимавшихъ, значительная доля такихъ еврейчиковъ оказывалась окрещенными, прежде чѣмъ партія приходила на мѣсто, гдѣ крещеніе производилось еще успѣшнѣе. Словомъ, ребенокъ, разъ взятый отъ евреевъ-родителей, былъ для нихъ почти что навсегда потерянъ.

Очень многихъ изъ этихъ жидочковъ крестили еще и до выступленія партій изъ Кіева, чѣмъ особенно интересовалась и озабочивалась покойная супруга тогдашняго юго-западнаго генералъ-губернатора, княгиня Екатерина Алексѣевна Васильчикова (рожденная кн. Щербатова).

Самая вопіющая несправедливость при сдачѣ дѣтей заключалась въ томъ, что у нихъ почти у всѣхъ безъ исключенія никогда не бывало метрическихъ раввинскихъ выписей,

и лѣта приводимаго опредѣлялись, какъ я сказалъ, или наружнымъ видомъ, который можетъ быть обманчивъ, или такъ называемыми «присяжными розысканіями», которыя всегда были еще обманчивѣе. Что такое были эти присяжныя розысканія,—это весьма интересно и въ своемъ родѣ можетъ быть поучительно для нѣкоторыхъ мечтателей, имѣющихъ высокое понятіе о еврейской религіозности. Шесть или двѣнадцать жидковъ *присягали* гдѣ-то, что они «достаточно знаютъ, что такому-то Шмилику и Мордкѣ уже исполнилось двѣнадцать лѣтъ», и на основаніи этого документа принимались въ рекруты дѣти, которымъ было не болѣе семи или восьми лѣтъ. Случаевъ этихъ было бездна. Бывало и то, что одна дюжина сыновъ Израиля, нанятая присягать сдатчиками, присягала, что Мордкѣ двѣнадцать лѣтъ, а другая, нанятая для того же родителями ребенка, подъ такою же присягою удостовѣряла, что ему только семь лѣтъ. Бывало даже, что и одни и тѣ же люди присягали и за одно, и за другое. Это объяснялось возникновеніемъ при описываемыхъ мною обстоятельствахъ особаго промысла «присягателей»: изъ самаго мерзкаго отребья жидовскихъ кагаловъ, такъ хорошо описанныхъ принявшимъ христіанство раввиномъ Брафманомъ, составлялись банды безсовѣстныхъ и грубо деморализованныхъ людей, которые такъ и бродили шайками по двѣнадцати человѣкъ, ища работы, т.-е. пытая вездѣ: «чи нема чогс присягать?»

И гдѣ было «чого присягать», тамъ, при продажномъ приставѣ и продажномъ «казенномъ раввинѣ», безтрепетно произносилось имя Еговы и Его святымъ именемъ какъ-бы покрывалась страшная неправда гнусной совѣсти человѣческой.

Вся кощунственная мерзость этого вопіющаго злоупотребленія именемъ Божіимъ была всѣмъ узрима до очевидности; но... дѣло обставленное съ его формальной стороны не останавливало теченія этого «*порядка*». Ни судить, ни рядить, ни заступиться за слабаго при самомъ очевидномъ

его угнетенiи не было ни времени, ни средствъ, ни охоты...

Да; я не обмолвился: не было уже и *охоты*, потому что въ этомъ морѣ стоновъ и слезъ, въ которомъ мнѣ въ моей юности пришлось провести столько тяжкихъ дней, отупѣвало чувство и если порою когда и шевелилось слабое состраданiе, то его тотчасъ же подавляло сознанiе полнѣйшаго безсилiя помочь этому ужаснѣйшему, раздирающему горю цѣлой толпы завывавшихъ у стѣнъ палаты матерей и рвавшихъ свои пейсы отцовъ.

Ужасныя картины, повторяясь изо дня въ день, притупляли впечатлительность даже и въ незломъ и въ доступномъ состраданiю сердцѣ.

«Привычка—чудовище».

Но какъ нѣтъ правилъ безъ исключенiя, то и тутъ, въ этой тягостной полосѣ моихъ раннихъ воспоминанiй есть одно исключенiе, съ которымъ для меня соединяется самое свѣтлое воспоминанiе о небольшомъ и конечно неважномъ, но, по моему мнѣнiю, въ высшей степени замѣчательномъ и оригинальномъ происшествiи, бросающемъ мягкiй и теплый лучъ свѣта на меркнущую въ людской памяти личность благодушнѣйшаго iерарха русской церкви, покойнаго митрополита кiевскаго Филарета Амфитеатрова.

Можетъ статься, что читатель будетъ немножко удивленъ: кое общенiе митрополиту съ жидовскимъ наборомъ?! И впрямь есть чему удивляться; но чѣмъ это кажется удивительнѣе, тѣмъ должно быть интереснѣе, и ради этого-то интереса я приглашаю читателя терпѣливо послѣдовать за мною до конца моего небольшого разсказа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

А. К. Ключаревъ, не взирая на мои юные годы, назначилъ меня къ производству набора. Дѣло это, не требующее никакихъ, такъ называемыхъ, «высшихъ соображенiй», требуетъ однако много усилiй. Цѣлые дни, иногда съ ранняго утра до самыхъ сумерекъ (при огнѣ рекрутъ не осматри-

вали), надо было безвыходно сидѣть въ присутствіи, чтобы разъяснять очередныя положенія приводимыхъ лицъ и представлять объясненія по безчисленнымъ жалобамъ, а также подводить законы, приличествующіе разрѣшенію того или другого случая. А чуть закрылось присутствіе, начиналась самая горячая подготовительная канцелярская работа къ слѣдующему дню. Надо было принять объявленія, сообразить ихъ съ учетами и очередными списками; отослать обмундировочныя и порціонныя деньги; выдать квитанціи и разсмотрѣть цѣлыя горы ежедневно въ великомъ множествѣ поступавшихъ запутаннѣйшихъ жалобъ и каверзнѣйшихъ доносовъ.

Канцелярія, состоящая изъ командированныхъ къ этому времени изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ чиновниковъ, исполняла только то, что составляло механическую работу,—т.-е. ея дѣло писать и записать, выдать,—все же требующее какой-нибудь сообразительности и знанія законовъ лежало на одномъ лицѣ — на дѣлопроизводителѣ. Поэтому, къ этой мучительной, трудной и отвѣтственной должности выбирались люди служилые и опытные; но А. К. Ключаревъ, по свойственной ему во многихъ отношеніяхъ непосредственности, выбралъ въ эту должность меня,—едва лишь начавшаго службу и имѣвшаго всего 21 годъ отъ роду.

Легко представить: какія усилія я долженъ былъ употреблять, чтобы вести въ порядкѣ такое суматошное и отвѣтственное дѣло при такомъ строгомъ начальникѣ, какъ А. К. Ключаревъ, котораго потомъ смѣнилъ благодушный Н. М. Кобылинъ, тоже удержавшій меня на этой должности. Мученія мои начались мѣсяца за полтора до начала набора по образованію участковъ, выбору очередей и проч., продолжались мѣсяца полтора-два во время самаго набора и оканчивались послѣ составленія о немъ отчета. Во все это время я не жилъ никакою человѣческою жизнью, кромѣ службы: я едва имѣлъ часъ, полтора на обѣдъ и не болѣе четырехъ часовъ въ ночь для сна.

Всякій вѣроятно легко пойметь, какъ при такой жизни у меня было мало времени для того, «чтобъ сердцемъ умилиться, о людяхъ плакать и молиться».

Въ это-то время, можетъ быть даже въ одинъ изъ самыхъ надоѣдныхъ дней, я сидѣлъ разъ вечеромъ за своимъ столикомъ въ присутственной комнатѣ и читалъ одну за другою набросанныя мнѣ жалобы. Ихъ по обыкновенію было очень много, и большинство ихъ—почти тождественнаго содержанія. Всѣ онѣ содержали одни и тѣ же сѣтованія и были написаны по одному очень грустному и очень пошлому шаблону. Но вдругъ мнѣ попалъ въ руки листокъ прескверной, скомканной бумаги, на которомъ невольно остановилось мое вниманіе. Отъ этой бумажонки такъ и несло самымъ безучастнымъ и самымъ непосредственнымъ горемъ, котораго нельзя было не замѣтить, какъ нельзя не замѣтить насквозь промерзшаго окна, потому что отъ него дышитъ холодомъ. Самый видъ этой бумажонки напоминалъ того нищаго, про котораго Гейне сказалъ, что у него:

глядѣла...
Бѣдность въ каждую прорѣху
И изъ очей глядѣла бѣдность.

Я чувствовалъ неотразимую потребность самымъ внимательнымъ образомъ вникнуть въ эту бумагу; но лишь только приступилъ къ ея чтенію, какъ сейчасъ же увидалъ, что это было почти что невозможно. Невозможно было понять, на какомъ это было писано языкѣ и даже какимъ алфавитомъ. Тутъ были буквы и польскія, и русскія, и вдругъ между ними цѣлое слово или одинъ знакъ по-еврейски. Самое надписаніе было что-то въ родѣ надписанія, какое сдѣлали гоголевскіе купцы въ жалобѣ, поданной «господину финансову» Хлестакову: тутъ были и слова изъ высочайшаго титула, и личное имя предсѣдателя, и упоминались «уси генералъ-губернатора и чины и ваши оберъ-преподобіе, увмѣстѣ съ флигерточаковъ *) и увси, кто въ Бога вируе».

*) «Флигерточаковъ» это должно было значить «флигель-адъютантъ Чертковъ».

Словомъ, было видно, что проситель жаловался всѣмъ властямъ въ мірѣ и все это устроилъ въ такой формѣ, что можно было принять, пожалуй, за шутку и за насмѣшку, и было полное основаніе все это произведеніе «оставить безъ послѣдствій» и бросить подъ столъ въ корзину. Но, опять повторяю, здѣсь «глядѣла бѣдность въ каждую прорѣху и изъ очей глядѣла бѣдность», и мнѣ ее стало очень жалко.

Вмѣсто того, чтобы отбросить бумажонку за ея неформенность, какъ «неподлежаще поданную», я ее началъ читать и «духомъ возмутился, зачѣмъ читать учился». Нелѣпость въ надписаніи была ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что содержалъ самый текстъ, но зато въ этой нелѣпости еще назойливѣе вопіяло отчаяніе.

Проситель въ малопонятныхъ выраженіяхъ, изъ коихъ трудно было добраться до смысла, разсказывалъ слѣдующее: онъ былъ «интролигаторъ», т.-е. переплетчикъ, и обращаясь по своему мастерству съ разными книгами, «посядалъ много науки въ премудрость Божаго слова пообширнаго разсужденія». Такое «обширное разсужденіе» привело его въ опалу и у кагала, который въ противность всѣхъ правилъ напалъ ночью на домишко «интролигатора» и съ его постели увлекъ его десятилѣтняго сына и привезъ его къ сдачѣ въ рекруты. «Интролигаторъ» дѣйствительно не былъ на очереди и представлялъ присяжное разысканіе, что взятый кагаломъ сынъ его имѣетъ всего семь лѣтъ; но очередь въ эти дни передъ концомъ набора не наблюдалась, а кагалъ въ свою очередь представлялъ другое присяжное разысканіе, что мальчику уже исполнилось двѣнадцать лѣтъ.

Интролигаторъ очевидно предчувствовалъ, что мірская кривда одолѣетъ его правду и, не надѣясь восторжествовать надъ этою кривдою, отчаянно молилъ подождать съ принятіемъ его сына «только день одинъ», потому что онъ нанялъ уже вмѣсто своего сына наемщика, двадцатилѣтняго еврея, и везетъ его къ сдачѣ, а просьбу эту посылаетъ «въ увпередъ по почтѣ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По обычаямъ, у насъ существовавшимъ, все это ничего не значило, — и такъ какъ самого интролигатора съ его наемщикомъ не было въ Кіевѣ, а его мальчикъ былъ уже привезенъ и завтра назначенъ къ осмотру, то было ясно, что если онъ окажется здоровъ и тѣльцемъ крѣпокъ, то мы его «по наружному виду» пострижемъ и пустимъ въ ходъ.

Съ этимъ я и отложилъ просьбу интролигатора въ сторону съ подлежащею справкою и помѣтою. Болѣе я ничего не могъ сдѣлать; но прошелъ часъ, другой, а у меня ни съ того, ни съ сего изъ ума не выходилъ этотъ бѣдный начитанный переплетчикъ. Мнѣ все представлялось: какъ онъ прилетитъ завтра сюда съ его «обширнымъ разсужденіемъ», а его дитя будетъ уже въ солдатскихъ казармахъ, куда такъ легко попасть, но откуда выбраться трудно.

И все мнѣ становилось жалче и жалче этого бѣднаго жида, въ просьбѣ котораго такъ неожиданно встрѣчалось его «широкое образованіе», за которымъ мнѣ тутъ чувствовалась цѣлая старая исторія, которая вѣчно нова въ жестоковыйномъ еврействѣ. Не должно ли было это просто значить, что человѣкъ, имѣвшій отъ природы добрую совѣсть, немножко пораздвинулъ свой умственный кругозоръ и, не измѣняя вѣрѣ отцовъ своихъ, попытался имѣть свое мнѣніе о духѣ закона, сокрываемомъ буквою,—сталъ больше заботиться объ очищеніи своего сердца, чѣмъ объ умываніи рукъ и полосканіи скляницъ — и вотъ дѣло готово: онъ «опасный вольнодумецъ», котораго фарисейскій талмудизмъ стремится разорить, уничтожить и стереть съ лица земли. Если бы этотъ человѣкъ былъ богатъ, ѣлъ свиныя колбасы у исправника, совсѣмъ позабылъ Егову и не думалъ о Его заповѣдяхъ, но не вредилъ фарисейской лжеправедности,— это было бы ничего,—его бы терпѣли и даже уважали бы и защищали; но у него явилась какая-то *ширь*, какая-то свобода духа,—вотъ этого подзаконное жидовство стерпѣть не можетъ.

Восемнадцать столѣтій этой *старой исторіи* еще не измѣнили*); но я, впрочемъ, возвращаюсь къ своей исторіи.

Кому-нибудь, можетъ-быть, покажется страннымъ — почему я придавалъ такое значеніе словамъ интролигатора, который, будучи пристигнутъ бѣдою, очень могъ нарочно прикинуться гонимымъ за свободу мнѣній?

Я это понимаю, и конечно случись это теперь, — подозрѣніе, весьма вѣроятно, могло бы закрасться и въ мою голову; но въ ту пору, къ которой относится мой разсказъ, о такихъ вещахъ, какъ «свобода мнѣній», не думали даже люди, находившіеся въ положеніи гораздо болѣе благопріятномъ, чѣмъ бѣдный жидокъ, у котораго похитили съ постели его единственнаго ребенка. Ему не могло придти въ голову пощеголять либерализмомъ, который послужилъ бы ему скорѣе въ напасть, чѣмъ въ пользу, а это отнюдь не свойственно представителю разсчетливой еврейской породы. Слѣдовательно, я имѣлъ основаніе умозаключить, что слово о религіи тутъ употреблено самымъ искреннимъ образомъ.

Повторяю: мнѣ стало жаль бѣднаго интролигатора, и я вздумалъ ему немножко помочь. Я хотѣлъ, возвращаясь ночью домой, заѣхать въ Англійскую гостиницу, гдѣ квартировалъ, находившійся для набора, флигель-адъютантъ, и сказать ему: не пожелаетъ ли онъ вступиться за бѣднаго человѣка,—попросить, чтобы пріемъ рекрутъ этого участка былъ на одинъ день отложенъ.

Флигель-адъютанты, которыхъ присылали къ наборамъ, хотя прямо въ такіе распорядки не вмѣшивались, но ихъ ходатайства всегда болѣе или менѣе уважались. Однако и

---

*) Русское законодательство имѣло въ виду эту фарисейскую мстительность, и въ IV томѣ Свода Законовъ были положительныя статьи, которыми вмѣнялось въ обязанность, при разсмотрѣніи общественныхъ приговоровъ о сдачѣ евреевъ въ рекруты «за дурное поведеніе», обращать строгое вниманіе, чтобы подъ видомъ обвиненія въ «дурномъ поведеніи» не скрывались козни фанатическаго свойства, мстящія за неисполненіе тѣхъ или другихъ «еврейскихъ обрядовъ»; но евреи это отлично обходили и достигали чего хотѣли.

эта моя задача не годилась, потому что прежде, чѣмъ я привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, несчастное дѣло бѣднаго интролигатора осложнилось такими роковыми случайностями, что спасти его сына могло уже развѣ только одно чудо. И что же? чудо для него совершилось, и притомъ совершилось свободно, просто и легко, наперекоръ всѣмъ видимымъ невозможностямъ, благодаря лишь одному тому кроткому «земному ангелу», за каковаго многіе въ Кіевѣ почитали митрополита Филарета, привлеченнаго сюда—къ этому жидовскому дѣлу—самымъ неожиданнымъ образомъ и перевершившаго всю жидовскую кривду и неподвижную буквенность закона своимъ живымъ и милостивымъ *владычнымъ судомъ*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи я услыхалъ какой-то сильный шумъ въ огромной канцелярской залѣ, смежной съ присутственною камерою, гдѣ я сидѣлъ одинъ за моимъ дѣлопроизводительскимъ столикомъ.

Подобные безпорядки, какъ шумъ, случались, потому что ко мнѣ, какъ къ слишкомъ молодому начальнику канцеляріи, подчиненные мои страха не питали и особой аттенціи не оказывали. Лучшими изъ нихъ относительно субординаціи были старые титулярные совѣтники, декорированные «безпорочными пряжками» и станиславами. Эти важные люди хотя и не жаловали меня, какъ «мальчишку», котораго, по всѣмъ ихъ соображеніямъ, «въ обиду посадили имъ на шею», но обряда ради солидничали, молодежь же, хотя и была исполнительна въ работѣ, а вела себя дурно. Они, случалось, и рѣзвились, и потѣшались насчетъ тѣхъ же «титулярныхъ», между которыми былъ одинъ, весьма вѣроятно, многимъ до сихъ поръ въ Кіевѣ памятный, Григорій Ивановичъ Салько,—величайшій чудакъ, обучавшійся у «дьяка» и начавшій службу «при дьякѣ» и необыкновенно тѣмъ гордившійся. Онъ имѣлъ совершенно свое-

образное пристрастіе къ старому канцелярскому режиму и давалъ всѣмъ оригинальные совѣты изъ дьяковской мудрости. Такъ, напримѣръ, я помню, какъ онъ, замѣтивъ однажды, что я едва преодолѣваю усталость и дремоту, сказалъ мнѣ:

— Сдѣлайте, какъ меня старый дьякъ училъ: возьмите у меня изъ табатерки щепоть табаку да бросьте себѣ въ глаза—сонъ сейчасъ пройдетъ. Мы, въ то время, когда еще настоящая служба была... это когда еще васъ на свѣтѣ не было,—все бывало такъ дѣлали.

Этого и другихъ ему подобныхъ стариковъ легкомысленная молодежь часто дразнила и выводила изъ терпѣнія, при чемъ нерѣдко дѣло отъ шутокъ доходило и до дракъ.

Пора относительно еще весьма не давняя, но ужъ совсѣмъ почти невѣроятная.

Такъ и въ этотъ разъ, разслышавъ шумъ, я полагалъ, что мои молодцы раздразнили кого-нибудь изъ титулярныхъ совѣтниковъ, и произошла обыкновенная свалка, которая должна сейчасъ же разрѣшиться дружнымъ хохотомъ. Но дѣло выходило не такъ: я слышалъ, что вся моя орава куда-то отхлынула и канцелярія какъ будто сразу опустѣла.

Я всталъ и вышелъ посмотрѣть, что̀ случилось. Зала дѣйствительно была пуста, свѣчи горѣли на незанятыхъ никѣмъ столахъ, и только въ одномъ углу неподвижно, какъ мумія, сидѣлъ старѣйшій изъ моихъ титулярныхъ совѣтниковъ,—Несторъ кіевскихъ канцелярій,—Платонъ Ивановичъ Долинскій, имѣвшій владимірскій крестъ за тридцатипятилѣтнюю службу.

Этотъ нашъ Несторъ былъ огромный, сухой, давно весь какъ лунь посѣдѣвшій престарѣлый хохолъ, державшій себя очень неприступно и важно.

Онъ обыкновенно никогда безъ крайней надобности не поднимался съ своего мѣста и не разговаривалъ, а если разговаривалъ, то ругался, и непремѣнно по-хохлацки.

Завидѣвъ меня, онъ немедленно взглянулъ сверхъ сво-

ихъ мѣдныхъ очковъ и сейчасъ же, сердито задвигавъ челюстями, началъ меня пробирать:

— Що же, хиба вы не бачите, що тутъ роблять: они уси побигли дывиться на скаженаго жидюгу. Це же вамъ стыдно: якій же вы старшій? Идыть-бо гоните ихъ подлецовъ назадъ до праци.

— Какой же, спрашиваю, тамъ взялся сумасшедшій?

— А чортяка его видае, звиткиля винъ взялся! Ось вонъ тамъ, гдѣсь на сходахъ крутиться.

Я взялъ съ одного изъ столовъ свѣчу и пошелъ къ выходу на лѣстницу.

Здѣсь, на просторной, очень тускло освѣщенной террасѣ были всѣ мои чиновники. Густо столпившись сплошною массою, они насѣдали на плечи другъ другу и смотрѣли въ средину образованнаго ими круга, откуда чей-то задыхающійся отчаянный голосъ вопилъ скверным жидовскимъ языкомъ:

— Ай-вай! спустите мене, спустите... Уй, ай, ай, ай-вай, спустите! Ай спустите, бо часу нема, бо онъ вже... тамъ у лавру... утикъ... Ай гашпадинъ митрополитъ, гашпадинъ митрополитъ... ай-вай, гашпадинъ митрополитъ, когда жъ ви же старъ чоловикъ... ай-вай, когда жъ ви у Бога вируете... ай... што же это такой бу-у-детъ!.. Ай спустить мене ай... ай!

— Куда тебя парха пустить!—остепенялъ его знакомый голосъ солдата Алексѣева.

— Туда... гвальтъ... я не знаю куда... кто въ Богъ вируе... спустите... бо я несчастливый бидный жидокъ... що вамъ мине тримать... що мине мучить... я вже замучинъ... спустите ради Бога.

— Да куда тебя лѣшаго пустить: куда ты пойдешь? куда просишься?

— Ай, только спустите... я пиду... ей Богу пиду... бо я не знаю куда пиду... бо мине треба до самъ гашпадинъ митрополитъ...

— Да развѣ здѣсь, жидъ ты этакой, сидитъ господинъ митрополитъ!—резонировалъ сторожъ.

— Ахъ... кеды жъ... кеды жъ я не знаю, гдѣ сидитъ гашпадинъ митрополитъ, гдѣ къ ему стукать... Ай, мнѣ же его треба, мнѣ его гвальтъ треба!—отчаянно картавилъ и отчаянно бился еврей.

— Мало чего тебѣ треба: такъ тебя парха и пустятъ до митрополита.

Жидъ еще лише завылъ.

— Ай мине нада митрополитъ... мине... мине не пустятъ до митрополитъ... Пропало, пропало мое дѣтко, мое несчастливое дѣтко!

И онъ вдругъ пустилъ такую ужасающую ноту вопля, что всѣ даже отшатнулись.

Солдатъ зажалъ ему рукою ротъ, но онъ высвободилъ лицо и снова завопилъ съ жидовскою школьною вибраціею.

— Ой Іешу! Іешу Ганоцри! Онъ Тебя обмануть хочетъ: не бери *его* лайдака, мишигинера, плута... Ой, Іешу, на що Тебѣ такой поганецъ.

Услыхавъ, что этотъ жидокъ зоветъ уже Іисуса Христа *), я раздвинулъ толпу. Передо мною было зрѣлище, которое могло напомнить группу съ бѣсноватымъ на рафаэлевской картинѣ «Преображенія», столь всѣмъ извѣстной по превосходной гравюрѣ г. Іордана. Пожилой, лохматый еврей, неопредѣленныхъ лѣтъ, весь мокрый, въ обмерзлыхъ лохмотьяхъ, но съ потнымъ лицомъ, къ которому прилипли его черныя космы, и съ глазами на выкатѣ, выражавшими и испугъ, и безнадежное отчаяніе, и страстную безграничную любовь, и самоотверженіе, незнающее никакихъ границъ.

Его держали за шиворотъ и за локти два здоровенные солдата, въ рукахъ которыхъ онъ корчился и бился, то весь сжимаясь, какъ улитка, то извиваясь ужомъ и всячески стараясь вырваться изъ оковавшихъ его желѣзныхъ объятій.

---

*) «Іешу Ганоцри» по еврейскому произношенію значитъ *Іисусъ Назарянинъ.*

Это ужасающее отчаяніе, и эта фраза: «кто въ Бога вируе», которую я только-что прочелъ въ оригинальной просьбѣ и которую теперь опять слышалъ отъ этого бѣснующагося несчастнаго, явились мнѣ въ общей связи. Мнѣ подумалось:

— Не онъ ли и есть этотъ интролигаторъ? Но только какъ онъ могъ такъ скоро поспѣть вслѣдъ за своимъ прошеніемъ и какъ онъ не замерзъ въ этомъ жалчайшемъ рубищѣ и, наконецъ, что ему надо, что такое онъ лепечетъ въ своемъ ужасномъ отчаяніи то про лавру, то про митрополита, то, наконецъ, про самого Іегошуа Ганоцри *)? И впрямь онъ не помѣшался ли?

И чтобы положить конецъ этой сценѣ, я махнулъ солдатамъ рукою и сказалъ: «пустите его». И лишь только тѣ отняли отъ него свои руки, «сумасшедшій жидъ» метнулся впередъ какъ кошка, которая была заперта въ темномъ шкафѣ и предъ которою вдругъ неожиданно раскрылись дверцы. Чиновники—кто со смѣхомъ, кто въ перепугѣ,—какъ разсыпанный горохъ шарахнулись въ стороны, а жидъ и пошелъ козлякать.

Онъ скакалъ изъ одной открытой двери въ другую, царапался въ закрытую дверь другого отдѣленія, и все это съ воплемъ, съ стонами, съ крикомъ «ай, вай», и все это такъ быстро, что прежде чѣмъ мы успѣли поспѣть за нимъ, онъ уже запрыгнулъ въ присутствіе и гдѣ-то тамъ притаился. Только слышна была откуда-то его дрожь и трепетное дыханіе, но самого его нигдѣ не было видно: словно онъ сквозь землю провалился; трясется и дышитъ и скребется подъ поломъ, какъ тѣнь Гамлета.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Черезъ минуту онъ былъ открытъ: мы нашли его скорачившимся, на полу у угла стола. Онъ сидѣлъ, крѣпко обхвативъ столовую ножку руками и ногами, а зубами дер-

*) Имя «Іисусъ» иногда произносится *Іешу*, иногда *Іегошуа*.

жался за край обшитаго галунами и бахромою краснаго сукна, которымъ былъ покрытъ этотъ столъ.

Можно было подумать, что жидъ считалъ себя здѣсь какъ «въ градѣ убѣжища» и держался за этотъ уголъ присутственнаго стола, какъ за рогъ жертвенника. Онъ укрѣпился очевидно съ такою рѣшительностью, что скорѣе можно было обрубить его судорожно замерзшіе пальцы, чѣмъ оторвать ихъ отъ этого стола. Солдатъ тормошилъ и тянулъ его совершенно напрасно: весь тяжелый длинный столъ дрожалъ и двигался, но жидъ отъ него не отдирался, и въ то же время оралъ немилосердно.

Мнѣ это стало отвратительно, и я велѣлъ его оставить, и послалъ за городовымъ докторомъ; но во врачебной помощи не оказалось никакой надобности. Чуть еврея оставили въ покоѣ, онъ тотчасъ стихъ и началъ копошиться и шарить у себя за пазухой и черезъ минуту, озираясь на всѣ стороны, какъ волкъ на садкѣ, подкрался ко мнѣ и положилъ на столикъ пачку бумагъ, плотно обернутыхъ въ толстой бибулѣ, насквозь пропитанной какою-то вонючею коричневатою, какъ бы сукровистою влагою, чрезвычайно противною.

Неловко признаться, а грѣхъ потаить, я не безъ гадливости развернулъ эти бумаги, которыя были не что иноекакъ документы найма, совершеннаго интролигаторомъ за своего сына.

И такъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что сей «стеня и трясыйся» есть не кто иной, какъ тотъ самый «широко образованный» израелитъ, котораго просьба меня такъ заняла.

Значитъ, мы были уже немножко знакомы.

Не отсылая его отъ себя, я быстро пробѣжалъ привычнымъ глазомъ его вонючія бумаги, и увидалъ, что всѣ онѣ совершены въ должномъ порядкѣ и его наемщикъ, двадцати-двухъ-лѣтній еврей, по всѣмъ правиламъ непререкамо долженъ быть допущенъ къ пріему вмѣсто его маленькаго сына,—даже и деньги всѣ—сто рублей—этому наемщику сполна уплачены.

Но тогда въ чемъ же заключается бѣда этого человѣка и чего ради вся эта его страшная, мучительная тревога, доводящая его до такого подавляющаго, безумнаго отчаянія, похожаго на бѣшенство?

А бѣда была страшная и неотразимая, и интролигаторъ понималъ ее, но еще не во всемъ ея роковомъ и неодолимомъ значеніи.

Я долженъ разсказать: въ чемъ было дѣло.

Наемщикъ интролигатора, какъ выше уже сказано, молодой, но совершеннолѣтній еврей (наниматься дозволялось по закону только совершеннолѣтнимъ), былъ, какъ приходилось думать, большой плутъ. Онъ устроилъ съ бѣднымъ жидкомъ самую коварную, разорительную штуку, и притомъ такъ твердо и основательно разсчитанную и построенную на законѣ, что ее не могла разстроить *никакая законная власть на землѣ*. А разумѣется ни мнѣ, ни интролигатору въ эту пору на мысль не приходило подумать о власти добродѣтельнѣйшаго лица, которое могло изречь рѣшеніе не отъ міра сего,—рѣшеніе, послѣ котораго мірскимъ законовѣдамъ оставалось только исполнить правду, водворенную владычнымъ судомъ милосерднаго Филарета надъ каверзною жидовскою кривдою, пытавшеюся обратить въ игрушку и христіанскую купель и всѣ «предусмотрѣнія закона».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Надо знать, что, по закону, еврея въ рекрутствѣ могъ замѣтить *только еврей*, а ни въ какомъ случаѣ не христіанинъ. Этимъ конечно и объяснялось, что случаи замѣны одного еврейскаго рекрута по найму другимъ евреемъ были необыкновенно рѣдки.

Если военной службы боится и не любитъ всякій простолюдинъ, то еврей отбѣгаетъ ее сугубо, и доброю волею или наймомъ его въ солдатство не заманишь. И какой соблазнъ могла представить еврею сумма въ 300—400 рублей, когда каждый жидокъ, если онъ не совсѣмъ обиженъ при-

родою, всегда можетъ самъ добыть себѣ такую сумму безопаснымъ гешефтомъ? А обиженные природою не годились и въ службу.

Слѣдовательно, желающему отыскать наемщика оставалось только найти гдѣ-нибудь какого-нибудь забулдыгу, который бы, отъ некуда дѣться, согласился наняться въ военную службу. Но такіе экземпляры въ еврейской средѣ всегда рѣдки.

Однако интролигаторъ, на свое счастіе и несчастіе, нашелъ эту рѣдкость; но что это былъ за человѣкъ?—Это былъ въ своемъ родѣ замѣчательный традиціонный жидовскій гешефтистъ, который въ актѣ найма усмотрѣлъ превосходный способъ обдѣлывать дѣла, путемъ разоренія ближняго и профанаціи религіи и закона. И что всего интереснѣе, онъ хотѣлъ все это продѣлать у всѣхъ на глазахъ и, такъ-сказать, ввести въ употребленіе новый, до него еще неизвѣстный и чрезвычайно выгодный пріемъ—издѣваться надъ религіею и закономъ.

Этотъ штукарь былъ одинъ изъ подмастерьевъ дамскаго портного «кравца» Давыдки, бывшаго въ то время для Кіева тѣмъ самымъ, что нынѣ парижскій Вортъ для всего, такъ-называемаго, «образованнаго свѣта». Подмастерье этотъ былъ за какія-то художества прогнанъ съ мѣста и высланъ изъ Кіева. Шатаясь безъ занятій, изъ города въ городъ «золотой Украйны», онъ попался интролигатору въ ту горячую пору, когда этотъ послѣдній велъ отчаянную борьбу за взятаго у него ребенка, и наемъ состоялся; но состоялся не спроста, какъ это водилось у всѣхъ крещеныхъ людей, а съ хитрымъ подвохомъ и заднею мыслію, которую кравецъ, разумѣется, тщательно скрывалъ до тѣхъ поръ, пока ему настало время дѣйствовать. Онъ нанялся за интролигаторскаго сына цѣною за четыреста рублей, но съ тѣмъ, чтобы условіе было писано между ними всего только на сто рублей, а триста даны ему впередъ, безъ всякихъ формальностей. Это впрочемъ не заключало въ себѣ ничего необычайнаго, такъ какъ сдѣлки безъ законныхъ формаль-

ностей, или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ ихъ нарушеніемъ и обходомъ—въ натурѣ евреевъ.

Интролигаторъ, нужда котораго была такъ безотложна, не спорилъ съ наемщикомъ и сразу согласился на всѣ его условія. Онъ сейчасъ же продалъ за двѣсти рублей «*домъ* и всю худобу», — словомъ все, что имѣлъ, и за триста закабалился кабальною записью работать какому-то богатому еврею. Словомъ, какъ говорятъ, «обовязался» вокругъ, — и триста рублей «кравцу» были выданы. Затѣмъ наскоро были написаны всѣ бумаги, и интролигаторъ послалъ по почтѣ описанную мною въ началѣ моего разсказа просьбу, а потомъ и самъ поскакалъ вслѣдъ за нею въ Кіевъ со всѣми остальными бумагами и съ своимъ наемщикомъ. Тутъ его и сторожила бѣда: это былъ крайній моментъ, дальше котораго наемщикъ не могъ продолжать своихъ прямыхъ отношеній къ нанимателю и открылъ игру. Дорогою «на покормѣ» въ какомъ-то бѣлоцерковскомъ «заѣздѣ», онъ *исчезнулъ со стодола.*

Дойдя до этой точки своего разсказа, мой жидокъ опять взвылъ и опять потерялъ даръ слова и насилу-насилу могъ досказать остальное, что впрочемъ было весьма коротко и просто. Улучивъ минуту когда наниматель торговался за какіе-то припасы, а сторожъ зазѣвался, кравецъ ударилъ на другой стодолъ къ знакомому «балагулѣ» *), взялъ, не торгуясь или посуливъ щедрую плату, четверку подчегарыхъ, легкихъ и быстрыхъ жидовскихъ коней и укатилъ въ Кіевъ — *креститься.*

Ужаснѣе этого для интролигатора ничего не могло быть, потому что съ этимъ рушилось все его дѣло: онъ былъ ограбленъ, одураченъ и, что называется, безъ ножа зарѣзанъ. У него пропадалъ сынъ и погибло все его состояніе, такъ какъ объявившій желаніе креститься кравецъ сразу квитовалъ этимъ свое обязательство служить за еврея, данное прежде намѣренія, о которомъ одно заявленіе уже

*) Извозчикъ, содержатель брикъ.

ставило его подъ особенное покровительство закона и христіанскихъ властей.

Самое безтолковое изложеніе этого обстоятельства для меня было вполнѣ достаточно, чтобы понять всю горечь отчаянія разсказчика и всю невозможность какой бы то ни было для него надежды на чье бы то ни было заступленіе и помощь. Но въ дѣлѣ этомъ были еще осложненія, силу и значеніе которыхъ могъ настоящимъ образомъ понимать только человѣкъ не совсѣмъ чуждый нѣкоторымъ общественнымъ комбинаціямъ.

Интролигаторъ, всхлипывая и раздирая свой «лапсардакъ» *), сообщилъ мнѣ, что онъ очень долго искалъ своего кравца по Бѣлой-Церкви. Путаясь изъ стодола въ стодолъ съ различными «мишурисами», которые умышленно давали ему фальшивыя свѣдѣнія и водили его изъ двора во дворъ, чтобы схватить «хабара» и проволочь время, онъ истратилъ на это безполезно почти цѣлый день, который у бѣглеца не пропалъ даромъ. Когда интролигаторъ, послѣ долгой суеты и бѣгства по Бѣлой-Церкви и потомъ по Кіеву напалъ на заметенный лисьимъ хвостомъ волчій слѣдъ своего бѣглеца, тотъ уже спокойно сидѣлъ за лаврской стѣною и готовился къ принятію св. крещенія.

Ясно было, что этотъ плутъ задумалъ разорить своего контрагента посредствомъ профанаціи христіанской купели; но какъ можно было обличить и доказать его неискренность и преступное кощунство? Кто за это возьмется, когда законъ на сторонѣ этого «оглашеннаго» и на его же сторонѣ были силы, которыя мнились тогда еще сильнѣе закона. Хитрый жидъ, проживая годъ тому назадъ у кіевскаго Ворта, усвоилъ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о слабостяхъ, такъ и о силѣ и значеніи нѣкоторыхъ лицъ, важныхъ не столько по ихъ собственному офиціальному положенію, сколько по ихъ вліянію на лицъ важнаго офиціаль-

*) Лапсардакъ, — коротенькая кофта съ установленнымъ числомъ завязокъ и бахромочекъ. Талмудисты носятъ этотъ «жидовскій мундиръ» подъ верхнимъ платьемъ.

наго положенія. Такимъ лицомъ тогда по преимуществу была супруга покойнаго генералъ-губернатора князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова, княгиня Екатерина Алексѣевна (рожденная княжна Щербатова), о которой я уже упоминалъ выше. Она тогда была въ какомъ-то удивительно напряженномъ христіанскомъ настроеніи, которое было преисполнено благихъ намѣреній; но всѣмъ этимъ намѣреніямъ, какъ большинству всѣхъ благихъ намѣреній великосвѣтскихъ патронессъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ недоставало одного: серьезности и практичности, безъ коихъ всѣ эти намѣренія часто приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы... Это что-то роковое, въ родѣ ироніи судебъ.

Религіозность княгини была совсѣмъ не въ жанрѣ нынѣшней великосвѣтской религіозности, заключающейся преимущественно въ погонѣ за «оправданіемъ вѣрою»; нѣтъ: княгиня Екатерина Алексѣевна искала оправданія «дѣлами» и надѣлала ихъ столько, что авторъ «Опыта изслѣдованія о доходахъ и имуществахъ нашихъ монастырей» долженъ былъ дать ей очень видное мѣсто. Послѣ княгини Анны Алексѣевны Орловой, княгиня Васильчикова оказывается самою крупною изъ титулованныхъ монастырскихъ строительницъ. Она была фундаторкою весьма нынѣ извѣстнаго общежительнаго близъ Кіева монастыря, который, по изслѣдованію г. Ростиславова, владѣетъ, благодаря щедрости княгини, тридцатью шестью верстами земли и угодьями, которыхъ не описалъ г. Ростиславовъ. Но прежде, чѣмъ оказывать такое благодѣяніе вновь устроивавшемуся монастырю «старца Іоны», княгиня была извѣстна въ Кіевѣ, какъ филантропка. Подъ ея покровительствомъ Кіевъ ознакомился со всѣми пріемами современной общественной благотворительности; при ней тамъ пошли въ ходъ лотереи, концерты, балы, маскарады и спектакли въ пользу бѣдныхъ. Словомъ, при ней и благодаря ей, «широко развилась» вся та sui generis «христіанская» благотворительность, которая во многихъ своихъ чертахъ въ наше время получила уже должную критическую оцѣнку, но однако и

до сихъ поръ практикуется обществомъ, потерявшимъ сознаніе о прямыхъ путяхъ истиннаго христіанскаго милосердія.

Одновременно съ заботами о благотвореніи посредствомъ учрежденія различныхъ общественныхъ забавъ, княгиня получила большое влеченіе къ улучшенію нравовъ и распространенію христіанской вѣры. Здѣсь она была даже, кажется, оригинальнѣе и смѣлѣе всѣхъ великосвѣтскихъ патронессъ Петербурга, что, можетъ быть, слѣдуетъ приписать ея первенствующему и въ нѣкоторомъ отношеніи полновластному значенію въ Кіевѣ, который съ любопытствомъ и съ нѣкотораго рода благоговѣйнымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на затѣи «своей княгини».

Послѣ целибата, царствовавшаго въ генералъ губенаторскомъ домѣ въ бибиковское время, появленіе тамъ женщины, не отказывавшей себѣ въ удовольствіи дать обществу почувствовать ея присутствіе, вліяніе ея было очень замѣтно, и прежде всего оно вызвало въ дамскомъ кругу довольно сильную ей подражательность.

Съ виду все это, пожалуй, какъ будто походило на что-то живое и даже очень полезное, но потомъ многіе начали понимать и толковать объ этомъ иначе; но не въ этомъ дѣло: благотворенія и морализація были такъ сильны, что даже изъ «магдалинскаго пріюта» для *кающихся* проститутокъ одно время было признано полезнымъ выдавать «магдалинокъ» замужъ за солдатъ. Этимъ путемъ хотѣли «не дозволить псу возвратиться на свою блевотину». Княгиня принимала самое теплое участіе въ устройствѣ этихъ браковъ и даже давала *невѣстамъ* приданое, имѣвшее для солдатиковъ свою притягательную силу. Они женились на «магдалинкахъ», конечно, всего менѣе заботясь о глубинѣ и искренности ихъ раскаянія, «лишь бы получить сто рублей и кой-что изъ одежи». Затѣмъ, разумѣется, утѣшивъ княгиню актомъ своего бракосочетанія и воспользовавшись тѣмъ, чѣмъ каждый изъ супруговъ считалъ удобнымъ для себя воспользоваться, они се-

парировались и расходились «кійждо во свояси»... Анекдоты при этомъ случались самые курьезные. «Псы» опять возвращались на свою блевотину, но только саморазвратъ замѣнялся развратомъ «по согласу», съ мужняго позволенія. Словомъ, по проніи судьбы надъ аристократическою неумѣлостью и непониманіемъ, «послѣдняя быша горше первыхъ». Бывали случаи, что супругъ-солдатъ съ самаго своего свадебнаго пира самъ отпускалъ свою новобрачную супругу къ одному изъ шаферовъ, въ числѣ коихъ бывали «люди благородные», принимавшіе на себя шаферскія обязанности, чтобы «быть на виду», угождая княгинѣ участіемъ въ ея гуманныхъ затѣяхъ.

Женатыхъ такимъ образомъ солдатиковъ трудно строго и винить за то, что они такъ охотно сбывали съ рукъ полученныхъ ими избалованныхъ женъ. Куда ему, бѣдняку, въ его суровомъ положеніи, *такая жена*, съ ея отвычкою отъ всякаго тяжелаго труда и съ навыкомъ ко всякому «баловству»?

Солдатикъ, женившійся на проституткѣ всего чаще по иниціативѣ начальства, желавшаго доставить субъекта, нужнаго для предположенной княгинею «магдалининой свадьбы», подчинялся своему року и бралъ то, что ему на что-нибудь годилось: а жену, обвыкшую «ѣсть курку съ масломъ и пить сладкое вино», сидя на офицерскихъ колѣняхъ, пускалъ на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ та и выбирала любую, т.-е. ту самую, съ которой она была больше освоена, и гдѣ она надѣялась легче зарабатывать сумму, какую обѣщала платить мужу, пустившему ее «по согласу».

Таковы были «ироническіе» результаты этой игрушечной затѣи сентиментальной и мечтательной морализаціи, которая, впрочемъ, довольно скоро надоѣла и съ нею покончили.

Гораздо упорнѣе были заботы о крестительствѣ, но, къ сожалѣнію, и тутъ тоже довольно часто выходили своего рода печальные курьезы. Ревностью княгини въ этомъ родѣ полнѣе всѣхъ злоупотребляли малосовѣстливые люди,

являвшіеся съ притворною жаждою крещенія изъ той низменной среды еврейскихъ обществъ, которая больше всѣхъ терпитъ и страдаетъ отъ ужасной кагальной неправды жидовскихъ обществъ. Нигдѣ не находя защиты отъ царящей здѣсь деморализаціи, эти люди сами деморализуются до того, что, по мѣстному выраженію, «мѣняютъ вѣру, якъ цыганъ коняку». Въ этомъ-то отребіи, къ которому принадлежалъ по своему положенію и наемщикъ нашего интролигатора, и выработалась особая практика для эксплоатаціи крестительскаго рвенія княгини, къ которой, по установившемуся у бѣдныхъ жидковъ повѣрью, «стоило только *удаться*», и уже тогда никто не смѣетъ тронуть, хоть бы «увесь законъ *пенькнулъ*« (треснулъ).

Въ такомъ мнѣніи, возникшемъ у смышленыхъ евреевъ, едва ли все было преувеличеніемъ. По крайней мѣрѣ не одни жидки, а и многіе изъ очень просвѣщенныхъ христіанъ такъ называемаго «высшаго» кіевскаго общества въ то время гораздо менѣе серьезно освѣдомлялись о томъ: какъ хочетъ князь, чѣмъ о томъ,—чего угодно княгинѣ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Замотавшійся и потомъ попавшій въ рекруты подмастерье портного Давыдки, всеконечно, имѣлъ довольно вѣрныя понятія о генеральномъ положеніи дѣлъ въ Кіевѣ. И вотъ онъ задумалъ воспользоваться и безнаказанно разорить и погубить подвернувшагося ему интролигатора.

Взялся онъ за это превосходно: въ то самое время, когда его наниматель сочинялъ свою извѣстительную бумагу о наймѣ и просилъ подождать съ пріемомъ въ рекруты его ребенка, портной написалъ жалостное письмо къ одной изъ весьма извѣстныхъ тоже въ свое время кіевскихъ патронессъ. Это была баронесса Б., очень носившаяся съ своею внѣшнею религіозностью. Хитрый жидокъ изложилъ ей различныя невзгоды и гоненія отъ общества, терпя которыя онъ дошелъ до такой крайности, что даже рѣшился-

было самъ поступить въ рекруты, но тутъ его будто вдругъ внезапно озарилъ новый свѣтъ, онъ вспомнилъ о благодѣяніяхъ, какія являютъ *высокіе христіане* тѣмъ, которые идутъ къ истинной «крещеной вѣрѣ», и хочетъ креститься. А потому, если ему удастся бѣжать отъ сдатчика, то онъ скоро явится въ Кіевъ и проситъ немедленно скрыть его отъ гонителей,—помѣстить въ монастырь и какъ можно скорѣе окрестить. Если же ему не удастся бѣжать, то защитить его какимъ-нибудь другимъ образомъ и привести его «въ крещеную вѣру»,—о чемъ онъ и просилъ довести до свѣдѣнія ея сіятельства, княгини Екатерины Алексѣевны, на апостольскую ревность которой онъ возверзалъ всѣ свои надежды, и молилъ ее утолить его жажду христіанскаго просвѣщенія.

Этого было слишкомъ довольно: получивъ такое посланіе, дававшее баронессѣ поводъ побывать во многихъ мѣстахъ и у многихъ лицъ, къ которымъ она находила отрадное удовольствіе являться съ своими апостольскими хлопотами, она сразу же заручилась самымъ энергическимъ участіемъ княгини и могла дѣйствовать ея именемъ на всѣхъ тѣхъ особъ, которымъ нельзя было давать прямыхъ приказаній. О тѣхъ же, которымъ можно было приказывать, разумѣется нечего было и заботиться.

Словомъ, въ одно утро дѣло этого проходимца было улажено баронессою такъ, что жидку только стоило появиться къ кому-нибудь изъ многихъ лицъ, о немъ предупрежденныхъ—и онъ спасенъ.

Лучше этого положенія для него ничего нельзя было желать и придумать; а между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, сами обстоятельства такъ благопріятствовали этому затѣйнику, что онъ преблагополучно исполнилъ и вторую часть своей программы, т.-е. самымъ удобнымъ образомъ сбѣжалъ отъ своего контрагента, заставивъ его напрасно провести цѣлый день въ тщетныхъ поискахъ его по разнымъ «заяздамъ» и другимъ угламъ Бѣлой-Церкви,—этого самаго безалабернаго послѣ Бердичева жидовскаго притона.

Пока совсѣмъ потерявшійся и обезумѣвшій интролигаторъ явился въ своихъ растрепанныхъ чувствахъ въ Кіевъ, гдѣ вдобавокъ не зналъ, къ кому обратиться и гдѣ искать своего наемщика, тотъ, подъ покровомъ самыхъ лучшихъ рекомендацій, уже кушалъ монастырскую рыбку и отдыхалъ отъ понесенныхъ треволненій въ теплой кельѣ у одного изъ иноковъ лавры, которому было поручено какъ можно неупустительнѣе приготовить его къ святому крещенію.

Интролигаторъ, сообщавшій мнѣ всю эту курьезную исторію, среди прерывавшихъ его воплей и стоновъ, разсказывалъ и о томъ: какъ онъ разузналъ, гдѣ теперь его «злодѣй»; разсказывалъ и о томъ: гдѣ онъ сколько роздалъ «грошей» мірянамъ и немірянамъ,—какъ онъ разъ «ледви не утопъ на Глыбочицѣ», разъ «ледви не сгорѣлъ» въ лаврской хлѣбопекарнѣ, въ которую проникъ Богъ вѣдаетъ какимъ способомъ. И все это было до крайности образно, живо, интересно и, въ одно и то же время, и невыразимо трогательно и уморительно смѣшно, и даже трудно сказать—болѣе смѣшно, или болѣе трогательно.

Однако, благодаря Бога, ни у меня, сидѣвшаго за столомъ, предъ которымъ жалостно вылъ, метался и рвалъ на себѣ свои лохмотья и волосы этотъ интролигаторъ, ни у глядѣвшихъ на него въ растворенныя двери чиновниковъ не было охоты надъ нимъ смѣяться.

Всѣ мы, при всемъ нашемъ несчастномъ навыкѣ къ подобнаго рода горестямъ и мукамъ, казалось, были поражены страшнымъ ужасомъ этого неистоваго страданія, вызвавшаго у этого бѣдняка *кровавый потъ*.

Да, эта вонючая сукровичная влага, которою была пропитана рыхлая обертка поданныхъ имъ мнѣ бумагъ, и которою смердѣли всѣ эти «документы», была не что иное, какъ *кровавый потъ*, который я въ этотъ единственный разъ въ моей жизни видѣлъ своими глазами на человѣкѣ. По мѣрѣ того, какъ этотъ «ледеви не утопшій и ледеви не сгорѣвшій» худой, изнеможенный жидъ размерзался

и размокалъ въ теплой комнатѣ, его лобъ, съ прилипшими къ нему мокрыми волосами, его скорченныя, какъ бы судорожно теребившія свои лохмотья, руки и особенно обнажившаяся изъ-подъ разорваннаго лапсардака грудь, — все это было точно покрыто тонкими ссадинами, изъ которыхъ, какъ клюквенный сокъ сквозь частую кисею, проступала и сочилась мелкими росистыми каплями красная влага... Это видѣть ужасно!

Кто никогда не видалъ этого *кроваваго пота*, а такихъ, я думаю, очень много, такъ какъ есть значительная доля людей, которые даже сомнѣваются въ самой возможности такого явленія,—тѣмъ я могу сказать, что я его *самъ* видѣлъ и что это невыразимо *страшно*.

По крайней мѣрѣ это росистое клюквенное пятно на предсердіи до сихъ поръ живо стоитъ въ моихъ глазахъ, и мнѣ кажется, будто я видѣлъ сквозь него отверстое человѣческое сердце, страдающее самою тяжкою мукою,—мукою отца, стремящагося спасти своего ребенка... О, еще разъ скажу: это ужасно!

Пышные бѣлокурые волосы послѣдней шотландской королевы, мгновенно посѣдѣвшіе въ короткое время, когда «джентельмены дѣлали ея туалетъ» и укладывали страдалицу на плаху въ большой залѣ Фодрайнгенскаго замка, не могли быть страшнѣе этого пота, которымъ потѣлъ этотъ отецъ, бившійся изъ-за спасенія своего ребенка.

Я невольно вспомнилъ кровавый потъ Того, Чья праведная кровь оброкомъ праотцевъ низведена на чадъ отверженнаго рода, и собственная кровь моя прилила къ моему сердцу и потомъ быстро отхлынула и зашумѣла въ ушахъ.

Всѣ мысли, всѣ чувства мои точно что-то понесли, что-то потерпѣли въ одно и то же время и мучительное, и сладкое. Передо мною, казалось, стоялъ не просто человѣкъ, а какой-то кровавый, историческій символъ.

Я тогда былъ не совсѣмъ чуждъ нѣкотораго мистицизма, въ которомъ, впрочемъ, не все склоненъ отвергать и по-

нынѣ (ибо, — да простятъ мнѣ ученые богословы, — я не знаю *вѣры*, совершенно свободной отъ своего рода мистицизма). И не знаю я, подъ вліяніемъ ли этого «вѣянія» или почему другому, но только въ эти минуты въ моей усталой головѣ, оторванной отъ лучшихъ мыслей, въ которыхъ я прожилъ мое отрочество, и теперь привлеченной къ занятіямъ, которыя были мнѣ не свойственны и противны, произошло что-то, почти могу сказать, таинственное или по крайней мѣрѣ мнѣ совсѣмъ непонятное. Эта исторія, въ которой мелкое и мошенническое такъ перемѣшивалось съ драматизмомъ родительской любви и вопросами религіи; эта суровая казенная обстановка огромной полутемной комнаты, каждый кирпичъ которой навѣрно можно было бы размочить въ пролившихся здѣсь родительскихъ и дѣтскихъ слезахъ; эти двѣ свѣчи, горѣвшія, какъ горѣли тамъ, въ томъ гнусномъ судѣ, гдѣ онѣ замѣняли свидѣтелей; этотъ ветхозавѣтный семитическій типъ искаженнаго муками лица, какъ бы напоминавшій все племя мучителей Праведника, и этотъ зовъ, этотъ вопль «Іешу! Іешу Ганоцри, отдай мнѣ его парха!» — все это потрясло меня до глубины души... Я, кажется, могъ бы сказать даже, — до своего рода отрѣшенія отъ дѣйствительности и потери сознанія... Вправду, сколько могу помнить, это было одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ состояній, которыя съ такою ясностью и мастерствомъ описываетъ епископъ Ѳеофанъ въ своихъ превосходныхъ «Письмахъ о духовной жизни». Самыя размышленія мои съ этихъ поръ стали чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ «предстояній ума въ сердцѣ», о которыхъ говоритъ приведенный мною достопочтенный авторъ. Отчаянный отецъ съ вырывающимся наружу окровавленнымъ сердцемъ — человѣкъ изъ племени, принявшаго на себя кровь Того, Котораго онъ зоветъ: «Іешу...» Кто его разберетъ, какой духъ въ немъ качествуетъ, заставляя его звать и жаловаться «Ганоцри?»

Мои наэлектризованные нервы такъ работали, что мнѣ стало казаться, будто въ этой казенной камерѣ дѣлается

что-то совсѣмъ не казенное. Уже не услыхалъ ли *Онъ* этотъ вопль сына Своихъ враговъ, не увидалъ ли *Онъ* его растерзанное сердце и... не идетъ ли *Онъ* взять на Свое святое рамо эту несчастную овцу, можетъ-быть невзначай проблеявшую Его имя?

И я вдругъ забылъ, что̀ мой тмотской умъ надумалъ было сказать этому еврею; а я хотѣлъ сказать ему вотъ что: чтобы и онъ, и его сынъ сдѣлали то же самое, что сдѣлалъ ихъ коварный наемщикъ, т.-е. чтобы и они просили себѣ крещенія. Взаправду, что̀ имъ мѣшало къ этому обратиться, тѣмъ болѣе, что этотъ отецъ, призывающій и «Іешу Ганоцри», во всякомъ случаѣ ближе ходилъ отъ Сына Божія, чѣмъ тотъ проказникъ, который взялся на глазахъ у всѣхъ сплутовать вѣрою.

Что̀ бы изъ этого вышло, если бы еврей принялъ мою мысль? Какая задача явилась бы административной практикѣ, какой казусъ для законниковъ и... какой соблазнъ для искреннихъ чтителей святой вѣры!

А иного способа я не видѣлъ для ихъ спасенія, конечно потому, что забывалъ о Томъ, Чья мѣра шире вселенной и Чьи всѣ суды благи.

Мнѣ въ голову не приходило, что можетъ-быть послѣ словъ моихъ вышло бы совсѣмъ не то, чего могъ ждать я, — можетъ-быть этотъ жидъ, зовущій теперь «Ганоцри», услышавъ мое слово, ударился бы въ другую крайность отчаянія и сталъ бы порицать имя, теперь имъ призываемое, и издѣваться надъ тѣмъ приспособленіемъ, которое давало вѣрѣ мое ребяческое легкомысліе.

Да, ничего этого не было въ моей головѣ, но зато ее посѣтило забвеніе. Память вдругъ отяжелѣла, какъ окунутая въ воду птица, и не хотѣла летать ни по какимъ верхамъ, а спряталась въ какую-то густую тишь—и я не сказалъ опрометчиваго слова, которое уже шевелилось у меня на устахъ, и всегда радуюсь, что этого не сказалъ. Иначе я поступилъ бы дурно, и это вѣроятно лишило бы меня самаго отраднѣйшаго случая видѣть одно изъ удивитель-

ныхъ проявленій Промысла Божія, среди полнѣйшей немощи человѣческой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Умъ въ сердцѣ» велѣлъ мнѣ просто-напросто молчать и отойти отъ этого расщепленнаго грозою страданія пня, которому возвратить жизнь могъ развѣ только самъ Начальникъ жизни.

И какъ Онъ возвратилъ ему ее! Въ какомъ благоуханномъ цвѣту, съ какою дивной силой прелести христіанскаго бытія! Но это все было послѣ, — гораздо, гораздо послѣ, при обстоятельствахъ, о которыхъ и не воображалось въ эту минуту, которую я описываю. Тогда мнѣ стало только сдаваться, что все это, чѣмъ мы здѣсь волновались, будетъ совсѣмъ не такъ, какъ я думаю. «Умъ въ сердцѣ» успокоительно внушалъ, что это уже рѣшено какъ сдѣлать, и что для того, дабы рѣшенное свершилось, всего благопристойнѣе теперь ничего своего не установлять, а дѣлать то, что̀ будетъ указано. Всего болѣе нужно тишины и тишины; чтобы соблюсти эту потребность въ тишинѣ, которая безпрестанно угрожала снова разразиться стономъ, воплями и шумной расправой съ обезумѣвшимъ евреемъ, я, не говоря никому ни слова, всталъ, молча вышелъ въ переднюю, молча надѣлъ свою шубу и поскорѣе уѣхалъ.

Пожалуй, иному это можетъ показаться эгоистической уверткой, — лишь бы не видать расправы съ жидомъ, съ которымъ въ мое отсутствіе навѣрно станутъ расправляться еще безцеремоннѣе; но поистинѣ меня водили совсѣмъ не эти соображенія. Почему мнѣ казалось за наилучше поступить такимъ образомъ, — я не знаю; но вышло, что это дѣйствительно было самое наилучшее, что̀ только я могъ сдѣлать.

Помню, какъ сейчасъ, эту морозную и ясную ночь, съ высоко стоявшимъ на кіевскомъ небѣ мѣсяцемъ. Красивый и тогда еще довольно патріархальный городъ, не знавшій, до генералъ-губернаторства Н. Н. Анненкова, ни «шатоде-

флеровъ», ни другихъ всенощныхъ гульбищъ, уже затихъ и спалъ; съ высокой колокольни лавры гудѣлъ ея пріятный звонъ къ заутренѣ. Значитъ, была полночь. Моя прозябшая рыженькая лошадка неслась быстро, такъ что молодой кучеренокъ Матвѣй, изъ своихъ орловскихъ крѣпостныхъ, едва могъ держать озябшими руками туго-натянутыя возжи, и тутъ вдругъ на поворотѣ у «царскаго сада», что-то мелькнуло,—человѣкъ не человѣкъ, и собака, какъ будто не собака, а что-то такое, отъ чего моя немного пугливая лошадь шарахнулась въ сторону, и мы съ кучеромъ оба чуть не вылетѣли изъ санокъ.

И съ этихъ поръ, это «что-то» такъ и пошло мелькать и шмыгать то за мною, то передо мною: то исчезнетъ гдѣ-то въ тѣни, то опять неожиданно выскочитъ на поворотѣ, перебѣжитъ освѣщенную луною улицу и опять испугаетъ лошадь, которая уже начала бѣситься и еще нѣсколько разъ насъ чуть не выкинула. Понять нельзя, что это за нежить мечется, и въ заключеніе, только что я остановился у подъѣзда моей квартиры, близъ церкви св. Андрея,—это «*оно*», эта нежить опять словно тутъ и была... Но что же это такое? — А это былъ опять *онъ*, опять мой интролигаторъ, и въ томъ же самомъ растерзанномъ видѣ, и съ тѣмъ же кровавымъ потомъ на голой холодной груди... Ему вѣрно не было холодно, сердце насквозь горѣло.

Онъ теперь не кричалъ и не охалъ, а только не отставалъ отъ меня, точно моя тѣнь, и, какъ вы видите, не уступалъ даже для этого въ быстротѣ моей лошади.

Куда его было дѣть? — Прогнать — жестоко; пустить къ себѣ?.. Но какой въ этомъ смыслъ? Вѣдь уже сказано, что я ему ничего не могъ сдѣлать, а онъ только надоѣстъ... И притомъ я, къ стыду моему, былъ немножечко брезгливъ, а отъ него такъ противно пахло этимъ кровавымъ потомъ.

Я такъ и не рѣшилъ, что̀ сдѣлать,—вошелъ въ переднюю, а онъ за мною; я въ кабинетъ — а онъ сюда по пятамъ за мною... Видно сюда ему былъ указанъ путь, и я ему уже рѣшилъ не мѣшать: мнѣ вздумалось велѣть напоить

его чаемъ и потомъ отослать его спать на кухню; но прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать объ этомъ моему человѣку, тотъ началъ мнѣ сообщать, что ко мнѣ заходилъ и оставилъ мнѣ записку Андрей Ивановичъ Друкартъ, одинъ изъ весьма почтенныхъ и дѣловыхъ людей генералъ-губернаторскаго управленія. Онъ состоялъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Васильчиковѣ и очень недавно скончался въ должности сѣдлецкаго вице-губернатора, по которой принималъ участіе при окончательномъ уничтоженіи уніи.

Помимо служебной дѣловитости, Друкартъ въ тѣ годы нашей жизни былъ превосходный чтецъ въ драматическомъ родѣ и даровитѣйшій актеръ. Я не слыхалъ никого, кто бы читалъ шекспировскаго Гамлета лучше, какъ читывалъ его Друкартъ, а гоголевскаго городничаго въ Ревизорѣ онъ исполнялъ кажется не хуже покойнаго Ив. Ив. Сосницкаго въ наилучшую пору развитія сценическихъ силъ этого артиста.

Благодаря такого рода талантливости, покойный Друкартъ исполнялъ не только порученія князя, но имѣлъ временныя порученности и отъ всевластной у насъ княгини. А княгинѣ какъ разъ въ эту пору нужны были деньги для какихъ-то ея благотворительныхъ цѣлей, и она поручила Друкарту устроить въ городскомъ театрѣ спектакль въ пользу бѣдныхъ.

Я тоже всегда читалъ, по общему мнѣнію, довольно недурно и былъ удовлетворительнымъ актеромъ; а потому, при смѣтѣ сценическихъ силъ, которыя долженъ былъ сгруппировать и распредѣлить Друкартъ, явился и я на счету.

Друкартъ писалъ мнѣ, что такъ какъ я и, бывшій тогда въ Кіевѣ стряпчимъ, г. Юровъ—оба одного роста и другъ съ другомъ схожи, то мы «непремѣнно должны» играть въ предстоящемъ спектаклѣ Добчинскаго и Бобчинскаго.

При моей тогдашней усталости и недосугѣ это было просто напасть, и я, съ негодованіемъ отбросивъ письмо моего добраго пріятеля, рѣшилъ въ умѣ встать завтра какъ

можно пораньше и прежде присутствія заѣхать въ канцелярію генералъ-губернатора къ Друкарту, съ тѣмъ, чтобы урезонить его освободить меня отъ затѣвавшагося спектакля.

Въ этомъ размышленіи, хлебнувъ глотокъ изъ поданнаго мнѣ стакана горячаго чаю, я снова вспомнилъ о своемъ несчастномъ жидѣ, и очень удивился, что его уже не вижу. А онъ бѣднякъ тѣмъ временемъ уже спалъ, свернувшись кольцомъ на раскинутой между шкафомъ и дверью козьей шкурѣ, на которой обыкновенно спала моя охотничья собака. Они лежали оба рядомъ, и довольно строгій песъ, вообще не любившій жидовъ, на этотъ разъ какъ будто нашелъ нужнымъ измѣнить свои отношенія къ этому племени. Онъ какъ будто чувствовалъ своимъ инстинктомъ, что возлѣ него пріютилось самое горемычное горе, которое нельзя отгонять...

Я былъ доволенъ и жидомъ, и собакой, и оставилъ ихъ дѣлить до утра одну подстилку, а самъ легъ въ мою постель въ состояніи усталости отъ впечатлѣній, которыхъ было немилосердно много: жидъ наемщикъ, бѣлоцерковскій стодолъ, лавра, митрополитъ, дикіе стоны и вопли, имя Іешу, молчаливый князь и настойчивая княгиня съ ея всевластнымъ значеніемъ, мой двойникъ стряпчій Юровъ и Бобчинскій съ Добчинскимъ; необходимость и невозможность отъ всего этого отбиться, и вдругъ... какое-то тихое предсонное воспоминаніе о моей старой нянѣ, болгаркѣ Маринѣ, которую всѣ почему-то называли «туркинею»... И она всѣхъ пересиливаетъ: стоитъ надо мною, трясетъ старушечьимъ повойникомъ да ласково шепчетъ: «Спи дитя, спи:—Христосъ пристанетъ и пастыря приставитъ»... И вообразите себѣ, что вѣдь все это было кстати!—Да; все это, что представляло такой пестрый и нескладный сборъ понятій, оказалось нужнымъ,—во всемъ этомъ будничномъ хаосѣ были всѣ необходимые элементы для того, чтобы устроился удивительно праздничный случай, который по его неожиданности и маловѣроятности мнѣ такъ и хочется назвать *чудеснымъ*.

Мы съ интролигаторомъ отсыпались передъ такою неравною и опасною битвою, отъ которой всякій разсудительный человѣкъ непремѣнно бы заранѣе отказался, если бы намъ не было даровано благодѣтельное невѣдѣніе грядущаго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Утро, которое должно было показать себя мудренѣе вчерашняго вечера, взошло въ свои урочные часы, въ свѣтлости, достойной какого-нибудь болѣе торжественнаго событія. Это было одно изъ тѣхъ прекрасныхъ украинскихъ утръ, когда солнышко съ удивительною и почти неизвѣстною въ сѣверной полосѣ силою пробуетъ власть свою надъ морозцемъ. Ночь всю держитъ стужа и къ разсвѣту она даже еще болѣе злится и грозитъ днемъ самымъ суровымъ; но чуть лишь Фебъ выкатитъ на небо въ своей яркой колесницѣ,—всѣ страхи и никнутъ: небо горитъ розовыми тонами, въ воздухѣ такъ все и заливаетъ нѣжная, ласкающая мягкость, снѣгъ на освѣщенныхъ сторонахъ кровель подъ угрѣвомъ улетаетъ какъ паръ. Картина тогда напоминаетъ блѣдную двуличневую матерію съ яркимъ отливомъ. Въ то самое время, какъ тѣневая сторона улицъ и зданій вся покрыта оледенѣлою корою, другая, обогрѣтая солнцемъ—таетъ; кровли блестятъ и дымятся испаряющеюся влагою; звучно стучатъ, падая сверху и снова въ тѣни замерзая внизу капели; и воробьевъ, этихъ проворныхъ, живыхъ и до азарта страстныхъ къ заявленію своего жизнелюбія птичекъ, вдругъ появляется такая бездна, что можно удивляться: откуда они берутся? Еще вчера они совсѣмъ не были замѣтны и вдругъ, точно мошки въ погожій вечеръ, сразу явились повсюду. Ихъ веселымъ крикливымъ чириканьемъ полонъ весь воздухъ; они порхаютъ, гоняясь одинъ за другимъ по оттаявшимъ вѣтвямъ деревьевъ, и сыплютъ внизъ иней съ тѣхъ мерзлыхъ вѣтокъ, которыя остаются въ своемъ серебристомъ зимнемъ уборѣ.

Гдѣ ни проталина, тамъ цѣлый клубъ этой крикливой и шумной пернатой дребезги, но всего больше ихъ на обогрѣтыхъ сторонахъ золоченыхъ крышъ храмовъ и колоколенъ, гдѣ всего ярче горитъ и отражается солнце. Тутъ заводится цѣлое интернаціональное птичье собраніе: по карнизамъ, распушивъ хвосты и раскидывая попеременно то одно, то другое крылышко, полулежатъ въ пріятномъ farniente задумчивые голуби, расхаживаютъ степенныя галки и цѣлыми летучими отрядами порхаютъ и носятся съ мѣста на мѣсто воробьи.

Словомъ, оживленіе большое. Начинаясь въ высшихъ, въ воздушныхъ слояхъ, оно не оказывается безсильнымъ и ниже: и животныя, и люди—всѣ подъ этимъ оживляющимъ угрѣвомъ становятся веселѣе: легче дышатъ и вообще лучше себя чувствуютъ. Знаменитый оксфордскій бишовъ Жозефъ Галлъ, имѣвшій усердіе и досугъ выражать «внезапныя размышленія при воззрѣніи на всякій предметъ» и проповѣдывавшій даже «во время лаянія собаки» (изд. 1786 г., стр. 38), совершенно справедливо сказалъ (стр. 35): «прекрасная вещь свѣтъ, — любезная и свойственная душамъ человѣческимъ: въ немъ все принимаетъ новую жизнь и *мы сами въ немъ перемѣняемся*»,—и конечно къ лучшему.

Теплые лучи, освѣщая и согрѣвая тѣло, какъ будто снимаютъ суровость съ души, даютъ усиленную ясность уму и ту пріуготовительную теплоту сердцу, при которой человѣкъ становится чутче къ призывамъ добра. Согрѣтый и освѣщенный, онъ какъ бы гнушается темноты и холода сердца и самъ готовъ освѣтить и согрѣть въ сумрачной тѣни зимы цѣпенѣющаго брата.

Такихъ очаровательныхъ теплыхъ дней, совершенно неожиданно прорывающихся среди зимней стужи, я нигдѣ не видалъ, кромѣ нашей Украйны, и преимущественно въ самомъ Кіевѣ. Сѣвернѣе, надъ Окою, и вообще, такъ-сказать, въ черноземномъ клину русскаго поля, что-то подобное бываетъ ближе къ веснѣ, около Благовѣщенія, но это совсѣмъ иное.

То — естественное явленіе поворота солнца на лѣто; а это — почти что-то феноменальное, — это какой-то капризъ, шалость, заигрываніе, атмосферная шутка съ землею — и земля очень весело на нее улыбается: въ людяхъ больше мира и благоволенія.

Вставъ въ такое благопріятное утро, я прежде всего освѣдомился у моего слуги о жидѣ, и, къ немалому своему удивленію, узналъ, что его уже нѣтъ въ моей квартирѣ, — что онъ еще на самомъ разсвѣтѣ всталъ и началъ царапаться въ коридоръ, гдѣ мой человѣкъ разводилъ самоваръ. Изъ этого самовара онъ нацѣдилъ себѣ стаканъ горячей воды, выпилъ ее съ кусочкомъ сахару, который нашелъ у себя въ карманѣ, и побѣжалъ.

Куда онъ побѣжалъ? — объ этомъ мой слуга ничего не зналъ, а на вопросъ: въ какомъ этотъ бѣднякъ былъ состояніи, отвѣчалъ:

— Ничего, спокойнѣе, — только все потихоньку квохталъ, какъ пчелиная матка, да въ сердкѣ точно у него все нутро на резинѣ дергается.

Я напился чаю и, не теряя времени, поѣхалъ къ Друкарту, который жилъ тогда въ низенькихъ антресоляхъ надъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась канцелярія генералъ-губернатора, въ Липкахъ, какъ разъ насупротивъ генералъ-губернаторскаго дома.

У меня и въ мысляхъ не было говорить съ Друкартомъ объ интролигаторѣ, потому что это, казалось, не имѣло никакого смысла и притомъ же покойный Андрей Ивановичъ хотя и отличался прямою добротою, но онъ былъ также человѣкъ очень осторожный и не любилъ вмѣшиваться въ дѣла ему постороннія. А притомъ же я, къ немалому стыду моему, въ это время уже почти позабылъ о жидѣ и больше думалъ о себѣ; но судьбѣ было угодно поправить мою эгоистическую разсѣянность и поставить на точку вида то, о чемъ всего пристойнѣе и всего нужнѣе было думать и заботиться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я долженъ былъ проѣхать по переулку, который идетъ къ генералъ-губернаторскому дому отъ городского, или «царскаго» сада»; здѣсь тогда былъ очень старый и весьма запущенный (не знаю, существующій ли теперь) домъ, принадлежавшій графамъ Браницкимъ. Домъ этотъ, одноэтажный, длинный, какъ фабрика, и приземистый, какъ старопольскій шляхетскій будинокъ, имѣлъ ту особенность, что онъ былъ выстроенъ по спуску, отчего одинъ его конецъ лежалъ чуть ли не на самой землѣ, тогда какъ другой, выравниваясь по горизонтальной линіи, высоко поднимался на какой-то насыпи, надъ которою было что-то въ родѣ карниза.

Все это, какъ сейчасъ увидимъ, имѣетъ свое мѣсто и значеніе въ нашей исторіи.

Изъ семейства графовъ никто въ этомъ домѣ не жилъ. Были, можетъ-быть, въ немъ какіе-нибудь апартаменты для ихъ пріѣзда, — я этого не знаю; но тамъ, въ одномъ изъ флигелей, жилъ постоянно какой-то «пленипотентъ» Браницкихъ, тоже, разумѣется, «панъ», у котораго была собака, кажется ублюдокъ изъ породы бульдоговъ. Этотъ песъ имѣлъ довольно необыкновенную — пеструю, совершенно тигровую рубашку, и любилъ въ погожіе дни лежать на гребнѣ той высокой завалины, по которой выравнялась надъ косогоромъ линія дома, и любоваться открывавшимся оттуда зрѣлищемъ. Этотъ наблюдатель былъ многимъ извѣстенъ, и кто, бывало, замѣтитъ его издали, тотъ почтительно перейдетъ поскорѣе на другую сторону, а кто идетъ прямо у самаго дома, тотъ этой собаки или вовсе не замѣтитъ, а если взглянетъ и увидитъ его надъ самою своею головою, то испугается и пошлетъ его владѣтелю болѣе или менѣе хорошо оснащенное крылатое слово.

Въ тотъ день, который я описываю, пленипотентовъ по-

лосатый песъ былъ на своемъ возвышенномъ мѣстѣ и любовался природою. Я его не замѣтилъ или не обратилъ на него вниманія, во-первыхъ, потому, что зналъ его, а во-вторыхъ, потому, что какъ разъ въ это самое время увидалъ на противуположномъ тротуарѣ Друкарта и сошелъ, чтобы поговорить съ нимъ о моихъ недосугахъ, мѣшавшихъ моему участію въ спектаклѣ.

Андрей Ивановичъ былъ сверхъ обыкновенія веселъ: онъ говорилъ, что обязанъ этимъ расположеніемъ духа необыкновенно хорошей погодѣ, и разсказалъ мнѣ при этомъ анекдотъ—какъ хорошо она дѣйствуетъ на душу.

— Я, говоритъ, спѣшу кончить слѣдствіе и нынче рано вызвалъ къ допросу убійцу и говорилъ съ нимъ, а самъ въ это время брился, и потомъ шутя спрашиваю его: отчего онъ столько человѣкъ порѣзалъ, а меня не хотѣлъ зарѣзать моею же бритвою?—А онъ отвѣчаетъ: «не знаю: нонче мнѣ что-то рукъ кровянить не хочется».

И только, что мы этакъ переболтнули, какъ вдругъ раздался ужасающій вопль: «Уй-уй... каркадыль!» — и въ ту же самую минуту на насъ бросился и началъ между нами тереться... опять *онъ* же,—мой интролигаторъ.

Откуда онъ несся и куда стремился, попавъ по пути подъ «крокодила», я тогда не зналъ, но видъ его, въ бореньѣ съ новымъ страхомъ, былъ еще жалостнѣе и еще смѣшнѣе. При всемъ большомъ жидовскомъ чинопочитаніи, онъ въ ужасѣ лѣзъ подъ старую, изношенную енотовую шубу Друкарта, которую тотъ самъ называлъ «шубою изъ енотовыхъ пятокъ», и, вертя ее за подолъ, точно игралъ въ кошку и мышку.

Мы оба расхохотались, а онъ все метался и кричалъ: «каркадыль! каркадыль!» и металъ отчаянные взоры на бульдога, который, нимало не безпокоясь, продолжалъ спокойно взирать на насъ съ своего возвышенія.

Успокоить жида было невозможно, но зато это дало мнѣ поводъ разсказать Друкарту, что̀ это за несчастное созданіе и въ чемъ состоитъ его горе.

Повторяю, Друкартъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый и чувствительный, хотя это очень многимъ казалось невѣроятнымъ, потому что Друкартъ былъ рыжеволосъ, а рыжеволосыхъ, какъ извѣстно, добрыми не считаютъ. (Это такъ же основательно и неоспоримо, какъ странная примѣта, будто бритвы съ бѣлыми черешками острѣе, чѣмъ съ черными; но возражать противъ этого все-таки напрасно). Притомъ же Друкартъ находился, какъ я сказалъ, въ необычайно хорошемъ расположеніи духа, которое еще усилилось происшествіемъ съ крокодиломъ и перешло въ совершенное благодушіе.

Живая сострадательность взяла верхъ надъ его осторожною системою невмѣшательства, и онъ сказалъ мнѣ потихоньку:

— Ишь какая мерзость устроена надъ этимъ каркадыломъ.

— Да, отвѣчаю: мерзость такая ужасная, что ему нельзя ничѣмъ и помочь.

Друкартъ задвигалъ своимъ умнымъ морщинистымъ лбомъ и говоритъ:

— А давайте попробуемъ.

— Да что же можно сдѣлать?

— А вотъ попробуемъ... Иди за нами, каркадыль!

— Но этого не надо было и говорить: интролигаторъ и такъ не отставалъ отъ насъ и все забѣгалъ впередъ, оглядываясь: не оставилъ ли крокодилъ своего забора и не идетъ ли его проглотить, чего жидъ, повидимому, страшно боялся, — не знаю болѣе за себя самого, или за сына, у котораго въ его особѣ крокодилъ могъ взять единственнаго защитника.

Говорятъ: «*чѣмъ* люди оказываются во время испуга, *то* они дѣйствительно и есть»,—испугъ—это *промежутокъ* между навыками человѣка, и въ этомъ промежуткѣ можно видѣть *натуру*, какою она есть. Судя такъ, интролигатора въ этотъ промежутокъ можно бы, пожалуй, почесть болѣе за жизнелюбца, чѣмъ за чадолюбца; но пока еще не изо-

брѣтенъ способъ утвержденія Момусова стекла въ человѣческой груди, до тѣхъ поръ всѣ подобныя рѣшенія, мнѣ кажется, могутъ быть очень ошибочными, и къ счастью они ни одному изъ насъ не приходили въ голову.

У Андрея Ивановича явился планъ дѣйствовать на князя Иларіона Иларіоновича,—планъ, въ которомъ я не видѣлъ никакой пользы и старался его отвергнуть, какъ совершенно неудобоисполнимый и безполезный.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Я держался такого взгляда на основаніи общеизвѣстной флегматической вялости характера князя, человѣка натуры весьма благородной и доброй, но, къ сожалѣнію многихъ, не являвшей той энергіи, которой отъ него порою очень хотѣлось. Но Друкартъ зналъ князя лучше и стоялъ на своемъ.

— Не думайте, — настаивалъ онъ: — князь—добрякъ, и ему только надо это какъ должно представить. Онъ не соколъ,—сразу окомъ не прожжетъ, зато и крыломъ не обрѣжетъ, а все начнетъ только у себя въ сердцѣ долбить и какъ разъ выковыряетъ оттуда то, что на потребу, и тогда своего «*добраго мальчика*» пуститъ.

Надо объяснить, что такое у насъ въ Кіевѣ и еще ранѣе здѣсь въ Петербургѣ называли «*добрымъ мальчикомъ*» добрѣйшаго изъ людей, князя Иларіона Иларіоновича, а для этого надо сказать кое-что о всей его физической и духовной природѣ.

Онъ былъ человѣкъ большого роста, съ наружностью сколько представительною, столько же и симпатичною. Преобладающею его чертою была доброта, но какая-то скорѣе пассивная, чѣмъ активная. Казалось, онъ очень бы желалъ, чтобы всѣмъ было хорошо, но только не зналъ, что для этого сдѣлать, и потому болѣе объ этомъ не безпокоился... до случая. Физіономія его хранила тихое спокойствіе его доброй совѣсти и пребывала въ постоянной

неподвижности; и эта неподвижность оставалась такою же и тогда, если его что-нибудь особенно брало за сердце, но только въ этихъ послѣднихъ случаяхъ *что-то* начинало поднимать вверхъ и оттопыривать его верхнюю губу и усы. Это *что-то* и называлось «*добрымъ мальчикомъ*», который будто бы являлся къ услугамъ князя, для того, чтобы не затруднять его нужными при разговорѣ движеніями.

Рѣчи князя были всегда сколь рѣдки, столь и не многословны, хотя при всемъ этомъ ихъ никакъ нельзя было назвать краткими и лаконическими. Въ нихъ именно почти всегда недоставало законченности и притомъ онѣ отличались совершенно своеобразнымъ построеніемъ. По способу ихъ изложенія, я могу имъ отыскать нѣкоторое подобіе только въ рѣчахъ, которыя произносилъ незнакомецъ, описанный Диккенсомъ въ «Запискахъ пиквикскаго клуба».

Оригинальный спутникъ нѣжнаго Топмена, какъ извѣстно, говорилъ такъ:

— Случилось... пять человѣкъ дѣтей... мать... высокая женщина... все ѣла селедки... забыла... три... дѣти глядятъ... она безъ головы... осиротѣли... очень жалко.

Какъ надо было имѣть особый навыкъ, чтобы понимать этого оратора, такъ была потребна сноровка, чтобы резюмировать и словесные выводы и заключенія князя. Но по самому характеру героя Диккенсова, надо полагать, что этотъ путешественникъ говорилъ часто и скороговоркою, между тѣмъ какъ нашъ неспѣшный добросердечный князь всегда говорилъ повадно, съ оттяжкой, такъ чтобы *добрый мальчикъ* успѣвалъ управляться подъ его молодецкими усами. Притомъ же онъ, говоря по-русски, какъ баричъ начала девятнадцатаго вѣка, оснащалъ свою рѣчь избраннымъ простонароднымъ словомъ, которое у него было «сталобыть» или иногда просто «стало». На этомъ «стало» порою все и становилось, но цѣлость впечатлѣнія отъ этого нимало не страдала, а напротивъ, къ всеобщему удивленію, даже какъ будто выигрывала. Это «стало» было въ своемъ

родѣ то же, что удивляющая теперь петербургскихъ меломановъ оборванная нота въ новой оперѣ «Маккавеи»: ея внезапный обрывъ красивѣе и понятнѣе, чѣмъ самая широкая законченность по всѣмъ правиламъ искусства.

— «Сдѣлайте... стало...», — говорилъ князь, отмахивая слегка рукою, и искусные въ разумѣніи его люди знали, что имъ дѣлать, и выходило хорошо, хорошо потому, что всѣ знали, что онъ думалъ и чувствовалъ только *хорошо*.

Во множествѣ случаевъ это было прекрасно, но я не могъ себѣ представить—къ чему это поведетъ въ томъ казусномъ случаѣ, о которомъ идетъ дѣло? Противъ интролигатора и за его обидчика были, во-первыхъ, прямыя законныя постановленія, а во-вторыхъ—княгиня, значеніе которой было, къ сожалѣнію, слишкомъ неоспоримо. Что же постановитъ противъ этого княжеское «стало», да и что ему тутъ дѣлать?

Извѣстно, что, дабы чего-нибудь достичь, надо прежде всего ясно сознать, чего желаешь и какими путями хочешь стремиться къ осуществленію этого желанія. Но у насъ ни у одного изъ трехъ, кажется, не было никакого яснаго плана: чего именно мы хотѣли для спасенія нашего интролигатора и въ какой формѣ? Мы только чувствовали желаніе помочь ему, и одинъ изъ насъ двухъ расширилъ свои соображенія настолько, что видѣлъ полезнымъ разжалобить добросердечнаго князя, возлагая надежду на изобрѣтательность его сердца, которое начнетъ что-то «долбить» и что-то «выковыривать», какъ разъ то, что нужно.

Друкартъ былъ въ этомъ увѣренъ, а я нисколько, и зато впослѣдствіи имѣлъ радостный случай воскликнуть: «блаженъ кто вѣруетъ,—тепло ему на свѣтѣ!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Оставивъ моего многострадальнаго еврея подъ опекою его новаго покровителя, я отправился къ своему мѣсту и занялся своимъ дѣломъ.

Здѣсь не излишнимъ считаю сказать, что ни въ комъ изъ лицъ, о которыхъ мнѣ здѣсь приходится говорить (разумѣется кромѣ еврея), не было ни одного вѣроотступника или индифферента по отношенію къ вѣрѣ. Что касается князя Иларіона Иларіоновича, то его религіозныя убѣжденія мнѣ конечно близко неизвѣстны, но я думаю, что онъ былъ православенъ не меньше, чѣмъ всякій православный русскій сановникъ,—а можетъ быть даже немножко и больше нѣкоторыхъ. Простая, прямая и теплая душа его искала опоры въ вѣрѣ народной, народнѣе которой для русскаго человѣка нѣтъ, какъ наше родное православіе, во всей неприкосновенной чистотѣ и здравости его ученія. Друкартъ, *русскій уроженецъ* литовскихъ губерній, имѣлъ сугубую страстность къ православію, которое было для него не только вѣрою, но и своего рода духовнымъ знаменемъ русской народности. Я выросъ въ своей родной семьѣ въ г. Орлѣ, при отцѣ, человѣкѣ очень умномъ, много начитанномъ и знатокѣ богословія, и при матери очень богобоязненной и богомольной; научился я религіи у лучшаго и, въ свое время, извѣстнаго изъ законоучителей, о. Евѳимія Андреевича Остромысленскаго, за добрые уроки котораго всегда ему признателенъ. Шаткости религіозной въ кружкахъ, въ которыхъ я тогда въ Кіевѣ вращался, совсѣмъ не было, и я былъ такимъ, какимъ я былъ, обучаясь православно мыслить отъ моего родного отца и отъ моего превосходнаго законоучителя, который до сихъ поръ, слава Богу, живъ и здоровъ. (Да приметъ онъ издали отсюда мною посылаемый ему низкій поклонъ). Словомъ: никого изъ насъ нельзя было заподозрѣвать ни въ малѣйшемъ недоброжелательствѣ церкви, къ которой мы принадлежали, и по рожденію, и по убѣжденіямъ, и вѣроятно никто изъ насъ не нашелъ бы удовольствія отвести отъ церкви невѣра, который бы возжелалъ съ нею соединиться; а между тѣмъ всѣ мы это сдѣлали съ полнымъ спокойствіемъ, которое получило на себя санкцію отъ лица, авторитетъ котораго я, какъ православный, считаю непререкаемымъ въ этомъ дѣлѣ.

Теперь я буду продолжать разсказъ, какъ поступили въ этомъ случаѣ люди, имѣвшіе предо мною всѣ несравнимыя преимущества въ старшинствѣ лѣтъ, въ опытѣ, въ познаніяхъ и въ томъ превосходномъ *дерзновеніи вѣры*, которое сѣчетъ и рубитъ мелкій страхъ шаткости маловѣрнаго сомнѣнія.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Я буду кратокъ въ описаніи аудіенціи, которую злополучный интролигаторъ имѣлъ у князя, потому что я самъ тутъ не присутствовалъ и веду разсказъ съ чужихъ словъ.

Благодаря Друкарту, бѣднякъ, разумѣется, былъ поставленъ такъ удобно, что князь, выйдя къ пріему прошеній, могъ обратить на него вниманіе,—что и случилось.

— Что... это... стало... какой человѣкъ... зачѣмъ такъ плачетъ... Узнайте!—сказалъ князь Друкарту, который на этотъ разъ былъ съ нимъ у пріема.

Тотъ взялъ просьбу и разумѣется, зная уже дѣло, взглянулъ въ нее только для порядка. Въ ней впрочемъ и нечего было искать изложенія дѣла, потому что простая и никакой власти неподсудная суть его исчезла въ описаніи страданій самого интролигатора отъ людей, отъ стихій и наконецъ отъ крокодила, который тоже былъ занесенъ въ эту скорбную запись.

Оставалось свернуть это сочиненіе и изложить князю на словахъ, въ чемъ дѣло.

Друкартъ это и исполнилъ, и какъ человѣкъ очень теплый, умный и талантливый, сдѣлалъ вѣроятно такъ хорошо, что князь сразу тронулся: брови его слегка нахмурились и «*добрый мальчикъ*» подъ усами задвигалъ:

— Это что же... это стало-быть... плутовство,—заговорилъ князь.—Это... такъ э... нельзя позволять.

Чиновникъ кратко, но обстоятельно указалъ ему на законъ.

Князь еще болѣе нахмурился, и «*добрый мальчикъ*» было ушелъ, но потомъ снова вернулся.

— Да... законъ, такъ... стало-быть... нельзя.

Чиновникъ промолчалъ, — князь продолжалъ принимать другія просьбы,—жидъ вылъ, и когда ему кричали «тссъ!», онъ на минуту умолкалъ и продолжалъ вздрагивать, какъ продернутый на резинку, но черезъ минуту завывалъ заново безъ словъ, безъ просьбъ,—одними звуками.

Князя стало брать за душу.

— Велите... стало... ему молчать и... вывесть, — сказалъ онъ, какъ будто очень разсердясь, что̀ у него всегда служило превосходнымъ признакомъ, потому что, давъ въ себѣ хотя малѣйшее движеніе гнѣву, онъ, по безподобной добротѣ своей души, непремѣнно сейчасъ же подчинялся реакціи и всемѣрно, какъ могъ, выискивалъ средства задобрить свое нетерпѣливое движеніе.

Здѣсь же этой реакціи надо было ожидать еще скорѣе, потому что и самое приказаніе «молчать и вывесть» онъ очевидно далъ отъ досады, что не видалъ возможности сдѣлать того, что̀ хотѣлъ бы сдѣлать.

Надо было ожидать, что все это у него пока *надалбывается* въ сердцѣ и онъ бурлитъ, пока не досталъ, не добылъ еще того, что нужно; но зато чѣмъ онъ больше этимъ кипитъ и мучится въ превосходной добротѣ своей, тѣмъ скорѣе онъ разыщетъ тамъ у себя что нужно и рѣшится на то, что, можетъ-быть, самъ пока еще считаетъ совершенно невозможнымъ.

Это такъ и вышло: чуть жидъ отъ страха замолкъ и два жандарма повели его за локти изъ пріемной, «*мальчикъ*» подъ усами князя зашевелился.

— Тише... скажите... это...—заговорилъ онъ,—не надо...— Къ чему относилось это «не надо»—осталось неизвѣстнымъ, но понято было хорошо: жида вывели, но не прогнали, и онъ сѣлъ и продолжалъ дергаться на своей внутренней резинкѣ; а князь быстро окончилъ пріемъ и во все это время казался недоволенъ и огорченъ, и отпустивъ просителей, не пошелъ въ свой кабинетъ, который былъ прямо

противъ входныхъ дверей пріемнаго зала, а вышелъ въ маленькую боковую зеленую комнату, направо.

Комната эта выходила окнами на дворъ и служила князю для особыхъ объясненій съ тѣми лицами, съ которыми онъ считалъ нужнымъ поговорить наединѣ.

Онъ походилъ здѣсь одинъ нѣсколько минутъ и потребовалъ Друкарта.

— Жалко!..—произнесъ онъ, увидя чиновника.

— Очень жалко, ваше сіятельство,—отвѣчалъ, всегда съ отличнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ державшій себя, Друкартъ.

— Пфу... какая штука!.. Совсѣмъ плутъ...

— Очевидно бездѣльникъ,—было отвѣтомъ человѣка, который понималъ къ кому это относится, т. е. къ интролигаторову наемщику, пожелавшему креститься.

— И въ законѣ этого... стало... нѣтъ?

— Нѣтъ, тамъ нѣтъ исключенія — въ какое время объявить желаніе: это все равно.

— Взялъ деньги... го плутъ... Это... стало... какая... тутъ вѣра!

— Вѣра—одинъ предлогъ.

— Разумѣется... но я... ничего... стало-быть... не могу... идите!

И онъ съ очевиднымъ томленіемъ духа выпустилъ Друкарта, но тотъ не успѣлъ еще дойти до передней, какъ князь достукался того, что ему было нужно, и, живо размахнувъ дверь, самъ крикнулъ повеселѣвшимъ голосомъ:

— А... Друкартъ!

Тотъ вернулся.

— Теперь... того... какъ оно... вотъ какъ: и этого жида взять... въ сани... и поѣзжайте... съ нимъ... сейчасъ прямо... къ митрополиту... Онъ добрый старикъ... пусть посмотритъ... все разскажите... И отъ меня... кланяйтесь... и скажите, что жалко... а ничего не могу... какъ законъ... Хорошенько... это понимаете.

— Слушаю-съ.

— Да... что не могу... Очень, стало-быть, хотѣлъ бы... да не могу... а онъ очень добрый... понимаете...

— Очень добрый, ваше сіятельство.

— Такъ ему... я это предоставляю... и самъ не вмѣшиваюсь, а... только очень его... прошу... потому... если ему тоже жаль... онъ какъ тамъ знаетъ... Можетъ-быть... просите и... потомъ мнѣ скажите.

Князь докончилъ свою рѣчь уже болѣе живымъ и веселымъ тономъ, сдѣлалъ рѣшительный взмахъ рукою, повернулся и, гораздо повеселѣвъ, пошелъ въ свои внутренніе покои, но навѣрно не затѣмъ, чтобы спѣшить разсказать о своемъ распоряженіи въ аппартаментахъ княгини.

Командированный княземъ чиновникъ взялъ жида и покатилъ съ нимъ въ лавру а я получилъ съ разсыльнымъ клочокъ бумажки съ сдѣланною наскоро карандашомъ надписью: «задержите ставку,—ѣдемъ къ митрополиту».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ставку на два, три часа задержать было возможно, и я это сдѣлалъ; но къ чему все это могло повести?

Наши іерархи и вообще люди «духовнаго чина», какъ называетъ ихъ въ своемъ замѣчательномъ «Словарѣ» покойный митрополитъ кіевскій Евгеній Болховитиновъ, къ несчастію для общества, почти совсѣмъ ему неизвѣстны съ ихъ самыхъ лучшихъ сторонъ. Долженствуя стоять на самомъ свѣту въ виду у всѣхъ, они между тѣмъ почти совершенно «проходятъ въ тѣняхъ»; извѣстные при жизни съ одной чисто офиціальной, служебной своей стороны, они не получаютъ болѣе полнаго и интереснаго освѣщенія даже и послѣ смерти. Ихъ некрологи, какъ недавно справедливо замѣчено по поводу кончины бывшаго архіепископа тобольскаго Варлаама, составляютъ или сухой и жалкій перифразъ ихъ формулярныхъ послужныхъ списковъ, или—что̀ еще хуже,—даютъ жалкій наборъ общихъ фразъ, въ которыхъ пожалуй можно замѣтить много усердія панегири-

стовъ, но зато и совершенное отсутствіе въ нихъ наблюдательности и пониманія того, что̀ въ жизни человѣка сотканной изъ ежедневныхъ мелочей, можетъ репрезентовать его умъ, характеръ, взглядъ и образъ мыслей, — словомъ, что̀ можетъ показать человѣка съ его интереснѣйшей, внутренней, духовной стороны, въ простыхъ житейскихъ проявленіяхъ. Насколько превосходятъ насъ въ этомъ протестанты и католики, объ этомъ и говорить стыдно: между тѣмъ какъ тамъ мало-мальски замѣчательнаго духовнаго лица, если не заживо, то тотчасъ послѣ смерти знаютъ во всѣхъ его замѣчательныхъ чертахъ,—мы до сихъ поръ не имѣемъ живого очерка даже такихъ лицъ, какъ митрополитъ Филаретъ Дроздовъ и архіепископъ Иннокентій Борисовъ.

Можетъ-быть, это такъ нужно,—не знаю; но не въ моей власти не сомнѣваться, чтобы это было для чего-нибудь такъ нужно, — развѣ кромѣ той обособленности пастырей отъ пасомыхъ, которая не служитъ и не можетъ служить въ пользу Церкви.

Если благочестивая мысль весьма видныхъ представителей богословской науки пришла къ сознанію необходимости—знакомить людей съ жизнью Самого нашего Господа Іисуса Христа со стороны *Его человѣчности*, которая такъ высока, поучительна и прекрасна, разсматриваемая въ связи съ Его Божествомъ, и если этому пути слѣдуютъ нынче уже и русскіе ученые (какъ наприм. покойный кіевскій профессоръ К. И. Скворцовъ), то не странно ли чуждаться ознакомленія общества съ его іерархами, какъ съ живыми людьми, имѣвшими свои добродѣтели и свои недостатки, свои подвиги и свои немощи и, въ общемъ, можетъ-быть, представляющими гораздо болѣе утѣшительнаго и хорошаго, чѣмъ распространяютъ о нихъ въ глухой молвѣ, а ей-то и внемлетъ толпа чрезъ свои Мидасовы уши»...

Одно духовное изданіе недавно откровенно изъяснилось, отчего это происходитъ, — «отъ совершеннаго неумѣнія

большинства людей изъ духовенства писать сколько-нибудь живо».

Я думаю, что это правда, и насколько во мнѣ можетъ быть допущено литературнаго пониманія,—я это утверждаю и весьма объ этомъ соболѣзную. Это *скрываетъ* отъ общества много хорошаго изъ нравовъ нашего клира.

Почти мимовольно вырвавшіяся выше строки, которыя я тѣмъ не менѣе желаю здѣсь оставить, потому что считаю ихъ сказанными нечаянно, но кстати, не должны однакоже быть истолкованы въ такомъ претензіонномъ смыслѣ, какъ будто я хочу или могу пополнить чѣмъ-нибудь замѣченный мною печальный пробѣлъ въ нашей духовной журналистикѣ, — доселѣ еще бѣдной живымъ элементомъ и терпящей вполнѣ достойное и заслуженное ею безучастіе общества за свой сухой, чисто отвлеченный тонъ и *неинтересный* характеръ.

Вышесказанной претензіи у меня нѣтъ, да и она, по правдѣ сказать, ни на что не нужна мнѣ. Слабому перу моему довольно работы и безъ этого; но доходя въ этомъ разсказѣ до встрѣчи съ покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ Амфитеатровымъ, я долженъ сказать—какимъ онъ мнѣ представлялся со стороны *его общечеловѣчности*, до которой мнѣ собственно только и было теперь дѣло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Еще ребенкомъ, у себя въ Орловской губерніи, откуда покойный митрополитъ былъ родомъ и потому въ болѣе тѣсномъ смыслѣ былъ моимъ «землякомъ», я слыхалъ о немъ, какъ о человѣкѣ доброты безконечной. Я зналъ напасти и гоненія, которыя онъ терпѣлъ до занятія митрополичьей каѳедры,—гоненія, которыя могли бы дать превосходнѣйшій матеріалъ для самой живой и интересной характеристики многихъ лицъ и ихъ времени.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ митрополитъ Филаретъ являлся скромнымъ и терпѣливымъ, кроткимъ и миролюбивымъ человѣкомъ—не болѣе.

Активной доброты его, о которой говорили въ общихъ чертахъ, я не зналъ ни въ одномъ частномъ проявленіи.

О послѣднемъ выѣздѣ его изъ Петербурга, куда онъ болѣе уже не возвращался, носились слухи тоже самые общіе и то дававшіе во всемъ первое мѣсто и значеніе митрополиту московскому,—да это мнѣ и не нужно было для того, чтобы построить свою догадку о томъ, какъ онъ отнесется къ извѣстному казусу.

Въ Кіевѣ я услыхалъ ему первыя осужденія за его отношенія къ покойному о. Герасиму Павскому и раздѣлялъ мнѣнія осуждавшихъ.

Лично я его увидѣлъ въ первый разъ въ домѣ предсѣдателя казенной палаты Я. И. П., гдѣ онъ мнѣ показался очень страннымъ. Во-первыхъ, когда всѣ мы, хозяева и гости, встрѣтили его въ залѣ (въ домѣ П. на Михайловской улицѣ), онъ благословилъ всѣхъ насъ, подошедшихъ къ нему за благословеніемъ, и потомъ, замѣтивъ остававшуюся у стола молодую дѣвушку, бывшую въ этомъ домѣ гувернанткою, онъ посмотрѣлъ на нее и, не трогаясь ни шагу далѣе, проговорилъ:

— Ну, а вы что же?

Дѣвица сдѣлала ему почтительный глубокій реверансъ и тоже осталась на прежнемъ мѣстѣ.

— Что же... подойдите!—позвалъ митрополитъ.

Но въ это время къ нему подошелъ хозяинъ и тихо шепнулъ:

— Ваше высокопреосвященство,—она протестантка.

— А!.. ну что же такое, что протестантка: вѣдь не жидовка же (sic)?

— Нѣтъ, владыка,—протестантка.

— Ну, а протестантка, такъ поди сюда, дитя, поди, дѣвица, поди; вотъ такъ; Господь тебя благослови: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.

И онъ ее благословилъ, и когда она, видимо сильно растрогавшись, хотѣла, по нашему примѣру, поцѣловать его руку, онъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Умница!

Дѣвушка такъ растрогалась отъ этой, вѣроятно, совсѣмъ неожиданной ею ласки, что заплакала и убѣжала во внутренніе покои.

Впослѣдствіи она не разъ ходила къ митрополиту, получала отъ него благословенія, образки и книжечки, и кончила тѣмъ, что перешла въ православіе и, говорятъ, вела въ мірѣ чрезвычайно высокую подвижническую жизнь и всегда горячо любила и уважала Филарета. Но въ этотъ же самый визитъ его къ П. онъ показалъ себя намъ и въ иномъ свѣтѣ: едва онъ усѣлся въ почетномъ мѣстѣ на диванѣ, какъ къ нему подсосѣдилась свояченица хозяина, пожилая дѣвица, и пустилась его «занимать».

Вѣроятно желая блеснуть своею свѣтскостію, она заговорила съ сладкою улыбкою:

— Какъ, я думаю, вамъ, ваше высокопреосвященство, скучно здѣсь послѣ Петербурга?

Митрополитъ поглядѣлъ на нее и,—Богъ его знаетъ,—связалъ ли онъ этотъ вопросъ съ исторіею своего отбытія изъ Петербурга, или такъ просто,—отвѣтилъ ей:

— Что это такое?.. что мнѣ Петербургъ?..—и, отвернувшись, добавилъ:—глупая,—право глупая.

Тутъ я замѣтилъ всегда послѣ мною слышанную разницу въ его интонаціи: онъ то говорилъ немножко надтреснутымъ, слабымъ старческимъ голосомъ, какъ бы съ неудовольствіемъ, и потомъ мягко пускалъ добрымъ стариковскимъ баскомъ.

— «Что мнѣ Петербургъ?»—это было въ первой манерѣ, а «глупая»,—баскомъ.

Первое это впечатлѣніе, которое онъ на меня произвелъ, было странное: онъ мнѣ показался и очень добрымъ и грубоватымъ.

Впослѣдствіи первое все усиливалось, а второе ослабѣвало.

Потомъ, я помню, разъ рабочій-штукатуръ упалъ съ колокольни на плитяной помостъ и расшибся.

Митрополитъ остановился надъ нимъ, посмотрѣлъ ему въ лицо, вздохнулъ и проговорилъ ласково:

— Эхъ ты, глупый какой! — благословилъ его и прошелъ.

Былъ въ Кіевѣ священникъ о. Ботвиновскій,—человѣкъ не безъ обыкновенныхъ слабостей, но съ совершенно необыкновенною добротою. Онъ, напримѣръ, сдѣлалъ разъ такое дѣло: у казначея Т. недоставало что-то около 30,000 рублей и ему грозила тюрьма и погибель. Многіе богатые люди о немъ сожалѣли, но никто ничего не дѣлалъ для его спасенія. Тогда Ботвиновскій, *никогда до того времени не знавшій Т.*, продалъ все, что̀ имѣлъ цѣннаго, заложилъ домъ, бѣгалъ безъ устали, собирая гдѣ что могъ, и... выручилъ несчастную семью.

Владыка, узнавъ объ этомъ, промолвилъ:

— Ишь какой хорошій!

О. Ботвиновскому за это добро вскорѣ заплатили самою черною неблагодарностью и многими доносами, которые дошли до митрополита. Тотъ призвалъ его и спросилъ: правда ли, что̀ о немъ говорятъ?

— По неосторожности, виноватъ, владыка, — отвѣчалъ Ботвиновскій.

— А!.. зачѣмъ ты трубку изъ длиннаго чубука куришь, а?

— Виноватъ, владыка.

— Что виноватъ... тоже по неосторожности! А! какъ смѣешь! развѣ можно попу изъ длиннаго чубука!..—онъ на него покричалъ и будто сурово прогналъ, сказавъ:

— Не смѣй курить изъ длиннаго чубука!.. сейчасъ сломай свой длинный чубукъ!

О короткомъ—ничего сказано не было; а во всѣхъ другихъ частяхъ доносъ оставленъ безъ послѣдствій.

Тоже помню разъ лѣтомъ въ Кіевъ наѣхало изъ Орловской губерніи одно знакомое мнѣ дворянское семейство, состоявшее изъ матери, очень доброй пожилой женщины, и шести взрослыхъ дочерей, которыя всѣ были недурны

собою, изрядно, по-тогдашнему, воспитаны и имѣли состояньице, но ни одна изъ нихъ не выходила замужъ. Матери ихъ это обстоятельство было очень непріятно и представлялось верхомъ возмутительнѣйшей несправедливости со стороны всей мужской половины человѣческаго рода. Она сдѣлала по этому случаю такой обобщающій выводъ, что «всѣ мужчины подлецы, — обѣдать — обѣдаютъ, а жениться не женятся».

Высказавшись мнѣ объ этомъ со всею откровенностью, она добавила, что пріѣхала въ Кіевъ спеціально съ тою цѣлію, чтобы помолиться «насчетъ судьбы» дочерей и вопросить о ней жившаго тогда въ Китаевой пустыни старца, который Богъ вѣсть почему слылъ за прозорливца и пророка *).

Патріархальное орловское семейство расположилось въ нѣсколькихъ номерахъ въ лаврской гостиницѣ, гдѣ я получилъ обязанность ихъ навѣщать, а главная услуга, которой отъ меня требовала землячка, заключалась въ томъ, чтобы я сопутствовалъ имъ въ Китаевъ, гдѣ она пылала нетерпѣніемъ увидать прозорливца и вопросить его «о судьбѣ».

Отъ этого я никакъ не могъ отказаться, хотя, признаться, не имѣлъ никакой охоты безпокоить мудренаго анахорета, о прозорливости котораго слыхалъ только, что онъ на привѣтствіе: «*здравствуйте, батюшка*», — всегда, или въ большинствѣ случаевъ, отвѣчалъ: «*здравствуй, окаянный!*»

— Стòитъ ли, — говорю, — для этого его, божьяго старичка, безпокоить?

Но мои дамы встосковались:

— Какъ же это можно,—говорятъ,—такъ разсуждать? Развѣ это не грѣхъ такого случая лишиться? Вы тутъ все по-новому, — сомнѣваетесь, а мы просто вѣримъ и признаться затѣмъ только больше сюда и ѣхали, чтобы его

*) Это никакъ не должно быть относимо къ превосходному старцу Парѳенію, который жилъ въ Голосѣевѣ. *Н. Л.*

спросить. Молиться-то мы и дома могли бы, потому у насъ и у самихъ есть святыни: въ Мценскѣ—Николай угодникъ, а въ Орлѣ въ женскомъ монастырѣ — Божія Матерь прославилась, а намъ провидящаго старца-то о судьбѣ спросить дорого—что̀ онъ намъ скажетъ?

— Скажетъ,—говорю,—«здравствуйте, окаянныя!»

— Что же такое,—а можетъ-быть,—отвѣчаютъ,—онъ для насъ и еще что-нибудь прибавитъ?

«Что же»,—думаю,—«и впрямь, можетъ-быть, и «прибавитъ».

И онѣ не ошиблись: онъ имъ кое-что прибавилъ. Поѣхали мы въ густые голосѣевскіе и китаевскіе лѣса съ самоваромъ, съ сушеными карасями, арбузами и со всякой иной провизіей; отдохнули, помолились въ храмахъ и пошли искать прозорливца.

Но въ Китаевѣ его не нашли: сказали намъ, что онъ побрелъ лѣсомъ къ Голосѣеву, гдѣ о̀-ту пору жилъ въ лѣтнее время митрополитъ.

Шли мы, шли, отбирая языковъ у всякаго встрѣчнаго, и, наконецъ, попали въ какой-то садикъ, гдѣ намъ указано было искать провидца.

Нашли, и сразу всѣ мои дамы ему *въ ноги* и запищали:

— Здравствуйте, батюшка!

— Здравствуйте, окаянныя,—отвѣтилъ старецъ.

Дамы немножко опѣшили; но мать, видя, что старецъ повернулъ отъ нихъ и удаляется, подвигнулась отвагою и завопила ему вслѣдъ:

— А еще-то хоть что-нибудь, батюшка, скажите!

— Ладно,—говоритъ,—прощайте, окаянныя!

И съ этимъ онъ насъ оставилъ, а вмѣсто него тихо изъ-за кусточка показался другой старецъ, — небольшой, но ласковый, и говоритъ:

— Чего, дурочки, хотите? Э-эхъ, глупыя, ступайте въ свое мѣсто,—и тоже самъ ушелъ.

— Кто этотъ, что второй-то съ нами говорилъ? — спрашивали меня дамы.

— А это,—говорю,—митрополитъ.

— Не можетъ быть!

— Нѣтъ, именно онъ.

— Ахъ, Боже!.. вотъ счастья-то сподобились! будемъ разсказывать всѣмъ, кто въ Орлѣ,—не повѣрятъ! И какъ голубчикъ ласковъ-то.

— Да вѣдь онъ нашъ орловскій,—говорю.

— Ахъ, такъ онъ, вѣрно, насъ по разговору-то замѣтилъ и обласкалъ...

И ну плакать отъ полноты счастья...

Этотъ старецъ, дѣйствительно, былъ самъ митрополитъ, который въ сдѣланной моимъ попутчицамъ оцѣнкѣ, по моему убѣжденію, оказалъ гораздо болѣе прозорливости, чѣмъ первый провидѣцъ. «Окаянными» моихъ добрыхъ и наивныхъ землячекъ назвать было не за что, но глупыми—весьма можно.

Но со всѣми-то съ этими только данными для сужденія о характерѣ покойнаго митрополита—какія можно было вывести соображенія насчетъ того: что̀ онъ сдѣлаетъ въ дѣлѣ интролигатора, гдѣ всѣ мы понемножечку милосердовали, но никто ничего не могъ сдѣлать,—не исключая даже такое, какъ нынѣ говорятъ, «высокопоставленное» и многовластное лицо, какъ главный начальникъ края?.. Какъ тамъ этого ни представляй, а все въ результатѣ выходило, что всѣ походили около печи, а никто оттуда горячаго каштана своими руками не выхватилъ, а трудъ вынуть этотъ каштанъ предоставили престарѣлому митрополиту, которому всего меньше было касательства къ злобѣ нашего дня.

Что же онъ въ самомъ дѣлѣ учинитъ?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Но въ нетерпѣливомъ ожиданіи результата, который долженъ былъ послѣдовать въ самомъ остромъ моментѣ этого чисто мірского, казеннаго дѣла отъ духовнаго владыки, мнѣ припомнился еще одинъ, довольно общеизвѣстный въ

свое время въ Кіевѣ случай, гдѣ митрополитъ Филаретъ своимъ милосердіемъ далъ неожиданный оборотъ одному деликатнѣйшему обстоятельству.

Въ одномъ дружественномъ домѣ Т. случилось ужасное несчастіе: чрезвычайно религіозная, превосходно образованная, возвышеннѣйшей души дама К. Ѳ. окончила жизнь самоубійствомъ и притомъ, какъ нарочно, распорядилась всѣмъ такъ, что не было никакой возможности отнести ея несчастную рѣшимость къ *умоповрежденію* или какому-нибудь иному мозговому разстройству.

Врачъ М—къ не давалъ такого свидѣтельства, а безъ того полиція не дозволяла погребенія съ церковнымъ обрядомъ и на христіанскомъ кладбищѣ.

Все это, разумѣется, еще болѣе увеличивало скорбь и безъ того пораженнаго событіемъ семейства, но дѣлать было нечего...

Тогда одному изъ родственниковъ покойной, Алфреду Юнгу, плохому редактору *Кіевскаго Телеграфа*, но прекраснаго сердца человѣку, пришла мысль броситься къ митрополиту и просить у него разрѣшенія похоронить покойницу какъ слѣдуетъ, по обрядамъ церкви, несмотря на врачебно-полицейскіе акты, которые исключали эту возможность.

Митрополитъ принялъ Юнга (хотя время уже было не урочное, — довольно поздно къ вечеру), выслушалъ о несчастіи Т., покачалъ головой и, вздохнувъ, заговорилъ:

— Ахъ, бѣдная, бѣдная, бѣдная... Зналъ ее, зналъ.. бѣдная.

— Владыка! не дозволяютъ ее схоронить по обряду... это для семейства ужасно!

— Ну, зачѣмъ не схоронить? Кто смѣетъ не дозволить?

— Полиція не дозволяетъ.

— Ну, что тамъ полиція, — перебилъ съ милосердымъ нетерпѣніемъ Филаретъ.—Ишь что выдумали!

— Это потому, ваше высокопреосвященство, что врачъ находитъ, что она въ полномъ умѣ...

— Ну-у, что тамъ врачъ... много онъ знаетъ о полномъ умѣ! Я лучше его знаю... Женщина... слабая... немощный сосудъ,—скудельный: приказываю, чтобы ее схоронили по обряду, да, приказываю.

И какъ онъ приказалъ—разумѣется такъ и было. Могло то же самое или что-нибудь въ этомъ родѣ случиться и сейчасъ: онъ все вѣдь былъ тотъ же сегодня, какъ и тогда, и нынѣ онъ тоже могъ что-нибудь такое «*лучше*» всѣхъ насъ знать и рѣшить все такъ, чтобы милость и истина встрѣтились и правда и судъ облобызались. Что же дивнаго, когда дѣло пошло не на то, чѣмъ мы руководимся, а на то, что̀ онъ усмотритъ.

Скажетъ: «я лучше ихъ знаю», и конецъ!

И ни на минуту до сей поры не увѣренный въ возможности спасенія интролигатора, я вдругъ сталъ вѣрить, что неожиданное направленіе, данное дѣлу княземъ Васильчиковымъ, привело это дѣло какъ разъ къ такому судіи, который разрѣшитъ его самымъ наисовершеннѣйшимъ образомъ.

Я тогда не читалъ еще ни сочиненій блаженнаго Августина, о которыхъ упоминаю въ началѣ этого разсказа *), и не зналъ превосходнаго положенія Лаврентія Стерна **), но просто *по-сердцу* думалъ, что не можетъ быть, чтобы митрополитъ счелъ за благопріятное для церкви пріобрѣтеніе такого человѣка, который, по мѣткому выраженію Стерна, дѣлаетъ православію визитъ въ своемъ поганомъ халатѣ! Что̀ за прибыль въ новыхъ прозелитахъ, которые потомъ составляютъ въ христіанствѣ тотъ вредный, но, къ сожалѣнію, постоянный кадръ людей безъ вѣры, безъ чести,

---

*) «De fide et operibus» и «De catechisandis rudibus».

**) Извѣстный англійскій юмористъ, пасторъ суттонскаго прихода, Лаврентій Стернъ, прославившійся своимъ веселымъ остроуміемъ и нѣжною чувствительностью, говоритъ: «напрасно думаютъ быть христіанами тѣ, которые не постарались сдѣлаться добрыми людьми Идти ко Христу, имѣя недобрые замыслы противъ человѣка, болѣе несоотвѣтственно, чѣмъ дѣлать визитъ въ халатѣ». (Стернъ, ч. 2, стр. 6 и 7).

безъ убѣжденій, — людей, ради коихъ «имя Божіе хулится во языцѣхъ».

— Нѣтъ,—говорилъ я себѣ,—нѣтъ: митрополитъ рѣшитъ это правильно и прекрасно.

И я не ошибся, и теперь возвращаюсь къ моему разсказу, съ тѣмъ, чтобы на сей разъ уже заключить его концомъ, вѣнчающимъ дѣло.

Приглашаю теперь читателя возвратиться къ тому моменту, когда жидъ и чиновникъ поѣхали къ митрополиту въ лавру.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Жидъ съ утра въ этотъ день не представлялъ того ужасающаго отчаянія, съ какимъ онъ явился вчера вечеромъ. Правда, что онъ и теперь завывалъ, метался и дергался «на резинкѣ», но сравнительно со вчерашнимъ это было спокойнѣе. Это, можетъ-быть, до извѣстной степени объяснялось тѣмъ, что онъ утромъ сбѣгалъ на постоялый дворъ, гдѣ содержались рекруты, и издали посмотрѣлъ на сынишку. Но когда интролигатора посадили въ сани, приступы отчаянія съ нимъ опять возобновились и еще въ сугубомъ ожесточеніи. Онъ, говорятъ, походилъ на сумасшедшаго или на упившагося до безумія: онъ схватывался, вскакивалъ, голосилъ, размахивалъ въ воздухѣ руками и нѣсколько разъ порывался скатиться кубаремъ съ саней и убѣжать. Куда и зачѣмъ? — это онъ едва ли понималъ, но когда они проѣзжали подъ одною изъ арокъ крѣпостныхъ валовъ, ему это наконецъ удалось: онъ выпалъ въ снѣгъ и, вскочивъ, бросился къ стѣнѣ, заломилъ на нее вверхъ руки и завылъ:

— Ой Іешу! Іешу! що твій пипъ со мной зробыть?

Два услужливые солдатика, которые подоспѣли на этотъ случай, взяли его, погнули, какъ надо, чтобы усадить въ сани, и поѣздъ чрезъ пару секундъ остановился у святыхъ воротъ или, какъ въ Кіевѣ говорятъ, у *святой брамы*.

Тутъ не перомъ описать то, что́ начало дѣлаться съ

евреемъ, пока дошло до конца дѣло: онъ дѣлалъ поклоны и реверансы не только встрѣчнымъ живымъ инокамъ, но даже и стѣннымъ изображеніямъ, которыя, вѣроятно, производили на него свое впечатлѣніе, и все вздыхалъ.

Подслѣповатый инокъ, сидѣвшій подъ брамою съ кропиломъ за чашею святой воды, покропилъ его,—онъ обтерся и пошелъ за своимъ вождемъ далѣе.

Теперь надо было уже получить доступъ къ митрополиту, представиться ему и ждать, чѣмъ онъ обрадуетъ?

Друкартъ все, конечно, обдумалъ, какъ ему исполнить возложенное на него порученіе: онъ хотѣлъ оставить еврея гдѣ будетъ удобно внизу и велѣть доложить митрополиту объ одномъ себѣ и единолично, спокойно и послѣдовательно изложить все дѣло и, насколько возможно, склонить добраго старца къ состраданію несчастному интролигатору, а тамъ разумѣется,—что̀ будетъ, то будетъ.

Не знаю: вышло бы хорошо или худо, если бы дѣло пошло такимъ образомъ, по объясненному, разсчитанному плану; но все это никуда не годилось, потому что съ верховъ для развязки всей этой исторіи учрежденъ былъ другой планъ.

Напоминаю, что это было въ самый превосходный, погожій день. Покойный владыка Филаретъ тогда уже былъ близокъ къ закату дней и постоянно прихварывалъ, и даже очень мучительно и тяжко. Страданія его облегчалъ профессоръ Вл. Аф. Караваевъ, а еще чаще его помощникъ г. Заславскій, котораго покойный въ шутку звалъ: «отецъ Заславскій». Промежутки, когда онъ былъ здоровѣе и могъ обходиться безъ визитовъ «отца Заславскаго», были непродолжительны и нечасты, но однако бывали — и тогда онъ бодрился и даже выходилъ на воздухъ.

Жидъ и его предстатель какъ разъ попали на такой случай: не успѣли они, обогнувъ колокольню, завернуть вправо къ митрополитскимъ покоямъ, какъ увидали у дверей на помостѣ небольшую группу чернецовъ,—кажется, по разсказу, человѣка три или четыре, и между ними самъ владыка.

Выйдя на короткое, вѣроятно, время вздохнуть мягкимъ воздухомъ прекраснаго дня, митрополитъ былъ безъ клобука и всякихъ другихъ знаковъ своего сана,—по-домашнему, въ теплой шубкѣ и мякенькомъ колпачкѣ, но Друкартъ узналъ его издали и, поклонясь, подошелъ и началъ излагать цѣль своего посольства.

Митрополитъ слушалъ, не обнаруживая никакого вниманія и прищуривая прозрачныя, тогда уже потемнѣвшія вѣки своихъ глазъ, и все смотрѣлъ на крышу одного изъ куполовъ великой церкви, по которому на угрѣвѣ расположились голуби, галки и воробьи. Повидимому его, какъ будто, очень занимали птицы, но когда Друкартъ досказалъ ему исторію—какъ наемщикъ обманулъ своего нанимателя, онъ тихонько улыбнулся и проговорилъ:

— Ишь ты, воръ у вора дубинку укралъ,—и, покачавъ головою, опять продолжалъ смотрѣть на птичекъ.

— Владыка, — говорилъ ему между тѣмъ Друкартъ,— это дѣло теперь въ такомъ положеніи...—И онъ изложилъ все извѣстное намъ положеніе.

Митрополитъ молчалъ и попрежнему вдыхалъ въ себя воздухъ и смотрѣлъ на птицъ.

Положеніе посла становилось затруднительно,—онъ еще разсказалъ что-то, и умолкъ; владыка тоже молчалъ и смотрѣлъ на птичекъ.

— Что прикажете доложить князю, ваше высокопреосвященство,—снова попытался такъ Друкартъ.—Его сіятельство усердно васъ проситъ, такъ какъ законъ ставитъ его въ невозможность...

— Законъ... въ невозможность... меня проситъ!—какъ бы вслухъ подумалъ митрополитъ, и вдругъ неожиданно перевелъ глаза на интролигатора, который, страшно безпокоясь, стоялъ немного поодаль передъ нимъ въ согбенной позѣ...

Слабыя вѣки престарѣлаго владыки опустились и опять поднялись и нижняя челюсть задвигалась:

— А? что же мнѣ съ тобою дѣлать, жидъ! — протянулъ

онъ и добавилъ вопросительно: — а? Ишь ты какой дуракъ!

Дергавшійся на мѣстѣ интролигаторъ, заслышавъ обращенное къ нему слово, такъ и рухнулся на землю и пошелъ извиваться, рыдая и лепеча опять: «Іешу! Іешу! Ганоцри! Ганоцри!»

— Что ты, глупый, кричишь? — проговорилъ митрополитъ.

— Ой васе... ой васе... васе высокопреосвященство... коли же... коли же никто... никто... якъ ви...

— Неправда; никто, какъ Богъ, а не я,—глупый ты!

— Ой Богъ, ой Богъ... Ой Іешу, Іешу...

— Зачѣмъ говоришь Іешу? — скажи: Господи Іисусе Христе!

— Ой, коли же... Господи ой, Сусе Хриште... Ой, ой, дай мине... дай мине, гошподинъ... гошподи... дай мое дѣтко!

— Ну, вотъ такъ!.. Глупый...

— Онъ до безумія измученъ, владыка, и... удивительно какъ онъ еще держится,—поддержалъ тутъ Друкартъ.

Митрополитъ вздохнулъ и, тихо протянувъ съ задушевностью въ голосѣ:

— Любы николи же ослабѣваетъ,—опять поднялъ глаза къ птичкамъ и вдругъ какъ бы имъ сказалъ:

— Недостоинъ онъ крещенія... отослать его въ пріемъ,— и съ этимъ онъ въ то же самое мгновеніе повернулся и ушелъ въ свои покои.

Апелляціи на этотъ *владычный судъ* не было, и всѣ были довольны, какъ истинно «смиреннѣйшій» первосвятитель сталъ вверху всѣхъ положеній. «Недостойнаго» крещенія хитреца привели въ пріемъ и забрили, а ребенка отдали его отцу. Ихъ счастьемъ и радостью любоваться было некогда; забритый же наемщикъ, сколько мнѣ помнится, послѣ пріема окрестился: онъ не захотѣлъ потерять хорошей крестной матери и тѣхъ тридцати рублей, которые тогда давались каждому новокрещенцу-еврею...

Значитъ и съ этой стороны потери не было, и я на этомъ могъ бы и окончить свой разсказъ, если бы къ нему не принадлежалъ особый, весьма замѣчательный эпилогъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

(Глава вмѣсто эпилога).

Съ прекращеніемъ крымской войны и возникновеніемъ гласности и новыхъ теченій въ литературѣ, не мало молодыхъ людей оставили службу и пустились искать занятій при частныхъ дѣлахъ, которыхъ тогда вдругъ развернулось довольно много. Этимъ движеніемъ былъ увлеченъ и я.

Мнѣ привелось примкнуть къ операціямъ одного англійскаго торговаго дома, по дѣламъ котораго я около трехъ лѣтъ былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ.

Останавливаясь, какъ требовали дѣла, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, иногда довольно подолгу, я въ свободное время много читалъ и покупалъ интересовавшихъ меня старыхъ и новыхъ сочиненій. Такъ, купивъ разъ на ярмаркѣ у воротъ Троице-Сергіевской лавры сочиненія Вольтера, я заинтересовался нападками этого писателя на Библію. Что это въ самомъ дѣлѣ: какъ и *на чемъ* могло быть написано Моѵсеемъ Пятокнижіе, *какимъ способомъ* могъ быть истолченъ въ порошокъ золотой телецъ, когда золото въ порошокъ не толчется, и тому подобные вопросы меня и заставляли искать на нихъ удовлетворительнаго, резоннаго рѣшенія.

Мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало достать и прочесть такъ-называемыя: *Іудейскія письма къ господину Вольтеру*, давно разошедшееся русское изданіе которыхъ составляетъ библіографическую рѣдкость.

За полученіемъ книгъ въ этомъ родѣ тогда обращались въ московскій магазинъ Кольчугина на Никольской, но тамъ на этотъ случай тоже не было этой книги, и мнѣ указали на другую лавку, приказчикъ которой мнѣ обѣ-

щалъ достать *Іудейскія письма* у какого-то знакомаго ему переплетчика.

Я ждалъ и навѣдывался, когда достанутъ, а книги все не доставали: говорили, что переплетчика этого нѣтъ, что онъ гдѣ-то въ отлучкѣ.

Такъ дотянулось время, что мнѣ надо было уже и уѣзжать изъ Москвы, и вотъ наканунѣ самаго отъѣзда я еще разъ зашелъ въ лавку и мнѣ говорятъ:

— Онъ пріѣхалъ, посидите: долженъ сейчасъ принести.

Я присѣлъ и пересматриваю кое-какое книжное старье, какъ вдругъ слышу говорятъ:

— Несетъ!

Съ этимъ, вижу, въ лавку входитъ *старикъ*, — сѣдой, очень смирнаго, покойнаго вида, но съ несомнѣнно еврейскимъ обличьемъ,—одѣтъ въ русскую мѣщанскую чуйку и въ русскомъ суконномъ картузѣ съ большимъ козыремъ, а въ рукахъ связка книгъ, въ синемъ бумажномъ платкѣ.

— Ишь какъ ты долго, Григорій Иванычъ, собирался,— говорятъ ему.

— Часу не было, — отвѣчаетъ онъ, спокойно кладя на прилавокъ и вывязывая изъ платка книги.

Ему, не говоря ни слова, заплатили сколько-то денегъ, а мнѣ сказали, что пришлютъ книги вечеромъ вмѣстѣ съ другими и со счетомъ.

Понятно, что это былъ торговый пріемъ, — да и не въ этомъ дѣло; а мнѣ нравился самъ переплетчикъ, и я съ нимъ разговорился. Предметомъ разговора были поначалу эти же принесенныя имъ книги: «Іудейскія письма къ господину Вольтеру».

— Интересныя,—говорю,—эти книги?

— Н...да,—отвѣчаетъ, — разумѣется... кто не читалъ, — интересныя.

— Какъ вамъ кажется: дѣйствительно ли онѣ писаны раввинами?

— Н...н., Богъ знаетъ,—отвѣчалъ онъ словно немножко нехотя, и вдругъ, привѣтно улыбнувшись, добавилъ:—чи-

тали, можетъ-быть, про Бубель (въ рѣчи его было много еврейскаго произношенія): она про що нѣмуетъ, якъ онѣмѣвшій Схарія, про що гугнитъ, якъ Моѵсей... Кто ее во всемъ допытать можетъ? Фай! ничего не разберешь!—вотъ Евангеліумъ—то книжка простая, ясная, а Бубель...

Онъ махнулъ рукою и добавилъ:

— Богъ знаетъ, що тамъ когда и якъ да еще и на чемъ писано?—съ того съ ума сходили!

Я выразилъ нѣкоторое удивленіе, что онъ знаетъ Евангеліе.

— А що тутъ за удивительно, якъ я христіанинъ?..

— И вы давно приняли христіанство?

— Нѣтъ, не очень давно...

— Кто же васъ убѣдилъ въ христіанствѣ?

— Ну, то же ясно есть и у Бубель: тамъ писано, що Мессія во второмъ храмѣ повиненъ придти, ну я и увидалъ, що Онъ пришелъ... Что же еще шукать али ждать, якъ Онъ уже съ нами?

— Однако евреи всѣ это мѣсто читали, а не вѣрятъ.

— Не вѣрятъ, бо они тѣхъ толмудовъ да еще чего-нибудь пустого начитались и Богъ знаетъ якіи себѣ вытребеньки повыдумляли: якій Онъ буде Мессія и якъ Онъ ни бы то никому не вѣдомо откуда явится и по земному царевать станетъ, а они станутъ понувать въ мірѣ... Але все то пустое: Онъ пришелъ въ нашемъ, въ рабскомъ тѣлѣ и намъ треба только держати Его учительство. Прощайте!

Онъ поклонился и вышелъ, а я разговорился о немъ съ лавочникомъ, который разсказалъ мнѣ, что это человѣкъ «очень умственный».

— Да какой,—говорю,—въ самомъ дѣлѣ онъ вѣры?

— Да истинно,—отвѣчаетъ,—онъ крещеный,—иные его даже въ родѣ подвижника понимаютъ.

— Онъ,—говорю,—и начитанный, кажется?

— Про это и говорить нечего, но только рѣдко съ кѣмъ о книгахъ говоритъ, и то словцо кинетъ, да рукой махнетъ; а своимъ, жидамъ, акъ толкуетъ и обращаетъ ихъ и много

отъ нихъ терпитъ: они его и били, и даже разъ удавить хотѣли, ну, онъ не робѣетъ: «приходилъ,—говоритъ,—Христосъ и другого не ждите,—не будетъ».

— Ну, а они что же?

— Ну, и они тоже руками махаютъ. Такъ и махаютъ и онъ махнетъ, и они махаютъ, а сами все гыръ-гыръ, какъ звѣрье рычатъ, а потомъ и ничего,—образумятся.

— И семья у него вся христіане?

Купецъ засмѣялся.

— Какая же,—говоритъ,—у него можетъ быть семья, когда онъ этакой суевѣръ?

— Чѣмъ же суевѣръ?

— Да, а какъ его иначе понимать: никакого правила не держитъ и деньги тоже...

— Деньги любитъ?—перебиваю.

— Какой же любитъ, когда все, что заработаетъ—одною рукою возьметъ, а другою отдастъ.

— Кому же?

— Все равно.

— Только евреямъ или христіанамъ?

— Говорю вамъ: все равно. Онъ вѣдь помѣшанъ.

— Будто!

— Вѣрно вамъ говорю: съ нимъ случай былъ.

— Какой?

Тутъ и самъ этотъ мой собесѣдникъ рукою замахалъ.

— Давно,—говоритъ,—у него гдѣ-то сына что ли въ наборъ было взяли, да что-то такое тонулъ онъ, да крокодилъ его кусалъ, а потомъ съ наемщикомъ у него вышло, что принять его не могли, пока кіевскій Филаретъ благословилъ, чтобы ему лобъ забрить; ну, а сынишка-то самъ собою послѣ вскорѣ умеръ, заморили его, говорятъ, ставщики, и жена померла, а самъ онъ—этотъ человѣкъ—подъупавши былъ въ состояніи и... «надо,—говоритъ,—мнѣ больше не о земномъ думать, а о небесномъ, потому самое лучшее,—говоритъ,—разрѣшиться и со Христомъ быть...»

Ну, тутъ мнѣ и вспомнилось, гдѣ я этого человѣка ви-

дѣлъ, и вышло по присловію: «привелъ Богъ свидѣться да нечего дать»: онъ былъ уже слишкомъ много меня богаче.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

И еще два слова въ личное мое оправданіе.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ Петербургѣ разсказываютъ странную исторію: одинъ извѣстнѣйшій «іерусалимскій баронъ» добивается, чтобы ему дали подрядъ на нашу армію. Опасаясь, что этотъ господинъ все дѣло поведетъ съ жидами и по-жидовски, ему не хотятъ дать этой операціи... И что же: седьмого или восьмого сего февраля читаю объ этомъ уже въ газетахъ, съ дополненіемъ, что «іерусалимскій баронъ» кинулся ко «всемогущимъ патронессамъ», которыя придумали самое благонадежное средство поправить дѣло *въ своемъ вкусѣ: онѣ крестятъ барона, и, кажется, со всею его подрядною свитою!!..*

Газеты называютъ это «новымъ миссіонерскимъ пріемомъ» и говорятъ («Нов. Время» № 340), что «люди, отъ которыхъ зависитъ отдача сукна, подметокъ, овса и сѣна, у насъ могутъ быть миссіонерами гораздо счастливѣе тѣхъ нашихъ миссіонеровъ, которые такъ неуспѣшно дѣйствуютъ на дальнемъ Востокѣ». Газета находитъ возможнымъ, что «наши великосвѣтскія старухи воспользуются счастливою мыслью обращать въ православіе за небольшую поставку сапожнаго товара».

Констатируя этотъ фактъ, какъ неоспоримое доказательство, что моя книжка «*На краю свѣта*» ничего въ воззрѣніи великосвѣтскихъ крестителей не измѣнила, я почтительно прошу моихъ высокопросвѣщенныхъ судей—вмѣнить мнѣ это въ облегчающее обстоятельство.

ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ.

Изъ Гостомельскихъ воспоминаній.

Разсказъ чиновника особ. порученій.

Капля камень долбитъ.
Пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

При прежнемъ губернаторѣ у насъ не позволялось курить въ канцеляріи. Старшіе чиновники обыкновенно куривали въ маленькой комнаткѣ, за правительскимъ кабинетомъ, а младшіе — въ сторожкѣ. Въ этомъ куреніи у нашихъ чиновниковъ уходила большая половина служебнаго времени. Я и мои товарищи, состоявшіе по особымъ порученіямъ, не обязаны были сидѣть въ канцеляріи и потому не нуждались вовсе въ канцелярскихъ курильныхъ закоулкахъ; но все-таки каждый изъ насъ считалъ своею обязанностью придти покоптить папиросным дымомъ стѣны комнаты, находившейся за правительскимъ кабинетомъ. Эта комната была для насъ сборнымъ мѣстомъ, въ которое всякій спѣшилъ поболтать, посплетничать, посмѣяться и посовѣтоваться. Засѣданія здѣсь длились иногда до тѣхъ поръ, пока сторожъ Кузмичъ, отворяя двери, возглашалъ. «правитель вышли, ваше высокоблагородіе».

Одинъ разъ, наработавшись вволю надъ пересмотромъ только что оконченнаго мною слѣдствія, я вышелъ прогу-

ляться. День былъ прекрасный, теплый, съ крышъ падали капельки и на перекресткахъ улицъ стояли лужи. Шагъ за шагомъ я дошелъ до Болховской улицы и вздумалъ зайти покурить въ канцелярію. Правитель былъ съ докладомъ у губернатора. Въ комнатѣ за правительскимъ кабинетомъ я засталъ двухъ помощниковъ правителя, полицмейстера и одного изъ моихъ товарищей, только что возвратившагося съ слѣдствія изъ дальняго уѣзда. Пожавъ поданныя мнѣ руки, я закурилъ папироску и сѣлъ на окно, ничѣмъ не прерывая бесѣды, начатой до моего прихода. Возвратившійся молодой чиновникъ особыхъ порученій съ жаромъ разсказывалъ объ открытыхъ имъ злоупотребленіяхъ по М—скому полицейскому управленію. Въ разсказѣ собственно не было ничего занимательнаго и имъ болѣе всѣхъ былъ заинтересованъ самъ разсказчикъ, вѣровавшій, что въ нашей административной организаціи обнаружить зло,— значитъ сдѣлать шагъ къ его искорененію. Изъ помощниковъ правителя одинъ таки слушалъ этотъ разсказъ, но другой безъ церемоніи барабанилъ по окнамъ пальцами, а полицмейстеръ, осѣдлавъ ногами свою кавалерійскую саблю, пускалъ изъ-подъ усовъ колечки изъ дыма и какъ бы собирался сказать: «глупъ еси ты, младый вьюношъ!»

Среди такихъ нашихъ занятій растворилась дверь, соединявшая комнатку съ правительскимъ кабинетомъ, и правитель проговорилъ кому-то:

— Вотъ нашъ клубъ. Прошу васъ здѣсь покурить; а я сейчасъ отдѣлаюсь и буду къ вашимъ услугамъ.

Въ двери показался высокій господинъ, лѣтъ сорока, въ очкахъ, съ небольшою лысиною и ласковымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Господинъ Денъ,—проговорилъ правитель, рекомендуя намъ введеннаго имъ господина. — Господинъ Денъ пріѣхалъ, господа, съ полномочіемъ князя К* на управленіе его имѣніями. Прошу васъ съ нимъ познакомиться. Это мои сотрудники N. X. I. Z.,—отрекомендовалъ насъ правитель господину Дену. Начались рукожатія и отрывочныя:

«очень радъ, весьма пріятно» и т. д. Правитель съ полицмейстеромъ вышли въ кабинетъ, а мы опять начали прерванный кейфъ.

— Вы давно въ нашихъ краяхъ?—спросилъ съ любезной улыбкой мой молодой товарищъ г. Дена.

— Я первый разъ въ О—ской губерніи, и только со вчерашняго дня,—отвѣчалъ г. Денъ, съ не менѣе любезной улыбкой.

— Да; я не то спросилъ. Я хотѣлъ сказать: вы уже знакомы съ нашей губерніей?

— Не знаю, какъ вамъ отвѣтить. И да, и нѣтъ. Я знакомъ съ имѣніями князя по отчетамъ, которые мнѣ предъявляли въ главной конторѣ, и по разсказамъ моего довѣрителя. Но... впрочемъ, я полагаю, что О—ская губернія то же самое, что и Воронежская и Полтавская, въ которыхъ я управлялъ уже княжескими имѣніями.

— Ну, не совсѣмъ, — отозвался одинъ помощникъ правителя канцеляріи, слывшій у насъ за политико-эконома.

— Въ чемъ же рѣзче всего проявляются особенности О—ской губерніи?—отнесся къ нему Денъ.—Я буду много обязанъ за ваши опытныя указанія.

— Да во многомъ.

— О, я не смѣю спорить; но мнѣ бы хотѣлось узнать, на чемъ именно я могу споткнуться, если буду держаться въ О—ской губерніи системы управленія, принятой мною съ моего пріѣзда въ Россію?

Политико-экономъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ Дену, потому что молодой чиновникъ перебилъ его вопросомъ:

— А вы давно въ Россіи?

— Седьмой годъ,—отвѣчалъ Денъ.

— Вы... если не ошибаюсь...

— Я англичанинъ.

— И такъ хорошо говорите по-русски?

— О, да. Я еще въ Англіи учился по-русски, и теперь опять седьмой годъ изо дня въ день съ крестьянами; что жъ тутъ удивительнаго!

— Вы свыклись и съ нашимъ народомъ, и съ нашими порядками?

— Кажется,—улыбаясь, отвѣтилъ Денъ.

— Имѣнія князя въ нашей губерніи не цвѣтутъ.

— Да, я это слышалъ.

— Вамъ будетъ много труда.

— Какъ вездѣ.

— Можетъ-быть, побольше, какъ въ другомъ мѣстѣ.

— Отчего же?

— Вы знаете, наша губернія по цѣлой Россіи извѣстна.

— Да. Но я ужъ имѣлъ дѣло съ здѣшнимъ народомъ. Я назадъ тому два года принялъ въ Нижнемъ двѣсти семей о—скихъ крестьянъ и сплылъ съ ними по Волгѣ до самой Сызрани и тамъ разселилъ ихъ на пожалованныхъ князю земляхъ. Ничего-съ. Нужна только система. Не нужно быть ни варваромъ, ни потатчикомъ, а вести дѣло систематически, твердо, настойчиво, но разумно. Во всемъ нужна система.

— Гдѣ же вы намѣрены основать свою резиденцію?— спросилъ политико-экономъ.

— Я думаю, въ Солтыковѣ?

— Отчего же не въ Жижкахъ? Тамъ покойная княгиня жила; тамъ есть и готовый домъ, и прислуга; въ Солтыковѣ, кажется, ничего нѣтъ,—замѣтилъ молодой чиновникъ.

— У меня на это есть нѣкоторыя соображенія.

— Своя система, — смѣясь, вставилъ помощникъ правителя.

— Именно.

Правитель съ шляпой на головѣ отворилъ двери и сказалъ Дену:—«ѣдемъ-съ!»

Мы пожали опять другъ другу руки и разстались.

Солтыки находятся въ сосѣдствѣ съ Гостомельскими хуторами. Между ними всего разстоянія считаютъ верстъ девять, не болѣе, и они всегда на-слуху другъ у друга. Заѣзжая по дѣламъ службы въ К—ской уѣздъ, я обыкновенно всегда заворачивалъ на хутора, чтобы повидаться

съ матушкой и взглянуть на ея утлое хозяйство. Мать моя познакомилась съ Стюартомъ Яковлевичемъ Деномъ и съ его женою, и при всякомъ свиданіи со мной все никакъ не могла нахвалиться своими новыми сосѣдями. Особенно она до небесъ превозносила самого Дена.—«Вотъ,—говорила она, — настоящій человѣкъ; умный, разсудительный, аккуратный. Во всемъ у него порядокъ; знаетъ онъ, сколько можно ему издержать, сколько оставить: однимъ словомъ, ужъ видно, что не нашего, дурацкаго, воспитанія. Если бъ наши господа умѣли понимать и цѣнить такихъ людей, такъ давно бы не то было».

Другіе сосѣди тоже были безъ ума отъ Дена. — Денъ говоритъ, такъ-то надо дѣлать; Денъ такъ-то не совѣтуетъ дѣлать; только и словъ. Разсказамъ конца нѣтъ. Повѣствуютъ, какъ все отмѣнилось въ княжескихъ имѣніяхъ съ пріѣзда Стюарта Яковлевича, все, говорятъ, на ноги поднялъ; даже отъявленныхъ воровъ, которыхъ въ нашемъ краѣ урожай, и тѣхъ опредѣлилъ въ дѣло. Да еще такъ: самыхъ извѣстныхъ лѣнтяевъ подѣлалъ надсмотрщиками по работамъ; а воровъ, по нѣскольку разъ бывшихъ въ острогѣ, назначилъ въ экономы, въ ключники, да въ ларечники, и все идетъ такъ, что цѣлый округъ завидуетъ.— «Вотъ, думаю себѣ,—дока-то на к—скихъ мужиковъ явился!»

Хотѣлось мнѣ самому посмотрѣть на солтыковскія диковины, да все какъ-то не приходилось. А тѣмъ временемъ годочка полтора прошло и опять наступила зима.

Вечеромъ 4-го декабря жандармъ принесъ мнѣ записку, въ которой дежурный чиновникъ звалъ меня вечеромъ въ одиннадцать часовъ къ губернатору.

— Вы, кажется, здѣшній уроженецъ? — спросилъ меня губернаторъ, когда я вошелъ къ нему вечеромъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Вы живали въ К—скомъ уѣздѣ?

— Я тамъ провелъ мое дѣтство.

— И у васъ тамъ много знакомыхъ?—продолжалъ спрашивать губернаторъ.

«Что же, — лихо!» подумалъ я, выдерживая этотъ допросъ, и отвѣчалъ, — что я хорошо знаю почти весь уѣздъ.

— У меня къ вамъ есть просьба, — началъ губернаторъ. — Пишетъ мнѣ изъ Парижа князь К*, что послалъ онъ въ свои здѣшнія имѣнія англичанина Дена, человѣка свѣдущаго и давно извѣстнаго князю съ отличной стороны, а между тѣмъ никакъ не огребется отъ жалобъ на него. Сдѣлайте милость,—не въ службу, а въ дружбу:—съѣздите вы въ К—ской уѣздъ, разузнайте это дѣло по-совѣсти и дайте мнѣ случай поступить по-совѣсти же.

Поѣхалъ я въ *К—мы* въ эту же ночь, а къ утреннему чаю былъ у моей матери. Тамъ о жалобахъ к—скихъ крестьянъ на Дена и слуху нѣтъ. Спрашиваю матушку: — не слыхала ли, какъ живутъ солтыковскіе мужики?

— Нѣтъ, мой другъ, не слыхала, — говоритъ. — А впрочемъ, что имъ при Стюартѣ Яковлевичѣ?

— Можетъ-быть, горячъ онъ.

— Въ порядкѣ, разумѣется, спрашиваетъ.

— Сѣчетъ, можетъ, много?

— Что ты! что ты! Да у него и розогъ въ поминѣ нѣтъ! Кого если сѣкутъ, такъ на сходкѣ: по мірской волѣ.

— Можетъ-быть, онъ...

— Что?

— Чужбинку любитъ?

— О, дуракъ! право дуракъ!—проговорила мать и плюнула.

— Да вы чего, матушка, сердитесь-то?

— Да что жъ ты глупости говоришь!

— Отчего же глупости? Вѣдь вы, чай, знаете, что это бываетъ.

— Подумай самъ: вѣдь онъ женатый!

— Да вѣдь и вашъ племянникъ Іосафъ Михайловичъ женатъ.

— Э! поди ты! — опять крикнула мать, плохо скрывая свою улыбку.

— Ну, чѣмъ же-нибудь онъ да не угодилъ на крестьянъ.

— Что, мой другъ, чѣмъ угождать-то! Они голманы были, голманы и есть. Баловство да воровство,—вотъ что имъ нужно.

Объѣхалъ два-три сосѣдніе дома,—то же самое. На Николинъ день въ селѣ ярмарка. Зашелъ на поповку, побесѣдовалъ съ духовными, стараясь между рѣчами узнать что-нибудь о причинахъ неудовольствія крестьянъ на Дена,—но отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ, что Стюартъ Яковлевичъ такой управитель, какого и въ свѣтѣ нѣтъ.—«Просто,—говорятъ,—отецъ родной для мужика».—Что тутъ дѣлать? Вѣрно, думаю себѣ, въ самомъ дѣлѣ врутъ мужики. Такъ приходилось ни съ чѣмъ ѣхать въ губернскій городъ.

Въ К—махъ я заѣхалъ, безъ всякой цѣли, къ старому пріятелю моего покойнаго отца, купцу Рукавичникову. Я хотѣлъ только обогрѣться у старика чайкомъ, пока мнѣ приведутъ почтовыхъ лошадей, но онъ ни за что не хотѣлъ отпустить меня безъ обѣда.—«У меня,—говоритъ,—сегодня младшій сынокъ именинникъ; пирогъ въ печи сидитъ, а я тебя пущу! Нѣтъ, баринъ, и не думай. А то вотъ призову старуху съ невѣстками и велю кланяться». — Надо было оставаться.

— Тѣмъ часомъ, пойдемъ, чайку попьемъ,—сказалъ мнѣ Рукавичниковъ.

Намъ подали на мезонинъ брюхастый самоваръ, и мы съ хозяиномъ засѣли за чай.

— Ты, что, парень, былъ у насъ волей, неволей или своей охотой? спросилъ меня Рукавичниковъ, когда мы усѣлись и онъ запарилъ чай и покрылъ чайникъ бѣлымъ полотенцемъ.

— Да, и волей, и неволей, и своей охотой, Петръ Ананьичъ,—отвѣчалъ я.

— Небось, опять по расколу что затѣваетъ вашъ большакъ?

— Нѣтъ, слава Богу, не то.

— Какое жъ такое дѣло?

Я зналъ, что Петръ Ананьичъ ко мнѣ очень расположенъ и что онъ человѣкъ умный, скромный и весь уѣздъ знаетъ какъ свои пять пальцевъ.

— Вотъ,—говорю,—какое дѣло, и пустое, да и мудреное,—и разсказалъ ему свое порученіе.

Петръ Ананьичъ слушалъ меня внимательно и во время разсказа нѣсколько разъ улыбался; а когда я кончилъ, проговорилъ только:—«Это, парень, загвоздка».

— А вы знаете Дена?

— Какъ, сударь, не знать!—знаемъ.

— Ну, что вы о немъ скажете?

— Да, что жъ о немъ сказать?.. проговорилъ старикъ, разведя руками.

— Хорошій онъ человѣкъ?

— Надо быть хорошій.

— Честный?

— И въ этомъ покорить грѣхъ.

— Строгъ ужъ, что ли, очень?

— Ничего этого не слышно.

— Что жъ это, съ чего на него жалуются-то?

— А какъ тебѣ сказать.... не по нутру онъ мужикамъ, вотъ и жалобы.

— Да отчего не по нутру-то?

— Порядки, говорятъ, очень тяжелы.

— Работой, что ли, отягощаетъ?—все добиваюсь я у Рукавичникова.

— Ну, какое отягощеніе! Вдвое противъ прежняго имъ теперь легче... А! да вотъ постой! Филатъ! Филатъ!—крикнулъ въ форточку Рукавичниковъ. — Вотъ сейчасъ гусли заведемъ,—прибавилъ онъ, закрывъ окно и снова усѣвшись за столикъ.

Въ комнату влѣзъ маленькій подслѣповатый мужичокъ съ гноящимися глазками и началъ креститься на образа.

— Здравствуй, Филатъ Егорычъ!—сказалъ Рукавичниковъ, давъ мужичку окреститься.

— Здравствуйте, батюшка Петръ Ананьичъ.

— Какъ живешь-можешь?

— Ась?

— Какъ, молъ, живешь?

— А! Да все сла-тѣ Богу живемъ.

— Дома все ли здорово?

— Ничего будто.

— Всѣмъ, значитъ, довольны?

— Ась?

— Всѣмъ, молъ, довольны?

— И—и! Чѣмъ довольными-то намъ быть.

— Что жъ худо?

— Да все Богъ его знаетъ; будто какъ невольготно показывается.

— Управитель, что ль, опять

— Да, а то кто жъ!

— Аль чѣмъ изобидѣлъ?

— Да такъ будто.

— Что жъ такое?

— Вотъ заводъ затѣялъ строить.

— Ну?

— Ну и въ заработки на Украйну не пущаетъ.

— Никого?

— Ни одного плотника не пустилъ.

— Это не хорошо.

— Какое жъ хорошство! Барину жалились; два прошенія послали, да все никакой еще лизируціи нѣтъ.

— Поди жъ ты горе какое! — замѣтилъ Рукавичниковъ.

— Да. Такъ вотъ и маемся съ эстакимъ съ ворогомъ.

— Видите, какой мошенникъ вашъ Денъ!—сказалъ, обратясь ко мнѣ, Рукавичниковъ.

Мужикъ въ меня воззрился.

— А вотъ теперь я вамъ разскажу, — продолжалъ мой хозяинъ, — какой мошенникъ вотъ этотъ самый Филатъ Егорычъ.

Мужикъ не обнаружилъ никакого волненія.

— Господинъ Денъ, ихній управляющій, человѣкъ добрѣйшей души и честнѣйшихъ правилъ...

— Это точно, — встрѣлъ мужичокъ.

— Да. Но этотъ г. Денъ съ ними не умѣетъ ладить. Все какіе-то свои порядки тамъ заводитъ; а по-моему, не порядки онъ заводитъ, а просто слабый онъ человѣкъ.

— Это какъ есть слабый, — опять подсказалъ мужичокъ.

— Да. Онъ вотъ у нихъ другой годъ, а спросите: тронулъ ли онъ кого пальцемъ? Что̀, правду говорю или вру?

— Это такъ.

— Вотъ, изволите видѣть, имъ это не нравится. Наказанія у него все мягкія, да и то гдѣ-гдѣ соберется; работа урочная, но легкая: сдѣлай свое и иди куда хочешь.

— Ступай, значитъ.

— Что?

— Сдѣламши свое, — ступай, говорю, куда хочешь, — повторилъ мужичокъ.

— Да. Ну-съ, а они вотъ на него жалобы строчатъ.

Мужикъ молчалъ.

— Ну, а на заработки-то онъ ихъ зачѣмъ же не пускаетъ?—говорилъ я.

— Не пускаетъ-съ, не пускаетъ. А вы вотъ извольте разспросить Филата Егоровича, много ли ему его сыночекъ за два года изъ работы принесъ. Разскажи-ка, Филатъ Егорычъ.

Мужичокъ молчалъ.

— А принесъ ему, сударь мой, его сыночекъ украинскую сумку, а въ ней сломаную аглицкую рубанку, а молодой хозяйкѣ съ дѣтками французскій подарочекъ, отъ котораго чуть у цѣлой семьи носы не попроваливались. Вру, что-ль? — опять обратился Рукавичниковъ къ мужичку.

— Нѣтъ, это было.

— Да, было. Ну-съ, а Стюартъ Яковлевичъ задумалъ заводъ винный построить. Я его за это хвалю, потому что онъ не махину какую заводитъ, а только для своего хлѣба, чтобъ перекурить свой хлѣбъ, а бардой скотинку воспитать. Приходили къ нему разные рядчики. Брали всю эту постройку на отрядъ за пять тысячъ, онъ не далъ. Зачѣмъ онъ не далъ?

— Мы этого знать не могимъ, — отвѣчалъ Филатъ Егорычъ.

— Нѣтъ, врешь, братъ,—знаешь. Онъ вамъ высчитывалъ, что съ него чужіе просятъ за постройку; выкладалъ, почемъ вамъ обходится мѣсяцъ платою у подрядчика, и далъ вамъ рублемъ на человѣка въ мѣсяцъ дороже, только чтобъ не болтались, а дома работали.

— Это такая говорка точно была.

— То-то, а не немогимъ знать. Ну, а они вотъ теперь, небось, настрочили, что на работу не пущаетъ, все на заводѣ моритъ; а насчетъ платы ни-ни-ни. Такъ, что-ль?

— Не знаю я этого.

— Да ужъ это какъ водится. Вотъ вамъ и Филатъ Егорычъ, старый мой другъ и пріятель! Любите-жалуйте его.

Мужичокъ осклабился.

— А вотъ меня бы вамъ въ управители!—шутливо продолжалъ Рукавичниковъ.—А! Приняли бъ вы меня?

— Да съ чего жъ?

— И не ссорились бы мы никогда; все бы у насъ по-любезному пошло. Потому что порядокъ бы у насъ душевный былъ. Ты, Филатъ Егорычъ, пробаловался — на клинъ тебя; молодой парень какой гдѣ проворовался или что другое — за виски его посмыкалъ; раздобылся чѣмъ такимъ на Украйнѣ, въ родѣ вотъ Филата Егорыча сынка, ну — въ больницу его, а потомъ покропилъ березовымъ кропильцемъ, да и опять пущай. Такъ, что ли, Филатъ Егорычъ?

— По-нашему, такъ.

— Ну вотъ! Вѣдь я знаю.

Мужичка отпустили.

— Что же это такое однако? — спрашивалъ я Рукавичникова, соображая, что̀ скажетъ о Денѣ.

— А вотъ видишь самъ, сударь мой. Господинъ Денъ человѣкъ хорошій, да не нашъ; мой бы ему совѣтъ уходить отсюда, а не то они ему подведутъ машину.

Разсказалъ я это дѣло губернатору во всей подробности. Губернаторъ просто на стѣну прыгаетъ: доволенъ, что въ его губерніи завелся такой сельскій администраторъ, какъ Стюартъ Яковлевичъ Денъ.

Въ пятницу на масленицѣ у губернатора были званые блины. Весь городъ почти собрался. За столомъ дежурный чиновникъ подалъ губернатору конвертъ. Губернаторъ сорвалъ печать, прочелъ бумагу и отпустилъ дежурнаго со словомъ: «хорошо!» Но видно было, что что-то совсѣмъ не хорошо. Вставши изъ-за стола, губернаторъ поговорилъ кое-съ-кѣмъ изъ гостей и незамѣтно вышелъ съ правителемъ въ кабинетъ, а черезъ четверть часа и меня туда позвали. Губернаторъ стоялъ, облокотясь на свою конторку, а правитель что-то писалъ за его письменнымъ столомъ.

— Скверное дѣло случилось,—сказалъ губернаторъ, обратясь ко мнѣ.—Въ Солтыковѣ бунтъ.

— Какъ бунтъ?

— Да вотъ читайте.

Губернаторъ подалъ мнѣ съ конторки бумагу, полученную имъ за обѣдомъ. Это было донесеніе к—скаго исправника, писавшаго, что вчера солтыковскіе мужики взбунтовались противъ своего управителя, сожгли его домъ, заводъ и мельницы, а самого управляющаго избили и выгнали вонъ.

— Я посылаю васъ въ Солтыково,—сказалъ губернаторъ, когда я пробѣжалъ донесеніе исправника. — Сейчасъ по-

лучите открытое предписаніе къ инвалидному начальнику; берите команду; дѣлайте, что нужно, но чтобъ бунта не было и чтобъ виновные были открыты. Собирайтесь скорѣе, чтобъ къ утру быть на мѣстѣ и идти по горячимъ слѣдамъ.

— Позвольте мнѣ не брать команды, — сказалъ я губернатору. — Я тамъ всѣхъ знаю и надѣюсь безъ команды исполнить ваше порученіе: команда мнѣ только помѣшаетъ.

— Это какъ знаете, но про всякій случай возьмите предписаніе къ инвалидному начальнику.

Я поклонился и вышелъ, а черезъ четыре часа уже пилъ чай у к—скаго исправника, съ которымъ долженъ былъ вмѣстѣ ѣхать въ Солтыково. Отъ К—мъ до Солтыкова всего верстъ пятнадцать, и мы пріѣхали туда ночью. Остановиться было негдѣ. Управительскій домъ, контора, людская, прачечная, мастерскія—все было сожжено вмѣстѣ съ заводомъ и мельницами, и по чернымъ грудамъ теплаго пепелища еще кое-гдѣ вились синія струйки дыма отъ тлѣющихъ головней. Помѣстились въ избѣ у старосты Лукьяна Мастакова и послали за становымъ. Утромъ ранехонько прибѣжалъ становой и привезъ съ собой солтыковскаго мужичка, Николая Данилова, взятаго имъ вчера подъ арестъ по подозрѣнію въ поджогѣ завода и въ возмущеніи крестьянъ къ бунту.

— Что жъ вы узнали?—спрашиваю я станового.

— Поджогъ былъ-съ.

— Отчего вы это думаете?

— Загорѣлись ночью нежилыя строенія и всѣ сразу.

— Кого же вы подозрѣваете въ поджогѣ?

Становой развелъ руками съ выраженіемъ полнѣйшаго недоумѣнія.

— По какому поводу вы арестовали этого мужика?

— Николая Данилова-то-съ?

— Да.

— Да такъ. Онъ былъ наказанъ въ этотъ день Деномъ,

грубилъ ему и къ тому же ночью оставался у завода, который почти прежде всего вспыхнулъ.

— И только?

— Да, только-съ. Другихъ указаній нѣтъ. Мужики всѣ запираются.

— Вы допрашивали кого-нибудь?

— Дѣлалъ дознаніе.

— И ничего не узнали?

— Ничего пока.

Вошелъ староста и остановился у порога.

— Что скажешь, Лукьянъ Митричъ?—спросилъ я.

— Къ твоей милости.

— То-то, почто къ моей милости?

— Мужики собрались.

— Кто жъ тебѣ приказывалъ ихъ собирать?

— Сами собрались; хотятъ съ тобой гуторить.

— Гдѣ жъ они?

— Да вотъ туточка.—Староста указалъ на окно. Противъ окна стояла огромная толпа крестьянъ. Были и старики, и молодые ребятки, и середовые мужики: всѣ стояли смирно, въ шапкахъ, у нѣкоторыхъ были палки.

— Ого! сколько ихъ, — сказалъ я, сохраняя все спокойствіе.

— Вся отчина,—замѣтилъ староста.

— Ну, поди, Митричъ, скажи имъ, что сейчасъ одѣнусь и выйду.

Староста ушелъ.

— Не ходите!—сказалъ мнѣ становой.

— Отчего?

— Долго ль до грѣха.

— Ну, ужъ теперь поздно. Избяная дверь не спасетъ: если пришли не даромъ, такъ и въ избѣ найдутъ.

Надѣлъ я шубу и вмѣстѣ съ исправникомъ и съ становымъ вышелъ на крылечко. Толпа зашаталась, шапки понемногу стали скидываться съ головъ, но нехотя, не ра-

зомъ, и нѣсколько человѣкъ въ заднихъ рядахъ вовсе не скинули шапокъ.

— Здравствуйте, ребятушки! — сказалъ я, снявъ шапку.

Мужики поклонились и прогудѣли:—«Добраго здоровья!»

— Накройтесь, ребята; холодно.

— Ничего,—опять прогудѣли мужики, и остальныя шапки съ головъ исчезли.

— Пожалуйста покройтесь.

— Мы и такъ постоимъ.

— Наше дѣло привычное.

— Ну, такъ я вамъ велю накрыться.

— Велишь, такое дѣло!

Одинъ-два мужика надѣли шапки, за ними надѣли и остальные.

Успокоился я. Вяжу, что не ошибся, не взявъ команды.

У самаго крыльца стояли сани парой и на нихъ сидѣлъ Николай Даниловъ, съ ногами, забитыми въ березовую колодку. Онъ въ черной свитѣ, подпоясанъ и на головѣ мѣховая шапка. На видъ ему лѣтъ тридцать пять, волосы темнорусые, борода клинушкомъ, взглядъ тревожный и робкій. Вообще лицо выражаетъ какую-то задавленность, но спокойно и довольно благообразно, несмотря на разбитую губу и ссадину на лѣвой скулѣ. Онъ сидитъ безъ движенія и смотритъ то на меня, то на толпу.

— Что же вамъ, ребята, отъ меня желается?—спросилъ я сходку.

— Это ты будешь отъ губернатора-то?—спросилъ меня середовой мужикъ изъ передняго ряда.

— Я.

— Ты чиновникъ?

— Чиновникъ.

— Губернаторскій?

— Да.

— Ну-къ мы съ тобой хотимъ побалакать.

— Извольте. Я вотъ слушаю.

— Нѣтъ, ты сойди оттолева, съ крыльца-то. Мы съ тобой съ однимъ хотимъ погуторить.

Я, не задумываясь, вошелъ въ толпу, которая развернулась, приняла меня въ свои нѣдра и тотчасъ же опять замкнулась, отрѣзавъ меня, такимъ образомъ, отъ исправника и станового.

Середовый мужикъ, пригласившій меня сойти, стоялъ передо мною.

— Ну, о чемъ будемъ говорить?—спросилъ я.

— Ты вѣдь Марьи Петровны сынокъ, что-ль? — опять началъ допрашивать меня тотъ же мужикъ.

— Ну, да. Развѣ не знаете?

— Нѣтъ, мы знаемъ. Мы потому тебя сюда и истребовали, что ты нашъ, тутошній, притоманный.

— О чемъ же хотѣли говорить?

— Да вотъ по этому дѣлу-то.

Послышалось нѣсколько вздоховъ со всѣхъ сторонъ.

— Это вѣдь ваше дѣло, ребята?

— Божье, сударь, Божье, а не наше.

— Зачѣмъ вы выгнали управителя?

— Онъ самъ уѣхалъ.

— Еще бы! коли вы его мало что не убили.

Молчатъ.

— Что теперь будетъ-то?

— Вотъ то-то мы тебя и потребовали, чтобъ ты намъ разсказалъ: что намъ будетъ?

— Каторга будетъ.

— За управителя-то?

— Да, за управителя, за поджогъ, за бунтъ: за все разомъ.

Мужики повѣсили головы.

— Бунта никакого не было,—проговорилъ кто-то.

— Да это что, ребята! отпираться теперь нечего,—сказалъ я.—Дѣла налицо; сами за себя говорятъ. Будете запираться, пойдутъ допросы да переспросы, разовретесь и понесете такую штуку, что всѣ перепутаетесь. А вы бъ подумали, нельзя ли какъ этому дѣлу поумнѣй пособить.

— Это точно,—буркнули опять нѣсколько голосовъ.

— То-то и есть. А теперь прощайте! Говорить намъ, стало, ужъ не о чемъ.

Я тронулъ рукою одного мужика, онъ посторонился, а за нимъ и другіе дали мнѣ дорогу.

Начались допросы. Перваго стали спрашивать Николая Данилова. Передъ допросомъ я велѣлъ снять съ него колодку. Онъ сѣлъ на лавку и равнодушно смотрѣлъ, какъ расклиняли колодку, а потомъ такъ же равнодушно всталъ и подошелъ къ столу.

— Что, дядя Николай! Экое дѣло вы надъ собой сдѣлали!—сказалъ я арестанту.

Николай Даниловъ утеръ рукавомъ носъ и ни слова не отвѣтилъ.

— Что жъ ты за себя скажешь?

— Что, Михайла Иванычъ, говорить-то?—произнесъ онъ съ сильнымъ дрожаніемъ въ голосѣ.

— Да говори, братъ, какъ дѣло было?

— Я вѣдь этого дѣла не знаю, и ни въ чемъ тутъ непричиненъ.

— Врешь!—крикнулъ становой.—Я посмотрѣлъ на станового и, не перемѣняя тона, спросилъ снова:—«Ну, разскажи, что знаешь?»

— Я только не знаю, что со мной было.

— Ну, что съ тобой было?

— Озорничалъ надо мной управитель, да и только.

— Какъ же онъ озорничалъ?

— Да какъ ему хотѣлось.

— Билъ, что ль?

— Нѣтъ, не билъ.

— Что жъ онъ надъ тобой дѣлалъ?

— Срамилъ меня.

— Какъ такъ срамилъ онъ тебя?

— Онъ вѣдь на это документчикъ у насъ.

— Да ты говори, Николай, толкомъ, а то я и отступлюсь отъ тебя,—сказалъ я, махнувъ рукой.

Николай подумалъ, постоялъ и сказалъ: — Позвольте сѣсть. У меня ноги болятъ отъ колодки.

— Садись,—сказалъ я, и велѣлъ подать обвиняемому скамейку.

— Просился я въ работу,—началъ Николай Даниловъ.— Просился со всѣми ребятами еще осенью; ну, онъ насъ въ тѣ поры не пустилъ. А мнѣ безпремѣнно надыть было сходить въ Черниговскую губернію.

— Деньги, что ли, остались за кѣмъ тамъ?

— Нѣтъ.

— Что же?

— Такъ; другое дѣло было.

— Ну!

— Ну, не пустилъ. Заставилъ на заводѣ работать. Я поработалъ недѣлю, да и ушелъ.

— Куда?

— Да туда жъ, куда сказывалъ.

— Въ Черниговскую губернію?

— Ну, да.

— Что жъ у тебя за дѣло такое тамъ было?

— Водку дешевую пить,—подсказалъ становой.

Николай ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что жъ дальше было?

— А дальше зариштовали меня въ Корилевцѣ, да пригнали по пересылкѣ въ нашъ городъ и, пригнамши, сдали управителю.

— Безъ наказанія?

— Нѣтъ, наказали, а опосля ему отдали. Онъ меня сичасъ опять на работу приставилъ, а я тутъ-то, дёнъ десятъ назадъ, опять ушелъ, да зашелъ въ свою деревню, въ Жогово. Ну, тамъ меня бурмистръ сцапалъ, да опять къ управителю назадъ.

— Что жъ онъ, какъ привезли тебя къ нему?

— Велѣлъ на углѣ сидѣть.

— Какъ на углѣ?

— А такъ. Ребята, значитъ, работаютъ, а я чтобъ на

углѣ, на срубѣ передъ всѣмъ міромъ, сложимши руки, сидѣлъ.

— Ну, ты и сидѣлъ?

— Я опять ушелъ.

— Зачѣмъ же?

— Да я ему молился; говорилъ:—«Позвольте стану работать». Не позволилъ.—«Сиди, говоритъ, всѣмъ на показъ. Это тебѣ наказаніе». — «Коли, говорю, хотите наказывать, такъ наказывайте чѣмъ вамъ угодно; высѣките, говорю, меня лучше, чѣмъ буду сидѣть всѣмъ на смѣхъ». Не уважилъ. Какъ зазвонили на обѣдъ, ребята пошли обѣдать, и я ушелъ, да за деревней меня нагнали.

— Ну?

— Ну, тутъ-то ужъ онъ меня и обидѣлъ больше.

— Чѣмъ же?

— На нитку привязалъ.

— Какъ на нитку?

— Такъ,—покраснѣвъ до ушей, нараспѣвъ проговорилъ Николай Даниловъ. — Привелъ къ заводу, велѣлъ лакею принести изъ хоромъ кресло, поставилъ это кресло противъ рабочихъ, посадилъ меня на него, а въ спинку булавку застремилъ да меня къ ней и привязалъ, какъ воробья, ниточкой.

Всѣ засмѣялись, да и нельзя было не смѣяться, глядя на рослаго, здороваго мужика, разсказывающаго, какъ его сажали на нитку.

— Ну, и долго ты сидѣлъ на ниткѣ?

Николай Даниловъ вздохнулъ и обтерся. У него даже потъ проступилъ при воспоминаніи о ниткѣ.

— Такъ цѣлый день въ родѣ воробья и сидѣлъ.

— А вечеромъ пожаръ сдѣлался?

— Ночью, а не вечеромъ. Въ третьи пѣтухи, должно, загорѣлось.

— А ты какъ узналъ о пожарѣ?

— Крикъ пошелъ по улицѣ, я услыхалъ; вотъ и все.

— А до тѣхъ поръ, пока крикъ-то пошелъ,—спрашиваю его,—ты гдѣ былъ?

— Дома, спалъ подъ сараемъ.

Говоритъ это покойно, а въ глаза не смотритъ.

— Ну, а управителя какъ выгнали?

— Я этого не знаю ничего.

— Да вѣдь, чай, видѣлъ, какъ передъ заводомъ на кулаки-то подняли!

Молчитъ.

— Вѣдь тутъ ужъ всѣ были?

— Всѣ.

— И всѣ, должно-быть, били?

— Должно, что такъ.

— И ты поукладилъ?

— Нѣтъ, я не билъ.

— Ну, а кто же билъ?

— Всѣ били.

— А ты никого не запримѣтилъ?

— Никого.

Взяли Николая Данилова въ сторону и начали допрашивать ночныхъ сторожей, десятниковъ, Миколаевыхъ семейныхъ, сосѣдей и разныхъ-разныхъ людей. Въ три дня показаній сто сняли. Если бъ это каждое показаніе записать, то стопу бы цѣлую исписалъ, да хорошо, что не зачѣмъ было ихъ записывать,—всѣ какъ одинъ человѣкъ. Что первый сказалъ, то и другіе. А первый объяснилъ, что причины пожара онъ не знаетъ; что, можетъ, это и заподлинно поджогъ, а можетъ и Господь про то только знаетъ; но что онъ самъ въ поджогѣ не участвовалъ и подозрѣнія ни на кого не имѣетъ, опричь какъ развѣ самого управителя, потому что онъ былъ человѣкъ язвительный, даже мужиковъ на нитку въ родѣ воробьевъ сталъ привязывать. Управителя же никто не выгонялъ, а онъ самъ по доброй волѣ выѣхалъ, такъ какъ непріятность ему была отъ мужиковъ: побили его на пожарѣ.

— Кто жъ билъ-то?

— Всѣ били.

— И ты билъ?

— Нѣтъ, я не билъ.

— Ну, запримѣтилъ кого-нибудь?

— Нѣтъ,—міромъ били.

— А ты, стало, отъ міра отсталъ?

Долгое молчаніе, а потомъ рѣшительный отвѣтъ:—«Я не билъ».

— Кто жъ билъ?

— Міромъ били.

— За что?

— Ужъ очень онъ насъ донялъ: даже на нитку, въ родѣ какъ воробьевъ, сталъ привязывать.

Слѣдующія девяносто девять показаній были дословнымъ повтореніемъ перваго и записывались словами: — «Иванъ Ивановъ Сушкинъ, 43 лѣтъ, женатъ, на исповѣди бываетъ, а подъ судомъ не былъ. Показалъ то же, что и Степанъ Тереховъ».

Вижу: разваляютъ изъ этого дѣло ужасное. Подумалъ-подумалъ, и велѣлъ Николая Данилова содержать подъ присмотромъ, а становому съ исправникомъ сказалъ, что на три дня ѣду въ О—лъ. Пріѣхалъ, повидался съ правителемъ и пошли вмѣстѣ къ губернатору. Тотъ вечерній чай пилъ и былъ въ духѣ. Я ему разсказалъ дѣло и, придавая всему, сколько могъ, наивный характеръ, я убѣдилъ его, что собственно никакого бунта не было и что если бы князь К. захотѣлъ простить своихъ мужиковъ, то дѣло о поджогѣ можно бы бросить и не было бы ни слѣдствія, ни экзекуціи, ни плетей, ни каторжной работы, а пошелъ бы старый порядокъ и тишина.

Слова: «порядокъ и тишина» такъ понравились губернатору, что онъ походилъ, подумалъ, потянулъ свою нижнюю губу къ носу и сочинилъ телеграмму въ шестьдесятъ словъ къ князю. Вечеромъ же эта телеграмма отправлена, а черезъ два дня пришелъ отвѣтъ изъ Парижа. Князь телеграфировалъ, что онъ даетъ мужикамъ амнистію, съ

тѣмъ, чтобы они всѣмъ обществомъ испросили у г. Дена прощенія и впередъ не смѣли на него ни за что жаловаться.

Пріѣхалъ я съ этой амнистіей въ Солтыково, собралъ сходку и говорю:—«Ребята! такъ и такъ, князь васъ прощаетъ. Я просилъ за васъ губернатора, а губернаторъ князя, и вотъ отъ князя вамъ прощеніе, съ тѣмъ, чтобы вы тоже выпросили себѣ прощеніе у управителя и впередъ на него не жаловались понапрасну.

Кланяются, благодарятъ.

— Ну, какъ же? Надо вамъ выбрать ходоковъ и послать въ городъ къ управителю съ повинной.

— Выберемъ.

— Нужно это скоро сдѣлать.

— Нынче пошлемъ.

— Да ужъ потомъ не дурачиться.

— Да мы нѣшъ сами рады? Мы ему ничего; только бы его отъ насъ прочь.

— Какъ же прочь! Князь разумѣетъ, что вы теперь будете жить съ Деномъ въ согласіи.

— Это опять его, значитъ, къ намъ?—спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Да, а то что жъ я вамъ говорилъ?

— Таакъ-то! Нѣтъ; мы на это не согласны.

— Вы жъ сами хотѣли нынче же послать ходоковъ: просить у него прощенія.

— Да, мы прощенья попросимъ, а ужъ опять его къ себѣ принять не согласны.

— Такъ слѣдствіе будетъ.

— Ну, что будетъ, то нехай будетъ; а намъ съ нимъ никакъ нельзя обиходиться.

— Что вы врете! Одумайтесь: васъ половинку поссылаютъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! намъ съ нимъ никакъ невозможно. Намъ такого ворога некуда дѣвать.

— Да чѣмъ онъ вамъ ворогъ?

— Какъ же не ворогъ! Мужика, хозяина на нитку, какъ воробья, привязывалъ, да еще не ворогъ!

— Да забудьте вы эту дурацкую нитку! Эка штука большая! Небось лучше бывало при самомъ князѣ? Не издыхали, садовыя дорожки подчищавши; не глаживали, какъ вороные на конюшнѣ стоять?

— Ну, дарма. Онъ господинъ, его была и воля; а ужъ этого, какъ управитель, онъ все жъ не дѣлалъ. Господи помилуй!—на нитку въ родѣ воробья сажать... чего мы надъ собой съ роду родясь не видывали.

— Подумайте, ребята!

— Что думать? думано ужъ. Съ нимъ до грѣха еще хуже дождешься.

— Ну, онъ ужъ не будетъ васъ на нитку привязывать. Я вамъ ручаюсь.

— Онъ другое измыслитъ надъ нами не хуже этого.

— Что ему измыслять?

— Онъ язвительный человѣкъ такой.

— Полноте, ребята. Надо губернатору отвѣтъ дать.

Пауза.

— Что жъ! Мы прощенья просить готовы.

— А управителя примете?

— Этого нельзя сдѣлать.

— Да отчего нельзя-то?

— Онъ язвительный.

. . . . . .

. . . . . .

Ничего больше отъ солтыковскихъ мужиковъ не добились, и пошло уголовное дѣло.

ДОМАШНЯЯ ЧЕЛЯДЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ ПО СОВРЕМЕННОМУ ВОПРОСУ.

«Въ приказѣ холопья суда бьютъ челомъ дворяне и дѣти боярскія на своихъ холопей». *Акты историч. II, 115.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ послѣднее время въ петербургскихъ газетахъ появилось много горячихъ заявленій о прислугѣ. Общій тонъ ихъ таковъ, что теперь прислуга у насъ совсѣмъ испортилась, а что прежде она, будто, была гораздо лучше. Всѣмъ, кажется, очень неудобно и даже не безопасно жить при нынѣшней распущенной прислугѣ, на которую нѣтъ надежной управы и которая день ото дня еще все болѣе и болѣе становится небрежнѣе, дерзче и безчестнѣе. Газеты замѣчаютъ, что служащіе люди не знаютъ своего мѣста и стремятся стать выше своего положенія. Мужчины и женщины проникаются такими новыми разорительными и дурными навыками, какихъ прежде не было. Кухарки, напримѣръ, пьютъ съ утра до ночи кофей и носятъ широчайшія драповыя тальмы; лакеи и повара расчесываютъ капуль а-ля дуракъ, а горничныя стригутъ чолки, посѣщаютъ театры и маскарады и выходятъ со двора не иначе, какъ въ шляпахъ фикъ-фокъ на одинъ бокъ. Чтобы позволять себѣ та-

кое щегольство и роскошь, имъ, разумѣется, недостаточно заслуженнаго жалованья и потому служащіе люди стремятся имѣть посторонніе доходы, а когда ихъ нѣтъ, — они безъ большой борьбы обращаются къ воровству или «расхищенію довѣреннаго ихъ усмотрѣнію хозяйскаго имущества». Судиться же съ ними непріятно, да и мало пользы, такъ какъ взять съ нихъ по бо̀льшей части нечего.

Очень понятно, что при такомъ положеніи долго жить невозможно, — а что положеніе это, дѣйствительно, таково, какъ его представляютъ газеты — въ томъ, къ сожалѣнію, невозможно сомнѣваться. Прислуга очень многимъ дѣлаетъ большія непріятности и всѣ дѣйствительно желаютъ, чтобы противъ безчинства «услуживающихъ людей» какъ можно скорѣе послѣдовали какія-нибудь сильныя правительственныя постановленія. И въ правительственной сферѣ жалобы на нестерпимое безчинство прислуги, говорятъ, будто, услышаны: газеты заявляютъ, что на это дѣло обратилъ вниманіе г. министръ юстиціи и къ удовлетворенію справедливыхъ желаній общества вскорѣ же воспослѣдуютъ цѣлесообразныя распоряженія, въ законодательномъ порядкѣ.

Вмѣшательство властей въ это дѣло вызывается настоятельною необходимостью, а какой отъ этого будетъ результатъ публикѣ, пока ничего неизвѣстно. Пишущему эти строки довелось только видѣть нѣкоторые предложенія и проекты, по поводу которыхъ, можетъ статься, не лишнимъ будетъ привести нѣкоторыя историческія справки.

Сочинители проектовъ, равно какъ и нѣкоторые газетные публицисты воздаютъ много похвалъ старинѣ. Всѣ они пишутъ, между прочимъ, будто русская прислуга только теперь испортилась, или что она теперь, по крайней мѣрѣ, «особенно испортилась», а что прежде когда-то она была, будто бы, прекрасна. А какъ въ публикѣ теперь тоже довольно развитъ вкусъ къ старинѣ, то и публика охотно вѣритъ этому указанію. Такимъ образомъ кажется, какъ будто средство поправить всѣ неудовольствія у насъ подъ

руками: «стòитъ только поворотить къ старому порядку», и опять у насъ будутъ эти «милыя пушкинскія няни», о которыхъ не разъ вспоминали Маркевичъ и кн. Мещерскій, а за нянями появятся и другіе преданные слуги, раньше Пушкина описанные въ старинныхъ русскихъ романахъ.

Публицисты въ этомъ направленіи достигли своей цѣли: мало начитанная русская публика имъ повѣрила; но если эти публицисты искренни, то о нихъ надо пожалѣть, ибо имъ самимъ, очевидно, недостаетъ знанія дѣла, о которомъ они разсуждаютъ. По счастью, это имъ возможно доказать литературною же справкою, и это сдѣлать необходимо.

Если знать старину и желать говорить правду, то нравы русской прислуги всегда были очень дурны. Пожалуй, встарь они были еще гораздо хуже, чѣмъ нынче.

Указывать на «старинныхъ преданныхъ людей», каковые попадались между «русскими няньками», «вѣрными ключницами» и преданными камердинерами», нечего. Безспорно, что такіе хорошіе люди, дѣйствительно, бывали, но они встрѣчались не постоянно и не на каждомъ шагу, какъ обыкновенное и заурядное явленіе, а какъ явленія особенныя, исключительныя или, по крайней мѣрѣ, довольно рѣдкія. Все особенно хорошее на свѣтѣ встрѣчалось не часто, но зато, къ счастью, никогда совсѣмъ и не переводится. И нынче тоже есть очень хорошіе слуги и служанки, которые отличаются терпѣливостью, преданностью и даже благородствомъ и великодушіемъ. Есть люди, которые бѣдствуютъ съ своими хозяевами и иногда служатъ безъ платы и даже закладываютъ для хозяевъ свои собственныя вещи. Все это въ своемъ родѣ исключенія или, по крайней мѣрѣ, рѣдкость въ итогѣ случаевъ, характеризующихъ общее положеніе, на которомъ законодатель долженъ основывать свои соображенія и дѣлать выводъ.

Попытаемся принести выясненію этого дѣла посильную

пользу тѣмъ, что попробуемъ указать ошибочность ссылокъ на старину.

Мы не станемъ обращаться къ статистикѣ, хотя и она для насъ кое-что подготовила. Такъ, напримѣръ, огромное число побѣговъ дворовыхъ людей и частыя ссылки слугъ на поселеніе по волѣ владѣльцевъ, сѣченіе мужчинъ и женщинъ при съѣзжихъ домахъ и въ становыхъ квартирахъ, и — еще болѣе — убійство господъ ихъ слугами могли бы послужить доказательствами, что въ доброе старое время господа со своими слугами уживались не ладно. Но мы обратимся не къ статистическимъ сочиненіямъ, а къ литературному источнику въ другомъ родѣ. Обратимся къ такой книгѣ, гдѣ безъ всякой предвзятой цѣли, просто и ясно представлено: каковы были нравы прислуги сто шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Рѣчь идетъ о переводной книгѣ, въ которой обстоятельно изложено все тогдашнее жизневѣдѣніе и рядомъ съ тѣмъ преподаны необходимѣйшія правила и опытные совѣты. Универсальная книга эта называется: «Юности честное Зерцало». Она нынче составляетъ большую библіографическую рѣдкость, а потому, вѣроятно, извѣстна очень немногимъ изъ господъ публицистовъ. Большинству же публики она, конечно, и совсѣмъ не извѣстна, а между тѣмъ «Зерцало» прекрасно представляетъ навыки и нравы старинной прислуги и вполнѣ можетъ обличить невѣдѣніе тѣхъ, которые сами вѣрятъ и другихъ убѣждаютъ, будто когда-то прежде сего съ прислугой было прекрасно.

Книга «Юности честное Зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію» напечатана въ Петербургѣ въ 1719 г., въ то время, когда общество русское хранило еще старинные навыки, отъ которыхъ Петръ I-й желалъ отучить молодое поколѣніе въ благородномъ классѣ дворянства. «Зерцало» заботится о домашнемъ этикетѣ, а какъ невоспитанныя дѣти того времени были особенно досадительны и портили домъ и прислугу, то черезъ неумѣстное якшательство

съ нею, то чрезъ безмѣрную требовательность и грубую жестокость, которою и сами себя повреждали въ нравахъ своихъ, то «Зерцало» рядомъ трактуетъ и о нравахъ дѣтей, и о домашней прислугѣ. Съ первой страницы книга внушаетъ отрокамъ, «которые пріѣхали изъ чужестранныхъ краевъ и языковъ съ великимъ иждивеніемъ научились» или «которые въ иностранныхъ земляхъ не бывали, а изъ школы ко двору приняты», — чтобы они тщилися «носомъ не храпѣть и глазами не моргать и ниже шею и плечи изъ повадки не трясти, руками не хватать и не колобродить, отъ неравныхъ побратенствъ держаться и дурацкимъ шуткамъ не заобычиваться, и на свадьбы и танцы незвану не приходить, ибо хотя то жены и охотно видятъ, однакожъ свободные люди не всегда тому рады бываютъ». У себя дома воспитанные отроки должны — «отца и матерь въ великой чести содержать, и когда родители ихъ позовутъ, отвѣчать тотчасъ какъ голосъ послышатъ, и потомъ сказать: что изволите, государь батюшка или государыня матушка? а не дерзостно — што? какъ? чево? — и не съ смѣхомъ яко-бы ихъ презирая». — «Слушать ихъ словъ, что имъ приказано отъ родителей бываетъ, шляпу въ рукахъ держать, и предъ ними не вздѣвать и возлѣ нихъ не садиться, и при нихъ въ окно тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ дѣлать— не съ ними въ рядъ, а немножко уступя позади ихъ *стоять подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга*».

Отсюда очевиденъ и ясенъ духъ книги — это духъ нравоучительный и хотя уже смягченный сравнительно съ Домостроемъ, но все еще довольно строгій. Отроки должны держаться «какъ слуги», но чтобы и сами они съ слугами были не крикливы и не дерзки. Теперь посмотримъ, каковы же тогда были слуги.

Книга, заступающаяся за слугъ, чтобы ихъ не обижали, свидѣтельствуетъ, что слуги тогда были лѣнивы, сварливы и безтолковы.

Отроки «должны отъ челядинцевъ *просительнымъ образомъ требовать*, развѣ что (кромѣ тѣхъ случаевъ, если) у кого (изъ дѣтей) особливые слуги (есть), которые одному ему подвержены бываютъ, для того, что *обычно челядинцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ*». (Сколько дѣтей, столько бывало для нихъ и особыхъ челядинцевъ, — каждому по особому слугѣ). Отъ этого слугамъ было не трудно; но какъ ихъ зато было много, то «часто происходятъ ссоры и великіе бываютъ между ними мятежи въ домѣ такъ, что сами не опознаютъ, что̀ кому дѣлать надлежитъ».

Слѣдовательно, чтобы теперь подражать старинѣ, надо будетъ и въ нынѣшнее время дать каждому господскому отроку по особливому слугѣ, чтобы онъ, какъ говорилось, «за ними ходилъ» и ничего больше не дѣлалъ. Тогда только слуга хорошо уходитъ «за однимъ»; но возможно ли это теперь, когда по газетамъ ищутъ «одну прислугу со стиркою на малое семейство» изъ двухъ или трехъ душъ? А кромѣ того, какъ отъ приставленія ко всякому дѣлу особливаго слуги набиралось много слугъ, а отъ нихъ происходили ссоры и бывали великіе мятежи, то можетъ ли это быть желательно и будетъ ли это теперь удобно?

Черезъ сто шестьдесятъ лѣтъ всѣ положенія сильно измѣнились. Теперь за каждымъ отрокомъ по особливому слугѣ ходить не приставляютъ, и оттого каждому изъ служащихъ въ домѣ людей сдѣлалось больше работы, и стало труднѣе угождать за разъ нѣсколькимъ членамъ хозяйскаго семейства, между членами котораго есть разные характеры и не всегда удовлетворительная воспитанность. «Трудно служить двумъ господамъ». Полтораста лѣтъ назадъ господа входили въ это положеніе и судили о немъ «по писанію». Тогда въ это вѣрили и притомъ имѣли возможность поступать по вѣрѣ своей, а теперь люди утверждаются на иномъ и судятъ иначе. Теперь хозяева берутъ приклады не отъ писанія, гдѣ сказано, что «неудобно слугѣ служить двумъ господамъ», а ссылаются на то, «какъ дѣлается за грани-

цей». Обыкновенно указываютъ, что тамъ «одинъ слуга двадцатерымъ служитъ». И безспорно, что за границею это, дѣйствительно, такъ; но тѣ, которые на это ссылаются, къ сожалѣнію, не вполнѣ объемлютъ все домашнее положеніе за границею. Такъ, напримѣръ, они видятъ, что «за границей одинъ двадцатерымъ служитъ»; но не хотятъ замѣчать или не хотятъ помнить, что всѣ двадцать заграничныхъ господъ дѣлаютъ сами для себя многое, что у насъ поручаютъ прислугѣ. Тамъ очень многіе, между людьми средняго достатка, нанимающими одну bonne pour tout faire, сами оправляютъ свои постели, убираютъ комнаты, сносятъ въ ящикъ свои письма, заправляютъ лампы и даже сами ходятъ за своею провизіею и многіе съ удовольствіемъ растапливаютъ зимою свои камины. Тогда bonne pour tout faire остается довольно время, чтобы сдѣлать все остальное въ домашнемъ обиходѣ; но мы такъ не поступаемъ, а, напротивъ, мы безпрестанно командуемъ: «подай, прими и унеси» то, и другое, и третье, и такимъ образомъ мы затрудняемъ прислугу тѣмъ, что вполнѣ легко было бы и самимъ сдѣлать. А оттого французская bonne pour tout faire и наша женщина, служащая въ соотвѣтственной должности «одной прислуги», находятся совсѣмъ не въ равномъ положеніи...

Не говоря о томъ, что наша женщина, конечно, неуклюжѣе и тяжелѣе француженки, — она и не можетъ успѣть сдѣлать такъ же хорошо и своевременно все то, что̀ дѣлаетъ bonne pour tout faire. Слѣдовательно, пока заграничное положеніе еще не подходитъ къ нашимъ лѣнивымъ привычкамъ, намъ нельзя и ожидать, чтобы у насъ была такая же сообразительная и много успѣвающая прислуга, какъ за границею. Чтобы достичь болѣе удобнаго заграничнаго положенія, надо нѣсколько иначе жить, а начать это могутъ только сами господа, отъ которыхъ зависитъ меньше бариться.

Десятое правило «Честнаго Зерцала» учитъ: оберегаться

слугъ, какъ людей дрянныхъ, грубыхъ, нечестныхъ и даже очень опасныхъ по ихъ склонности злословить и клеветать на хозяевъ. «Съ своими или посторонними слугами гораздо не сообщайся», т.-е. не фамильярничай. «Если они даже и хороши, то и тогда, все-таки, не во всемъ имъ вѣрь, для того, что *они грубы и невѣжи*, не разсудливы будучи, *не знаютъ держать мѣры*, но хотятъ, при случаѣ, выше своего господина вознестися, и на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради, смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить, опасайся, чтобы при томъ слугъ и служанокъ не было. А именъ не упоминай, а обиняками говори, чтобы дознаться было не можно, потому что такіе люди много приложатъ и прибавить искусны».

Въ этомъ отношеніи наши современные слуги совершенно таковы же, какъ и тѣ, которые были за полтораста лѣтъ передъ сими, когда общество наше поучалось изъ «Честнаго Зерцала». И теперь тотъ очень неблагоразумно поступаетъ, кто ихъ выспрашиваетъ о господахъ, у которыхъ они служатъ. Это портитъ слугъ и всегда можетъ ввести распрашивающаго въ большое заблужденіе, ибо слуги наши и теперь еще «невѣжи», «неразсудливы», «не знаютъ мѣры держать» и, притомъ, «много приложатъ и прибавить искусны». Слѣдовательно, полагаться на ихъ сообщенія о хозяевахъ недостойно,—особенно въ вещахъ, превосходящихъ самыя простыя понятія. Между тѣмъ, это, къ сожалѣнію, имѣло большое мѣсто въ нашей жизни, особенно во времена тайной канцеляріи, которыя воспроизведены въ безыскусственныхъ, но интересныхъ разсказахъ Гр. Вас. Есипова.

Неосновательно также думаютъ многіе, что вредъ идетъ, будто, отъ того, что «служанки стали ходить въ тальмахъ и шляпкахъ», а лакеи начали зачесываться «à la дуракъ». Не въ платьѣ дѣло, и не слѣдуетъ забывать, что нынче уже нѣтъ ни шугаевъ, ни шушуновъ, ни тѣлогрѣекъ, и шляпка теперь стоитъ дешевле, чѣмъ порядочный платокъ на голову. А если усматривать въ шляпкахъ и въ таль-

махъ «незнаніе мѣры», то-есть желаніе походить на госпожу, то такое же «незнаніе мѣры» и въ старинѣ указано. И тогда было: «съ плечъ госпожи норовили шарфы подцѣплять и земчужинами зашпиляться», а мужчины «одѣвали господскіе штаны, съ прехитрымъ гульфикомъ».

Если читатель сравнитъ это съ тѣмъ, что нынѣ происходитъ съ тальмами и съ шляпками фикъ-фокъ на одинъ бокъ, то онъ, навѣрное, безъ труда убѣдится, что и встарь, и нынче это было совершенно одно и то же. Непристойный гульфикъ или капуль, тальма или фикъ-фокъ—это все равно: хрѣнъ рѣдьки не слаще. Но ужъ если выбирать между щегольствомъ и неряшествомъ, то фикъ-фокъ и капуль лучше Петрушкина «собственнаго» запаха или вѣчныхъ обновокъ, въ видѣ прорванныхъ локтей.

При семъ еще хвалителямъ старины, сѣтующимъ на несчастную современность, приходится указать, что пѣвецъ Капуль, съ котораго заимствована не одними русскими его прическа,—самъ заимствовалъ эту прическу *изъ Россіи*. По крайней мѣрѣ, помнится, будто г. Капуль разсказывалъ покойному русскому артисту Монахову, что онъ не выдумалъ своей удивительной прически, а взялъ ее съ *старинныхъ русскихъ пословъ*, изображенія которыхъ видѣлъ на старинныхъ гравюрахъ. Русскіе щеголи московскаго періода, дѣйствительно, чесались «съ челышкомъ», о чемъ упоминается съ укоризною въ Кормчей, и это же можно видѣть и на полныхъ изученія картинахъ К. Е. Маковскаго, и на живыхъ головахъ московскихъ банщиковъ и половыхъ. Г. Капуль только немножко изящнѣе уложилъ на своей головѣ это старинное русское «челышко»; ему стали подражать петербургскіе щеголи, — сначала изъ молодыхъ дипломатовъ и правовѣдовъ, а потомъ это усвоили и приказчики, и лакеи; послѣднимъ только удалось усовершенствовать эту прическу и довести ее до крайности во вкусѣ «à la дуракъ». Таково, собственно, историческое происхожденіе «капуля». А что касается женской лошадиной «чолки», то это тоже не новость. «Чолки или по-

стриженіе волосъ на лбу *для красы*» начесывали себѣ еще наши прабабушки и объ этихъ нескромностяхъ съ ихъ стороны тоже упоминается въ «Кормчей» (см. листъ 400, на оборотѣ).

Такъ, вся эта новина совсѣмъ и не выходитъ новиною, и отдаетъ тою самою стародавнею стариною, въ которой инымъ мнится отыскать наилучшее отъ всѣхъ бѣдъ избавленіе.

Старинные слуги были тоже большіе и очень опасные предатели.

Двадцать седьмое правило «Честнаго Зерцала» учитъ «всегда между собою говорить иностранными языками, дабы когда что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дознаться не могли», ибо въ то время, какъ видно изъ разсказовъ Есипова, не пренебрегали, что «можно было отъ оныхъ болвановъ распознать».

Не слѣдуетъ забывать, что большому распространенію среди русскихъ обычая говоритъ по-французски въ своемъ собственномъ семействѣ въ значительной мѣрѣ содѣйствовало постоянное опасеніе «оныхъ болвановъ», черезъ которыхъ «многое было можно распознать».

Сороковое правило учитъ не подавать прислугѣ повода быть нехорошею, — для чего, между прочимъ, надо «не скупиться» и «самимъ не лгать при случаяхъ». «Зерцало» повѣствуетъ:

«Хотя въ нынѣшнее время (1719 годъ) безмѣрная скупость у многихъ за обычай принята и оные хотятъ ее за домодержавство почитать, токмо чтобы денегъ скопить, но такихъ люди не мало не почитаютъ». Представляемый въ «Зерцалѣ» слуга того времени любилъ въ господинѣ «барственную щедрость», а не мелкое «шляхецкое гоношенье». Прислуга «уважала пышность» и, имѣя роскошнаго господина, «сему служила охотнѣе». Далѣе, — тогдашній слуга «за честь ставилъ быть при именитомъ лицѣ и пріобрѣтать отъ него и отъ вхожихъ людей знатныя подачки».

Объ этомъ въ томъ же родѣ свидѣтельствуетъ на литов-

ской Руси Владиславъ Сырокомля (Кондратовичъ). «Кто жилъ по-шляхецки, и скромно, собирая зярко до зярка (зернышко къ зернышку), талярокъ до талярка (талеръ къ талеру) — такихъ домовитыхъ, но скромныхъ шляхтичей прислуга не любила и не уважала».

И на проѣздныхъ трактахъ и въ заѣздахъ прислуживающіе люди были такіе сребролюбцы и жадники, и имъ надо было давать деньги не «по-шляхетски и скромно», а удивлять ихъ подачками. «Зерцало» говоритъ въ 21 правилѣ: «Проѣзжій отрокъ имѣетъ *податливъ быть,* а особливо къ тѣмъ, которые ему служили». Если же онъ былъ «неподатливъ» къ услужающимъ, то могъ ожидать обидныхъ «издѣвокъ».

Тѣ, которые ему сначала льстили, — потомъ за неподатливость надъ нимъ же «издѣвались». Тогда доходило до расправы, и хотя «отрокъ долженъ быть не дерзокъ и не драчливъ» (22), но «когда кто чести его коснется или порекать учнетъ, то въ такомъ случаѣ уступки не бываетъ, но по нуждѣ премѣненіе закону дается» (23).

Любопытно бы знать: какой вѣсъ получало это примѣненіе закона для отрока, когда онъ по нуждѣ чинился передъ издѣвочниками драчливъ, но не превозмогалъ ихъ силою?.. Должно быть, ему иногда приходилось плохо...

Вообще, не видно, чтобы старые холопьи нравы отличались почтеніемъ къ скромности и бережливости людей высшаго сословія, а въ своемъ господинѣ, которому служили, холопы любили то, чѣмъ могли бы кичиться, — почему, вѣроятно, еще и теперешніе слуги почти всегда съ гордостью объявляютъ, что они «служили у генераловъ».

«Зерцало» внушаетъ тоже и другія очень хорошія и достойныя пріятія правила, — напр., оно совѣтуетъ «никакой лжи не говорить при прислугѣ», ибо чрезъ это слуги теряютъ къ хозяевамъ уваженіе. «И (какъ замѣтятъ, что господинъ лжетъ), то, конечно, крестьянина лучше по-

чтутъ, нежели дворянина, — отчего и нынѣ (1719 г.) случается, что охотнѣе мужику, нежели дворянину вѣрятъ».

Обученіе же служащихъ лжи и притворству, по замѣчанію извѣстнаго современнаго проповѣдника Берсье, начинается съ простого и мнимо невиннаго обычая приказывать своимъ слугамъ «говорить приходящимъ, что господъ дома нѣтъ, тогда какъ они сидятъ у себя въ покоѣ». Знаменитый проповѣдникъ думаетъ, что «лучше было бы говорить, что господинъ дѣлами занятъ и принять не можетъ, чѣмъ заставлять слугу лгать, а потомъ роптать на его лживость».

(49) «Слугамъ своимъ и челядинцамъ не должно давать злого прикладу, и предъ ними никакого соблазну не чинить (не напиваться и смѣховъ не распущать) и ниже допускать, чтобы они всякими глупостями хозяину подлещались, *какъ обычно таковые люди дѣлаютъ*, но держать ихъ въ страхѣ и больше двухъ кратъ вины ни которому не спущать, ибо *лукавая лисица нрави своего не перемѣнитъ*». (50) Вообще, «рабы по своему нраву *невѣжливы, упрямы, безстыдливы и горды* бываютъ, и того ради надо ихъ смирять, покорять и унижать» (51). «Не надлежитъ отъ слуги терпѣть, чтобы онъ переговаривалъ или, какъ песъ, не огрызался, ибо *слуги всегда хотятъ больше права имѣть, нежели господинъ*» (52). Это выходитъ то же самое, на что и теперь болѣе всего жалуются хозяева и въ чемъ жалобы ихъ поддерживаютъ газеты. Въ одномъ сатирическомъ журналѣ недавно была картинка, гдѣ служанка обижается, что ея госпожа «совсѣмъ ея нраву не потрафляетъ». «Когда кто межъ своими слугами присматриваетъ одного мятежника и заговорщика (противъ господъ въ то доброе время дѣйствовали и заговорами), то вскорѣ такого надо отослать, ибо отъ одной овцы паршивой все стадо пострадать можетъ». «Зерцало» кончаетъ о слугахъ съ негодованіемъ: «Нѣтъ того мерзостнѣе, какъ *убогій—гордый, нахальный и противный слуга*».

Приходилось, должно быть, господамъ за 150 лѣтъ не слаще нынѣшняго.

Эти выписки изъ книги, написанной съ «живыхъ прикладовъ» и опыта въ наученіе людямъ, начинающимъ свою жизнь, кажется, должны быть достаточно убѣдительны для того, чтобы измѣнить ложное понятіе о мнимо прекрасныхъ свойствахъ старинной прислуги. Сдѣланныя выписки могутъ возстановить истинную характеристику общаго челядинскаго типа, каковъ онъ былъ за сто-шестьдесятъ лѣтъ передъ симъ, когда прислугѣ «вы» не говорили. Узнать это теперь не будетъ излишнимъ при нынѣшнихъ желаніяхъ сравнивать новую прислугу со старинною и воскресить старинныя холопскія добродѣтели. Пусть ничего не знающіе суевѣры и пустохвалы старины, о которой они не имѣютъ нисколько вѣрныхъ понятій, — сообразятъ послѣ того: было ли въ дѣйствительности что-либо достожелательное и достолюбезное въ томъ прошломъ положеніи, о которомъ они тужатъ и къ которому считали бы за счастье вернуться.

Теперь обратимся къ проектамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сколько неосновательны стремленія поправить дѣло во вкусѣ той старины, о которой люди, стремящіеся къ ней, не имѣютъ вѣрнаго понятія, столь же непрактичными представляются и нѣкоторые новые прожекты, предлагающіе различныя мѣропріятія въ самоновѣйшемъ стилѣ. Теперь большой урожай на прожекты, и прожекты новыхъ правилъ, какъ «обуздать прислугу», теперь сочиняются различными лицами «съ воли». Они предлагаютъ свои услуги настоящимъ дѣльцамъ или безъ всякихъ заднихъ мыслей,— собственно по влеченію сердца и по неутомимой жаждѣ принести свою лепту на алтарь отечества, или же съ желаніемъ быть замѣченными и «призванными къ сему дѣлу, съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ».

Между прожектами, исходящими отъ такихъ лицъ, есть одинъ очень любопытный. Прожектъ отличается оригинальностью и съ перваго раза кажется, какъ будто онъ написанъ дѣльцомъ въ самомъ настоящемъ русскомъ вкусѣ; но, къ сожалѣнію, если его разобрать и обсудить, то онъ весь начинаетъ разваливаться и отъ него не остается ничего.

Извѣстный мнѣ прожектъ предлагаетъ «установить отношенія хозяевъ съ прислугою не на сомнительной почвѣ выгодъ, а на твердой основѣ страха Божія», при чемъ «страхъ Божій» понимается сочинителемъ не такъ, какъ его слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ, а прямо въ смыслѣ устрашенія или запугиванія.

«Бѣднѣйшимъ классамъ общества, откуда берется прислуга, — говоритъ проектъ, — надо внушить такой страхъ земныхъ и загробныхъ наказаній, чтобы люди боялись и подумать поступать противъ выгодъ хозяина». Застращивать прислугъ совѣтуютъ Богомъ, Казанскою Его Матерью, огненными серафимами, также апостоломъ Павломъ, повелѣвшимъ слугамъ повиноваться своимъ господамъ, и Іоанномъ воиномъ, возвращавшимъ владѣльцамъ бѣжавшихъ отъ нихъ рабовъ, а «въ особенности пророкомъ Иліею, котораго простолюдины уважаютъ за грознаго и боятся его до такой степени, что нигдѣ и ни за что въ его день не работаютъ».

Прожектъ этотъ трактуетъ прислугу совершенно какъ дѣтей, которыхъ легко напугать и потомъ удерживать внушеннымъ имъ страхомъ въ опредѣленной рамкѣ. Быть-можетъ, это до извѣстной степени и справедливо: Казанскую и Илью пророка нѣкоторые простолюдины, дѣйствительно, боятся, но про Іоанна воина теперь уже мало знаютъ. Но возможная вещь, что если почаще и пострашнѣе объ этомъ говорить простолюдинамъ, то такія устрашенія не останутся безъ вліянія; только не слѣдуетъ ли опасаться, что прожектъ, написанный исключительно въ пользу хозяевъ, къ удивленію автора, болѣе всего будетъ неудобенъ для самихъ же хозяевъ?

Мы позволимъ себѣ указать, гдѣ намъ видится опасность.

Прожектъ исходитъ изъ того, не совсѣмъ безспорнаго положенія, будто «русскій простолюдинъ воздерживается отъ всего дурного *только* страхомъ Божьяго наказанія, которое ожидаетъ встрѣтить въ сей или въ будущей жизни,— иначе онъ сдѣлался бы страшно наглъ и дерзокъ и съ нимъ невозможно было бы управляться». Это не совсѣмъ вѣрно или, по крайней мѣрѣ, это невѣрно въ отношеніи всѣхъ сектантовъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ «спасеныхъ». Таковы молокане, штундисты и тѣ, которые пошли въ Россіи отъ лорда Редстока и В. А. Пашкова. Людей этихъ довольно много. Всѣ они вѣрятъ, что они «спасены чрезъ свою вѣру во Христа, искупившаго ихъ Своею кровію», и потому нимало не боятся ни ада, ни Ильи пророка. Они вѣрятъ, что Іисусъ Христосъ «ихъ спасъ», а Онъ «больше всѣхъ пророковъ». По этой вѣрѣ они живутъ совсѣмъ, «яко неимущіе страха», однакоже, они не только не впадаютъ въ худшіе пороки, чѣмъ другіе прочіе, но, по многимъ свидѣтельствамъ, отличаются примѣрнымъ поведеніемъ.

Сектантовъ этого духа есть довольно между рабочими и между домашнею прислугою, и хозяева дорожатъ ими, какъ хорошими людьми. Стало-быть, не напрасно ли такъ порочитъ весь русскій народъ, будто съ нимъ *только* и можно управляться не добромъ, а страхомъ?

Съ другой стороны, мы видимъ огромное число русскихъ простолюдиновъ, которые выросли подъ религіознымъ страхомъ и постоянно живутъ въ немъ: они соблюдаютъ все, что̀ имъ внушено, и твердо вѣрятъ и въ страшный судъ, и въ сатану, и въ хожденіе по мукамъ, гдѣ дьяволы будутъ предъявлять на нихъ «рукописанія», а между тѣмъ это не безусловно ограждаетъ ихъ отъ уклоненія отъ своихъ христіанскихъ обязанностей. Нерѣдко случается даже, что эти строго наставленные люди совершаютъ самыя гнусныя или самыя звѣрскія преступленія,—и хотя они потомъ въ этомъ каются, но нерѣдко опять скоро падаютъ.

Проектъ говоритъ: «Надо, чтобы церковь какъ можно чаще внушала черни строгія обузданія, — для чего и надлежитъ настоятельно требовать, чтобы хозяева посылали всѣхъ находящихся у нихъ въ услуженіи людей говѣть и исповѣдаться, по крайней мѣрѣ, по однажды въ годъ, и затѣмъ не только не возбраняли бы имъ ходить по церковнымъ службамъ, но даже сами бы о томъ напоминали и посылали, по крайней мѣрѣ, непремѣнно въ вечеръ субботній ко всенощной и въ день недѣльный къ литургіи, а за хозяевами другихъ исповѣданій, содержащихъ у себя людей православныхъ,—имѣть надзоръ».

Нѣтъ сомнѣнія, что люди, находящіеся въ услуженіи не откажутся пользоваться еженедѣльно такими отпусками въ субботній вечеръ и въ день недѣльный; но есть ли возможность ручаться, что всѣ слуги, выйдя со двора, придутъ въ церковь, а не пройдутъ мимо церкви, и не очутятся въ иныхъ мѣстахъ, не соотвѣтственныхъ для молитвенныхъ цѣлей?

Далѣе, приходится сомнѣваться въ томъ, что нынѣшніе хозяева, у которыхъ «скупость» или разсчетливость теперь гораздо больше, чѣмъ въ 1719 году, найдутъ возможность исполнить такое требованіе. Люди, у которыхъ всего на все одна прислуга и она служитъ на весь домъ и по всѣмъ должностямъ, безъ сомнѣнія, встрѣтятъ большое неудобство отпускать прислугу два раза въ недѣлю къ богослуженіямъ, ибо тогда хозяевамъ съ цѣлыми семьями, а иногда еще и съ гостями, останется самимъ быть своими слугами.

Не слѣдуетъ ли опасаться, что это всего болѣе не понравится самимъ нанимателямъ и породитъ новое, очень странное и неблагопріятное для русскихъ людей положеніе: слуга католикъ, и лютеранинъ, и магометанинъ (изъ татаръ), которыхъ не мало въ самомъ Петербургѣ, и которыхъ проектъ оставляетъ безъ усмотрѣнія,—не окажутся ли болѣе удобными, чѣмъ прислуга изъ людей православнаго исповѣданія, и тогда православныхъ станутъ избѣгать или, по крайней мѣрѣ, будутъ предпочитать имъ инослав-

ныхъ и иновѣрцевъ, — а отъ этого цѣна прислугѣ изъ иновѣрцевъ возвысится, а люди изъ православныхъ станутъ дешевле?

Вотъ вопросы, отъ которыхъ невозможно отбиться человѣку, знающему бытъ и нравы своей страны.

А потому-то упомянутый проектъ, кажется, надо считать неудачнымъ, потому что, хотя онъ и благочестивъ, но онъ не благоискусенъ и не благопримѣнителенъ.

СОШЕСТВІЕ ВО АДЪ.

(АПОКРИФИЧЕСКОЕ СКАЗАНІЕ.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Искусство сберегло намъ полное представленіе о томъ, что̀ *по свидѣтельству очевидцевъ*, назадъ тому 1860 лѣтъ происходило въ минувшую ночь въ раю и въ преисподней.

Памятникъ, который передаетъ это, есть икона «Воскресенія съ сошествіемъ», древняго, греческаго типа, точно воспроизводимая русскимъ «Строгановскимъ подлинникомъ», о которой лѣтомъ 1893 года писали друзья наши французы, обсуждая изображеніе со стороны «фантазіи жудожника». Эта икона совсѣмъ не похожа на «живописную» икону, «полагаемую» сегодня на аналои господствующей церкви. На новой иконѣ изображенъ гробъ, какого не знали въ Іудеѣ въ Христово время,—Христосъ представленъ взлетающимъ на воздухъ, съ знаменемъ въ рукѣ, а внизу два спящіе воина. Иногда прибавляется еще ангелъ, отваливающій «крышу» гроба, тогда какъ, держась синоптика, надо бы изображать, что ангелъ отваливаетъ «камень у двери гроба». Въ новой иконѣ нѣтъ никакой археологической вѣрности и никакого указанія на событія, сопровождавшія воскресеніе Христа на небѣ, на землѣ и въ преисподней.

Сюжетъ «полной» иконы очень интересенъ и много го

воритъ воображенію: въ немъ мы наглядно видимъ, какъ представляли себѣ событія христіане раннихъ вѣковъ, имѣвшіе о воскресныхъ «дѣяніяхъ» много такихъ свѣдѣній, какихъ мы не имѣемъ и принять ихъ не желаемъ или не можемъ, потому что основательность ихъ не достовѣрна. Однако, по этимъ-то именно представленіямъ и сочиненъ рисунокъ иконъ «Воскресенія съ сошествіемъ во адъ», который и внесенъ въ «Подлинникъ» (установленный образецъ). Только одному невниманію русскихъ къ уясненію своихъ памятниковъ слѣдуетъ приписать то, что многіе до сихъ поръ видятъ въ «полной» иконѣ «Воскресенія съ сошествіемъ» «*фантазію*». Древній иконописецъ или изографъ не смѣлъ фантазировать, а онъ рабски воспроизводилъ только то, что установлено «Подлинникомъ». Что же такое могъ принимать въ соображеніе первый сочинитель рисунка? Вотъ тутъ и является огромное значеніе апокрифа, безъ котораго совсѣмъ нельзя понять (и никто не понимаетъ), откуда и на какомъ основаніи на многочтимую воскресную икону древне-греческаго типа нанесены такія «дѣянія» въ аду и въ раю, для которыхъ въ каноническихъ книгахъ нѣтъ указанія.

Прежде всего скажемъ вкратцѣ, что̀ представляется на почитаемой «полной иконѣ съ сошествіемъ».

Здѣсь не три лица (Христосъ и два спящіе воина), а тутъ всего изображено около ста тридцати лицъ, и всѣ эти лица въ «дѣяніяхъ», т.-е. они изображены дѣйствующими, при чемъ «дѣянія» идутъ сразу «въ трехъ планахъ»: а) посерединѣ—на землѣ, б) наверху—въ раю и в) внизу—въ преисподней у Сатаны. Христосъ «во единомъ часѣ» является во всѣхъ трехъ планахъ: онъ на землѣ воскресаетъ, во адѣ *) казнитъ Сатану и Смерть и въ Раю—

*) *Адъ* пишется со строчной буквы, гдѣ этимъ словомъ обозначается преисподняя, какъ мѣсто мученія, и съ прописной, гдѣ Адъ трактуется какъ лицо. Такъ же и смерть—какъ умираніе, и Смерть—какъ лицо.

вводитъ «содержавшихся связанными отъ Адама». Чтобы понять изображеніе, надо начинать смотрѣть его съ средняго плана, гдѣ Христосъ воскресъ и стоитъ весь «облистанный» лучами сіянія. Подъ ногами его уже упавшія крестъ-на-крестъ «врата адовы». Они сорвались съ петель отъ «сокрушенныхъ верей» (притолокъ) и съ грохотомъ летятъ внизъ въ зіяющую бездну. Преисподняя вся раскрыта и обнажена. Христосъ подаетъ руку Адаму, за которымъ слѣдуетъ Ева, а за ними весь «ликъ праотцевъ». Праотцы идутъ вереницею въ три оборота, и вереница не оканчивается, а теряется за «полями» изображенія. Въ «разверстомъ» аду уже нѣтъ людей, которые содержались здѣсь цѣлые вѣка въ великомъ множествѣ: всѣ они теперь выведены Христомъ на волю; а на всемъ видимомъ пространствѣ ада, начиная отъ открытаго входа, идетъ сраженіе и расправа надъ Сатаною, надъ Княземъ Тьмы, надъ Смертію и «аггелами Сатаны». Ангелы поражаютъ ихъ копьями, а самого Князя Тьмы заковываютъ молотами въ цѣпи. Движеніе огромное и живое. Христосъ тутъ же во второй разъ. Фигура Ада такъ велика, что отъ нея видна только одна большая голова—вся красная. Сатана—тоже красный, дородствомъ помельче и зато онъ виденъ по поясъ. При немъ неотлученъ Іуда съ его кошелькомъ, въ которомъ тридцать сребренниковъ. Смерть въ «зеленомъ тѣлѣ», Князь Тьмы—синій. У всѣхъ у нихъ волосы дыбомъ отъ страха, который производитъ «блистаніе божества». Въ третьемъ мѣстѣ Христосъ съ «благоразумнымъ разбойникомъ Рахомъ»,—даетъ ему красный крестъ и посылаетъ его въ рай. Это происходитъ между раемъ и адомъ. Рай наверху,—«въ огражденіи»—тамъ «древеса» и опять весь «ликъ» праведныхъ, уже вошедшихъ и привѣтствуемыхъ Ильею и Енохомъ, которые до сихъ поръ жили въ раю только вдвоемъ. Послѣднимъ входитъ Іоаннъ Предтеча «въ шерсти»,—у дверей «огненный серафимъ» хочетъ ударить «благоразумнаго разбойника», но тотъ ему показываетъ данный Христомъ красный крестъ, и серафимъ оставляетъ Раха у две-

рей, пока разберутся и станетъ видно, имѣетъ ли онъ право здѣсь оставаться. Представляется вопросъ: откуда все это взято? А взято все это ни больше, ни меньше какъ съ показанія «очевидцевъ», которые самолично были въ аду въ ту ночь, когда туда приходилъ воскресшій Христосъ...

Этого конечно нѣтъ въ каноническихъ книгахъ, и вѣрить этому ни для кого не обязательно, но все-таки это живетъ въ народѣ и сохраняется въ иконописи, и потому это интересно.

Начать надо съ того — «какъ старѣйшина жидовская» производили пристрастные допросы надъ своими же евреями, разсказывавшими, что они видѣли Христа послѣ Его смерти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

«Видѣся же сотникъ еже Іисусъ предаде духъ, прослави Бога, глагола: «во истину человѣкъ сей праведенъ бѣ». И вси пришедшіе на позоръ сей видяще бываемое, бьюще перси своя, возвращахуся во Іерусалимъ. Воинъ же Логгинъ, пріемъ копіе, удари въ ребра Іисуса, и абіе изыде кровь и вода. (Въ каноническихъ евангеліяхъ сказано просто, что «сотникъ ударилъ», но не сказано, что этотъ сотникъ былъ Логгинъ). Тогда сотникъ, пришелъ къ Пилату, возвѣсти ему вся. И оскорбѣ Пилатъ зѣло, и призвавъ Іудеи, вопроси ихъ, еда зрѣша знаменія, яже въ солнцѣ, и иная бывшая о Іисусѣ умершемъ? («А что: видѣли ли вы знаменія на солнцѣ и другія, которыя явились при смерти Іисуса?»). Они же, слышавъ сіе, рекоша: яже омрачися солнце днесь, якоже и иногда (т.-е. «Что же такое? Солнце затмилось такъ, какъ это и въ другое время бывало»).

«И се Іосифъ, иже отъ Аримаѳея, сый потаенъ ученикъ Іисусовъ, пріиди къ Игемону, моли его, да повелитъ сняти со креста тѣло Іисусово. И повелѣ Игемонъ ему. Пріяста же тѣло Іисусово и обвиста его ризами и ароматы, положиста Іисуса, и привалише каменъ *надъ* (sic) двери гроба».

«Іудеи же слышавше, яко Іосифъ съ Никодимомъ испро-

систа тѣло Іисусово, помышляху какъ убити я (ихъ) и (съ ними) дванадесятихъ (апостоловъ), такожде и другихъ иже свидѣтельствоваху о Іисусѣ предъ Пилатомъ. Вси бо тогда быша вкупѣ, послѣди же скрышася страха ради Іудейска. Единъ Никодимъ токмо ста предъ Іудеи, зане князь бѣ въ нихъ. (Былъ человѣкъ съ вѣсомъ и положеніемъ и могъ ихъ не бояться). Сей рече имъ: чесо ради пріидосте паки въ сонмище нынѣ? Они же рѣша ему: ты же что пришелъ и како вшелъ еси сѣмо причастникъ бо сый Іисусовъ и въ части Его будеши во вѣки. (А ты самъ для чего пришелъ? Да ты еще какъ смѣлъ и войти сюда — ты вѣдь его сообщникъ! Тебѣ и самому будетъ то самое, что и ему досталось)».

Никодимъ представленъ человѣкомъ горячимъ, простымъ и рѣшительнымъ. «И отвѣщавъ Никодимъ, рече: «ей! буди ми тако». (Т.-е. Что же за важность! Я и не боюсь: пусть будетъ, какъ вы говорите).

«По сихъ же пріиде Іосифъ (этотъ рисуется другого характера), онъ рече: «учители, чесо ради оскорбистеся на мя, яко испросихъ тѣло Іисусово, и погребохъ въ новомъ своемъ гробѣ, и камень возложихъ нань. Мужіе Израильстіи, не добро дѣло сотвористе о праведницѣ семъ, но распясте того,—неповинна суща. И не раскаетеся еще о грѣхѣ своемъ, но и въ ребра прободосте его?»

Но вся эта ласковость и увѣтливость не помогла Іосифу... «Слышавъ сіе Іудеи яша Іосифа и затвориша въ темницу. (Объ этомъ въ канонич. книгахъ нѣтъ никакого упоминанія). Заутра же глаголаху ему: виждь яко днесь злыя пріидутъ на тя, смерти же не имаши вкусити нынѣ, зане суббота настоитъ: по сей же (т.-е. послѣ шабаша) умертвимъ тебя и тѣло твое звѣремъ предадимъ. Отвѣщавъ Іосифъ, глагола имъ: той, его же вы распясте на крестѣ, силенъ есть изъяти мя отъ рукъ вашихъ. Не бо, яко же Пилатъ буду вамъ. Той бо и безъ обрѣзанія плотскаго, но во обрѣзаніи сердца своего, очистися отъ грѣха, умыся прямо солнцу (передъ солнцемъ), глаголя: чистъ есмь отъ крови

праведника сего, вы узрите.» (Это объясненіе умыванія рукъ *передъ солнцемъ*, чтобы оно было свидѣтелемъ непричастности къ дѣлу, очень интересно, и достойно замѣчанія, что о немъ нигдѣ не упоминается съ такимъ истолкованіемъ).

«Слышавше же Іудеи словеса сія, исполнишася ярости зѣло и емше его, всадиша в темницу, и затворивше утвердиша печатьми и стражу поставиша. На утрій же князи и старцы людстіи собрашеся въ сонмище, совѣтъ сотвориша, яко да лестію убіютъ Іосифа. И шедше, отверзоша темницу и не обрѣтоша Іосифа тамо, печатемъ же цѣлымъ и дверемъ затвореннымъ сущимъ. И уже къ тому не смѣяху на иныхъ возложити рукъ, бояхубося». (Боялись, чтобы такого чуда еще впередъ не повторялось).

Чудо это предшествовало первому извѣстію, которое принесли сторожа, приставленные къ пещерѣ, гдѣ было положено тѣло Іисусово. Но сейчасъ вслѣдъ за симъ приходитъ и это извѣстіе, изложенное опять значительно иначе, чѣмъ въ нашихъ книгахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Еще же сѣдящимъ имъ на сонмищи и судящимъ о Іосифѣ, се воини пріидоша отъ кустодіи, и глаголюще: яко стрегущимъ намъ гробъ, абіе *громъ бысть великъ*, и се ангелъ Господень сниде съ небесе и отвали камень отъ дверей гроба, и сѣде на немъ, бяше лице его яко же молнія и отъ страха его быхомъ яко мертви, и *слышахомъ его глаголюща женамъ*, яже пріидоша помазати тѣло Іисусово и стояху у гроба. (По этому описанію выходитъ, что когда прибѣжали жены, сторожа все еще спали, или дремали въ полуснѣ за пещеркою). Глагола имъ ангелъ: не ужасайтеся, Іисуса ищите Назорянина распятаго; нѣсть здѣ, но возста. Пріидите и видите мѣсто, идѣ же лежаша Господь и шедше рцыте ученикомъ Его и Петрови, отвергшемуся Его, да не въ горшую печаль прійдетъ, зане сей Петръ внегда отрещисяему отъ Него, плакавъ горько, *не ядый не піяй даже*

доселѣ. Слышавъ же Петръ возрадовася зѣло, тече ко гробу и Іоаннъ съ нимъ. Іоаннъ же тече скорѣе (бѣжалъ рѣзвѣе) Петра. Пришедъ же и Петръ ко гробу и приникъ видѣ ризѣ едины лежаща и судàрь.

Какъ только извѣстіе это [illegible]ло до іудейскихъ старшинъ, тѣ сейчасъ же распорядились [illegible]нать: что это были за женщины, съ которыми, по словамъ сторожей, разговаривалъ ангелъ?

«Рѣша же Іудее: кто суть жены, имъ же глаголаше ангелъ? отвѣща же воины, рѣша, не вѣмы. Глаголаху Іудее, чесо ради не ясте ихъ?» (Для чего вы ихъ не схватили!?)

Сторожа отвѣчаютъ старѣйшинамъ очень рѣзко: «толико знаменіе видѣвше о человѣцѣ семъ, еще ли не увѣровасте Ему? И паки слышахомъ яже о Іосифѣ, яко и того затвористе въ темницѣ и двери утвердисте утвержденіемъ крѣпцѣ, и се не обрѣтосте его въ темницѣ, дайте намъ Іосифа, и дамы вамъ Іисуса». Синедріонъ какъ бы оробѣлъ передъ сторожами и начинаетъ съ ними переторговываться.

«Глагола Іудее: дадите вы первѣе Іисуса намъ. Воины же отвѣщаша, глаголя: ни, но вамъ достоитъ первѣе дати намъ Іосифа, днесь бо истязуете ны о Іисусѣ недовѣдомѣмъ, сами же не вѣсте, како Іосифъ изведе изъ темницы: убо и мы не вѣмы, како Іисусъ воскресе, изыде изъ гроба и невидимъ бысть, такожде и жены невидимы быша: дайте убо Іосифа и дамы вамъ Іисуса».

Старѣйшины не могли сказать—какъ у нихъ ушелъ изъ-подъ печати Іосифъ, и они начинаютъ лгать сторожамъ: «Глаголаху Іудее, яко отъиде Іосифъ во свояси, во градъ Аримаѳейскій». Отвѣщаху же воины, глагола: «яко и Іисусъ, возставъ, отъиде въ Галилею, яко же ангелъ, отваливый камень отъ двери гроба, глагола женамъ».

«Тогда Іудее, слышавшіе сія (т.-е., услыхавъ, что упомянута снова Галилея), убояхуся зѣло и глаголаху: аще услышано будетъ слово сіе о Іисусѣ, яко возста отъ мертвыхъ, во всемъ мірѣ вси людіе имутъ вѣру ему и увѣ-

руютъ въ онь, и будемъ посрамлены отъ всѣхъ и поношеніе будетъ на насъ отъ сыновъ израилевыхъ во вѣки. И совѣтъ сотворше, собраша сребренники довольны, даша воиномъ и заповѣдаша имъ съ клятвою никому же рещи, яко воскресе Господь, но токмо глаголите: яко намъ, спящимъ, пріидоша ученики Іисусовы и украдоша тѣло его. *И аще услышано будетъ сіе у Игемона, яко мзду пріясте отъ насъ, мы умолимъ его и васъ безпечальны сотворимъ.* Они же вземше сребренники отъ Іудей, рекоша, яко же наущени быша отъ нихъ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но едва замолкаютъ сторожа, какъ появляются новые безпокойные разсказчики о новомъ чудѣ, если не больше, то во всякомъ случаѣ никакъ не меньше удивительномъ.

«*Священникъ* нѣкій именемъ *Финеесъ* и *Адда учитель*, и *Исаія Левитъ*, пріидоша отъ Галилеи во Іерусалимъ и повѣдоша архіереомъ и старцемъ и Левитомъ, яко *видѣши Іисуса на горѣ, нарицаемой Елеонъ*, и съ нимъ единадесятихъ ученикъ его, и учаше ихъ». «По сихъ же отступи Іисусъ отъ нихъ, благослови я и вознесся на небо. И се юноши два, свѣтомъ страшнымъ одѣяна, стали предъ народомъ, глаголюще: мужіе Галилейстіи, что стоите зряще на небо: имже образомъ видѣсте Его грядуща на небо, такожде паки пріидетъ судити міру».

Такимъ будто образомъ дошла въ Іерусалимъ первая вѣсть о вознесеніи, принесенная тремя поименованными еврейскими людьми, священникомъ Финеесомъ, учителемъ Аддою и Левитомъ Исаіею.

Сложилось цѣлое сказаніе, имѣющее начало и конецъ согласный съ началомъ! Іудеи встревожились и сейчасъ же принялись дѣйствовать съ усиленною энергіею. Надо скорѣе сбить или подкупить Адду, Финееса и Исаію Левита, чтобы они отреклись отъ своего разсказа.

«Тогда глаголаху архіерей и старцы: заклинаемъ вы

Богомъ живымъ рцыте: аще во истину тако бысть, якоже глаголете? Они же рѣша: живъ Господь Богъ, — яко же видѣхомъ, тако и возвѣстихомъ вамъ. Тогда архіереи и старцы, вземше писанія, закляша ни кому же возвѣстить сего и давше серебренники, повелѣша изысти ихъ даже до Виѳлеема, въ Галилею (?). И отъидоша кійждо во свояси».

Имъ дали денегъ, пригрозили никому не разсказывать и выслали всѣхъ порознь изъ столицы.

Такъ сбыли съ рукъ эту вторую серію очевидцевъ; но стало безпокойно, что если ужъ священникъ, и левитъ, и учитель разносятъ вредныя синагогѣ вѣсти, да еще присягаютъ, что это правда, и всѣмъ имъ надо «давать сребренники довольны», то до чего же это можетъ дойти? Тратамъ и конца не будетъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

«Тогда совѣтъ сотвориша, архіереи Анна и Каіафа, утѣшающе ихъ, и глаголаша: что скорбите, сія вся глаголы лжа суть. Ученицы бо Его купиша отъ воинъ тѣло Его и наустиша я рещи: яко ангелъ съ небеси сниде и отвали камень отъ дверей гроба: и сотвориша тако».

«Но Никодимъ, ста посредѣ и рече имъ: право ли глаголете, николи слышаста людей сихъ, пришедшихъ отъ Галилеи и не помниста ли, еже они возвѣстиша намъ? азъ же повѣмъ вамъ, яко праведни мужіе тіи и возвѣстиша, еже видѣша о Іисусѣ, яко сущу Ему на горѣ Елеонстѣй со ученики своими, *вознесся на небо. Точію не вѣмы, тако ли, яко же и о Исаіи пишется? яко съ плотію взятъ бысть на небо, или духомъ взятся* Іисусъ и отнесенъ на гору тѣмъ же убо подобаетъ намъ послати и поискати о немъ по всей странѣ».

«Тогда послаша мужей отъ среды своея, и возвращаеся тіи глаголюще: яко нигдѣ же обрѣтохомъ Іисуса; бывшимъ намъ во Аримаѳеи, обрѣтохомъ Іосифа. Іудеи же, слышавше сія, возрадовахуся радостію велію».

Не разыскавъ Христа, о которомъ говорили чудо, они обрадовались, что могли отыскать Іосифа, освобожденіе котораго изъ темницы молва также представляла чудеснымъ. Теперь представлялась возможность вызвать его въ Іерусалимъ и лично отъ него узнать, какъ онъ ушелъ изъ-подъ камня и печати? Старѣйшины надѣялись, что онъ разъяснитъ это какъ-нибудь просто, и тогда опроверженіемъ одного чудеснаго слуха ослабится вѣроподобность и того, что сказываютъ объ Іисусѣ.

Надо только было вызвать Іосифа въ Іерусалимъ, но пойдетъ ли онъ сюда изъ Аримаѳеи, гдѣ онъ безопасенъ?

Старѣйшины обращаются къ политическимъ пріемамъ, которые очень характерны.

«Іудеи посланіе написаша (къ Іосифу) съ моленіемъ великимъ—глаголюще: миръ ти и дому твоему: согрѣшихомъ предъ Богомъ и предъ тобою, честнѣйшій Іосифе. Злѣ бо въ темницу всадихъ тя. И нынѣ молимтися: потщися и пріиди паки во Іерусалимъ. Се бо раскаяхомся о тебѣ». «Потомъ избравше отъ среды своея седмь мужей честнѣйшихъ, ихъ же и самъ Іосифъ любляше, послаша ихъ, глаголюще: идите днесь ко Іосифу, и аще пріемлетъ отъ васъ писаніе наше, вѣдите, яко паки пріидетъ сѣмо, аще ли же ни, вѣдите, яко озлобихъ на ны и уже не ктому возвратится во градъ нашъ. Вы же цѣловавше его возвратитеся съ миромъ, и благословивше отпустиша я въ путь ихъ». «Послы пріидоша ко Іосифу, поклонишася ему и рѣша: миръ ти и всему дому твоему буди во вѣки. И отвѣща Іосифъ, рече: вамъ миръ, пришедшимъ издалеча, и всѣмъ людемъ Израилевымъ».

«Вземшу же посланіе Іосифу и прочетшу е, облобыза написанное и благослови Бога, рече: благословенъ Господь Богъ мой, иже посла ангела Своего и покры мя крылами благости своея».

«Тогда уготова Іосифъ трапезу и ядоша, и пиша, и почиша даже до утра. Возставшимъ же имъ повелѣ Іосифъ уготовати въ путь осла и всѣдъ на не, отъиде въ путь

свой въ Іерусалимъ. И бысть, егда вхождаше во Іерусалимъ, изыдоша іудеи во срѣтеніе его — глаголюще: миръ тебѣ господине Іосифе, Іосифъ же, цѣловавъ ихъ, рече имъ: буди и вамъ миръ». Тогда Іосифа «закляли на книгѣ закона» говорить правду: какъ онъ ушелъ изъ-подъ замка и печати.

«Глагола Іосифъ: мужіе братіе! вѣдомо вамъ буди, яко въ день той, внегда затвористе мя, пребыхъ тамо чрезъ всю нощь и день субботный, даже до другія нощи. О полунощи же (въ часъ воскресенія Христа), стоящи ми на молитвѣ, се верхъ темницы, въ ней же бѣхъ, взятся отъ мѣста своего, и отъятся отъ четырехъ углъ и видѣхъ свѣтъ предъ очима моима, и пристрашенъ быхъ азъ, и падохъ на землю, и воззрѣвъ, видѣхъ предъ собою стояща мужа, и той взятъ мя за руку и постави на нозѣ моя, и изведе изъ темницы. Тогда облобызавъ мя, рече: не бойся Іосифе и возведи очи твоя и виждь, кто есть глаголяй съ тобою. И пристрашенъ быхъ азъ, мняще духъ видѣти, и рѣхъ ему: кто еси Господи; Илія ли, или единъ отъ пророкъ? И отвѣщя ми глаголя: нѣсмь Илія, ни пророкъ, но Іисусъ есмь Христосъ; его же испросилъ еси у Пилата на погребеніе».

Такимъ образомъ надежды старшинъ услыхать отъ Іосифа опроверженіе тревожныхъ для нихъ слуховъ были разрушены и вмѣсто опроверженія они получили новое свидѣтельство отъ уважаемаго человѣка, что и онъ самъ видѣлъ Іисуса воскресшаго.

Для іудеевъ дѣло принимало самый отчаянный оборотъ, потому что Іосифа Аримаѳейскаго подкупить было невозможно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«Никодимъ и архіереи, и старцы», услыхавъ то, что сказалъ имъ Іосифъ, такъ испугались, что попадали ницъ, «и быша яко мертвіи, и не ядоша, не пиша даже до вечера». Первый поднялся Никодимъ, и «глаголя имъ: воз-

станите на нозѣ ваша, помолимся и вкусите отъ брашенъ и укрѣпитеся, яко суббота заутра есть». Старцы «возсташа и возмоша ясти», а перебывъ шабашъ, придумали вызвать изъ Галилеи тѣхъ трехъ человѣкъ, которые говорили, что они Христа видѣли, но однако позволили себя подкупить «взявше довольны сребренники». Разсадили ихъ порознь и стали сбивать на переспросахъ, а потомъ начали сводить вмѣстѣ на-очи.

«Они же исповѣдаша истину, яко же и первѣе свидѣтельствоваху о немъ».

Анна и Каіафа не хотятъ и слышать, но встаетъ Іосифъ и дѣлаетъ посылку на новыхъ лицъ, которыя со Христомъ ожили и встали изъ своихъ могилъ и *теперь живутъ снова.* Эти были уже въ аду и тамъ все видѣли.

«Внемлите, еже реку вамъ! говоритъ Іосифъ Аримаѳейскій: вѣсте Симеона, иже срѣте въ церкви и пріятъ Іисуса на руку свою, младенца суща. Сей имѣяше два сына, иже умроста уже (они уже умерли, а между тѣмъ), и видѣхомъ ихъ вси. Тецыте убо нынѣ и видите яко гробы его отворена суть, зане воскресоша (они уже ушли изъ гробовъ, и теперь) во Аримаѳеи суть въ молитвѣ и молчаніи пребывающе. Идемъ убо къ нима молящіе (и упросимъ ихъ), да пріидутъ сѣмо, и вопросимъ ихъ съ клятвою возвѣстите намъ, како воскресоста?» Іудее же, слышавше сія, возрадовашася зѣло и шедше Анна и Каіафа, Никодимъ, Іосифъ и Гамаліилъ ко гробу его (къ фамильной гробницѣ Симеона) и не обрѣтоша (не нашли тѣхъ двухъ его покойныхъ сыновей). Идоша же во Аримаѳей и обрѣтоша я колѣнопреклоненна молящася, и объемше и цѣловавше, ведоша въ Іерусалимъ въ Церковь. Затвориша же двери, пріемши скрижали Господни, возложиша на ня, и заклявше Господомъ Богомъ Адонаи и Богомъ Израилевымъ (подвели подъ присягу) и рѣша: рцыте нынѣ: аще вѣруете, яко Іисусъ воскреси вы отъ мертвыхъ, возвѣстите убо намъ: еже видѣста и како воскресоста? Каріинъ же и Лектій (сыны Симеоновы), слышавше сія, трепетна быста, и воз-

дохнувъ и воззрѣвъ на небо, вообразиста персты своими знаменіе креста, на языку своего рекоста: дадите хартію нама и напишемъ еже вѣма. Они же даша нма и возсѣдъ писаста».

Отсюда начинается разсказъ о происшествіяхъ во адѣ, списанный Каріиномъ и Лектіемъ, которые сами въ то время были въ аду и все сами, своими глазами видѣли, и своими ушами слышали, и оба собственными руками одно и то же слово въ слово на хартіи написали.

Вотъ это любопытное сказаніе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

«Сѣдящимъ намъ всѣмъ со отцы нашими въ преисподняхъ ада, во тмѣ кромѣшной, се внезапу свѣтъ, яко свѣтъ солнца и лучъ, яко лучъ огня облиста ны. Адамъ, отецъ земнородныхъ, и патріархи, и праотцы, трепетни быша, и рекоша: се лучъ отъ источника свѣта вѣчнаго. Всѣхъ прежде понялъ явленіе пророкъ Исаія. Онъ воскликнулъ: «сеи есть свѣтъ Отца и Сына Божія, якоже предрекохъ, сый на земли въ животѣ моемъ».

Всѣ засуетились.

Приходитъ Сѵмеонъ и сказалъ «боящимся»: «прославимъ Іисуса Христа, Сына Божія, его же азъ пріяхъ младенца суща, на руку мою». Едва Сѵмеонъ кончилъ, — выходитъ «мужъ во образѣ пустынножителя, и вси сущіи въ преисподняхъ (бросились къ нему и) вопросиша его глаголюще: рцы намъ, кто еси ты?» Пустынножитель отвѣчалъ: «азъ есмь гласъ вопіющаго въ пустынѣ — Іоаннъ Креститель и пророкъ Вышняго. Азъ видѣхъ Іисуса грядуща ко мнѣ и рекохъ о немъ Духомъ Святымъ: се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, тѣмъ же и нынѣ предтекохъ Ему и снидохъ возвѣстити вамъ; яко въ славѣ Сынъ Божій снидетъ съ высоты своея сѣмо».

Тотчасъ началось въ аду чрезвычайное оживленіе, всѣ спѣшили сообщать дошедшую до нихъ радостную новость

другъ другу, и стали посылать одинъ другого далѣе по всѣмъ областямъ ада. Такъ радостная вѣсть быстро дошла до самого Адама и тотъ сейчасъ «призва Сиѳа сына своего и глаголя ему: шедъ возвести сыномъ твоимъ патріархомъ и пророкомъ вся, яже слышалъ еси отъ архангела (sic), всегда болящу ми, послахъ тя ко вратомъ рая испросити помазаніе на главу мою». Сиѳъ пошелъ исполнять волю отца, и «приступи къ патріархомъ и пророкомъ и глагола имъ: азъ есмь Сиѳъ. Егда молихся у вратъ Рая (просилъ отцу лѣкарства), се ангелъ Господень явися мнѣ, глаголя: Сиѳе, да не проліеши нынѣ слезъ предъ Господемъ, не дастся бо тебѣ елей милосердія, во еще помазати главу отца твоего, въ болѣзни суща: нѣсть бо возможно сіе, послѣди же имѣетъ быти, внегда скончаются лѣта пять тысячъ и пять сотъ. Тогда возлюбленный Сынъ Божій пріидетъ на землю возвести Адама и воскресити съ нимъ тѣлеса умершихъ».

Тутъ всѣ святые, дожидавшіеся въ аду, обрадовались и, ободрившись духомъ, стали уже наступать на Князя Тьмы и гнать его вонъ изъ ада, чтобы Христу было не скверно сюда спуститься въ его присутствіи.

Сатана однако не выходилъ. Пророкъ и царь Давидъ поддержалъ общее движеніе толпившихся въ адѣ, возгласивъ: «не предрекохъ ли въ животѣ моемъ, яко изведе я изъ тьмы и сѣни смертныя, и врата мѣдная сокруши и вереи желѣзныя сломи». Но Сатана и царя Давида не слушался, — тогда отозвался пророкъ Исаія, глаголя: «и азъ предрекохъ въ животѣ моемъ; воскреснутъ мертвыи, возстанутъ сущіи во гробѣхъ, и вси земнородніи возрадуются!» Но Сатана и Исаію пророка не послушался.

Тогда въ аду сдѣлалось всеобщее движеніе и противъ Князя Тьмы раздался голосъ изъ иныхъ сферъ, откуда Князь Тьмы и самъ сообразить не можетъ.

«Се услышанъ бысть гласъ шуменъ — яко гласъ грома, глаголющъ: возьмите врата князя ваша и возмитеся врата вѣчныя, се бо входитъ Царь славы». Сатана впрочемъ и

тутъ все-таки еще продолжалъ упорствовать и обратился къ хитрости. «Князь адскій слышавъ сія, и творяй себѣ не разумѣти слышаннаго (притворился будто не понимаетъ) и рече: Кто есть сей царь славы?» --Давидъ отвѣща ему: — «Господь силенъ въ брани, той есть Царь Славы. Се Онъ пріиде съ высоты святыя своея: услышати воздыханіе окованныхъ и разрѣшити сыны умерщвленныхъ! Отверзай убо врата и внидетъ Царь Славы!»

Услыхавъ это, всѣ святые, патріархи и пророки еще болѣе обрадовались и заплескали въ восторгѣ ладошами. Шумъ радости и ликованія сдѣлался такъ великъ, что его услыхалъ самъ «Сатана — глава смерти», пришелъ самъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сатана сталъ говорить съ ласкою: «Се азъ готовъ есмь пріяти Іисуса Назарянина иже непщева себѣ на земли Сыномъ Божіимъ быти». Онъ мнѣ не опасенъ. Онъ боялся смерти и говорилъ: «прискорбна есть душа моя даже до смерти». Правда, что онъ дѣлалъ мнѣ много непріятностей (сотвори пакости мнози) тѣмъ, что исцѣлялъ тѣхъ, кого я поражалъ недугами, и воскресилъ много мертвыхъ, но это еще не страшно. Выходитъ, что Сатана не понималъ Іисуса Христа и судилъ о немъ не высоко, почитая его за смертнаго, и притомъ еще за такого, который боялся смерти и говорилъ: «прискорбна есть душа моя». Но Князь Тьмы хоть и меньше значитъ въ аду, чѣмъ Сатана, однако онъ оказался благоразумнѣе и осторожнѣе.

«Князь же ада отвѣща сатанѣ, глаголя: како можетъ сей такову власть имѣти; аще бо человѣкъ простъ былъ? вси бо владыцы міра сего подъ державою моею суть, ихъ же поработилъ ми еси силою твоею; сей же во истину силенъ есть и не токмо за человѣчество, но и за Божество, и никто власти его противостати можетъ. Еда же и рече сей, яко убояся смерти, не ими вѣры ему (если онъ и сказалъ, что боится смерти—то ты ему не вѣрь), злѣ-бо будетъ намъ отселѣ (худо намъ будетъ)».

Сатана же остался легкомысленникомъ, и «слышавъ сіе, отвѣща: — Онъ не можетъ противостать намъ, — я уже его искусилъ, возмутивъ противъ него ревностію и гнѣвомъ народъ Іудейскій, и Смерть прикоснулась къ нему. Не бойтесь, — я его приведу къ вамъ покорнаго».

Князь Тьмы опять сдерживаетъ пылкость Сатаны.

«Глагола Князь Тьмы: не сей ли, иже Лазаря воздвиже четверодневна, его же азъ держахъ мертва? заклинаю тя силою нашею, да не приведеши его семо: яко се Богъ-Вседержитель есть, и можетъ творити вся яко же хощетъ».

А пока они между собою это переговорили, «се абіе слышанъ гласъ бысть, яко гласъ грома и бури: возмите врата князи ваша, се бо входитъ Царь славы».

Испуганный Князь Тьмы закричалъ Сатанѣ: «бѣжи скорѣй и удались отъ жилищъ адовыхъ, а если ты силенъ, то сразись съ нимъ!»

Но увидавъ, что Сатана все храбрится и хочетъ самъ ввести Христа въ адъ, Князь Тьмы разсердился «и изгна Сатану отъ жилищъ своихъ и глагола клевретомъ своимъ: заключите (заприте скорѣе) врата мѣдная и противостаните». И только что Князь Тьмы успѣлъ сдѣлать это распоряженіе, какъ «Господь въ велелѣпіи Божества и во образѣ человѣчестѣмъ вниде и осія тьму вѣчную и узы нерѣшимыя расторже».

«Тогда Смерть со клевреты своими объята бысть ужасомъ и возопи: побѣждени есьмы тобою, яко смятеніе вселилъ еси въ насъ!»

«Тогда Господь славы поверже смерть къ ногу своею, и Князя адова обезсили, и возведь отца земнородныхъ къ свѣту». Что собственно и изображается по «подлиннику» на иконѣ «Воскресенія съ сошествіемъ».

Обезсиленный Князь Тьмы не сопротивлялся, но «началъ укоряти Сатану: о сатано! Что восхотѣлъ еси распяти Царя славы! Не вѣси ли нынѣ, яко безуменъ еси! (узналъ ли теперь, что ты глупъ)».

Ссора и перекоръ у Князя Тьмы съ Сатаною вышли на

виду у всѣхъ, и самого Іисуса Христа, который въ это время отозвался съ словомъ къ Князю Тьмы.

«Глагола Вельзевулу: отнынѣ да будетъ Сатана во власти твоей во вѣкъ, и поработаетъ ти во Адама мѣсто и сыновъ его, иже кровію моею оправдишася».

Этимъ Спаситель кончаетъ съ Сатаною и обращается къ настрадавшимся въ аду праотцамъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Простеръ Іисусъ десницу свою, глаголя: пріидите ко мнѣ вси святіи, созданныя по образу моему, иже осуждени бывше преступленіемъ заповѣди, еже о древѣ — оживитеся нынѣ древомъ креста моего. Князь-бо міра сего осужденъ есть и смерть попрана».

«Тогда вси святіи собрашася подъ-руку Всевышняго: «Господь же держа десницу Адама, глагола ему: миръ ти и чадомъ твоимъ».—Этотъ и послѣдующіе эпизоды изображаются на истовыхъ иконахъ «Воскресенія съ сошествіемъ».

«И припаде Адамъ къ колѣнома Господа Іисуса Христа, моли его со слезами, глаголя: вознесу тя Господи, яко подъялъ мя еси и возвелъ еси отъ Ада».

«Такожде и вси святіи, припадше къ ногу Іисусову, Господь же простре десницу, сотвори знаменіе креста надъ Адамомъ и надъ родомъ его и вземъ за руку Адама, изведе отъ ада и вси святіи съ нимъ». Это и есть тотъ ходъ въ нѣсколько разъ обороченною вереницею, которая занимаетъ средній планъ иконы.

«Царь и пророкъ Давидъ» какъ только тронулись, запѣлъ: «Воспойте Господеви пѣснь нову». Святые отвѣчали антифонами: «Слава сія будетъ всѣмъ преподобнымъ Его». «По семъ же пророкъ Аввакумъ возопи: «исшелъ еси во спасеніи людей твоихъ, спасти помазанныя твоя». Святые на отвѣтъ Аввакуму запѣли: «Благословенъ грядый во имя Господне». И такъ: «вси святіи и пророцы» прослѣдовали изъ ада въ рай съ пѣніемъ «хвалу воздающе и идоша во слѣдъ Господа».

«Держай Господь руку Адама, введе его Архангелу Михаилу и вси идоша съ нимъ, и со славою введени быша въ рай».

Но и въ раю начинается то же недоумѣніе: тамъ тогда было всего только два обитателя, Енохъ и Илія, и они удивились, что это за огромное нашествіе и кто его ведетъ. «Два старца стаста предъ ними (пришельцами изъ ада) и вопросиша ихъ святіи: кто еста, не бо бѣста съ нами во Адѣ. Единъ же отъ нихъ отвѣщавъ: азъ есмь Енохъ, а сей Илія Ѳезвитянинъ».

«Егда же Енохъ и Илія глаголаста сія, пріиде мужъ нѣкій страненъ, носяй крестъ на рамѣ своей, и святіи вопросиша его: Кто сей? зракъ разбойника имый, и чесо ради носиши крестъ на рамѣ своей?»

«Онъ же отвѣща: во истинну разбойникъ есмь, много бо зла сотворихъ на земли, и со Іисусомъ распятъ бѣхъ, и даде ми крестъ свой—глагола: иди, и аще ангелъ, иже при вратѣхъ рая, воспретитъ ти входъ, яви ему крестъ и рцы: яко Іисусъ Христосъ, днесь распятый, присла мя къ тебѣ».

Этотъ «ст. Рахъ разбойникъ» или по неправильному обозначенію титла «Страхъ разбойникъ», или «Благоразумный разбойникъ» (котораго видимъ на картинѣ Ге) и у самыхъ воротъ рая дожидается съ крестомъ на ладони.

«Скончавшу же разбойнику глаголы сія, вси патріарси и пророци возопиша гласомъ веліимъ: Боже Вседержителю! устрой убо ему милость Твою въ рай, и постави его въ животѣ вѣчнемъ».

Этимъ оканчивается рукописаніе на хартіяхъ, на которыхъ писали сыновья Сѵмеона, бывшіе очевидцами событій въ аду. Рукопись, которую они дали еврейскимъ архіереямъ, заключалась слѣдующимъ заявленіемъ:

«Сія убо суть священная и божественная таинства, яже мы, Каріинъ и Лектій и вси сущіи тамо видѣхомъ; прочее же возбрани намъ возвѣщати (прочаго же что еще видѣли, мы открыть не можемъ), якоже яви намъ архан-

гелъ Михаилъ, повелѣвый намо идти съ братіею нашею во Іерусалимъ». Егда же скончa кійждо писати сія, вдаде Каріи писанное Аннѣ, Каіафѣ и Гамаліи, Лектій же Никодиму и Іосифу, и внезапу преобразистася предъ ними, и бѣста бѣла яко снѣгъ, и невидима бѣста. Писаніе же обою равно бѣ, и *неразличествова ни въ единомъ словеси*. Тогда весь сонмъ Іудейскій, видѣвъ сіе, дивися, и глагола другъ ко другу: во истину Сынъ Божій есть, сотворивый сія. И изыдоша отъ сонмища, плачуще и біяще перси своя, и отъидоша во свояси. Іосифъ же и Никодимъ возвѣстиста Игемону вся бывшая и написа сія Пилатъ и положи въ кивотѣ».

Вотъ почему на нѣкоторыхъ старыхъ лубочныхъ изображеніяхъ «суда» вмѣстѣ съ «старѣйшинами іудейскими» сидитъ Пилатъ въ эпанчѣ, въ узкихъ штанцахъ въ обтяжку и въ шляпѣ съ перомъ въ родѣ атаманской. Тамъ же обозначается какой-то сундучокъ, въ которомъ повидимому нѣтъ никакого смысла, если не знать, что онъ спрятанъ въ «кивотѣ».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

«Вниде Пилатъ въ церковь и собравъ архіереи и книжники, повелѣ заключить двери и глагола: увидѣвъ, яко имаше книгохранительницу церковную, сего ради заклинаю вы Богомъ отецъ вашихъ, не сокройте правды отъ мене, рцыте ми, еда-ли въ писаніи обрѣтаете, яко Іисусъ, его же распясте, Сынъ Божій бѣ? Тогда повелѣста Анна и Каіафа изыти изъ церкве всѣмъ, и заключивше двери, рекоста Пилату: егда распяхомъ Іисуса, не вѣдѣхомъ его Сына Божія быти, мняще яко волхвованіи знаменія творяше. Таже по смерти его поискахомъ о еже содѣла; и обрѣтохомъ свидѣтелей мнозѣхъ отъ колѣна нашего, иже видѣша его жива по страданіи и смерти; и сами видѣхомъ двою свидѣтелю, ихъ-же воскреси Іисусъ отъ мертвыхъ. Тіи бо возвѣстиша намъ дивная чудеса, яко сотвори Іисусъ во адѣ; обычай-же имамы на всяко лѣто искати

отъ писаній свидѣтельства Божія, и обрѣтохомъ въ первой книзѣ толкованій, яко глагола архангелъ третьему сыну Адама, яко по пяти тысящахъ и пятистахъ лѣтѣхъ, имать пріити съ небесе взлюбленный сынъ Божій Христосъ; и разумѣхомъ, яко той есть Богъ Израилевъ».

Такимъ образомъ даже и для помѣщенія Пилата сидящимъ въ собраніи съ архіереями и старѣйшинами іудейскими есть письменное основаніе, къ которому первые компановщики иконы «суда» и «сошествія», конечно, отнеслись съ полнымъ довѣріемъ и критиковать его не могли, да вѣроятно, и не желали.

Сюжетъ этотъ какъ вошелъ въ иконописный «подлинникъ», такъ и сталъ воспроизводиться, и почитался до церковной реформы за «правильное». Послѣ реформы, когда старое стали почитать за неправильное, новые «фрязьскіе мастера» начали писать икону «Воскресенья» иначе.

Апокрифъ же этотъ, изъ котораго сдѣланы выписки, объясняющія кажущуюся произвольность фантазіи русскихъ иконописцевъ, весьма многимъ изъ простолюдиновъ извѣстенъ, и вотъ что я напримѣръ помню о распространеніи его во время всеобщаго безграмотства среди самыхъ темныхъ, крѣпостныхъ крестьянъ въ Орловской губерніи.

Въ селѣ Добрыни, гдѣ я проводилъ дѣтство, былъ діаконъ на дьячковской вакансіи. Онъ получилъ свое скромное мѣсто въ приданое за женою, бывшею дочерью уніатскаго попа или распопа, по имени Фока. Отецъ Фока былъ «изъ непокорныхъ уніатовъ». Впрочемъ всѣ данныя для исторіи Фоки у насъ ограничивались тѣмъ, что онъ «съ митрополитомъ Сѣмашкой былъ въ школѣ товарищъ и вмѣстѣ съ нимъ на православіе подписался, но не захотѣлъ «долгихъ косъ носить», и такъ заспорилъ, что сказалъ: «я тебя переживу». Сѣмашко же будто отвѣчалъ Фокѣ: «а я тебя на высылъ представлю» Каждый и началъ доказывать другъ другу то, чѣмъ грозился. Сѣмашко удалилъ Фоку съ мѣста

и «представилъ на высылъ», а Фока пошелъ его «переживать». Высылъ Фокѣ вышелъ изъ Виленской губерніи въ Орловскую, гдѣ о ту пору былъ архіерей изъ южныхъ уроженцевъ,—нерасположенный къ Антонію Сѣмашкѣ. Это стеченіе обстоятельствъ послужило въ пользу Фокѣ: архіерей узналъ о бѣдственномъ положеніи голодавшаго «недовѣрка» — и «предоставилъ одной изъ его дочерей дьяческую ваканцію въ селѣ». Но этимъ еще владыка орловскій не окончилъ свою укоризну Сѣмашкѣ, а взялъ да и произвелъ Фокина зятя изъ дьячковъ въ дьяконы. Самъ же Фока какъ-то совсѣмъ отпалъ духовнаго чина, ходилъ въ «сурдутѣ» и обучалъ латинскому языку и другимъ наукамъ дѣтей у нашего предводителя, а потомъ оставался у него «вольнымъ секретаремъ». Что касается духовныхъ правъ отца Фоки, то никто не зналъ, какъ на этотъ счетъ располагать о немъ. Приходскіе батюшки не отчисляли Фоку ни къ приказнымъ, ни къ благороднымъ, но въ отличіе отъ себя называли его «распопомъ», а мужики, слышавшіе, что онъ «уніатъ» — безъ дурной мысли именовали его «тунеядомъ».

У Фоки была изрядная библіотека, въ которой находилось много книгъ почаевской и гродненской славянскихъ типографій и нѣсколько рукописей,—извлеченій и переводовъ, сдѣланныхъ самимъ отцомъ Фокою.

Когда Фока умеръ и библіотека его перешла къ его зятю діакону на дьяческой вакансіи, — тотъ устроилъ литературное сокровище Фоки сообразно своему усмотрѣнію, и только одну рукопись оставилъ себѣ «для душевной пользы», а польза заключалась въ томъ, что въ пасхальную ночь, когда дворяне, ихъ дѣти, дворовые люди и мужики, боясь ночной темноты и распутицы, прибывали изъ деревень къ церкви съ вечера и въ ожиданіи заутрени размѣщались по домамъ на поповкѣ, — тогда каждый годъ въ ригѣ у діакона составлялось прелюбопытное чтеніе, за удовольствіе слушать которое всякій «слухачъ» долженъ былъ дать три копейки на свѣчку.

Тутъ мы и получали о предстоящемъ часѣ воскресенія Христова такія любопытныя свѣдѣнія, какихъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не получишь. И вотъ зато теперь намъ странно и смѣшно слышать, что чужестранцы толкуютъ, будто самая любимая икона русскаго народа «пишется по фантазіи художника», а бывшіе въ ту пору въ Парижѣ писатели наши не нашлись это поправить. Пусть однакоже хоть далѣе не думаютъ такъ ошибочно наши просвѣщенные люди, которымъ не пришлось раньше узнать объ этомъ.

Оглавленіе XII тома.

стр.
Зимній день. Пейзажъ и жанръ 1
Разсказы кстати. Изъ литературныхъ воспоминаній.
1) Дама и Фефёла 69
2) Загонъ. 120
Продуктъ природы 157
Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. Изъ дѣлъ сибирской старины. Разсказъ 176
Вдохновенные бродяги. Удалецкія «скаски». 239
Некрещеный попъ. Невѣроятное событіе. Легендарный случай. Разсказъ 280
Владычный судъ. Быль. Изъ недавнихъ воспоминаній. Pendant къ разсказу «На краю свѣта» 340
Язвительный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній. Разсказъ чиновника особ. порученій 407
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу 430
Сошествіе во адъ. Апокрифическое сказаніе 447

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведеній, напечатанныхъ во всѣхъ двѣнадцати томахъ «Полнаго собранія сочиненій Н. С. Лѣскова».

СТРАН.

А.

Александритъ. Разсказъ. Томъ VII 518
Антука. Разсказъ. Томъ V 417
Аскалонскій злодѣй. Происшествіе въ Иродовой темницѣ. Т. X. 221

Б.

Безстыдникъ. Разсказъ. Томъ VI. 323
Бѣлый орелъ. Фантаст. разсказъ. Томъ V 559

В.

Вдохновенные бродяги. Удалецкія «скаски». Томъ XII . . 239
Владычный судъ. Быль. Изъ недавнихъ воспоминаній. Pendant къ разсказу «На краю свѣта». Томъ XII 340
Воительница. Очеркъ. Томъ V. 221

Г.

Голосъ природы. Разсказъ. Томъ VII 565
Гора. Египетская повѣсть. Томъ X 1
Грабежъ. Разсказъ. Томъ V 368

Д.

Дама и Фефёла. Разсказъ. Томъ XII 69
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу. Томъ XII 430

СТРАН.

Дурачокъ. Разсказъ. Томъ XI 304
Духъ госпожи Жанлисъ. Случай. Томъ VII. 194

Ж.

Жемчужное ожерелье. Разсказъ. Томъ VII. 4
Жидовская кувырколегія. Разсказъ. Томъ VII. 160

З.

Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ. Т. VII. 534
Загадочный человѣкъ. Истинное событіе. Томъ VIII . . . 1
Загонъ. Разсказъ. Томъ XII. 120
Запечатлѣнный ангелъ. Разсказъ. Томъ I. 449
Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протозановыхъ. Томъ VI 1
Звѣрь. Разсказъ. Томъ VII 33
Зимній день. Пейзажъ и жанръ. Томъ XII. 1

И.

Импровизаторы. Картинка съ натуры. Томъ XI. 269
Инженеры безсребренники. Разсказъ. Томъ II. 176
Интересные мужчины. Разсказъ. Томъ VII. 416

К.

Кадетскій монастырь. Разсказъ. Томъ II 59
Колыванскій мужъ. Разсказъ. Томъ V. 449
Котинъ доилецъ и Платонида. Разсказъ. Томъ VI. . . . 434

Л.

Левъ старца Герасима. Легенда. Томъ X. 211
Легенда о совѣстномъ Данилѣ. Томъ X. 103
Легендарные характеры. Опытъ систематическаго обозрѣнія. Томъ XI. 390
Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда. Очеркъ. Томъ V. . . . 313
Лѣвша. Сказка. Томъ II. 243

М.

Маленькая ошибка. Разсказъ. Томъ VII 230

Н.

На краю свѣта. Разсказъ. Томъ I. 369
На ножахъ. Романъ (начало). Ч. I, II и III. Томъ VIII. . . 127

СТРАН.

На ножахъ. Романъ (окончаніе). Ч. IV, V, VI и эпилогъ. Томъ IX 1
Невинный Пруденцій. Легенда. Томъ XI. 313
Некрещеный попъ. Невѣроятное событіе. Разсказъ. Томъ XII. 280
Некуда. Романъ. Томъ IV. 1
Неразмѣнный рубль. Разсказъ. Томъ VII. 22
Несмертельный Голованъ. Разсказъ. Томъ II 121
Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Біографическій очеркъ, составленный Р. Сементковскимъ. Томъ I. V

О.

Обманъ. Разсказъ. Томъ VII 104
Обойденные. Романъ. Томъ III. 1
Овцебыкъ. Разсказъ. Томъ VI 247
Однодумъ. Разсказъ. Томъ II 6
О квакереяхъ. Post-scriptum къ «Юдоли». Томъ XI 259
Островитяне. Повѣсть. Томъ III 347
Отборное зерно. Трилогія. Томъ VII. 74
Очарованный странникъ. Разсказъ. Томъ II 281

П.

Печерскіе антики. Воспоминаніе. Томъ II 318
Пигмей. Разсказъ. Томъ II 43
Пламенная патріотка. Разсказъ. Томъ V. 599
Повѣсть о богоугодномъ древоколѣ. Томъ X 124
Полунощники. Пейзажъ и жанръ. Томъ XI 32
Прекрасная Аза. Легенда. Томъ X 130
Прибавленіе о Бобровѣ. (Кадетскій монастырь). Томъ II . . 96
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. Томъ VII 57
Продуктъ природы. Разсказъ. Томъ XII 157
Пугало. Разсказъ. Томъ VII 239
Пустоплясы. Святочный разсказъ. Томъ XI. 290
Путешествіе съ нигилистомъ. Разсказъ. Томъ VII 221

Р.

Ракушанскій меламедъ. Разсказъ на бивуакѣ. Томъ V . . 518
Русскій демократъ въ Польшѣ. Разсказъ. Томъ II. . . . 101

С.

Сибирскія картинки XVIII-го вѣка. Разсказъ. Томъ XII . 176
Сказаніе о Ѳедорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ. Томъ X 289

СТРАН.

Скоморохъ Памфалонъ. Легенда. Томъ X 144
Смѣхъ и горе. Сатирическіе очерки. Томъ V 1
Соборяне. Хроника. Томъ I 1
Совмѣстители. Разсказъ. Томъ VII 327
Сошествіе во адъ. Апокрифическое сказаніе. Томъ XII. . . 447
Старинные психопаты. Разсказъ. Томъ VII. 365
Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ. Очерки. Томъ VI . . 338
Старый геній. Разсказъ. Томъ VII 210

Т.

Таинственныя предвѣстія. Разсказъ. Томъ VII 483
Томленье духа. Разсказъ. Томъ VI 506
Тупейный художникъ. Разсказъ на могилѣ. Томъ VI . . . 480

У.

Умершее сословіе. Воспоминаніе. Томъ VII 550

Ф.

Фигура. Разсказъ. Томъ VII 297

Ч.

Часъ воли Божіей. Сказка. Томъ XI 1
Человѣкъ на часахъ. Разсказъ. Томъ II 433
Чертогонъ. Разсказъ. Томъ II 584
Чортовы куклы. Главы изъ неоконченнаго романа. Томъ X . 418

Ш.

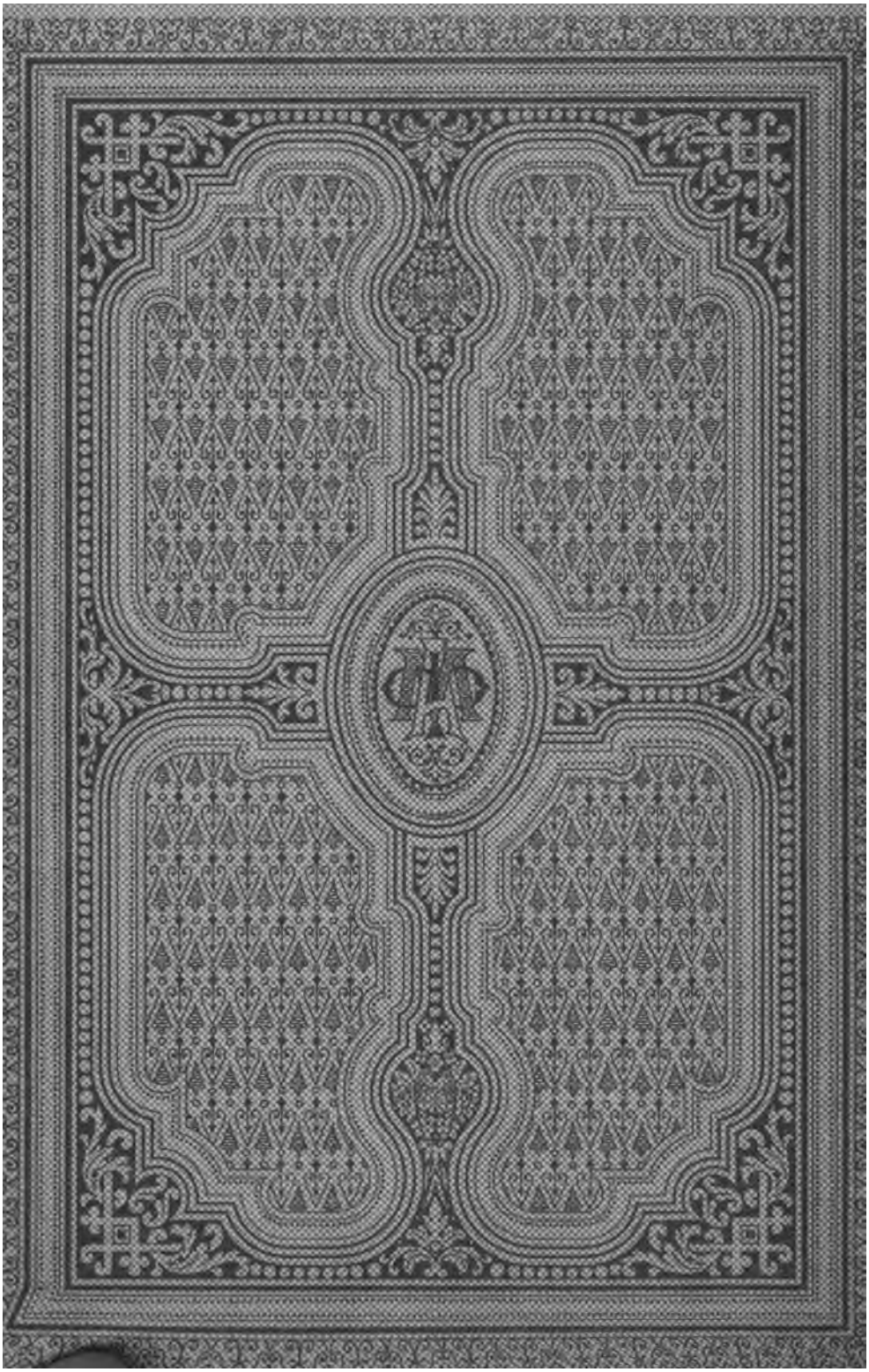
Шерамуръ. Разсказъ. Томъ II 455
Штопальщикъ. Разсказъ. Томъ VII 142

Ю.

Юдоль. Рапсодія. Томъ XI 149

Я.

Язвительный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній. Разсказъ. Томъ XII. 407



Stanford University Libraries
3 6105 002 387 038

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

DOC JUN 2 4 1997
JUN 1 4 1997
MAR 0 9 1998
JUN 2 0 1998